

В. А. Голобуцкий

Запорожское
Казачество

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

УДК/Б.а.
Г61

V

УЧГ

Г-61

В. А. Голобуцкий

Запорожское казачество

ГОРОДСКАЯ
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
№ 3

ГОРОДСКАЯ
Детская Библиотека № 3

507.97
104.904

Государственное издательство
политической литературы УССР
Киев 1957

1977
137

КАДАСТРОВИ
СЛОВНОКОСЛОВИ

104907

Академія Наук УРСР
НАУКОВА БІБЛІОТЕКА
Інститут історії

Книжка
з історії України

ВВЕДЕНИЕ

Вряд ли можно назвать другую проблему, связанную с изучением далекого прошлого украинского народа, которая была бы предметом таких ожесточенных споров, такой острой борьбы мнений, как история запорожского казачества. Этой проблеме посвящены многочисленные сочинения, специальные и популярны́е, исторические и литературные, произведения изобразительного искусства, драматургии, музыки, устного народного творчества и т. д.

Попытку изложить и объяснить отдельные моменты истории запорожского казачества предприняли уже в XVI—XVII вв. польские шляхетские историки — Мартин Бельский, Александр Гвагнин, Павел Пясецкий, Веспасиан Коховский, Самуил Твардовский и др. Особый интерес представляет хроника М. Бельского (1494—1575). Современник основания Запорожской Сечи. Бельский оставил нам ряд важных замечаний и наблюдений. Бельский видел в казаках крестьян — «хлопов», стремившихся к уничтожению крепостнических порядков. В его сочинении, как и в произведениях других шляхетских хронистов, сказалась ненависть польского панства к показавшемуся украинскому крестьянству и мещанству, боровшимся против социального и национального гнета.

Версия о «хлопском» происхождении казачества, высказанная польскими шляхетскими историками в XVI и первой половине XVII в., не могла, конечно, встретить сочувствия у первых украинских дворянских авторов — идеологов казацкой старшины и украинского шляхетства; она встретила с их стороны резкий протест. При этом спор, разгоревшийся вокруг этого вопроса, носил, разумеется, далеко не абстрактный характер. Он отражал определенные, конкретные интересы обеих сторон.

Украинские дворянские авторы, писавшие свои сочинения по истории казачества уже после воссоединения Украины

с Россией, стремились обосновать, прежде всего, права казацкой старшины и украинского шляхетства на феодальные привилегии. Одним из первых сочинений такого рода была летопись Григория Грабянки (ум. в 1734 г.). Грабянка с возмущением отвергает домыслы польских авторов, производивших название «козак» «от коз диких... яко тем скоростью до брани соравняются и тех ловом наипаче упражняются»¹. Грабянка ведет происхождение казаков от «козар» — «скифов», некогда, по его словам, обитавших в Средней Азии, а во время монголо-татарского нашествия перешедших на Украину. Примечательно, что Грабянка считает козар не столько отдельным народом, сколько сословием. Козары, замечает он, проводили время не в труде, а в постоянных воинских упражнениях, и со времени переселения на Украину стали называться казаками. После захвата Украины польскими и литовскими панями казаков стали принуждать к отбыванию разных непривычных работ и повинностей. Но казаки, «иже бяху от... воинского чина отдревле и мечем упражняхуся, а не роботним игом»², предпочли удалиться за днепровские пороги. Так Грабянка объясняет происхождение запорожского казачества, под которым, однако, понимает реестровое казацкое войско.

И на новых местах казаки, по Грабянке, продолжали заниматься, по преимуществу, военным делом — «морским на бусурман разбоем» и т. д. Увидев храбрость запорожцев, польские короли начали приглашать их на государственную службу. Более того, даже самые родовитые паны стали считать честью для себя предводительствовать храбрыми казацкими дружинами: «И сих ради славних их военных дел, — замечает Грабянка, — не возгнушались им быти Гетманами великородных сенаторских домов знатные люди... Предслав Лянцкоронский... Дмитрий Князь Вишневецкий... Евстафий Князь Ружинский»³.

Последователем Грабянки во взглядах на историю казачества был П. И. Симоновский (род. в 1710 или 1711 г.). Свое произведение «Краткое описание о казацком малороссийском народе» Симоновский закончил в 1765 г. Он уже решительно отвергает всякие попытки этимологического объяснения термина казак. Казаков Симоновский считает, как и Грабянка, потомками особого издревле существовавшего славянского народа, известного во времена Киевской Руси под названием «касогов, или лучшим Российским произношением назвать Козаков»⁴. Казаки, утверждает без всякого на то основания Симоновский, были известны уже в 1021 г. князю Мстиславу Владимировичу.

¹ Летопись Григория Грабянки, К., 1854 г., стр. 15. В данном случае Грабянка имеет в виду В. Коховского (1630—1699 гг.), заимствовавшего свой взгляд у П. Пясецкого (1579—1642 гг.).

² Там же, стр. 18.

³ Там же, стр. 20—21.

⁴ П. Симоновский, Краткое описание о казацком малороссийском народе, М., 1841 г., стр. 2.

Взгляды Симоновского на происхождение казачества являются сравнительно с воззрениями Грабянки более сложными. После захвата Киева Литвой в 1320 г., пишет Симоновский, казаки вынуждены были «оставить дома свои и искать поселения себе в Низу на Днепре». На первых порах казаки жили в Южном Поднепровье в виде малоорганизованной, аморфной массы. Однако вскоре в низовья Днепра стала переселяться также украинская шляхта, подвергшаяся, вопреки своему ожиданию и в нарушение выданных великим князем литовским универсалов, притеснениям со стороны литовских захватчиков. Украинская шляхта, по словам Симоновского, была тем элементом, который содействовал окончательному оформлению казачества как военного сословия. Отныне казачество, подобно западноевропейским рыцарским орденам (например орден св. Иоанна), всецело посвящает себя борьбе с «неверными» — турками и татарами. В это время, уверяет Симоновский, казачество было строго однородным сословием, не знавшим социальных различий в своей среде. «Те Малороссийские Козаки, — заявляет он, — все были тогда одни и различия между ними не было ни какова»¹.

Исключительные заслуги казачества в этой борьбе побудили польского короля Сигизмунда I взять на службу «оттуда некоторую часть того великого народа»². Отобранные правительством казаки были поселены в центральных частях страны, по среднему течению Днепра, получив при этом земли и шляхетские привилегии. Казаки, т. е. привилегированная верхушка реестра, верой и правдой служили Литве и Польше³. Предводителями казаков, их гетманами, были всегда, утверждает Симоновский, люди знатного происхождения. Чтобы хотя несколько примирить свои искусственные построения с историческими фактами, Симоновский объявляет появление таких «мятежных» гетманов, как Наливайко, Павлюк и др., делом чисто случайным и вынужденным обстоятельствами⁴.

Как ни завуалирована классовая, дворянская направленность сочинений Грабянки и Симоновского, она, тем не менее, выступает с полной отчетливостью.

Свое дальнейшее развитие взгляды на происхождение казачества получили в известном анонимном произведении второй половины XVIII в. — «Истории Русов». В отличие от Грабянки и Симоновского автор «Истории Русов» считает, что казаки — это славянские воины и что от козар они заимствовали не более, как свое название. Этим автор стремится обосновать мысль об исконном существовании казачества: «сие название, — читаем

¹ П. Симоновский, Краткое описание о козацком малороссийском народе, стр. 4.

² Там же.

³ Там же, стр. 14.

⁴ Там же, стр. 10.

в «Истории Русов», — получили наконец и все войны славянские»¹.

Казаками, иначе славянскими воинами, или рыцарями, уверяет автор этого сочинения, могли быть лишь «избранные», причем звание это передавалось по наследству. То обстоятельство, что древние письменные памятники не сохранили упоминаний о казаках, вследствие чего создается впечатление, будто они «с неба опустились и в землю вошли», автор «Истории Русов» считает достойным сожаления. В то же время он с чувством негодования и возмущения говорит о тех, кто утверждает, будто казаки вовсе не рыцари по своему происхождению, а восставшие против крепостнических порядков крестьяне². Свой взгляд на генеалогию казачества автор стремится обосновать чисто логическим путем. У каждого народа, рассуждает он, есть свое сословие воинов, так как полагаться на иноземцев небезопасно. Эти войны в зависимости от местных обстоятельств назывались то жолнерами, то стрельцами, то янычарами. Почему же, вопрошает он, в таком случае за украинским народом отрицается право иметь своих воинов и называть их по-своему? Между тем на Украине, ведь, тоже были свои воины, причем конные из них назывались казаками — «по легкости их коней, уподобляющихся козьему скоку», а пешие сердюками — «по сердцу или запальчивости»³.

Мысль о принадлежности казаков к классу феодалов автор «Истории Русов» стремится подкрепить ссылкой на то, что они, подобно другим разрядам привилегированных служилых людей в Речи Посполитой, владели землями и крепостными с правом передачи их по наследству⁴. Эти права подтверждались каждым из польских королей немедленно после вступления на престол. Значительное место в своем сочинении автор «Истории Русов», как и Грабянка, уделяет казацким гетманам, которых он считает «организаторами» украинского казачества. Первый из них, по его мнению, «избранный от рыцарства» Предслав Лянцкоронский, зять кн. Острожского и свойственник самого короля, является организатором Сечи Запорожской. За Лянцкоронским следует Дмитрий Вишневецкий, который прославился якобы «гражданскими добродетелями... возбуждая народ к трудолюбию, торговле и хозяйственным заведениям... и за то всеми почтен отцом народа»⁵ и т. д. Запорожская Сечь рассматривается автором «Истории Русов» как пограничная застава против татар, уч-

¹ История Русов или Малой России, М., 1846 г., стр. 2.

² Там же, стр. 18. Как истый крепостник, автор «Истории Русов» отзывается о беглых крестьянах-казаках с крайним презрением.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 7. Казаки «имели вечною собственностью своею земли с угодьями, а посполитством владели по правам и рангам, и повинность посполитых была установлена правами. А владевшие посполитством считались отчичами, или вотчинниками».

⁵ Там же, стр. 14.

режденная польско-литовским правительством из украинского рыцарства. Возглавляли Сечь представители виднейших магнатских родов, подчинявшиеся «малороссийскому гетману»¹.

Через всю «Историю Русов» проходит идея о независимости украинского «рыцарства» — казачества, свободно, по своему желанию служившего либо литовскому великому князю, либо польскому королю, либо русскому царю. В значительной своей части это сочинение является панегириком гетманам и старшине. Причину восстаний против Речи Посполитой в XVI — первой половине XVII в. автор «Истории Русов» видит не в угнетении народных масс польскими и украинскими феодалами, а в утеснении, прежде всего религиозном, старшины и реестрового казачества польскими панами. Такие предводители народных масс, как Косинский, Наливайко, Тарас Федорович, Павлюк и др., были, по его мнению, борцами не против феодально-крепостнического гнета, а лишь против иноземных и иноверных утеснителей; при этом они неизменно сохраняли верность польским королям².

Автор «Истории Русов» приветствует воссоединение Украины с Россией как важный исторический акт. Но и тут он сосредоточивает свое внимание на том вопросе, который является основным стержнем его произведения: принимая Украину под свою власть, царь, уверяет он, уравнивал в правах казацкую старшину и украинское шляхетство с русским боярством и дворянством, подтвердил те привилегии, которыми они пользовались при польских королях³.

Г. Грабянка, П. Симоновский и автор «Истории Русов», несмотря на частичные различия во взглядах на происхождение и роль казачества, сходны в одном — в стремлении утвердить мысль о том, что казачество, под которым они разумели главным образом старшину, является древним рыцарским украинским сословием. В период после воссоединения Украины с Россией эта «теория» должна была обосновать право казацкой старшины и украинского шляхетства на все феодальные привилегии, т. е. на уравнивание в правах с российским дворянством. Этот вопрос приобрел для старшины и украинского шляхетства особую остроту после ликвидации гетманства на Украине в 1764 г.

Взгляды Грабянки, Симоновского, а также автора «Истории Русов» мы старались рассмотреть сравнительно подробно лишь потому, что они оказали большое влияние на последующую не только дворянскую, но и буржуазную историографию.

Последние десятилетия XVIII в. характеризуются усилением феодально-крепостнического и национального гнета в России и на Украине. Это привело к росту классовой борьбы, нашедшей

¹ История Русов или Малой России, стр. 14.

² Там же, стр. 33, 39 и др.

³ Там же.

свое яркое выражение в крупнейшем в истории нашей страны крестьянском восстании под руководством Емельяна Пугачева (1773—1775 гг.), нанесшем сильный удар по феодально-крепостническому строю. После подавления восстания царское правительство вступило на путь кровавой расправы с народными массами, в том числе с низами казачества. Казачьи области — Дон, Яик, Запорожье и др. в течение веков являлись очагами страстного протеста против крепостного гнета. Казачество дало русскому и украинскому крестьянству отважные и опытные в военном деле кадры, таких неустрашимых и талантливых предводителей крупнейших народных восстаний в истории нашей страны, как И. Болотников, С. Разин, К. Булавин, М. Зализняк, Е. Пугачев и др.

Учитывая все это, царское правительство предприняло ряд мер, которые, по его мнению, должны были привести к «обузданию» казачества, к превращению его в замкнутое военное сословие, а в дальнейшем к его использованию для борьбы с революционным движением внутри страны. Сразу же после подавления восстания 1773—1775 гг. Яицкое войско было переименовано в Уральское, резко ограничено в правах и окончательно подчинено Военной коллегии. Волжские казаки были переселены на Кавказ. На Дону учреждено «гражданское правительство», полностью упразднившее казачье самоуправление. В июне 1775 г. была уничтожена Запорожская Сечь.

В это время появляется ряд сочинений, призванных оправдать политику самодержавия в отношении казачества. В качестве примера можно сослаться на трактаты официального «российского историографа» Г. Ф. Миллера (1705—1789)¹ Миллер, как и другой дворянский историк А. Ригельман (1720—1789), автор «Летописного повествования о Малой России», утверждали, что запорожские казаки являются по своему происхождению ни чем иным, как беглыми крепостными крестьянами. Организация, созданная ими (имеется в виду Сечь), по мнению Миллера, противоречит «всякому, на здравом разуме и на истинных правилах основанному Гражданскому обществу»², и поэтому лишена права на существование. В сочинениях обоих авторов ясно выступает мысль о том, что уничтожение казачества должно ослабить силу антифеодального протеста народных масс.

Разложение и кризис феодально-крепостнической системы, развитие в недрах ее буржуазных отношений в конце XVIII в. и в первой половине XIX в., сопровождавшиеся ростом классово-вой борьбы, обусловили появление новых, революционных взгля-

¹ Г. Миллер, Исторические сочинения о Малороссии и малороссиянах, М., 1846 г. См. статьи: «Рассуждение о Запорожцах» и «Краткая выписка о малороссийском народе и Запорожцах». Они являются продолжением работ, написанных в 1760 г., — «О начале и происхождении казаков» и «Известие о казаках Запорожских».

² Г. Миллер, Исторические сочинения о Малороссии, стр. 39.

дов на историю общества. Крупное значение для развития передовой исторической мысли в России и на Украине имели произведения великого революционера, предшественника декабристов А. Н. Радищева. Особую ценность представляют воззрения Радищева на роль народных масс в историческом процессе, на значение революционных выступлений крестьянства против феодально-крепостнического гнета и т. д. Указывая на крестьянское восстание как на способ освобождения народа от власти крепостников, Радищев вместе с тем уделяет большое внимание казачеству. В казаках он видит прежде всего выходцев из народа, вольных людей, не желающих примириться с крепостническими порядками.

Взгляды Радищева оказали большое влияние на развитие революционного мировоззрения декабристов. Из сочинений декабристов, посвященных украинскому казачеству, нужно прежде всего назвать поэмы К. Ф. Рылеева «Наливайко» и «Гайдамаки», а также его незаконченную драму «Богдан Хмельницкий». Казаков Рылеев считает непримиримыми борцами против крепостничества и национального угнетения, стремившимися «порозные разрушить цепи и рабства сокрушить кумир».

Особенно важным этапом в развитии взглядов на казачество явились произведения великих русских революционных демократов В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, поднявших вслед за декабристами знамя борьбы против крепостничества и самодержавия. Революционные демократы обогатили историческую мысль рядом положений, подчеркнув прежде всего решающую роль народных масс в развитии общества. Обращаясь к героической борьбе украинского казачества против польских и украинских панов, Герцен писал, что в основе казацкого строя «лежали демократические и социальные начала» и что «Запорожская Сечь представляла удивительное явление плебеев-витязей, рыцарей-мужиков»¹. Герцен понимал, что последовательными борцами против феодального и национального гнета на Украине в XVI—XVII вв. являлись только народные низы, в том числе казаки. Что же касается украинской шляхты, то она часто шла на соглашение с польскими панамы².

Особенной последовательностью и ясностью во взглядах на казачество как на антифеодальную силу отличаются произведения Н. Г. Чернышевского. В запорожских казаках Чернышевский видит «защитников и героев Украины, лучших сынов Малороссии»³. Объясняя значение крестьянско-казацких восстаний на Украине против панской Польши в XVI—XVII вв.,

¹ А. Герцен, Полное собрание сочинений и писем под ред. М. Лемке, т. IX, П-д, ГИХЛ, 1919, стр. 459.

² Там же, стр. 465, 469. «Казаки и свобода, — говорит он, — синонимы».

³ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. II. М., 1949, стр. 699.

Чернышевский замечает, что «полное торжество казаков для самой Польши было бы облегчением, потому что казаки хотели и в самой Польше искоренить те гражданские бедствия, против распространения которых на Украину (они) вооружились»¹. Если рассматривать казацкие войны с настоящей точки зрения, заключает Чернышевский, то они уже «не представляются борьбою национальностей», ибо на стороне польских панов стояла часть украинской шляхты, а казаки встречали сочувствие среди населения, т. е. крестьянства и мещанства коренных польских провинций. Для правильного понимания истории казачества весьма важна мысль Чернышевского, высказанная им, правда, в не вполне законченной форме, о том, что в ходе народных восстаний казаками именовала себя не узкая и признанная правительством прослойка населения, а широкие народные массы, боровшиеся за свержение социального и национального гнета².

Взгляды Белинского, Герцена, Чернышевского и Добролюбова имели большое влияние на формирование мировоззрения великого украинского поэта и революционера-демократа Т. Г. Шевченко, на отношение его к революционной борьбе масс, к казачеству. Все произведения Шевченко проникнуты чувством любви к народу — подлинному творцу истории. Целый ряд своих лучших произведений («Гайдамаки», «Тарасова ніч» и др.) Т. Шевченко посвятил борьбе казачества и крестьянства за свободу, за уничтожение панского ярма и национального гнета. Идеолог крестьянской революции, Шевченко разоблачал взгляды дворянских и буржуазных авторов, старавшихся затушевать классовые противоречия в среде украинского народа. Он указывал на то, что украинское крестьянство и казачество в течение веков боролось не только против иноземных поработителей, но и своих собственных угнетателей — украинских панов. Взгляды русских революционных демократов и Шевченко сыграли крупную роль в последующем развитии передовой исторической мысли.

Если революционные демократы боролись за освобождение крестьянства от цепей крепостничества, то идеологи дворянства продолжали отстаивать незыблемость крепостнических порядков — право панов на землю и крестьян. Характерны в этом отношении сочинения Д. Н. Бантыш-Каменского³ и Н. А. Маркевича⁴. Оба автора стремились утвердить взгляд на казачество, как на самобытную военную организацию украинской шляхты. Основная масса казачества не удостоивается их внимания. Вся история казачества сводится, как и в «Истории Русов», под

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 822, журнал «Современник» № 9, 1857 г.

² Там же.

³ Д. Бантыш-Каменский, История Малой России, СПб, 1903. Издана впервые в Москве в 1822 г.

⁴ Н. Маркевич, История Малороссии, М., 1842, в пяти частях.

сильным влиянием которой находились Бантыш-Каменский и Маркевич, к изложению событий, связанных с именами «предводителей казацких» — литовских и украинских феодалов — Дашкевича, Вишневецких, Острожских и т. д. С особенной отчетливостью и недвусмысленностью взгляд на казачество как на привилегированное сословие высказал Маркевич. Во время освободительной войны 1648—1654 гг., например, к званию казака, по его словам, допускался только тот, у кого были «природное происхождение или доказательства на заслуги... потому что казачество всегда почиталось шляхетством». Отсюда, продолжает Маркевич, «весьма несправедливо иные заключают, что в Малороссии можно было свободно переходить из казаков в крестьяне и из крестьян в казаки»¹. На Запорожскую Сечь Маркевич также смотрел как на форпост, основанный в первой половине XVI в. старостой Е. Дашкевичем для борьбы с татарами².

Заметное место в дворянской историографии этого периода занимают работы А. А. Скальковского (1808—1898), в частности его «История Новой Сечи»³. Предметом изучения для Скальковского являлась не вся история запорожского казачества, а лишь последний период его существования (1734—1775 гг.). А. Скальковский видел в Запорожской Сечи общину наподобие военно-монашеских орденов, существовавших в Западной Европе в средние века. «Понятие об общине, или товаристве (орден по-польски *Zakon*), — пишет он, — встречаем на каждом шагу в действиях Запорожья»⁴. Главной характерной чертой общественной организации запорожских казаков — Сечи — Скальковский считал равенство ее членов, вытекавшее будто бы из общности имущества. «Все в войске, — утверждает он, — было собственностью или всей общины или по крайней мере куреня»⁵. При этом «орден сей», по выражению Скальковского, был образован панами еще в XVI в.⁶ Основная миссия Сечи заключалась, по его словам, в борьбе с турками и татарами во имя утверждения православия на Востоке. Этой «священной» цели был подчинен весь общественный и частный уклад, вся организация и быт запорожского казачества. «Другого быта у запорожца, — заявляет Скальковский, — кроме служебного, войскового, казачьего и быть не могло»⁷. Исходя из своей схемы, Скальковский стремился всячески затушевать социальные противоречия в среде казачества. На существование богатых и бедных на Запорожье он смотрел как на явление нехарактерное, случайное,

¹ Н. Маркевич, История Малороссии, ч. I, стр. 265.

² Там же, стр. 45.

³ А. Скальковский, История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского, ч. I, II, III. Издана в Одессе три раза: в 1840, 1846 и 1885 гг.

⁴ А. Скальковский, История Новой Сечи, ч. I, стр. 81.

⁵ Там же, стр. 83.

⁶ Там же, стр. 76—79.

⁷ Там же, стр. 260.

возникшее под влиянием окружающей «орден» обстановки. Вот почему такие формы классовой борьбы на Запорожье, как гайдамацкое движение, он считал фактом необъяснимым, загадочным. Реакционная романтика Скальковского, его идиллические взгляды на историю запорожского казачества оказали заметное влияние на украинскую историографию. Работа Скальковского долгое время оставалась единственным пособием по истории Сечи. Распространению книги способствовало в значительной степени обилие фактического материала в ней, почерпнутого автором из сечевого архива, которым он лично владел.

Углубление кризиса феодально-крепостнической системы в 40 гг. XIX в. и дальнейшее развитие капитализма в нашей стране привели к усилению политической активности буржуазии. Идеологи либеральной буржуазии выступали за отмену крепостничества, но, в отличие от революционных демократов, были решительными противниками освобождения крестьянства посредством революции и радикального уничтожения феодальных отношений. Широкое распространение среди буржуазных деятелей получили либерально-реформистские взгляды, отражавшие стремление русской и украинской буржуазии к освобождению крестьян руками самих крепостников, к компромиссу с монархией. Одним из ранних представителей этого направления был Н. И. Костомаров (1817—1885 гг.). Идеалист по своему мировоззрению, Костомаров исходил из того положения, что историческое развитие каждого народа предопределяется его духовными свойствами. Духовную природу украинского народа, например, определили идея демократического начала — вечевого строя — в его общественной жизни, свободолюбие и т. д. Вместе с тем этот демократизм и свободолюбие, не умеряемые организующей силой, приводили, по Костомарову, к отрицательным последствиям. Одним из них было появление на Украине в XV в. казачества. Костомаров смотрел поэтому на казачество как на анархическую, разрушительную силу. «Казачество XV—XVII вв. и удельность в XII и XIII вв., — писал он, — гораздо более сходны между собою, чем сколько можно было предположить... в нем господствует личный произвол»¹. В противоположность украинским дворянским историкам Костомаров указывал, что казачество вышло не из среды господствующего класса, а является порождением народной стихии. Из этого, однако, он делал вывод о положительном значении подчинения украинского казачества Литвой, затем Польшей, а в особенности Русским государством, наиболее способным, по его мнению, обуздать «своеволие»².

¹ Н. Костомаров, Черты народной южно-русской истории. Исторические монографии и исследования, т. I, СПб, 1903, стр. 342.

² Взгляды Костомарова близки в этом отношении к воззрениям С. М. Соловьева, одного из видных представителей русской буржуазной историографии. Соловьев, отрицательно относившийся к народным антифеодальным движениям и превозносивший роль сильной государственной власти, точно

При этом Костомаров исходил из того, что русский народ, вследствие самой своей «духовной природы», склонен к дисциплине, организации и государственному началу.

«Необузданность», «своеволие» народных масс, их стремление к «ниспровержению всякой законности, порядка»¹ находили, по Костомарову, свое яркое выражение в так называемых казачьих войнах XVI—XVII вв. Не скупясь на краски при изображении размеров кровопролития и материальных потерь во время этих войн, Костомаров стремился убедить помещиков в необходимости устранения причин, порождающих социальные потрясения, путем освобождения крестьян самими крепостниками. Несмотря на явное, казалось бы, признание классовых антагонизмов в украинском обществе, Костомаров вместе с тем, противореча себе, проводил ложную идею о «единстве», бесклассовости украинской нации.

При всей своей теоретической несостоятельности Костомаров при решении отдельных, частных вопросов стоял, однако, намного выше своих предшественников — украинских дворянских историков. Это объясняется до известной степени накоплением к этому времени большого фактического материала по истории казачества. В 40—60 гг. XIX в. в «Памятниках Временной Комиссии для разбора древних актов», в «Архиве Юго-Западной России» и в других многотомных собраниях было опубликовано множество ценных исторических документов. Костомаров, и сам немало сделавший для выявления и публикации документов, обратил внимание на то, что на казаков нельзя смотреть, как на непродуцируемый слой общества, занимавшийся только военным делом. Казаки, по его словам, — это вместе с тем земледельцы, промышленники и торговцы, при этом вольные, освободившиеся от крепостной зависимости². Интересен также взгляд Костомарова на основание Сечи. По его мнению, Сечь основана не панами, а казацкой серомой, бедняками, не имевшими на родине никакого имущества и по необходимости остававшимися в низовьях Днепра, где они занимались рыболовством, охотой и т. д.³ При этом Сечь, сложившаяся не вдруг, а постепенно, была средоточием вольного, независимого от панов казачества⁴. Костомаров, хотя и усматривал в последнем явлении отрицатель-

также видел в казачестве анархическую, антигосударственную силу. Давая волю своей ненависти к казачеству, он писал, что появление последнего «имело чисто отрицательное значение в истории», ибо «вольный казак... вовсе не хотел работать... (а) хотел жить на чужой счет». В особенности Соловьев негодует на то, что казачьи восстания находили сочувствие и поддержку у «нижнего земледельческого населения» (С. Соловьев, Малороссийское казачество до Хмельницкого. Русский Вестник, т. 23, М., 1859 г., стр. 178—179).

¹ Н. Костомаров, Южная Русь в конце XVI в. Исторические монографии и исследования, т. III, стр. 697.

² Н. Костомаров, Собрание сочинений, кн. 4, т. 9, СПб, 1904 г., стр. 16.

³ Там же, стр. 17—18.

⁴ Там же, стр. 17.

ное, не сомневался в том, что казачество стремилось «сломить противоположные себе начала шляхетского строя»¹. т. е. разрушить крепостнические порядки. На социальную организацию Сечи Костомаров, однако, смотрел глазами Скальковского, видя в ней своеобразное военно-монашеское братство².

После отмены крепостного права в 1861 г. развитие капитализма в России и на Украине, несмотря на множество остатков крепостничества во всех сферах жизни, пошло ускоренным темпом. В течение нескольких десятилетий совершились превращения, занявшие, по словам В. И. Ленина, в странах Западной Европы целые столетия. Развитие капитализма в нашей стране привело к быстрому росту пролетариата.

Событием громадного исторического значения было распространение в России с 70-х гг. идей марксизма, возникшего в 40-х гг. XIX в. Создание К. Марксом и Ф. Энгельсом теории научного социализма явилось величайшей революцией во взглядах на развитие общества. С этого времени история превратилась в подлинную науку. С появлением марксизма рабочий класс всего мира получил могучее идеологическое оружие в своей борьбе за свержение власти буржуазии и уничтожение эксплуатации человека человеком. В лице русского пролетариата трудящиеся всех национальностей нашей страны обрели надежного руководителя и верного союзника в борьбе против социального и национального гнета.

Рост революционной борьбы рабочего класса, который повел за собой многомиллионные массы крестьянства, имел своим естественным следствием усиление сопротивления эксплуататорских классов — буржуазии и помещиков. Борьба развернулась и в области идеологии. Буржуазия, поставленная самим ходом исторического развития в положение обреченного класса, со страхом взирающего на будущее, стремилась отвлечь трудящиеся классы от насущных социальных и политических задач современности и подчинить их своему влиянию.

В это время на Украине появляется целый ряд новых «теорий» истории казачества, основу которых составлял самый махровый идеализм. Несмотря на общность целей — отстаивание экономического господства украинской буржуазии и передачи ей политической власти, — эти «теории» имели, тем не менее, свои частные отличительные черты.

В период обострения классовых антагонизмов, в 70—90 гг. XIX в., появились сочинения П. А. Кулиша (1819—1897), начав-

¹ Н. Костомаров, Собрание Сочинений, кн. 4, т. 9, стр. 25.

² «Простота жизни, — писал Костомаров, — готовность на всякую опасность, благочестие, целомудрие, совершенное братство между собою и строгое повиновение воле начальства, то были нравственные требования запорожской братчины, приближавшие ее, за исключением военного занятия, к монастырской». Там же, стр. 19.

шего печатать свои произведения еще в 40-х гг. В его трехтомной «Истории воссоединения Руси» и в «Отпадении Малороссии от Польши» ненависть господствующего класса к трудовому народу нашла свое откровенное проявление. Кулиш довел до логического конца положение Костомарова и Соловьева о казачестве как разрушительной силе, приводящей, якобы, к регрессу в области хозяйства и культуры. Украинское казачество, по словам Кулиша, являлось выражением самых «темных», «диких» инстинктов народных масс. Кулиш провозгласил мысль о том, что польской шляхте и «строительным элементам русского общества (чит. украинским панам. — В. Г.)» принадлежала на Украине «цивилизаторская миссия» в противоположность своевольной народной стихии — казачеству.

За 10 лет до революции 1905 года Кулиш выступил с призывом к объединению сил «взрослого класса общества», т. е. эксплуататоров России, Польши и Украины. Для иллюстрации опасности, угрожающей господствующим классам, Кулиш вновь прибег в качестве исторического урока к казачеству. Носители социального протеста — массы украинского казачества, говорил он, боролись не только против польских панов, но и вообще против всех притеснителей¹. Рассматривая Запорожскую Сечь, центр казачества, как очаг «своеволия», Кулиш заявлял, что «герои-бесхатники», ненавидевшие все «домовитое и зажиточное иночество», всегда готовы были дать «днепровскому казачеству ту ядовитую закваску, которая была разрушительным началом для всякого гражданского общества»².

В наиболее законченном виде политические устремления украинской националистической буржуазии нашли отражение в работах В. Антоновича. Следуя за Костомаровым и несколько видоизменяя его основные положения об особенностях духовной природы народов, Антонович заявлял, что каждый народ в ходе своего исторического развития осуществляет известную, присущую только ему «руководящую идею». Для украинского народа эта идея воплощена в принципе вечного строя — широкого демократизма, т. е. признания за каждой личностью полного равенства в правах. Основанный на этих принципах идеальный, по мысли Антоновича, общественный порядок, не знавший классовых противоречий, нашел свое наиболее полное воплощение в казачестве.

Если отвлечься от социальной сущности воззрений Антоновича, то они могут показаться резко противоположными взглядам Кулиша. Действительно, Антонович воздерживался от

¹ П. Кулиш, Украинские казаки и паны. Русское обозрение, М., 1895 г., январь, стр. 299—300.

² Там же, стр. 306, 311. В польской буржуазно-националистической историографии подобные взгляды на украинское казачество и «культурную миссию» панской Польши высказывал Ф. Равита-Гавронский (См. *Fr. Rawita-Gawronski, Bohdan Chmielnicki, Vol. I—II, Lwów, 1906*).

открытых выпадов по отношению к народным массам. Более того, он готов был признать, что казачество и Запорожская Сечь, как совершенная общественная организация, возникли в результате «национального единения», совместной деятельности народных масс и «образованного класса» украинского общества. Однако этот «золотой век», связанный со временами казачества, был весьма непродолжительным. Это объясняется, по Антоновичу, отсутствием у руководящего слоя украинского общества «достаточного запаса культуры». Из всего этого он делал вывод, что в настоящее время — в конце XIX в. — «образованный класс украинского общества (чит. буржуазия. — В. Г.)» уже достаточно созрел и возвращение, реставрация некогда утраченного «золотого века» — казачьего строя — стало делом вполне реальным. Но осуществление этого возможно лишь в том случае, если народные массы вручат свою судьбу «просвещенному классу». В произведениях Антоновича¹, таким образом, содержался призыв к идеологическому и политическому подчинению трудящихся масс украинской националистической буржуазии.

Между 1883 и 1915 гг. вышел ряд работ по истории Запорожья, принадлежавших Д. И. Эварницкому (1855—1940), в том числе его трехтомная «История запорожских козаков»². Идя по пути, проторенному Костомаровым и Антоновичем, Эварницкий ставил своей задачей изложить историю Запорожской Сечи с момента ее основания до начала XVIII в. преимущественно. Произвольно оперируя источниками, он стремился подвести читателя к выводу, уже сформулированному украинской буржуазной историографией. Этот вывод в самой общей форме Эварницкий выразил так: «Запорожская община доходила до полного идеала, неведомого ни в древнем, ни в среднем, ни в новом веках; господствовавшее здесь начало равенства проходило везде: во время общих собраний... при разделе имущества и в частной жизни»³. Прimitивные представления Эварницкого о происхождении запорожского казачества и социальных отношениях в его среде заимствованы им в значительной степени у других буржуазных и дворянских авторов, прежде всего у Скальковского. Тенденциозность Эварницкого, пытавшегося нарисовать картину полной социальной гармонии, существовавшей, якобы, на Запорожье, и в сентиментальных, радужных тонах изображавшего положение трудовых слоев запорожского казачества, встретили критическое отношение к себе даже со стороны некоторых буржуазных авторов. При всем том работы Эварницкого, а также опубликованные им сборники документов содержат немало ценных сведений по истории, этнографии и географии Запорожья.

¹ В. Антонович, *Бесіди про козацькі часи на Україні*, Чернівці, 1912 г.

² Д. Эварницкий, *История запорожских козаков*, т. I, СПб, 1892 г., т. II, СПб, 1895 г. и т. III, СПб, 1897 г.

³ Там же, т. I, стр. 189—190.

Известное место в буржуазной литературе этого времени принадлежит работам И. Каманина¹ и М. К. Любавского². Несмотря на ошибочность своих отправных положений, работы Каманина содержат ряд интересных и во многом верных соображений. К ним следует отнести его мнение об организации Сечи не панами, а казаками, а также стремление объяснить отдельные явления, например образование реестрового войска, социальными противоречиями в среде казачества. Любавский в статье, которая являлась ответом на работу Каманина, разбирая взгляды последнего, справедливо упрекал его в том, что он в вопросе о происхождении казачества исходил из схемы Антоновича. Сам Любавский придерживался взгляда, согласно которому казаки — не остатки древних «вольных» земледельческих общин степной Украины, а продукт народной колонизации этого края в XVI—XVII вв. Казаки, по его мнению, — это приходившие из центральных районов Украины вооруженные ватаги (артели) промышленников — рыболовов и звероловов³. Любавский заложил основы так называемой «теории уходничества», которая, кстати сказать, совершенно игнорировала социально-экономические условия, приведшие к возникновению казачества.

Методологическая беспомощность буржуазной историографии и стремление ее в то же время истолковать историю казачества применительно к политическим целям господствующего класса нашли свое отражение в работах украинского буржуазного националиста М. С. Грушевского (1866—1935) и его так называемой «школы». Воззрения Грушевского на историю украинского казачества представляют собой эклектическую смесь положений, высказанных разными представителями буржуазной и дворянской историографии. Первые казачьи движения на Украине, рассуждает, например, Грушевский, отличались хаотичностью. Украинское казачество лишь тогда превратилось, по его словам, в представителя «национальных интересов», когда подчинило себя «благотворному» влиянию духовенства и «интеллигенции» (чит. эксплуататорского класса. — В. Г.). В концепции Грушевского нашли себе место и пресловутая идея украинских дворянских историков о роли польских и украинских феодалов в «организации» казачества, и идея Костомарова о казачестве как носителе демократических принципов древней вечаевой Руси, и декларации Кулиша о «разрушительной силе казачьей стихии», и «теория уходничества» Любавского, и т. д. Все это объединяется известным положением Антоновича об украинском казачестве как воплощении идеи «широкого демократизма», или, по Грушевскому, «национальной идеи». При этом место «образован-

¹ И. Каманин, К вопросу о казачестве до Богдана Хмельницкого. Чтения в Историческом обществе Нестора летописца, кн. 8, К., 1894 г., стр. 57—115.

² М. Любавский, Начальная история малорусского казачества, Журнал Министерства народного просвещения, 1895 г., июль, стр. 217—244.

³ Там же, стр. 230, 236.

ного класса», которому, по Антоновичу, должна принадлежать, якобы, руководящая роль на Украине в XX в., в работах Грушевского занимает «интеллигенция», под которой он также разумет не что иное, как украинскую буржуазию.

Проповедью воинствующего буржуазного национализма, национальной исключительности, «бесклассовости» украинского народа в прошлом, нашедшей будто бы выражение в украинском казачестве, Грушевский стремился разрушить тесный боевой союз украинского и русского народов, направленный на освобождение нашей страны из-под власти помещиков и буржуазии, и подчинить украинских трудящихся пагубному влиянию националистической буржуазии. С той же целью обмана масс буржуазные националисты уже с конца XIX века начали именовать свои политические организации, а также военные, спортивные и др. «січами», «кошами» и т. д. Во время гражданской войны и иностранной интервенции военные формирования контрреволюции пытались маскировать себя названиями «вільних козаків», «січових стрільців» и т. д., а главари их — титулами «гетьманів», «отаманів», «батьків». Вся эта бутафория не смогла, однако, совлечь украинских трудящихся с правильного пути, указанного Коммунистической партией.

Великая Октябрьская социалистическая революция, уничтожившая основы эксплуатации человека человеком и положившая начало новому, бесклассовому, социалистическому обществу, открыла перед наукой безграничные просторы. Одним из важнейших завоеваний революции явилось широкое распространение марксизма-ленинизма, единственного подлинно научного мировоззрения. Тем не менее в исторической науке еще долгое время шла борьба между передовой, марксистско-ленинской идеологией и идеологией свергнутых классов — буржуазии и помещиков. Авторы целого ряда работ по истории казачества, вышедших в первые годы Советской власти, продолжали в духе буржуазной историографии проводить антинаучные взгляды на казачество. В работе «Русская история в сравнительно-историческом освещении», принадлежащей Н. А. Рожкову (1868—1927), например, Запорожская Сечь представляется в виде примитивной общественной организации, соответствующей «эпохе родового и племенного быта». Такое воззрение исключало самую мысль о возможности существования социальных противоречий в среде казачества. «Классового расчленения в Запорожье, — писал Рожков, — не было и быть не могло»¹. Считая казаков носителями архаических, доклассовых форм жизни, Рожков оправдывал стремление царского правительства к уничтожению казачества.

С неправильными взглядами на историю казачества выступил также М. Н. Покровский (1868—1932). М. Н. Покровский

¹ Н. Рожков. Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. IV, М., 1928 г., стр. 35.

хотя и пытался применить марксистскую теорию при рассмотрении этой проблемы, однако, как и во многих других вопросах, не пошел далее экономического материализма, вульгаризации марксизма. Считая, с одной стороны, запорожское казачество представителем «дикости», борющейся с «культурной полукapиталистической Европой XVI в.» в лице Польши, он, с другой, называл Сечь «достойной представительницей мелкой казацкой буржуазии»¹. С третьей же стороны, Покровский видел в казачестве мелкого помещика «в зародыше». Социальные устремления массы казачества, ее идеология отражали не чаяния трудовых слоев народа, а интересы мелких феодалов, которые выступали с требованием поместий и вотчин². Так или иначе, но казачество, по мнению Покровского, стремилось превратиться в землевладельцев-феодалов. Противоречивость и ошибочность взглядов Покровского на казачество объясняется как влиянием на него дворянских и буржуазных авторов, так и применением при решении этого вопроса созданной им квазинаучной теории «торгового капитала».

В конце 1920 гг. появились работы М. Е. Слабченко по истории Запорожья³. Запорожскую Сечь XVIII в. Слабченко считал самостоятельной государственной организацией, господствующим слоем которой было военное братство, состоявшее из неженатых казаков-сечевиков. Отношения между членами этого братства регулировались, по Слабченко, военным правом. При определении социальных отношений в среде запорожского казачества Слабченко пришел к выводу о господстве на Запорожье «мусульманского феодализма». В своих работах Слабченко гальванизировал, по существу, старые, отжившие концепции дворянских и буржуазных авторов о казачестве.

Важное значение при решении проблем, связанных с историей запорожского казачества, имели работы, посвященные истории русского казачества. К ним нужно отнести учебники по Истории СССР для ВУЗ'ов, исследования В. И. Лебедева⁴, Н. С. Чаева⁵ и др.

Заметным явлением в украинской советской историографии казачества нужно считать выход работ Н. Н. Петровского⁶ и К. Г. Гуслистого⁷. Сочинение К. Г. Гуслистого хотя и посвящено освободительной борьбе украинского народа с конца XVI

¹ М. Покровский, Русская история с древнейших времен, т. II, 1933 г., стр. 137, 138.

² Там же, стр. 28.

³ М. Слабченко, Соціально-правова організація Січі Запорізької. Праці комісії для вивчення історії західно-руського та українського права, випуск 3, К., 1927 р. Его же. Паланкова організація Запорозьких вольностей, вип. 6, К., 1929 р.

⁴ В. Лебедев, Булавинское восстание 1707—1708 гг., М.—Л., 1934 г.

⁵ Булавинское восстание. Сборник документов. Предисловие, М., 1935 г.

⁶ М. Петровський, Визвольна війна українського народу проти гніту шляхетської Польщі і приєднання України до Росії, К., 1940.

⁷ К. Гуслистий, Нариси з історії України, вип. 111, К. 1941.

до 30-х гг. XVII в., а не специально истории запорожского казачества, затрагивает тем не менее ряд таких вопросов, как возникновение казачества, образование Запорожской Сечи, участие запорожцев в крестьянско-казацких войнах и т. д. В работе автор с правильных, марксистских позиций подошел к проблеме возникновения казачества, связав его с усилением феодально-крепостнической эксплуатации и национального гнета на Украине. Немало внимания К. Гуслистый уделил вопросу о социальных противоречиях в среде казачества, о тенденции казацкой верхушки, реестровой по преимуществу, идти на компромисс с польскими панями, о стремлении украинского народа к воссоединению с Россией и т. п.

Работа К. Гуслистого в то же время содержит ряд положений, с которыми мы не можем согласиться. Так, например, К. Гуслистый делит формирование казачества на два этапа. До середины XVI в. основной слой казачества, по его словам, составлял «неоседлый, бездомный элемент, наймиты и кабальные люди, не имевшие своей общественной организации, в значительной мере подлежавшие власти старост и отбывавшие феодальные повинности», а во второй половине XVI в. основным слоем становится «казачество оседлое, хозяйственное», уже не признающее власти старост, не отбывающее никаких повинностей и основывающее свою собственную казацкую организацию¹. Этот взгляд нам представляется неправильным, т. к. остается необъяснимым, каким образом бездомное казачество превращается в оседлое и домовитое и под влиянием каких обстоятельств оно выходит из-под власти старост, образуя свою собственную организацию. Мы уже не говорим о том, что казаков никогда нельзя отождествлять с кабальными людьми, как это делает К. Гуслистый.

Возражения с нашей стороны вызывает также взгляд К. Гуслистого на Запорожскую Сечь, как на организацию реестрового казачества, подчиненную власти панской Польши. Этого мнения, по крайней мере по отношению ко времени до 1625 г., К. Гуслистый придерживается и в новейшей своей работе². Более того, само основание Сечи он склонен, как и многие другие историки, связывать с именем магната князя Дмитрия Вишневецкого, которого он ошибочно отождествляет с Байдой, героем известной народной думы. При этом Вишневецкому приписывается руководство борьбой казачества против турок и татар³. Тут же нужно добавить, что оценка борьбы казачества с турецкими и татарскими захватчиками у К. Гуслистого отличается двойственностью: признавая положительное значение этой борьбы, он утверждает, что она вместе с тем обостряла отношения

¹ К. Гуслистый, Нариси з історії України, вип. III, стр. 41—42.

² К. Гуслистий, О. Апанович, Запорозька Січ та її прогресивна роль в історії українського народу, К., 1954 г., стр. 32.

³ Там же, стр. 11—12.

между Турцией и Польшей и служила оправданием захватнических походов крымских феодалов на Украину¹. Выходит, таким образом, что если бы не казаки, то сила экспансии султанской Турции и Крымского ханства в отношении Речи Посполитой была бы значительно слабее. Неправильным нужно считать мнение, будто в казачьем хозяйстве получил распространение труд военнопленных — рабов². Такой же неосновательной следует считать высказанную еще Скальковским мысль, будто «джуры» у запорожских казаков были оруженосцами наподобие рыцарских пажей³.

В последние годы, в частности в связи с 300-летием воссоединения Украины с Россией, появилось немало ценных работ, в которых нашла отражение в той или другой мере и история запорожского и реестрового казачества. Среди них нужно отметить работы Н. А. Смирнова⁴, И. П. Крипякевича⁵, В. Е. Шутого⁶, А. К. Касименко⁷, И. Д. Бойко⁸, В. И. Нетоцаева⁹, Е. М. Апанович¹⁰ и др.¹¹

¹ К. Гуслистый. Нариси з історії України, вип. III, стр. 43, 46.

² Там же, стр. 42.

³ Там же, стр. 48.

⁴ Н. Смирнов, Россия и Турция в XVI—XVII вв., М., 1946.

⁵ І. Крип'якевич, Богдан Хмельницький, К., 1954.

⁶ В. Шутый, Канун освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг., Исторические записки АН СССР, т. 46, М., 1954.

⁷ О. Касименко, Російсько-українські взаємовідносини 1648—початку 1651 р., К., 1955.

⁸ И. Бойко, Освободительная война украинского народа 1648—1654 гг. и воссоединение Украины с Россией, Сборник статей «Воссоединение Украины с Россией», М., 1954.

⁹ В. Нетоцаев, Селянські рухи напередодні визвольної війни українського народу (кінець XVI — перша половина XVII ст.). Наукові записки Ужгородського державного університету, т. IX, Ужг., 1954.

¹⁰ О. Апанович, Запорозьке військо як складова частина Російської армії в другій половині XVIII ст. Наукові записки Інституту історії АН УРСР, т. 5, К., 1953.

¹¹ Ряд работ по истории казачества вышел за последние десятилетия за границей. Однако они, к сожалению, содержат весьма мало нового во взглядах на предмет и лишь несколько модифицируют ранее высказанные русскими и украинскими буржуазными авторами воззрения. Так, например, американский историк Ю. Вернадский в вопросе о происхождении и социальной роли казачества следует положениям, высказанным в свое время Костомаровым и Антоновичем. Он считает, что казачество, запорожское в частности, воплотило в своей общественной организации идею демократизма, заложенную еще в древнерусском вечаем строе (G. Wernadski, A History of Russia, New Haven, 1930, стр. 54).

Другой автор, польский историк В. Томкевич, продолжает придерживаться мнения о чисто рыцарском происхождении казачества, приписывая при этом абсолютно незаслуженную роль в организации последнего польской шляхте (Wl. Tomkiewicz, O składowe społecznym i etnicznym kozaczyny ukraińskiej, Przegląd historyczny, т. 37, Warszawa, 1948). Несомненный интерес представляет работа австрийского историка Г. Штекля — «О происхождении казачества». Г. Штекль сделал многое для выяснения условий, при которых так называемые татарские казаки поступали на службу к русскому, литовскому и др. правительствам уже в XIV—XV вв., для изучения социальных отношений в их

Все эти работы, а также публикации документов, из которых прежде всего нужно назвать сборники «Історія України в документах і матеріалах»¹ и «Воссоединение Украины с Россией»² открывают возможность для более глубокого и всестороннего изучения истории запорожского казачества, для постановки целого ряда новых проблем.

среде. Однако при попытке объяснить возникновение казачества в России и на Украине Штекль допускает явную ошибку, считая казаков ни чем иным, как продуктом татарского влияния. Штекль, надо заметить, склонен упрекать советских историков в какой-то «психологической предубежденности» к казачеству, что, конечно, также неверно (*Gunter Stöckl. Die Entstehung des Kosakentums, München, Isar Verlag, 1953*).

¹ Історія України в документах і матеріалах, т. III, К., 1941 г.

² Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах, М., 1953 г.

ГЛАВА I

ПОЛОЖЕНИЕ УКРАИНСКОГО НАРОДА В XV—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА

К концу XV в. исконные украинские земли, в течение двух с половиной столетий находившиеся под игом монголо-татарских завоевателей, оказались поделенными между разными феодальными государствами. Правое и отчасти левое Поднепровье, Восточная Волынь и южные степи находились под властью Литвы. Галицкая земля, Западная Волынь и Подолия были захвачены панской Польшей. В Закарпатье господствовали венгерские феодалы. Буковиной владели молдавские бояре.

В XIV—XV вв. в ряде стран Западной Европы в результате развития производительных сил — ремесла и торговли — уже наметились признаки разложения феодально-крепостнической системы и складывания новых, буржуазных отношений. Этот процесс приводил к постепенному преодолению феодальной раздробленности и образованию таких централизованных государств, как Англия, Нидерланды, Франция. Централизация государств в противовес феодальной анархии являлась фактором огромного прогрессивного значения. Централизация была тем необходимым условием, без которого ни одна страна не могла рассчитывать на сохранение своей независимости, на успешное хозяйственное и культурное развитие¹.

Восточная Европа, совсем недавно освободившаяся, благодаря героической борьбе русского народа, от тяжкого монголо-татарского ига, также шла по пути экономического и политического прогресса. Однако ликвидация феодальной раздробленности и образование централизованных государств имели в Восточной Европе свои особенности, в результате чего судьбы восточноевропейских стран складывались далеко не одинаково. Так, например, в то время как Россия превращалась в могучую централизованную многонациональную державу, в Литве и Польше,

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. VI, М., 1930 г., стр. 370.

несмотря на наличие определенных центростремительных тенденций, продолжали долго сохраняться губительные остатки феодальной раздробленности.

В 1386 г. по обоюдному соглашению литовских и польских крупных феодалов между Литвой и Польшей была заключена так называемая Кревская уния. Согласно унии великий князь литовский становился одновременно королем польским. С этого времени в Литве стали усиленно распространяться католицизм и влияние католической церкви. В последней крупные феодалы — магнаты видели удобное орудие и надежного союзника в борьбе с народными массами, с одной стороны, и королевской властью, стремившейся к централизации государства, с другой. Феодалы-католики добились расширения своих вотчинных прав и освобождались от многих повинностей в пользу великого князя.

Остатки феодальной раздробленности и анархии задерживали экономическое и политическое развитие Литвы и Польши. Тем не менее они не смогли приостановить процесс углубления общественного разделения труда — развитие ремесла и городов, укрепление связей между отдельными районами и областями. Развивающиеся в Польше и Литве товарно-денежные отношения стали все более и более подрывать устои натурального хозяйства. Феодалы перестали удовлетворяться «убогими», как им теперь казалось, предметами, производимыми деревенскими ремесленниками. Их потребности беспредельно расширились, так как городские рынки стали изобиловать разнообразными товарами, изготовляемыми местными городскими ремесленниками или привозимыми из других краев и стран. Под влиянием новых потребностей начал постепенно перестраиваться весь быт феодала: скромные хоромы, построенные деревенскими плотниками, заменяются просторными и красивыми домами и дворцами. Последние украшаются зеркалами, хрусталем, коврами и т. д. Феодалы стремятся одеваться в дорогостоящие ткани, приобретают дорогое оружие, ювелирные изделия и другие украшения. Им начинает претить даже пища, приготовляемая их деревенскими поварями, и привычные местные напитки — брага, пиво, меды. Феодалов привлекают теперь затейливые яства, приправленные восточными пряностями, заморские вина, сладости. В обиходе появляются серебряные и золоченые блюда и приборы, кубки и т. д.

Конечно, приобрести все это было под силу лишь крупным феодалам. Но, само собою разумеется, с такой же страстью к «новым благам» тянулась также средняя и мелкая шляхта¹.

¹ Немалый интерес в этом отношении представляет выступление на сейме в 1589 г. вольнского шляхтича И. Мелешко. «Теперь же, — говорил он, — когда я... оденусь в свое прежнее домовое платье, то жена моя пани Мстиславская не может без смеху на меня смотреть... Пришлось мне купить часы в Киеве в торговых рядах; дал за них три копы грошей... На столе не было прежде таких прихотей, как теперь; бывало хороша гусятина с грибами, кашка с пер-

Исключительную роль в это время начинают играть деньги — то универсальное средство, при помощи которого можно было удовлетворить все эти новые, неизвестные до тех пор потребности. Но получить деньги возможно было лишь путем усиления нажима на крестьян — увеличения их эксплуатации. Феодалы начинают повышать натуральные оброки и расширяют собственное хозяйство, чтобы добыть как можно больше продуктов для сбыта. С другой стороны, они увеличивают денежные оброки, заставляя тем самым крестьянина продавать часть своей продукции на рынке.

Стремление феодалов приспособиться к новым экономическим условиям имело своим ближайшим следствием рост эксплуатации крестьян и усиление их зависимости, что нашло отражение в феодальном законодательстве. 2 мая 1447 г. великий князь Казимир издал привилей, распространявший крепостное право на значительную часть крестьянства Литвы. Этим привилеем был запрещен переход частновладельческих крестьян в господарские (великокняжеские) имения. Кроме того, что не менее важно, феодалу предоставлялось право суда над своими крестьянами¹.

Таким образом, к середине XV в. положение крестьянства в Литве резко ухудшилось. Власть феодала над своими подданными становилась, по существу, неограниченной. Современник (середина XVI в.) Михаил Литвин, например, писал, что в то время, когда в Русском государстве никому, кроме судей, «не дозволяется убивать человека даже в случае очевидного преступления... у нас во всех селах и деревнях (владельцы) произносят смертные приговоры»².

В Польше закрепощение части сельского населения было оформлено уже Вислицким статутом³ 1423 г. Со второй половины XV в. как в Литве, так и в Польше издаются многочисленные постановления, всемерно расширяющие власть феодалов над крестьянами⁴.

В обстановке безудержной погони за деньгами, «за размножением прибытков», феодалы Литвы и Польши изыскивают новые формы ведения хозяйства и эксплуатации крестьян. В XV в. все большее значение приобретает фольварк. Под фольварк феодалы отводили лучшие угодья: пахотные земли, сады, сенокосы, бобровые гоны, бортневые угодья и т. д., отнимаемые

чиком, печенка с луком или чесноком... Вина венгерского не употребляли, а скромно пили малвазию, медок и горелку» (*Д. Иловацкий, История России, т. III, М., 1890, стр. 574—575*).

¹ Документы и материалы по истории народов СССР. Законодательные акты Великого княжества Литовского XV—XVI вв., Л., 1936, стр. V. Русская история в очерках и статьях под ред. М. В. Довнар-Запольского, т. II, стр. 391, 405—406.

² Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. I, К., 1890, стр. 39.

³ Акты, относящиеся к истории Западной России, т. I, СПб., 1846, стр. 12.

⁴ См. *Б. Греков, Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в.*, М., 1946 г., стр. 387.

обычно у крестьян. «Там, где было 20 кметов, — писал современник XVI века, — осталось 8 или 10. Имеет (крестьянин. — В. Г.) достаточное количество земли, захватывают ее на фольварк... Всех (могут. — В. Г.) согнать с земли и фольварк там заложить»¹. В фольварке, кроме земледелия, развиваются скотоводство и разные промыслы: рыбоводство, винокурение, селитроварение и др. Фольварк, таким образом, был довольно сложным хозяйственным комплексом. Обслуживался он почти исключительно трудом подневольного крестьянства²; наймиты встречаются редко. Фольварочное хозяйство должно было расширить производство продуктов, предназначенных для сбыта на местных и дальних рынках, где феодал приобретал разного рода предметы городского ремесла, в том числе и предметы роскоши.

Характеризуя укрепление связей феодального поместья с рынком, папский нунций Ф. Руггиери (серед. XVI в.) в своем «Описании Польши», составленном для Ватикана, писал: «шляхта занята ничем иным, как только обработкой земли и разведением скота. Это у них не считается позором... Даже шляхтянки торгуют предметами, относящимися к домашнему хозяйству»³. Руггиери, конечно, имел в виду мелких и средних феодалов, принимавших непосредственное участие в руководстве хозяйством. Что же касается знати, то она, по его словам, считала такое занятие для себя унижительным и предоставляла его своим управляющим⁴.

Развитие феодального хозяйства приводило к замене оброчной системы барщиной. Барщина являлась самой суровой формой эксплуатации феодально-зависимого крестьянина. Оброчный крестьянин, например, трудился в собственном хозяйстве, отдавая феодалу часть своего дохода. При этой форме эксплуатации он сохранял известную долю экономической самостоятельности. Напрогив, при барщине крестьянин обязан определенное время работать со своим собственным инвентарем в хозяйстве самого

¹ W. Grabski, Historia wsi w Polsce, Warszawa, 1929, стр. 128.

² Документы и материалы по истории народов СССР. Законодательные акты Великого княжества Литовского XV—XVI вв., стр. 48—51.

³ Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690, т. I, Berlin — Poznań, 1864, стр. 126.

⁴ Еще более яркую картину, свидетельствующую о вовлечении феодального хозяйства в рыночные связи, оставил нам польский шляхетский писатель С. Старовольский (1588—1656 гг.), который с сожалением замечал: «В прежние годы считалось долгом крестьянина обрабатывать землю, а купца — заниматься городскими делами. Благородный же предавался рыцарскому делу и непрерывно воевал. Теперь у нас нет воинов, нет людей мужественных и героев, зато есть корчмари, торгаша и посредники... Самым большим подвигом у них считается знать дорогу, по которой гонят быков из поместья в Гданск, ибо все, кто побогаче, торгуют волами, лошадьми, вином, медом, водкой, перцем, сельдями, рыбой, дичью и всяким хлебом... Все, что их подданные имеют в домах своих для продажи, они велят принести на панский двор, скупают по самым низким ценам и отправляют в город... Туда же они посылают и свои собственные продукты» (См. S. Gargas, Geschichte der Nationalökonomie im alten Polen, Berlin, 1925, стр. 87—88).

феодала под непосредственным надзором последнего или его надсмотрщиков. Обратимся к положению крестьян в Литве в сер. XVI в. На барщину крестьяне должны были являться еще до зари — как только «слонце всходит». Уходить они могли лишь, «як слонцу заходити». Труд на барщине был строго регламентирован. Крестьянам, работавшим со своим скотом, разрешалось отдыхать лишь во время обеда, причем не более одного часа, а тем, кто работал без скота, — полчаса. Опоздавшие на барщину должны были отработать упущенное время в другие дни. Пропустившие один день барщины платили крупный денежный штраф в размере одного-двух грошей (цена барана); за пропуск трех дней барщины крестьяне подлежали наказанию кнутом; при этом пропущенные дни отработывали сполна. К этому следует добавить, что для отбывания барщины крестьяне привлекались именно в самое страдное время года¹.

Помимо барщины, феодалы принуждали крестьян выполнять и другие многочисленные виды работ. В Литве, например, даже те крестьяне, которые в первой половине XVI в. сохраняли еще право перехода, должны были в пользу своего владельца «два дня пахать паровое поле, два дня рубить лед, два дня косить сено, два дня жать рожь и всякие хлеба»; кроме того, весной «в течение недели строить на дворе своего пана новые здания или починять старые, а зимою ходить на охоту и на ловлю рыбы в озерах». Все эти повинности крестьянин опять-таки отбывал со своим инвентарем — «косою, сохою, серпом, топором и со всем тем, с чем ему от пана приказано будет»².

Стремление феодала получить возможно больше дохода со своих крестьян имело еще и другие последствия. Оно привело к замене части натуральных повинностей денежными. Так, например, крестьяне западных районов Литвы в конце XV и начале XVI в., кроме барщины (один день в неделю), давали «плату с каждое волоки (около 20 га. — В. Г.) на год по золотому». Помимо этого тяжелого денежного оброка, крестьянин отдавал пану «два корца овса, гуся, две курицы и 30 яиц»³.

К числу разорительных феодальных повинностей и поборов, как, например, подымщина (налог со двора), поволовщина (налог со скота), поголовщина (налог с человека мужского пола), посощина, относилась также стация (обязанность предоставлять

¹ Хотя указанные нормы в развитом виде мы находим впервые в «Уставе на волоки», изданном вел. кн. Сигизмундом Августом для крестьян великокняжеских имений 2 апреля 1557 г., т. е. в середине XVI в., однако, разумеется, «Устав» лишь узаконил явления, которые давно уже существовали (Документы и материалы по истории народов СССР. Законодательные акты Великого княжества Литовского XV—XVI вв., № 13, стр. 48).

² Документы и материалы по истории народов СССР. Законодательные акты Великого княжества Литовского XV—XVI вв., № 12, стр. 38—39, Устав о людях похожих от 1551 г.

³ М. Любавский, Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства, М., 1892, стр. 499.

жилье, содержание и подводы господарю, его послам, гонцам и другим должностным лицам). В случае проезда великого князя, например, местное население обязано было доставлять ему и свите известное количество яловых коров, гусей, кур, овец, свиней, а также овес, сено, мед, пиво ¹.

Кроме этих многочисленных повинностей, на плечи крестьян ложилась тяжесть расходов, связанных с наймом войск, строительством и ремонтом крепостей, мостов, дорог и т. д. М. Литвин (1550 г.) писал, что в Литве взимаются «подати для защиты государства только от подданных... коморников (см. ниже. — В. Г.)... от беднейших хлебопашцев». Что касается феодалов, то, как подчеркивал Литвин, они свободны от всяких податей, «несмотря на то, что... получают значительные доходы со своих обширных поместий — пашен, лугов, пастбищ, садов, огородов, лесов, роц, пасек, от охот, корчем, заводов (промыслов), ярмарок, мыт (пошлин. — В. Г.)» ². Усиление феодально-крепостнической эксплуатации, сопровождавшееся безграничным произволом панов, низводило крестьянина почти до положения раба.

О нестерпимо тяжком положении крестьян в Литве и Польше говорят даже такие современники, которых никак нельзя заподозрить в сочувствии судьбе народных масс. Так, посол германского императора С. Герберштейн, посетивший Литву в начале XVI века, сообщает, что, кроме уплаты оброка, крестьяне должны здесь шесть дней в неделю работать на своих господ. «Со времени Витовта, — замечает он, — и до наших дней они пребывают в таком суровом рабстве, что когда кто из них будет случайно приговорен к смерти, то он по наказу пана своего должен сам себя убить... Если же он случайно откажется исполнить это, то его жестоко высекут... и все-таки повесят». Известный уже нам Руггиери писал, что в Польше крестьяне «должны несколько дней в неделю работать на господ, взамен клочка земли, назначенного на их содержание», что большинство из них проводит жизнь в страшной нужде. Даже «во время самой тяжелой зимы, — замечает Руггиери, — можно видеть женщин босых и плохо одетых, которые бродят по снегу». Жилищем крестьян служили низенькие, вросшие в землю курные избы, наполненные большую часть года густым едким дымом. В довершение всего феодалы, «которые имеют над ним (крестьянином. — В. Г.) право жизни и смерти... часто приказывают их ни за что немилосердно мучить, иногда даже вешают, и хотя безо всякой причины убивают, они (паны. — В. Г.) свободны от всякой кары». В заключение Руггиери подчеркивает: «можно смело сказать, что в целом свете нет невольника более несчастного, чем польский кмет (крестьянин. — В. Г.)» ³.

¹ Акты, относящиеся к истории Западной России, т. II, СПб, 1848, док. № 160, стр. 6.

² Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. I, стр. 39.

³ *Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690*, т. I, стр. 128—129.

Под влиянием растущих товарно-денежных отношений, малопомалу в рыночные связи втягивались и крестьянские хозяйства. Это приводило к социальному расслоению в среде крестьянства. Все чаще стали появляться крестьяне, частично или полностью лишившиеся своих земельных наделов — загородники, подсадки, коморники. К середине XVI в. эти категории крестьян составляли уже значительный процент сельского населения Литвы и Польши. В Саноцком старостве (округе), например, загородники и подсадки составляли 11, в Галицком — 28,1, в Перемышльском — 28,5 процента по отношению к общему числу крестьянских хозяйств¹. Когда крестьяне теряли не только свои наделы, но и все имущество, они превращались в «гультаев». В поисках заработка обнищавшие крестьяне нередко вынуждены были переходить с места на место. Одновременно с этим в селах появляется также тонкая прослойка богатого крестьянства. Пользуясь своим экономическим превосходством и становясь посредниками в торговле села с городом, богатые крестьяне начинают закабалить своих односельчан. Богатые крестьяне пользуются в своем хозяйстве трудом батраков. «Крестьянин, — писал польский автор XVI века, — не ищет долго наемника, когда в нем нуждается, ибо имеет его у себя дома (в селе. — В. Г.)»².

Рост общественного разделения труда, развитие ремесла и торговли в XV—XVI вв. привели в Литве и Польше к расширению старых и возникновению новых городов и местечек. В Галицкой земле, например, появляются в это время такие местечки, как Борки (1530 г.), Калуш (1549 г.), Сухостав (1553 г.), Подгорье (1560 г.) и др., в Перемышльской — Добромиль (1566 г.), Тарноград (1567 г.) и т. д. Всего в Галицкой земле в середине XVI в. было 54 города и местечка, в Перемышльской — 28, в Саноцкой — 13³. Несмотря на то, что известная часть городского населения еще продолжала заниматься земледелием, новые города значительно отличались от сел: они являлись средоточием ремесла и торговли. В Галицкой земле даже по официальным данным в середине XVI в. числилось 239 ремесленников разных специальностей, в Саноцкой — 279, в Перемышльской — 980⁴.

Города не строились по определенному плану. Они возникали стихийно, быстро. Новые дома примыкали к старым, образуя узкие улицы, кривые переулки и тупики. Большинство домов строилось из дерева и глины. Лишь изредка попадались здания, сделанные из кирпича или камня. Это были, преимущественно,

¹ Е. Дракохруст, Галицкое Прикарпатье XVI в. и движение опришков. Вопросы истории № 1, 1948, стр. 46.

² S. Gargas, *Poglądy ekonomiczne w Polsce XVI wieku*, wyd. 2-ge, Lwów, 1903, стр. 106.

³ Е. Дракохруст, Галицкое Прикарпатье XVI в. и движение опришков, Вопросы истории № 1, 1948 г., стр. 44.

⁴ Там же.

церкви, дома для администрации, хоромы феодалов и богатых горожан. Большинство городов было, в целях обороны, окружено валами и имело замки. Все заботы о строительстве и содержании последних ложились на плечи городского населения. Путник, приближаясь по пыльным средневековым дорогам к городу, еще издали видел очертания замка, городских валов, церквей, возвышавшихся над окрестностями.

Видное место в XV—XVI вв. занимали такие украинские города, как Киев, Каменец-Подольский, Луцк, Львов, Перемышль. Киев считался одним из самых крупных восточноевропейских городов. Итальянец А. Кампензе, например, в своем письме от 1523 г. папе Клименту VII отмечал, что Киев — «один из красивейших и богатейших городов, несмотря на то, что был разграблен и разорен вконец жестокостью и неистовством татар»¹. К середине XVI в. в Киеве насчитывалось около двадцати различных ремесленных специальностей. Городские ремесленники, как и во многих других городах, были объединены в цехи. В конце XV — начале XVI в. в Киеве известны цехи портных, сапожников, скорняков, кузнецов, пекарей, лучников, ювелиров. Документы отмечают существование тут даже двух ремесленных слобод (это — Гончары и Кожемяки, находившиеся между р. Глубочицей и подошвой горы Киселевки). Торговая жизнь Киева сосредоточивалась, по преимуществу, в двух местах: ремесленными изделиями торговали на рынке, позже называвшемся Самсониевским, а продуктами питания — на Житнем торге².

Через Киев, расположенный на Днепре, проходили также караванные дороги, по которым в город доставляли самые разнообразные восточные товары. По словам М. Литвина, лавки в Киеве «до такой степени переполнены дорогими шелковыми одеждами, драгоценными камнями, собольими и другими мехами и пряностями, что мне самому случалось видеть шелк, обходившийся дешевле, нежели в Вильне лен, и перец дешевле соли»³.

Особенно тесными были торговые связи Киева с русскими городами. Венецианский посол Контарини, ездивший в Москву через Киев, писал в 1473 г.: «Сюда съезжается множество купцов из Великой России... Киев изобилует хлебом и всякого рода мясом»⁴. М. Литвин добавляет, что русские города, которые «славятся ремесленникам, прилежно изготовляющими различные изделия, ... снабжают нас деревянными чашками и посохами, ... седлами, саблями, конскою сбруею и разного рода оружием»⁵.

¹ Библиотека иностранных писателей о России, т. I, отд. 1, СПб, 1836, стр. 19—20.

² Н. Закровский. Описание Киева, т. I, М., 1868, стр. 272—273, 275.

³ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. I, стр. 52—53.

⁴ Библиотека иностранных писателей о России, т. I, отд. 1, стр. 21.

⁵ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. I, стр. 25.

Значительным ремесленным и торговым центром был Львов. В конце XV — начале XVI в. во Львове насчитывалось около 28 ремесленных специальностей. Существовали цехи кузнецов, сапожников, портных, пекарей, резников и т. д.¹ Львовские ремесленники изготавливали разнообразные хозяйственные предметы — лемехи, косы, грабли, ножи, пилы, топоры, гвозди, решета, железо прутовое и полосовое, сталь, шины, а также изделия из свинца и меди². Об уровне развития ремесла во Львове в конце XV и начале XVI в. можно судить хотя бы по тому, что тут отливались пушки — полевые и замковые — как для самого Львова, так и для других городов³.

Следует отметить, что огнестрельное оружие, в том числе пищали и рушницы, а также порох и другие припасы изготавливались в первой половине XVI в. и в небольших городах, в таких, как Овруч и Черкассы. В Черкассах, например, рушницы делал пушкарь Ворона⁴.

Во Львове производились также разные ткани. Широкой известностью пользовались львовские сукна, полотно (белые и цветные), нитки, разноцветные пояса, рукавицы, шапки и т. д. Значительное развитие получило кожевенное и шорное дело. По всей стране славилась изделия львовских ювелиров. Современники, имея в виду высокий уровень львовского ремесла, называли Львов «*seminarium mechanicorum*» («школой ремесленников») ⁵. Изделия львовских ремесленников, в особенности ювелиров, ножевщиков, шапошников, а также сукно вывозились не только в другие украинские города, но и за границу — в Россию, Молдавию, Венгрию и другие страны⁶.

Торговля ремесленными изделиями и предметами сельского хозяйства производилась главным образом на торгах и ярмарках. Остатки феодальной раздробленности крайне стесняли развитие торговли. Стремясь извлечь как можно больше доходов, феодалы ставили торговле многочисленные рогатки. Так, например, на сравнительно небольшом пространстве от Торок до Яворова, от Дрогобыча до Ярослава местные власти и отдельные феодалы 147 раз взимали мыта обычные и чрезвычайные⁷. Торговцы постоянно жаловались на то, что «с одного воза по семь и по восемь мыт берут... кроме мостового, станового и всяких мыт по

¹ *L. Charewiczowa*, *Lwowskie organizacje zawodowe za czasów Polski przedbiorowej*, Lwów, 1929, стр. 4—5.

² *L. Charewiczowa*, *Handel średniowiecznego Lwowa*, Lwów, 1925, стр. 113.

³ *K. Badecki*, *Ludwisarstwo lwowskie*, Lwów, 1921, стр. 90—91.

⁴ Архив Юго-Западной России, ч. VII, т. I, К., 1886 г., стр. 80.

⁵ *L. Charewiczowa*, *Lwowskie organizacje zawodowe*, стр. 4—5.

⁶ *I. Крип'якевич*, *Зв'язки Західної України з Росією до середини XVII ст.*, К., 1953, стр. 12, 15 и др. *N. Jorga*, *Relatiile comerciale ale terilor noastre cu Lembergul*, v. I, Bucaresti, 1900, стр. 16—39 и др.

⁷ *Wi. Loziński*, *Prawem i lewem*, т. I, Lwów, 1913, стр. 155.

дорогам»¹. Однако никакие стеснения и злоупотребления, чинимые феодалами, не могли приостановить роста торговых связей, являвшегося естественным следствием процесса развития производительных сил, углубления общественного разделения труда. Развитие торговли укрепляло экономические связи между отдельными городами и районами страны.

Весьма показательным явлением, свидетельствующим о расширении внутреннего рынка, упрочении связей города с деревней, была торговля хлебом. Она производилась в довольно значительных размерах. Так, современник (XVI в.), описывая торги в Саноцкой земле, замечает, что «хлеб, хотя его отсюда и не спускают до Гданска (через Гданск шла торговля Польши с Западной Европой), он и здесь, в этом крае, находит хороший сбыт, потому что городов много, людей в них населено достаточно, и купцы часто приходят со всех сторон»². О продаже на городских торгах зерна и продуктов огородничества говорит также «Устав о мытах», изданный в Великом княжестве Литовском в 60-е годы XVI в. Устав предусматривает пошлины на «збоже всякое» и на «овоцу вшыеляко, что люди до торгу на ярмарки привозят до мест наших господарских, князских, панских, духовных и светских»³. В уставе перечисляются десятки названий сельскохозяйственных продуктов и ремесленных изделий, которые продавались на торгах и ярмарках.

Большое значение в хозяйственной жизни украинских земель приобрела ярмарочная торговля. В Киеве, Летичеве, Шаравке, Берестечке, Дрогобыче, а также во Львове, например, ярмарки бывали два, а в Баре, Луцке, Саноке — три раза в году⁴. Ярмарки продолжались довольно долго — неделю и даже две. О саноцких ярмарках, например, современник писал, что на них «бывает много коней из Венгрии, много различных фурманов (чумаков), вино, пиво перемышльское, жернова мельничные и другие товары»⁵.

Города находились как на королевских или великокняжеских, так и на частновладельческих землях. Большинство городов считалось собственностью светских и духовных феодалов. Мещане обязаны были отправлять в пользу владельцев городов многочисленные разорительные повинности — нести замковую службу (военная повинность по охране города), строить и ремонтировать городские укрепления, мосты, дороги, содержать великокняжеских и королевских послов и других должностных лиц

¹ *Źródła dziejowe*, т. VI, Warszawa, 1878, стр. 59—60.

² *Е. Дракохруст*, Галицкое Прикарпатье XVI в. и движение опришков, Вопросы истории № 1, 1948 г., стр. 42.

³ Памятники, изданные Киевскою комиссиею для разбора древних актов, т. II, изд. 2, К., 1898, стр. 558—561.

⁴ *А. Верзилов*, Очерки торговли Южной Руси с 1480 по 1569 гг., Чернигов, 1898, стр. 35—40.

⁵ *Е. Дракохруст*, Галицкое Прикарпатье XVI в. и движение опришков, Вопросы истории № 1, 1948 г., стр. 44.

во время их проезда. Кроме того, мещане должны были для владельца или его администрации убирать хлеб, косить сено, возить дрова, ловить зверя и рыбу, платить разного рода пошлины — въезжие (при вступлении в должность наместника), свадебную куницу (за право вступать в брак) и др. Города боролись за освобождение от власти светских и духовных феодалов, за приобретение права на самоуправление.

Городское население было далеко не однородным в социальном отношении. Верхушку его составляли богатые купцы и ремесленники. Приобретая земли и крепостных, а часто и шляхетское звание, они образовали тонкий слой патрициата — городского аристократии, сливавшейся порой с классом феодалов. В тех городах, где существовало так называемое магдебургское право¹, городское самоуправление сосредоточивалось целиком в их руках. Из среды городского патрициата избирался войт (глава городского самоуправления), бурмистры и райцы (советники), лавники (судьи по уголовным делам) и т. д. Довольно значительную группу мещанства составляли средние и мелкие купцы и ремесленники — хозяева лавок и мастерских. Самая многочисленная часть городского населения была представлена подмастерьями, учениками, партачами (не имевшими доступа в цех ремесленниками), наймитами, белыми крестьянами, искавшими в городах убежища и заработка.

Верхушка мещанства угнетала городские низы. Она безжалостно эксплуатировала подмастерьев, учеников и наймитов, сдавала по высоким ценам в наем торговые, ремесленные и жилые помещения, давала деньги в рост на кабальных условиях и т. д. К притеснениям со стороны местных богачей и городских властей добавлялись злоупотребления, которые чинила государственная администрация — воеводы, наместники, старосты и др.

Особенно тяжелым было положение мещанства частновладельческих городов. А таких было большинство². Руггиери писал, что польский феодал «чинит насилия не только в селах, но и в городах, так как и города им (феодалам) принадлежат, и не найдешь никого, кто бы мог заступиться за обиженного, слабого... Есть также между ними (панами. — В. Г.), — продолжает он, — настоящие разбойники»³.

Тяжкий социальный гнет, которому подвергалось украинское крестьянство и широкие слои городского населения, усугублялся жестоким национальным угнетением и религиозными преследо-

¹ Право на городское самоуправление, получаемое за высокое вознаграждение от короля, великого князя или отдельных феодалов.

² Даже столетие спустя (в первой четверти XVII в.) из общего числа 323 городов и местечек в Киевском и Брацлавском воеводствах частновладельческих было 261, т. е. около 81%, королевских — 52, т. е. 16%. Остальные 10 городов принадлежали церкви (Zródła dziejowe, т. XXII, Warszawa, 1897, стр. 241).

³ Relacye nuncyuszów apostolskich, т. I, стр. 126.

ваниями. Польские паны стремились насильственно ополячить и окатоличить украинский народ. В западных украинских землях преследование украинской народности началось уже в XIV веке. Католическая церковь, польские магнаты и шляхта попирали обычай и культуру украинского народа. Жестоким гонениям подвергалась православная религия. После Кревской унии национальные и религиозные преследования начались и в Восточной Украине, входившей в состав Литвы. Показателем жестокого национального гнета являлись разного рода притеснения и ограничения, которые терпело украинское мещанство. Во Львове, например, одним из крупнейших городов Украины, украинские мещане не допускались в цехи, ограничивались в правах на торговлю сукном, спиртными напитками, а также в правах на занятие должностей в городском самоуправлении и др. Проживать и приобретать недвижимую собственность им разрешалось только в определенном районе города, называвшемся Русской улицей. Запрещалось публичное исполнение православных обрядов. В таком же положении находилось украинское мещанство Перемышля, Каменца и других городов.

В 1520 г. львовские мещане, надеясь найти защиту у короля, обратились к нему с жалобой на национальные и религиозные притеснения. Ответ последовал только через пять лет: король оставил в силе все прежние стеснения, применявшиеся к украинскому населению¹.

Социальное и национальное угнетение украинского народа в Литве и Польше усугублялось царившей в этих странах феодальной анархией, произволом магнатов и шляхты. В княжестве Литовском государственная власть сосредоточивалась в руках приблизительно десяти магнатских фамилий. Князья Острожские, Вишневецкие, Чарторыйские, Радзивиллы, Сапеги, Слуцкие имели громадные земельные владения. Крупные землевладельцы (магнаты), собиравшие огромные доходы с подвластного сельского и городского населения, имели свои собственные войска, крепости и т. д. Значительная часть магнатских слуг состояла из мелкой и средней шляхты, которой магнаты под условием отправления службы в их пользу давали земли с крестьянами. Эта шляхта находилась в полной зависимости от своих патронов. Магнаты являлись, по существу, неограниченными властителями в своих владениях. Стремясь сохранить и расширить свои привилегии, они упорно боролись за всемерное ограничение власти главы государства — короля и великого князя. Со второй половины XV в. магнаты составляли при великом князе совет — паны-рада. Без согласия панов-рады великий князь не мог отменять старые и издавать новые законы, сношаться с иностранными государствами, выносить приговоры по важным судебным делам и т. д. Во всех случаях, когда мнение великого князя рас-

¹ Monumenta confraternitatis stauprogiane, т. I, ч. 5.

ходилось с мнением панов-рады, он обязан был подчиняться последним. Права панов-рады были законодательно закреплены привилеем 1492 г.

Безграничное влияние магнатов в государстве обеспечивалось также тем, что в огромном большинстве случаев влиятельные должности — воевод, наместников, старост и др. замещались ими или по их указанию. В результате этого, по словам М. Литвина, одно и то же лицо занимало одновременно по 10 должностей и более¹. Ясно поэтому, что произвол магнатов, от которого страдали прежде всего широкие народные массы, часто задевал также интересы мелкой и средней шляхты. Земли и должности, которые великий князь в целях укрепления своей власти раздавал шляхте, часто становились добычей магнатов. Распределяя эти земли между своими приверженцами, магнаты лишали великого князя его естественной опоры. Громадная часть налогов и поборов, предназначенных для государственных целей — найма войск, строительства крепостей и т. д., — также присваивалась магнатами.

Такое же примерно положение сохранялось и в Польше. Здесь король также всецело зависел от всемогущих вельмож-магнатов, которые, захватив в свои руки власть, использовали ее в своих корыстных интересах. Подчиненное положение королевской власти по отношению к магнатам было оформлено в законодательном порядке уже Нешавскими статутами 1454 г. Большую роль в деле сохранения остатков феодальной раздробленности в Польше сыграл Ватикан, некоторые западноевропейские державы, в первую очередь Австрийская империя, заинтересованные в политической слабости Польского государства.

Католическая церковь в Польше была крупнейшим феодальным землевладельцем. В пользу католического духовенства с крестьян и мещан взимались огромные налоги — так называемая церковная десятина (десятая часть доходов). Усиление королевской власти угрожало церкви секуляризацией (отчуждение в пользу государства) ее громадных владений. Понятно поэтому, что феодальная раздробленность в Польше была на руку Ватикану, который всеми силами поддерживал польских магнатов в их борьбе против королевской власти. Вместе с тем Ватикан преследовал и другие цели: он стремился сплотить крупных феодалов Польши и Литвы, чтобы активизировать их экспансию на восток — против исконных украинских, белорусских и русских земель и распространить на них свое влияние.

Остатки феодальной раздробленности тяжело сказывались на обороноспособности Литвы и Польши. Опасаясь усиления королевской власти, магнаты противились организации постоянного войска. Пользуясь этим, австрийские Габсбурги отторгли у Польши Силезию, а Швеция старалась вытеснить ее из При-

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. I, стр. 45.

балтики. Южные границы Литвы и Польши подвергались опустошительным набегам турецких и татарских феодалов. Крым и Турция были особенно опасными соседями. Крымское ханство, расположенное на юго-востоке, по соседству с литовскими владениями, возникло в 30-х гг. XV в. в процессе разложения Золотой Орды. Крымские татары, делившиеся на несколько орд, находились на весьма низкой ступени экономического и культурного развития. Основным занятием татар было кочевое скотоводство. Важную роль в их жизни играла война. Татарские феодалы постоянно предпринимали разбойничьи набеги на чужие земли. Отмечая эту черту общественного уклада татар, современник француз Блез де Виженер писал в 1573 г., что они «не признают иного занятия, кроме войны, т. е. внезапных набегов, сопровождаемых убийствами и грабежами»¹. Над массой кочевников (оседлое татарское население было незначительным) господствовала знать, владевшая огромными табунами лошадей, стадами крупного и мелкого рогатого скота, а также многочисленными рабами. Труд рабов находил некоторое применение в самом хозяйстве феодалов, основная же масса их служила предметом торговли с восточными странами и приносила большие доходы. Татарская знать эксплуатировала также труд местного феодально-зависимого населения. Организуя грабительские походы в другие страны, феодалы снабжали бедноту лошадьми, оружием, одеждой и т. д., за что она должна была отдавать им большую часть добычи. «Они, — пишет современник, — до того обогатились добычей от частых набегов, что знатнейшие из них в богатстве и пышности домашней не уступают даже туркам»².

Во главе Крымского государства стоял хан. Ханы, а также другие крупные феодалы окружали себя сказочной роскошью. Хану воздавались божеские почести. Даже знатные феодалы, являвшиеся к нему на прием, могли прикасаться лишь к его стопам. Однако эти знаки преклонения были чисто внешними. Крупные феодалы, стремясь удержать свою независимость, часто вступали в вооруженную борьбу с ханами. Феодальные распри сопровождались бесчисленными преступлениями — грабежами и убийствами.

Господство татарских феодалов имело тяжелые последствия для экономической и культурной жизни Крыма. Местное население, состоявшее из украинцев, русских, армян и т. д., изнывало под ненавистным татарским игом. «Города, — пишет Литвин, — некогда преисполненные огромных богатств, гордости, веселья, шума, всевозможной роскоши, ныне пусты и покрыты развалинами»; многие из них «сравнены с землею и имена их забыты»³.

Беспрерывной междоусобной борьбой крымских феодалов не преринула воспользоваться Турция. Незаметное ранее мало-

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. I, стр. 80.

² Там же, стр. 82.

³ Там же.

азиатское государство Турция с конца XIII в., со времени султана Османа (1288—1326 гг.), по имени которого она стала называться Оттоманской (Османской), быстро расширяется и укрепляется. В течение одного столетия Османская Турция подчинила себе почти все византийские владения в Малой Азии. В ходе непрерывных войн Турция приобрела резко выраженные черты военной державы. Турецкие феодалы, получившие от султана, верховного собственника земель, поместья и крестьян в покоренных странах, целиком посвящали себя военному делу. В 1453 г. под ударами турок-османов пал Константинополь. Просуществовавшая много столетий Византийская империя была разрушена. Константинополь, переименованный в Стамбул, стал столицей Турецкой империи (Оттоманская Порта). Утвердившись на берегах Босфора, турецкие феодалы начали борьбу за превращение Турции в мировую державу. Они приступили к завоеванию Балкан, островов Греческого архипелага, Передней Азии, Египта, вторглись в Центральную Европу, опоясали цепью крепостей все черноморское побережье, захватили Азов, заперев тем самым устье Дона, и т. д.

В своих завоевательных целях турецкие феодалы широко пользовались реакционной идеологией ислама. Ислам разжигал ненависть к другим народам и призывал к покорению и истреблению гяуров (неверных), обещая за это своим приверженцам блаженство в «потустороннем мире». Турецкий султан был одновременно не только светским государем, но и халифом — духовным главой мусульман. Территориальный рост Османской Турции, расширение ее политического влияния и захватнические устремления получили известное отражение в многословном, пышном и претенциозном титуле султана. Сулейман II Великолепный (начало XVI в.), например, так именовал себя в официальных обращениях: «...я сам, султан султанов, государь государей, раздающий короны монархам всего земного шара, я, тень бога на земле, султан и падишах Белого (Эгейского. — В. Г.) и Черного морей, Румелии, Анатолии, Карамании, Румской земли, Зулькадрош и Диарбекра, Курдистана, Азербайджана, Персии, Дамаска, Алеппо, Капра, Мекки и Медины, Иерусалима, всей земли Аравии, Иемена и многих других земель, завоеванных оружием моих благородных и знаменитых предков (да освятит господь их могилы), а равно приобретенных огненным мечом и победною саблею моего августейшего величества».

В Крым турки вторглись в 1475 г. (при хане Менгли-Гирее). Крымское ханство попало в зависимость от Турции, стало ее вассалом. Ханский трон стал замещаться по воле султана членами крымской династии Гиреев. Султан назначал также высшее мусульманское духовенство в Крыму. Во всех стратегически важных пунктах полуострова — в Перекопе, Газлеви (Евпатория), Кафе (Феодосия), Еникале, Арабате и др. были сооружены

крепости и размещены турецкие гарнизоны. Кафу, являвшуюся местопребыванием главных начальников османских войск в Крыму, турки называли «Малым Стамбулом».

С конца XV в., со времени установления турецкого господства на северном побережье Черного моря, набеги татар и турок стали страшным бедствием для украинского и русского народов. В России для защиты от этих набегов и их предотвращения были предприняты серьезные меры. В первой половине XVI в. на южных окраинах страны стали возникать оборонительные линии, так называемые «засечные черты». Одна «засечная черта» шла по Оке от Нижнего Новгорода до Серпухова и оттуда на Тулу и Козельск. Южнее Тульской шли другие линии укреплений — от Оки и Рязани до Козельска и от Алатыря к Новгород-Северску и к Путивлю. «Засечные черты» состояли из целой системы городов, острогов, острожков и сторожевых башен, а также из сплошных завалов подсеченных деревьев (засака). В дно рек на месте бродов для затруднения прохода татарской конницы вбивались колья. Охрана укреплений производилась служилыми людьми, поселяемыми на окраинах и получавшими гут земли. Для наблюдения за врагом далеко в степь посылались конные «сторожи» и «станции». Последние, устраивая наблюдательные вышки и объезжая отдельные участки, давали знать в города о появлении татар. Для охраны тех звеньев укреплений, которые отстояли далеко от городов, привлекались местные крестьяне. Тут строительством и обороной укреплений руководили специальные лица — засечные головы и приказчики. Борьба с татарами требовала огромного напряжения сил всего государства.

Совсем другим было положение в Польше и Литве. Польские и литовские магнаты, озабоченные лишь тем, чтобы удержать в повиновении своих подданных и расширить свои владения, почти ничего не делали для организации обороны юго-восточных границ от татарских набегов. Пользуясь этим, татары безнаказанно по нескольку раз в году вторгались в пределы Украины. Уже к XVI в. крымские феодалы могли выставлять огромное по тому времени войско — около 30 тыс. человек. Вооружение основной массы воинов состояло из лука, колчана со стрелами, костяной или деревянной палицы, кинжала, сабли. Металлические щиты и кожаные панцири были лишь у самых богатых. Одежду татар составляла короткая рубаша из бумажной ткани, порты и шаровары из полосатого сукна или той же бумажной материи. Более знатные носили стеганные кафтаны, а сверху суконные халаты, подбитые лисьим или собольим мехом, дорогие меховые шапки и красные сафьяновые сапоги¹. Во время набегов каждый наездник имел от 2-х до 6 лошадей. Не слезая с седла почти круглые сутки, а пересаживаясь на всем скаку

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 329—330.

с одной лошади на другую, татары в короткое время преодолевали значительные расстояния. Их набеги отличались внезапностью и стремительностью. Обозов татары с собой не возили. Через реки, даже во время ледохода, они переправлялись вплавь, держась за гривы лошадей и привязывая к их хвостам небольшие плоты из камыша или прутьев. На них складывалось оружие, одежда и пища. Кроме оружия и других необходимых в походе предметов — кремня с огнивом и шнла, каждый татарин имел при себе ремни длиной в 5—6 сажен, предназначавшиеся для связывания пленных ¹.

Во время набега татарская орда, разделившись на множество отрядов, охватывала большие пространства и достигала самых глубинных районов Польши и Литвы. Во время набега 1474 г., например, грабители дошли до Бара (Подолия), Збаража (Вольнь) и Галича (Прикарпатье), опустошив область на 100 миль (ок. 700 км.) в длину и 30 миль (ок. 200 км.) в ширину. В 1527 году татарское войско в количестве 25 тыс. чел., двинувшись на Литву по приказу турецкого султана, дошло до Пинска на севере и до Люблина и Белза на западе ².

Жестокость насильников не знала пределов. Они без разбора убивали взрослых и детей, грабили и сжигали поселения, вытпывали посевы. Больше всего от татарских набегов страдали народные массы. Паны отсиживались за толстыми стенами своих замков и крепостей, охраняемых вооруженными отрядами. Современники (середина XVI в.), бывшие свидетелями одного из татарских набегов, так описывали кровавую расправу хищников со своими жертвами: «Мы видели, как их убивали, обезглавливали, разбрасывали их отрубленные члены и головы; жестокий враг бросал в огонь их трепещущие сердца, вырывал их легкие и обнажал внутренности» ³. Пути, по которым проходила орда, освещались зловещим заревом пожаров и устилались трупами убитых и замученных жителей. Тысячи и десятки тысяч людей, крепко связанных ремнями, татары угоняли в Крым. Дороги оглашались стонами и воплями несчастных. Многие пленники от голода, жажды и побоев умирали еще в пути.

Память о злодеяниях крымских грабителей, веками опустошавших Украину, сохранила скорбная украинская народная дума:

«Зажурилась Україна, що ніде прожити:
Витоптала орда кіньми маленькі діти,
Малих потоптала, старих порубала,
А молодшим середульшим назад руки пов'язала,
Під хана погнала».

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. I, стр. II и вып. II, стр. 330.

² Kronika Marcina Bielskiego, т. II, Sanok, 1856, стр. 855, 1040.

³ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. I, стр. 22.

В Крыму пленников ожидала участь, которой многие предпочитали смерть. Современник писал, что «для каждого гораздо предпочтительнее быть убитым на месте, так как (татарский) плен... несравненно хуже самой лютой смерти»¹. По прибытии в Крым невольников делили, отнимая детей у родителей, жен у мужей, сестер у братьев. Десятая часть пленных отдавалась в виде налога хану, часть мурзам и другим феодалам. В самом Крыму оставалось сравнительно немного невольников. Их заставляли трудиться в хозяйствах феодалов. Обращение с невольниками было нестерпимо жестоким. Едва прикрытые жалким рубищем, летом невольники работали под палящими лучами солнца, а зимой — на морозе. Чтобы предупредить побег, невольникам ставили клейма на лбу и щеках, отрезали уши и вырывали ноздри, калечили ноги, заковывали в кандалы. Ночью невольники содержались в смрадных темницах. Обычная пища их состояла, по свидетельству очевидца, «из мяса-падали, гнилого, покрытого червями и вселяющего отвращение даже собакам»². Татарская знать воспитывала у подрастающего поколения жестокость и презрение к невольникам. Она нередко отдавала их, в особенности подростков и престарелых, на забаву своим детям. Последние стреляли в беззащитных из лука, метали в них камни, рубили саблями или же, ради потехи, сбрасывали с высоких скал³.

Основная масса пленных предназначалась для продажи. Крупнейшими невольничьими рынками, далеко известными за пределами Крыма, были Кафа и Газлеви. Кафу современники называли поглощающей человеческую кровь ненасытной пучиной⁴. Закованных невольников сотнями и тысячами отправляли на рынки. Удивленный непрерывным потоком рабов, направлявшимся в Кафу, сборщик пошлин, стоявший у городских ворот, спрашивал у литовского посла (первая половина XVI в.): откуда берется такое множество людей и вообще остались ли еще люди на Украине?⁵.

Оценщики и покупатели (работорговцы из Турции, Персии и других стран), осматривая живой товар, заставляли невольников открывать рот и показывать зубы, бегать, поднимать тяжести и т. д.

Купленных невольников целыми партиями гнали прямо с рынка на корабли. Здоровых и сильных мужчин отправляли на тяжелые и изнурительные работы — в поместья феодалов, в рудники; женщин перепродавали в гаремы. Значительная часть мужчин-невольников попадала на турецкие каторги. Каторга — большое гребное судно длиной более 50 и шириной около

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. I, стр. 81.

² Там же, стр. 19.

³ Там же, стр. 82.

⁴ Там же, стр. 21.

⁵ Там же, стр. 19.

6 метров. На каторге гребцы располагались двумя рядами вдоль бортов по 5—6 человек за каждым веслом¹. Прикованные железными цепями к скамьям, гребцы должны были мерно взмахивать веслами под глухие звуки тулумбаса²; на их обнаженные спины градом сыпались удары бичей и палок. Гребцов заставляли поддерживать большую скорость движения каторги — до 8 узлов в час (около 14 км.).

Нечеловеческие условия труда в хозяйстве турецких и крымских феодалов, на каторгах и т. д. приводили к скорой гибели невольников. Поэтому татарские и турецкие насильники нуждались в постоянном притоке свежей рабочей силы.

Литовское и польское правительства не могли защитить ни свои земли, ни захваченную ими Украину от татарских набегов. Они сами платили ханам унижительную дань. Кровавая татарская и турецкая агрессия задерживала хозяйственное и культурное развитие Украины. Юго-восточные пределы Киевщины, Волины и Подолли, чаще других подвергавшиеся набегам, почти совсем обезлюдели. По словам современника, эти богатые и живописные местности могли быть цветущим краем, «если бы не набеги и вторжения татар»³.

Тяжкий социальный и национальный гнет, которому подвергали народные массы Украины литовские и польские феодалы, а также опустошительные нашествия татар и турок ставили под угрозу само существование украинского народа. Все это вызвало мужественный протест со стороны народных масс. В связи с ростом крепостничества в Польше крестьяне и мещане все чаще и чаще стали отказываться выполнять феодальные повинности. Участились случаи нападения крестьян на феодалов и убийства последних. Известный польский публицист Ф. Моджевский (1503—1572 гг.) с полным основанием заметил, что «сколько у шляхты подданных, столько у нее и врагов».

Протест крестьян принимал порой форму волнений, охватывавших часто целые округа. Несмотря на скудность документальных данных, относящихся к этому периоду, известно, что уже в 1431 г. восстали и объявили себя свободными от всяких повинностей крестьяне Бакотского округа (Подоллия). В 1469 г. в Галиции, по словам польских летописцев, вспыхнуло новое восстание крестьян.

Более подробные данные сохранились о восстании 1490 г. Крестьяне под предводительством Мухи (имя его осталось неизвестным), сосредоточившись на границе Молдавии, двинулись вглубь Галиции. Повстанцы громили шляхетские имения и замки, изгоняли и убивали ненавистных польских и украинских панов. Число восставших быстро увеличивалось. По словам современника

¹ На одной каторге было занято около 300 гребцов. Всего, вместе с экипажем и охраной, она вмещала до 450 чел.

² Старинный ударный инструмент, род бубна.

³ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. I, стр. 61.

событий, торговицкого бискупа Яна, войско Мухи насчитывало 9 тыс. чел.¹ Волна восстания докатилась до Галича и затем захлестнула левый берег Днестра. В руках повстанцев оказался Снятин (ныне город Станиславской области) и ряд других пунктов. Восстание принимало грозные размеры². В юго-восточной части Галиции появились самостоятельно действующие отряды повстанцев. Галицкие магнаты и шляхта не могли сами справиться с восставшими. О размахе восстания можно судить по тому, что для подавления его было создано посполитое рушенье³ и призваны феодальные дружины из Пруссии. Теснимое превосходящими силами врага, крестьянское войско отступило к Рогатину. Слабо организованные и плохо вооруженные повстанческие отряды мужественно оборонялись. Однако вскоре феодалы нанесли им тяжелое поражение. Восстание было подавлено⁴. Для подавления восстаний украинского крестьянства польские паны не пренебрегали даже союзом с татарами. «Року 1519, — говорит киевский летописец, — татаре с поляками зрадившеся, на голову наших, Русь, под Сокалем поразили, а других в Бугу потопили».

* * *

Протест народных масс Украины против социального и национального гнета проявлялся и в других формах. Одной из них, получившей наиболее широкое распространение, было бегство крестьян от феодалов. Посредством бегства они, разумеется, стремились избавиться от феодальной зависимости. Значение бегства крестьян в эпоху феодализма было с исчерпывающей полнотой раскрыто К. Марксом и Ф. Энгельсом. Основным путем освобождения крестьянства от оков феодализма, указывали они, является буржуазно-демократическая революция. Окончательное же освобождение крестьянства возможно только в результате победоносной социалистической революции. Однако известная часть крестьянства, отметили К. Маркс и Ф. Энгельс, приобретает возможность освободиться от крепостничества еще в эпоху господства феодализма. Это освобождение происходит двояким способом: либо посредством выкупа, либо, что бывает несравненно чаще, путем бегства.

Особенностью бегства, как формы антифеодального протеста крестьян, отмечали Маркс и Энгельс, является то, что крестьяне этим путем «освобождались не как класс, а поодиночке», причем

¹ Согласно Бельскому, повстанцев было 10 тыс. (*Kronika Marcina Bielskiego*, т. II, Сапок, 1856, стр. 887).

² В стихотворении анонимного польского автора начала XVII века руководитель повстанцев — Муха, что весьма интересно, назван казаком (*Записки научового товариства ім. Шевченка у Львові*, т. XLVII, стр. 7). Таким образом, восстание 1490 г. было в глазах современников (XVII в.) восстанием уже казацко-крестьянским, а не только крестьянским.

³ Посполитое рушенье — шляхетское ополчение, созываемое либо в пределах всей страны, либо отдельных воеводств и земель.

⁴ *Kronika Marcina Bielskiego*, т. II, стр. 887.

«они не покидали сферы сословного строя, образуя лишь новое сословие»¹. В этом заключается одно из существеннейших отличий в условиях освобождения крестьянства из-под власти феодалов от способов освобождения пролетариата от капитализма. Пролетариату, «чтобы отстоять свою личность, должны уничтожить условия своего собственного существования»², т. е. капиталистический способ производства.

На что рассчитывали крестьяне, покидая феодалов? В странах Западной Европы они надеялись попасть в число горожан, ибо, как говорили тогда, «городской воздух делает человека свободным». К. Маркс и Ф. Энгельс впервые показали, какое огромное значение имело бегство крестьян для дальнейшего развития производительных сил западноевропейских стран, для роста старых и возникновения новых городов, для ремесла и торговли. Хотя и на новых местах беглые «сохраняли... свой прежний способ труда», они наряду с этим «развивали его дальше, освободив от прежних пут, уже не отвечавших достигнутой ими ступени развития»³. Иными словами, в условиях начавшегося разложения феодально-крепостнических отношений беглые крепостные стремились к тому, «чтобы свободно развить и провести в жизнь свои уже имевшиеся налицо условия существования»⁴.

Бегство крестьян как форму борьбы против феодализма К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали, прежде всего, применительно к странам Западной Европы. Однако положения, высказанные основоположниками научного социализма, не теряют своего громадного теоретического значения также при изучении истории стран Восточной Европы, прежде всего России и Украины. Они помогают нам осмыслить сложный процесс возникновения русского и украинского казачества.

В России и на Украине бегство крестьян, в связи с усилением феодально-крепостнического гнета, приняло, в особенности со второй половины XV в., широкие размеры. Украинские крестьяне и мещане группами и семьями, а нередко целыми селениями уходили в почти безлюдные восточные и южные окраины Подолии, Брацлавщины, Киевщины. О размерах бегства крепостных от панов в это время мы имеем некоторую возможность судить на основе следующей выдержки из произведения польского поэта XVI в. П. Збылитовского. Отражая беспокойство феодалов в связи с побегами крестьян, он писал:

«Что ждет нас впереди, если мы села свои будем разорять
И собственных своих хлопов попрежнему разгонять?..
Нива моя отцовская брошенная лежит,
Ибо и последний хлоп из села от неволи бежит...»⁵

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, М., 1938, стр. 67.

² Там же, стр. 68.

³ Там же, стр. 67.

⁴ Там же, стр. 68.

⁵ Перевод с польского наш. — В. Г.

Феодалы, стремясь воспрепятствовать уходу своих подданных, не останавливались ни перед чем. В России дворяне устраивали настоящие облавы на беглецов, травили их как зверей. Они отправлялись за ними «в погоню с погонщиками»¹. Польские, литовские и украинские паны поступали так же. Пойманных беглецов подвергали пыткам, вешали, сажали на кол. Борьба с беглыми крестьянами велась и средствами государственной власти. С 1451 г. дела о бегстве крестьян в Польше составляли компетенцию городских судов. Нешавский статут (1454) предусматривал высокий штраф для всякого, кто решился бы укрыть беглеца. Со второй половины XV в. законы против беглых следовали один за другим. Согласно Судебнику великого князя Казимира Ягеллона от 1467 г., лица, подстрекавшие крестьян к побегу, подлежали смертной казни через повешение².

Все эти законы преследовали единственную цель: лишить беглых возможности найти пристанище и заставить их отказаться даже от самой мысли о побеге. Однако бегство крестьян не только не прекращалось, но, напротив, с каждым годом усиливалось.

Порывая с феодальной зависимостью и оседая на новых местах, беглые считали себя вольными людьми — *казаками*³. С. Грондский (середина XVII в.), останавливаясь на вопросе о возникновении казачества, писал: «Те из русского (украинского) народа, которые... не хотели терпеть ярмо и власть местных панов, уходили в далекие края, к тому времени еще незаселенные, и присваивали себе право на свободу... основывали новые колонии и чтобы отличаться от подданных, принадлежавших русским (украинским) панам, стали именовать себя казаками»⁴.

Во второй половине XV и в начале XVI в. в верховьях Южного Буга, у Соба и Синюхи, на Роси, Тясмине, а также на левом берегу Днепра — по Трубежу, Суле, Пслу и т. д. появляется немало слобод и хуторов. Население их считало себя казаками. Вскоре казацкие поселения заняли значительную полосу восточного украинского пограничья — от днепровского Левобережья и до Днестра. Современник (XVI в.), описывавший заселение пограничных украинских земель беглыми крепостными, подчеркивал, что в то время как «многолюдные некогда земли, местечки и села срединных областей (страны) совсем запустели... необитаемые прежде пространства украинные наполнялись жителями к неисчислимому вреду их прежних помещиков». Около этого же времени, надо сказать, появляется казачество и в России — на Дону, Яике и в других местах⁵. Подчеркивая эту мысль,

¹ Булавинское восстание. Сборн. док., М., 1935, стр. 2.

² Документы и материалы по истории народов СССР. Законодательные акты Великого княжества Литовского XV—XVI вв., № 2, стр. 14.

³ Слово «казак» тюркского происхождения и означает «вольный человек».

⁴ S. Grondski. Historia belli cosacco-polonici, Pestini, 1789 г., стр. 15.

⁵ См. И. Смирнов, Восстание Болотникова 1606—1607 гг., М., 1951.

К. Маркс в своих заметках о крестьянском восстании под руководством Степана Разина писал: «Русь тогда (речь идет о XV в. — В. Г.) была разделена на два государства: Москву и Литву. В обоих половинах явилось казачество. Тогда как в Южной Руси заложилось славное Запорожье и дух казачества разлился по всей Украине, произошел такой же наплыв народа с севера на Дон»¹. О казаках в Подолии имеются известия уже с 80-х гг. XV века. Описывая поход Яна Альбрехта (сына короля Казимира IV) в Восточную Подолию против татар в 1489 г., М. Бельский замечает, что польское войско могло успешно продвигаться в подольских степях лишь благодаря тому, что проводниками его являлись местные казаки, хорошо знавшие свои края². Это упоминание можно считать, пока не будут найдены другие данные, первым документальным известием об украинских казаках³.

Самые ранние данные о казаках на Киевщине относятся к 1492 г., а еще более выразительные — к 1499 г. В грамоте великого князя литовского Александра (преемника Казимира Ягеллона) от 1499 г. о взимании пошлин киевским воеводой читаем: «Которые козаки зверху Днепра и с наших сторон ходят водою на низ до Черкас и далее и што там здобудут, с того со всего воеводе киевскому десятое мают давати»⁴.

Хотя сведения о казаках, как видим, относятся лишь к концу XV в., однако, разумеется, возникновение казачества нужно отнести к более раннему периоду.

Появление казаков в пограничных землях оживило малолюдные, пустынные, хотя и богатые своими естественными ресурсами, южноукраинские степи. Ценою огромных усилий казаки отвоевывали у природы ее дары: они распахивали целинные земли, заросшие густой исполинской травой (тырсой) и терновником, прокладывали дороги, строили мосты, основывали поселения, разводили сады и т. д. Казаки положили начало развитию земледелия в степном крае. Наряду с этим в местах, заселенных каза-

¹ К. Маркс, Стенька Разин, журнал «Молодая Гвардия» № 1, 1926 г., стр. 107. Подчеркнуто нами. — В. Г.

² Kronika Marcina Bielskiego, т. II, стр. 882 («mając wodzę kozaki tych tam miejsc świadome»).

³ М. Грушевский берет под сомнение известие М. Бельского о казаках в Подолии, заявляя, будто сам Бельский на стр. 991 своей Хроники первые данные о казаках относит лишь к 1516 г. (М. Грушевський, Історія України-Русі, т. VII, К.—Л., 1909, стр. 83). Это неправильно. Под 1516 г. Бельский, говоря о походе хмельницкого старосты Предслава Лянцкоронского на Белгород (Аккерман) с отрядом казаков, замечает при этом, что «только с этого времени появились у нас (т. е. у панов. — В. Г.) казаки» (Kronika Marcina Bielskiego, т. II, стр. 991). Нужно подчеркнуть, что в последнем случае Бельский имеет в виду не казаков в собственном смысле слова (о которых он уже писал под 1489 г.), а военных старостинских слуг, в это время, как будет указано ниже, также называвшихся казаками. Именно отряд таких «казаков» был у Лянцкоронского.

⁴ Акты, относящиеся к истории Западной России, т. I, стр. 170.

ками, успешно развивалось скотоводство и промыслы — рыболовство, звероловство, селитроварение и т. д. Об успешном освоении казаками земель на окраинах писал французский инженер Боплан, живший на Украине несколько позже (с 1630 по 1648 гг.): «Местное народонаселение (имеются в виду казаки. — В. Г.) ... так далеко отодвинуло его (государства) границы и приложило столько усилий к обработке пустынных земель, встречаемых им, что в настоящее время их необыкновенное плодородие составляет главный источник дохода... государства»¹. Казацкие поселения — слободы и хутора отличались относительно более высокой степенью благосостояния, чем убогие села и деревни крепостных крестьян. Это и понятно, так как свободный поселенец был более заинтересован в развитии своего хозяйства, нежели подневольный крепостной.

Память об этих слободах, население которых считало себя свободным от феодально-крепостнической зависимости, сохранилась в следующей народной песне.

«Зараз тая серед рая слобода засіла,
Тут тишина, вся старшина (чит. шляхта. — В. Г.)
не має к їм діла;
Тут сипуга, віт п'янюга, вже не докучає
І в підводу тут із роду ніхто не хапає.
Всі подубли, що їх скубли, сільські нахали,
Подеречі, колотнечі всі уже пропали.
Утік кураж, здирства нема ж, пропали всі драчі,
Щезло лихо, живуть тихо, не дають подачі»²

Основная масса казаков занималась земледелием, а также промыслами. Однако среди казаков было немало ремесленников — кузнецов, бондарей, скорняков, шорников, ткачей и т. д. Ремесленники селились у редких степных замков — Брацлава, Винницы, Переяслава, Канева, Черкасс и т. д., основывая местечки. Даже гораздо позднее, в XVII в., значительная часть населения этих городов считала себя казаками. Конечно, на первых порах ремесло не получило значительного развития в местностях, заселенных казаками.

Наряду с сельским хозяйством и ремеслами казачье население местечек и городов занималось также торговлей продуктами сельского хозяйства и промыслов. Черкасские и каневские казаки, например, возили в Киев мед, воск, кожи, меха, сало, солод и т. д. Заметное место занимала торговля рыбой — свежей, вяленой, соленой³.

В социальном отношении казачество не было однородным слоем. Экономическое неравенство в среде казачества возникло одновременно с его появлением, ибо от феодально-крепостнической зависимости в казаки бежали различные по своему иму-

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, К., 1896, стр. 295.

² Киевская Старина, 1882, апрель. Рукопись Н. В. Гоголя и А. А. Скальковского.

³ Акты, относящиеся к истории Западной России, т. I, стр. 170.

щественному положению элементы: с одной стороны, масса бедного, часто лишенного всяких средств к существованию сельского и городского люда, а с другой — крестьяне и ремесленники, обладавшие средствами производства и надеявшиеся найти на новых местах более благоприятные условия для развития своего хозяйства. Крестьяне и мещане часто бежали со своими семьями и имуществом — скотом, лошадьми, сельскохозяйственным инвентарем и т. д. Среди крепостных, особенно тех, кто владел средствами производства, было известное число зажиточных и богатых. О них С. Грондский писал: «Наиболее состоятельные из крестьян, даже отцы семейств, накопив известное имущество, забирали его и, не спрося разрешения у своих панов, устремлялись в казаки, откуда их было невозможно вернуть»¹. Таким образом, бегство крестьян с имуществом было делом не столь уже редким². Более того, богатые крестьяне и ремесленники нередко бежали вместе со своими наймитами. Так, например, 7 июля 1563 г. шляхтянка М. Сенютнна жаловалась луцкому подстаросте, что ее подданные, в частности «седельник з наймитами, Васечко з наймитом, Дмитр из сынми, Прыс из сынми и з наймитами» и др., сожгли ее усадьбу и «тое ж noci з женами, из детми и з маетностями (имуществом) своими повтекали проч»³.

На новых местах социальное неравенство в среде казачества не только сохранялось, но получало свое дальнейшее развитие. Пользуясь экономический несостоятельностью бедняков, богачи и здесь продолжали эксплуатировать их в своих хозяйствах. Наличие наймитов у богатых казаков в первой половине XVI в. отмечают многие документы. Так, например, уже в грамоте Сигизмунда I от 14 августа 1544 г. говорится, что черкасский староста взимает незаконные поборы с казаков и их наймитов⁴.

Подводя итоги сказанному, нужно отметить следующее. В странах Западной Европы беглые крестьяне служили источником пополнения городского населения и, следовательно, содействовали развитию городов. В Литве и Польше, а также в России, бегство крестьян в города ввиду относительной малочисленности последних не могло приобрести такого значения, как на Западе. К тому же в Литве и Польше значительная часть городов находилась во владении отдельных феодалов. Другими словами, города Восточной Европы не могли поглотить всю массу беглого сельского люда. Зато здесь перед беглецами открывались такие пути, каких не знала Западная Европа: возможность освоения обширных пространств на южных и юго-восточных окраинах Литвы, Польши и России.

¹ S. Grondski, *Historia belli cosacco-polonici*, стр. 21.

² Аналогичное явление наблюдалось в России. См. А. Новосельский, К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян, Исторические записки АН СССР, т. 16, М., 1945.

³ Архив Юго-Западной России, ч. VI, т. I, К., 1876, стр. 45—47.

⁴ Архив Юго-Западной России, ч. VII, т. II, К., 1890, стр. 368. Ср. Архив ЮЗР, ч. VII, т. I, стр. 82, 95.

Таким образом, если на Западе бегство крепостных крестьян способствовало развитию городского ремесла, то в Восточной Европе оно привело в первую очередь к хозяйственному освоению новых районов, к развитию сельского хозяйства и промыслов. Прогрессивное значение бегства крепостных и там и тут заключалось не только в том, что оно содействовало поступательному движению производительных сил общества. Бегство являлось признаком разложения, пусть даже самого зачаточного, феодально-крепостнического строя и выражало стремление крестьянства и мещанства освободиться от тяжелого феодального гнета. Уже одно наличие в стране такого свободного, как казачество, слоя населения (преимущественно сельского), которое самим фактом своего существования доказывало возможность обходиться без феодалов, имело большое революционизирующее влияние на закрепощенные и угнетенные массы.

В условиях начавшегося разложения феодализма борьба народных масс за казацкие вольности являлась объективно движением не за возвращение старых патриархальных порядков, а за установление новых, более передовых, по сравнению с феодальными, общественных отношений.

В процессе борьбы с феодалами казаки, как и население свободных городов на Западе, выработали своеобразные формы организации и управления. Горожане объединялись в общины, которые, управляясь выборными лицами, имели свой суд, финансы и войско. В войске участвовало, как правило, все взрослое мужское население. Городские общины, как указывают К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии», были одновременно и самоуправляющимися и вооруженными ассоциациями¹. В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс пишут: «В средние века в каждом городе горожане вынуждены были... объединяться против сельского дворянства»². Это привело к «организации городской военной силы»³.

Необходимость борьбы с феодалами, не говоря уже о мотивах, подсказываемых хозяйственными интересами, заставила и казаков с самого начала объединиться в общины. Эти общины, подобно городским, были одновременно самоуправляющимися и вооруженными организациями. Создание военной организации казачества ускорялось тем, что казаки вынуждены были защищать себя от непрерывных набегов со стороны турецких и татарских феодалов⁴. В системе организации городского и казацкого самоуправления существовали однако и заметные

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, М., 1948, стр. 10.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 43.

³ Там же, стр. 41.

⁴ Э. Лясота, проезжавший через казацкие земли в конце XVI века, замечает, что каждый хлебопашец тут, «выходя на полевые работы, всегда имеет ружье на плече и саблю или тесак у пояса» (Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. I, стр. 154—155).

различия. Городским самоуправляющимся общинам, ввиду их территориальной разобщенности, было трудно сплотиться для борьбы с феодалами. Казачество, наоборот, занимало сплошные районы, целые области. Это способствовало тому, что оно могло сравнительно быстрее объединиться в целях организации отпора наступающим феодалам. Городские общины всегда, или почти всегда, сохраняли какую-то степень зависимости от феодалов (несли некоторые повинности, платили налоги и т. д.). Казачество же, если иметь в виду особенно начальный период его существования, порывало всякую зависимость от феодалов и даже, в известном смысле, от феодального государства.

Феодалы, понятно, не могли без опасения смотреть на усиление казачества, которое близко примыкало к угнетенным массам крестьянства и всегда могло выступить им на помощь. Они стремились во что бы то ни стало уничтожить казаков и вернуть их в крепостное ярмо. Не последнюю роль, конечно, играло тут стремление феодалов захватить обработанные казаками земли и другие освоенные ими угодья. Для этой цели польские и литовские паны не жалели сил и средств. В казачьи местности они отправляли вооруженные отряды своих слуг и наемников. Последние вторгались в казачьи слободы, грабили население, убивали тех, кто сопротивлялся панскому произволу. Насильники требовали, чтобы казаки признали над собой власть панов. Историк А. Ригельман (XVIII в.) отмечал в этой связи, что паны, «воображая, что Украина их отчина, а... (казаки) подданные и совершенные холопы, начали того для усиленно в жилища их вторгаться и в работы свои их... усиленно принуждать»¹.

В конце XV и начале XVI в. панам удалось присвоить себе значительную часть казацких земель на Подолии, Брацлавщине, Киевщине. Стараясь закрепить за собой захваченные земли, превратить их в наследственную собственность, они испрашивали на них у правительства жалованные грамоты. В разное время такие грамоты были выданы королем и великим князем магнатам Язловецким, Острожским, Вишневецким, Струсям, Претвичам и др. Точные границы пожалований в грамотах не обозначались: их предоставлялось определять самим панам «посредством своих сабель».

Казаки мужественно защищали свою свободу, а также освоенные ими земли от притязаний со стороны панов. Часть казачества, не желавшая признать над собой власть феодалов, была постепенно оттеснена ими к югу, в низовья днепровских притоков — Тясмина, Роси и т. д.

Именно в это время, в начале XVI в., начинает заметно возрастать казачье население на самых отдаленных, юго-восточных границах Украины, главным образом в окрестностях Канева и

¹ Летописное повествование о Малой России, сост. А. Ригельман, М., 1847 г., стр. 18—19.

Черкасс. Районы Канева и Черкасс первоначально входили в состав одного староства. В Каневе и Черкассах — небольших по тому времени местечках — имелись замки, которые являлись одновременно местопребыванием администрации староства. Они должны были преграждать татарам путь в Литву. В действительности же замки не могли быть сколько-нибудь серьезным препятствием для татарских орд. Литовское и польское правительства, всегда испытывавшие острую нужду в деньгах, не имели ни средств, ни желания заботиться об охране и укреплении замков. Замки находились в полуразрушенном состоянии, не имели надлежащего гарнизона, исправной артиллерии, припасов и т. д. Великокняжеские комиссары, ревизовавшие степные укрепления в феврале — марте 1552 г., оставили нам интересное их описание. Каневский замок стоял на правом берегу Днепра, на так называемой Днепровой горе. Стены его, составленные из 26 городен (срубы из бревен шириной до 6 м., заполнявшиеся землей), образовали продолговатый прямоугольник длиной в 40 сажен (около 80 м.) и шириной в 20 сажен (около 40 м.). С наружной стороны для предохранения от огня стены замка были обмазаны толстым слоем глины. Над стенами возвышалось 6 башен. Башни имели крыши, а городни — помосты и навесы. В башнях и на помостах стояли пушки и находились другие средства защиты: камни, колоды, смола, бочки с водой для тушения пожара. Городни служили одновременно жилыми и складочными помещениями. Во дворе замка стоял дом для старосты и несколько маленьких изб для замковой челяди. Тут же были пороховые погреба и другие подсобные помещения, а также церковь.

Замок был окружен рвом. От единственных крепостных ворот через ров был переброшен цепной мост. В работах по восстановлению замка в начале XVI в. было занято 1 500 «добродеревцев», кроме «могильников» (землекопов) и других работников. Дерево для возведения укреплений доставлялось плотами с верховьев Днепра. В башнях и на стенах, кроме пушек, было и другое огнестрельное оружие: дел (пушка большого калибра) — 1, дельцев (ядро такой пушки было величиной с куриное яйцо) — 2, серпантин (калибр около 11 см.) — 3, гаковниц (ручное оружие, род пицали; стрельба из нее производилась как с «ложка» станка, так и с крючка — гака) — 3 и 20 аркебузов (тяжелое ручное огнестрельное оружие, предшественник мушкета). От замка к Днепру был проложен тайник (подземный ход), по которому во время осады доставляли воду. С городом замок связывала узкая дорожка.

Так выглядел каневский замок в начале XVI в. Однако к 1552 г. он пришел уже в состояние полной негодности. По словам комиссаров, тут все «погнило и поподало». Опасно было не только подниматься по лестницам на стены, но и ходить по помосту. При малейшем дуновении ветра балки шатались и скрипели, угрожая обрушиться и похоронить под собою людей.

Тайник был завален землей. Непригодность замка определялась еще и другими обстоятельствами: вблизи замковых стен, на возвышенности, находились остатки старинного вала, с которого легко можно было стрелять прямо в замок.

Гарнизон каневского замка состоял в 1552 г. из нескольких десятков человек — бояр (род мелких служилых людей в Литве) и замковых слуг. В случае нападения неприятеля в замок собирались каневские жители, принимавшие деятельное участие в отражении врага ¹.

На расстоянии приблизительно 50 км южнее Канева находился черкасский замок. Он также стоял на возвышенности вблизи Днепра. Черкасский замок был не только больше каневского своими размерами, но и представлял собой более надежную защиту. Гарнизон его был многочисленнее каневского: в 1552 г. он состоял из роты жолнеров и 60 служебников. В каждой десятке воинов было по 2 копейщика и 8 стрельцов. В гарнизон входили также местные бояре, несшие конную службу. Кроме замковой службы, несколько раз в году гарнизон отряжал разъезды для осмотра окрестностей ².

Малочисленность и непригодность замков на юго-восточных окраинах, в частности в районе Канева и Черкасы, которые часто подвергались нападению со стороны татар, были причиной того, что феодалы сравнительно долгое время не решались тут обосноваться. Вот почему с начала XVI в. сюда чаще всего переселялись те казаки, которым наступление панов угрожало неизбежным закрепощением. Вследствие этого Каневское и Черкасское староства превратились в район с относительно многочисленным казачьим населением. Не случайно именно район Канева и Черкасы представлялся современникам основным местом сосредоточения украинского казачества, а в России с XVI в. самое название «черкасец», «черкашенин», «черкасцы», «черкасы» стало нарицательным для всего украинского казачества (позже «черкасами» называли в России всех вообще украинцев).

Значительное место в хозяйстве населения Каневского и Черкасского староств занимало земледелие. В вышеназванной описи (люстрации) каневского замка (1552 г.) говорится, например, что «земля по полям, над мистом, мещанам на пашню здавна была вольна» ³.

Название «мещанам» не должно нас смущать, т. к. опись составлялась в то время, когда часть казаков в целях принуждения к отбыванию городских повинностей была объявлена старостой «мещанами». Такие «мещане», кстати сказать, не призна-

¹ Архив ЮЗР, ч. VII, т. I, док. № 15, стр. 91—105.

² Там же, док. № 14, стр. 77—91.

³ Архив ЮЗР, ч. VII, т. I, док. № 15, стр. 97. В описи черкасского замка от того же 1552 г. читаем, что черкасцы пахут «на поли, где хто хочет» (Архив ЮЗР, ч. VII, т. I, стр. 86).

вали ни своего нового положения, ни названия и продолжали именоваться казаками ¹.

Кроме земледелия, не менее важное место в жизни населения этих староств занимали скотоводство и рыболовство.

Исключительно важную роль в хозяйственной жизни края играла река Днепр с ее многочисленными притоками. К югу от Канева великая украинская река течет в полосе лесостепи, покрытой заливными лугами, густыми зарослями кустарников и лиственными лесами. Пойма реки местами достигает здесь 14 км. Правый берег возвышен и круто обрывается к реке у Канева. Ниже Кременчуга лесостепь сменяют безбрежные степи. Степная растительность состоит из ковыля, типчака, тонконога, житняка, пырея, костра и мятелка. В те времена степные травы стояли сплошной стеной и были так высоки, что в них легко укрывался всадник. Колеблемая ветром трава напоминала море с перекатывавшимися по нем волнами. Двигаться в густой траве было очень трудно, в особенности на телеге, т. к. стебли ее сразу же крепко обвивали колеса. Левый берег Днепра остается низменным на всем своем протяжении, исключая отдельные возвышенности, например в устье р. Орели.

На расстоянии приблизительно 400 км от Канева (у современного Днепропетровска) Днепр круто поворачивает на юг. Могучее течение реки преграждалось здесь каменной грядой из гранита и гнейса, образовавшей знаменитые днепровские пороги ². Пороги занимали длинную полосу (ок. 100 км по течению реки и ок. 75 км по прямой, тянувшуюся от современного Днепропетровска до современного Запорожья). Пороги представляли собой каменные хребтовидные массы (лавы) высотой приблизительно от 4 до 7 м, пересекавшие русло Днепра от одного берега до другого. Между лавами из воды выступали многочисленные остроконечные каменные скалы, залегавшие на большой глубине и составлявшие целые гряды.

Всех порогов принято считать двенадцать: Кодацкий, Сурский, Лоханский, Стрельчий, Звонецкий, Княгинин, или Княжин, Ненасытец, Вольнинский, или Внук, Будиловский, Таволжанский, Литний и, наконец, Вольный ³. Порог состоял не из одной, а из нескольких лав и гряд: Будиловский, например, —

¹ Так, например, в люстрации (описание) Каневского староства от 1622 г., составленном почти целое столетие спустя, читаем, что в Каневе «Козацких домов насчитывается 150. Они не отбывают никаких повинностей и не признают себя зависимыми» («powinności żadnych, ani posłuszeństwa nie oddawają». *Źródła dziejowe*, т. V, Warszawa, 1877, стр. 131).

² Днепровские пороги были затоплены в 1925 г. в связи с возведением плотины Днепрогэса. Участок перед плотиной у г. Запорожья представляет собой теперь большое водохранилище шириной до 2,5 км — озеро В. И. Ленина.

³ Между порогами были так называемые заборы. Заборы — это лавы и камни, загораживающие только некоторую часть русла. Наиболее известными из них были Стрельча, Богатырская и Воронова заборы.

из двух лав и двух гряд, Кодацкий — из трех лав и четырех гряд, Вольнинский — из шести лав и семи гряд и т. д. Воды Днепра с шумом и ревом пронеслись через пороги.

В районе порогов свободное судоходство было невозможно. Проводить через них суда удавалось лишь с огромными трудностями. Интересное описание спуска казаками судов через пороги оставил нам современник Эрих Лясота. Достигнув порога, казаки, по его словам, разделялись на две группы. Одни, держа в руках длинные канаты, оставались на берегу, а другие входили в воду и поднимали судно над острыми камнями, опуская его лишь там, где это было безопасно. «При этом, — пишет Лясота, — те, которые удерживают барку (лодку) канатами, должны все внимание обращать на стоящих в воде и только по их команде натягивать и отпускать веревку, чтобы судно не натолкнулось на камень, ибо в таком случае оно немедленно гибнет»¹.

Самым опасным из всех порогов был Ненасытец, или Дид-порог. Он состоял из 7 лав и 12 гряд. Основная их масса сосредоточивалась у правого берега. Это место, где вода при падении с высоты 4,5 м кипела и бурлила, как в гигантском котле, вздымая огромные клубы седой пены, получило название «пекла». Даже весной, в половодье, когда другие пороги покрывались водой, проводить суда через Ненасытец, из-за узости прохода между высокими камнями, было делом очень опасным.

За порогами начинался тот край, который позже получил известность под названием Запорожья. Здесь Днепр, вырвавшись из каменных теснин, разливается по широкой низменности, которая простирается до берегов Черного моря. Водное пространство Днепра было усеяно тут сотнями (по Боплану 10 тыс., что, конечно, преувеличено) больших и малых островов. Самые значительные из них Хортица (Большая и Малая), вблизи последнего порога, Великий (в устье р. Конской), Томаковка (в устье одноименной реки), Базавлук (против устья рек Чертомлыка и Базавлука) и т. д.

За порогами в Днепр впадает множество степных рек и речек: с правой стороны — Томаковка, Чертомлык, Базавлук, Ингулец (с притоком Желтые Воды) и др., с левой — Московка (Сухая и Мокрая), Конская, Белозерка, Рогачик, Лопатиха и т. д. При впадении в Днепр эти реки образуют сложную систему протоков и озер, носивших общее название плавней. Плавни представляли собой почти непроходимые заросли камыша и кустарников, напоминавшие настоящий лес. Они занимали длинную полосу, тянувшуюся вдоль обоих берегов Днепра.

Устье Днепра и местность, прилегавшая к нему, находились в руках татар и турок. У острова Тавани (вблизи совр. Каховки), где ширина реки не превышала 500 шагов, была одна из немногочисленных днепровских переправ. Тут

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. I, стр. 164.

в 1492 г. татары построили крепость Ислам-Кермен (Аслан-городок)¹.

По своей поверхности степи в нижнем течении Днепра далеко не одинаковы. Местность у порогов несколько возвышенна и отчасти холмиста. По мере продвижения на юг, к берегам Черного моря, она становится более ровной и покатою. Северная часть, где преобладают тучный чернозем и каштановые почвы, более влажна и богата растительностью. Южная, более подверженная в летние месяцы действию палящих солнечных лучей, не так обильна зеленым покровом. Зимой здесь стоят сильные холода и бушуют снежные вьюги.

Характерной особенностью этой местности является обилие балок и буераков. Первые покрыты, по преимуществу, травой и кустарником, вторые — лесом. Чем ближе к югу, тем балок становится меньше. В балках и буераках, а также по берегам рек росли дикие яблони, груши, вишни, сливы, терн, виноградная лоза и т. п. Встречались рощи дуба, клена, вяза.

Одним из основных богатств края, лежавшего у порогов и за порогами, была в то время рыба. В Днепре и его притоках водились белуга (достигавшая нескольких метров в длину), осетр, севрюга, стерлядь, сом, сазан (кап), судак (сула), окунь, щука, лещ, тарань и др., всего около 60 видов рыбы. По словам Боплана, рыбы было тут такое множество, что в устье Орели, например, казаки за один заход вынимали из сети более 2 тыс. штук, причем самая мелкая была не меньше фута (около 30 см). Озера, образовавшиеся после спада весенней воды, были так переполнены рыбой, что она гибла от тесноты и, разлагаясь, заражала воздух².

В плавнях водились звери — бобры, выдры, куницы, дикие свиньи, а также водяная птица: утки, гуси, лебеди, бабы (пеликаны) и т. д. В балках и буераках было множество лисиц, волков, медведей, зайцев, хорьков; из птиц водились дрофы, стрепеты, куропатки, тетерева, соколы и т. д. В степи паслись табуны диких лошадей, стада сугаков (диких коз), а также туры, лоси и т. д.

Днепровские плавни были местом мало пригодным для поселения. Воздух в летнее время наполняли мириады комаров, ядовитых мух и мошек. Укусы этих мух и оводов вызывали сильный зуд, причем, по словам Боплана, лицо покрывалось сплошной опухолью: глаза так заплывали, что человек три дня не мог поднять век. Плавни были очагом лихорадки и разных других тяжелых болезней. В сухие весны восточные и юго-восточные ветры гнали с татарской стороны (так называлось левое побережье Днепра; правое носило название русской, или казацкой, стороны) целые облака саранчи. Саранча с невероят-

¹ *И. Крип'якевич*, 3 минулого Каховки, ж. Вісник Академії наук УРСР № 4, 1951, стр. 56.

² Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 310.

ной быстротой пожирала на корню все злаки и травы, оставляя за собой безжизненное, точно выжженное огнем, пространство. Она не только покрывала землю, но проникала во все щели. От саранки невозможно было никуда скрыться: разрезав на тарелке кусок мяса, рассказывает Боплан, человек непременно разрезывал и саранчу, а раскрыв рот, чтобы проглотить кусок, он тут же должен был выплевывать несколько влетевших насекомых ¹.

Запорожье, несмотря на все неблагоприятные условия жизни там, давно привлекало к себе казаков. Уже в начале XVI в. (а возможно и раньше) население ближайших к Запорожью мест, по преимуществу черкасцы и каневцы, начинает хозяйственное освоение этого края. Казаки не только достигают порогов, но проникают значительно ниже их. Уже в 1527 г. хан Сагиб-Гирей жаловался литовскому правительству на каневских и черкасских казаков, которые селятся («становятся») по Днепру у самых татарских кочевий ². В этих местах появляется немало «уходов» (промыслов): рыбные тони, звериные ловы, пасеки, места соледобычи и т. д. Так, опись черкасского замка от 1552 г., кроме уходов, расположенных у порогов, называет и уходы за порогами — у Томаковки, Базавлука, Аргачина и даже Тавани ³.

Промыслы, однако, не являлись единственным занятием казаков у порогов и за порогами. Обильные сочной травой запорожские степи служили прекрасными пастбищами для скотоводства, а тучные почвы — для земледелия. Вот почему одновременно с промыслами тут возникают зимовники (хутора). В документе, датированном 15 января 1655 г. и называемом универсалом Богдана Хмельницкого ⁴, говорится, что на территории, простиравшейся от р. Орели (севернее порогов) «вниз до самых степей ногайских и крымских, казаки запорожские свои зимовники имели» еще до Предслава Лянцкоронского, т. е. в самом начале XVI в. Зимовники ввиду постоянной опасности татарских набегов и в силу ряда других причин долгое время оставались хозяйствами преимущественно скотоводческими.

Зимовники ставились в местах, удобных для пастбы и водопоя. Они состояли из загонов, загородей («кошар») и жилья (хат, построенных из хвороста и обмазанных глиной, и землянок) и предназначались для содержания скота и лошадей в зимнее

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 361.

² Н. Костомаров, Собрание сочинений, кн. 4, СПб, 1902, стр. 17. С. Соловьев, История России с древнейших времен, т. V, стр. 359.

³ Архив ЮЗР, ч. VII, т. I, док. № 14, стр. 84.

⁴ Г. Миллер, О малороссийском народе, М., 1846, стр. 43. Так называемый универсал Богдана Хмельницкого от 15 января 1655 г. был предъявлен в 70-х гг. XVIII в. запорожскими властями правительству Екатерины II для доказательства законных прав запорожского казачества на земельные владения. Хотя универсал, очевидно, подделан, для нас, однако, важен тот факт, что традиция относилась к появлению зимовников на Запорожье не позднее, чем к началу XVI в.

время. При зимовниках имелись запасы корма — стога сена, иногда и пасеки.

Но в начале XVI в. зимовники только еще появлялись на Запорожье. Главное место тут занимали в это время промыслы, в первую очередь рыболовство.

В исторической литературе утвердился взгляд, будто степные промыслы — «уходы» были лишь местами временной стоянки промышленников — «уходников». Придя сюда с наступлением весны в одиночку или «ватагой» (группой), они по окончании сезона будто бы покидали уходы и со всей «добычей» возвращались обратно в свои дома. Такой взгляд очень далек от действительности. Освоение промысловых угодий, отстоявших от населенных мест на сотни километров, нельзя представлять себе в виде кратковременного пребывания здесь уходников. Промыслы, прежде всего рыбные, всегда связаны с применением таких средств производства, которые нелегко переносить на большие расстояния. Кроме лодок (больших и малых) и сетей (длиной в несколько сот метров), на промыслах был инвентарь, необходимый для обработки рыбы — сушки, вяления, соления, выварки жира, клея, добычания икры, как-то: чаны, кадки, котлы, сита, бочки, ножи, веревки, а также запасы соли и т. д. Перевозка всего этого — дело тяжелое даже в обычных условиях. Тем более не может идти речь об этом, если иметь в виду такое препятствие, как днепровские пороги. Вместе с тем нельзя забывать, что лов рыбы начинался ранней весной (апрель) и кончался поздней осенью (октябрь). Что касается пасек, которые появлялись в степях, то их также нельзя было покидать на произвол судьбы в зимнее время. Наконец, такой важный промысел, как охота на пушного зверя, как известно, производится только в зимнее время. Таким образом, занятие промыслами предполагает, так или иначе, постоянное пребывание людей на уходах. О пребывании промышленников на уходах на протяжении всего года свидетельствуют документы. В вышеприведенном описании каневского замка (1552 г.) говорится, что казаки «уставичне (постоянно. — В. Г.) там (на уходах) живут на мясе, на рыбе, на меду, з пасек, з свепетов (рыбных промыслов) и сытят там себе мед, яко дома»¹.

Известная часть промышленников, бесспорно, уходила с наступлением зимы с Запорожья на волости. Однако и после этого край не оставался безлюдным. В зимовниках проживали их владельцы и работники. На месте промыслов оставались люди для охраны лодок, для изготовления и починки снастей и подготовки их к весне и т. д. Именно в зимнее время начинали на Запорожье свою деятельность охотники.

Вернемся, однако, к рыболовным промыслам. Социальные отношения на рыболовных промыслах украинские буржуазные

¹ Архив ЮЗР, ч. VII, т. I, док. № 15, стр. 103.

историки рассматривали сквозь призму своей общей порочной концепции «бесклассовости» казачества. Они утверждали (Д. Эварницкий, Ф. Кондратович и др.), что для эксплуатации рыболовного угодья казаки объединялись на равных началах в «ватагу». В такой ватаге все средства производства были будто бы общими, а выловленная рыба делилась поровну между членами ватаги. В действительности же ватага никогда не была коллективом равноправных членов. Владельцами средств производства, как заметил уже Лясота, являлись лишь более зажиточные казаки — «владельцы челнов» и т. д.¹ Остальные члены ватаги, не имевшие средств производства, зависели от первых, были их наймитами². На первых порах рабочей силы в низовьях Днепра было мало. Поэтому рыбопромышленники, которые часто жили за пределами Запорожья, отправлялись на промыслы не иначе, как наняв предварительно себе работников.

Работа на рыбных промыслах продолжалась до осени. По окончании сезона обработанная рыба и жир грузились на телеги и лодки и сушей или водой отправлялись вверх по Днепру — в Черкассы, Канев, Киев и другие города. Уже уставная грамота г. Киеву от 1499 г. определяет размер пошлин в пользу воеводы, взимаемых с приезжающих в Киев рыбопромышленников: «а коли рыбы привозят, — читаем тут, — з верху абот з низу³ просольных и вялых до места киевского, тогда мает осминник воеводин... взяти от бочки рыб по шести грошей, а от вялых рыб и свежих десяток»⁴. Что по Днепру в Киев сплавлялось «безмерное количество рыбы», отметил в 1550 г. и известный уже нам М. Литвин.

Кроме рыбы, из Запорожья вывозились и другие товары. По словам того же Литвина, по Днепру в Киев доставляли «мясо, меха, мед, а также соль из таврических лиманов»⁵. Это известие подтверждается также составителями описи черкасского замка (1552 г.): «А кгды з уходов за ся уверх идут, ино з добычи их берет староста вить (пошлина. — В. Г.) осьмую часть: з рыб, з сала, з мяса, з кож и зо всего»⁶. С необходимостью сбыта товаров было связано появление тут такого промысла, как чумачество. Владельцами упряжек, нанимавшими себе погонщиков среди казацкой бедноты, также выступали богатые казаки.

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. I, стр. 171.

² Архив ЮЗР, ч. VII, т. II, стр. 372.

³ «Низом» в широком смысле слова, по мнению Л. Падалки, занимавшего исторической географией Южного Поднепровья, называлась местность к югу от черты пограничных укреплений (Брацлав, Белая Церковь, Черкассы и др. местечки в южном Побужье и Поднепровье). «Этот обширный край, — пишет Падалка, — в польских Хрониках до конца XVI в. обычно называется «Низом», на котором «мешкают» своевольные казаки». (Киевская Старина, 1893, май, стр. 243). Мы под термином «Низ» подразумеваем, главным образом, последнее Запорожье.

⁴ Акты, относящиеся к истории Западной России, т. I, стр. 170.

⁵ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. I, стр. 49—50.

⁶ Архив ЮЗР, ч. VII, т. I, док. № 14, стр. 85.

Теперь перед нами возникает другой вопрос: кому принадлежали продукты, вывозимые из Запорожья, и кто организовывал их сбыт? Очевидно, собственниками товаров, а также организаторами их сбыта были прежде всего владельцы промыслов. Именно их имели в виду упомянутые составители описи черкасского замка, говоря: «а бывает (в Черкассах) уходннков¹ немало, яко близко прошлого лета было их по всем уходам о триста человек»².

Товары, вывозившиеся из Запорожья, пользовались большим спросом. Рыба, например, была в то время одним из распространенных продуктов питания. Меха, а также высококачественная соль, доставляемая раньше преимущественно из Галиции, стоили очень дорого. По словам епископа ноцерского П. Иовия (XVI в.), в западных странах «мех для шубы (привезенный из русских земель. — В. Г.) стоит не менее тысячи золотых монет»³. Владельцы рыболовных промыслов, зимовников и т. д. получали немалые доходы. На деньги, вырученные от продажи своих товаров, они покупали в городах оружие и припасы, хлеб, снасти, ножи, топоры, одежду и многое другое. Все это отправлялось в низовья Днепра. Кроме того, с Низом вели торговлю непосредственно купцы украинских городов. За привозимые товары им, по словам современника Б. Папроцкого (XVI в.), тут платили «лошадьми, волами и другими добытками, а также деньгами».

Все сказанное выше не оставляет сомнения в том, что в первой половине XVI в. низовья Днепра уже не были диким, безлюдным краем, как это пытаются изобразить некоторые историки. Хотя сохранившиеся данные и документы не позволяют представить с полной отчетливостью хозяйственную жизнь Запорожья в это время, тем не менее успехи его экономического развития очевидны.

* * *

Феодалы с вожделием взирали на богатые угодья, освоенные казаками в низовьях Днепра. Еще с конца XV в. литовские паны стремились стать твердой ногой в ближайших к порогам старостах. Они выпрашивали себе здесь должности наместников, старост и подстарост. За крупными феодалами тянулись мелкие. Они оседали в Каневе, Черкассах и других южных городах в качестве служилых военных людей и т. д.

¹ Под уходниками тут нужно понимать одних лишь владельцев промыслов, а вовсе не всех лиц, занятых на них. Это утверждение основывается на том, что пошлины взимались не с каждого отдельного человека, а с ватаги. Естественно, что пошлины платили не работники, а хозяева (Архив ЮЗР, ч. VII, т. I, стр. 85).

² Архив ЮЗР, ч. VII, т. I, док. № 14, стр. 85.

³ Библиотека иностранных писателей о России, отд. I, т. I, СПб, 1836, стр. 40.

Тут они получали «в державу» (условное владение, даваемое обычно за службу) земли, основывали села и т. д. В начале XVI в. в Каневском старостве было уже 21 село, принадлежавшее разным владельцам, не считая уходов по рекам и речкам¹. Получая во владение земли, феодалы принуждали население к отбыванию разных повинностей: платить от дыма по семь грошей, за пасеку — 12 грошей, за эксплуатацию бобровых гонов — половину добычи, из рыбного улова — одну треть².

Не менее тяжелые повинности взимались старостами с населения самого Канева и Черкасс. Каневские и черкасские жители отбывали в пользу старосты разные повинности. Они должны были производить ремонт замка: починять те места, где бревна и доски «поопадывают, або глина от стен ся отвалит, або гора рисоватися (осыпаться. — В. Г.) почнет». На свой счет мещане и казаки нанимали стражу для охраны замковых ворот, внося старосте с дыма по грошу и по четверти ржи. Они отбывали также полевую сторожу. По приказу старосты или подстаросты мещане и казаки должны были «конно» и «збройно» отправляться в погоню за неприятелем. Кроме того, они давали подводы и содержание господарским урядникам (чиновникам), платили старосте колядки (под Рождество) по 6 грошей, в течение 3-х дней в году ходили в пользу старосты «на лови» и т. д.³.

Каневскими и черкасскими старостами назначались обычно крупные феодалы или их ставленники. Хотя старосты были официально лишь наместниками, правившими от имени великого князя, на деле они являлись полными хозяевами в своих округах. Старосты не только самовольно принуждали население отбывать разные повинности в свою пользу, но и пускались на злоупотребления: присваивали имущество, остававшееся после умерших казаков, и т. д.⁴ В грамоте Сигизмунда I черкасскому старосте В. Тышкевичу от 1537 г. говорится, что предшественник его Евстафий Дашкевич (1514—1535 гг.) заставлял жителей «работать на себя каждый день, возить дрова, косить сено, тянуть сети». Тут же отмечается, что, кроме перечисленных, Дашкевич «замышлял и иншие роботизны, чого они пред тым с предков (предков) своих не повинни були робити»⁵. Дашкевич отбирал у рыболовов и звероловов половину добычи, чего «также пред тым не бывало»⁶. Мало того, Дашкевич стремился стать «посредником» в торговле низовых казаков с другими городами: он отбирал у казаков рыбу, мед и другие товары, назначая цену по своему усмотрению — «як де й хотел, так им то платил»⁷. С той же целью

¹ Архив ЮЗР, ч. VII, т. I, док. № 16, стр. 98—101.

² Там же, стр. 98—100.

³ Там же, стр. 77—105.

⁴ Архив ЮЗР, ч. III, т. I, док. № 1, стр. 1—2.

⁵ Архив ЮЗР, ч. VII, т. II, док. № 17, стр. 367.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Дашкевич препятствовал казакам свободно въезжать в город и выезжать из него: «а коли дей хто з них (казаков. — В. Г.) приедет к сторожным воротам с поля, або хочет выехать з места на дело свое, и он дей (староста) не казывал их в место... впуска-ти»¹. Дашкевич самовольно увеличивал поборы, требуя с каждо-го дома в год по 12 грошей, присваивал имущество умерших ка-заков даже в том случае, если у последних оставались семьи. Он же установил откуп на право провоза товаров с низовьев Днепра. Наконец, что самое главное, Дашкевич захватил у казаков уходы на первых пяти днепровских порогах (включая Звонецкий): «то дей все пан Остафий собе привлащил»².

В целях обложения казачьего населения Канева и Черкас городскими поборами и повинностями старосты, как сказано выше, объявляли казаков мещанами. Но хотя эти «мещане» и не признавали нового своего положения, продолжая не только считать, но и называть себя казаками³, старосты насильно прину-ждали их к отбыванию повинностей как мещан.

В своей деятельности на местах старосты не преминули ис-пользовать социальные противоречия, существовавшие в среде казачества. При этом, разумеется, они опирались на бо-гатую его часть. В то время как основная масса казаков долж-на была нести бремя многочисленных городских повинностей, богатые казаки откупались и таким образом освобождались от них. Более того, они получили право нанимать для отбыва-ния повинностей, в том числе и военной службы, вместо себя других. С течением времени богатые казаки из общих «потуж-ников», отбывающих повинности наравне с остальными каза-чеством, стали превращаться в «старостинских поплечников». Об этих богачах черкасцы говорили в 30-х гг. XVI в., что они взяты Дашкевичем «под свою моц (защиту)» и «освобождены от всех общих городских повинностей»⁴.

Вместе с приезжими служилыми людьми — мелкой шляхтой, боярами и др., — богатые казаки начинают составлять окруже-ние старост, становятся старостинскими «служебниками». О таких казаках-служебниках в описи черкасского замка от 1552 г. сказано, что они «з местом не тягнут (повинностей не отбывают. — В. Г.), стацию и подвод не дают, закрываючися старостою»⁵. В это время на 192 тяглых казака тут приходи-

¹ Архив ЮЗР, ч. VII, т. II, док. № 17, стр. 368.

² Там же, стр. 367.

³ В приведенной выше грамоте Сигизмунда I от 1537 г. население Черкас называется то мещанами, то казаками. (Архив ЮЗР, ч. VII, т. II, док. № 17, стр. 366—370). Даже спустя столетие в люстрации Каневского староства от 1622 г. отмечалось, что городское население продолжало считать себя принадле-жащим к казачеству. (См. стр. 52)

⁴ Архив ЮЗР, ч. VII, т. II, док. № 17, стр. 369—370.

⁵ Архив ЮЗР, ч. VII, т. I, док. № 16, стр. 88.

лось 27 привилегированных¹. К середине XVI в. мы видим уже при старостах целые отряды или роты служилых казаков. В Черкассах, например, над подобной ротой начальствовал некто Щур². В люстрации Барского староста (Подолия) от 1565 г. значатся казаки, «которые не отбывают никаких повинностей, кроме конной замковой службы»³.

Принятым на службу богатым казакам нередко давали «в державу» землю⁴. В этом случае они входили в разряд служилых людей, напоминая собою мелких помещиков. Вместе со старостой и служилыми людьми богатые казаки угнетали местное население и участвовали в захвате казачьих уходов⁵.

Таким образом, уже в первые десятилетия XVI в. положение казаков даже в таких отдаленных старостах, как Каневское и Черкасское, стало чрезвычайно тяжелым: оно мало чем отличалось от положения крепостных крестьян. Черкасские казаки с полным основанием жаловались в начале 30-х гг. XVI в. великому князю на то, что староста принуждал их нести «службы, которых они перед тем никогда не знали, от чего они терпят великие неправды и утеснения»⁶. Однако надежды казаков на облегчение своей участи посредством вмешательства правительства были тщетны. Старосты, как уже говорилось, чувствовали себя полновластными хозяевами в крае. Они не только самоуправно распоряжались местным населением, но вмешивались даже в дела соседних государств. Дашкевич, например, с головой окунувшись в омут междоусобной борьбы крымских феодалов, стараясь посадить на трон одного из удобных ему претендентов — Ислам-Гирея. Вместе с татарами Дашкевич предпринял два похода на русские земли: в 1515 г. на Северщину, а в 1521 г. на Москву, грабя и убивая население⁷.

Ислам-Гирей был, однако, вскоре изгнан из Крыма своим соперником Сеадат-Гиреем и бежал в Черкасы под защиту Дашкевича. Весной 1532 г. с ордой, полутора тысячами турецких янычар и 50 пушками Сеадат-Гирей подошел к Черкассам и приступил к их осаде. Осада продолжалась 13 дней. Татары и турки причинили городу и окрестностям большой

¹ Архив ЮЗР, ч. VII, т. I, док. № 16, стр. 88.

² Архив ЮЗР, ч. III, т. I, док. № 1, стр. 1.

³ Там же, т. II, док. № 11, стр. 133.

⁴ М. Любаякши, Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства, М., 1892, стр. 532.

⁵ Из грамоты Сигизмунда Августа от 1546 г. узнаем, что мещанин черкасский Зубрикович, по примеру старосты, захватил жителей пасеки. Хотя в данном случае Зубрикович и пострадавшие от него жители названы мещанами, однако не может быть сомнения в том, что под мещанами тут следует понимать казаков (Архив ЮЗР, ч. VII, т. II, док. № 17, стр. 368).

⁶ Там же.

⁷ Н. Карамзин, История Государства Российского, т. VII, стр. 78.

ущерб, но взять Черкассы, которые обороняло все население, не могли. К тому же Дашкевич решил, что ему выгоднее покинуть своего союзника Ислам-Гирея и стать на сторону нового хана. Дело кончилось тем, что Дашкевич «побратался» (заключил союз) с Сеадат-Гиреем, и орда ушла в Крым¹.

Положение жителей Черкасского и Каневского староств не изменилось, конечно, и после смерти Дашкевича (умер в 1535 г.). При преемнике его старосте Василии Тышкевиче угнетение населения приняло еще более тяжелые формы. В результате этого в 1536 г. в Черкассах вспыхнуло восстание. Черкасцы изгнали из города ненавистного старосту и его служебников. Вскоре на подавление восстания из Киева был послан воинский отряд во главе с ротмистром. Жители Черкасс дали карателям решительный отпор, и отряду не удалось проникнуть в город. Тогда, как рассказывал служивший в карательном отряде некий Малженский, ротмистр решил разделить свои силы на две части. Одну он отправил в Киев за артиллерией, другую, чтобы обеспечить себе путь на случай отступления, в Канев. Каневцы впустили жолнеров в город, но затем напали на них и истребили почти полностью. После этого восстание охватило оба староства — и Каневское и Черкасское. Однако вскоре властям удалось жестокими мерами подвить восстание².

На место Тышкевича старостой был назначен Ян Пенько³. Покончив при помощи оружия с «великим бунтованием оных черкасцов и каневцов»⁴, Ян Пенько подверг население тяжким репрессиям. Спасаясь от мести и преследований со стороны властей, многие участники восстания бежали за пределы Каневского и Черкасского староств: одни из них направлялись за днепровские пороги — в Запорожье, другие — в Россию.

Низовья Днепра, в том числе Запорожье, в первые десятилетия XVI в. формально считались никому не принадлежащей территорией. Это не мешало, однако, литовскому правительству, а также, как мы видели, черкасским и каневским старостам, пытаться превратить их в свои владения. Последнее вызвало протест со стороны русского правительства. Гонцу Н. Сущеву, отправленному в апреле 1560 г. в Литву, поручалось напомнить великому князю, что согласно существующему между Россией и Литвой договору «Днепр под Крымом божей, а не королев»⁵.

¹ Kronika Marcina Bielskiego, т. II, стр. 1055—1056.

² Архив ЮЗР, ч. III, т. I, док. № 2, стр. 2—4. А. Яковлев, Бунт черкасцев и каневцев в 1536 г., К., 1907, стр. 6—8.

³ Ян Пенько и Ян Петрович Немирович, по утверждению А. Бонецкого, одно и то же лицо (А. Boniecki. Poczet rodów w wielkiem ks. Litewskiem w XV i XVI wieku, Warszawa, 1887, стр. XXX).

⁴ Архив ЮЗР, ч. III, т. I, док. № 2, стр. 3.

⁵ Сборник Русского исторического общества, т. 59, СПб, 1887 г., стр. 613.

После подавления восстания в Черкасском и Каневском старостах¹ был установлен еще более суровый режим. С этого времени число казаков, вынужденных постоянно жить на Запорожье, заметно увеличивается.

¹ Нужно заметить, что восстание в Каневском и Черкасском старостах не было единичным. Около того же времени вспыхнуло крупное восстание в Жомойтской и Грезской волостях. После того, как это восстание также было подавлено феодалами, многие крестьяне с семьями бежали на пограничье. (Документы и материалы по истории народов СССР. Законодательные акты Великого княжества Литовского XV—XVI вв., стр. 34—36).

ГЛАВА II

ОБРАЗОВАНИЕ ЗАПОРОЖСКОЙ СЕЧИ

Хозяйственное освоение Запорожья казаками теснейшим образом связано с появлением здесь Сечи, сыгравшей впоследствии столь выдающуюся роль в освободительной борьбе украинского народа. Вопрос о времени возникновения и месте основания Сечи принадлежит к числу наиболее сложных. Решение его затрудняется отсутствием прямых указаний источников. Украинские летописи, к сожалению, не сохранили решительно никаких данных, которые могли бы помочь выяснить этот важный вопрос. Приходится поэтому пользоваться другими источниками — литовскими и польскими, которые, к тому же, часто тенденциозны.

Продвижение феодалов к низовьям Днепра в первые десятилетия XVI в. служило грозным предостережением для украинского казачества. Весьма показательным в этом отношении было положение, создавшееся к этому времени в Каневском и Черкасском старостах. Опасность дальнейшего наступления феодалов на юг (напомним, что черкасские старосты уже до этого захватили пять первых днепровских порогов) особенно возросла после подавления восстания 1536 г. в Черкасах и Каневе. Литовские и польские паны стали предпринимать все более решительные попытки овладеть запорожскими землями и превратить в своих подданных живущих там казаков. Каневское и Черкасское староства стали служить как-бы плацдармом для феодалов в деле осуществления их намерений. В 30-х годах XVI в. управление обоими староствами получил князь Михаил Александрович Вишневецкий. Род князей Вишневецких принадлежал к числу крупнейших землевладельцев Литвы¹. При М. Вишневецком наступление литовских фес

¹ Владения Вишневецких находились в это время преимущественно в Западной Волыни.

далов на Запорожье усилилось. С отрядами из шляхты и казачков-служебников он несколько раз вторгался на Запорожье. Запорожцы (так мы будем отныне называть казаков, живших за порогами), однако, успешно отбивали все эти попытки, и Вишневецкий решил прибегнуть к другим мерам.

В 1540 г., надеясь выманить казаков из Запорожья, он обратился к ним с королевской грамотой. Последняя призывала казаков, «которые нижей замков наших Черкас и Канева на Днепре суть», добровольно вернуться в старства. В случае повиновения казакам было обещано не подвергать их тем наказаниям, какие предусматривались для ушедших в «Московскую землю»¹. Обращение это, как и следовало ожидать, осталось без всякого ответа, так как запорожцы прекрасно понимали его истинные цели. Более того, численность запорожских казаков, в связи со все усиливавшимся угнетением народных масс и бегством крестьян и мещан, непрерывно увеличивалась.

Опасность, подстерегавшая запорожцев со стороны литовских и польских панов, была, однако, не единственной. Над запорожцами постоянно висела другая страшная угроза: быть застигнутыми врасплох татарами и истребленными или захваченными в плен. Ротмистр Бернанд Претвич (1530—1540), впоследствии барский староста, отмечая частые нападения татар на степных промышленников, писал, что «не проходит года без того, чтобы татары не увели в неволю рыболовов». В другом месте он говорит о том, что татары прошли через приднепровские земли, «захватывая людей в уходях, уничтожая пасеки».

Казаки, со своей стороны, не оставляли безнаказанными насильников. Они совершали ответные нападения на татар и турок. Известно, что уже в 1490 г. «черкасцы киевские» предприняли поход под Очаков, а в 1502—1503 гг. они же, спускаясь лодками по Днепру, напали вблизи Тягинского перевоза (порог) на татарский отряд и разгромили его². В 1524 г. Дашкевич доносил великому князю о недовольстве хана в связи с нападением казаков на Крым³. До нас дошли также письма самого хана от 1545 г. литовскому великому князю. Хан жаловался на киевского воеводу и черкасского старосту за то, что они, несмотря на неоднократные требования, не предотвращали походов казаков на крымские владения. При этом сообщалось, что в 1545 г. казаки, «собравшись на поли за Черкассы», напали на крымских людей, шедших в Москву. Казаков «свольных» было, по словам хана, свыше 800 человек. Во главе их стояли «старшие козаки»: «Карп, а Андруша, а Лесун, а Яцко»⁴.

¹ Акты Южной и Западной России (далее Акты ЮЗР), т. II, СПб., 1865, док. 19, стр. 141—142.

² Памятники сношений с Крымом, т. I, стр. 194—196, 305, 476.

³ Acta Tomiciana, т. VIII, док. № 51.

⁴ Книга Посольская. Метрики Великого княжества Литовского (с 1454 по 1572 г.), т. I, М., 1843, док. № 17, стр. 20—21.

Вероятно об этих действиях писал в 1545 г. путивльский воевода: «ныне государь казаков в поле много и черкасцев и киян и твоих государевых, вышли на помощь всех украин».

В том же году, когда царевич Эмин-Гирей, направившийся с отрядом татар в Белгород (Аккерман) на помощь султану, пытался переправиться через Днепр, «козаки на него ударили, инших побили, а инших поймали, а сам (Эмин-Гирей. — В. Г.) ледве втек до Бела города». В своем письме хан отмечал, что казаки часто «перешедши Днепр по сей стороне (на левый берег), на Самаре, на Чарной Криницы, у Дробных Криницах... завжды на воде и на поли людей наших имают (захватывают. — В. Г.)»¹. Жалобы хана, разумеется, были ничем иным, как попыткой оправдать многочисленные грабительские набеги татар. Опасность, подстерегавшая казаков с двух сторон, заставляла их с самого начала заботиться об устройстве укреплений в районе уходов. Если в местах, на которые не распространялась власть старост, подобные укрепления можно было строить без особых препятствий со стороны последних, то на территории староств казаки встречали в этом отношении большие затруднения. В начале 40-х гг. XVI в., например, черкасцы жаловались великому князю на его наместника князя Андрея Пронского, который запрещал им ставить укрепления («городцов в тые входы их ставити недозволяет») на р. Орели (левый приток Днепра) и двух Тясминах².

Строительство в низовьях Днепра «городцов», которые, к тому же, оборонялись казаками, независимыми от старост, — факт уже сам по себе знаменательный и интересный. Однако скудость источников не позволяет проследить, в каких местах были сооружены «городцы», как была организована их оборона и т. д.

Первое прямое упоминание о существовании у казаков укреплений за днепровскими порогами оставил нам Мартин Бельский (1494—1575 гг.). Казакам Бельский посвятил в своей Хронике специальный раздел («О казаках»). «Эти люди, — пишет он, — постоянно заняты ловлей рыбы на Низу (на Днепре и его притоках), там же сушат ее на солнце без соли». Пробыв тут лето, казаки, по словам Бельского, «расходятся на зиму по ближайшим городам, как, например, Киев, Черкассы и др., оставив на острове, на безопасном месте, на Днепре, лодки и несколько сот человек на коше (kozpeniu), как они говорят, при стрельбе, так как имеют у себя и пушки, взятые в турецких крепостях и отбитые у татар»³.

¹ Книга Посольская. Метрики Великого княжества Литовского (с 1454 по 1572 г.), т. I, М., док. № 18, стр. 21—23. Ср. там же, док. 21, 22, стр. 23—29. В 1538 и 1545 гг. казаки совершили нападения на Очаков. Это были, несомненно, запорожцы.

² Архив ЮЗР, ч. VII, т. II, док. 17, стр. 372.

³ Kronika Marcina Bielskiego, т. III, Sanok, 1856, стр. 1358. Выражение «па козпенію» некоторые авторы переводят словами «в курене».

На том основании, что раздел «О казаках» помещен в Хронике Бельского вслед за описанием событий 1574 г.¹, некоторые историки сделали вывод, что данные, сообщаемые им, относятся к 70-м гг. XVI века. Однако внимательное рассмотрение сообщения Бельского делает очевидным несостоятельность подобного взгляда. Дело в том, что упомянутый раздел, включенный Бельским в свою Хронику в качестве самостоятельного очерка, стоит вне хронологической последовательности повествования²: он объединяет события, которые относятся к различным периодам. Доказательством тому может служить упоминание Бельского о том, что в зимнее время казаки возвращаются из низовьев в украинские города. Между тем о свободном возвращении казаков в староства можно говорить лишь по отношению к периоду, предшествовавшему восстанию 1536 г. в Черкассах и Каневе. После этого восстания репрессии настолько усилились, что казаки, жившие за порогами, уже не могли свободно, без риска для себя, показываться на волюти.

Но это не единственный вывод, который мы можем сделать из сообщений Бельского. Из его рассказа явствует, что к этому времени, к 40-м гг. XVI в., у казаков за порогами уже существовала определенная, сложившаяся организация, представленная «Кошем». Казаки, остававшиеся на Коше, составляли его гарнизон, располагавший, как говорит Бельский, пушками, лодками и т. д. Основание казаками Коша за порогами следует считать ничем иным, как образованием Запорожской Сечи. Понятно, что это произошло не внезапно, а в процессе длительной борьбы казаков против польских и литовских феодалов, с одной стороны, татарских и турецких захватчиков — с другой. Эта борьба точно так же, как и складывание самой организации запорожских казаков, заняла, конечно, не одно десятилетие.

Теперь обратимся к вопросу о месте основания Запорожской Сечи. Бельский не только сообщил нам о существовании казачьего «Коша» за порогами, но указал также и место, где он находился. По его словам, к югу от острова Хортицы расположен другой остров, «называемый Томаковкой, на котором чаще всего живут низовые казаки и который служит им (казакам. — В. Г.), по существу, сильнейшей крепостью на Днепре»³. Остров Томаковка, названный позднее также Буцким⁴, т. е. островом беглецов, иначе Днепровским, или Городищем, расположен

¹ Поход казаков из Брацлава и др. мест на помощь претенденту на Молдавский трон Ивоне.

² См. Kronika Marcina Bielskiego, т. III, стр. 1358—1361, раздел «O kozakach».

³ Kronika Marcina Bielskiego, т. III, стр. 1359.

⁴ Буц — беглец. В Херсонской губ. еще в XIX в. буцами называли пришельцев с Подолии.

приблизительно в 60 км южнее Хортицы¹. Этот остров, находящийся ближе к правому берегу Днепра (у современного г. Марганца, Днепропетровской области) получил свое название от одноименной реки. Река Томаковка, правый приток Днепра, подходит к острову с восточной стороны, образуя два рукава. Один из них сливается с притоком Днепра Ревуном, а другой — с Речищем². По словам Лясоты, все три реки назывались Томаковками; от них, подчеркивает он, и получил свое имя «знаменитый остров»³.

Остров Томаковка, господствующий над окрестностями, представлял собою прекрасное естественное укрепление. Боплан, проезжавший мимо него в 1637 г., писал: «Томаковка... остров около одной трети мили (2—2,5 км. — В. Г.) в диаметре, почти круглый и возвышенный в виде полушария, весь покрытый лесом; с вершины его видно все течение Днепра от Хортицы до Тавани»⁴. Другой современник, Самуил Зборовский, побывавший на Томаковке во второй половине XVI в., передавал, что остров этот «так широк, что может вместить 20 тысяч человек и немало лошадей»⁵. Исследователь второй половины XIX в., описавший Томаковку, замечает, что над Речищем остров довольно высок — 7 сажен — и обрывист, а с других сторон покат, и занимает около 300 га. Почва острова — каменистая⁶, а на склонах видны значительные обнажения известняка⁷.

Возникновение Запорожской Сечи имело большое историческое значение. С образованием Сечи угнетенные и закрепощенные массы украинского народа приобрели мощную опору в борьбе против феодального и чужеземного гнета. Тут находили убежище и поддержку элементы, выступавшие против социального и национального гнета. Своей героической борьбой запорожское казачество оказывало большое влияние на народные массы Украины, поддерживая у них дух протеста против угнетателей и вдохновляя на борьбу с феодально-крепостническим строем. На это важное обстоятельство указывал

¹ И. Карелин, Запорожские городища. Записки Одесского общества истории и древностей, т. IX, Одесса, 1875 г., стр. 439.

² Там же. Сравни Л. Падалка, Была ли на острове Томаковка Запорожская Сечь? Киевская Старина, 1893 г., май, стр. 245.

³ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. I, стр. 185.

⁴ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 317—318.

⁵ Herbu guscerstwa polskiego przez Bartosza Paprockiego zebrane i wydane roku 1584, Kragów, 1858, стр. 158.

⁶ И. Карелин, Запорожские городища, стр. 39.

⁷ Л. Падалка, Была ли на острове Томаковка Запорожская Сечь?, стр. 245—246. В примечаниях к «Описанию Украины» Боплана говорится, что окружность острова равна 6 км, а поверхность 350 га. Автор примечаний пишет: «Имя Томаковка, вероятно, произошло от куполообразной формы острова: потатарски тумак значит шапка... В половине XVII столетия остров носил еще другое имя: Бучки, или Буцко». Мемуары, вып. II, стр. 318. В настоящее время остров Томаковка соединился с правым берегом Днепра.

К. Маркс, подчеркивавший, что с образованием Запорожской Сечи «*оих казачества разлился по всей Украине*»¹.

Литовские и украинские феодалы не могли, конечно, недооценивать угрозы, заключавшейся для них в образовании Сечи, и поэтому уже с самого начала ее возникновения стремились покончить с ней. Еще в 1533 г. на Пиотрковском сейме черкасский староста Е. Дашкевич представил проект немедленного сооружения крепостей на днепровских островах. В этих крепостях он предлагал содержать гарнизоны общей численностью в 2 тысячи человек. В состав гарнизонов должны были входить также речная флотилия и конные команды. Последние обеспечивали бы продовольствование гарнизонов на островах. «Этот совет, — замечает Бельский, — всем очень понравился, но из него ничего не вышло»². Литовское правительство и думать не могло о постройке новых замков. На протяжении первой половины XVI в. великие князья литовские, нуждаясь постоянно в средствах, занимали у крупных земельных собственников деньги под заклад своих имений. В руках литовских możnowładców вскоре оказалось немало великокняжеских владений, для выкупа которых у правительства не было средств. Отсутствие средств стало препятствием и для осуществления проекта Дашкевича.

К середине XVI в., в связи с ростом товарно-денежных отношений и стремлением феодалов расширить свои владения, земельный вопрос в Литве и Польше сильно обострился. Несмотря на протесты мелкой и средней шляхты, крупные феодалы, магнаты, присваивали себе все новые и новые земли, а также должности воевод, старост и т. д. Идеолог литовского шляхетства М. Литвин, противопоставляя литовские порядки тем, которые господствовали в централизованном Русском государстве, с возмущением писал в 1550 г.: «В Литве одно лицо занимает по десяти должностей... устраняя других от их исполнения; московский же князь соблюдает равенство между своими, не предоставляя одному лицу многих должностей»³.

Конечно, те земли, которые удалось захватить у великого князя и шляхты, не могли удовлетворить магнатов. К тому же последние нередко встречали отпор со стороны государственной власти и шляхетства. Поэтому, естественно, магнаты стремились расширить свои владения за счет «свободных» земель на окраинах государства, называвшихся ввиду близости татар иногда «татарскими полями», или землями. Уже в первой половине XVI в. белзский воевода, например, выхлопотал себе право не только выходить в степь «на татар», но и «бить их,

¹ К. Маркс, Стенька Разин, «Молодая Гвардия», 1926, № 1, стр. 107. Курсив наш. — В. Г.

² Kronika Marcina Bielskiego, т. II, стр. 1059.

³ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. I, стр. 45.

где бы они не скрывались», хотя бы под самыми турецкими крепостями¹.

Пограничные земли, на которые мог в равной мере претендовать и великий князь, магнатам выгодно было объявить «татарскими», а себя — борцами за их освобождение. Кто мог отрицать необходимость освобождения этих пространств от татар? Но мы никогда не должны забывать того обстоятельства, что пограничные земли, о которых идет речь, были заселены в действительности не татарами, а казаками. Под видом борьбы с кочевниками, о чем так лицемерно заявляли магнаты, они намеревались прежде всего захватить казачьи земли. Вступать в серьезную и тяжелую борьбу с татарами они особого желания не имели. И действительно, волынские и киевские магнаты, князья Корецкий, Вишневецкий и Пронский, набирая отряды своих служебников, в числе которых было немало таких, которые получили название «казацких», стали все чаще проникать в «татарские», или «дикие», поля². Им подражали другие паны, как, например, Язловецкий и Пилецкий. Собрав в 1529 г. двухтысячное войско, они дошли чуть не до Очакова³.

Описывая эти вторжения магнатов в юго-восточные пограничные земли, современник А. Лубенецкий замечает, что за время правления короля Августа в литовских землях появилось немало предприимчивой, как иронизирует Лубенецкий, молодежи — князья Сенявские, Струси, Гербурты, Претвич, Станислав Замойский, Потоцкий, Влодек, князья Вишневецкие, Збаражские, Заславские, Корецкие, Ружинские, а также шляхтичи, которые редко сходили с татарских полей; они считали своего рода охотничьей забавой, продолжает он, ходить в Поля лично или снаряжать туда свою челядь и подданных⁴.

Для увеличения численности своих отрядов магнаты переводили, по необходимости, на положение служебных казаков даже часть своих подданных⁵. Служба таких «казаков» носила, как правило, временный характер. После того как необходимость в них исчезала, паны вновь превращали их в крепостных. В «казацкие» отряды, или роты, часто назначались, при этом не только на командные должности, но и в качестве рядовых, шляхтичи. Бывали случаи, когда подобные отряды магнатов целиком состояли из шляхты. Эти «казацкие» отряды магнаты отпра-

¹ B. Wapowski, *Dzieje korony Polskiej*, Вильно, 1848, стр. 49—50.

² Там же.

³ Acta Tomiciana, т. XI, док. № 303.

⁴ *Poloneutichia albo królestwa Polskiego szczęście, a przytem i W. Ks. Litewskiego*, Andrzeja Lubienieckiego, Lwów, 1843, стр. 30—31.

⁵ Бискуп Павел Пясецкий (1579—1649 гг.) писал, что в Польше по примеру казаков «вообще стали именовать казаками всех без исключения легковоруженных воинов независимо от того, состояли ли они на службе у короля, у магнатов или у шляхты; обычное их вооружение: — лук, колчан и сабля, а теперь даже самопалы и доспехи» (*Kronika Pawła Piaseckiego biskupa przemyskiego*, Kraków, 1870, стр. 45).

вляли не только в «Дикое поле», но использовали также в своих заграничных комбинациях. Так, например, в 1574 г. в помощь претенденту на молдавский трон Ивоне из Литвы прибыло 1200 человек «казаков». Среди них мы видим шляхтичей: Сверчковского в качестве «гетмана», Козловского (с двумястами чел.), Стуженского (тоже с двумя сотнями), а также Соколовского, Залеского, Копыцкого, Либишовского, Чижовского, Суцинского, Богуцкого, Задорского и многих других¹.

В то же время продолжались попытки магнатов, прежде всего черкасских и каневских старост, захватить Запорожье. В 1541 г. Каневское и Черкасское староства были переданы сыну Михаила Вишневецкого князю Ивану Вишневецкому², который еще до этого был старостой реченским, ейским, воронянским, пропойским и чичерским³.

После смерти Ивана Вишневецкого в Черкассах появляется его старший сын Дмитрий. Дмитрий Вишневецкий владел несколькими имениями в Кременецком повете, среди которых были Подгайцы, Окнин, Кумнин, Лопушно, Таража, Камарин, Крутнев и др.⁴. Известно также, что в 1546 г. Дм. Вишневецкий имел тяжбу с магнатом Чарторийским из-за какого-то дома в Вильно. В 1547 г. он получил в «державу» имение Вонячин⁵ в Подолии; в 1548 г. привлекался к суду за нанесение «обид» крестьянам-подданным королевы Боны. С 1551 г. Дмитрий Вишневецкий становится черкасским и каневским старостой⁶. В 1554 г. он сватался к княжне Гальшке Острожской.

Отождествляя Дмитрия Вишневецкого с известным героем народной думы Байдой, украинские дворянские и буржуазные авторы стремились объявить его основателем, «фундатором» Сечи и организатором запорожского казачества⁷. Н. Костомаров, например, так отзывался о Вишневецком: «Это был один из ранних предводителей казацких, положивший почин поступательному движению казачества на юг и, так сказать, указав-

¹ Kronika Marcina Bielskiego, т. III, стр. 1346—1357.

² *Wił. Tomkiewicz*, Jeremi Wiśniowiecki (1612—1651), Warszawa, 1933, стр. 14.

³ *A. Boniecki*, Poczet rodów w W. Ks. Litewskiem w XV i XVI wieku, Warszawa, 1887, стр. 370.

⁴ *Zródła dziejowe*, т. VI, Warszawa, 1877, стр. 92, 94.

⁵ *A. Boniecki*, Poczet rodów, стр. 370.

⁶ *Д. Эварницкий*, История запорожских казаков, т. I, стр. 83. Некоторые историки, напр. М. Грушевский, вопреки фактам, отрицают то, что Дм. Вишневецкий был черкасским и каневским старостой (*М. Грушевський*, Байда-Вишневецкий в поезії й історії. — Записки українського наукового товариства в Києві, кн. 3, К., 1909, стр. 122).

⁷ Исключение среди них, надо сказать, составляет И. Каманин, который первый высказал сомнение в отношении правильности версии о Дм. Вишневецком как об основателе Сечи. Он писал: «Мы не можем... согласиться с мнением большинства наших историков об основании Сечи князем Дмитрием Вишневецким на острове Хортице». (*И. Каманин*, К вопросу о казачестве до Богдана Хмельницкого, Чтения в ист. об-ве Нестора, К, 1894, стр. 73). Мнение Каманина страдало, однако, односторонностью, так как он исходил лишь из того

ший на грядущие века казакам дорогу в турецкие области»¹. По утверждению Д. Эварницкого, основание первой Запорожской Сечи связано «с историей и подвигами знаменитого вождя запорожских и украинских козаков, князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого, известного в козацких народных думах под именем козака Байды»². Еще дальше пошел М. Грушевский, который в статье, специально посвященной историческим «заслугам» Вишневецкого, заявляет: «Украинский магнат, князь, наследник старорусских традиций княжеско-дружинного уклада становится духовным отцом новой украинской плебейской республики (т. е. Сечи. — В. Г.)». Дм. Вишневецкого Грушевский объявил даже непримиримым врагом «правящих и имущих... который... строил новую Украину без хлопа и без пана»³. Далее Грушевский утверждает: «Вместо того, чтобы благоразумно заняться... округлением и расширением (своих имений) в духе своего сословия, Вишневецкий со страстью отдает себя... борьбе с татарами»⁴.

Окружив имя Дм. Вишневецкого ореолом самоотвержения и бескорыстия, буржуазные авторы стремились внушить трудящимся массам мысль, будто все героические деяния прошлого совершены под руководством представителей господствующих классов. Этим способом идеологи помещиков и буржуазии рассчитывали привить угнетенным и эксплуатируемым чувство преклонения перед «власть имущими» и тем самым парализовать их волю к борьбе за свое освобождение.

Вернемся, однако, к Дм. Вишневецкому. Не прошло и двух лет со времени получения им Каневского и Черкасского старосты, как этот «ревностный борец с неверными», не получив от великого князя какого-то имени, которого с большой страстью добивался, летом 1553 г. покидает Литву и отправляется в Стамбул к турецкому султану Сулейману II (Великолепному)⁵.

С какой же целью отправился Дм. Вишневецкий к смертельному врагу украинского, а также польского и русского народов — турецкому султану? Украинские буржуазные историки тщательно обходили этот в высшей степени щекотливый для них вопрос. Но мы не имеем права оставить его без ответа.

В Турции Вишневецкий находился примерно полгода. Сколько-нибудь подробных данных о пребывании его там пока не имеется⁶. Известно лишь со слов самого Вишневецкого, что

формального соображения, что укрепление, построенное Дм. Вишневецким на о. Хортице, в современных документах именуется не Сечью, а замком.

¹ Н. Костомаров, Собрание сочинений, кн. 8, СПб, 1906, стр. 730.

² Д. Эварницкий, История запорожских козаков, т. I, стр. 83, 84.

³ М. Грушевський, Байда-Вишневецький в поезії й історії. — Записки українського наукового товариства в Києві, К., 1909, стр. 139.

⁴ Там же, стр. 122.

⁵ Д. Эварницкий, История запорожских козаков, т. I, стр. 83; М. Грушевський, Байда-Вишневецький, стр. 123.

⁶ Книга Посольская. Метрики Вел. княжества Литовского, т. I, док. № 88, стр. 135.

султан благосклонно принял и богато одарил его. Через своего посла Р. Довкгида, отправленного в мае 1557 г. к крымскому хану, Сигизмунд Август велел передать, что Вишневецкий «поведал (после своего возвращения. — В. Г.) же там (в Турции) жалованьем осмотрен был, да и от тебе (т. е. хана. — В. Г.) ...ласку знал дей»¹. Тому же Довкгиду поручалось сообщить, что Вишневецкий, «вернувшись оттоль (из Турции. — В. Г.) до панства нашего, поведал, иж Цесарь Турецкий его в службу принял был и датком осмотрел, а потом вольно с панства выпущон, да и от тебе (хана. — В. Г.)... ласку там будучи знал и нам (Сигизмунду Августу. — В. Г.) было то с подивлением, же он без наше воли там (туда) ехал, а так ласкаве принят и цело вышел до панства нашего»². «Жалованием Вишневецкого «осмотрели» в Стамбуле, надо думать, единственно в расчете на то, что в будущем удастся воспользоваться какими-то его важными услугами.

Исходя из всего этого, цель поездки Вишневецкого можно представить себе следующим образом. Вишневецкий, который прекрасно знал, какую угрозу усматривают для себя турецкие и татарские феодалы в существовании запорожского казачества, мог предложить султану обуздать запорожцев, положить конец их сухопутным и морским походам на Турцию и Крым. Это предположение находит, в частности, подтверждение в письме Сигизмунда Августа крымскому хану Девлет-Гирею от 2 мая 1557 г. Король сообщал, что из рассказов самого Вишневецкого о богатых дарах, полученных им от султана и хана, он заключил, что тот «больше будет схилен людем вашим и недопустит козаков шкоды чинити улусом и чабаном Цесаря его милости Турецкого, познавши ласку и жалованье (его)»³.

На этом не кончались, однако, планы Вишневецкого. Он, как мы увидим ниже, по примеру отца и деда, лелеял надежду подчинить себе запорожцев и тем самым расширить за счет их земель свои владения. Получив в начале 1554 г. выхлопотанную для него киевским воеводой Н. Сенявским охранную грамоту, Вишневецкий вернулся в Литву⁴, где снова получил Черкасское и Каневское староства⁵.

¹ Книга Посольская, Метрики Вел. княжества Литовского, т. I, док. 88, М., 1843, стр. 139.

² По некоторым сведениям Дм. Вишневецкий проживал в Аккермане. Киевская Старина, 1897 г., март, стр. 520.

³ Книга Посольская, Метрики Вел. княжества Литовского, док. № 88, стр. 139.

⁴ Listy Zygmunta Augusta, стр. 76.

⁵ В письме хану от 1557 г. Сигизмунд Август сообщает, что после возвращения Вишневецкого из Турции «поручили есьмо ему (на Низу) сторожу польную». Книга Посольская, Метрики Вел. княж. Литовского, док. № 88, стр. 139. Ср. П. Кулиш, История воссоединения Руси, т. I, стр. 59, Д. Эварнцкиш, История запорожских козаков, т. I, стр. 83.

Через два года, в марте 1556 г., на территории Черкасского староства появился русский воинский отряд под начальством дьяка Ржевского. Этот отряд, состоявший преимущественно из путивльских казаков, спустился по р. Пслу (левый приток Днепра) в Днепр и проследовал в направлении Запорожья. Ржевский, выполняя поручение русского правительства, должен был произвести глубокую разведку вплоть до татарских кочевий, чтобы собрать сведения о татарах.

Узнав о появлении Ржевского на Днепре, Вишневецкий отправил к нему часть своих «казаков» во главе с атаманом Млинским (он же Мина). В июне того же года Ржевский сообщил в Москву, что «на Днепре к нему пристали литовские люди, атаманы Черкасские, Млынским зовут да Михайло Ескович, а с ним триста человек каневских черкас»¹. В своем письме хану от 2 мая 1557 г. Сигизмунд Август без обиняков указывает на то, что «каневские черкасы», бывшие под начальством Млинского, или Мины, — «слуги старосты черкасского»². Оправдываясь впоследствии перед ханом за поход «казаков» Вишневецкого с Ржевским, Сигизмунд Август писал, что «Мина козак, будучи от князя Дмитра Вишневецкого послан», обязан был лишь сопровождать русских, а отнюдь не ходить на Крым³.

Ржевский успешно выполнил свое поручение. Отбив у татар табуны лошадей под Ислам-Керменом, он двинулся под Очаков. Очаков был взят штурмом. Причинив значительный урон врагу и захватив пленных, Ржевский вернулся к Ислам-Кермену. Но тут его уже ждал большой татарский отряд («Царевич Калга Крымский, а с ним, — как показалось дьяку, — весь Крым, князи и мырзы»). Ржевскому пришлось остановиться на одном из днепровских островов и шесть дней отбиваться «ис пищалей» от многочисленного татарского войска. Ночью русские захватили у противника лошадей, перегнали их к себе на остров, а затем правым берегом Днепра благополучно достигли границ Русского государства⁴. «Кзаки» Вишневецкого вернулись в Черкасы.

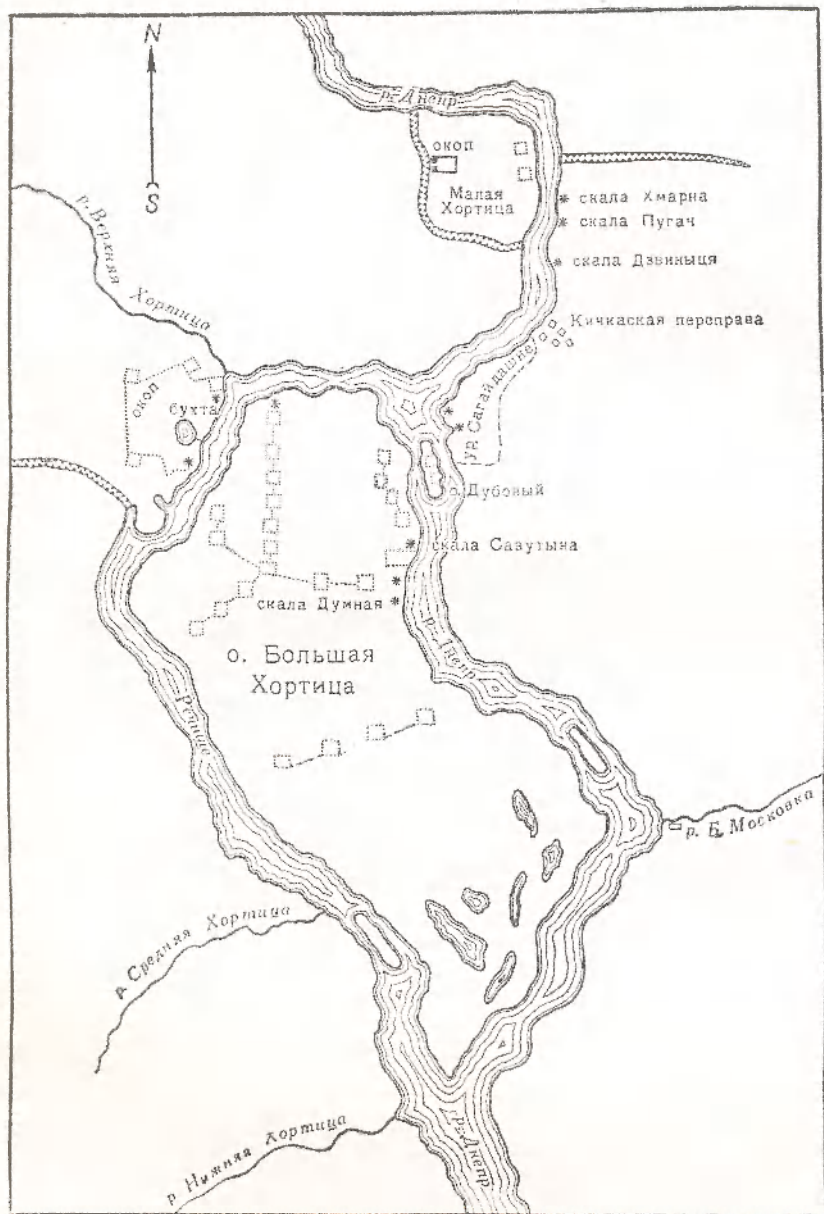
Возникает вопрос: на что рассчитывал Вишневецкий, отправляя к Ржевскому своих служебников-казаков? Он надеялся, вероятно, на то, что русское правительство не останется перед ним в долгу и за оказанную услугу поможет ему осуществить свои заветные планы в отношении Запорожья. На

¹ Полное собрание русских летописей, т. XIII, первая половина, СПб, 1904, стр. 271.

² Книга Посольская, Метрики Вел. княжества Литовского, док. № 86, стр. 134.

³ А теж сами (казаки Млинского) в том винни, — писал Сигизмунд Август хану, — што на Товань шли, бо староста наш Черкасский (Вишневецкий) не велел им итти на Товань». (Книга Посольская, Метрики Вел. княжества Литовского, док. № 87, стр. 137).

⁴ Полное собрание русских летописей, т. XIII, первая половина, СПб, 1904, стр. 271.

Остров Хортица.

поддержку литовского правительства, у которого при непомерно больших притязаниях были всегда лишь ничтожно малые средства, Вишневецкий рассчитывать не мог.

После успешного похода Ржевского Вишневецкий решил, что настало время осуществить то, чего не могли добиться его предшественники — стать твердой ногой на Запорожье, построить там крепость. Летом 1556 г. Вишневецкий с отрядом своих служебников отправился на Запорожье. Местом для сооружения крепости он выбрал остров Хортицу.

Хортица расположена в 15 км к югу от последнего порога (Вольного) и в 2,5 км ниже Кичкасской переправы через Днепр¹. Под именем Хортицы были известны два острова — Малая и Большая Хортица. Многие историки местом основания Вишневецким замка на Днепре считали Большую Хортицу. Такого мнения придерживался, в частности, Д. Эварницкий². Этот взгляд был пересмотрен Л. Падалкой, который ссылаясь на Лясоту. По словам Лясоты, Хортица производила впечатление «прекрасного, гористого, обширного и веселого острова, имеющего около 2 миль (ок. 14 км) в длину и делящего русло Днепра на две равные части»³. Более внимательно Лясота осмотрел Хортицу на своем обратном пути из низовьев. 4 июля 1594 г. он внес в свой дневник следующую запись: «Миновали две речки, называемые Московками и впадающие в Днепр с татарской стороны; отсюда до острова Хортицы 1 миля (ок. 7 км); остров этот, лежащий на русской стороне, имеет 2 мили в длину»⁴. Тут Лясота имеет в виду Большую Хортицу. Однако здесь же он замечает: «Пристали к берегу пониже острова Малой Хортицы, лежащего невдалеке от первого; здесь находится замок, построенный Вишневецким лет 30 назад и впоследствии разрушенный»⁵.

То обстоятельство, что замок Вишневецкого находился именно на Малой Хортице, подтверждается также другими, археологическими данными. До наших дней здесь, в юго-восточном углу, на самом высоком месте, сохранились следы каменных укреплений и остатки насыпного вала, возвышавшихся некогда в юго-восточной части острова (приблизительно на 14 м). С этой стороны Малая Хортица отделялась от Большой Хортицы протоком Днепра (Речище. См. план). С северо-запада укрепление замыкалось рвом и насыпным валом с про-

¹ И. Карелин, Запорожские городища, стр. 435—436. Ср. Л. Падалка, К вопросу о существовании Запорожской Сечи в первые времена запорожского казачества. Киевская Старина, май, 1894 г., стр. 264.

² Д. Эварницкий, История запорожских козаков т. I, стр. 82, 84.

³ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. I, стр. 166. Ширина острова достигала 2 км, а окружность 24 км. Площадь его превосходила 2 780 га (И. Карелин, Запорожские городища, стр. 436).

⁴ Там же, стр. 185.

⁵ Там же.

резом для входа. Длина этого вала равнялась прибл. 166 м.¹ Большая часть острова (общая площадь которого достигала 12,5 га) была покрыта дубовым лесом. В летнее время, после спада воды, Канцерский проток, огибавший остров с запада, высыхал, и тогда Малая Хортица становилась доступной с этой стороны материка².

К осени 1556 г. строительство крепости на Хортице было закончено. То, что свою крепость Вишневецкий заложил именно на Хортице, а не в другом месте, можно объяснить тем, что примерно в 60 км южнее ее, на о. Томаковке, находилась Запорожская Сечь. Однако вступать сразу же в борьбу с запорожцами Вишневецкий не решался, считая, вероятно, что сил у него для этого еще недостаточно. В сентябре того же (1556) года Дм. Вишневецкий через своего посланца атамана Михаила Есковича сообщил русскому правительству, что он «от короля из Литвы отъехал и на Днепре на Кортицком острову город поставил против Конских Вод». От имени Вишневецкого Ескович просил царя Ивана Грозного, чтобы тот его «пожаловал, велел себе служить»³. В ответ на его просьбу из Москвы вместе с возвращавшимся Есковичем на Хортицу были отправлены осенью этого же 1556 г. дети боярские⁴ О. Щепотев и Н. Ртищев «с опасною (секретной) грамотою и з жалованьем»⁵.

Через несколько месяцев, в начале 1557 г., Вишневецкий обратился к литовскому великому князю Сигизмунду Августу. При этом он, разумеется, тщательно скрывал свои сношения с русским царем⁶. Более того, Вишневецкий уверял Сигизмунда, что «Князь Великий (Московский. — В. Г.) хотел замки свои под... (крымское) панство подсажати и будовати на Днепре на устьи реки Пслы, албо его (Вишневецкого) добывати (осаждать)»⁷. Вишневецкий просил Сигизмунда о посылке на Хортицу служебников и пушек, а также о том, чтобы ему разрешили приехать в столицу.

¹ Заметим, что с конца XVI в., как это будет показано ниже, укрепления тут несколько раз перестраивались. Поэтому определить, что именно из укреплений было построено при Вишневецком, крайне трудно.

² *И. Карелин*. Запорожские городища, стр. 437.

³ Полное собрание русских летописей, т. XIII, первая половина, СПб, 1904, стр. 275.

⁴ Сословное название одной из групп мелких феодалов в России.

⁵ Полное собрание русских летописей, т. XIII, первая половина, стр. 275.

⁶ О времени этого обращения можно судить лишь на основании косвенных данных. В своем ответе Вишневецкому Сигизмунд Август писал: «Едучи нам с коруны Польской з Соиму Варшавского дани суть листи от тебе писание через служебника твоего Миска». (Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. II, СПб, 1865, стр. 148). М. Бельский утверждает, что варшавский сейм 1557 г. происходил зимой (*Kronika Marcina Bielskiego*, т. II, стр. 1133). Интересно также то, что Миско назван «служебником».

⁷ Книга Посольская. Метрики Вел. княжества Литовского, док. 86, стр. 135. Письмо Сигизмунда хану от 2 мая 1557 г.

Сигизмунд Август с удовлетворением встретил сообщение Вишневецкого о постройке им укрепления на Хортице. «И што ся дотычет того замку, через тебе забудованого, и послуги твоее нам, — писал он ему в своем ответе, — такая послуга твоя приемна есть, кгда (так как) еси на нас, господаря, на так потребному местцу замок забудовал, а звлаца (особенно) где би могла быть беспечная осторожность *ку повстяганю шкодников лихих людей* з убеспеченьем панств наших»¹.

Из ответа Сигизмунда Августа видно, что замок на Хортице был построен Вишневецким против запорожских казаков. Об этом Сигизмунд спешил уведомить и хана. 2 мая 1557 г. он писал ему: «и потому, брат наш, познаете, же оной (Хортицкий) замок ку нашей руке есть, кгда Вишневецкий престрогу и службу свою вам оказывать будет и козаков, которые при нем², шкод вашим людям чинить не допустит»³. То же Сигизмунд Август повторил в своих позднейших письмах хану от того же (1557) года. Он уведомлял хана, что замок Вишневецкого должен служить опорным пунктом на тот случай, «*кгда выступит от лихих людей злодейским обычаем* станется»⁴. Задача Вишневецкого на Запорожье, по словам Сигизмунда, заключалась единственно в том, чтобы он «*козаков гамовал, а шкодити не допустил*»⁵. Наконец, Вишневецкий должен был следить, чтобы через Запорожье на Крым не проходили русские и чтобы они не строили замков на Днепре⁶.

Просьбу Вишневецкого о разрешении приехать в столицу Сигизмунд Август отклонил. При этом он указывал на то, что Вишневецкий, перед которым стоит ответственная задача «гамовать козаков», не может в такое тревожное время отлучаться из Запорожья. Что же касается просьбы о присылке на Хортицу пушек и людей, то и она не была выполнена⁷. Нежела-

¹ Акты ЮЗР, т. II, стр. 148. На то, что под «шкодниками» и «лихими людьми» нужно понимать запорожских казаков, обратил внимание еще И. Каманин. «Вишневецкий, — писал он, — устроил город... «ку повстяганю лихих людей», под которыми обычно подразумевались казаки, отличившиеся этим эпитетом от «поганства — татар». Каманин подметил также то, что Вишневецкий просил Сигизмунда Августа прислать в новооснованный замок своих «людей» и «стрельбу», чего вовсе не требовалось бы, если бы замок был занят запорожцами. (И. Каманин, К вопросу о козачестве до Богдана Хмельницкого. Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца, кн. VIII, К., 1894, стр. 73).

² Под словами «козаков, которые при нем» отнюдь не следует понимать служебников, неотлучно состоявших при Вишневецком. Сигизмунд Август стремился убедить хана, что власть Вишневецкого распространялась на всех казаков, живших на литовском пограничье, в том числе и на Запорожье.

³ Книга Посольская. Метрики Вел. княжества Литовского, т. I, док. № 86, стр. 135—136.

⁴ Там же, стр. 140, док. № 88. Курсив наш. — В. Г.

⁵ Там же, стр. 140. Курсив наш. — В. Г.

⁶ Там же.

⁷ В письме Сигизмунда Августа Вишневецкому от 1557 г. было сказано: «а иж быхмо на тот час людми и стрельбою посилили оный замок, яко еси о том к нам писал, тогда без бытности твоее в нас того вчинити нам тепер не виделося с причин певных». (Акты ЮЗР, т. II, док. № 130, стр. 148).

ние Сигизмунда Августа оказать Вишневецкому реальную помощь нужно объяснить, помимо того соображения, что у литовского правительства никогда не было лишних средств, главным образом тем обстоятельством, что в действиях Вишневецкого на Запорожье он усматривал прежде всего вожделения магната, стремящегося приобрести для себя там новые владения»¹.

В таких условиях Вишневецкий решил не терять времени, а совершить, по примеру Ржевского, поход на Ислам-Кермен и укрепить Хортицкий замок за счет имевшегося там оружия. 1-го октября 1556 г. служебники Вишневецкого неожиданно напали на Ислам-Кермен (участвовал ли Вишневецкий лично в этом походе — неизвестно), который охранялся в то время небольшим гарнизоном². Ворвавшись в крепость, они захватили несколько пушек и вывезли их на Хортицу.

Нападение на Ислам-Кермен было, по существу, первым и в то же время последним самостоятельным выступлением Вишневецкого против татар. Спрашивается, можно ли на этом основании приписывать Дм. Вишневецкому какие-то особые заслуги в борьбе с татарскими и турецкими агрессорами, как это еще и теперь делают некоторые авторы? На наш взгляд, для этого нет оснований.

Вишневецкий, надо полагать, думал, что нападению на Ислам-Кермен в Крыму не придадут большого значения. Однако вышло не так, как он предполагал. Весть о нападении на Ислам-Кермен привела хана в состояние бешенства. Собрав войско, Девлет-Гирей с наступлением весны 1557 г. явился к Хортицкому замку. Осада татарами замка длилась, по словам Вишневецкого, 24 дня³. Взять замок хану, впрочем, не удалось, и он вернулся в Крым.

Несмотря на это, положение Вишневецкого было далеко не блестящим. Его казаки, не желая больше служить, стали расходиться. К тому же к концу лета 1557 г. хан с войском снова появился у Хортицы. Вишневецкий с оставшимися у него людьми поспешно бежал в Черкассы. Татары разрушили Хортицкий замок. Упрекая впоследствии хана за нападение на Вишневецкого и его замок, Сигизмунд Август писал: «же Вишневецкий там (на Хортице. — В. Г.) долго быти не мел, а под-

¹ «А он, — писал король Вишневецкому, — на нашей же земле *себе крепости бля*. городок был доспел». (Сборник Русского исторического общества. т. 71, СПб, 1892, стр. 64. Курсив наш — В. Г.).

² Хан Девлет-Гирей писал в 1557 г. Сигизмунду Августу: «людей мало у том замочку своем держали, только со два дома» (Книга Посольская. Метрики Вел. княжества Литовского, док. № 98, стр. 154).

³ В мае 1557 г. Вишневецкий сообщал в Москву через посланца Д. Малово, «что царь Крымской Девлет-Гирей и с сыном и со всеми людьми крымскими приходил под его город на Хордецкой остров и приступал двадцать четыре дни» (Полн. собр. русских летописей, т. XIII, первая половина, стр. 281).

данным твоим справедливость стала бы ся з ним, а сторожи с того замочку для шкоды межи панств (между Литвой и Крымом) не напереказе было бы твоим людем, брата нашего, але и овшем (но и к общей) пожитку (пользе. — В. Г.) и помочи»¹.

Попытка Дм. Вишневецкого укрепиться на Запорожье, таким образом, не удалась. Все надежды теперь возлагал он на русское правительство. Из Черкасс Вишневецкий обратился с письмом к царю Ивану Грозному, в котором просил разрешения на приезд в Москву. Разрешение вскоре последовало², и в начале осени 1557 г. Вишневецкий переехал в Россию³. После отъезда Вишневецкого некоторые из его казаков, оставшихся в Черкассах, были схвачены киевским наместником Сеньком Полозовичем. Среди арестованных значится «козак Минка» (надо полагать, Млинский)⁴.

Иван Грозный пожаловал Вишневецкого «великим своим жалованьем»: дал ему г. Белев, многие села под Москвой и, кроме того, 10 тыс. рублей «на приезд», не считая дорогого платья и т. д. Вишневецкий принес присягу, обещая служить царю «правдою и до своей смерти»⁵. (Далее мы увидим, как он выполнил свою клятву). В январе 1558 г. русское правительство поручило Вишневецкому отправиться с крупным отрядом русских войск на Крым⁶. Вишневецкий спустился по Днепру к его низовьям, направляясь к Перекопу. В шести верстах

¹ Книга Посольская. Метрики Вел. княжества Литовского, док. 91, стр. 142. Письмо Сигизмунда хану от 1558 г. В Московских дворцовых записях (октябрь 1557 г.) читаем: «писал ис Черкас да ис Канева к царю и великому князю князь Дмитрий Иванович Вишневецкий, что он з Днепра с Хортицкого острова пошел, потому что корму не стало у него, и казаки от него разошлись, а царь Крымской пошел на его город... и он с кормом не сел в городе, а, пришед, засел (в) Черкасы и Каневы». (Полн. собрание русских летописей, т. XIII, первая половина, стр. 286).

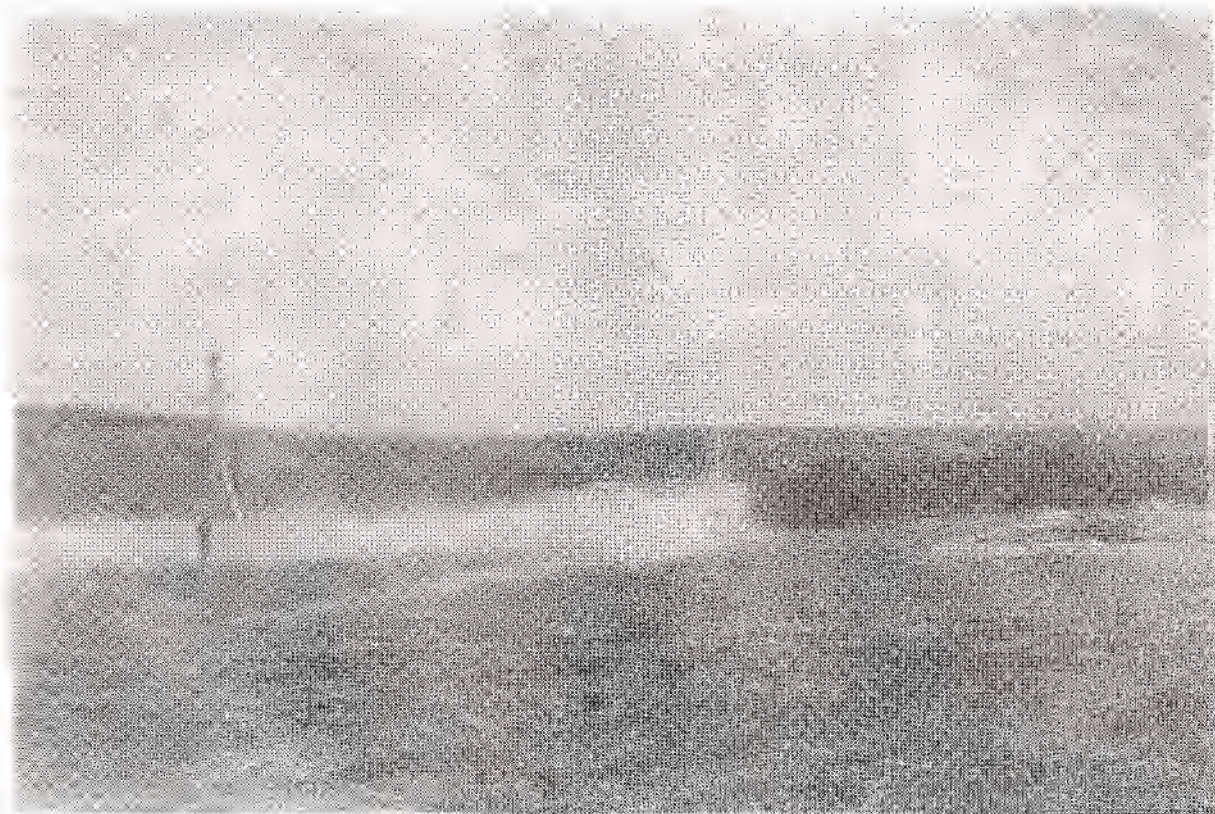
² Иван Грозный предлагал Вишневецкому «ехати к собе, а Черкасы и Канев велел королю отступитца, потому что царь... с королем в перемирьи» (Полное собрание русских летописей, т. XIII, первая половина, стр. 286).

³ Украинские буржуазные историки утверждают, что в Россию Вишневецкий явился со всеми своими «казаками». Однако, как видно из донесения русского посла в Литве кн. И. М. Воронцова от 8 сентября 1557 г., в Россию Вишневецкого сопровождали только два человека — Юшко и Афоня Тышковы. (Сборник Русского исторического общества, т. 59, СПб, 1887, стр. 530. «Князь Дмитрий Вишневецкий отъехал к Москве, а с ним Тышковых два, Юшко да Афоня»).

⁴ Архив ЮЗР, ч. III, т. I, док. 1, стр. I. Датой составления королевской грамоты, где говорится об этом, некоторые авторы, в том числе и издатели III части первого тома Архива Юго-Зап. России, считали 1503 год (см. *М. Любавский*, *Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства*, стр. 532). Это мнение ошибочно. В грамоте прямо говорится, что Полозович отнял вещи у Минки, Мандрыки и Душбекенича, иначе «у князя Дмитриевых козаков». Нет сомнения в том, что это могло случиться лишь после приезда Вишневецкого в Россию, т. е. не ранее осени 1557 г.

⁵ Сборник Русского исторического общества, т. 59, СПб, 1887, стр. 543. Ср. Полное собрание русских летописей, т. XIII, первая половина, стр. 286.

⁶ Там же, стр. 288.

Скала, на которой находилась крепость, построенная Дм. Вишневецким.

от Перекопа он разбил небольшой татарский сторожевой отряд и затем двинулся к Таванскому перевозу. Простояв тут в бездействии три дня, он поднялся затем вверх по Днепру, переправился через пороги и расположился лагерем на Монастырском острове¹. Неудачу своего похода Вишневецкий мотивировал перед русским правительством тем, что великий князь литовский предупредил хана об опасности и поэтому «Царь Крымской улусы все забил за Перекопъ, а сам в осаде был»².

Подобному объяснению в Москве, видимо, не поверили. Тут, как это явствует из инструкции русскому гонцу Р. Олферьеву, хорошо знали, что Вишневецкий «израдил» (изменил) уже не одному государю и поэтому отнеслись к нему без особого доверия³. В апреле 1558 г. Вишневецкому было предложено оставить отряд на месте, а самому прибыть в Москву⁴.

В конце 1558 г. на территории Русского государства появилась стотысячная татарская орда во главе с царевичем Магмед-Гиреем. Татары двигались тремя отрядами — на Рязань, Тулу и Каширу. Однако, узнав, что основная масса русских войск еще не отправилась в Ливонию (на что татары очень надеялись, ибо это было в самом начале Ливонской войны), татары, дойдя до р. Мечи, повернули назад.

В ответ на выступление татар в начале 1559 г. в Крым было отправлено восьмитысячное русское войско. Начальствование над ним было поручено на этот раз уже не Вишневецкому, а окольным Даниле Адашеву. Адашев соединился с русским отрядом, стоявшим на Монастырском острове, а затем, появившись внезапно в устье Днепра, захватил два турецких корабля. Затем русские воины совместно с казаками высадились в Крыму, нанеся татарам большой урон и освободив много невольников⁵.

Между тем во внутренней и внешней жизни Русского государства произошли важные перемены. В 1560 г. пала Избранная рада. Последнее было признаком усиления борьбы царской власти против крупных землевладельцев — бояр, за дальнейшую централизацию государства. Незадолго до этого началась война с Литвой, подчинившей себе часть Ливонии и стремившейся помешать России решить жизненно важную проблему выхода в Балтику.

В таких условиях Вишневецкий нашел, что ему выгоднее вернуться в Литву. Уже 5 сентября 1561 г. в ответ на его просьбу

¹ Полное собрание русских летописей, т. XIII, первая половина, стр. 296.

² Там же.

³ Сборник Русского исторического общества, т. 59, СПб, 1887, стр. 543. В инструкции Олферьеву, отправленному в Литву в феврале 1559 г., читаем: «не одного (государя. — В. Г.) Вишневецкой израдил».

⁴ Полное собрание русских летописей, т. XIII, первая половина, стр. 296.

⁵ С. Сольев, История России с древнейших времен, т. VI, изд. Общественная Польза, стр. 106.

Сигизмунд Август издал охранную грамоту (которую по счету!?), разрешавшую князю Вишневецкому, бежавшему тайно из России на Монастырский остров, явиться в Черкассы. В грамоте в хвалебных тонах говорилось о том, что князь Вишневецкий, узнав о готовящейся войне против России, вернулся в Литву¹. Русское правительство не имело особых оснований жалеть о Вишневецком. Гонцу Андрею Клобукову поручено было говорить в Литве, в случае, если его спросят о причинах бегства авантюриста: «притек Вишневецкой ко государю нашему, как собака, и потек от государя нашего, как собака же»².

Получив охранную грамоту, Дмитрий Вишневецкий поселился на некоторое время в Черкассах, где старостой был теперь его двоюродный брат князь Михаил Вишневецкий. Возвращение в Литву не положило конец захватническим планам жадного и честолюбивого магната. Взоры литовских и польских панов в это время были обращены на Молдавию. В 1552 г. в Молдавии прекратился род господарей Драгошей. Между боярскими группировками разгорелась кровавая усобица за обладание престолом. Один из претендентов, по имени Гераклид, обратился за помощью к польским панам, в частности к магнату Ляскому, находившемуся в то время в Хотине. Ляский, в свою очередь, вступил в соглашение с Дмитрием Вишневецким, после чего оба они, набрав отряды, главным образом из шляхты, поспешно отправились в Молдавию. Скоро, впрочем, Вишневецкий, соблазненный обещанием Тимши, соперника Гераклида, посадить его (Вишневецкого) на престол, покинул своих союзников и направился к Сучаве. Тут, однако, его отряд очутился в ловушке и был уничтожен войском Тимши³. Сам Вишневецкий, пытавшийся скрыться в стог сена, был обнаружен местным крестьянином, схвачен и вместе с другими шляхтичами (среди них был Ян Пясецкий, один из ближайших помощников Вишневецкого) отправлен в Стамбул⁴.

15 октября 1563 г. французский посол в Стамбуле, живо интересовавшийся молдавскими делами, сообщал своему правительству: «сегодня или завтра утром ожидается приезд сюда Дмитрашки (так звали Вишневецкого в Молдавии. — В. Г.) со своими товарищами». Вскоре после того Вишневецкий и Пясецкий, доставленные в Стамбул, были казнены. «Дмитрашко, — писал спустя неделю французский посол, — едва прибыл, как его величество султан приказал его казнить (*engaucher*) вместе

¹ Акты ЮЗР, т. II, СПб, 1865 г., док. № 142, стр. 155—156. «Ино кгда, — писал Сигизмунд Август, — о выйстю (истечении. — В. Г.) перемирья з нами князю великому Московскому ведомость взял, он (Вишневецкий), не зоставуючи в земли неприятельской, на границы панства нашего пришел».

² Сборник Русского исторического общества, т. 71, СПб, 1892, стр. 156.

³ *Kronika Marcina Bielskiego*, т. II, стр. 1148—1149; А. *Стороженко*, Князь Дм. Вишневецкий, по народному прозвищу Байда, Киевская Старина, 1897, март, стр. 523.

⁴ *Kronika Marcina Bielskiego*, т. II, стр. 1149.

с другим знатным польским паном Писоницким (Пясецким)». Всех остальных лиц, бывших с Вишневецким, отправили в качестве невольников на галеры¹.

Облик Вишневецкого, казалось бы, определяется историческими источниками довольно отчетливо. Однако украинские буржуазные авторы не желали считаться с реальными данными. В целях идеализации Вишневецкого они не пренебрегали ничем. Среди широких народных масс пользуется большой популярностью знаменитая украинская дума о Байде, посвященная подвигам народного героя, отдавшего свою жизнь в борьбе с турецкими захватчиками. В думе говорится:

«В Цариграді на риночку
Та п'є Байда мед-горілочку;
Ой, п'є Байда та не день, не два,
Не одну нічку тай не годиночку...
Цар турецький к ньому присилає,
Байду к собі підмовляє:
«Ой ти, Байдо, та славнесенький,
Будь мені лицар та вірнесенький,
Візьми в мене царівночку,
Будеш паном на всю Україночку!»

На предложение султана принять ислам и жениться на его дочери Байда с презрением ответил:

«Твоя, царю, віра проклятая,
Твоя царівночка поганая!»

Разъяренный словами Байды, султан приказал своим слугам повесить его на крюк за ребро.

«Ой, крикнув цар на свої гайдуки:
Візьміть Байду добре в руки,
Візьміть Байду, ізв'яжіте,
На гак ребром зацепіте!»

Преодолевая жестокие страдания, Байда просит подать ему лук и затем пускает три стрелы. Первой он убивает султана, второй — султаншу, третьей — их дочь².

¹ Documente privitoare la Istoria Romanilor, Supplement I, vol. I, Bucuresti, 1886, док. 35, стр. 19. Engaucher — старинное французское выражение, означающее забить, затолочь насмерть. Engaucher и теперь значит сбивать шерсть перед прядением или валянием.

² Надо сказать, что песни и сказания, посвященные тому же сюжету, что и дума о Байде, — борьбе народных витязей против чужеземных захватчиков, в том числе турецких феодалов, сохранились и у других славянских народов. Одно из первых мест среди них принадлежит старинной русской сказке о Балдаке Борисовиче. В сказке повествуется, как молодой русский богатырь Балдак отправляется в Царьград, чтобы увести у султана златогривого коня, убить kota-бахаря и посрамить самого султана. Прибыв в Царьград, Балдак изрубил всю стражу султана, выжег его роскошный сад и т. д. Схваченный турками, Балдак был осужден на смерть через повешение. Выполнить этого приговора не удалось. Балдак протрубил в рожок — и на этот призыв явились друзья Балдака. Они истребили окружение султана и освободили его. После этого Балдак со своими друзьями казнил султана, пашу и султанскую дочь (Афанасьев, Русские народные сказки, кн. VI).

Само слово «байда» означает «гуляющий человек», по-украински — «гультяй». Гультяями в эпоху феодализма называли совершенно разорившихся крестьян, которые в поисках заработка бродили из одного села в другое, от одного двора к другому. В одном из вариантов рассматриваемой думы ясно говорится, что ее герой предпочитает «байдувать»¹, т. е. тяжелую, полную лишений жизнь «гультяя» той, которую сулит ему женитьба на турецкой царевне. Байда отвечает султану:

«Лучше ж мені сім рік байдувати,
А ніж твою дочку та за себе брати»².

Многие авторы³ склонны утверждать, что в думе о Байде украинский народ воспел не кого иного, как кн. Дм. Вишневец-

В болгарской песне «О царе Солимане, Кулевиче бане и Марке» рассказывается о том, что весть о бесчинствах и зверствах султана Сулеймана дошла до города Кулева. Юный бан Кулевич решил отправиться в Стамбул. В дверях султанского дворца он встречает молодого кралеви́ча Марка. Султан предлагает Кулевичу «потурчиться» и стать его зятем. Но Кулевич с презрением отвергает предложение. Тогда разгневанный султан велит страже схватить Кулевича. Однако все пятьсот стражников падают, изрубленные Кулевичем, который после этого отправляется на родину. Султан посылает в погоню за ним девяностотысячное войско, но оно было истреблено Кулевичем и прибывшим к нему на помощь кралеви́чем Марком (Сборник за народні умотвореня, т. III, стр. 103—106).

В Сербии большую популярность приобрела песня о Секуле. Краткое содержание ее следующее. Султан направил фирман (указ) в Сибинград, к воеводе Янку, с требованием выдать его племянника — Секулу. Секула охотно согласился отправиться в Царьград. Перед отъездом Янку советует ему по прибытии туда взять себе в толмачи Марка Кралеви́ча, которого он найдет в корчме пьющим вино. Секула, которого народная фантазия наделяет чертами богатыря, прибывает в Стамбул, находит Марка и вместе с ним отправляется к султану. Последний предлагает Секуле принять ислам и в награду за это обещает отдать за него свою дочь. Но неподкупный Секула отказывается. Тогда Султан подает знак палачам схватить Секулу и казнить. Заметив это, Секула убивает палачей, всю стражу султана и двух его сыновей. Затем он бросается с поднятым мечом на самого султана, но Марко Кралеви́ч удерживает его (Секула и цар Отманович, Српски народни песми, кн. VI, Белград, 1899, № 31).

Болгарская песня о бане Кулевиче, как и сербская о воеводиче Секуле, носит на себе явные следы позднейших наслоений. Любимым народным героям трубадуры феодалов придали эпитеты «кралеви́чий», «банов», «воеводичей» и т. д., чтобы перенести на них то уважение, которое народ питал к своим героям. Однако древняя, народная основа этих песен явно выступает наружу. Достаточно указать на такую невероятную деталь, как бражничанье воеводича Секулы, феодала, в корчме, среди простого народа.

¹ Составители сборника «Українські народні думи та історичні пісні» объясняют слово «байдувати» как «гуляти, нічого не робити» (см. стр. 629). С этим нельзя согласиться. Не только в период феодализма, но и позднее, одним из значений слова «байдувати» (по-русски «байдачить») было — «идти на байдаки, или барки (речные суда) в работу» (См. Толковый словарь В. Даля, т. I, М., 1955, стр. 38).

² Исторические песни малорусского народа, т. I, К., 1874, стр. 152—153.

³ Н. Костомаров, например, говорит, что под именем Байды «справедливо усматривают князя Дмитрия Вишневецкого». Н. Костомаров, Сочинения, кн. 8, стр. 729. Эту мысль Н. Костомарова повторяет М. Грушевский в статье «Байда-Вишневецкий в поезії і історії». См. Записки наук. т-ва в Києві, К., 1909, стр. 139—142 и др.

кого. В подтверждение этого они ссылаются на то место хроники Бельского, где описывается казнь Вишневецкого в Стамбуле: «Вишневецкий и Пясецкий, — пишет Бельский, — были брошены с башни на крюки, вделанные в стены у морского залива по дороге от Константинополя в Галату. Пясецкий немедленно скончался, а Вишневецкий, зацепившись ребром за крюк, жил в таком положении три дня, пока турки не убили его из луков за то, что он порицал их веру»¹.

Рассказ Бельского о казни Вишневецкого, как видим, существенно отличается от вышеприведенного сообщения французского посла в Стамбуле. Последний, надо полагать, имел самую точную информацию, а может быть даже был очевидцем казни. Бельский же, несомненно, писал свое повествование на основании сведений, полученных из вторых и третьих рук.

Но самое важное — другое. Желая придать своему рассказу большую остроту и выразительность и наделить Вишневецкого чертами человека сильного духом и телом, Бельский воспользовался известными в его время украинскими народными песнями, в частности думой о Байде. Доказательством этого могут служить те сказочные подробности, которыми Бельский украшает рассказ о смерти Вишневецкого: последний, по его словам, висел на крюке целых три дня, причем все это время «порицал» «турецкую веру» и т. д. Тут же нужно сказать, что для возвеличения Вишневецкого песней о Байде пользовался не один Бельский. В 60-х годах XVII в., в связи с возведением на польский трон потомка Дмитрия Вишневецкого — Михаила Вишневецкого-Корибута, к думе о Байде обратился придворный поэт Вишневецких Станислав Темберский; еще позже, в XVIII веке, ею воспользовался другой трубадур Вишневецких историк Несецкий и т. д. Наконец, в тех же целях к думе о Байде приложило свою руку и духовенство. В середине XIX в. польский геральдик² В. И. Руликовский опубликовал следующий вариант думы о Байде:

Був пан Корецький
Дмитро Вишневецький —
Він небесну силу мав
І воевав
Громом та своїм словом!
Його невірні не злюбили
Ловить на його вартовали,
Ловить на його чатовали,
Потом його споймали,
Тай в кайдани заковали,
І ребро його кругом затягали
І на стіні прибивали³.

¹ Kronika Marcina Bielskiego, т. II, стр. 1149.

² Геральдик — составитель родословных знатных феодальных семей.

³ W. Rulikowski, Opis powiatu Wasylkowskiego, Warszawa, 1853, стр. 184.

Но этот вариант далек от народной думы. Как справедливо заметили еще современники Руликовского, он носит на себе явные следы церковной редакции¹. Иными словами, церковники несколько «подправили» думу о Байде в соответствии со своими взглядами и вкусами². Благородные черты народного героя — несокрушимое мужество, преданность народу и родине (отождествляемая в думе с преданностью вере) и презрение к смерти, — олицетворяемые Байдой, были искусственно перенесены на магната Дмитрия Вишневецкого, вдохновлявшегося в своих действиях корыстными интересами феодала, заклятого врага народных масс, казачества.

Отождествление Дмитрия Вишневецкого с героем народной думы Байдой лишено, как видим, всякого основания, точно так же как и версия об основании им Сечи.

Запорожская Сечь, надо сказать со всей решительностью, возникла не по воле «ясновельможных» магнатов, вроде кн. Дм. Вишневецкого, а в борьбе с ними. Она была основана не панами, а безымянными народными героями, вставшими на борьбу против феодально-крепостнического гнета и чужеземного порабощения.

Попытки феодалов захватить Запорожье продолжались и после Дм. Вишневецкого. 20 ноября 1568 г. к запорожцам вновь обратился Сигизмунд Август³. Он, как и раньше, в 1540 г., предлагал им немедленно покинуть Запорожье и явиться к старостам в пограничные замки⁴. Чтобы побудить запорожцев

¹ Исторические песни малорусского народа, т. I, К., 1874, стр. 155.

² Заметим, что повешение на крюк за ребро, служившее главным поводом для отождествления Дм. Вишневецкого с Байдой, было в Турции обычным видом казни. Так казнили многих казаков, попадавших в руки турецких насильников. Во время Хотинской войны 1621 г., например, одни пленные казаки были раздавлены на слонами, другие повешены на крюки, третьи посажены на кол и т. д. (*Hammer, Geschichte des Osmanischen Reiches*, т. IV, стр. 526—527.) Вот и другой пример: в том же XVI веке султан обещал литовскому великому князю вешать на крюк татарских мурз, которые осмелятся вторгаться в польские владения (*П. Кулиш, История воссоединения Руси*, т. I, стр. 72). Этот жестокий вид казни применялся в средние века и в других странах, в частности в Австрии. На крюке повешенным за ребро кончил, по преданию, свою жизнь словацкий опришек Яношек, «который отбирал имущество у богатых, раздавая его бедным». Яношек, по преданию, висел на крюке семь дней, выкурив за это время семь фунтов табаку и выпив полтора ведра воды. (Записки наукового товариства ім. Шевченка у Львові, т. XXI—XXII, стр. 31.) «На крюке» кончили свою жизнь и казаки, попавшие в руки Ст. Конецпольского во время восстания 1637—1638 гг. Поляки, по словам Грабянки, казаков «различными муками погубиша, овоих на четверо разсекающе... других на железные гаки за ребра вешающе» (Летопись Григория Грабянки, К., 1854, стр. 29).

³ Королевский универсал адресован так: «Поданным нашим, козаком тим, которые з замков и мест наших Украинных, без росказаня (позволения. — В. Г.) и ведомости нашею господарское и старост наших Украинных, зехавши, на низу, на Днепре, в Полю и на иных входах (уходах. — В. Г.) перемешкивают... свовольно живучи» (Архив ЮЗР, ч. III, т. I, док. № 3, стр. 4—5).

⁴ «Покою посполитого (общественного) не нарушаючи, с поля, з Низу и зо всех уходов, до замков и мест наших вышли» (Архив ЮЗР, ч. III, т. I, док. № 3, стр. 5).

к этому, король не скупился на обещания: «При замцах наших, — писал он, — найдется вам служба наша, за которую жалованье каждый з вас от нас одержит, кеды тое свовольности поперестанете»¹. За неисполнение приказа король угрожал суровым наказанием («караня срокгого не уводите»). Это обращение, как и предыдущее, не могло обмануть запорожцев. Ни король, ни литовские и польские магнаты, несмотря на все свои усилия, не могли воспрепятствовать росту запорожского казачества и укреплению Сечи. «Не было их раньше так много, — писал Бельский о казаках, — теперь же их насчитывается уже несколько тысяч»².

Важным событием в истории Украины была Люблинская уния 1569 г., приведшая к объединению Польши и Литвы в одно государство — Речь Посполитую. Люблинская уния давно готовилась литовскими и польскими магнатами. Она содействовала консервации элементов феодальной раздробленности в стране, что имело чрезвычайно тяжелые последствия.

После Люблинской унии феодально-крепостнический и национальный гнет на Украине принял еще более жестокие формы. В настоящей работе, к сожалению, мы не можем подробно остановиться на этом вопросе. Для примера достаточно сказать, что если в 1481 г. крестьяне церковных имений отработывали с лана 1 день в неделю, а в 1530 г. — два дня, то уже в 1581 г. — шесть дней, а четверть века спустя, в 1603 г., — двадцать четыре дня в неделю с лана (т. е. 6 дней в неделю должен был отработать уже не один, а четыре человека)³. Наряду с барщиной неуклонно росли натуральные и денежные оброки крестьян. Боплан, живший на Украине в 30—40-х гг. XVII века, заметил, что жизнь крепостных крестьян тут «хуже каторжников на галерах»⁴.

Одновременно с разорением и обнищанием крестьянства происходил быстрый рост крупного феодального землевладения. Вторая половина XVI и первая половина XVII века, как будет указано ниже, были временем, когда в Восточной Украине появились огромные по своим размерам магнатские латифундии. Восточнoукраинских магнатов, имея в виду их необычайно обширные для этого времени земельные владения, современники с полным правом называли «украинскими королями». Магнаты, как сказано выше, содержали крупные надворные войска, строили собственные крепости и т. д. Нередки были случаи, когда в погоне за новыми землями магнаты вступали в борьбу друг с другом, совершали грабительские нападения на села и деревни, разоряли и убивали

¹ Архив ЮЗР, ч. III, т. I, док. № 3, стр. 6.

² *Kronika Marcina Bielskiego*, т. III, стр. 1358.

³ *Lubomirski*, *Rolnicza ludność w Polsce od XV do XVIII w.*, т. II, Warszawa, 1857, стр. 830.

⁴ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, выпуск II, стр. 302.

население. Господство магнатов, их влияние на политическую жизнь страны способствовали росту феодальной анархии в Речи Посполитой, от которой в первую очередь страдали народные массы.

Усиление гнета привело к обострению борьбы народных масс против феодализма. Одной из форм этой борьбы, как и в прежние времена, было бегство крестьян в казаки¹. Часть беглецов оседала в пограничных районах — в южном Поднепровье, где крепостнический гнет был несколько слабее, чем в северо-западных землях, другая попрежнему направлялась на Запорожье, которое, по свидетельству Боплана, представляло собой «убежище для казаков на Днепре»².

Вторая половина XVI в. была также временем усиления крепостнического гнета в России, Белоруссии, Молдавии и т. д. Поэтому на Запорожье нередко искали спасения русские, белорусы, молдаване и др.

Польские и украинские феодалы в Запорожской Сечи, куда стекалась основная масса беглых, видели силу, которая подерживала у народных масс Украины надежду на освобождение от цепей крепостничества и чужеземного порабощения. Запорожские казаки своим героическим примером вдохновляли народ на борьбу с угнетателями.

Польское правительство решило принять срочные меры, чтобы подорвать силу сопротивления казачества и ослабить освободительную борьбу украинского народа. При этом оно намеревалось использовать социальные противоречия, существовавшие в среде казачества. Еще в 1524 году король Сигизмунд Старый поручил киевскому наместнику Сеньку Поллизовичу и черныбыльскому державцу Крыштофу Кмитичу набербовать «малый почет» (небольшой отряд) из казаков численностью в 1—2 тысячи человек. Этим казакам намечалось послать в виде жалованья сукна и доньги — несколько сот литовских коп³. Казаки «малого почета» должны были нести службу на Днепре, главным образом на перевозах, «для осторожности и обороны» литовских владений⁴. Этот проект, впрочем, не был осуществлен из-за хронического недостатка средств. После Люблинской унии вопрос об организации казачьего войска, которое находилось бы в распоряжении правительства, был поставлен снова. Универсалом от 5 июня 1572 года король Сигизмунд Август поручил воеводе русскому Юрию

¹ Невыносимый крепостнический гнет был, как свидетельствовал Боплан, «главною причиною многочисленных побегов» (Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, выпуск II, стр. 304).

² Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, выпуск II, стр. 304.

³ Литовская копа середины XVI в. равнялась 19 золотым (Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, выпуск II, стр. 31).

⁴ Чтения в историческом обществе Нестора Летописца, кн. XIII, 1894 г., стр. 81.

Язловецкому набрать «певный почет» из низовых казаков. Теперь, исходя из реальных возможностей, правительство решило ограничиться меньшим числом казаков — 300 человек¹.

Эти казаки, принятые на государственную службу, вносились в особый реестр (список), откуда и получили название реестровцев. Начальником, или старшим, реестра король назначил шляхтича Яна Бадовского. Ему же была предоставлена и судебная власть в войске.

Образование реестра имело, в числе прочих, то значение, что отныне официальное признание получили лишь те казаки, которые вносились в реестр. Все же остальное казачество, т. е. подавляющее его большинство, было поставлено в положение нелегальной, непризнаваемой законом массы, и тем самым оказалось под угрозой неизбежного закрепощения.

Наряду с правительством казацкие отряды продолжали содержать также и отдельные магнаты². Эти казаки использовались ими как для охраны и захвата земельных владений, так и для заграничных авантур. Киевский воевода кн. Константин Острожский, например, поддерживавший претендента на молдавский престол Ивана Подкову, набрал при посредстве шляхтича Копицкого казацкий полк в несколько сот человек «людей правдиво отборных». Над этими «казаками», которые служили за определенное жалование, гетманом (главным начальником) был поставлен некий Шах³. Начальником другого «казацкого» отряда, тоже находившегося на службе у кн. Острожского и зимовавшего в 1577—1578 г. в Киеве, был какой-то Арковский.

Отряды таких казаков составляли род надворного войска. За свою службу они получали от магнатов, кроме жалования, льготы, освобождавшие их постоянно или временно от отбывания феодальных повинностей. Как ни странно, но именно польских и украинских магнатов, разных Лянцкоронских, Дашкевичей, князей Ружинских, Вишневецких, Язловецких, Острожских, а также таких, как Шах, Зборовский, Оришовский и проч., стоявших во главе наемных имп «казацких» отрядов, буржуазные историки, следуя за дворянскими, объявили вождями и организаторами «низового» казачества⁴.

¹ Как видно из расходных книг коронного скарба, в набранном полку «низовых казаков», получивших плату «за квартал» (по два с половиной золотых и сукно на кафтан), насчитывалось 300 человек (*Górski, Historia piewnoty*, стр. 35, 242; его же, *Historja jazdy*, стр. 323).

² Такие казаки были, например, у черкасского старосты Михаила Вишневецкого. В 60 гг. XVI в. они были отправлены им в Ливонию для участия в войне (*Pulaski. Księżenta Wiszniowiecki w XVI stuleciu. Przewodnik naukowy literacki*, 1877, стр. 122).

³ *Kronika Marcina Bielskiego*, т. III, стр. 1430—1431.

⁴ См., напр., *Летопись Григория Грабянки*, К., 1854, стр. 20; *П. Симоновский*, Краткое описание о казацком малороссийском народе, М., 1847, стр. 8—9 и др.

Реестр, составленный при Сигизмунде Августе, не мог играть сколько-нибудь серьезной роли уже хотя бы из-за своей малочисленности. Между тем, вследствие усиливавшегося закрепощения крестьянства, мещанства и казачества, классовая борьба на Украине стала приобретать все более острые формы. Увеличивалось количество беглых на Запорожье, а вместе с тем и сопротивление со стороны запорожского казачества. Феодалы стремились любыми средствами положить конец этому. В 1575 году на польский трон при поддержке Зборовских и др. магнатов был избран семиградский князь Стефан Баторий. При Стефане Батории борьба феодалов с казачеством становится еще более ожесточенной. В апреле 1578 г. королевская канцелярия издала универсал, обязывавший «всех вообще и каждого в особенности» — пограничных старост хмельницкого, барского, брацлавского, винницкого, белоцерковского, черкасского и каневского оказать посильную помощь киевскому воеводе кн. Острожскому, когда тот начнет «сгонять низовцев с Днепра»¹. Всех захваченных запорожцев приказано было немедленно казнить². Одновременно было строжайше запрещено пропускать кого-либо из запорожцев «на волость», а также продавать им селитру, порох, олово и даже съестные припасы³.

На все эти меры, однако, правительство не возлагало больших надежд. Оно решило согласовать свои действия против Запорожья с Крымом, чтобы таким образом нанести Сечи двусторонний удар. Ставя в том же 1578 году в известность хана о принятых им против запорожцев мерах, Стефан Баторий подчеркивал, что наступать на Запорожье со стороны Польши очень тяжело: во-первых, у правительства нет крепостей за порогами, а также необходимого войска для больших военных акций, во-вторых, в трудных случаях запорожцы всегда «находят приют в Московской земле», т. к. поддерживают сношения с Московским государством⁴. Баторий предлагал хану напасть на Запорожье с юга. Тут же он заметил, что если не удастся истребить запорожцев, правительство попытается «пригласить их (выше сказано: «самых отборных из них». — В. Г.) на службу, хотя, думаем, что часть непременно уйдет в московские пределы»⁵.

Поход на Сечь, однако, не соблазнял татар, так как не сулил ничего хорошего. Да и сам киевский воевода кн. Острожский после нескольких попыток выступить против запорож-

¹ Acta St. Bathorei, док. № 23.

² Там же, док. № 23, а также П. Кулиш, История воссоединения Руси, том 1, СПб, 1874, стр. 91.

³ Acta St. Bathorei, док. № 23.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

цев¹ решил на время прекратить против них военные действия. Спасаясь от преследований, часть запорожцев ушла на Дон². «В то время, — писал М. Бельский, — когда король Стефан (Баторий. — В. Г.) намеревался их (запорожцев. — В. Г.) окончательно уничтожить, часть их ушла в Москву (Россию. — В. Г.), к тамошним казакам». В этом король, по словам Бельского, «видел еще большую опасность» и поэтому «решил оставить их в покое»³.

Бельский, однако, умалчивает о более важных причинах, побудивших Стефана Батория прекратить наступление на Запорожье. В то время, т. е. в 1577—1578 гг., польское правительство при активной поддержке Ватикана усиленно готовилось к войне против России. В этой войне оно преследовало цель поработить русский народ и захватить его земли. Сейм 1578 г. утвердил чрезвычайно высокие налоги на военные нужды. Кроме того, в целях увеличения войска сеймом был принят закон о так называемых выбранцах. На основании этого закона от каждых 20 ланов, находящихся в пользовании крестьян, выставлялся один жолнер. Последний был обязан явиться на службу в полном вооружении и снаряжении (с рушницей, саблей, топором, запасом пороха и свинца)⁴.

В целях увеличения войска Баторий решил пойти и на расширение казацкого реестра. Осенью 1578 года к реестровым казакам был послан приближенный Батория Янчи Бегер. 15 сентября 1578 г. Бегер в сопровождении пяти казаков явился во Львов, где в это время находился король. Последний распорядился выдать прибывшим казакам по 15 флоринов и сукна на 2 кафтана каждому. Затем им объявили королевский универсал, в котором значилось, что реестр увеличивается за счет «лучших казаков», проживающих в королевских имениях, до 600 человек. На время войны с Россией реестровцам назначалось увеличенное жалование — по 6 коп литовских в год, не считая сукна на кафтаны. Старшим реестра, гетманом (вместо умершего Юрия Язловецкого) назначался черкасский и каневский староста кн. Михаил Вишневецкий. Помощником Вишневецкого был определен шляхтич Ян Оришовский, а писарем реестра — Янчи Бегер. Реестровцы должны были беспрекословно повиноваться своим начальникам и нести службу там, где им будет указано.

Учреждая реестровое казацье войско, польское правительство намеревалось использовать его прежде всего для борьбы с народными массами Украины. В целях пресечения «свое-

¹ Бельский сообщает, что в 1578 г. «против низовцев был отправлен лубельский воевода Ян Тарло, а также др. урядники, но успеха не добились. (Kronika Marcina Bielskiego, т. III, стр. 1441).

² Там же, стр. 13—61.

³ Там же.

⁴ Volumina legum, том II.

вольства» на Украине реестровцы, согласно универсалу, обязаны были «всех непокорных усмирять, ловить и уничтожать как врагов короны»¹. За верную службу универсал в очень туманных выражениях обещал реестровым казакам считаться с ними, как «с заслуженными людьми». Присягу королю и Речи Посполитой реестровцы должны были принести 6 декабря того же года. Реестру передавался во владение г. Терехтемиров (он находился на правом берегу Днепра, против Переяслава) со старинным Зарубским монастырем. Тут должен был помещаться арсенал реестра и госпиталь для раненых и престарелых. Наконец, реестру было дано несколько пушек, королевское знамя и литавры. Новый реестр был составлен². Как видно из позднейшего списка реестра (от 1581 г.), большая часть казаков происходила из Киевщины и Волыни. Среди них были также белорусы, русские из Полоцка, сербы и др. Известная часть реестра состояла, несомненно, из бывших старостинских и других служебников. Среди рядовых реестровцев встречались даже шляхтичи³.

Реестровое войско, обязанное нести службу главным образом в южных районах Приднепровья, стало официально именоваться правительством «Низовым», или «Запорожским войском». Название «Запорожское войско» закрепилось за реестром особенно с того времени (конец XVI в.), когда оно, по распоряжению правительства, стало отбывать сторожевую службу за днепровскими порогами, содержать тут «залог». Это обстоятельство внесло неясность в представления многих авторов. Часто под реестровым казацким войском, без всякого на то основания, подразумевали Запорожское войско в собственном смысле слова, а под реестровой «залогой» — Сечь, и наоборот. Между тем эти понятия, как видим, нужно строго различать.

Закончив военные приготовления, Стефан Баторий в 1579 г. объявил России войну. Русское государство к этому времени было уже значительно ослаблено двадцатилетней войной за выход в Балтийское море и борьбой с реакционной боярской группировкой внутри страны. Воспользовавшись этим, поляки в первый же год войны овладели Полоцком, а в 1580 г., после новых ассигнований, утвержденных сеймом, Велижем, Усвятом и Великими Луками. В военных действиях 1579—1580 гг. участвовало лишь небольшое число реестровцев. Основную часть их Баторий не решился взять с собой в Россию. Они были оставлены в районе Черкасс и на Подолии. В русские земли во главе своих наемных войск вторглись также магнаты Михаил Вишневецкий, Константин Острожский, Януш Зба-

¹ А. *Стороженко*, Стефан Баторий и днепровские козаки, К., 1904, стр. 72—73.

² Реестр был разделен на десятки и на сотни.

³ *Zródła dziejowe*, т. XX, стр. 154.

ражский, Лаврин Ратомский и др. Их отряды, насчитывавшие свыше 4 тыс. человек и состоявшие из дворовой челяди, разных наемников и шляхтичей, историки обычно называют казацкими. Эти отряды, однако, были казацкими лишь по своему названию; в действительности они не имели ничего общего с украинским казачеством. Отряды магнатов беспощадно опустошали те местности, через которые проходили. Одни только Михаил Вишневецкий, например, сжег Чернигов, Радогощ (Погар), Почеп, Брянск, Карачев, Орел, Путивль и Рыльск¹. Магнаты стремились захватить для себя в России целые районы с селами и городами.

Польское войско, брошенное против России, насчитывало около 60 тыс. человек, среди которых были наемники почти со всей Европы — немцы, французы, шотландцы и т. д. Оно располагало сильной артиллерией и крупными инженерными средствами для осады крепостей. В 1581 г. Баторий бросил все свои силы на Псков. Однако под стенами Пскова захватчиков ожидало тяжелое разочарование. Псков оказал им героическое сопротивление. Среди его мужественных защитников находилось также «500 донских казаков, старшим над которыми был некий Мисько, родом из Черкасс, бывший королевский подданный»². Мисько был убит на стенах Пскова. Очень вероятно, что среди донских казаков, пришедших на помощь Пскову, не один только Мисько был украинцем.

За 132 дня осады Пскова его защитники отбили 231 приступ. С крепостных стен врага поражали пушкاري и стрелки, на осаждающих лили горячую смолу, бросали тяжелые камни. Во время своих смелых и многочисленных вылазок (всего их было 47) псковичи причиняли врагу тяжелые потери. Сам Баторий признал, что в обороне крепостей русские превосходят все другие известные ему народы.

Осада Пскова стоила полякам огромных жертв и вызвала усталость и уныние в их войске. Стремясь возможно скорее пополнить быстро таявшие ряды своей армии, Баторий решил призвать на помощь запорожских казаков и с этой целью отправил на Запорожье шляхтича Самуила Зборовского. Последнего во время его поездки сопровождал отряд, состоявший из «70 польских шляхтичей, исключая гайдуков»³.

У Таволжанского урочища, «между порогами», Зборовский неожиданно наткнулся на казацкую засаду. Увидев за-

¹ *Epicedion, to jest żalobny wirsz o ksiązenciu Michalle Wiszniewieckim, 1585, z drukarni Macieja Wizbięte, стр. 35—42.*

² *J. Piotrowski, Dziennik, wyd. A. Czuczynski, Kraków, 1894, стр. 58.* Известие Пиотровского подтверждается Гейденштейном: «козаки в некотором количестве, — пишет он, — прибыли туда (во Псков) под начальством Николая, родившегося в королевской области, в г. Черкассах, но давно уже служившего Московскому государю» (*R. Heidensteinii secr. regii de bello Moskovitico etc., Basileae, 1588, стр. 128.*)

³ *Herby gycerstwa polskiego, стр. 157.*

порожских казаков, часть шляхтичей, сопровождавших Зборовского, поспешно повернула назад. К Зборовскому и его людям запорожцы приставили стражу и препроводили их вниз по Днепру, на Запорожье. Биограф Самуила Зборовского Бартош Папроцкий оставил нам интересное описание этого «путешествия».

Переночевав в замке на Хортице, Зборовский на другой день «поехал с ними (запорожцами. — В. Г.) на то место, где они проживали»¹. Этим местом, по словам Папроцкого, был «остров Томаковка»². Запорожцы приветствовали своих выстрелами из ружниц. На другой день на Томаковке состоялась казацкая рада. Излагая сечевикам цель своего прибытия, Зборовский предложил им вторгнуться в Россию со стороны Путивля. За это от имени короля он обещал им большое денежное вознаграждение.

Казаки с негодованием отвергли предложение Зборовского. Они намеревались тут же покончить с ним и сопровождавшими его шляхтичами. Запорожцы заявляли, что зло для них исходит не от России, а от «панов польских». «Ночью, — передавал впоследствии Зборовский, — на острове вспыхнуло такое смятение, что я увидел приближение своего конца». Казаки требовали казнить Зборовского «по обычаю своему: крепко подпоясав и насыпав за пазуху песку, бросить в воду». Однако до казни дело не дошло.

Пробыв некоторое время в Сечи, Зборовский имел возможность познакомиться с организацией казаков. Большое впечатление на Зборовского, по его собственным словам, произвело то, как казаки «стреляют, поют песни, играют на кобзах» и т. д. Он подчеркивал, что все это запорожцы исполняли с таким искусством, что «нет слов для описания»³. Опасаясь за свою жизнь, Зборовский тайно бежал из Сечи⁴.

Стефан Баторий тшетно ожидал прихода запорожцев под Псков. Тяжелые потери, понесенные в войне, и неудачи под Псковом побудили его пойти на мир с Россией. 15 января 1582 г. в Яме Запольском между Россией и Польшей было заключено перемирие сроком на 10 лет.

После прекращения войны паны усилили наступление на украинский народ. Проникнув в недавно заселенные местности Левобережной Украины, они захватывали тут земли и

¹ Herby rycerstwa polskiego, стр. 158.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Рассказ Бартоша Папроцкого о Зборовском составлен во вкусе того времени: он наполнен, по примеру западноевропейских геральдических повествований, фантастическими подробностями вроде того, что запорожцы немедленно по прибытии Зборовского в Сечь избрали его своим «гетманом» и т. д. Буржуазные историки, как, например, А. В. Стороженко, некритически вносили в свои сочинения эту фантастику, искажая историческую действительность.

закрепошали население. В 70-х гг. XVI в. на Левобережье проникают Вишневецкие. В 1590 г. Александр Вишневецкий, оттеснив других претендентов, уже «оформил» свои «права» на эти земли специальным королевским привилеем. Этот привилей, утвержденный в том же году сеймом, отдавал в вечное владение Александру Вишневецкому, его жене, детям, потомкам и наследникам все земли по рекам Суле, Удою, Солонице, Уходу, Лузоле. Вишневецким предоставлялось право строить на пожалованных землях замки, основывать города и села, строить костелы, мельницы, копать пруды и т. д.¹ В привилее говорилось, что для определения границ пожалований будет назначена комиссия. Однако благодаря «предусмотрительности» Вишневецкого комиссия так и не была создана. Посульем, получившим впоследствии у современников характерное название «панства (государства) Вишневецких», или «Вишневецчины Заднепрнской», Вишневецкие владели без всяких ограничений, устанавливая границы своих владений по собственному усмотрению.

На Правобережной Украине большие земельные владения захватили в конце XVI в. Острожские, Потоцкие, Конецпольские².

Расширение земельных владений польских и украинских магнатов особенно усиливается во время правления короля Сигизмунда III Вазы (1587—1632 гг.), шведского принца, избранного на польский трон после Стефана Батория. Это расширение происходило попрежнему главным образом за счет крестьянских и казацких земель.

Паны стали все настойчивее добиваться у правительства и сейма пожалований на «пустующие», в действительности же заселенные казаками и крестьянами, «украинные земли».

Жертвой панских захватов становились, однако, и реестровые казаки, нужда в которых после окончания войны ослабела. Уже в 1582 г. казаки жаловались королю, что воеводы и старосты «измышляют разные повинности, коляды и податки, отбирают имущество, оставшееся после смерти казаков», а также «без всякой причины арестовывают и бросают в тюрьму»³. В 1590 г., например, реестровый старшина Ярош Чаповицкий, ездивший по войсковым делам, был, по приказанию киевского земского судьи Иосифа Немирича, схвачен в то время, когда проезжал через имение последнего. Немирич не только заковал в кандалы и посадил в тюрьму Чаповицкого, но ото-

¹ Ф. *Николайчик*, *Материалы до истории владений Вишневецких*, Чтения в обществе Нестора Летописца, том XIV—XV, док. № 5.

² В 1622 г., например, Станислав Конецпольский, краковский каштелян и коронный гетман, заложил на подольском пограничье, при р. Ю. Буге и Кодыме, в центре своих владений, замок Конецполь Новый.

³ Жерела до історії України-Руси, том XV, док. № 34, стр. 53.

брал также у него служебные письма и «поотпечатавши их, читал»¹.

Усилились притеснения городского населения. Магнаты и шляхта отказывались признавать за городами завоеванное ими право на самоуправление, отнимали у горожан земельные участки, неуклонно увеличивали повинности и поборы, стесняли в торговле и т. д.

После Люблинской унии на Украине стал усиливаться национальный и религиозный гнет. Увеличиваются владения католической церкви. В 70-х гг. XVI в. в Восточной Украине появляются первые организации иезуитов. Польские паны усиленно проводят политику насильственного ополячивания и окатоличения украинского народа.

В ответ на усиление социально-экономического и национального гнета на Украине вспыхивают волнения. Так, в 1585 г. реестровыми казаками был убит королевский посланец шляхтич Глубоцкий. В ответ на это правительство заковало в кандалы и бросило в киевскую тюрьму 11 казаков². 16 марта 1586 г. отряд в несколько сот конных и пеших казаков и «хлопов простых, которые з сел се забрали» во главе с атаманом Лукьяном Чернинским (среди руководителей отряда значатся также казаки Ивановский, Патока и Пергат) напал на м. Кодню (на Уманщине) и соседние панские имения. Казаки захватили имущество коденского наместника и других шляхтичей³.

Участились нападения казаков на имения подольской шляхты, о чем говорилось на сейме 1587 г.⁴ В августе 1588 г. крестьяне села Барки (Волянь), принадлежавшего шляхтичу А. Барановскому, сожгли усадьбу своего пана. Во время пожара погиб сам Барановский и его семья. Позднее, объясняя причины выступления, крестьяне показывали: «то поневоли учинить мусели, жесмы его спалили, бо нам кгрунты и маетности... отимовал, дети в неволю брал и незносные нам кривды чинил»⁵. В 1590 году отряды казаков под руководством Якова Осовского, Андрея Рогачевского и Федора Поло напали на имение магната Ходкевича в Быховской волости и забрали несколько тысяч фунтов селитры, серы, олова, а также другое имущество⁶.

Волнения охватывали и города. В 1589 г. восстали жители Белой Церкви, терпевшие притеснения со стороны магната Острожского. Как ни был богат и силен Острожский, ему

¹ Архив ЮЗР, часть III, том I, док. № 10, стр. 27.

² Там же, док. № 7, стр. 15—18.

³ Там же, док. № 8, стр. 18—23.

⁴ *Dyaryusz sejmowe roku 1587*, стр. 202.

⁵ *Жизнь Курбского в Литве и на Воляни*, т. I, К., 1849, стр. 295.

⁶ Археографический сборник, т. I, док. № 61.

удалось подавить восстание лишь при помощи шляхты, собранной со всего Киевского воеводства.

Стремясь подавить всякое сопротивление украинского крестьянства, казачества и мещанства, паны на сейме в 1590 г. добились принятия специального постановления — «Порядка в отношении низовцев и Украины». Своим острием это постановление было направлено против запорожцев. Коронный гетман и его заместитель должны были в ближайшее время отправиться с коронным войском за пороги, выгнать оттуда казаков и поставить на Запорожье гарнизон из реестровцев. Отныне реестровые полковники и сотники могли назначаться только из шляхтичей. Сверх записанных в реестр никто не мог быть принятым в него без согласия старшего.

Коронному гетману даны были в отношении всего казачества самые широкие полномочия. В помощь ему сейм назначал двух комиссаров (дозорцы), каждый из которых должен был следить за реестровыми и «своевольными» казаками в своей округе и обо всем немедленно сообщать гетману, старосте или владельцам имений.

В целях подавления «украинного своевольства» было решено под присягой обязать всех урядников, вплоть до сельских атаманов и войтов, следить за тем, чтобы никто не уходил на Запорожье и даже в степь и не приходил оттуда, не имея на то письменного разрешения от своего сотника. Всех, кто приходил бы из Запорожья для покупки провианта и других запасов или для продажи чего-либо, следовало немедленно арестовать и казнить. Более того, смертной казни подлежали даже те урядники, которые попустительствовали в чем-либо казакам¹.

Сейм вынес и другое важное постановление, направленное против казачества. Он предоставил королю право раздавать украинские земли, чтобы они «не пустовали»². Так как предполагалось, что наступление против крестьянства и казачества несомненно вызовет с их стороны сопротивление, король «с разрешения и совета панов-рад коронных» издал универсал о реорганизации реестрового войска. Согласно универсалу (изданному 25 июля 1590 г.), реестр увеличился до тысячи человек. Для более успешного «усмирения украинского своевольства», а также для пресечения всякой связи Запорожья с остальной Украиной, приказано было выстроить в урочище Кременчуге, т. е. недалеко от порогов, крепость. В крепости должен был стоять гарнизон, содержание которого возлагалось на местных крестьян. Каждый подданный обязан был доставить ежегодно в Кременчуг для гарнизона определенное количество продовольствия. Верховным начальником реестра назначался снятинский староста Николай Язловецкий, комисс-

¹ Volumina legum, т. II, стр. 310.

² Там же, стр. 318.

саром при нем — староста теребовльский Яков Претвич, а непосредственным начальником реестровцев оставался известный нам Яков Оришовский¹. Были приняты также меры к подкупу реестровой старшины. Опираясь на постановление сейма о раздаче «пустынь украинских», король в том же 1590 г. пожаловал старшинам — «особом тром людем козацким» местечки Боришполь, Володарку и Ракитное².

Реорганизацией реестра правительство надеялось ослабить силу сопротивления украинского народа, его борьбу против социального и национального гнета. Но паны ошиблись. Никакими мерами нельзя было уже сдержать гнев и возмущение народных масс Украины.

¹ Архив ЮЗР, ч. III, том I, док. № 11, стр. 28—31.

² Записки наукового товариства ім. Шевченка у Львові, том XXX—XXXII, док. № 13, стр. 22. Боришполь получил реестровый старшина В. Чановицкий (Археографический сборник, т. II, стр. 61).

ГЛАВА III

ВОССТАНИЕ 1591—1593 гг. ПОД РУКОВОДСТВОМ КРЫШТОФА КОСИНСКОГО. РАЗРУШЕНИЕ ТОМАКОВСКОЙ СЕЧИ

В последних числах декабря 1591 г. запорожские казаки вместе с частью реестровцев неожиданно напали на белоцерковский замок. Этот замок, являвшийся одной из сильнейших в Восточной Украине крепостей, был резиденцией белоцерковского старосты, магната князя Януша Острожского. Во главе повстанцев стоял Крыштоф Косинский¹. Незадолго перед тем избранный казаками гетманом. При поддержке местного населения казаки во главе с Косинским быстро овладели Белой Церковью и захватили там артиллерию, военные припасы и разное другое имущество. Повстанцами был захвачен и сожжен старостинский архив, в котором хранились официальные бумаги (в том числе универсалы на земельные пожалования в Белоцерковском старостве). Дома старосты и подстаросты были разгромлены².

Вскоре восстание охватило довольно значительный район. Повстанцы во главе с Косинским вслед за Белой Церковью овладели Трипольем и затем Переяславом³. Главной силой восстания было угнетенное крестьянство, показавшиеся массы сельского населения.

¹ Подробная биография Косинского, к сожалению, неизвестна. Имеются, однако, данные, позволяющие думать, что Косинский довольно длительное время жил на Запорожье. Еще 22 мая 1586 г. Богдан Микошинский, именуемый в документах гетманом войска запорожского, уведомлял старшину Подвысоцкого о недавно полученном известии «от Крыштофа с Низу от Тавани и от городков». В этом донесении Крыштоф (речь идет, несомненно, о Косинском) предупреждал о намерении крымского хана переправиться с ордой через Днепр. Косинский был, вероятно, одним из казацких старшин. Во время своего пребывания на Запорожье он, как и многие другие, приобрел богатый военный опыт (Listy Stanisława Żółkiewskiego (1584—1620), Kraków, 1868, док. 18, стр. 34).

² Архив ЮЗР, ч. III, т. I, док. № 12, стр. 31—32.

³ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. №№ 43 и 48.

Напуганные размахом движения польские власти уже в январе 1592 г. назначили комиссаров для расследования «своевольства» и наказания «своевольников». Этими комиссарами были магнаты: старосты теребовльский — Яков Претвиц, черкасский — Александр Вишневецкий, брацлавский — Яков Струсь и барский — Станислав Гульский. Собрав свои команды и отряды шляхты, старосты вместе со старшим реестра князем Язловецким быстрым маршем двинулись к Триполью¹. По дороге, у Фастова, панское войско заняло временные позиции. Не рассчитывая на успех в открытом бою, комиссары задумали ослабить силы повстанцев, отколов реестровых казаков от основной массы повставших. 10 марта 1592 г. паны обратились от имени Язловецкого к реестровцам, находившимся в Триполье, с посланием. В нарочито учтивых выражениях, называя реестровцев «панам молодцами запорожскими», комиссары предлагали немедленно выдать Косинского («так как из-за одного лотра вы не захотите подвергаться наказанию») и сложить оружие. В противном случае они угрожали восставшим кровавой расправой².

Руководители восстания решили принять послание комиссаров. Вступить в бой с панам в тот момент, когда движение еще не разрослось и не окрепло, было бы ошибкой, могущей погубить все дело. Чтобы выиграть время, а также добиться, если удастся, роспуска панских войск, они вступили в переговоры с комиссарами. Делая вид и заверяя панов в том, что Косинский уже отрешен от руководства войском, они обещали быть впредь «послушными». Они согласились признать также нового гетмана, выдвинутого комиссарами на место Косинского. Вслед за заключением договора паны сняли свои войска из-под Фастова и, довольные достигнутым «умиротворением», разъехались по своим староствам.

План повстанцев, таким образом, удался. После ухода панских войск восстание, действительно, стало разрастаться. Численность казацкого войска быстро увеличивалась. В июне 1592 г. повстанцы, поддерживаемые мещанами, приступили к осаде Киевского замка³. По словам киевского воеводы кн. Константина Острожского (отца Януша Острожского), «Низовые казаки неоднократно подступали к городу и замку, захватив лучшие пушки, порох и всякую стрельбу»⁴.

Осенью 1592 г. и зимою 1592—1593 гг. восстание распространилось уже на Волынское и Брацлавское воеводства. Шляхта Луцкого повета, обращаясь 11 января 1593 г. за помощью к панам соседних поветов, оповещала, что низовые казаки,

¹ Жерела до історії України-Руси, док. № 48.

² Listy St. Żółkiewskiego, док. 12, стр. 21—22.

³ Kronika Marcina Bielskiego, т. II, стр. 1681.

⁴ Архив ЮЗР, ч. III, т. I, док. № 14, стр. 36—37. Речь К. Острожского на варшавском вальном сейме 18 октября 1592 г.

«вторгнувши/сь / в панства коронные, у воеводства Киевское и Волинское... замки и места так его королевское милости, яко и шляхетские посаждают (занимают. — В. Г.)»¹.

Шляхтой Волинского воеводства руководил Константин Острожский, крупнейший волинский магнат, в зависимости от которого находилась немалая ее часть. По указанию К. Острожского, шляхта, съехавшаяся в начале 1593 г. на поветовые сеймики, немедленно прекратила свои заседания и стала готовиться к походу против казаков. В резолюции, принятой шляхтой на владимирском сеймике, говорилось «о великой небезпечности панства короля его милости от сволечения украинного, от козаков», которые заняли «немало замков, мест и сел украинских... братии нашей, шляхтичов оних краев». Далее извещалось, что теперь казаки «з немалым войском з арматою, способом неприятельским юж до воеводства Волинского притегнули, умысливши далее панства короля его милости пустошити»².

Чем объясняется быстрый рост восстания и то, что войско восставших называлось казацким? Это объясняется тем, что повстанцы, изгоняя панов и объявляя себя казаками, вводили у себя казацкие порядки: собирались на раду, избирали атаманов и судей, распределяли повинности и т. д.

Массовое показаченье сельского и городского населения в эпоху господства феодализма имело глубокий социальный смысл: оно являлось выражением стремления угнетенных слоев народа утвердиться в положении свободных производителей. Только этим, и ничем иным, следует объяснить то обстоятельство, что и само войско повстанцев называлось казацким³.

Восстание принимало все более грозные размеры. По словам А. Вишневецкого, повстанцы стремились к тому, чтобы «перевернуть до основания все пограничье и нас (шляхту.—В. Г.) всех истребить»⁴.

Еще на сентябрьском сейме 1592 г. украинские магнаты во главе с К. Острожским требовали отправки коронного войска на подавление восстания. Магнатов поддерживала их креатура — послы из Восточной Украины. Однако требование магнатов натолкнулось на сопротивление со стороны послов из польских провинций. Польская шляхта боялась, что отправка коронного войска на Украину лишит ее саму военной силы в случае восстания крестьян в Центральной Польше. В том,

¹ Архив ЮЗР, ч. III, т. I, док. № 15, стр. 39 и док. № 17, стр. 45.

² Там же, док. № 18, стр. 49—50.

³ По мнению большинства авторов, войско повстанцев называлось казацким лишь потому, что в руках казаков, более опытных в военном деле, чем крестьяне и мешане, находилось военное руководство повстанческими отрядами. Такое объяснение, как легко заметить, оставляет в стороне самое главное — социальный смысл явления, и поэтому страдает односторонностью.

⁴ Listy St. Żółkiewskiego, док. 17, стр. 27.

окажется беззащитной перед шляхетской конницей. Действительно, положение повстанцев было далеко нелегким. Жесткие морозы и недостаток пищи в лагере под Острополом, где стояло тогда казацкое войско, заставили многих повстанцев разойтись по домам.

Между тем панское войско перешло в наступление. Отступая перед превосходящими силами врага, Косинский отвел казаков на более удобные позиции. 2 февраля 1593 г. между повстанцами и панскими войсками под м. Пяткой (на Волыни, недалеко от совр. железнодорож. станции Демчин) произошло первое кровопролитное сражение. Бои под Пяткой продолжались целую неделю. Казаки, хотя и несли крупные потери, проявляли исключительную стойкость и мужество. Панское войско также понесло большой урон в людях. Это и заставило Константина Острожского вступить с казаками в переговоры.

В результате переговоров 10 февраля обе стороны — от панского войска Константин Острожский «с приятели их милости», от повстанцев реестр во главе с гетманом Косинским и войсковым писарем — подписали соглашение. Казаки обязывались отрешить Косинского от должности гетмана, содержать на Запорожье постоянную залого (гарнизон), вернуть в замки все захваченное там вооружение, кроме терехтемировского. Помимо того, и это условие считалось панами главным, казаки обязывались не проживать в панских имениях и не причинять никакого ущерба («кривд жадных») «в державах княжат (Острожских)... и маетностях приятель их... княжата Александра Вишневецкого... и державах слуг их милости», т. е. в имениях магнатов и шляхты. Реестровцы обещали также исключить из войска всех, кто вступил в казаки во время восстания¹.

Договор был заключен обеими сторонами по необходимости. Магнаты чувствовали себя недостаточно сильными для того, чтобы покончить с казаками. Этим объясняются уступки, сделанные ими: в договоре были обойдены, по существу, такие важные вопросы, как численность реестра, отношение к Запорожской Сечи и др. Весьма примечательно также то, что паны вынуждены были вести переговоры с руководителем повстанцев гетманом К. Косинским, голову которого они настойчиво требовали еще год тому назад, и допустить его к подписанию договора.

Повстанцы, со своей стороны, пошли на соглашение из-за крайне тяжелых условий, в которых они находились. Косинский надеялся на то, что, достигнув прекращения военных действий, он сможет уйти с основными силами на Запорожье и приготовиться там к новому выступлению. Повстанцы были

¹ Архив ЮЗР, ч. III, т. I, док. № 19, стр. 53—57.

уверены в том, что пока Сечь находится в руках запорожского казачества, она будет служить плацдармом для продолжения борьбы против феодально-крепостнического и чужеземного гнета. К заключению договора повстанцев побуждало еще одно обстоятельство: понимание того, что тяжелую борьбу с панами нельзя успешно продолжать, не заручившись помощью братского русского народа.

В годину тяжелых испытаний народные массы Украины всегда обращали свои взоры к России, к русскому народу, который в длительной и самоотверженной борьбе с татаро-монгольскими и другими иноземными поработителями отстаивал свою национальную независимость. Исторические судьбы сложились таким образом, что Россия была единственным централизованным государством у славянских народов. Поэтому она становилась их естественной опорой в борьбе с чужеземными захватчиками. Для украинских народных масс стремление к освобождению от гнета панской Польши было неразрывно связано с мыслью о воссоединении Украины с Россией.

Действительно, вернувшись на Запорожье и продолжая готовиться к новому восстанию против панской Польши, повстанцы и Косинский попытались обеспечить себе поддержку русского правительства и добиться принятия Украины в состав России. Как сообщал черкасский староста Александр Вишневецкий, Косинский со всем казацким войском просил царя принять украинские земли под власть России¹. Однако Русское государство, переживавшее тяжелые последствия Ливонской войны, а также внутренней борьбы с мятежным боярством, не могло в то время решить вопрос о воссоединении Украины с Россией, хотя и было в этом кровно заинтересовано. Тем не менее русское правительство не оставило без внимания обращение Запорожского войска. В Сечь, по словам того же Вишневецкого, из Москвы были посланы деньги и припасы, в которых казаки сильно нуждались². Косинский начал также переговоры с крымским ханом, стремясь получить от него военную помощь конницей, т. е. тем, чего казакам недоставало. Переговоры эти, однако, ни к чему не привели.

Летом 1593 г., закончив подготовку восстания, двухтысячное казацкое войско во главе с Косинским выступило из Сечи и направилось вверх по Днепру. Разделившись на два отряда, из которых один плыл по Днепру на лодках, казаки вскоре подступили к Черкассам и начали осаду города. Староста Александр Вишневецкий вместе с другими военачальниками, с войском и сбежавшейся в город шляхтой оказался запертым

¹ Listy St. Żółkiewskiego, док. № 17, стр. 27. «Косинский присягал со всем своим войском великому князю Московскому и отдал было уже под его власть все пограничье более чем на сто миль».

² Там же.

в замке. Казаки начали обстрел замка одновременно с суши и с Днепра.

С появлением запорожцев под Черкассами восстание стало быстро распространяться на окрестности. Взвесив все обстоятельства, паны решили возобновить переговоры с казаками, рассчитывая при этом вероломно убить Косинского и обезглавить восстание. По приглашению Вишневецкого, Косинский в сопровождении отряда казаков (150 чел.) прибыл в Черкасссы для переговоров. Во время последних Косинский был предательски убит. Польский хронист XVI века Иоахим Бельский прямо говорит, что убийцами Косинского являлись «слуги кн. Александра Вишневецкого»¹. По другим данным, правда, целиком легендарным, паны схватили Косинского и замуrowали в каменный столб в одном из католических монастырей².

Несмотря на убийство Косинского, паны были далеки от победы над повстанцами. Последние продолжали осаждать Черкасссы. Надежды Вишневецкого на скорое прибытие коронного войска не оправдались³. Поэтому в августе 1593 г. он вынужден был заключить с казаками договор, который предоставлял им право свободного ухода на Запорожье и выхода оттуда на волость. Староста обязывался также вернуть казакам отнятые у них лодки, лошадей и другое имущество. Оставшееся после смерти казаков имущество должно было поступать в пользу их родственников, а не старост, как было раньше. Казаки получали право жаловаться киевскому воеводе на притеснения со стороны старостинских властей и т. д.⁴

Особенно важным для казаков пунктом договора было право свободных сношений с Сечью. Конечно, паны не думали придерживаться условий договора. Как объяснил в своем письме от 29 августа 1593 г. канцлеру Яну Замойскому киевский бискуп Верещинский, «соглашение с ними (казаками) было вынуждено обстоятельствами». Тут же он с горечью писал: «Лучше, конечно, чтобы их (казаков. — В. Г.) вовсе не было на Украине, но теперь не время говорить об этом, к тому ж и сил (у нас. — В. Г.) для этого нет»⁵.

Осенью того же 1593 г. Приднепровье было вновь охвачено пламенем восстания. Восстание было ответом на издевательства панов, грубо нарушавших условия договора. Киевский воевода Константин Острожский, например, схватил казацких послов, пытавшихся подать жалобу на черкасского старосту А. Вишневецкого, бросил их в тюрьму и подверг пыткам, от которых один посол умер.

¹ Kronika Marcina Bielskiego, т. III, стр. 1691.

² История русов или Малой России, М., 1846, стр. 34.

³ Сейм в мае 1593 г. в ответ на требование магнатов постановил отправить в Приднепровье только часть коронного войска.

⁴ А. *Стороженко*, Стефан Баторий и днепровские козаки, К., 1904, док. № 1, стр. 306—309.

⁵ Там же, стр. 308—309.

На Киев «доходит справедливости на провинниках» двинулось с низовьев Днепра казацкое войско. Казаки везли с собой пушки. Вскоре за счет присоединившихся на волости крестьян и мещан их войско увеличилось до четырех тысяч человек. Казаки были охвачены чувством беспредельной ненависти к вероломным панам. Коронный гетман Станислав Жолкевский писал в этой связи: «Повстанцы объаты таким упорством и своеволием, что не смотрят уже ни на бога, ни на короля, ни на что другое, и как бы это не повлекло за собой самых ужасных последствий; лучше, думаю, каким-либо разумным способом избежать этого»¹.

Движение казаков вызвало страшный переполох среди шляхты, собравшейся в Киев на очередную судебную сессию («на рочки»). Она немедленно отправила к казакам послов — бискупа И. Верещинского и князя К. Ружинского. Послы встретили казацкое войско на Днепре в полтора милях от Киева в урочище Лыбедь². Казаки отвергли предложение о переговорах и продолжали двигаться к городу. Узнав об этом, шляхта стала разбегаться из Киева, «не желая, — по выражению бискупа Верещинского, — испить с киевскими властями того пива, какого они наварили»³.

Казаки окружили Киев и приступили к осаде⁴. Осада города, однако, длилась очень недолго, т. к. было получено известие о нападении на Сечь татар. Восточнукраинские магнаты и польское правительство уже давно подстрекали хана к нападению на Запорожье. Хан и сам всегда искал удобного случая для осуществления этого, так как в лице запорожцев татарские феодалы видели своих самых непримиримых и вместе с тем сильных врагов. Воспользовавшись походом запорожцев к Киеву, крымский хан во главе своего войска вторгся на Запорожье и подступил к Сечи. Небольшой казацкий гарнизон оказал мужественное сопротивление врагам. Однако недостаток продовольствия принудил защитников покинуть Сечь. Под покровом ночи они ушли на лодках вверх по Днепру. Ворвавшись в опустевшую Сечь, татары разрушили все ее укрепления⁵.

Вслед за этим походом, той же зимой, татары предприняли еще несколько набегов на Запорожье, причинив казакам тяжелейший хозяйственный ущерб. По словам Богдана Микошинского, они захватили свыше 2000 лошадей, не считая другого имущества⁶.

¹ Listy St. Żółkiewskiego, док. № 22, стр. 39.

² Там же, док. № 18, стр. 29.

³ Там же, док. № 18, стр. 29.

⁴ Архив ЮЗР, ч. III, т. I, док. № 21, стр. 64. Казаки «до столицы воеводства Киевского, з арматою, войною втягнули: згромажати, и там осести хочут».

⁵ Listy St. Żółkiewskiego, док. № 18, стр. 32—33.

⁶ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. I, стр. 169.

Известие о разрушении Сечи заставило казаков снять осаду Киева и поспешить на Запорожье. Перед своим уходом они заключили с киевским воеводой договор. Воевода обещал дать выкуп в размере 12 злотых на каждого казака и соглашался на увеличение артиллерии реестра до 24 пушек¹. Другие условия этого столь же эфемерного, как и предшествующие, договора неизвестны.

Под влиянием восстания, охватившего Киевщину в 1593 г., с новой силой стало развиваться антифеодальное движение на Брацлавщине. Притеснения населения после ухода казацкого войска из-под Пятки усилились. Издевательства панов переполнили чашу терпения украинского крестьянства и мещанства и вызвали многочисленные выступления. О размерах этих выступлений осенью 1593 г. можно судить на основании слов Станислава Жолкевского. Последний просил у канцлера Яна Замойского «покровительства, совета и спасения, так как из-за упорства и возмущения хлопков, — писал он, — не могу выполнить своих обязанностей по восстановлению святой справедливости»².

Хотя восстание 1591 — 1593 гг., главной движущей силой которого было угнетенное крестьянство, и потерпело поражение, оно нанесло чувствительный удар по феодально-крепостническому строю на Украине. Запорожскому казачеству в этом восстании принадлежала видная роль.

¹ Listy St. Żółkiewskiego, док. № 18, стр. 32.

² Там же, док. № 22, стр. 39. Письмо от 23 ноября 1593 г.

ГЛАВА IV

СЕЧЬ НА БАЗАВЛУКЕ. ОРГАНИЗАЦИЯ И БЫТ КАЗАЧЕСТВА. ВОЕННОЕ ДЕЛО.

Рост запорожского казачества в конце XVI в. и хозяйственное освоение новых пространств в южной части Запорожья должно было побудить казаков перенести войсковые укрепления в более удобное место. Разрушение в 1593 г. Сечи на Томаковке окончательно убедило запорожцев в необходимости этого. В том же году запорожцы заложили новую Сечь на Базавлуке.

Остров Базавлук расположен приблизительно в 20—30 км юго-западнее Томаковки, в том месте, где в Днепр вливаются три его правых притока — реки Чертомлык, Подпольная и Скарбная. Остров напоминал собой прямоугольный треугольник, стороны которого имели около двух километров в длину. Он находился ближе к правому берегу (у современного с. Капуловки, Днепропетровской обл.).

Запорожцы в короткое время возвели на острове земляные валы и построили деревянные палисады. Эти укрепления были затем опоясаны глубоким рвом. Чтобы сделать остров неприступным и в зимнее время, казаки, как рассказывает итальянец Гамберини (1584 г.) со слов казацкого атамана, делали проруби на реке. Когда проруби покрывались тонкой пленкой льда, их засыпали снегом. Врага, пытавшегося подойти по льду к острову, ждала тут верная гибель.

Валы и палисады соединялись сторожевыми башнями, образуя собственно Сечь (крепость), из бойниц которой глядели жерла пушек и стволы казацких самопалов. Посередине крепости находилась площадь, или майдан, игравшая важную роль в жизни Сечи. На майдане происходили казацкие рады, на которых решались войсковые дела, выбиралась старшина и т. д. Вокруг площади располагались войсковые учреждения — канцелярия, пушкарня, склады, дома старшины и т. д. Тут же были кузницы и другие мастерские, в которых починяли и изготовляли оружие, делали порох и т. д. На площади

находились войсковые литавры¹ и столб, у которого производились наказания.

Наконец, на сечевой площади располагались полукругом продолговатые низкие здания, сделанные из обмазанных глиной плетней, покрытые камышом, — курени². В куренях жили казаки, составлявшие сечевой гарнизон, а также новоприбывшие в Сечь беглецы.

Подступы к Сечи охранялись сторожевыми вышками, выставленными далеко в степь. Казак, стоявший на вышке, внимательно всматривался в расстилавшуюся перед ним даль. Заметив врага, он зажигал ворох сухой травы или хвороста³, приготовленный заранее на вышке, вскакивал на стоящую внизу оседланную лошадь и мчался к ближайшему наблюдательному пункту⁴. Пламя и поднимающийся к небу столб дыма были вестником приближающейся опасности. Этот знак передавался от вышки к вышке, и скоро все население узнавало о появлении неприятеля.

К юго-западу от Базавлука русло Днепра резко расширялось (до 7 км). В этом месте Днепр был усеян бесчисленным множеством больших и малых островов. Последние, болотистые в большей своей части, были покрыты густыми зарослями камыша. Многочисленные извилистые проходы между ними представляли собой настоящий лабиринт, опасный для любого неприятеля. Здесь, в тайниках, врага подстерегали пушки; тут же сновали на лодках казацкие дозоры. Весь этот комплекс островов, вместе с построенными на них укреплениями, получил название «Войсковой Скарбницы». В Скарбнице стояла казацкая флотилия. По преданию, здесь запорожцы прятали войсковую казну (скарб) и другие ценности. Доступ в Скарбницу был закрыт для посторонних. Боплан, например, писал: «Рассказывают, что в Войсковой Скарбнице скрыто казаками в каналах множество пушек и никто из поляков не знает этого места, ибо они никогда не бывают здесь, а козаки в свою очередь держат это в тайне, которую знают только немногие из них»⁵. В Войсковой Скарбнице нашли себе могилу много вражеских судов. «Здесь, — по словам Боплана, — погибло немало турецких галер, которые... запутавшись между островами, не могли отыскать дороги, между тем как козаки в своих лодках безнаказанно стреляли по ним из тростников. С этого времени, — заключает Боплан, — галеры не заходят в Днепр дальше 4—5 миль от устья»⁶.

¹ Литавры — ударный инструмент, состоящий из металлического, обычно медного, полушария и обруча с натянутой на него кожей.

² Позднее курени строились из бревен.

³ Позднее вместо травы и хвороста зажигались бочки со смолой.

⁴ Такие посты в XVIII в. носили название бекетов (пикеты).

⁵ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 318—319.

⁶ Там же, стр. 318. Вероятно, Боплан имеет в виду сражение запорожцев с турецкой флотилией на Днестре в 1616 г. См. об этом ниже.

К концу XVI в. хозяйство Запорожья несколько расширилось. Увеличилось количество зимовников, рыбных и других промыслов. Оживление хозяйственной деятельности повлекло за собой углубление экономического неравенства в среде казачества. Богатые казаки, прочно осевшие в своих зимовниках и на промыслах, широко пользовались все увеличивавшимся притоком беглых, искавших на Запорожье спасения от усиливавшегося феодально-крепостнического и национального гнета. Масса скапливавшегося за порогами бедного люда была известна уже Лясоте под презрительным в устах богачей названием «черни». Лясота, хотя и жил всего несколько дней в Сечи, сразу, однако, подметил, «что в числе их (казаков. — В. Г.) много людей бедных», нуждавшихся в насущном хлебе¹. Эти бедняки — «сіромахи», как их называли на Запорожье, искали заработка у владельцев зимовников и промыслов, т. е. у тех, кого Лясота именует «более зажиточными козаками»². Богачи безжалостно эксплуатировали серому, или голоту. За ничтожную плату, часто в виде только одной скудной пищи, рублища вместо одежды и жалкого крова, серомаха должен был выполнять самые тяжелые работы.

Потрясающая бедность запорожской серомы получила свое глубоко правдивое отражение в старинной народной думе о казаке Ганже Андыбере. Вот как описывает дума внешность серомахи:

«На козаку, бідному нетязі,
Три сиром'язі,
Опанчина³ рогозоя,
Поясина хмельювая.
На козаку, бідному нетязі, сап'янці —
Видно п'яти й пальці.
Де ступить — босої ноги слід пише.
А ще на козаку, бідному нетязі, шалка-бірка —
Зверху дірка,
Хутро голе, околиці біг має,
Вона дощем покрита,
А вітром на славу козацьку підбита...»

О бедности запорожского серомахи говорят также многочисленные народные пословицы и поговорки, например: «Козак — душа правдивая — сорочки не має», «Сидить козак на стерні, тай штани латає, стерня його в спину коле, а він штани лає», «Прокляту матір ма — ні сорочки, ні штанів — одна клята сірома» и т. д.

От серомы резко отличалось богатое казачество. Богачи рядились в дорогие одежды: в кафтаны, или жупаны, из красного и синего атласа или сукна, застегивавшиеся до самого подбородка, в суконные кунтуши с откидными рукавами, украшенные

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. I, стр. 171.

² Там же.

³ Епанча — род верхней одежды.

золотым и серебряным позументом и пуговицами, в широчайшие шаровары красного или синего цвета и т. д. Кафтан подпоясывался длинным шелковым поясом, несколько раз обматывавшимся вокруг талии. Головной убор состоял обычно из цветной суконной шапки с длинным ниспадающим верхом, заканчивавшимся золотой кисточкой, отороченной дорогим мехом, или меховой шапки, суконный верх которой украшался позументом. Обувью служили красные или желтые сафьяновые сапоги, часто подбитые серебряными подковами. Чтобы дорисовать внешний облик запорожского казака, необходимо заметить, что все казаки как бедные, так и богатые брили, по обычаю, бороду и голову, оставляя лишь длинные усы и чуприну (оселедець). Последняя спускалась с макушки на левую сторону и часто наматывалась на ухо.

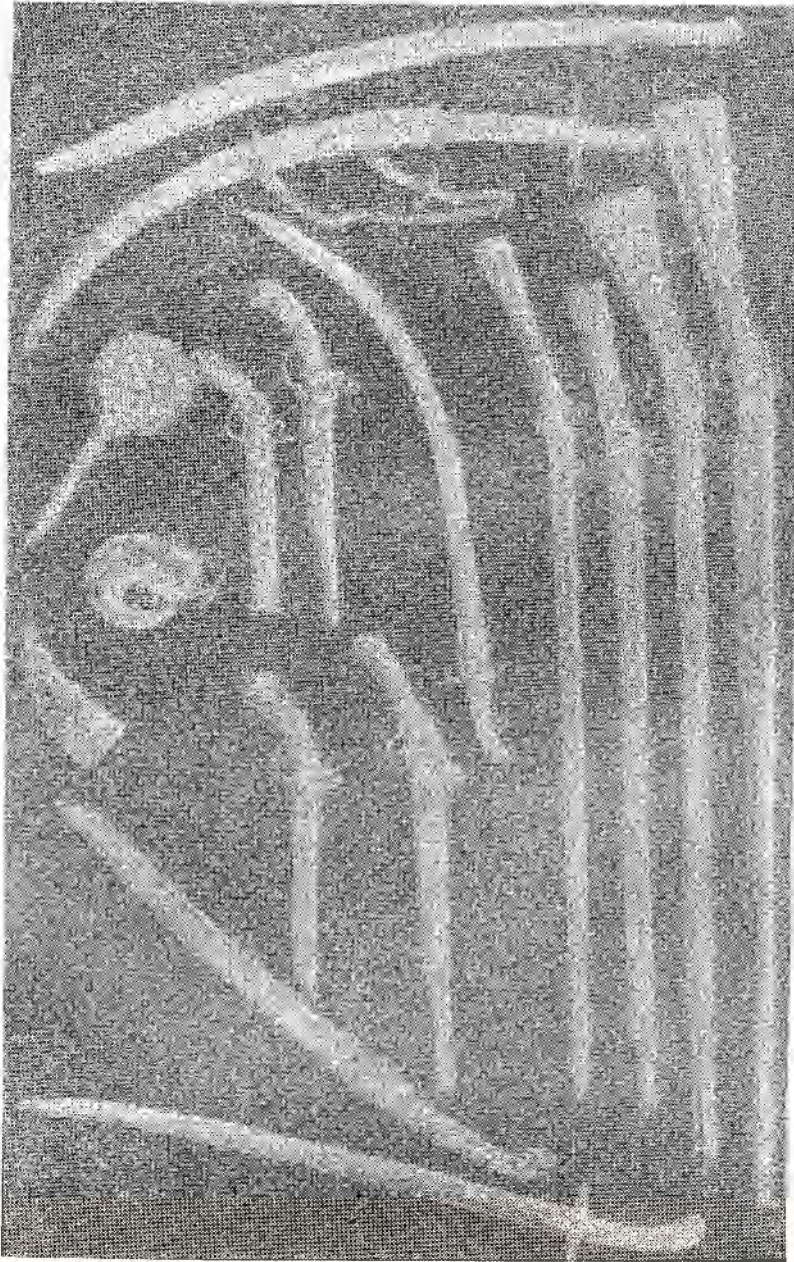
Оружие казаков состояло из самопалов, или рушниц, разного калибра и вида, с кремневым замком, а также из pistols, заткнутых обычно за пояс¹. Из холодного оружия неременной спутницей запорожца была приобретенная широкую известность казацкая сабля. Она подвязывалась к поясу с левой стороны двумя узкими ремнями. Неразлучное свое оружие запорожцы любовно называли «саблею-сестрицею», «ненькою-рід-ненькою» и т. д. Распространены были также боевые ножи, кинжалы, келепы (род боевого молота), или чеканы, длинные копы с металлическими наконечниками (списы), ошпы (копы с крючками для стаскивания всадников с коней) и т. д.

Кроме боевого, копы имели еще и другое назначение у запорожцев: ими пользовались при переходе через топкие места; в этом случае одни копы клались на землю в два ряда вдоль, а другие на них в несколько рядов поперек в виде решетки; на такой решетке затем делали настил из самых разнообразных предметов, находившихся под рукой.

Боевые доспехи в виде шлема, ланцыря и лат, столь распространенные в армиях того времени, почти не применялись запорожцами. Порох и пули запорожцы носили в ладунках, иначе пороховницах (кожаных сумках), или в чересах — патронташах, перекрещивавших грудь.

Запорожским казаком считался всякий, кто по прибытии в Сечь вносился в войсковые списки. Украинские буржуазные историки, извращая историю запорожского казачества, распространяли вымышленную ими версию о том, будто вступление в Сечь было сопряжено с большими трудностями. В казаки якобы мог вступить лишь человек, удовлетворявший определенным условиям. Д. Эварницкий, например, насчитывал целых пять таких условий: быть вольным человеком, т. е. свободным от крепостной зависимости, не иметь семьи, т. е. быть

¹ Современник Гамберини, напр., писал о казаках: «Оружие их — сабли и рушницы; стреляют они без промаха».

Казакское оружие.

неженатым, владеть украинским языком, исповедывать православную веру и получить на Запорожье подготовку к военному делу, продолжавшуюся не менее семи лет¹.

Это утверждение является сплошным вымыслом. В запорожское «товариство» принимался всякий пришелец, прибывший в Сечь и желавший стать казаком, исключая, разумеется, тех, кто по каким-либо причинам вызывал подозрение у сечевиков. Что касается принадлежности к православию, то такое условие действительно существовало, но оно было чисто формальным. По существу, как будет указано ниже, в Сечи мало интересовались религиозными верованиями казака. Известно, что среди запорожцев нередко встречались не только украинцы, но также, что не раз отмечали современники, представители других национальностей. Польский посол Пясочинский, например, давая в 1601 г. объяснение турецкому правительству, говорил, что среди запорожцев есть «и поляки, и москвитяне, и волохи, и турки, и татары, и евреи, и вообще люди всякого языка».

Особенно много было среди запорожцев великороссов, главным образом донских казаков. Донцов с запорожцами сближала прежде всего борьба против феодально-крепостнического гнета и чужеземных поработителей — татар и турок, а также сходство многих черт в хозяйственном и общественном укладе жизни. В то же время в положении запорожского казачества по сравнению с донским были существенные различия. Запорожское войско не признавалось польским правительством, а запорожские казаки считались преступниками, с которыми паны вели непрерывную борьбу. Донское войско, наоборот, было признано с течением времени русским правительством. Донское казачество, игравшее видную роль в обороне юго-восточных границ Русского государства, пользовалось правом на самоуправление и получало от казны жалованье хлебом, порохом и свинцом (старшине, кроме того, посылались сукна и деньги). В ходе длительной борьбы донских казаков с феодально-крепостническими порядками они отвоевали себе право давать убежище беглым, получившее молчаливое признание в известном выражении: «С Дону выдачи нет».

Между запорожцами и донцами издавна существовал тесный боевой союз. В 1632 г. донцы рассказывали стрелецкому пятидесятнику Василию Угрюмову: «А у нас де, у Донских казаков, с Запороскими черкасы приговор учинен таков: как приходу откуда чаят каких... людей многих на Дон или в Запороги, и Запороским черкасом на Дону нам, казаком, помогать, а нам, Донским казаком, помогать Запороским черкасом»².

¹ Д. Эварницкий. История запорожских козаков, т. I, СПб, 1892 г., стр. 184—185.

² Русская историческая библиотека, т. XVIII, СПб, 1898. Донские дела, кн. I, док. 24, стр. 339.

Запорожские казаки часто жили на Дону, а донские на Запорожье, пользуясь при этом совершенно равными правами. Запорожский старшина А. Шафран рассказывал впоследствии (1626 г.), что он живет на Дону уже 18 лет, а другие запорожцы по пять и более лет, «а всех де, — продолжал Шафран, — их (запорожцев. — В. Г.) на Дону есть с тысячу человек. А в Запорогах де донских казаков также много... живут переходя: они ходят на Дон, а з Дону казаки к ним и живут сколько где хто хочет. А повелось де у них то з донскими казаки *изстари*, что меж себя сходятца и живут вместе в одних куренях»¹.

Всякий принятый в казаки приписывался к определенному куреню. Число куреней увеличивалось по мере численного роста запорожского казачества. В XVIII в. куреней было уже тридцать восемь². Название некоторых куреней заставляет предположить, что они первоначально объединяли выходцев из определенной местности — земляков. Так, надо думать, возникли названия куреней Каневского, Корсунского, Уманского, Крыловского, Динского (Донского), Переяславского, Полтавского, Ирклиевского, Батурина и др. Куренем называлось не только помещение, в котором жили сечевые казаки. Курени были одновременно и войсковыми единицами, из которых состояло запорожское «товариство». Все повинности, связанные с отправлением службы, выполнялись с учетом принадлежности казака к определенному куреню и по наряду куренного атамана. Всеми куренными делами (внесение казака в списки, призыв на службу и т. д.) ведал куренной атаман.

Являясь членом запорожского «товариства», запорожец был обязан отбывать «по очереди» военную службу. Главным местом отбывания службы была Сечь. Казак должен был явиться сюда по первому зову куренного атамана. Одна часть казаков несла службу в сечевом гарнизоне, другая — исполняла обязанности стражи в степи, служила в войсковой флотилии, артиллерии и т. д.

На службу казак должен был являться с собственным вооружением, снаряжением, одеждой и запасом продовольствия. Разумеется, серома не имела средств не только для содержания себя на службе, но и для приобретения самого простого вооружения. Относительно большие затраты, связанные с отправ-

¹ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах, М., 1953 г., т. I, док. № 37, стр. 70. Курсив наш. — В. Г.

² Каневский, Корсунский, Уманский, Брюховецкий, Леушковский, Пластуновский, Дядьковский, Платнировский, Медведовский, Пашковский, Кушевский, Кисляковский, Ивановский, Конеловский, Сергиевский, Динской, Крыловский, Батуринский, Поповичевский, Васюринский, Незамаевский, Щербиновский, Гитаревский, Шкуринский, Кореновский, Роговской, Калниболотский, Деревянковский, Вышестеблиевский, Нижестеблиевский, Джерелиевский, Переяславский, Полтавский, Мышастовский, Минский, Тимошевский, Величковский и Ирклиевский.

лением службы, были под силу только казакам, имевшим хозяйство. При этом богатые казаки всячески избегали нести службу, предпочитая посылать вместо себя своих служителей. Очень скоро богачи закрепили за собой эту привилегию и она с течением времени стала обычным явлением в жизни войска. Хозяин должен был лишь предоставить посылаемому вместо себя на службу казаку лошадь (если сам он назначался в конницу), вооружение и запас продовольствия¹. Хотя и богачи были заинтересованы в защите Запорожья, однако своекорыстие собственника неизменно брало верх над всеми остальными соображениями. Они всегда стремились свести до минимума расходы по снаряжению своих служителей, для чего нанимали подростков, неспособных носить оружие, посылали их на службу на негодных лошадях, со старым вооружением и т. д. Сечевые власти, представлявшие интересы собственников, часто вынуждены были, тем не менее, требовать от хозяев посылки на службу вместо себя вполне боеспособных воинов.

Чтобы еще яснее представить себе, кто нес основную тяжесть отбывания службы в сечевом гарнизоне, необходимо указать следующее: не все прибывшие в Сечь и вступившие в казачьи беглецы могли найти применение своей рабочей силе. Волей-неволей они должны были оставаться, хотя бы некоторое время, в сечевых куренях. Однако проживать в курене можно было только при условии отбывания военной службы. В этом случае все расходы по вооружению и содержанию казака принимались на войсковой счет. Наличие сечевого гарнизона, почти целиком состоящего из неимущей серомы, уменьшало объем служебных повинностей имущего казачества, избавляло его от частого отбывания «очереди».

Таким образом, все военные повинности (как служба в гарнизоне, так и в степи и т. д.) ложились почти целиком на плечи бедного казачества, серомы. Более того, даже при чрезвычайных обстоятельствах — во время войны, набегов неприятеля, когда к службе старались привлечь возможно большее число казаков, и тогда главную массу войска составляла серома и малоимущие казаки. Таким образом, громкая боевая слава, завоеванная запорожцами, принадлежит по праву не богачам, а трудовому казачеству.

Высшей властью на Запорожье считалась войсковая рада. Она созывалась от случая к случаю для решения важнейших вопросов, как, например, участие войска в войне, определение

¹ Память о посылке наемников на службу вместо себя сохранила старинная дума. В ней говорится:

«Та чую загадано та заповідано,
Усім козаченькам та в військо йти:
У кого є сини то вислати
А в кого нема, — то наймати».

(Исторические песни малорусского народа, стр. 314).

объема и характера повинностей, выборы кошевой (войсковой) старшины и т. д. Право участия в раде имели все без исключения казаки. На деле же подавляющее большинство их, как, например, серома, работавшая в разных местах края — на зимовниках и промыслах, — а также мелкие хозяева не имели возможности явиться на раду. Позднее об этих казаках А. Ригельман писал: «Они в собрании или все в Сечи быть не могли, потому что большая часть из них бывала по низовьям своим и жительствоваали тамо года по два и более, не приходя домою и производя промыслы, как то: лавливали рыбу...» и т. д.¹

Созывая казаков на раду, довбыши (назначенные для этой цели должностные лица) били в войсковые литавры. Призывом на раду служили также выстрелы из сечевых пушек. Рада происходила в торжественной обстановке. Собравшись на площади, казаки составляли круг. Те, кому не хватало места, взбирались на крыши куреней, располагались на валу². Войсковой есаул выносил войсковые клейноды (знаки) — знамя и бунчук³ и устанавливал их посреди круга. После этого в праздничной одежде со знаками своей власти в руках на площадь выходила войсковая старшина. Кошевой нес булаву, судья — войсковую печать, писарь — большую серебряную чернильницу и т. п. Старшина становилась под бунчуком, снимала шапки и кланялась «товариству» на все четыре стороны. Кошевой объявлял затем о деле, которое предстоило решить, и рада начиналась. Вот как описывал А. Ригельман выборы старшины (вторая половина XVIII в.). Став под знаменем и бунчуком, кошевой атаман обращался к казакам со словами: «Пани молодці! Чи не будете сього року, по старим вашим звичаям, інших нових старшин вибрати, а старих скидати?»⁴. Если рада требовала перевыборов старшин, последние клали на землю свои шапки и знаки власти и, поблагодарив за оказанную им ранее честь, удалялись. Вновь же избираемые по обычаю дважды отказывались от знаков власти и принимали их лишь после третьего предложения. При этом новоизбранному кошевому атаману казаки тут же клали на голову землю, которую горстями брали прямо из-под ног, «хотя бы и грязь на то время случилась»⁵.

¹ Летописное повествование о Малой России, сост. А. Ригельман, М., 1847, ч. IV, стр. 73.

² Источники для истории запорожских козаков, изд. Д. И. Эварницкий, т. II, Владимир, 1903, стр. 1780.

³ Бунчук — длинное древко, на конеш которого насаживался медный, иногда позолоченный, шар со свисающим пучком волос в виде конского хвоста.

⁴ Летописное повествование о Малой России, ч. IV, стр. 75. Орфография А. Ригельмана мной несколько исправлена. — В. Г.

⁵ Там же, стр. 75. Этот обычай имел символическое значение. Избранный должен был помнить, что он является не более как слугою «товариства».

Так избиралась высшая, или войсковая, старшина — кошевой атаман, являвшийся начальником войска, судья, ведавший войсковым судом, писарь, управлявший канцелярией, и есаулы, помощники кошевого атамана по войсковым делам. Куренные атаманы избирались не на радах, а в куренях, на куренных сходках.

Несмотря на всю свою торжественность, войсковая рада не играла большой роли в жизни войска. Все важнейшие вопросы решались до рады на так называемых старшинских сходках. В этих сходках, кроме войсковой старшины, всегда принимали участие куренные атаманы и «знатные», «лучшие», или «старые», казаки, т. е. влиятельные богачи, часть которых уже раньше занимала старшинские должности.

Решения, принятые сходкой, старшина проводила на раде даже тогда, когда они явно противоречили интересам основной массы казачества. В последнем случае старшина не пренебрегала никакими средствами, пуская в ход подкуп, обещания, обман и даже ничем неприкрытое насилие. В 1594 г., например, Лясота был свидетелем того, как войсковые есаулы «загоняли туда (на раду. — В. Г.) киями» казаков, которые покинули раду, не соглашаясь со старшиной¹. Решения на раде принимались громкими выкриками присутствующих. Когда предложение получало одобрение, казаки бросали также вверх свои шапки. Такой обычай, разумеется, предоставлял старшине немалый простор для злоупотреблений.

Опираясь на богатое казачество, старшина стремилась самовластно управлять войском; она не отдавала казакам отчета в своих действиях, удерживала за собой, вопреки обычаям, должности в течение ряда лет и проч. Старшина присваивала себе лучшие войсковые угодья, утаивала доходы с войсковых зимовников и других хозяйственных статей, предназначавшиеся для нужд войска (для содержания казаков, несших службу в самой Сечи, приобретения вооружения), и т. д.

В орудие своего влияния старшина превратила также войсковой суд. В интересах имущих слоев казачества она устанавливала жестокие кары за всякое посягательство на право собственности. Даже за мелкую кражу виновного приковывали к столбу на сечевой площади или к пушке и нещадно избивали киями, отрезали уши, нос, а в отдельных случаях даже вешали.

Социальная дифференциация в среде казачества, угнетение серомы старшиной и богачами было основой острой классовой борьбы на Запорожье. Эта борьба не раз находила свое проявление на войсковых радах. Мышецкий (XVIII в.) замечает, что казаки на радах старшину свою часто «сзади в шею пыхают, как у них и завсегда чиниться»². По свидетельству

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. I, стр. 173.

² История о козаках запорожских, М., 1847, стр. 19.

А. Ригельмана, казаки, выражая свое негодование действиями старшины, кричали на раде: «Покинь, негідний сину, свое кошев'є», или: «Уже ви військового хліба наїлися, кошовий, і панство свое покидайте (такіе-то) діти»; при этом казаки обличали старшину в злоупотреблениях¹.

Протестуя против эксплуатации, притеснений и издевательств, казаки нередко поднимались против старшины и богатого казачества. А. Ригельман говорит, что когда казаки начинают высказывать на радах свое возмущение и требовать отрешения старшин от должности, последние «уходят скорее к куреням своим, не говоря ничего, опасаясь, чтобы не прибили»². Во время восстаний казаки сами созывали раду, на которой решали важнейшие дела, избирали своих старшин и т. д. По поводу выбора последних католический священник С. Окольский (XVII в.) пишет: «Присмотревшись к этой старшине, должно признать, что избираются в нее далеко недюжинные люди и не первые встречные, в особенности в тех случаях, когда они (казаки) поднимают руку на... короля, его гетманов и солдат»³.

Таким образом, общественно-политической организации казачества на определенной ступени развития, несмотря на все засилье старшины и богатых казаков, были свойственны известные черты демократизма. Демократизм этот в начальный период существования казачества выражался в признании, формальном, разумеется, но отнюдь не фактическом, равных прав за всеми казаками на пользование землей, участие в радах, избрание старшины и т. д. Казачье самоуправление отличалось в этом смысле от тех порядков, которые господствовали в областях, где политическая власть всецело принадлежала классу феодалов-крепостников. Нам представляется, что именно эти особенности имел в виду К. Маркс, характеризуя Запорожскую Сечь как «казацкую республику»⁴. При этом «дух казачества», о котором говорит Маркс, был ничем иным, как духом антифеодального протеста.

Тяжелые условия жизни, постоянная военная опасность выработали у запорожских казаков высокие моральные и физические качества: любовь к свободе, мужество, бесстрашие, стойкость, находчивость, выносливость. Тот же ксендз Окольский, например, отмечает: «хотя в среде казацкой нет ни князей, ни сенаторов, ни воевод... зато есть такие люди, что если бы не препятствовали тому составленные против плебеев законы, то среди них нашлись бы достойные назваться равными по храбрости Цинциннату... или Фемистоклу»⁵. Другой современник, Боплан, писал: «Казаки смышлены и проницательны,

¹ Летописное повествование о Малой России, ч. IV, стр. 77.

² Там же.

³ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 243—244.

⁴ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VIII, стр. 154.

⁵ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 225.

находчивы и щедры, не стремятся к большим богатствам, но больше всего дорожат своей свободой, без которой жизнь для них немислима»¹. По Боплану, казаки — «все высокого роста, отличаются силою и здоровьем»; они «очень редко умирают от болезни, разве только в глубокой старости; большинство оканчивает жизнь на поле битвы»². Казаки легко переносят голод и жажду, зной и стужу. Они могли долгое время находиться под водой, держа во рту полую камышину и т. д.

Во время походов казаки довольствовались одними сухарями и соломахой (варево из муки или пшена). Употребление спиртных напитков в походе считалось большим преступлением. Боплан говорит: «Казаки отличаются большой трезвостью во время походов и военных экспедиций... если же случится между ними пьяный, начальник приказывает (речь идет о морских походах. — В. Г.) выбросить его за борт»³.

Отвага и неустранимость запорожских казаков приводили в изумление современников и вызывали похвалу даже со стороны врагов. Турецкий летописец Наима (XVII в.) так отзывался о запорожцах: «Можно уверенно сказать, что нельзя найти на земле людей более смелых, которые бы так мало заботились о своей жизни и так мало боялись бы смерти»⁴.

В вековой борьбе с врагами запорожцы создали высокое самобытное военное искусство. Запорожские казаки были стойкими пехотинцами, меткими стрелками⁵, лихими наездниками, искусными пушкарями, бесстрашными мореходами.

Запорожцы, пехотинцы в большей своей части, отличались большим искусством в строительстве полевых укреплений. Для этой цели они, кроме оружия, брали в поход, по словам Собеского, топоры, лопаты, веревки и пр. Обычным укреплением были шанцы (окопы) с высокими земляными валами. Когда условия не позволяли рыть окопы, казаки устраивали табор из возов. В этом случае они опрокидывали возы, тесно связывали или сковывали их цепями, обратив сглобли в сторону неприятеля «наподобие рогатин, — замечает Окольский, — для того, чтобы не допустить... (врага) к самым повозкам»⁶. При длительной осаде возы засыпались землей. Засев за таким «валом», казаки отбивались от нападавшего противника. Табор был грозным для врагов укреплением. Боплан писал, что, как он сам видел, под прикрытием табора сотня казаков могла отбиваться от тысячи поляков и еще большего количества татар⁷. Тут же Боплан утверждает, что если бы казаки имели

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 302—303.

² Там же, стр. 303.

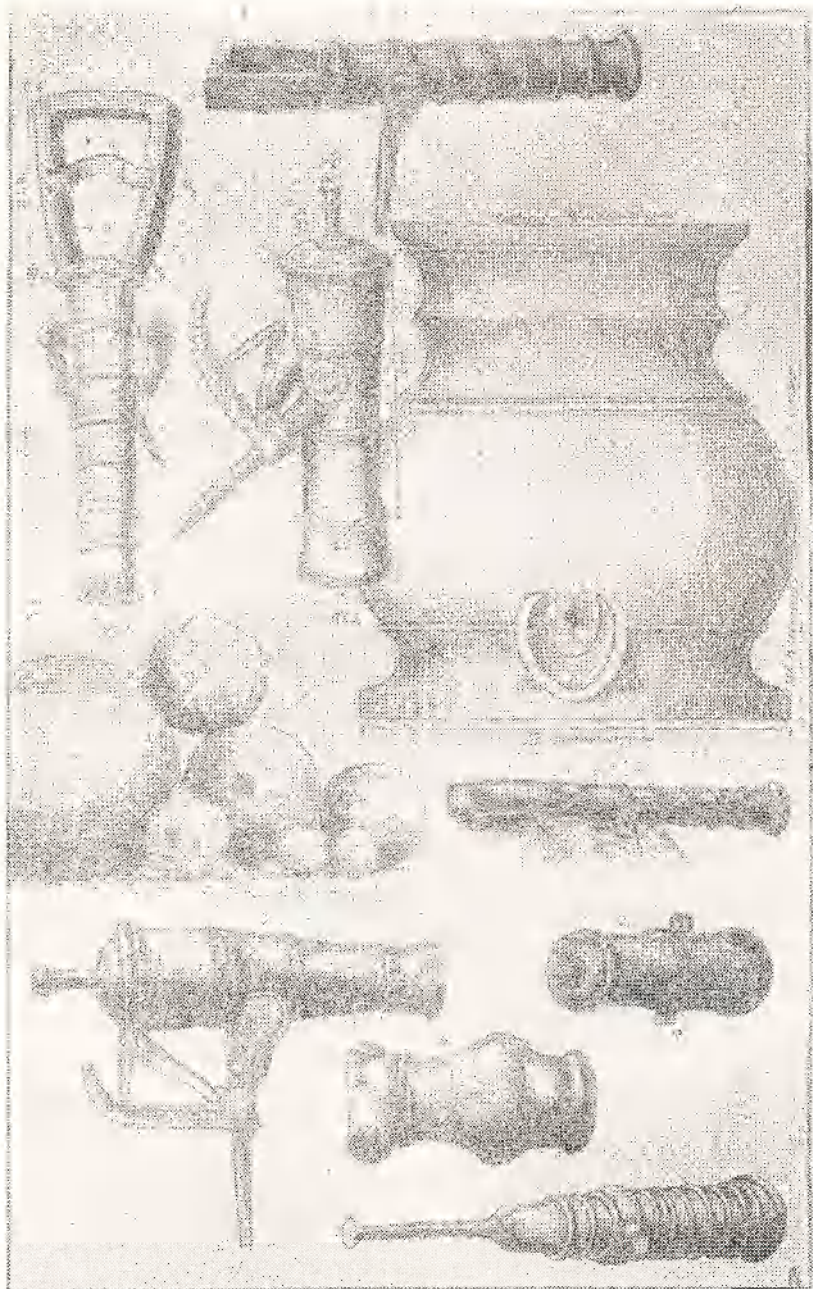
³ Там же, стр. 304.

⁴ Collectanea, т. I, стр. 181.

⁵ Боплан замечает, что казаки «очень метко стреляют из ружей, составляющих обычное их оружие». (Мемуары, вып. II, стр. 303).

⁶ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 230.

⁷ Там же, стр. 303.

Запорожские пушки.

такую же и конницу, как пехоту¹, они вообще «были бы непобедимы»².

В военном деле запорожцы отличались большой изобретательностью, пуская в ход самые неожиданные военные «хитрости». Инсценировав, например, бегство из лагеря, они поджидали, пока враг бросится грабить оставленное ими имущество, а затем внезапно нападали на него. Часто вокруг лагеря устраивались разного рода тайники и «волчьи ямы», в дно которых вбивались колья с обращенными вверх острыми концами. Казаки нередко переодевались во вражеское платье, чтобы дезориентировать противника, и т. д. Лютый враг казаков, ксендз С. Окольский, писал, что шляхтичи, осматривая казачий лагерь под Солоницей в 1638 г. (после заключения мира), не могли надивиться тому, какие были устроены там «военные хитрости, засады, тайники и ловушки»³. Многие, по словам С. Окольского, пораженные неутомимостью и находчивостью казаков, говорили: «Обратите внимание на то, как велико различие между солдатом (чит. воином. — В. Г.), который от плуга и сохи беретса за меч (речь идет о казаках. — В. Г.), и тем, который никогда не занимался ручным трудом (имеется в виду шляхта. — В. Г.); первые не только неутомимы в работах, но от тяжелого труда становятся способнее к еще более тяжкому, между тем как последние тотчас изнемогают»⁴.

Богатый боевой опыт запорожского казачества служил для народных масс Украины родником, откуда они черпали высокие образцы военного искусства. Это искусство широко использовалось угнетенными слоями народа в борьбе с их жестокими поработителями.

Запорожские казаки внесли ценный вклад не только в военное искусство, но также в другие области культуры украинского народа. Ими созданы выдающиеся произведения художественного слова, в том числе думы и песни. Запорожские думы исполнены чувства ненависти к угнетателям, грабившим народ и попиравшим его достоинство. Богачам они противопоставляют представителей угнетенных слоев народа, отважных и мужественных народных мстителей. В этом отношении особенно характерна известная дума о Хвеське Ганже Андыбере. Содержание думы таково. Казак-серомаха идет из Запорожья на Украину и приходит в Черкассы. Оборванный и усталый он заходит в кабак. Тут сидят за столом и попивают дорогие меды и вина три «дуки-срібляники» — Гаврило Довгополенко переяславский, Вийтенко нежинский и Золотаренко черниговский. Увидев бедного казака, они велят шин-

¹ В XVI—XVII вв. запорожцы, серома в массе своей, сражались, по преимуществу, в пешем строю.

² Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 303.

³ Там же, стр. 268.

⁴ Там же.

карке принести им еще сладких напитков, а его выгнать вон из кабака. Тогда тот открывает окно и зовет на помощь запорожцев, которые спешат к нему и, по словам думы, так расправляются с богачами:

«Тоді ж то козаки, діти, друзі, молодці добре дбали,
Сих дуків-срібляників за ліб брали,
Із-за стола, наче волів, виводжали,
Перед вікнами покладали,
У три березини потягали...»

Дума закінчується обличенням багатого і знатного казачества. Избивая «дуків-срібляників», запорожці приговаривають:

«Гей, дуки... ви, дуки!
За вами всі луги й луки;
Ніде нашому брату, козаку-нетязі, стати
І коня попасти!»

Многие думы были посвящены тяжелой участи невольников, томившихся на чужбине. Они воспитывали чувство ненависти к поработителям, в частности к турецко-татарским насильникам, и любовь к своей родине и народу. В одной из дум рассказывается о том, как несчастные невольники в страшных страданиях

«Угору руки підіймали,
Кайданами забрязчали...
Кайдани залізом ноги повривали,
Сирая сириця до жовтої кості
Тіло козацьке проїдала...»

Однако насильников не в состоянии тропуть никакие страдания и мольбы пленников. Турецкий паша приказывает янычарам еще туже связать их, а непокорных убить. Янычары исполнили приказание паши.

Они

«Із ряду до ряду захожали...
.....
По тричі в одному місці бідного
невольника затинали,
Тіло козацьке коло жовтої кості оббивали,
Кров християнську неповинну проливали»

Другие думы воспевают героическую борьбу казаков с турецкими захватчиками. Такова дума о славном атамане Самойле Кишке (Кошке). Освобождение невольников дума изображает как самый благородный подвиг. Увидев на море турецкую галеру, Кишка приказывает казакам вступить в бой с ней, уничтожить турок и освободить пленников. Обращаясь к казакам, он говорит:

«Хоть по дві гармати набивайте,
Тую галеру з грізної гармати привітайте,
Гостинця їй дайте:
Як турки-яничари, то у пень рубайте,
Як бідний невольник, то помочі дайте».

Ненависть запорожцев к турецким насильникам и вместе с тем жизнерадостность и юмор казаков получили правдивое отражение в известном «Письме запорожцев султану»¹. На предложение султана подчиниться его власти и угрозы истребить их в противном случае, запорожцы отвечали²:

«Ти, султане, чортів сину,
Люципера брате,
Внуку гаспида самого
І чорте рогатий!
Такий рицарю, що дідько
Тебе обкаляє,
А все військо твоє тільки
Теє пожирає;
Стравнику ти цареградський,
Півнику магдонський,
Свинє грецька, молдованська,
Ковалю вавлонський!
Кате сербів і Подолі,
Папуго ти кримська,
Єгипетський ти свинарю,
Сово русалимська!
Ти — погана свиняча
Морда, не підмога
І дурень ти, а не сторож
У нашого бога.
Негоден ти нас, хрещених,
І десь цілувати,
А не то, щоб Запорожжя
Під собою мати!
Ми землю і водою
Будем воюватись,
І тебе нам, бісів сину,
Нічого боятись.
Так тобі ми відвічаєм,
А року не знаєм,
Бо ми ваших календарів
В Січі не тримаєм.

¹ Вот один из вариантов «Письма», опубликованный в 1872 г.

«Ти, шайтан турецький, проклятого чорта брат і товариш, і самого люципера секретар! Який ти в чорта лицар? — Чорт с..е, а ти і твоє військо пожирає. Не будеш ти годен синів християнських під собою мати; твого війська ми не боїмося, землею і водою будем битись ми з тобою. Вавилонський ти кухар, македонський колесник, ерусалимський броварник, александрійський козолуп, Великого і Малого Єгипету свинар... татарський сагайдак, каменецький кат, подільський злодіюка, самого гаспида внук і всього світу і підсвіту блазень, а нашого бога дурень, свиняча морда, кобиляча с..ка, різницька собака, нехрещенин лоб, ж..у би твою чорт парив! Отак тобі козаки відказали, плюгавче... Числа не знаєм, бо календаря не маєм, місяць у небі, а год у книзі, а день такий і у нас, як і у вас, поцілуй за це в ... наст! Кошовий отаман Захарченко зо всім кошом запорозьким» (см. Русская Старина, СПб, 1872, т. VI, стр. 450—451).

«Письмо запорожцев султану» создано, надо полагать, во второй половине XVII века, при кошевом атамане Иване Сирко. Основанием для такого предположения служат, как справедливо указал в свое время Н. И. Костомаров, в частности, выражения: «каменецький кат» и «подільський злодіюка» (в 1672 г. турецкое войско захватило Каменец и опустошило Подолию).

² Приводим для сравнения вариант «Письма» в редакции С. Руданского.

Місяць наш — тепер на небі,
День — той самий, що у вас.
За цим словом, вражі турки,
Поцілуйте десь там нас».

Произведения устного творчества, созданные на Запорожье, позволяют судить также о том, как запорожские казаки относились к религии и церкви. Украинские дворянские и буржуазные историки А. Скальковский, Д. Эварницкий и др. стремились представить запорожцев в виде рыцарей православия на востоке Европы. Они утверждали, что запорожцам были свойственны религиозный фанатизм, уважение к церкви и ее служителям. Д. Эварницкий, например, пишет: «запорожские казаки всегда отличались глубокою религиозностью и... набожностью». Он уверяет, что многие запорожцы, «чуждые веселой, шумной» вольной жизни в Сечи, уходили в дремучие леса, береговые пещеры, речные плавни и там, живя между небом и землею, «спасались о Христе»¹.

Эти утверждения ничего общего не имеют с действительностью. Уже современники (XVII в.) высказывали удивление по поводу того, что в казацком войске никогда нельзя встретить священника. Окольский, близко знавший казаков, писал: «Одно только у них было всегда неосновательно и небезопасно, а именно то, что они не допускают к войску своих священников и потому недостаточно думают о боге, но... доверяют только своей силе»².

Правильное представление об отношении запорожцев к религии и духовенству дает нам прекрасный народный эпос. Обратимся к одной из популярных песен. В ней отражено полное равнодушие и пренебрежение запорожцев к духовенству и церкви.

«Славні хлопці-запорожці
Вік звікували — пола не видали;
Як забачили тай у полі цапа³,
Отаман каже: «Оце, братці, — піп, піп!»
Осавул каже: «Ще я й причащався!»

Славні хлопці-запорожці
Вік звікували — попа не видали;
Як забачили тай у полі скирту,
Отаман каже: «Ото, братці, — церква».
Осавул каже: «Я в їй сповідався».

В этой же песне в шутливой форме говорится о так называемом безбрачии запорожцев.

Славні хлопці-запорожці
Вік звікували — дівки не видали;
Як забачили на болоті чаплю,
Отаман каже: «Ото, братці, — дівка!»
Осавул каже: «Ще я й женихався!»
А кошовий каже: «Ще я й повінчався!»

¹ Д. Эварницкий, История запорожских казаков, т. I, стр. 306—307.

² Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, 1896, стр. 226.

³ Цап — козел.

Действительно, безбрачие было широко распространено среди запорожцев. Дворянские и буржуазные авторы объясняли это тем, будто запорожцы подражали монашествующим рыцарям западноевропейских орденов. На самом деле часто встречающееся безбрачие среди запорожцев объясняется совсем другими причинами. Серомахи, составлявшие основную массу казачества, не могли обзавестись семьей из-за крайней своей бедности. К этому следует добавить также полную опасности жизнь на Запорожье, в непосредственном соседстве с татарами и турками. В силу этого женщинам по обычаю был воспрещен вход в Сечь (в крепость). Богатые казаки, однако, а позднее и менее состоятельные, нередко обзаводились семьями. Последние проживали в запорожских слободах или на волости.

Все сказанное об организации, быте и военном деле запорожских казаков¹ относится преимущественно к XVI — XVII вв. Ниже, где речь будет идти о Запорожье в XVII в., мы еще вернемся к этому вопросу.

¹ Социальные организации, сходные с казачеством, мы встречаем и у других народов — чехов (табориты), сербов (ускоки), венгров (гайду, или гайдуки) и т. д. Табориты, ускоки и гайду, как и казаки, боролись за уничтожение крепостнических порядков и чужеземного порабощения. Характерной чертой для таборитов, например, как и для казаков, является формальное признание равенства в правах за всеми и выборы должностных лиц (гетманов, атаманов, судей и т. д.). Поселения таборитов, основанные беглыми крестьянами, а также мещанами, занимали целые районы в малодоступных горах Южной Чехии. Знаменитый гуситский г. Табор, основанный повстанцами в первой половине XV в., во многом напоминал собой Запорожскую Сечь.

ГЛАВА V

ЗАПОРОЖСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ВОССТАНИИ 1594—1596 гг.

Притеснения украинского крестьянства, мещанства и казачества после подавления восстания 1591—1593 гг. значительно усилились и привели осенью 1593 г. к целому ряду выступлений угнетенных народных низов на Киевщине и Брацлавщине.

Оживление классовой борьбы на Украине всегда сопровождалось увеличением притока беглых на Запорожье. В такие периоды казачья беднота с огромным трудом добывала себе тут средства к жизни. Запорожские богачи, пользуясь тяжелой нуждой серомы, грабили ее немилосердно. Социальные противоречия на Запорожье резко обострились.

В начале 1594 г. в Сечь прибыл некий Станислав Хлопицкий, выдававший себя за старшину реестрового войска¹. Он явился к запорожцам с поручением от австрийского императора Рудольфа II. К этому времени слава о военных подвигах запорожцев распространилась далеко за пределы Украины. Особый интерес к запорожскому казачеству проявляли те европейские государства, которым непосредственно угрожала опасность со стороны все еще могущественной Османской империи². Австрийский император, стремясь нанести удар Турции³ в то время, когда она была занята изнурительной войной с Персией, настойчиво искал союзников. Хлопицкий обещал императору при содействии старшины бросить против турок или их вассалов — татар 8—10 тысяч казаков.

Для запорожской старшины приезд Хлопицкого был очень кстати. Она с тревогой смотрела на большое скопление серомы

¹ Лясота уверяет, что Хлопицкий «проживал перед тем в Киеве в среде казаков». (Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. I, стр. 173).

² В третьей четверти XVI в., при Селиме II (1566—1574), турки закончили покорение Аравии, выиграли трехлетнюю войну со своей торговой соперницей на Средиземном море — Венецией (1570—1573) и захватили у нее остров Кипр; в 1574 г. турки овладели Тунисом.

³ Война Австрии с Турцией началась в 1593 г.

на Запорожье и давно ожидала подходящего случая, чтобы избавиться от нее. Прибавьте к этому желание старшины получить от императора деньги «за службу» (Хлопицкий приехал, разумеется, не с пустыми руками) и станет ясно, как она ухватилась за предложение Хлопицкого. Правда, среди старшины были люди, которые под впечатлением усиливающейся на Украине борьбы масс противились походу запорожцев за границу. Одним из них, например, был старшина Семен Карнаух, поплатившийся впоследствии за это жизнью ¹.

Оснатив наспех 45 чаек и набрав посредством разных обещаний около 1300 казаков (в это число входила, вероятно, и часть реестровцев, стоявших на Запорожье, во главе с Полоусом)², старшина отправила их в поход на Черное море. Руководство походом было возложено на Лободу, именовавшего себя гетманом (старшим) ³.

Поход Лободы был, очевидно, не совсем удачен. Ограничившись взятием Белгорода, казаки вернулись в Сечь. Тогда руководство походом решил взять на себя сам кошевой атаман Богдан Микошинский. Не дав казакам как следует отдохнуть, он 31 мая 1594 г. отправился к Очакову ⁴.

Девять дней спустя, 9 июня, в Сечь прибыли одновременно два посланца: русский — Василий Никифоров в сопровождении отряда казаков и австрийский — Эрих Лясота. Последнего сопровождали некто Яков Генкель ⁵ и уже известный нам Станислав Хлопицкий. Лясота сделал по этому поводу следующую запись в своем дневнике: «Прибыли на остров, называемый Базавлук, лежащий при одном из днепровских рукавов — Чортомлыке, или, как они называют, при Чертомлыцком Днеприще, 2 мили. Здесь находилась в то время казацкая Сечь» ⁶. Старшина выслала навстречу посланцам «несколько более знатных лиц». Приблизившись к острову, посланцы услышали пушечные выстрелы ⁷, которыми приветствовали их запорожцы. Последних, по словам Лясоты, было в это время не более трех тысяч человек ⁸.

Ссылаясь на то, что кошевой атаман Микошинский находится в походе, старшина отложила официальный прием посланцев до его возвращения. Никифорову, Лясоте и сопровождавшим их лицам отвели помещения, «плетенные, — как опи-

¹ Listy St. Żółkiewskiego, док. № 30, стр. 52. Об убийстве Карнауха во время подготовки похода Ст. Жолкевский узнал от своего человека, вернувшегося из Запорожья.

² Там же, док. № 60, стр. 88.

³ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. I, стр. 172.

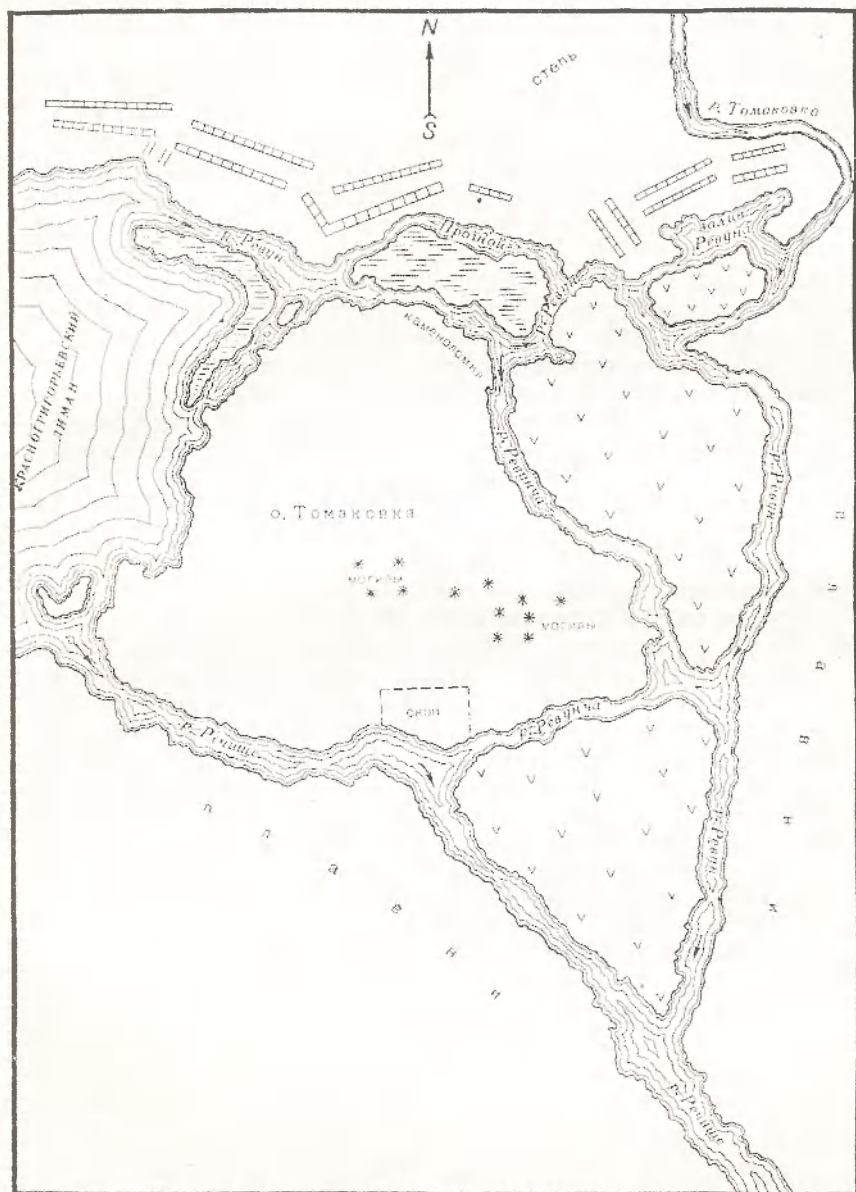
⁴ Там же, стр. 166, 167, 175.

⁵ Я. Генкель слыл в Австрии знатоком польско-украинских отношений.

⁶ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. I, стр. 166.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 173—174.

Остров Томаковка (Буцкий).

сывает Лясота, — из хвороста и покрытые сверху лошадиными кожами для защиты от дождя»¹.

Микошинский вернулся в Сечь 18 июня. Его поход был тоже неудачен, так как казаки встретились с многотысячным неприятельским войском. На следующий день, 19 июня, состоялся прием Василия Никифорова. Русский посланец огласил запорожцам царскую грамоту и передал подарки².

На следующий день, 20 июня, на казацкую раду был приглашен Эрих Лясота, представивший в письменном виде императорское «поручение о вербовке войск»³. Предложение австрийского императора запорожцы обсуждали без Лясоты, предложив ему покинуть раду. Рудольф II предлагал казакам двинуться в Молдавию, переправиться через Дунай и вторгнуться в пределы Турции. При этом, однако, император не брал на себя никаких конкретных обязательств в отношении запорожцев. Он предполагал обойтись одними подарками старшине.

Старшина, конечно, рада была избавиться от серомы, отправив ее на Турцию. Поэтому она приложила все усилия, чтобы склонить раду принять предложение императора. Кошевой атаман дважды прочел императорскую грамоту, однако оба раза ответом на это был молчаливый отказ казаков. Тогда старшина отделилась от казаков и на площади, по словам Лясоты, образовалось «два кола (круга): одно, состоящее из старшин, и другое из простого народа, называемого у них чернью»⁴.

Казацкое коло отклонило предложение о походе. Казаки стали угрожать «бросить в воду и утопить всякого, кто будет против этого (их. — В. Г.) мнения»⁵. Старшина притворно согласилась с решением казацкого кола, «не смея, — как объяснял Лясота, — противоречить черни, столь сильной и могущественной, когда она приходит в ярость»⁶.

Старшина не теряла, однако, надежды склонить казаков на свою сторону и посоветовала Лясоте не скупиться на обещания. 21 июня утром старшина снова созвала раду. Теперь уже за участие в походе казакам обещано было большое денежное вознаграждение от императора. Но «чернь, — пишет Лясота, — несмотря на это, продолжала упорствовать в своем решении». Тогда кошевой атаман «и некоторые из старшины, в особенности Лобода», стали настойчиво уговаривать казаков «хорошо обдумать, что они делают, и не отвергать милостивых предложений императора, которые они должны были почитать за великое счастье»⁷. Но казаки продолжали стоять на своем и самовольно

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. I, стр. 167.

² Там же.

³ Там же, стр. 168.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

покинули раду. В тот же день после обеда старшина снова созвала раду. Казаков, отказывавшихся принять в ней участие, сгоняли туда палками. Однако и на этот раз старшине не удалось склонить раду на свою сторону. В ожидании более благоприятной обстановки Лясота решил все же остаться еще на некоторое время на Запорожье.

Между тем на Брацлавщине вспыхнуло крупное народное восстание, возглавленное Северином Наливайко¹.

С первых шагов своего участия в освободительном движении Наливайко показал себя выдающимся политиком и организатором. Для набора повстанческого войска Наливайко решил воспользоваться своим положением сотника надворных казаков, находившихся на службе у кн. К. Острожского. Его план отличался смелостью и дальновидностью. Весной 1594 г. ожидался крупный поход татар, направлявшихся по приказу султана через Подолию в Молдавию. Это угрожало неисчислимыми бедствиями населению Украины, а также, разумеется, панским именьям. Воспользовавшись тревогой, охватившей в связи с этим магнатские и шляхетские круги, Наливайко предложил Острожскому «собрать по возможности больше товарищества (из казаков, крестьян и мещан. — В. Г.) и отправиться с ним туда, где в этом будет наибольшая нужда»². План Наливайко заключался, однако, не только в том, чтобы преградить дорогу татарам на Украину. Собранное войско он надеялся использовать, главным образом, против угнетателей украинских народных масс — польских и украинских панов.

Князь Острожский, один из крупнейших магнатов на Украине и брат коронного гетмана, охотно согласился с предложением С. Наливайко о наборе казаков³. Сбор войска шел, вопреки даже ожиданию магнатов, более чем успешно. 19 марта 1594 г. коронный гетман Ст. Жолкевский с чувством удовлетворения писал из Хмельника канцлеру Яну Замойскому, что «в поднепровских местечках и селах казаки поспешно вооружаются, готовят себе копьа»⁴. Как и Острожский, Жолкевский не

¹ Северин Наливайко родился в семье скорняка в г. Каменце-Подольском. Брат Северина, Демьян, был священником в г. Остроге, считавшемся в то время центром богословского образования на Украине. Семья Наливайко принадлежала, вероятно, к числу зажиточных мещан. Тяжелый гнет, которому подвергался украинский народ, вселял в Наливайко чувство ненависти к поработителям. Сильное впечатление на него произвело народное восстание 1591—1593 гг. Наливайко был свидетелем поражения казаков под Пяткой и видел кровавую расправу панов с беззащитным мирным населением.

² Listy St. Żółkiewskiego, док. № 41, стр. 64.

³ Доказательством того, что Острожский был убежден в том, что Наливайко собирает войско для похода в Молдавию, в погоню за татарами, является письмо его от 5 февраля 1594 г. к Радзивиллу, в котором говорится, что казаки «идут в Молдавию на помощь молдаванам и мултянам против турок». (П. Кулиш, История воссоединения Руси, т. II, СПб, 1874 г., док. № 4, стр. 433).

⁴ Listy St. Żółkiewskiego, док. № 25, стр. 45.

сомневался, что единственной целью Наливайко и казаков является поход против татар¹.

Уже в апреле 1594 г. Наливайко уведомил Острожского, что «по милости божией товарищества собралось уже немало, при этом таких людей, которые привыкли жертвовать не только своим временем, но и жизнью»². Казаков (2—2,5 тыс. чел.)³, большинство которых принадлежало к бедноте, Наливайко расположил в имениях брацлавской шляхты. Шляхте, разумеется, это было далеко не по вкусу. Но опасность, грозившая от татар, заставляла ее мириться с этим.

Татары, между тем, не заставили себя долго ждать. В начале лета 1594 г. они появились на Подолии, но, встретившись с казаками Наливайко, спешно повернули в Молдавию. Казаки погнались за татарами далеко вглубь Молдавии. Во время преследования они уничтожили большое количество врагов и захватили у них около 4 тысяч лошадей⁴. Воодушевленные победами казаков, народные массы Молдавии и Валахии поднялись в ноябре 1594 г. на борьбу против турецкого господства. Она началась выступлением горожан в Бухаресте и Яссах, во время которого было истреблено много турок. Теснимые восставшими и войсками валашского воеводы Михаила Храброго (1593—1601), турки стали покидать свои крепости в Молдавии и Валахии и убираться во-свояси.

Вернувшись на Брацлавщину, Наливайко немедленно отправил посланцев к запорожским казакам, которые прибыли в Сечь 1 июля 1594 г. От имени казаков и Наливайко они призывали запорожцев совместно выступить против польско-шляхетского господства на Украине. Зная бедность основной массы запорожского казачества — серомы, Наливайко предлагал 1,5 тыс. лошадей из отбитых у татар табунов. Запорожские казаки с большим сочувствием отнеслись к предложению посланцев. Иную позицию заняла старшина. Еще до этого она распространяла среди казаков слухи, будто Наливайко, находясь на службе у Острожского, был на стороне панов во время известного сражения под Пяткой. Узнав об этом, посланцы Наливайко заявили запорожцам, что их предводитель готов «явиться лично в их коло, сложить посреди него свою саблю... и оправдаться от возводимых на него обвинений»⁵. В случае, если рада признает его виновным, запорожцы могут «отрубить его голову собственною саблею»⁶.

Старшине, несмотря на все ее старания, не удалось удержать казаков от выступления. Запорожцы решили немедленно дви-

¹ Казаки, писал Жолкевский, «беспорно готовятся идти на турецкие замки» (Listy St. Żółkiewskiego, док. № 25, стр. 45).

² Listy St. Żółkiewskiego, док. № 41, стр. 65.

³ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. I, стр. 183.

⁴ Там же, стр. 186.

⁵ Там же, стр. 183.

⁶ Там же.

нуться на помощь восставшим народным массам. К ним присоединилась и значительная часть реестровцев, стоявших в это время на Запорожье. Тогда старшина, стремясь сохранить свое влияние среди казаков, круто изменила тактику. Во главе отряда запорожцев, отправлявшихся к Наливайко, был поставлен известный уже нам Лобода.

Между тем в ночь на 16 октября казаки, руководимые Наливайко, вместе с брацлавскими мещанами напали на шляхту, съехавшуюся в Брацлав на «судовые рочки»¹, и перебили ее. Вскоре на помощь им пришли запорожцы. С их прибытием войско повстанцев значительно увеличилось.

В 20 числах ноября 1594 г. казаки Наливайко, как доносил кременецкий каштелян (он же теребовльский староста) Я. Претвич, овладели г. Баром, центром Барского староста. Часть казаков расположилась в городе. Наливайко с несколькими сотнями конницы стал в Черемисском местечке, Лобода с запорожцами — в крепости, а остальная часть повстанцев (около 2 тыс. чел.) — в Русском местечке². Рада, созванная повстанцами в Баре, вынесла решение поставить вокруг города «надежную стражу, чтобы ни один человек не входил в город и не выходил из него без их ведома». Подступы к городу, его окрестности охранялись конными казацкими отрядами. Рада постановила также обратиться к украинскому народу с универсалами, призвать его к восстанию против панов и принять меры к обеспечению повстанческого войска продовольствием и другими припасами³.

Население живо откликнулось на призывы повстанцев. Скоро восстание распространилось не только на окрестности Бара, но и Винницы. Я. Претвич писал 25 ноября 1594 г. Я. Замойскому из Шаравцев: «Какой там (в Виннице. — В. Г.) ужас, как люди (шляхта. — В. Г.) убегают из домов своих, того и описать не могу»⁴. Претвич просил у Замойского разрешения уехать из Теребовля.

Однако внимание польских и украинских панов в это время было отвлечено событиями в Молдавии, где их интересы сталкивались с притязаниями венгерских и турецких феодалов. Пользуясь тем, что валашский воевода Михаил Храбрый был занят тяжелой войной против Турции, за освобождение Валахии, паны решили посадить на молдавский трон своего ставленника Иеремию Могилу⁵. С этой целью они стали быстро

¹ Архив ЮЗР, ч. III, т. I, док. № 22, стр. 66—68.

² Listy St. Żółkiewskiego, док. № 37, стр. 59.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 59—60.

⁵ Иеремиа Могила был тесно связан с польскими и украинскими магнатами. Одна дочь его была замужем за князем Вишневецким, другая — за князем Корецким, третья — за Ст. Жолкевским. Опекуном сына Иеремии — Петра Могилы (будущего киевского митрополита) был коронный гетман Ст. Жолкевский, в имениях которого Петр Могила проживал долгое время.

собирать войско. В феврале 1595 г. Острожский обратился с письмом к Лободе, приглашая его присоединиться к походу панов на Молдавию. Лобода принял это предложение, однако выполнить его, несмотря на все свои старания, не мог из-за сопротивления казаков ¹.

В августе 1595 г. с набраным войском паны переправились через Днестр и вступили в Молдавию. Польское войско двигалось тремя колоннами: слева шел коронный гетман Ст. Жолкевский, в центре — канцлер Я. Замойский, а справа — староста каменецкий — Потоцкий ². За ними во главе шляхетских ополчений и надворных отрядов следовали магнаты Стефан и Андрей Потоцкие, князь Корецкий, Ян Зебжидовский, Тарло и др.

С уходом магнатов в Молдавию восстание народных масс на Украине стало разгораться с новой силой. В конце 1595 — начале 1596 г. пламя восстания охватило всю Брацлавщину и перекинулось за ее пределы. Крестьяне и мещане объявляли себя казаками, созывали рады, выбирали атаманов, вступали в казачье войско и т. д. По словам Иоахима Бельского, войско повстанцев насчитывало в это время около 12 тысяч человек при 40 знаменах ³. Вскоре восстание охватило Поднепровье. Крестьяне и мещане нападали на панов, громили их усадьбы и повсеместно вводили казацкие порядки ⁴. В это время, вероятно, повстанцы овладели Черкассами и Каневом. Вслед за Брацлавщиной и Поднепровьем восстание охватило Волинь. Еще в конце 1594 г. повстанцы во главе с Наливайко овладели Луцком ⁵. Антифеодальная борьба в западной части Украины отличалась большой остротой. Ст. Жолкевский писал впоследствии королю, что повстанцы «помышляли о Кракове... об уничтожении, искоренении шляхетского сословия» ⁶.

Тут, на Волини, повстанческое войско разделилось весной 1595 г. на две части. Одна — во главе с Наливайко — двинулась на северо-восток — в Белоруссию, другая — под начальством Лободы — на юго-восток, к Черкассам. Летом 1595 г. казаки Наливайко дошли до Петриковичей, в Полесье. 6 ноября они взяли Слуцк, где захватили 12 пушек, 80 гаковниц и 5 тысяч коп литовских денег (тут же в плен к казакам попали сыновья виленского каштеляна Иеронима Ходкевича). За Слуцком пал Бобруйск. Восстание в Белоруссии быстро расширялось. В казацкое войско, по словам И. Бельского, «отовсюду прибывали люди» ⁷. Через некоторое время повстанцы во главе с Наливайко

¹ П. Киши. История воссоединения Руси, т. II, док. № 5, стр. 433—434.

² Kronika Marcina Bielskiego, т. III, стр. 1726—1730.

³ Там же, стр. 1719—1720.

⁴ Listy St. Żółkiewskiego, док. № 60, стр. 89.

⁵ Архив ЮЗР, ч. III, т. I, док. № 23, стр. 69—70.

⁶ Pisma Żółkiewskiego, стр. 151

⁷ Kronika Marcina Bielskiego, т. III, стр. 1744.

овладели одним из крупных городов Белоруссии — Могилевом на Днепре¹.

Далеко не так успешно развивались события в Поднепровье. Лобода, к вящей радости панов, действовал крайне вяло. Сам князь Острожский отметил впоследствии, что его владения не очень пострадали, ибо «пан Лобода (их) щадил»². Бездействие Лободы, выражавшего настроения той части старшины, которая стремилась к сделке с панами за счет народных масс, тяжело отразилось на дальнейшем ходе восстания.

От войска Лободы отделился отряд казаков, во главе которого стал атаман Матвей Шаула. Захватив с собою запорожские пушки, этот отряд двинулся вверх по Днепру на соединение с Наливайко, но дошел лишь до Пропойска³ (на реке Соже).

Между тем паны, отправившиеся осенью 1595 г. в Молдавию, к концу года разбили под Яссами Розвана — ставленника семиградского воеводы Сигизмунда Баторня, казнили его и посадили на молдавский трон Иеремию Могилу. Успешное завершение молдавской кампании осложнило положение украинских повстанцев. Магнаты получили теперь возможность бросить свои войска на подавление восстания, что они и не замедлили сделать. На Украину двинулись не только магнатские ополчения, но и части коронного войска, участвовавшие в молдавской кампании. Узнав об этом, Наливайко, находившийся в Могилеве, приказал сжечь замок и во главе войска (с 20 пушками) стремительно пошел навстречу панами. К этому времени казацкое войско значительно поредело. Часть казаков из-за нужды и зимнего времени разошлась по домам.

Рассматривая поход казаков в Белоруссию в 1595 г., историки ограничиваются обычно заявлением, что казаки намеревались подать руку помощи братскому белорусскому народу. Это объяснение, конечно, правильное, однако его нельзя признать полным. Марш казацкого войска в Белоруссию был, надо думать, составной частью определенного военного плана. Наливайко стремился до возвращения панов из Молдавии совместно с белорусскими повстанцами разгромить литовских феодалов. С этим, вероятно, была связана и задача, поставленная перед Лободой. Очистив от власти панов Южное Поднепровье, Лобода должен был двинуться вверх по Днепру, к Киеву, а оттуда в Белоруссию на соединение с Наливайко. В случае успешного осуществления этого замысла в руках повстанцев оказалась бы громадная часть Восточной Украины (между Днестром и Днепром) и Белоруссии. Первый удар этому плану нанесли изменнические действия Лободы, нарочитая медлительность которого была направлена на подрыв, на ослабление восстания.

¹ Kronika Marcina Bielskiego, т. III стр. 1744.

² П. Кулиш, История воссоединения Руси, т. II, док. № 6, стр. 435.

³ Listy St. Żółkiewskiego, док. № 45, стр. 70.

Возвращение панского войска из Молдавии поставило Наливайко в тяжелое положение. Последнее усугублялось тем, что литовские феодалы, оправившись от первого замешательства, стали под руководством воеводы Радзивилла стягивать крупные силы к Минску. В таких условиях Наливайко решил двинуться навстречу главному неприятельскому войску, во главе которого стоял Жолкевский, и направился в Подолию. 25 февраля 1596 г. Жолкевский сообщал Замойскому, что Наливайко приближается уже к Константинову.

Ночью 28 февраля 1596 г., совершив быстрый переход из-под Кременца в направлении Константинова, войско Жолкевского напало на казацкие форпосты в с. Мацеёвичах (между Константиновым и Острополем). В с. Мацеёвичах стояли две казацкие сотни под начальством сотников Марка и Татаринца. Завязался ожесточенный бой. Казаки, несмотря на неравенство сил, мужественно оборонялись: жолнерам приходилось с боем брать каждую улицу, каждый дом. Паны предложили казакам сдаться. Но казаки даже не ответили на это. Тогда жолнеры подожгли село. Окруженные пламенем, казаки предпочли смерть позорному плену¹.

В это время Наливайко с основными своими силами находился в Чарнаве. С ним было не более 1300 казаков. Принять решительный бой с панским войском (у Жолкевского было свыше 3 тысяч отборного войска и артиллерия) при таких условиях было бы явно рискованно. Наливайко решил вывести войско из-под вражеского удара и идти на восток, в Поднепровье, на соединение с Лободой. Чтобы затруднить преследование своего войска, Наливайко пошел самым тяжелым, но в то же время самым коротким путем — через так называемое Дикое поле. Казацкое войско двинулось из Чарнавы через Острополь к Пикову. Жолкевский со всей своей конницей бросился за казаками и под Прилуками догнал их. Однако Наливайко, умело используя оставшиеся у него пушки, задержал Жолкевского, дав возможность основным силам продолжать отступление. Вскоре казаки перешли Синие Воды и вступили в Дикое поле².

Жолкевский не решился продолжать преследование казаков. Повернув от Прилук, он занялся «усмирением» края. Озверевшая шляхта жестоко мстила населению сел и местечек. Так, в местечке Брацлаве «для примера» были казнены воит и несколько мещан³. Особенно бесчинствовала шляхта в селах. В с. Коростятине князь П. Вороницкий и пан А. Гулевич отрезали у одиннадцати крестьян уши, а других подвергли

¹ Kronika Marcina Bielskiego, т. III, стр. 1750. Ср. П. Кулиш. История воссоединения Руси, т. II, док. № 9, стр. 437—438.

² Там же.

³ Listy St. Żółkiewskiego, док. № 46, стр. 74.

жестоким пыткам, чиня над ними «окрученства великие, а праве тиранские»¹.

Понимая, что до подавления восстания, однако, еще очень далеко, хотя казацкое войско и отошло в степь, Жолкевский обратился 9 марта 1596 г. с письмом к Замойскому. Он просил отпустить денежные средства, чтобы продлить срок службы жолнерам коронного войска. Жолкевский сообщил, что он надеется ослабить и затем разгромить казаков, внося раскол в их ряды, но тут же высказывал убеждение, что вернее всего полагаться на силу своего оружия. Наконец, он просил разрешения на созовы посполитого рушенья брацлавской, кременецкой и луцкой шляхты. Не дождавшись, впрочем, ответа канцлера, Жолкевский сам издал соответствующие универсалы².

К этому времени войска повстанцев, разделенные на три части (во главе с Наливайко, Лободой и Шаулой), находились на большом расстоянии друг от друга. Войско Лободы стояло у Белой Церкви. Вместе с двумя другими казацкими отрядами атаманов Стецько и Шостака оно насчитывало свыше 3 тысяч человек. Войско Шаулы зимовало в Пропойске. Наливайко, пройдя через малозаселенные места, двигался к Белой Церкви на соединение с Лободой. Однако Лобода вовсе не стремился объединиться с Наливайко.

Еще в начале марта 1596 г., собрав крупные силы и выступив в направлении Белой Церкви, Жолкевский отправил к Лободе своего поверенного, предлагая отступить от повстанцев. Узнав о приезде посланца Жолкевского, казаки хотели его убить. Притворяясь «перед чернью», как писал Жолкевский, Лобода тоже «гневался» на посланца, тем не менее взял его под свою защиту и затем отпустил к коронному гетману³. Каково было содержание ответа Лободы, переданного через этого посланца, неизвестно. Но Лобода явно склонялся на сторону панов. Когда казаки, например, порывались взять белоцерковский замок, где заперся наместник местного старосты шляхтич Млодецкий, Лобода и другие старшины под разными предлогами мешали этому⁴. Между тем Белая Церковь, наряду с Каневом и Черкассами, имела важное стратегическое значение, являясь одним из крупнейших опорных пунктов господства панов в Восточной Украине. Ее падение имело бы большое значение для восстания.

Узнав о приближении Наливайко, Лобода, как доносил Жолкевскому его агент, снял свое войско из-под Белой Церкви и быстро двинулся на север-восток, к Триполью⁵. В это время,

¹ Архив ЮЗР, ч. III, т. I, док. № 30, стр. 93—94.

² Listy St. Żółkiewskiego, док. № 45, стр. 69.

³ Там же, док. № 46, стр. 72.

⁴ Там же. «Чернь», — писал Жолкевский Замойскому 16 марта 1596 г., — стремилась разрушить и сжечь дотла Белую Церковь, (но) Лобода, Сасько и Шостак уговорили ее не делать этого.

⁵ Там же.

в двадцатых числах марта 1596 г., к Триполью подошел со своим войском Шаула, следовавший из Белоруссии через Киев¹ на соединение с Наливайко. После объединения с Шаулой казаки, недовольные действиями Лободы, отстранили его от руководства войском и избрали своим старшим (гетманом) Шаулу. Шаула спешил вернуться к Белой Церкви, стремясь соединиться с Наливайко до прибытия туда Жолкевского. Глубокий снег мешал быстрому продвижению, но казаки Шаулы неумоимо шли вперед.

Жолкевский со своей стороны надеялся не допустить объединения войск повстанцев. С этой целью из Пикова, где сосредоточилось его войско, он отправил к Белой Церкви несколько сотен конницы, а также пехотные роты под начальством кн. К. Ружинского. Последний вошел в Белую Церковь как раз перед приходом туда Наливайко и заперся в замке. Вслед за Наливайко к городу подошел Шаула. Казаки расположились лагерем под Белой Церковью. Таким образом, Жолкевскому не удалось помешать соединению Наливайко с Шаулой. По его словам, казаков под Белой Церковью собралось около 7 тысяч человек. В действительности их не могло быть более 3,5—4 тысяч. Жолкевский в момент объединения казачьих войск находился с основными своими силами в четырех милях от Белой Церкви².

Наливайко и Шаула решили нанести удар Ружинскому прежде, чем Жолкевский успеет подойти к нему на помощь. 2 апреля перед наступлением темноты они на глазах у Ружинского вывели из казачьего лагеря большую часть войска, делая вид, что идут навстречу приближающемуся Жолкевскому. Увидев это, Ружинский подумал, что он легко сможет разгромить оставшихся в лагере казаков. В полночь, выйдя из замка, он повел свои части на казачий лагерь. Казаки, оставленные Наливайко в лагере, не приняли боя и, инсценируя бегство, стали поспешно отходить в поле. Ружинский бросился их преследовать. В это время Наливайко и Шаула подошли с другой стороны к Белой Церкви, проникли в крепость, подожгли ее и истребили оставшийся там гарнизон. Рассчитывая, что на обратном пути Ружинский не преминет зайти в брошенный казачий лагерь, чтобы воспользоваться покинутым там имуществом, Наливайко с Шаулой вышли из города и незаметно вновь заняли свой лагерь. Их предположение оправдалось. Утомленный бесплодной погоней за казаками в степи Ружинский повернул назад и вскоре подошел к лагерю. К большому удивлению Ружинского, лагерь не был пуст. Бросившись на войско Ружинского, казаки почти

¹ См. письмо Шаулы к Ружинскому из Киева от 27 марта 1596 г. Listy St. Żółkiewskiego, док. № 48, стр. 75 и письмо Жолкевского Замойскому от конца марта 1596 г., там же, док. 51, стр. 78.

² Listy St. Żółkiewskiego, док. № 52, стр. 49. Письмо Жолкевского Замойскому от 4 апреля.

наголову разгромили его. Уцелевшие остатки вражеского войска вместе с Ружинским поспешили скрыться в неуспевшем сгореть замке.

Но самое тяжелое было еще впереди. К Белой Церкви подходил Жолкевский. Его войско намного превосходило силы казаков. При создавшемся положении Наливайко и Шаула решили отвести казаков к Киеву, в более людные районы Восточной Украины, где власть находилась еще в руках повстанцев. Но едва казацкое войско снялось 3 апреля из-под Белой Церкви и отошло на расстояние одной мили (около 7 км) к урочищу Острый Камень, как его догнал Жолкевский с конницей. Казаки быстро заложили лагерь, окружив себя возами, поставленными в пять рядов. Через несколько часов к Жолкевскому подошли все остальные его части. Завязался ожесточенный бой. Стремясь «разорвать» казацкий лагерь, Жолкевский бросил на него все свои силы. Казаки мужественно отбивались, неоднократно отбрасывая врага. Бой продолжался до поздней ночи. Панское войско понесло большие потери. По словам И. Бельского, поляки потеряли убитыми и ранеными свыше 300 жолнеров и 60 шляхтичей¹. 4 апреля Жолкевский писал Замойскому: «Было много шансов разорвать их (казаков. — В. Г.) табор, но бог не смилостивился»². Чувствительными были и потери казаков. Был убит атаман Сасько, Шауле ядром оторвало руку; ранен был и Наливайко.

Той же ночью казаки оставили свои позиции и двинулись дальше к Триполью. Гетманом вместо тяжело раненого Шаулы был избран Наливайко. Потерпев большой урон в людях и считая невозможным продолжать преследование казаков, Жолкевский вернулся к Белой Церкви. Тут он занялся упорядочением своих частей. Вскоре к нему прибыл с войском литовский подканцлер Карл Ходкевич. Жолкевский решил захватить Канев, где стояла казацкая флотилия, и тем самым разорвать сообщение Запорожья с волостью по Днепру. К Каневу он направил Ходкевича, Ружинского, Вишневецкого и других панов с их полками. Ходкевич напал на Канев в день пасхи. Город охранялся горсткой казаков во главе с полковником Кремпским. Убедившись в бесполезности сопротивления, Кремпский с казаками и частью мещан отправился на лодках вверх по Днепру. Паны заняли Канев без боя. Тем не менее они жестоко расправились с населением. Замучено и убито было около четырехсот человек³.

В Белой Церкви Жолкевский, потерявший надежду покончить с восстанием имеющимися в его распоряжении силами, усиленно хлопотал о присылке новых войск. Он просил канцлера Замойского напомнить шляхте, съехавшейся на сейм в Варшаву,

¹ Kronika Marcina Bielskiego, т. III, стр. 1751.

² Listy St. Żółkiewskiego, док. № 52, стр. 80.

³ Kronika Marcina Bielskiego, т. III, стр. 1752.

«чего она может ожидать для себя, если восстание (на Украине. — В. Г.) не будет подавлено». Жолкевский просил не медлить с оказанием помощи, ибо, как подчеркивал он, уже «вся Украина *показалась*»¹, и, кроме того, повстанцы, как слышно, намереваются в случае неудачи «переехать в Москву»². Сейм согласился оказать помощь Жолкевскому и постановил собрать необходимые денежные средства путем налогового обложения населения³.

Через несколько дней после боя у Острога Камня Жолкевский выступил из Белой Церкви по направлению к Киеву. По дороге, в Василькове, к нему присоединился каменецкий староста Потоцкий со своим полком. Тут же Жолкевский получил известие о выступлении на Украину вспомогательного литовского войска под начальством кн. Богдана Огинского. Одновременно Жолкевский узнал, что хотя войско повстанцев уже достигло Киева, но семьи свои и имущество казаки отправили в Переяслав⁴. Поэтому он, продолжая двигаться к Киеву, отправил к Переяславу Потоцкого с частью войска, чтобы тот заступил казакам дорогу на случай, если они попытаются перейти в Россию.

Подойдя к Киеву, Жолкевский остановился в полумили от города, у монастыря. Тут он приказал переправляться через Днепр. Казаки, покинувшие накануне Киев и перешедшие на левый берег реки, стойко удерживали свои новые позиции. К тому же, уходя из Киева, они уничтожили все средства для переправы. Ночью из лагеря Жолкевского к казакам перебежало двое слуг. Они сообщили Наливайко о том, что на Украину идет литовское войско и что к Переяславу направился Потоцкий. Получив эти тревожные вести, казаки решили покинуть позиции на левом берегу с тем, чтобы достигнуть Переяслава раньше Потоцкого. Для прикрытия отступления в лагере была оставлена сотня конных казаков во главе с Наливайко и Лободой. (После ранения Шаулы Лобода, поддерживаемый той частью старшины, которая искала соглашения с панами, снова стал играть видную роль). Чтобы удержать Жолкевского у Киева и тем выиграть время, Наливайко вступил с ним в переговоры. Ведение их было поручено Лободе, который и встретился с представителем Жолкевского — брацлавским старостой Юрием Струсем у правого берега⁵.

С наступлением темноты Наливайко также ушел к Переяславу. На рассвете, узнав об этом, Жолкевский стал переправляться на левый берег. Однако в это время у Киева появились запорожские суда под начальством Подвысоцкого. Запорожцы, шедшие

¹ Listy Śl. Żółkiewskiego, док. № 52, стр. 80. Курсив наш. — В. Г.

² Там же.

³ Налогом облагались не шляхетские имения, а еврейское население Кракова и всей Литвы (по одному золотому с души). Kronika Marcina Bielskiego, т. III, стр. 1760.

⁴ Там же, т. III, стр. 1752, 1761.

⁵ Там же, стр. 1753.

на веслах, неожиданно напали на врага. Жолкевский пытался отбиться от запорожцев своей артиллерией, но казаки, то отступая под пушечным огнем, то снова нападая на неприятеля, целых три дня не давали его жолнерам переправиться на левый берег.

С приходом казацкого войска из Киева в Переяслав там собралось 10—12 тысяч человек ¹, в большинстве своем (7—9 тысяч) это были раненые, женщины, дети и старики. Боеспособных в войске было всего около 3000. Казаки и их семьи терпели острую нужду во всем, в особенности в продовольствии, запасы которого к весне были уже на исходе. Тяжелым положением общей массы казаков пыталась воспользоваться старшина, искавшая соглашения с поляками. Она подбивала казаков сдаться на милость панов ², но безуспешно. В Переяславе одна за другой создавались рады. Часть казаков хотела остаться на месте и обороняться, если нужно, до последнего. Другая предлагала перейти в Россию. В конце концов верх взяло мнение большинства, требовавшего перехода в Русское государство. Забрав семьи и имущество, казаки двинулись из Переяслава к Лубнам, в направлении русской границы (от Лубен до русской границы оставалось приблизительно 100 км). Жолкевский бросился догонять казаков; он двигался за ними по пятам днем и ночью. Восточнее Переяслава с Жолкевским соединилось литовское войско во главе с Огинским. Вперед, к Лубнам, чтобы отрезать казакам переправу через р. Сулу, Жолкевский отправил полк конницы (500 чел.) под начальством Белецкого ³. Однако тому не удалось полностью выполнить поручение. К моменту его прибытия под Лубны казаки были уже на противоположном (левом) берегу Сулы. Все же Белецкий успел помешать казацкому арьергарду разрушить за собой мост, который был, по словам И. Бельского, «очень длинный и неудобный для переправы» ⁴. По уцелевшему мосту Жолкевский переправился вслед за казаками на левый берег Сулы ⁵.

Обремененные семьями и обозом, казаки не могли быстро двигаться. Наткнувшись неожиданно на отряд Ю. Струся, который еще накануне, одновременно с Белецким, был послан Жолкевским в обход, и наступаемые Жолкевским с тыла, повстанцы вынуждены были остановиться. Они заложили лагерь в полумили (ок. 3 км) от Лубен, в урочище Солоница. Место, выбранное казаками для обороны, господствовало над окрестно-

¹ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 64, стр. 91. Письмо Жолкевского королю от 10 июня 1596 г.

² Listy St. Żolkiewskiego, док. № 54, стр. 81.

³ Kronika Marcina Bielskiego, т. III, стр. 1761.

⁴ Там же.

⁵ Н. Костомаров пишет, что Жолкевский «ворвался по мосту в г. Лубны», считая, таким образом, что Лубны находились на левом берегу Сулы (см. *Н. Костомаров, Собрание сочинений*, кн. 4, СПб., 1904 г., стр. 38). Это — ошибка. Лубны расположены на правом берегу Сулы.

стями. С трех сторон казаки укрепили лагерь возами, поставленными в четыре и пять рядов; вокруг них выкопали ров и насыпали высокий вал, скрывавший от врага все, что происходило в лагере. К четвертой стороне лагеря примыкали непроходимые болота. У единственных ворот и в других местах лагеря были поставлены срубы, насыпанные землей, а на срубы подняты пушки¹, которых у казаков было около 30.

Силы сторон были неравны. В войске Жолкевского насчитывалось около 5 тысяч одних жолнеров, драгун и гусар, не считая шляхетских отрядов². В казацком войске, как уже говорилось, боеспособных было не более 3-х тысяч. Тем не менее Жолкевский не решался идти на штурм казацкого лагеря, ибо, как писал он, его войску приходилось иметь дело «с людьми отважными, решившимися в своем отчаянном положении сражаться насмерть»³. Он предпочитал изматывать казаков непрерывными нападениями. Казаки тоже предпринимали вылазки. 28 мая, например, несколько сот казаков прорвалось в расположение частей Ю. Струся. Перебив немало врагов, казаки вернулись в лагерь. Двух казаков, попавших в плен, Струсь приказал казнить тут же, на виду у всего казацкого лагеря: они были посажены на кол, а затем четвертованы.

Несмотря на то, что казаки удачно отражали нападения врагов, положение их было чрезвычайно тяжелым. Наступила сильная жара. Лагерь был переполнен людьми. Нехватало пищи и в особенности воды. Из-за отсутствия корма начался массовый падеж лошадей и скота; трупы животных заражали воздух. В лагере начались болезни⁴.

В то время как осажденные повстанцы вели самоотверженную борьбу с панами, часть казацких старшин, стремившихся удержать свои привилегии и сохранить феодальные порядки на Украине, искала примирения с панами. Она группировалась вокруг Лободы⁵. Лобода и его сторонники стали склонять казаков прекратить сопротивление. Тайно от Наливайко и повстанцев Лобода вступил в переговоры с Жолкевским. Злорадствуя, тот писал впоследствии: «Наконец-то созрели семена вражды... посеянные (мною) между Лободой, с одной стороны, и Наливайко с его сторонниками — с другой»⁶. Узнав о сношениях Лободы с врагами, казаки казнили его как предателя.

¹ Kronika Marcina Bielskiego, т. III, стр. 1762.

² Там же.

³ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. № 64, стр. 91.

⁴ Kronika Marcina Bielskiego, т. III, стр. 1762—1763.

⁵ Лобода был типичным представителем казацкой верхушки. В Киевском Полесье ему принадлежало с. Сошники. Свои ценности Лобода хранил в киевских монастырях (см. Материалы по истории казацкого землевладения (1494—1668 гг.). Чтения в историческом обществе Нестора Летописца, кн. 8, Киев, 1894, док. 4, стр. 18).

⁶ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. № 64, стр. 91.

После устранения Лободы сопротивление казаков приняло более организованный характер. Вылазки теперь совершались, по словам И. Бельского, «едва-ли не каждый час, причем не только днем, но и ночью». Враг должен был держать в состоянии полной боевой готовности две трети своего войска. Казаки стали пользоваться новыми приемами борьбы. Они незаметно подкрадывались к вражеским позициям и, вырыв вблизи их небольшие окопы («долы»), обстреливали врага из рушниц. Так был убит житомирский староста Дымышко, шляхтич Полубинский и много других начальников и жолнеров панского войска. Казаки стремились изматывать силы врага, надеясь на приход под Солоницу других повстанческих отрядов ¹.

Надежды казаков не были лишены основания. В тылу Жолкевского в это время активизировали свои действия запорожцы под начальством Подвысоцкого. Они предприняли даже попытку прорваться к Лубнам на своих лодках. Однако попытка эта из-за недостатка сил успеха не имела. Тогда запорожцы и местные жители стали жечь шляхетские имения в Поднепровье, считая, что это отвлечет часть сил Жолкевского от Солоницы ².

Опасаясь нового подъема восстания и не надеясь на свое войско, в котором усиливалось недовольство ³, Жолкевский спешил с штурмом казацкого лагеря. Он послал в Киев за осадными пушками. Последние были доставлены Жолкевскому подляшским воеводой кн. Заславским, который привел с собой также 300 человек конницы. Паны усиленно готовились к штурму. В польском лагере сооружали подвижные туры ⁴. Они предназначались для прикрытия жолнеров во время штурма казацких позиций.

4 июня Жолкевский начал обстрел казацкого лагеря. Осадные пушки и полевая артиллерия в течение двух суток обстреливали лагерь перекрестным огнем. Штурм был назначен на рассвете 7 июня. Для этой цели многие конники были переведены в пехоту. Артиллерию придвинули к самому казацкому лагерю ⁵.

Двухдневный артиллерийский обстрел лагеря причинил казакам большие потери. 200 человек было убито и еще больше ранено. Казаки уже не могли выходить из лагеря за водой и дровами. Тут же, в лагере, они начали копать колодцы, но вода в них оказалась непригодной для питья. На дрова для костров казаки стали рубить возы. В это тяжелое время усилили свою

¹ Kronika Marcina Bielskiego, т. III, стр. 1763.

² Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. № 64, стр. 91.

³ Случаи перехода жолнеров на сторону казаков были нередки. Еще в марте 1596 г., например, Жолкевский писал Замойскому о переходе двух его рот на сторону Наливайко (Listy St. Żółkiewskiego, док. № 46, стр. 73).

⁴ Туры — большие цилиндрические корзины из кольев, оплетенных хворостом. Туры наполнялись землей, иногда их ставили на колеса.

⁵ Kronika Marcina Bielskiego, т. III, стр. 1764; Жерела, т. VIII, док. № 64, стр. 91.

предательскую деятельность уцелевшие сторонники Лободы. В ночь с 6 на 7 июня заговорщики напали на Наливайко и его ближайших соратников — Шаулу, Шостака и др. и, заковав их в кандалы, выдали Жолкевскому¹. В расчете на разные «милости» предатели хотели выдать панам также знамена, пушки и все вооружение², для чего вступили в переговоры с панами.

Делая вид, что они готовы продолжать переговоры, паны неожиданно напали на лагерь, так что казаки «не успели даже взяться за оружие»³. Началась страшная резня: озверелые паны убивали всех, кто попадался им под руку. Бельский писал, что «на протяжении мили или больше труп лежал на трупе, ибо всего в таборе с черню и с женами их было до десяти тысяч»⁴.

Панам все же не удалось истребить всех повстанцев. Полторы тысячи казаков во главе с Кремпским грудью пробили себе дорогу и ушли на Запорожье, «где, — как говорит И. Бельский, — их оставалось на Коше... до пятисот человек»⁵. В казацком лагере Жолкевский захватил 24 пушки и другие трофеи. Наливайко и его сподвижников Жолкевский отправил в Варшаву. Соратники Наливайко были казнены тотчас, как только прибыли в столицу, его же казнь отложили до сейма⁶.

Покончив с лагерем у Солоницы и разделив между собой оставшихся в живых казаков, паны вернулись в свои имения. Здесь они продолжали кровавую расправу над подданными. Открывшийся вскоре сейм вынес благодарность Жолкевскому за то, что он, выступив «против лютровству козацкому (казацкой голи. — В. Г.), которых се до килкунадцати тисечей людей свавольных народов рзмаитых (речь идет об участвовавших в восстании белорусах, поляках и т. д. — В. Г.)... згромадило было», «панства наши украинные волние и безпечние од них учинил и успокоил»⁷. В награду за это сейм постановил пожаловать Жолкевскому («для его великих зацных и преважных заслуг») урочища Бoryшполь, Горошин, Слeпород на Суле, а также все земли при «границе татарской и при рубежу московском лежащие»⁸. Обширные пожалования получили и другие паны. Одновременно сейм, объявивший казаков «предателями и

¹ Kronika Marcina Bielskiego, т. III, стр. 1764. По словам Пясецкого, Наливайко был выдан вместе с четырьмя другими предводителями (Kronika Pawła Piaseckiego, стр. 131). По свидетельству Летописи краковского костела иезуитов, было выдано, кроме Наливайко, еще 12 чел. (Scriptores rerum polonorum, т. VII, Kraków, 1881, ст. 215).

² Kronika Marcina Bielskiego, т. III, стр. 1764—1765.

³ Там же, стр. 1765.

⁴ Там же. М. Грушевский, желая ослабить впечатление от этой кровавой резни, обвиняет современника шляхтича И. Бельского в преувеличении (см. М. Грушевский. Історія України-Руси, т. VII, К.—Л., 1909, стр. 1231).

⁵ Kronika Marcina Bielskiego, т. III, стр. 1765.

⁶ Там же.

⁷ Записки Наукового Товариства ім. Шевченка у Львові, т. XXXI. Матеріали до історії козацьких рухів 1590 рр., док. 13, стр. 23.

⁸ Там же, стр. 22.

врагами отечества», постановил конфисковать казацкие земли и предоставить коронному гетману неограниченные права с целью «искоренить до конца тех своевольников»¹. 1 сентября был издан королевский универсал, подтверждавший и развивавший сеймовые постановления, направленные против украинского народа. Королевский универсал предписывал шляхте и урядникам Киевского, Брацлавского и Волынского воеводств истребить тех казаков, которые еще и теперь «при замках, местах и местечках... господарских и шляхетских туляют се... и погрозки пуцают». Он же призывал шляхту не позволять подданным собираться в группы даже в 5 — 6 человек.

Главным своим острием универсал был направлен против бегства населения на Запорожье и связей запорожцев с волостью. Шляхта должна была пресекать всякие попытки своих подданных уйти в «дикие поля и на запороги». С другой стороны, запорожцам запрещалось появляться на территории староств, т. е. на волости; в случае их появления тут шляхта и урядники должны были немедленно выступить «противно ним, яко неприятелем коронным конно и оружно»².

Паны около трех месяцев держали Наливайко в заключении. Жесточайшими пытками старались они вырвать у него сведения о восстании, о связях повстанцев с Россией и др. Чтобы заставить Наливайко давать нужные им показания, палачи лишили его даже сна. Как только он засыпал, они начинали бить в барабаны. Своею твердостью и непоколебимостью Наливайко вызывал чувство ненависти и вместе с тем уважения у врагов. И. Бельский писал о нем: «Был он человеком красивой наружности и незаурядных способностей... к тому же знаменитый артиллерист»³. Гейденштейн замечает, что своей отвагой Наливайко завоевал любовь и славу среди народа.

Истерзанный пытками Наливайко был казнен. По словам И. Бельского, ему сначала отрубили голову, а затем четвертовали. Части тела казненного повесили на площади для устрашения народа⁴. По словам другого польского современника, Янчинского, Наливайко был посажен на раскаленного металлического коня; на голову ему надели раскаленный железный обруч. Согласно народной легенде, Наливайко был сожжен панями на медленном огне в нарочно изготовленном для этого медном быке.

Этой страшной казнью угнетатели стремились запугать народные массы Украины, подавить их волю к борьбе за свободу. Но они достигли противоположного: образ Наливайко и других замученных героев стал символом борьбы украинского народа против феодально-крепостнического и чужеземного гнета.

¹ Volumina legum, т. II, стр. 364.

² Архив ЮЗР, ч. III, т. I, док. № 38, стр. 131—132.

³ Kronika Marcina Bielskiego, т. III, стр. 1765.

⁴ Там же.

Преданность Наливайко своему народу, его непреклонность и бесстрашие были воспеты передовыми русскими и украинскими писателями. Противопоставляя Наливайко Лободе, К. Рылеев в поэме «Наливайко» вкладывает в уста своего любимого героя следующие слова:

«Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителсй народа —
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной, —
Я это чувствую, я знаю...
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!»

Восстание 1594—1596 гг. потерпело поражение. Как и другие крестьянские восстания эпохи феодализма, оно отличалось стихийностью, слабой организованностью. Вместе с тем это было первое крестьянско-казацкое восстание, охватившее почти всю Украину. Никогда раньше массовое показаченье украинского крестьянства и мещанства, выражавшее стремление освободиться от крепостнического и национального угнетения, не достигало таких грандиозных размеров, как на этот раз.

ГЛАВА VI

ЗАПОРОЖСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ПЕРИОД ИНТЕРВЕНЦИИ ПОЛЬСКИХ И ЛИТОВСКИХ ПАНОВ В РОССИИ

Борьба украинского народа против феодально-крепостнического и чужеземного гнета продолжалась и после подавления восстания 1594—1596 гг. Однако положение, создавшееся теперь на Украине, затрудняло возможность открытых выступлений угнетенных масс. Коронное войско, стоявшее в Восточной Украине, было значительно увеличено. Увеличили численность своих надворных команд также магнаты и шляхта. Польские урядники прилагали все усилия к тому, чтобы «упорядочить» казацкий реестр, пополняя его за счет более зажиточных, т. е. более надежных, на их взгляд, элементов. Мероприятия панов встречали поддержку со стороны реестровой старшины, искавшей соглашения с ними и добивавшейся возврата тех привилегий, которыми она пользовалась до восстания.

События последних лет убедили панов, что одним голым насилием им не удержать в покорности украинский народ. Большую опасность для своего господства на Украине они усматривали, в частности, в том, что в борьбе за освобождение народные массы Украины неизменно искали помощи и поддержки у русского народа, с которым украинский народ был связан единством происхождения и религии, общностью традиций, родством культуры, близостью языка и обычаев. Поэтому польские паны старались найти средства для духовного, идеологического порабощения народных масс Украины и разобщения их с русским народом. Наиболее подходящей для этого силой они считали католицизм. В целях распространения католицизма на Украине и Белоруссии польские паны и Ватикан — мировой центр католической реакции — прилагали все усилия. Известная часть украинских и белорусских панов сравнительно давно приняла католичество. Однако народные массы, видевшие в католической церкви орудие усиления феодально-крепостнического гнета и чужеземного порабощения, оказывали политике окатоличения

упорное сопротивление. В таких условиях угнетатели считали необходимым замаскировать свое наступление на украинский и белорусский народы. На помощь им пришли «князья церкви» — верхи православного духовенства — епископы Г. Балабан (львовский), К. Терлецкий (луцкий), И. Потей (владимирский), киевский митрополит Михаил Рагоза и др. Эти православные церковные магнаты стремились распространить на себя те привилегии, которыми пользовалось католическое духовенство в Речи Посполитой. В союзе с иезуитами они выработали проект церковной унии, т. е. такую форму подчинения православной церкви Ватикану, которая оставляла одну видимость сохранения за православием самостоятельности. Униатская церковь удерживала церковно-славянский язык и обряды, т. е. то, что народные массы, далекие от богословских «премудростей», считали главным отличием православия от католичества. На самом же деле уния лишала православие всякой самостоятельности: в качестве главного условия требовалось признание всех основных догматов католической религии и главенства римского папы.

Для проведения унии осенью 1596 г. в г. Бресте был созван православный церковный собор. На соборе развернулась острая борьба между его большинством, отстаивавшим православие, и кучкой отступников — сторонников унии. Собор раскололся на две части; каждая из них организовала собственный собор. Невзирая на это, польское правительство поспешило признать униатов и поставило православную церковь в полулегальное положение. Украинский и белорусский народы решительно отвергли унию. Тогда паны и католические церковники стали навязывать ее насильственными мерами: они закрывали православные храмы, отнимали церковное имущество, изгоняли духовенство и т. д. Борьба народных масс Украины и Белоруссии за православие, против унии, была формой национальной борьбы, выражением протеста против чужеземного порабощения¹.

В условиях растущего социального и национального гнета крестьяне и мещане все чаще и чаще уходили на Запорожье. Правда, достигнуть Сечи было делом нелегким: вблизи порогов, у острова Хортицы, несла стражу залога реестровых казаков. Однако среди реестровцев тоже было много недовольных, сочувствовавших беглецам и часто уходивших вместе с ними к запорожцам. Поэтому польские власти с тревогой смотрели на скопление недовольных в низовьях Днепра.

Летом 1598 г. запорожские казаки, выбравшие себе атаманом одного из предводителей восстания 1594—1596 гг. — Полоуса², доявились у Хортицы. Стоявшие там реестровцы потребовали

¹ Брестская уния была официально расторгнута через 350 лет, в 1946 г., на церковном соборе во Львове.

² Отряд Полоуса действовал в 1596 г. в верховьях Днепра. (Listy St. Żółkiewskiego, док. 60, стр. 89).

от своего старшего Тихона Байбузы присоединиться к запорожцам. Байбуза колебался, но затем, видя, что ему не удержать казаков, вынужден был согласиться с их требованиями¹.

Запорожцы вместе с реестровцами, предводительствуемые Полоусом, выступили на волость. Громя на своем пути шляхетские имения, они дошли до Днестра и вернулись оттуда на Запорожье. Отдельные небольшие отряды запорожцев достигли Полесья². Появление запорожцев на волостях не привело на этот раз к восстанию: сказалась усталость народа, пролившего столько крови во время событий 1591—1593 и 1594—1596 гг. Наступил некоторый спад народного движения.

После возвращения казаков на Запорожье противоречия, существовавшие между ними и реестровой старшиной, обострились еще больше. Стремясь искупить свою «вину» за участие в походе Полоуса и добиться благосклонности от панов и правительства, реестровая старшина во главе с Байбузой решила напасть на Сечь. С отрядом из реестровцев и шляхтичей Байбуза неожиданно появился в районе Сечи и предательски напал на запорожцев. Запорожские казаки понесли большие потери. Многие были убиты. В числе других погиб и соратник Полоуса запорожец Метла. О своем набеге на Сечь Байбуза тотчас же (в начале осени 1598 г.) донес черкасскому подстаросте кн. К. Ружинскому. Одновременно он просил, чтобы король поскорее назначил реестровцам гетмана от своего имени и чтобы все пушки, которые находятся в залоге реестровцев на Запорожье, были немедленно у них отобраны. Необходимость последнего Байбуза объяснял тем, что пушки легко могут быть захвачены запорожцами³.

Свои враждебные действия против Сечи реестровая старшина продолжала и позднее. В низовьях Днепра, к Бургуну, был отправлен конный отряд реестровцев (120 чел.) под начальством есаула Скалозуба. Но запорожцы на этот раз своевременно заметили врагов и почти полностью истребили их. В отряде Скалозуба, как жаловался властям Байбуза, «было несколько десятков действительно знатных и родовитых шляхтичей»⁴.

Запорожцы, стремясь ослабить неприятеля, в свою очередь нападали на реестровцев, отбивали провиант, который посылался последним из Черкасс, и т. д.⁵ 15 сентября 1598 г. Байбуза, донося коронному гетману Жолкевскому о тревожной обстановке на Запорожье, подчеркивал, что виной всему этому являются запорожцы. По его словам, все они — бунтовщики, «давно заслужившие такую же участь, как Наливайко и другие,

¹ Тихон Байбуза принадлежал к богатому казачеству. Он владел землями в верховьях р. Псла (*Wł. Tomkiewicz, J. Wiśniowiecki*, стр. 58).

² *Archiwum Radziwiłłów*, стр. 138.

³ *Listy St. Żółkiewskiego*, док. 59, стр. 86.

⁴ Там же, док. 60, стр. 88—89.

⁵ Там же.

ибо были помощниками тех»¹. Польские власти предпочитали до поры до времени не вмешиваться в борьбу, происходившую на Низу, надеясь, что она приведет к взаимному ослаблению запорожцев и реестровцев. Князь К. Ружинский писал в ноябре 1598 г. Я. Потоцкому в этой связи: «так лучше, когда они сами себя поедают»².

Если по отношению к запорожским казакам польское правительство придерживалось последовательной политики в том смысле, что неотступно стремилось к их уничтожению, то в отношении реестрового казацкого войска его политика отличалась двойственностью. В конце XVI в. и позже паны стремились удержать реестр в установленных сеймом размерах (1 тыс. чел.). В этом смысле правительство издало ряд универсалов и распоряжений, но часто нарушало свои собственные инструкции. Не имея средств для найма регулярного войска, правительство не раз вынуждено было соглашаться и даже настаивать на увеличении числа реестровых казаков иногда до нескольких тысяч человек. В таких случаях правительство и паны не скупались на обещания, заверяя, что все поступающие в войско будут всегда считаться реестровцами. Они смотрели сквозь пальцы даже на то, что в реестр вступают подданные частновладельческих имений и лица, преследуемые судом, и т. д. Так было, например, в 1600 г., когда встревоженное попытками мулянского воеводы Михаила свергнуть с молдавского престола польского ставленника Иеремию Могилу польское правительство направило в Молдавию коронное войско во главе с Жолкевским. Вместе с Жолкевским в Молдавию отправились магнаты И. Сеняский, Кр. Збаражский, К. Вишневецкий, К. Ходкевич, М. Струсь, Даниловичи, Потоцкий и др. со своими надворными частями (всего около 4 тыс. чел.)³. Но так как войска было все же недостаточно, то король, Я. Замоиский и Ст. Жолкевский поручили старшему реестра Самуилу Кишке, кроме реестровцев, набрать еще, скольковозможно, «охочих» казаков и двинуться с ними в Молдавию. Воспользовавшись этим, реестровая старшина предъявила правительству ряд требований в интересах, по преимуществу, верхов казачества: отменить ограничения, установленные для реестровцев после восстания 1594—1596 гг., обеспечить им право владения землями и имуществом, которыми они пользовались до восстания, изъять реестр из-под юрисдикции королевских урядников, выдать войску задержанное жалование и т. д. Правительство обещало удовлетворить эти требования.

Особую заинтересованность в увеличении реестра проявило польское правительство в период подготовки интервенции против Русского государства (начало XVII в.), главными инициаторами которой были польские и литовские магнаты.

¹ Listy St. Żółkiewskiego, док. 60, стр. 89.

² Там же, док. 59, стр. 87.

³ Kronika Pawła Piaseckiego, стр. 161.

К началу XVII в. Россия достигла значительных успехов на пути своего превращения в сильное централизованное государство. Однако русское боярство, цеплявшееся за остатки старины, не складывало оружия. Оно продолжало борьбу с усиливающейся царской властью. Бояре были, однако, не единственными противниками централизации Русского государства. За усилением России со злобой и страхом наблюдали ее соседи, в частности польские и литовские магнаты. Чтобы помешать этому, они решили воспользоваться борьбой между русским боярством, с одной стороны, и дворянством, поддерживавшим усиливающуюся царскую власть, — с другой, и вторгнуться в Россию. Крупные польские и литовские феодалы, в особенности магнаты Восточной Украины и Литвы, рассчитывали при этом захватить русские земли, лишить Россию политической независимости и поработить русский народ.

С замыслами панов против России теснейшим образом связывал свои интересы Ватикан, давно мечтавший окатоличить русский народ и захватить в России огромные земельные владения. Папские нунции в Польше не жалели сил, пытаясь сплотить силы господствующего класса Речи Посполитой для борьбы, как они говорили, со «схизматической Москвой». Особую активность в этом направлении развил в 1598 г. нунций Малашпин. Стремясь натравить Польшу на Россию, он клеветнически называл последнюю не иначе, как «естественным врагом имени польского».

Подчинением Русского государства магнаты преследовали еще и другие цели. На Россию с надеждой взирали не только украинский и белорусский народы, но также славянские народы Балкан (сербы, болгары и т. д.) и, наконец, передовые слои самой Польши. В России — единственном централизованном славянском государстве — они видели свою естественную опору в борьбе против чужеземного господства и засилья крупных феодалов. В Польше стремление к сближению и объединению с Россией стало особенно заметным во второй половине XVI в. Еще в 1575 г., во время выборов короля в Польше, нунций Викентий Лаурео в своем донесении Ватикану с чувством разочарования писал: «Московский царя желает вся низшая шляхта как польская, так и литовская, которая, стремясь высвободиться из зависимости от панов (чит. магнатов. — В. Г.) всеми средствами старается об избрании его»¹. Магнаты, напротив, как огня боялись избрания русского царя на польский трон. Понятно поэтому, что порабощение России должно было, как они думали, ликвидировать все эти надежды передовых слоев польского народа и укрепить позиции магнатов и Ватикана в самой Польше.

¹ Журнал Министерства Народного Просвещения, август 1882 г., ч. ССХХII, стр. 214.

В 1604 г. магнаты приступили к осуществлению своих преступных замыслов в отношении России, использовав для этого авантюриста, выдававшего себя за сына царя Ивана Грозного — Дмитрия (умер в г. Угличе в 1591 г.). Этого Лжедмитрия (I) они стремились возвести на русский престол. В помощь ему магнаты (Вишневецкие и др.) набрали большое войско, по преимуществу из мелкой шляхты, жаждавшей земель и добычи, и жолнеров, и осенью 1604 г. вторглись в пределы Русского государства¹.

В России войско Лжедмитрия I потерпело ряд поражений. Тем не менее, воспользовавшись недовольством народных масс крепостнической политикой правительства Бориса Годунова, а также борьбой боярства против Годунова, самозванец при поддержке польских интервентов захватил русский престол (июнь 1605 г.). Царствование самозванца было, однако, весьма непродолжительным. Народные массы скоро распознали действительное лицо этого ставленника польских магнатов и Ватикана. 17 мая 1606 г. в Москве вспыхнуло народное восстание, во время которого Лжедмитрий и многие из шляхтичей, составлявших его окружение, были убиты. Боярство, захватившее в ходе восстания власть в свои руки, провозгласило царем своего ставленника князя Василия Шуйского.

Правление Шуйского, являвшееся диктатурой боярства, вызвало резкий протест со стороны крестьянства, городских низов и казачества, недовольных усилением феодального гнета. Недовольна боярским правительством была и значительная часть русского дворянства. Осенью 1606 г. вспыхнуло крестьянское восстание, одно из крупнейших в истории России. Оно началось в Северной Украине (Чернигово-Северский край), распространилось до Рязани и вскоре охватило почти всю центральную часть государства. Крестьяне жгли боярские и помещичьи усадьбы и истребляли феодалов. Городские низы расправлялись с богачами и представителями царских властей — воеводами, дьяками и т. д. Изгоняя угнетателей, крестьяне и горожане объявляли себя вольными — казаками и вводили казацкие порядки. Отмечая огромные размеры показаченья населения во время восстания, современник писал: *«во всех горюдах паки казаков из холопей и крестьян намножилось и в каждом городе поделали своих атаманов»*².

Крестьянское восстание 1606—1607 гг. возглавил Иван Болотников³.

¹ Kronika Pawła Piaseckiego, стр. 181.

² И. Смирнов, Восстание Болотникова (1606—1607), М., 1951, стр. 124. Курсив наш. — В. Г.

³ И. Болотников был подданным князя Телятевского, владевшего землями на Черниговщине. От него Болотников бежал к казакам. Исследователи считают, что он ушел на Дон. Основанием для этого служит анонимная записка одного современника — англичанина, называющего Болотникова «старым разбойником с Волги», а также сообщение голландского купца Исаака Массы (жившего в то время в России и живо интересовавшегося политическими событиями). Болотников, по словам И. Массы, попал в плен к

Призывы Болотникова к свержению феодально-крепостнического гнета нашли горячий отклик у русских и украинских крестьян и горожан. В восстании приняли участие также запорожские казаки. По словам современника, в 1607 г. в войско Болотникова, вместе с казаками Илейки Муромца, «придоша из порогов черкасы»¹. К сожалению, более подробных данных об участии запорожских казаков в войске Болотникова не сохранилось.

Восстание Болотникова, несмотря на свое поражение, имело большое значение не только для России, но и для Украины. Оно оживило надежду украинского народа на освобождение от социального и национального гнета. После восстания 1606 г. на Украине наблюдался новый подъем освободительного движения. Важная роль в борьбе народных масс попрежнему принадлежала Запорожью. Уже на сейме 1605 г. кн. Януш Острожский заявил о том, что запорожцы рассылают универсалы по Украине, призывая население к восстанию и сбору денег для закупки оружия. Острожский настаивал, чтобы сейм обязал всех украинских старост объединиться и выступить против запорожских казаков: «надо их сразу подавить, — говорил он, — так как они быстро берут верх»².

В 1607 г. показаченье населения на Украине снова принимает огромные размеры. Жители сел и городов отказываются признать над собой власть панов и старост и отбывать повинности в их пользу, выбирают атаманов, вводят свой суд и т. д. В этом году король уведомил сейм о «своеволии брацлавских и корсунских мещан», которые «ни к комиссии, ни к декретам нашим королевским не питают никакого уважения». В Корсуне, например, по словам старосты Я. Даниловича, имели место «бунты розмантые, ростеркни и рознення», вылившиеся в конце концов в довольно значительную «реbellion» (восстание). Когда староста попытался разыскать среди корсунцев беглых крестьян, чтобы вернуть их панам, население взялось за оружие. Корсунцы заявили, что они будут защищаться до последнего, но беглых не выдадут. У тех мещан, которые не хотели признать себя казаками и принять участие в восстании, корсунцы отнимали имущество и изгоняли их из города³.

Ввиду того, что антифеодальный протест — показаченье — охватил к 1607 г. значительную часть Восточной Украины, сейм

татарам в «Диком поле» (in dem wilden Felde). Следует отметить, однако, что «Диким полем» назывались в XVI—XVII вв. также запорожские степи. Поэтому можно с таким же основанием полагать, что Болотников был пленен татарами в запорожских степях. В пользу этого предположения говорит то, что Запорожье было куда ближе к родине Болотникова, Чернигово-Северскому краю, чем далекий Дон. Летом 1606 г. Болотников вернулся из плена на родину.

¹ Летопись о многих мятежах, М., 1787, стр. 116.

² Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 82, стр. 110.

³ Voïshina legum, т. II, стр. 443.

утвердил новые репрессии. Было принято специальное постановление «О свезолии украин». Оно предписывало всем старостам покончить с неповиновением подданных, применив вооруженную силу. Гетманы коронного войска должны были помогать в этом старостам. Кроме того, сейм принял постановление, направленное непосредственно против запорожцев. Оно подтверждало все прежние законы (1580, 1590 и 1601 гг.) и распоряжения, направленные против них ¹.

Однако у панов не было ни времени, ни средств, чтобы осуществить эти постановления. В 1606 г. в Польше обострились противоречия между магнатами и королевской властью, результатом чего был рокош (вооруженное выступление магнатов и зависимой от них шляхты против короля). Занятые рокошем, магнаты не могли возобновить интервенцию в России немедленно после разгрома авантюры Лжедмитрия I. Рокош не прекращался вплоть до 1608 г. Но уже летом 1607 г., когда рокошане стали явно терпеть поражение, магнаты вновь организовали поход против России. Место Лжедмитрия I занял на этот раз новый «претендент» — Лжедмитрий II. В сентябре 1607 г. Лжедмитрий II появился в пограничном русском городе Стародубе. Намереваясь бросить на Россию войско более многочисленное, чем в 1604—1605 гг., магнаты спешно собирали зависимую от них шляхту, вербовали жолнеров. Они старались привлечь к походу и реестровых казаков. В самом начале 1608 г. к Лжедмитрию II прибыли с войсками кн. А. Вишневецкий, С. Тышкевич, кн. Ружинский, а затем кн. А. Зборовский, А. Сапега и др. Начальство над всем войском получил кн. Ружинский.

Летом 1608 г. интервенты подступили к Москве, пытаясь взять ее штурмом. Отброшенные от города, они заложили под Москвой так называемый Тушинский лагерь. Осенью 1609 г. на территорию России вторглись новые польско-литовские войска во главе с королем Сигизмундом III. Почти одновременно с этим, пользуясь тяжелым положением России, на нее напали шведские феодалы, занявшие Новгород и т. д. Королевское войско, приступившее к осаде Смоленска, встретило мужественный отпор со стороны гарнизона и населения. Героические защитники Смоленска сковали силы Сигизмунда III и лишили его возможности двинуться на помощь тем войскам, которые находились под Москвой. В это время в Тушинском лагере, среди перебежавших туда русских бояр, недовольных правлением Шуйского, возник предательский план заключения мира с польскими панами. В феврале 1610 г. группа бояр-тушинцев, явившись в польский лагерь под Смоленском, заключила с королем договор, по которому сын Сигизмунда III Владислав должен был быть избран на русский трон и управлять государством совместно с боярами. Договор предусматривал также ряд других

¹ Volumina legum, т. II, стр. 443, 447.

условий, обеспечивавших политическое влияние Речи Посполитой на Россию.

Вслед за тем часть коронного войска с гетманом С. Жолкевским двинулась из-под Смоленска на Москву. Высланная навстречу ей русская рать под начальством Дмитрия Шуйского, брата царя, потерпела поражение (у дер. Клушино 24 июня 1610 г.). Правительство В. Шуйского, недавно задушившее восстание крестьянства под руководством Болотникова, показало себя неспособным примирить боярство с дворянством, сплотить господствующий класс, и поэтому оказалось лишенным поддержки. 27 июля 1610 г. царь Шуйский был низложен заговорщиками. Было образовано новое правительство, влияние в котором попрежнему осталось за боярством (Семибоярщина). Это правительство вступило в переговоры с подступившим к Москве Жолкевским и предательски открыло городские ворота польскому войску. Интервенты заняли столицу России.

Захват Москвы всколыхнул всю страну. На борьбу за освобождение страны от интервентов стали подниматься широкие народные массы. Народное ополчение под руководством Минина и Пожарского в октябре 1612 г. изгнало из Москвы интервентов. Своей героической борьбой против польско-литовских и шведских захватчиков, стоившей ему громадных жертв, русский народ отстаивал свою Родину, ее национальную независимость.

В годы интервенции польских панов против Русского государства снова усилилась освободительная борьба украинского народа. Насколько значителен был подъем этой борьбы, видно из того, что сейм, созданный в январе 1609 г., вынужден был принять новое постановление «О запорожских казаках». Согласно этому постановлению сейм назначил комиссаров, которые должны были при помощи коронного войска и реестровцев разгромить запорожцев и подавить волнения на Украине. Однако и на этот раз, как и прежде, у правительства не оказалось средств для решительной борьбы с казаками. В письме от 6 сентября 1609 г. из Острога кн. Януш Острожский писал Сигизмунду III, находившемуся на пути в Россию, что шляхта пришла в отчаяние: она непрерывно подвергается нападениям со стороны своих подданных. Острожский добавлял, что рад был бы «подавить казацкое своеволие, разлившееся по Украине», но силами, которые находятся в его распоряжении, ни он и никто другой этого сделать не сможет ¹.

Волнения на Украине не прекращались во все время интервенции. Сейм 1611 г. снова отметил, что шляхта терпит «несносные шкоды и кривды от своих подданных» и что «украинное своеволие все больше возрастает» ².

Восстания крестьян, мещан и казаков на Украине в годы интервенции польских и литовских панов в России содейство-

¹ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 92, стр. 121.

² *Voluntina legum*, т. III, стр. 16.

вали успеху борьбы русского народа с захватчиками. Победа русского народа над интервентами в свою очередь послужила мощным толчком к дальнейшему развитию освободительного движения на Украине. Именно с этого времени восстания народных масс Украины против иноземного ига и местных угнетателей приобретают все большую силу и размах. Об этом, в частности, свидетельствуют уже события 1613 — начала 1614 г.

Зимой 1613—1614 г. запорожские казаки, выйдя на волости, достигли Брацлавщины и, поддерживаемые населением, стали громить имения феодалов¹. Учитывая массовый характер показанья сельского и городского населения Восточной Украины, сейм 1613 г. принял ряд решений, направленных против казаков. Сеймовое постановление гласило: «Так как эти люди (казаки.— В. Г.) не признают нашей власти и самовольно вышли из-под юрисдикции своих панов, выбрав себе своих старших и судей, и не хотят подчиняться никаким судам, кроме своих атаманских, мы уничтожаем их юрисдикцию как противную общему праву и обязываем подчиняться властям по месту жительства»². Предвидя, что постановление не возымеет должного действия, сейм решил послать в Восточную Украину части коронного войска, расположив их там (преимущественно в Поднепровье) в виде гарнизонов. Начальствование над этими войсками и выполнение сеймового постановления было поручено восточнoукраинским магнатам — киевскому воеводе Ст. Жолкевскому (занял должность киевского воеводы после смерти кн. К. Острожского в 1608 г.), кн. Я. Острожскому, В. Калиновскому и др.

10 октября 1614 г. эти магнаты, пригласив к себе реестровую старшину, прибыли с войском под Житомир. Хотя явившиеся старшины, по словам самого Жолкевского, «от товарищества своего никаких полномочий не имели», они, тем не менее, были признаны официальными представителями казачества. Магнаты предъявили старшине ультиматум, требуя, чтобы, во-первых, реестровцы постоянно находились на Запорожье в виде залогн и не показывались на волости, во-вторых, чтобы семьи реестровых казаков признавали над собой власть панов, в-третьих, чтобы реестровцы вместе с коронными войсками препятствовали сбору казацких «скопищ» и т. д. Срок выполнения этих требований определялся в пять недель³. С целью поощрения реестровцев магнаты обещали увеличить жалованье войску до 10 тыс. золотых и выдать 700 поставов сукна. После отъезда старшин магнаты двинулись с войском к Днепру и поставили гарнизоны, как говорил Жолкевский, «от Киева до самых Черкасс»⁴.

При помощи этих и других мер польским властям удалось на время вернуть часть крестьянства под власть панов. Такое

¹ Pisma Żółkiewskiego, стр. 509—510.

² Volumina legum, т. I, стр. 122.

³ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 107, стр. 144—145.

⁴ Там же, док. 108, стр. 146, док. 121, стр. 174.

положение, однако, сохранялось очень недолго. К концу 1615 г. немало жолнеров было выведено с Украины, надо полагать, в связи с походом магнатов — кн. Михаила Вишневецкого и кн. Самуила Корецкого — в Валахию. Магнаты стремились вернуть валахский трон своему ставленнику — воеводе Константину, прогнанному соперничавшим с ним Тимшей. Последнего поддерживала Турция. Кроме своих надворных частей и зависимой шляхты, магнаты, можно думать, увлекли за собой с Украины и жолнеров, роптавших на правительство из-за невыплаты жалованья. Поход в Валахию кончился неудачей. Вишневецкий умер, а Корецкий попал в плен и был отправлен в Константинополь. Вскоре после этого в Варшаву явился турецкий посол, угрожавший Польше войной, если она не перестанет вмешиваться в дела придунайских княжеств.

В это время, в конце 1615 — начале 1616 г., освободительное движение на Украине снова усиливается. Показаченье населения охватывает одно староство за другим и распространяется на значительную часть Восточной Украины. В королевской инструкции сеймикам от 20 января 1616 г. с тревогой говорилось о том, что «над Речью Посполитой снова нависла большая опасность от казачьего своеволия и что не помогли никакие меры, принятые против казаков, — ни сеймовые постановления, ни посылка войск. Число показавшихся инструкция определяла в 40 тыс. человек. Король предлагал сеймикам обсудить способы подавления движения¹. На сейме в сентябре 1616 г. было объявлено, что казаки не признают «ни магистратов в городах, ни старост, ни гетманов; они сами устанавливают себе право, сами выбирают урядников и предводителей и как бы создают в большой Речи Посполитой другую республику»². На сейме говорили также: «Одного еще не провозгласили пока казаки — цезаревского «Divide et impera!»³ «Но вскоре дело дойдет и до этого, если не найдем способов во-время остановить их»⁴. В качестве таковых предлагалось применять смертную казнь с конфискацией имущества по отношению ко всем, кто самовольно объявил себя казаком. Для приведения в действие этого закона предполагалось ввести при старостах специальные должности инстигаторов⁵. Последние должны были вести розыск и наказывать казаков по всей строгости закона⁶.

¹ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 117, стр. 166.

² Там же, док. 121, стр. 174.

³ Имеется в виду известное изречение Юлиа Цезаря «Разделяй и властвуй!».

⁴ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 121, стр. 174.

⁵ На инстигаторах в Речи Посполитой лежала обязанность наблюдать за исполнением законов и наказывать нарушителей «общественного порядка». Кроме двух главных инстигаторов — коронного и литовского, были еще инстигаторы при местных судах, называвшиеся иногда прокураторами.

⁶ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 122, стр. 176.

На сейме стоял и другой важный вопрос. В июле этого года русское правительство отправило войско под Смоленск, захваченный польско-литовскими панами во время интервенции. Магнаты и слушать не хотели о возвращении Смоленска России и решили воспользоваться этим поводом для возобновления войны. Сейм постановил набрать большое войско и отправить его на Москву под начальством королевича Владислава. Однако организация похода на Россию осложнялась тем обстоятельством, что часть коронного войска была отправлена на подавление народного движения в Восточной Украине.

К весне 1617 г. польско-шляхетское войско уже было собрано. В то время как основная часть его с королевичем Владиславом выступила против России (апрель 1617 г.), другая — во главе с Жолкевским направилась в Брацлавщину. По дороге Жолкевский вынужден был изменить свой маршрут. Получив известие, что к границам Подолии приближается Искандер-паша с турецким войском, Жолкевский двинулся к Днестру. Жолкевский избегал, однако, столкновения с турками, сохраняя свои силы для разгрома народного движения на Украине. В результате длительных переговоров с Искандер-пашой Жолкевскому удалось 23 сентября под Яругой заключить с ним договор. Сразу же после этого Жолкевский отправился в Поднепровье, к Белой Церкви. По дороге к нему присоединились надворные части князей Януша Острожского, Юрия Збаражского и воеводы Даниловича¹. Шляхта Киевского воеводства собиралась под Паволочью и Трилесами (под Киевом). Жолкевский спешил разгромить повстанцев до наступления зимы. «Буду стараться задушить своеволие, сколько станет сил, — писал он королю, — ибо... оно страшно Речи Посполитой»².

Паны не надеялись справиться с народным движением при помощи одного войска. Нужно было, как говорил Жолкевский, «полагаться более на разум, чем на силу»³. Зная, что восставшие сосредоточиваются преимущественно в районе Канева и Черкасс и что к ним примкнула значительная часть реестровцев, Жолкевский вступил в сношения с реестровой старшиной. Группу самостоятельного («статечного») казачества, по словам Жолкевского, возглавлял гетман реестра Петр Конашевич Сагайдачный⁴. Противоречия между богатой казацкой верхушкой и основной массой казачества и стремился использовать Жолкевский. «Я, — похвалялся он королю, — уже посеял между ними семена раздора: старшие в несогласии с чернью, так как они с радостью завели бы другие порядки»⁵.

¹ А. Prohaska, Hetman St. Żółkiewski, Warszawa, 1927, стр. 165; Pisma Żółkiewskiego, стр. 301—311.

² Pisma Żółkiewskiego, стр. 285.

³ Там же.

⁴ П. Сагайдачный был выходцем из мелкой украинской шляхты Самборского повета.

⁵ Pisma Żółkiewskiego, стр. 285.

Дойдя с войском до Белой Церкви, Жолкевский повернул затем вниз и пошел вдоль р. Роси. Казаки двинулись навстречу ему. Но единства среди них не было. «Чернь», как писал Жолкевский, стремилась вступить в бой с панским войском. Старшины же, напротив, сдерживали ее, заявляя, «что они не хотят воевать с коронным гетманом»¹. Верх взяло богатое казачество. Сагайдачный, отстраненный перед тем повстанцами от руководства, был вновь избран гетманом. Он немедленно вступил в переговоры с Жолкевским. 28 октября 1617 г. в урочище Сухая Ольшанка, под Белой Церковью, Сагайдачный и реестровая старшина приняли все предъявленные им Жолкевским условия и подписали соответствующую декларацию. Старшины обязывались разогнать тех повстанцев, которые, не принадлежа к реестру, объявили себя казаками. Они должны были вернуться под власть своих панов и под страхом строжайших наказаний больше не называть себя казаками. Реестровцы попрежнему обязаны были нести службу на Запорожье и следить за тем, чтобы к запорожским казакам не провозились припасы по суше или Днепру. Все «своевольники», не подчинявшиеся этим условиям, подлежали смертной казни. Старшина выговорил себе право обращаться, в случае необходимости, к сейму с просьбой об увеличении реестра и т. д.² Договор, заключенный реестровой старшиной, предавал интересы повстанцев и помогал панам в их борьбе против народных масс Украины.

Между тем войско, отправленное с королевичем Владиславом в Россию, терпело неудачи и нуждалось в поддержке. Правительство, не имевшее средств для набора новых частей, решило обратиться за помощью к реестровой старшине. Оно предложило ей спешно собрать нужное число казаков. К лету 1618 г. Сагайдачному, пустившему в ход разные обещания, действительно удалось набрать несколько тысяч казаков, во главе которых он вступил на территорию России. Через Путивль, Елец, Ливны реестровцы направились к Москве, на помощь Владиславу. Королевич богато одарил Сагайдачного и реестровую старшину. Но попытки Владислава взять Москву кончились неудачей. Тем не менее и положение России, истощенной многолетней войной, было тяжелым. 1 декабря 1618 г. в деревне Деулино, под Москвой, между Россией и Польшей было заключено перемирие на 14 лет. Польша удерживала за собой Смоленскую землю и Чернигово-Северский край.

Как только перемирие с Россией было заключено, паны с удвоенной энергией принялись за подавление народного движения на Украине, которое снова оживилось после ухода в Россию войска Сагайдачного. Как и раньше, в движении активное участие принимали низшие слои реестрового казачества. Большую

¹ Pisma Żółkiewskiego, стр. 285, 288, 311.

² Архив ЮЗР, ч. III, т. I, док. 41, стр. 206—209. Pisma Żółkiewskiego, стр. 311—315.

4
3
помощь панам в их борьбе с повстанцами оказывала реестровая старшина. 12 июня 1619 г. в своей грамоте на имя Сагайдачного король выражал благодарность ему за то, что «он и теперь усмиряет и карает на волости войско Запорожское (имеются в виду реестровцы. — В. Г.), а особенно тех, кто называет себя (казаками. — В. Г.), не принадлежа к войску Запорожскому», а также за то, что он «вместе с другими старшинами, товарищами своими, оказывает всяческое содействие и услуги нам и Речи Посполитой». Король объявлял Сагайдачному, его семье и потомству свою «благосклонность, покровительство и опеку»¹.

К походу против казаков коронный гетман Ст. Жолкевский стал готовиться еще с лета 1619 г. Паны рассчитывали застигнуть повстанцев, собравшихся в районе Белой Церкви (до 10 тысяч человек), врасплох и поэтому распространяли ложные слухи, будто собираются в поход на турок. 3 сентября король издал декрет о назначении комиссаров. Последним поручалось провести репрессии против казаков, «чтобы те своевольные, которые уже не слушают и своих старших, были усмирены, приведены к порядку и послушанию». Комиссарами назначались крупнейшие землевладельцы Украины — Ст. Жолкевский, воевода русский Данилович, воевода киевский Т. Замойский, польный гетман Ст. Конецпольский и староста каменецкий и брацлавский В. Калиновский. В конце сентября Жолкевский уже выступил с коронным войском и ополчениями комиссаров к Паволуч. Но заставить казаков врасплох на этот раз не удалось. Последние уже двигались навстречу панам. Оба войска остановились на р. Узени, вблизи Белой Церкви.

Жолкевский и комиссары не решались вступить в бой с казаками. Казацкое войско насчитывало свыше 10 тысяч человек и имело артиллерию. У части казаков было огнестрельное оружие. Паны нашли, что наиболее благоразумным с их стороны будет вступить с казаками в переговоры, и отправили к ним своих представителей. Казаки потребовали, чтобы переговоры происходили открыто, на казацкой раде. Стороны не могли прийти к соглашению, и переговоры затянулись. Сославшись на то, что вести переговоры на раде «неудобно», паны предложили дальнейшее ведение их поручить старшине и добились этого. Сагайдачный и старшины отправились в польский лагерь. Переговоры возобновились на сей раз на новой основе. Важнейшим был вопрос о численности реестра. Старшина требовала увеличения реестра, так как в старом составе (1 тыс. чел.) реестр уже не мог справляться со «своеволием», бороться с показаченьем населения, а также нести службу на Запорожье. Увеличением реестра, заявляла старшина, «мы усилимся для отражения неприятеля и легко сможем сдержатъ своевольных»².

¹ Журнал «Киевская Старина», 1902 г., ноябрь, стр. 75.

² Pisma Żoikiewskiego, стр. 362.

После длительных и горячих споров паны согласились увеличить реестр до 3 тысяч казаков с жалованьем в 40 тысяч злотых в год, правда, с той оговоркой, что этот пункт войдет в силу только в том случае, если его утвердит сейм. Страстные дебаты развернулись по вопросу о местожительстве казаков, зачисленных в реестр. Было постановлено, что реестровцы имеют право проживать лишь в «королевщинах» (королевских владениях), а не в частновладельческих имениях, которые они обязывались покинуть не позже чем через 9 месяцев. Этим пунктом магнаты и шляхта добивались полного изгнания казаков из своих владений. Наконец, и что самое главное, все показавшиеся лишались всяких казацких прав и должны были вернуться под власть своих панов и державцев ¹.

Соглашаясь на эти условия, старшина, однако, понимала, что обнародовать их сейчас немислимо. Поэтому она предложила объявить находившимся в лагере казакам (примерно 10 тыс. чел.), что за всеми ими будут признаны казацкие права, и лишь после того, как они разойдутся по домам, приступить к составлению трехтысячного реестра. Только таким путем, по мнению старшины, можно было избежать вооруженного столкновения. 17 октября (нов. ст.) 1619 г. договор был подписан. Уезжая, Жолкевский оставил в помощь старшине несколько рот жолнеров ².

Договор явился по существу сделкой верхушки реестрового казачества с панами и вызвал глубокое недовольство народных масс Украины. Остановившаяся на компромиссной политике старшины, которая из-за своих выгод предавала интересы широких народных масс, летописец говорит: «Конашевич (Сагайдачный) всегда в миру с панами жил, за то казакам (реестровым) и хорошо было, только посольство очень терпело» ³.

Сагайдачный, однако, не ограничился «упорядочением» реестра. Зная, сколь тесные узы соединяют запорожских казаков с угнетенными слоями народа, он усилил борьбу против них. С несколькими отрядами реестровцев Сагайдачный напал на Запорожье и сжег часть казацких чаек ⁴. Добиться больших успехов ему не удалось. Тем не менее Сагайдачный не отказывался от своих планов уничтожения «своевольных» запорожских казаков. Он увеличил численность реестровцев, несших сторожевую службу у Хортицы, восстановил и расширил тут укрепления ⁵,

¹ Pisma Żółkiewskiego, стр. 334.

² Там же, стр. 364.

³ С. Соловьев, Малороссийское казачество до Хмельницкого. — «Русский Вестник», т. 23, кн. 1, сентябрь, М., 1859 г., стр. 183.

⁴ Государственная Публичная библиотека УССР, Рукописный отдел, фонд IV, д. 202, стр. 395.

⁵ История о козаках Запорожских, Одесса, 1852 г., стр. 68. Мышецкий пишет: «Как поляки шли войною на Россию... и один запорожский воин, прозываемый Сагайдачный, на одном острове (Хортице) построил фортецию».

построенные в свое время Дм. Вишневецким, и возвел новые на о. Большая Хортица ¹.

Соглашательская политика Сагайдачного, его репрессивные меры в отношении показавшегося населения были причиной новых народных выступлений. В конце 1619 г., когда Сагайдачный отправился с большей частью реестровцев под Перекоп, на Украине вспыхнуло восстание. В нем приняли участие «выписчики» (исключенные из реестра казаки) и самовольно показавшиеся крестьяне и мещане. Повстанцы объявили Сагайдачного отрешенным от должности и избрали гетманом Яцка Неродича Бородавку, по выражению Жолкевского, «самого незнатного и наиболее мятежного среди них» ². Восставшие овладели сторожевой залогой реестровцев на Запорожье и объединились с запорожскими казаками. Обстоятельства этого восстания очень скупо отражены в документах. Ясно одно: на Украине появилось два казацких гетмана — признанный правительством, но не признаваемый повстанцами Сагайдачный и непризнаваемый властями, но избранный повстанцами Бородавка. Первый удерживал за собой Терехтемиров с округом, второй — южную часть Восточной Украины с Запорожьем.

Восстание на Украине началось в сложный для Речи Посполитой момент. В мае 1618 г. чешский народ, изнывавший под игом австрийских Габсбургов, поднял знамя национально-освободительной борьбы. Восстание в Чехии положило начало Тридцатилетней войне (1618—1648), в которую втянулись мало по-малу почти все европейские государства ³. Из Чехии были изгнаны иезуиты и высшее католическое духовенство, угнетавшие чешский народ совместно с Габсбургами. В следующем 1619 г. чешская армия нанесла австрийским императорским войскам ряд поражений и достигла предместий Вены. С восставшей Чехией вступил в союз семиградский (трансильванский) князь Бетлен Габор (1613—1629) ⁴. Охваченные паникой, австрийские Габсбурги

¹ Следы пребывания реестровцев и Сагайдачного на Хортице сохранились до наших дней в виде следов укреплений на о-ве Большая Хортица. До постройки Днепрогэса против о-ва Большая Хортица, на левом берегу Днепра, существовало урочище «Сагайдашне», которое спускалось к Днепру двумя высокими скалами — Дурной и Средней. На вершине Средней скалы находился камень, в котором было выдолблено углубление для сидения в полулежащем положении. Этот камень местное население называло по преданию «ліжком Сагайдака», т. е. ложем Сагайдачного (Государственная Публичная библиотека УССР, Рукописный отдел, Бумаги Д. Эварницкого, д. 22 040; «Киевская Старина», 1894 г., май, стр. 263, 266, 268, 270).

² Listy St. Żółkiewskiego, док. 111, стр. 146.

³ В ходе Тридцатилетней войны образовались две группировки — католическая и антикатолическая (протестантская). В состав первой входили Австрия, Испания, Ватикан. К ней примыкала Польша. Во вторую входили Франция, Нидерланды, немецкие протестантские князья, Швеция. К протестантской лиге примыкала Англия.

⁴ В 1613 г. при помощи турок Бетлен Габор изгнал из Трансильвании Габсбургов, а затем вытеснил и турок. Бетлен Габор, руководитель протестантов, боролся против чужеземного господства, за воссоединение Венгрии.

(император Фердинанд II) обратились за помощью к Польше. При активном содействии магнатов и папского нунция из Польши на помощь императору были отправлены шляхетские банды лисовчиков, ранее, во время интервенции, грабившие русские земли. Они вторглись в Чехию и вступили в борьбу с национально-освободительным движением. Вскоре на сторону Австрии открыто стали глава католической лиги баварский герцог Максимилиан, Ватикан и испанские Габсбурги.

Чехии и ее союзнице Трансильвании с самого начала восстания угрожала опасность не только со стороны панской Польши, но также ее ставленника — молдавского воеводы Грациани. Чтобы парализовать Грациани, Бетлен Габор обратился к Турции, которая не желала усиления влияния Польши в Молдавии и добивалась замены Грациани своим ставленником Радулом.

Летом 1620 г. большое (ок. 60 тыс. чел.) турецкое войско в составе янычар и конницы под начальством Искандер-паши вступило в Молдавию. На соединение с турками шла Белгородская орда (20 тыс. чел.) с Кантемиром мурзой. Получив известие об этом, гетман Жолкевский с коронным войском быстро направился на помощь Грациани. К нему присоединились ополчения магнатов Калиновского, Корецкого, Тышкевича и др. 2 сентября 1620 г. Жолкевский перешел молдавскую границу и двинулся в направлении Ясс. К этому времени войско Грациани уже разбежалось и сам он прибыл к Жолкевскому в сопровождении всего шестисот человек. Войско Жолкевского заняло позиции над р. Прут, у дер. Цецоры (под Яссами) ¹.

17 сентября турки и татары начали наступление на лагерь Жолкевского. Позиция, занятая поляками, была неудобной, и турецкие пушки причиняли им большие потери. 20 сентября турки и татары возобновили штурм с новой силой. В польском лагере началось смятение. Ал. Калиновский, Корецкий и Струсь, не обращая внимания на просьбы и приказания Жолкевского, бежали той же ночью из лагеря вместе со своими отрядами. При переправе через Прут они были замечены татарами. Часть бежавших была уничтожена на берегу, другая вместе с Калиновским утонула в реке ².

В следующие дни турки и татары изматывали польское войско непрерывными нападениями. Жолкевский решил покинуть позиции у Цецоры и отступить вдоль р. Прут к польской границе. По примеру казаков, Жолкевский прикрыл тыл и фланги своего войска возами, скованными цепями, и в ночь на 29 сентября выступил из лагеря ³. В отступавшей колонне польского войска впереди и с боков двигались коронные пехотные и конные части, сзади — артиллерия, а в центре — паны со своими

¹ Kronika Pawła Piaseckiego, стр. 280—281.

² Там же, стр. 283.

³ Там же, стр. 184.

ополчениями и командование во главе с Жолкевским. Такой порядок, впрочем, сохранялся недолго. Турки и татары преследовали отступавших по пятам и тревожили их частыми нападениями. 6 октября войско Жолкевского находилось уже на расстоянии одной мили от Могилева на Днестре. В то время (6 октября), когда одна часть его собирала фураж, другая без предупреждения двинулась вперед. Воспользовавшись этим, Искандер паша бросился на поляков и завершил разгром, начатый под Цецорой. Многие паны, в том числе коронный гетман Станислав Жолкевский, были убиты. Отрубленная голова Жолкевского, воткнутая на копье, была выставлена у шатра турецкого военачальника, а затем отправлена султану в Стамбул. В плен попали польский гетман Станислав Конецпольский, кн. С. Корецкий, Ян и Лука Жолкевские (сын и племянник гетмана), Струсь, Балабан и много других панов. Из польских воинов уцелели немногие¹. Речь Посполитая осталась без коронного войска. Татары вторглись в Подолию и «опустошали огнем и мечем все, что попадалось им на пути, и захватили в плен неисчислимое количество людей»². Татарские отряды появились даже в окрестностях Львова³.

Тяжелое положение, в котором оказалась Речь Посполитая после интервенции в России и разгрома турками ее войска под Цецорой, было в значительной мере обусловлено антинациональной политикой польских и литовских магнатов. Эта политика вызвала законное недовольство не только польского крестьянства и мещанства, но даже части шляхетства.

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 49.

² Kronika Pawła Piaseckiego, стр. 288.

³ Józef Treliak, Historia wojny Chocimskiej (1621), Kraków, 1921, стр. 39.

ГЛАВА VII

БОРЬБА ЗАПОРОЖСКОГО КАЗАЧЕСТВА С ТУРЕЦКИМИ И ТАТАРСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В XVI—XVII вв. ХОТИНСКАЯ ВОЙНА 1621 г.

Панская Польша, как мы видели, при первом же серьезном столкновении с турецкими силами потерпела жестокое поражение. Совсем других результатов достигли в своей борьбе с турецкими и татарскими агрессорами запорожские казаки. Выше мы уже видели, какие неисчислимые бедствия и страдания причиняли в XV и XVI вв. украинскому народу своими набегами турецкие и татарские феодалы.

Со времени подчинения Крымского ханства Оттоманской Порте турки стремились использовать Крым как форпост для завоевания Украины и других славянских земель. Не проходило года без того, чтобы татары или турки, или те и другие вместе, не вторгались на Украину, не жгли ее сел и местечек, не убивали и не уводили население в плен. Память о кровавых набегах турок и татар сохранилась во многих украинских думах. Вот волнующие строки одной из них:

«За річкою вогні горять,
Там татари полон ділять.
Село наше запалили,
І багатство розграбили,
Стару неньку зарубали,
А миленьку в полон взяли.
А в долині бубни гудуть,
Бо на заріз людей ведуть:
Коло шиї аркан в'ється,
І по ногах ланцюг б'ється»¹.

Под впечатлением непрерывной угрозы со стороны захватчиков в народе сложилась песня:

«Ой, жніть, женці, обжинайтеся,
І на чорну хмару оглядайтеся...
Ох, і жнуть женці, розжинаються,
На чорную хмару озираються:
«Ой, то ж не хмара, то ж орда йде!»

¹ Исторические песни малорусского народа, т. 1, К., 1874, стр. 75.

Польские и украинские паны ничего не делали для обороны края от набегов. В августе 1589 г. огромное татарское войско вторглось в Подолию и дошло до самого Львова. Еще из-под Тарнополя хан разослал отряды во все концы Подолии и Волыни. Татары захватили громадный полон — мужчин, женщин, детей. Воевода киевский кн. К. Острожский и брацлавский А. Калиновский, как передает Бельский, имели в сборе большие войска, но так как враждовали между собой¹, не желали объединиться и пойти на врага, чтобы освободить пленных. То, чего не хотели сделать паны, исполнили казаки, выйдя навстречу татарам под Баворов. «Когда они (татары. — В. Г.), — пишет Бельский, — повернули назад, низовые казаки стали их громить; они, как рассказывают, убили несколько тысяч (татар), среди которых и царевича... Казаки бились с татарами целую ночь, разгромили наголову и отобрали весь полон»². Подобных случаев было множество.

В 1616 г. татары явились в Подолию, «умывая, — как выражался современник, — по локоть руки в нашей крови и опустошая все огнем и мечем». После этого набега хан обратился с издевательским письмом к польскому королю, похваляясь, что его орда уничтожила на сей раз 200 сел и местечек и что каждый татарин захватил по семи и больше невольников, а о числе угнанного скота никто и не знает. «Воевать государства, — писал хан, — это наш удел, унаследованный нами от отцов, а вам где ввязаться за войну? Это не ваше дело»³.

Вся тяжесть обороны Украины от татарских и турецких насилильников ложилась на плечи населения и казаков. Отмечая заслуги украинских казаков не только в деле защиты Украины, но и Польши, шляхтич Б. Папроцкий писал: «Не имея от вас (польских панов. — В. Г.) никакой помощи, они (казаки) доставляют вам такое спокойствие, как откармливаемым волам, а вы, считая себя выше их, выпрашиваете себе в этих (украинских) областях имения». Прибегая к образному сравнению, Папроцкий говорит, что султанская Турция подобно зверю разинула на Польшу свою пасть, но казаки бесстрашно кладут в нее руку. Казаки бросаются в пропасть войны, пренебрегая всеми опасностями, «и когда совершат что-нибудь полезное, — заключает Папроцкий, — всем вам прибывает от того славы»⁴.

Казаки не ограничивались пассивной борьбой с захватчиками. Они совершали отважные сухопутные и морские походы на

¹ Один из них поддерживал короля Сигизмунда, другой австрийского герцога Максимилиана. В 1588 г. между обоими претендентами на польский трон произошла битва, победа в которой осталась за Сигизмундом. Но враждебная ему группировка не складывала оружия и еще в 1589 г. не распускала собранных войск.

² Kronika Marcina Bielskiego, т. III, стр. 1620—1621.

³ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 115, стр. 163.

⁴ См. И. Первольф, Славяне, их взаимные отношения и связи, т. II, Варшава, 1888, стр. 170.

Турцию и Крым. Во время этих походов казаки разрушали прибрежные укрепления турок, опустошали имения турецких и татарских феодалов, освобождали из плена невольников и помогали угнетенному населению Турецкой империи бороться со своими поработителями. Уже с ранней весны в Войсковой Скарбнице, вблизи Сечи, где, по словам Боплана, находилась судостроительная верфь запорожцев, во-всю кипела работа. Одни казаки рубили высокие вербы и липы, другие строгаали доски и мачты, третьи строили корпуса чаек, четвертые курили смолу и конопатили лодки, пятые готовили паруса, пушки, припасы и т. д.¹

Изготовлением каждой лодки было занято около 60 человек. Прежде всего корабельные мастера строили дно чайки (длина ок. 16 м), затем борта. Дно и борта делали из досок, каждый последующий ряд которых несколько захватывал предыдущий. Готовая лодка имела около 20 м в длину, около 4 м в ширину и столько же в глубину. Разделив лодку перегородками и поперечными скамьями, ее конопатили, потом ставили мачту и поднимали паруса. Кормы у чаек не было. Ее заменяли два руля, по одному в каждом конце лодки, что обеспечивало ей быстроту при поворотах. В каждый борт лодки вдельвались уключины для 10—15 весел. К бортам лодки при помощи бечевки (из липы или черешни) прикреплялись связки тростника, которые помогали ей удерживаться на поверхности воды.

Вооружение чаек состояло из 4—6 фальконетов². Чайка вмещала от 50 до 70 человек. Каждому из них положено было иметь по два ружья, саблю, пять-семь фунтов пороха, свинец и т. д. Перед походом в чайки грузили ядра, порох, бочки с пшеном, сухарями, сушеной рыбой и водой.

Окончив приготовления, запорожцы спускались по Днепру. В передней лодке плыл атаман. Остальные лодки следовали за ней, почти касаясь друг друга веслами. В устье Днепра казаков обычно подстерегали турецкие галеры. Чтобы обойти их, казаки пускались на разные хитрости — протаскивали свои лодки до определенного места по суше и затем незаметно спускали их на воду и т. д. Когда турки узнают о появлении запорожцев на море, «тревога, — говорит Боплан, — распространяется по всей стране до самого Константинополя»³. Гонцы скачут вдоль всего побережья, чтобы предупредить правителей областей и феодалов об опасности.

В хорошую погоду чайки шли на парусах, а в шторм или при встрече с врагом — на веслах. Черное море большую часть года неспокойно. Но запорожцы были отважными и искусными моряками. Людей, видевших борьбу запорожцев с бушующим морем, приводило в изумление их бесстрашие и искусство

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 319.

² Фальконет — мелкокалиберная пушка.

³ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 345.

мореходов. «Настоящее чудо, — писал современник, — как можно противостоять на таком маленьком судне, оплетенном хворостом, разъяренному морю ...ветер вздымает высоко пенистые волны, кажется вот-вот разнесет их, но они удерживаются на поверхности, охраняемые теми же связками (тростника)... Видел... собственными глазами, как буря и сильный ветер подняла и рассеяла их... Но тут же они вновь построились в ряды и продолжали двигаться в прежнем порядке»¹.

Запорожские чайки были значительно быстрее тяжелых турецких галер. Они легко скользили по волнам и, как говорит Боплан, за каких-нибудь двое суток достигали берегов Анатолии². Турецкий флот считался в то время одним из лучших в мире. Встретиться в открытом море с галерами было делом небезопасным. Они имели мощный корпус, сильную артиллерию и многочисленный экипаж. Запорожцы избегали поэтому встречаться с галерами днем. Но раз битва оказывалась неизбежной, «казаки, — говорит Боплан, — бывают непоколебимы». Никто не двигается со своего места: одни заряжают ружья, а другие стреляют из них по врагу, «так что пальба, весьма меткая, не прекращается ни на минуту». Галеры, в свою очередь, обстреливали чайки из пушек.

Обычно запорожцы, чайки которых возвышались над морем всего на какой-нибудь метр-два, обнаруживали неприятеля гораздо раньше, чем это мог сделать он. В таком случае казаки немедленно спускали паруса, брались за весла и, дожидаясь ночи, отходили от турецкого корабля настолько, чтобы не брать его из виду. К полуночи, приблизившись незаметно к врагу, половина казаков начинала грести изо всех сил, в то время как другая стояла наготове с заряженными ружьями. Бесшумно подплыв к галере, казаки брали ее на abordаж, уничтожали экипаж, забирали пушки и припасы и пускали корабль ко дну.

Весной 1538 г. запорожцы напали на турецкую крепость Очаков³ и причинили ей значительные разрушения⁴. В 1541 г., ровно через три года, запорожцы повторили свой поход; они захватили и убили санджака (начальника) Очаковской крепости, двух его помощников, много стражников, разрушили часть замка и порта⁵. 19 сентября 1545 г. казаки на 32 лодках вновь явились под Очаков. Тут они убили и захватили в плен множество турок⁶. В 1589 г. запорожцы напали на Газлеви, или Козлов (Евпатория), один из крупнейших турецких торговых городов в

¹ Pamiętniki, т. I, стр. 289.

² От днепровского устья до анатолийского побережья около 600 км.

³ Очаков, или Кара-Кермен, т. е. Черный город, был построен в 1492 г. при хане Менгли-Гирее. При турках Очаков стал опорным пунктом их владений на северном побережье Черного моря.

⁴ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 3, стр. 4.

⁵ Там же, док. 9, стр. 12.

⁶ Там же, док. 13, стр. 21.

Крыму¹. Местное подневольное население, которое смотрело на казаков, как на своих избавителей, всегда радостно встречало их. Многие невольники нередко уходили вместе с казаками на Запорожье.

В 1604 г. запорожцы совершили нападение на три турецких города, в том числе на одну из крупнейших турецких крепостей на западном побережье Черного моря — Варну. Взятие запорожцами Варны произвело большое впечатление на современников, т. к. крепость эта считалась неприступной. (Под стенами Варны в 1444 г. нашел свою гибель король Владислав III, осаждавший ее с большим войском). В честь взятия Варны запорожцами народ сложил прекрасную песню:

«А в неділю пораненьку
Зібралися громадоньки
До козацької порадоньки.
Стали ради радувати,
Відкіль Варни діставати:
Ой, чи з поля, ой, чи з моря,
А чи з річки невелички?
Біжуть, плинуть човенцями,
Поблискують весельцями;
Ударили з самопалів,
З семип'яденних запалів,
Півсоткою із гармати.
Стали її добувати,
Стали турки нарікати.
Стали Варни діставати,
Стали Турки утікати,
Тую річку проклинати:
«Бодай річка висихала,
Що нас, Турків, в себе взяла».
Була Варна здавна славна,
Славнійші козаченьки,
Що тої Варни дістали
І в ній Турків забрали».

Султан потребовал от польского правительства сурового наказания запорожцев². Но поляки ответили, что наказывать казаков не в их силах, ибо те им не подвластны. Запорожцы, говорили польские посланники султану, это скопище беглых разных наций — украинцев, русских, молдаван, венгров, поляков и даже турок и татар, которые «не подчиняются ни королю, ни Речи Посполитой». «Если вы их истребите, — заявляло польское правительство, — с нашей стороны не встретите никаких возражений»³.

Чтобы запретить казакам выход в море, султан приказал перегородить Днепр у Тавани железной цепью. Цепь протянули от крепости Кизыкермена до о. Тавани и от острова до крепости

¹ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 39, стр. 60.

² Там же, док. 87, стр. 114.

³ Там же, док. 90, стр. 119 и док. 114, стр. 160.

Аслан-Кермен. Посреди Днепра оставили «ворота», на которые из крепостных башен навели пушки. Турки были убеждены, что обойти эту преграду не сможет ни одна чайка. Но запорожцы и тут находили выход. Подплыв ночью к Тавани, они спускали впереди себя по Днепру деревья, к которым привязывали цепи и другие металлические предметы. Деревья с шумом и грохотом ударялись о цепь, турки открывали в потемках отчаянную стрельбу, которая продолжалась до тех пор, пока у них не кончались боеприпасы. Когда все наконец успокаивалось, запорожцы мигом разрывали цепь, быстро проскакивали через «ворота» и выходили в широкое море. В редких случаях запорожцы избирали другой, менее опасный, но более длинный путь: они поднимались по Днепру до Кодака, входили в р. Самару, а из нее в Волчьих Воды. От Волчьих Вод до р. Калмиуса (25 км) или до р. Миуса (ок. 60 км) они тащили чайки волоком, а потом выходили в Азовское и, наконец (через Керченский пролив), в Черное море¹. Этим же путем казаки пользовались при возвращении из похода на Запорожье, особенно тогда, когда их преследовали турецкие галеры².

Так или иначе, но никакие предосторожности не могли оградить турецких феодалов от мести запорожцев. В 1608 г. казаки, по свидетельству современника, «удивительной хитростью взяли, разрушили и сожгли» Перекоп, а в 1609 г. напали на придунайские крепости турок — Измаил, Килию, Белгород и другие³. В 1614 г. запорожцы появились у Трапезунда, к которому, как говорили современники, ни один враг не подходил с тех пор, как турки овладели Малой Азией. В том же году они взяли Синоп. В Синопе казаки истребили гарнизон, разгромили дома феодалов, сожгли арсенал и все корабли, находившиеся в гавани⁴. Узнав об этом, султан в припадке бешенства приказал повесить великого визиря Насух-пашу. Турки снарядили погоню за казаками, настигли их у Очакова и причинили немалые потери. По этому поводу коронный гетман Жолкевский поспешил принести султану свои поздравления⁵.

Весной следующего (1615) года запорожцы на 80 чайках появились у самой турецкой столицы. Это казалось неслыханной дерзостью. В столице кроме моряков постоянно находилось 24 000 янычар и 6000 сипахов, составлявших гвардию султана. Казаки сожгли портовые сооружения Константинополя и затем повернули назад. Султан, развлекавшийся в это время ловлей рыбы, сам видел огромные столбы дыма и пламени.

¹ Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 37, стр. 71.

² *Мышецкий*, История о козаках запорожских, Москва, 1847, стр. 11—13; Дневник Тяпкина и Зотова, Записки Одесского об-ва истории и древностей, т. II, стр. 645, т. VII, стр. 178, прим. 50.

³ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 93, стр. 122.

⁴ Там же, док. 106, стр. 142—143.

⁵ Там же, док. 109, стр. 150.

В погоню за чайками был отправлен турецкий флот. Заметив преследователей вблизи Очакова, запорожцы вступили с ними в бой. Взяв на абордаж несколько галер, в том числе и ту, на которой плыл начальник экспедиции, казаки быстро справились с их экипажем. Остальные галеры поспешно повернули назад. Захваченные суда казаки сожгли тут же, на виду у очаковского гарнизона¹.

В том же 1615 г. казаки штурмовали Кафу (крупнейший невольничий рынок в Крыму) и Трапезунд. Во время нападения на Трапезунд казаков было всего ок. 2000 человек. Против них был выслан флот, состоявший из 6 галер и нескольких вспомогательных кораблей. Казаки и на этот раз рассеяли турок и потопили 3 галеры. На обратном пути они снова напали на предместья Константинополя, а потом через Азовское море вернулись на Запорожье.

Характеризуя военное искусство и бесстрашие запорожцев, ставших широко известными во всем мире, итальянец д'Асколи, долгое время живший в Крыму, говорил: «Казаки так отважны, что не только при равных силах, но и 20 чаек не побоятся 30 галер падишаха, как это видно ежегодно на деле»². Польский историк Пясецкий отметил в той же связи: «Можно бы без конца перечислять преимущества... (казацкой. — В. Г.) милиции, которая подрывает силу турок и намного превосходит любое из европейских войск. По словам самих турок, никого они не страшатся больше казаков»³. Не менее интересно высказывание турецкого хрониста Наимы по поводу морских походов запорожцев: «можно уверенно сказать, — пишет он, — что не найти во всем мире людей более отважных, которые бы меньше думали о жизни или меньше боялись бы смерти. Как рассказывают люди, сведущие в военном деле, — продолжает Наима, — эта голь своим умением и храбростью в морских битвах превосходит все другие народы»⁴.

Ненависть турецких феодалов к запорожцам, рожденная чувством страха перед ними, не знала пределов. Султан Мурад III (1546—1595 гг.), выговаривая польским послам в Константинополе за то, что их правительство не может удержать запорожцев от походов на турецкие владения, кричал: «В своем ли уме вы? Кто когда мог мне противиться?.. боится меня Персия, дрожат венецианцы, просят пощады испанцы, немцы должны дать, чего я им приказываю... весь мир дрожит передо мною»⁵. За обещание удерживать запорожцев от морских походов турецкое правительство готово было отказаться от своих притязаний по отношению к Польше. Все договоры, заключаемые между

¹ Piśma Żółkiewskiego, стр. 503.

² П. *Надинский*, Очерки по истории Крыма, Симферополь, 1951, стр. 81.

³ Kronika Pawła Piaseckiego, стр. 46.

⁴ Collectanea, т. 1, стр. 181.

⁵ Kronika Marcina Bielskiego, т. III, стр. 1630.

Оттоманской Портой и Речью Посполитой, неизменно содержали это наиболее важное для турецких феодалов условие. Особенно грозными для татарских и турецких насильников были те походы, в которых запорожские казаки выступали совместно с донскими. 18 мая 1618 г. в Порте по вопросу о дальнейших мерах против запорожцев и донцов состоялось специальное совещание, на котором присутствовали также послы Нидерландов, Венеции и других европейских государств¹.

В 1620 г., после поражения, нанесенного польскому войску под Цецорой, турецкое правительство сочло, что настал удобный момент нанести Польше² решающий удар. В Турции начались большие военные приготовления. Перед султанским дворцом в Стамбуле был водружен бунчук, означавший, что войско на войну поведет сам султан.

В Варшаве весть о разгроме польского войска под Цецорой и смерти коронного гетмана вызвала сильную панику. И неудивительно. Для отражения врага у правительства не было готовых воинских сил. В таких условиях, в начале ноября 1620 г., в Варшаве был срочно созван сейм, на котором поставили единственный вопрос: об обороне Речи Посполитой от турецкого нашествия. Сеймовые послы предъявили правительству и магнатам тяжелые обвинения, упрекая Жолкевского в том, что он, ослепленный спесью и ненавистью к казакам, не призвал их к походу в Молдавию. Этим, говорили они, гетман обрек на гибель польское войско. Не желая делить лавры будущей победы с казаками, Жолкевский, по их словам, говорил: «не хочу я з Грицями воювати, нехай ідуть до ролі або свині пасти»³.

Несмотря на серьезную угрозу, нависшую над Польшей, шляхта не хотела идти ни на какие материальные жертвы. Она наотрез отказывалась платить новые налоги, необходимые для набора войска⁴. Особенно упорствовала, надо думать, великопольская шляхта, всегда заинтересованная в том, чтобы правительство вместо наемного войска или созыва посполитого рушения увеличивало казацкий реестр за счет «охочих». Последние же, как известно, набирались из числа магнатских подданных и населения «королевщин» Восточной Украины. Это избавляло шляхту Центральной Польши от затрат на наем войска и, что еще важнее, от личного участия в войне. Казаков, говорили на сейме, можно бы легко набрать тысяч двадцать. А главное — «имя их (у турок и татар. — В. Г.) пользуется славой и уважением»⁵. Для привлечения казаков на службу предла-

¹ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 131, стр. 193.

² Султан, как передает Пясецкий, зная, что под Цецорой погиб «цвет рыцарства польского», был теперь убежден, что он легко может завоевать Речь Посполитую «до самого Балтийского моря» (Kronika Pawła Piaseckiego, стр. 291).

³ Русский исторический сборник, т. III, стр. 237.

⁴ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 142, стр. 215.

⁵ Там же, стр. 221.

галось отправить на Украину «не коморника и не дворянина», а лицо более значительное, «которое могло бы внушить им доверие», — сенатора. Последний должен был от имени короля обещать старшине, что ей будут пожалованы староства и «державы», а казакам увеличено жалованье. Кроме того, сенатор обязан был заявить о готовности Речи Посполитой сделать уступки православным в религиозном вопросе. Так как в это время в Киеве жил возвратившийся из Москвы константинопольский патриарх Феофан (которого, кстати сказать, польские власти собирались накануне арестовать), сеймовому посланцу надлежало искать у него содействия в деле набора казачьего войска ¹.

Сейм вынес решение об увеличении коронного войска, а также о наборе 20 тысяч казаков, назначив им 100 тысяч злотых в год (этой суммы едва ли хватило бы на набор одной тысячи жолнеров). Булава коронного гетмана, в связи со смертью Жолкевского, была передана виленскому воеводе Карлу Ходкевичу ². К реестровым казакам с королевской грамотой тотчас же был отправлен шляхтич Бартош Обалковский.

На Украине в это время, как известно, продолжалась борьба между верхушкой казачества во главе с Сагайдачным, ищущей соглашения с правительством, и основной массой казаков, поддерживаемой запорожцами, во главе которой стоял Бородавка. Каждая из сторон боролась вместе с тем за расширение и укрепление своего влияния на массы.

• Летом 1620 г., во время пребывания в Киеве константинопольского патриарха Феофана, Сагайдачный принял живое участие в восстановлении православной иерархии, ликвидированной польскими властями после Брестской унии ³. Посвящение православных владык происходило в Киеве 6—9 октября, т. е. в те дни, когда весть о поражении польского войска под Цецорой стала распространяться по всей Украине. Примерно в то же время Сагайдачный со всем реестровым войском торжественно вступил в члены Киевского братства ⁴.

Сагайдачный стремился, с одной стороны, вырвать у польского правительства известные уступки для верхушки реестрового

¹ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 142, стр. 221.

² Kronika Pawła Piaseckiego, стр. 290.

³ Киевским митрополитом был поставлен Иов Борецкий, известный сторонник воссоединения Украины с Россией, перемышльским епископом — Исаия Копинский, полоцкий архиепископом — Мелетий Смотрицкий, позднее перешедший на сторону униатов, луцким епископом — Исаакий Борискович и т. д.

⁴ Киевское братство было основано в 1615 г. по образцу Львовского Успенского братства (1588). Братства, членами которых являлись главным образом мещане, хотя и выступали официально лишь в форме церковных и просветительных учреждений (церковные общины, имевшие школы и типографии), боролись против чужеземного гнета на Украине. Братства были тесно связаны с Москвой и получали оттуда значительную материальную помощь.

казачества, с другой — ослабить национальный и религиозный гнет на Украине. В начале 1620 г. Сагайдачный, под влиянием стремления украинского народа к воссоединению с Россией, отправил в Москву посланцев. Его представитель Петр Одинец заявил в Посольском приказе: «прислали их все Запорожское войско, гетман Саадачный с товарищи, бити челом государю, объявляя свою службу, что он все хотят ему, великому государю, служить головами своими»¹. Это первое, дошедшее до нас, официальное обращение реестровой старшины к русскому правительству.

Влияние Бородавки в народных массах обеспечивалось тем, что он выступал за признание казацких прав за всем показавшимся населением. На призыв Бородавки в казаки шли крестьяне и мещане, надеявшиеся освободиться от панского ярма. Они забирали в шляхетских имениях коней, оружие, свинец, порох и другие необходимые для похода припасы². Как доносили в Москву путивльские воеводы, весной 1621 г. между Ржищевом и Белой Церковью собралось около 50 тыс. казаков³. Казаки, по словам воевод, стремились к тому, чтобы освободить от поляков Киев и другие украинские города, отошедшие к Польше после Люблинской унии, и затем просить царя о принятии Украины под власть России: «А позасесть де, государь, — писали воеводы, — города хотят бити челом тебе, государю, чтоб им... служить тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии»⁴. При этом воеводы отмечали, что гетманом у казаков является Бородавка.

Между тем опасность турецкого нашествия, грозившая страшными бедствиями прежде всего Украине, отодвинула осуществление этого плана. Она побудила Бородавку пойти временно на соглашение с имущей частью казачества, руководимой Сагайдачным. Известным стимулом к объединению казаков могло служить также постановление сейма 1620 г. об увеличении реестрового войска до 20 тысяч человек. Объединение произошло, вероятно, весной 1621 г., когда передовые части турок подошли уже к Белгороду (к устью Днестра). В ближайшее время ожидалось прибытие главных турецких сил под начальством самого султана Османа П.

15 июня оба казацких войска (одно во главе с Сагайдачным, а другое с Бородавкой) сошлись на раду в урочище Сухая Дубрава⁵. Тут собралось, по словам очевидца ксендза Оборницкого, около 40 тысяч казаков. На раду прибыли также митрополит Иов Борецкий с многочисленным духовенством и королевские посланцы. Последние объявили казакам решение сейма и,

¹ Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. 1, док. 1, стр. 3.

² Listy ks. Jerzego Zbaraskiego, док. 12.

³ Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. 1, док. 8, стр. 16.

⁴ Там же, стр. 17.

⁵ Сухая или Черняховая Дубрава находилась между Ржищевом и Белой Церковью.

должно быть, по привычке своей, не скупилась на обещания. На раде выступил гетман Бородавка, напомнивший казакам о том, что они представляют грозную силу. «Перед войском Запорожским, — сказал он, — дрожит земля польская, турецкая и целый (вражеский) свет»¹. Масса вооруженных казаков и бурная обстановка, в которой происходила рада, произвели сильное впечатление на коренда Оборницкого. «Нужно опасаться, — писал он, — как бы дело не дошло до восстания, до крестьянской войны. Уж очень они разошлись тут, увидев себя в таком собрании и силе... Храни, боже, здешних католиков... им некуда будет бежать... *Все, что живо, поднялось в казачество*»².

Рада постановила принять предложение сейма о выступлении в поход против турок и отправить своих представителей к королю. Ими были гетман Сагайдачный, владимирский епископ Курцевич и два других лица, имена которых остались неизвестны. Казачье войско во главе с Бородавкой отправилось в Молдавию навстречу Осману II, а казацкие представители — в Варшаву, куда и прибыли в июле 1621 г., во время очередного сейма. Между 20 и 31 июля Сагайдачный и старшины несколько раз были приняты королем. О чем беседовал король с казацкими представителями, в частности с Сагайдачным, — неизвестно. Насколько можно судить из дальнейшего, речь шла, несомненно, о предстоящей войне с турками и об отстранении от гетманства Бородавки. Польское правительство справедливо усматривало в Бородавке вождя казацких низов и поэтому боялось его не менее турок. Во время переговоров казацкие посланцы не добились от короля никаких конкретных обещаний относительно увеличения реестра, обеспечения казацких прав и т. д.

В то время как польские и литовские паны съезжались на сейм (июль 1621), а польское войско еще только собиралось, главная турецкая армия во главе с Османом II подошла к Белгороду. Турецкие силы, не считая татар, польский современник Юрий Воротский исчислял в 162 тысячи человек (75 тыс. турок, 30 тыс. арабов, 47 тыс. балканских христиан и 10 тыс. гвардии — янычар) при 260 пушках. Для устрашения «неверных» Осман II вел с собой 4-х боевых слонов³.

Несмотря на приближение турок к границам Речи Посполитой, сбор войска шел очень медленно. Правительство обратилось за помощью против «общих врагов христианства», турок, к своим союзникам — папе Павлу V и австрийскому императору

¹ Łukaszewicz, Dzieje kościołów wyznania helweckiego w. Litwie, т. I, стр. 165.

² Там же. (Курсив наш. — В. Г.).

³ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 144, стр. 225. По словам Пясецкого, Осман имел 12 000 янычар, 300 000 конных и 180 000 татар (Кроніка Павла Пісецького, стр. 294). По утверждению Ованнеса Каменецкого, в армии Османа было 250 000 турок и 210 000 татар.

Фердинанду II, но встретило отказ с их стороны. Папа ограничился одним «выражением сочувствия благочестивому рвению Сигизмунда в деле защиты христианства»¹. Австрийский император, от которого, по словам Пясецкого, польское правительство больше всего ожидало помощи, не разрешил даже вербовать в своей стране солдат в польское войско². Папа в своем ответе писал, что он не может дать для борьбы против турок ни единого гроша, ибо ему очень дорого обходится «столкновение (австрийского) императора Фердинанда с восставшими еретиками (т. е. чехами и венграми. — В. Г.)»³. Не лучше обстояли дела и в самой Польше. Жолнеры ни за что не желали расстаться с «обжитыми» зимними квартирами. Начальники жаловались: если одних жолнеров «не только королевским универсалом, но даже кием из дома не выгонишь (то) другие... разбегаются прямо изпод хоругвей»⁴. В распоряжении коронного гетмана Ходкевича, стоявшего во Львове, даже в апреле месяце не было никаких реальных сил. Он с тревогой писал литовскому канцлеру Л. Сапеге, что, не взирая на близость неприятеля, войска не подходят, а об артиллерии не только ничего не слышно, но неизвестно даже, к кому обращаться по этому поводу. «Если так идут дела вначале, — пессимистически заключал Ходкевич, — то что же будет далее?»⁵. Наконец, войско в Польше было собрано и в середине августа отправлено к Днестру. Свое войско, насчитывавшее ок. 40 000 чел. при 38 пушках⁶. Ходкевич расположил на левом берегу реки, напротив Хотина, у села Браги.

Среди турецких военачальников мнения в отношении плана кампании разделились. Одни предлагали переправиться на левый берег Днестра и, подойдя к армии Ходкевича с тыла, отрезать ей путь к отступлению. План этот был заманчив, но выполнение его показалось неосуществимым. Зная, что казаки еще не прибыли к польскому войску, турецкие военачальники опасались, как бы им впоследствии не очутиться между двух огней. Поэтому было решено поспешно двигаться к Хотину с тем, чтобы дать бой полякам до подхода казаков.

С казаками, однако, турки встретились гораздо раньше, чем они предполагали. 40-тысячное казацкое войско под начальством гетмана Бородавки, имевшее 20 медных и 3 железных пушки, переправилось через Днестр, разрушило крепость Сороки, вступило в Молдавию и направилось навстречу туркам. Напуганный

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 51.

² Kronika Pawła Piaseckiego, стр. 292.

³ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 51.

⁴ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 143, стр. 224.

⁵ Там же.

⁶ Kronika Pawła Piaseckiego, стр. 292. При этом магнаты уклонились от войны. Из них в лагерь Ходкевича прибыли лишь Д. Заславский с 600 воинами и белзский воевода Р. Лещинский со своей надворной сотней (Мемуары, вып. II, стр. 53). Артиллерия Ходкевича, надо сказать, была из рук вон плоха: пушки были старые, нехватало пороха и ядер.

неожиданным появлением казаков, молдавский господарь Томша, ставленник турок, бросил свою столицу Яссы и бежал к султану.

Вскоре казаки вступили в бой с передовыми отрядами турецкой армии. Несмотря на явное неравенство сил, они, по словам Я. Собеского, «счастливы и со славой боролись с турками»¹. По рассказу другого современника, армянского хрониста Ованнеса Каменецкого, встретившись в Молдавии с турками и татарами, казаки «8 дней вели крупные бои против них, пока не убили силистрийского пашу по имени Гусейн и многих других»².

В своей борьбе с вражескими полчищами казаки проявляли чудеса героизма. Однажды небольшой казацкий отряд, оторвавшийся от основных сил, был окружен турками. Казакам, укрывшимся в пещере между скал, турки предлагали сдаться, за что обещали сохранить им жизнь. Получив отказ, они стали обстреливать пещеру из пушек и, наконец, решили выкурить оттуда казаков дымом. Тогда казаки вышли из укрытия и смело бросились на турок. Они почти все погибли в неравном бою. Но на каждого из них, по словам турецкого летописца Наимы, приходилось семь убитых турок³. Казаков, попавших в плен, султан приказал сначала пытать и затем убить. Осман II, пишет Собеский, «собственноручно пускал... стрелы» в привязанных к деревьям казаков⁴.

В это время войско Бородавки медленно, в непрерывных стычках с врагом, приближалось к Хотину. Были ли запорожцы в войске Бородавки, трудно сказать. Но если и были, то, вероятно, лишь в небольшом количестве, так как основная их масса осталась в Сечи. Это не означает, конечно, что запорожцы не принимали участия в войне 1621 г. с турецкими захватчиками. В начале июня 1621 г., когда султан с войском выступил из Константинополя, запорожские казаки напали на турецкие корабли, доставлявшие в Белгород «осадные пушки, порох, ядра и провизию», и захватили их. Продолжая свой путь, запорожцы появились у турецкой столицы, разрушили один из ее фортов и вступили в Галату, после чего повернули назад. Турки погнались за ними, но безуспешно. Им удалось захватить только

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 61.

² А. Анасян, Отголоски битв при Хотине (1621 г.) в армянских источниках. Великая дружба, Сборник, посвященный 300-летию воссоединения Украины с Россией, стр. 229. Ованнес Каменецкий (середина XVII века) долгое время проживал в Каменце-Подольском. Он является автором очень ценного сочинения — «История Хотинской войны», которое хранится в Государственном хранилище древних актов при Совете Министров Армянской ССР.

³ J. Treliak. Historja wojny Chocimskiej (1621), стр. 123.

⁴ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 63. По другим данным, казаков в пещере было 260—290 и даже 460 человек (J. Treliak, Historja wojny Chocimskiej (1621), стр. 121).

двух казаков. Пленные были тотчас же направлены в походную квартиру султана (под Адрианополь). По приказу последнего, казаки были посажены на кол¹. Весть о нападении запорожцев на Константинополь и о том, что они «сжигают прибрежные города и селения», вызвала тревогу в турецком войске. Визирь советовали султану вернуться из похода в столицу².

Запорожцы не ограничились нападением на Константинополь. Когда турецкая армия перешла Дунай, они разделились на две части. Одна из них напала на Трапезунд³, другая — на белгородских татар. Спасаясь от казаков, татары с семьями и стадами бежали к Измаилу под защиту турок. Против казацких чаек были отправлены турецкие галеры под начальством Галила паши, стоявшие у устья Дуная и стерегшие тут мост. Казаки на 18 чайках напали на галеры и потопили их, сняв предварительно с них 15 больших пушек. Из моряков Галила паши, по словам турецкого очевидца, мало кто вернулся к своим⁴.

В то время как казаки самоотверженно боролись с турками и татарами на суше и на море, польское командование, несмотря на имевшиеся в его распоряжении довольно крупные воинские силы, никак не отваживалось перейти Днестр. Оно решило дожидаться подхода казаков Бородавки. Гетман Бородавка отказался, однако, присоединиться к коронному войску до тех пор, пока последнее не вступит в Молдавию. Казаки опасались, вероятно, как бы паны, по обыкновению своему, не заключили мира с турецким султаном и не обрушились бы затем на них объединенными силами⁵.

В такой обстановке коронное войско переправилось, наконец, около 15 августа, по мосту⁶ на правый берег Днестра и заняло позиции под крепостью Хотинном, охраняемой небольшим польским гарнизоном⁷. Лагерь Ходкевича, раскинувшийся на полмили, был обращен фронтом к юго-востоку. Своими флангами он упирался в скалистые берега Днестра. В тылу его оставалась Хотинская крепость. Чтобы обмануть врага в отношении численности своего войска, Ходкевич хотел поставить под хоругви обозную челядь, однако спесивая шляхта решительно воспротивилась этому. Через несколько дней к Хотину с 16-тысячной армией прибыл корольевич Владислав⁸.

То обстоятельство, что казаки еще не соединились с коронным войском, очень тревожило польских панов, ибо, по словам

¹ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 144, стр. 225.

² Там же, док. 148, стр. 231.

³ Там же, док. 145, стр. 227.

⁴ Там же, док. 146, стр. 228.

⁵ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 55.

⁶ Мост через Днестр, по словам Собеского, был построен под руководством местного жителя, человека «простого и бедного». Мемуары, вып. II, стр. 55.

⁷ Kronika Pawła Piaseckiego, стр. 292.

⁸ Kronika Pawła Piaseckiego, стр. 293.

очевидца, «всякий и наименьший (в войске. — В. Г.) знал, как нам нужны казаки». «Пронесся слух, — пишет Собеский, — будто запорожцы совсем не придут; отчаяние выражалось на лицах солдат и старшин; головы опустились; слышен был тихий ропот, когда (эта) печальная новость передавалась по палаткам»¹.

Вскоре в польский лагерь прямо из Варшавы прибыл Сагайдачный. Коронный гетман Ходкевич с радостью встретил Сагайдачного, который, по словам Собеского, «всегда верный королю и Речи Посполитой... бывал суровым в деле подавления казацких своеволий; нередко даже, не задумываясь, казнил смертью за малейшие провинности». За это казаки «недолюбливали его, — заключает Собеский, — и не хотели иметь его своим гетманом»². Ходкевич богато одарил Сагайдачного и тотчас отправил к казацкому войску с тем, чтобы ускорить его прибытие в польский лагерь. Едва, впрочем, Сагайдачный выехал, как от Бородавки к Ходкевичу прибыл полковник Дорошенко с известием, что казаки подошли уже к Могилеву (ок. 150 км от Хотина).

Прибыв к казацкому войску, Сагайдачный позаботился прежде всего о том, чтобы покончить с Бородавкой. Когда казаки подошли уже близко к коронному войску, Сагайдачный при поддержке своих сторонников схватил Бородавку, заковал в кандалы, обвинил «во многих преступлениях» и через несколько дней казнил³. Арест и последующее убийство Бородавки лишило казацкие низы мужественного и преданного им предводителя. 1 сентября казацкое войско, во главе которого теперь уже стоял Сагайдачный, заняло отведенное ему место на левом крыле польского лагеря⁴. В польском лагере под Хотинном было также 200⁵, а по другим данным, — 700 донских казаков⁶.

На другой день, 2 сентября, к Хотину подошла турецкая армия и татары. Турки быстро заложили лагерь на горе (в 1 миле от польского лагеря). Татары расположились поблизости от турок. На огромном пространстве вдоль Днестра были раскинуты

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 63.

² Там же, вып. II, стр. 60.

³ Там же, стр. 64.

⁴ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 148, стр. 232.

⁵ Там же, стр. 248.

⁶ Донские дела, кн. I, т. XVIII, СПб, 1898, док. 24, стр. 339—341. В одном из официальных списков казацкого войска под Хотинном значится 41 520 чел. Оно делилось на 3 конных полка: полк Сагайдачного — 3 тыс. чел., Ивана Зыскаря — 2 320, Куроша Богдана 1 600, всего конницы было 8 920, и 10 пехотных: полк Тимоша Федоровича — 4 тыс., Мойсея Писарка — 2 500, Федора Белгородка — 3 200, Данила Дорокола — 3 тыс., Адама Подгорского — 3 700, Сидора Семаковича — 3 500, Василя Луцкевича — 4 100, Яцка Горденко — 2 700, Цецюры Семрока — 3 200 и Ивана Гаражея — 2 тыс.; всего пехоты насчитывалось 26 900 чел. Войско имело 20 медных и 3 железных пушки и обоз. Кроме провианта, фуража, повозок для раненых и т. д., было 12 возов с ядрами и порохом. В артиллерии и обозе насчитывалось 7 700 чел. (Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док 151, стр. 250).

турецкие шатры, стояли возы, фуры и пр. Простые воины расположились под открытым небом вперемежку с лошадьми, верблюдами, ослами и т. д. Посреди лагеря стояли пестрые, богато разукрашенные палатки военачальников. Над ними сверкали золоченые шары, развевались пестрые флажки и серели чучела орлов¹ с распростертыми крыльями. Возле палаток, охраняемых стражей, стояли воткнутые в землю бунчуки. Ночью у входа в палатки зажигались фонари. На высоком холме виднелась ставка Османа. Своей величиной и роскошью она напоминала, как говорит очевидец, «скорее ряд дворцов, построенных несколькими монархами в мирное и цветущее время, нежели военное жилище одного султана». Хоромы имели, по словам того же очевидца, просторные «прихожие и лестницы, таинственные альковы и великолепные палаты». Стены их были обтянуты золотой парчой². Ставка султана охранялась многочисленной стражей из янычар. Вокруг лагеря, не имевшего полевых укреплений, были расставлены пушки, которых, по одним данным, было 200³, по другим — 500⁴. Кроме полевых, у турок были осадные пушки, ядра которых весили до 55 кг. При стрельбе они издавали оглушительный грохот⁵.

Основную массу турецкого войска составляла пехота. Самой отборной ее частью считались янычары. Они занимали центр лагеря, расположившись вокруг ставки Османа, наметов первого визиря (главнокомандующего) Гусейна паши, муфтия (главы мусульманского духовенства) и других приближенных султана. Вооружением пеших янычар служили ятаганы (кривые кинжалы, отточенные с одной стороны) и ружья. Вооружение конных янычар (их было 8 тыс. чел.) составляли главным образом кривые сабли. Самой многочисленной частью турецкой армии были сипахи (воины, набиравшиеся преимущественно из покоренных народов и получавшие за службу земельные наделы). Оружие сипахов состояло из лука, рогатины (род копья с длинным древком) и дротиков (короткие метательные копья). Огнестрельного оружия у сипахов, как правило, не было. Конницу турок под Хотином составляли, по преимуществу, белгородские, ногайские и крымские татары. Их было около 30 тысяч человек⁶.

Коронный гетман Ходкевич, всегда предпочитавший, в особенности, когда речь шла о подавлении восстаний, стремительное нападение, в предстоящей войне с турками намерен был

¹ Орел у турок — символ могущества и знатности.

² Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 67, 109—110, 119.

³ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 148, стр. 232.

⁴ Там же, стр. 230.

⁵ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 68.

⁶ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 148, стр. 231. Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 68 и др.

придерживаться оборонительной тактики. Девизом Ходкевича, по словам Собеского, было «во что бы то ни стало держаться в оборонительном положении и осторожно выжидать военного счастья»¹. Большие надежды Ходкевич возлагал на свои шанцы, «из-за которых он рассчитывал, — по замечанию того же Собеского, — безопасно обстреливать неприятеля... (и) выдерживать их (турок) приступы»².

3 сентября, сразу же после прибытия под Хотин, не дав своему войску отдохнуть, султан повел его на польский лагерь. Он самоуверенно заявил, что обедать будет не иначе, как в польском стане. Всю мощь своего удара турки направили на казаков, как на самую боеспособную часть польского войска, рассчитывая быстро разгромить их, а потом уже покончить с поляками. Захваченные поляками турецкие пленные показывали, что султан считается больше с силой казаков, чем со всем коронным войском³. Началась ожесточенная сеча. Казаки, как свидетельствует Пясецкий, мужественно отразили атаку турок. Понеся большие потери, султан вынужден был отвести свое войско⁴. Казаки стали преследовать турок.

В то же время стремительная атака огромного турецкого войска вызвала панический ужас среди польской шляхты. Королевич Владислав, прибывший накануне из Варшавы, «впал в тяжелую и опасную болезнь» (которая попросту называется страхом. — В. Г.) и пролежал в лагере в течение целой кампании.

5 сентября, на рассвете, перестроив свои войска, султан напал на польский лагерь с нескольких сторон одновременно. Теперь турки изменили свою тактику. Основной удар был направлен на позиции, занятые шляхтой. Последняя с самого начала военных действий проявляла немалую трусость и стремилась всячески уклониться от боя. «Многие шляхтичи, — писал оскорбленный поведением своих собратьев Я. Собеский, — принадлежавшие к знатнейшим фамилиям, скрывались на возах между провиантом; их (силой) вытаскивали из этих убежищ»⁵. Когда шляхта под натиском турок бросилась бежать, или, как деликатно выражается Собеский, отступать, дорогу врагу заступила обозная челядь. Челядь, на которую паны всегда смотрели с презрением, не только оттеснила турок, но, соединившись с казаками, погналась за ними и ворвалась во вражеский лагерь. Казаки и челядь рубили врага, опрокидывали наметы, захватывали пленных, оружие, коней. «Запорожские казаки, — писал очевидец, — отбили несколько турецких пушек, но не имея

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 74.

² Там же, стр. 74—75.

³ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 148, стр. 235.

⁴ Там же, док. 150, стр. 249.

⁵ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 85.

возможности увезти их, так как пушки были скованы цепями, порубили под ними колеса»¹. Успех, достигнутый казаками и челядью, несколько подбодрил польское войско и ослабил страх перед неприятелем. Я. Собеский с чувством горечи и обиды за шляхту писал: «толпа черни.., а не оружие могущественного рыцарства поколебало грозную турецкую силу»².

Вечером, 9 сентября, совершенно неожиданно для неприятеля, казаки, увлекая за собой польскую обозную челядь³, сняв предварительно турецких часовых, ворвались в лагерь Османа. Среди турок поднялась страшная паника. Султан с двумя обозами бежал из лагеря за три мили. Примеру султана последовали другие. Потеряв несколько тысяч человек⁴, а также большое число пушек, турки покинули свой лагерь⁵. «Ходкевич, верхом на коне, — писал Я. Собеский, — стоял у ворот своего окопа, когда примчался гонец с известием, что казаки с несколькими польскими отрядами заняли уже лагерь Османа и что для полной победы недостает только подкреплений»⁶. Вместо того, чтобы оказать казакам помощь и добиться полного разгрома турок, Ходкевич под предлогом позднего времени (приближалась ночь) приказал прекратить бой. Таким образом, по вине польского командования победа была упущена. Не имея возможности удерживаться дольше в турецком лагере, казаки, захватив часть пушек и другие трофеи, вернулись на свои позиции⁷.

События 9 сентября произвели на турок сильнейшее впечатление. «После неожиданного вторжения запорожцев в лагерь Османа, — сообщает Собеский, — турками овладела паника: люди всех званий и сословий были в неопишуемой тревоге; сам Осман, еще так недавно думавший, что нет никого в мире могущественнее его, теперь собственными глазами увидел всю шаткость своего положения»⁸. Султан заявил, что не будет ни есть, ни пить до тех пор, пока не покончит с казаками. В бесильной ярости он проклинал своих военачальников и даже свою судьбу, говоря: «те, которые клялись мне драться как львы,

¹ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 148, стр. 236. Ходкевич доносил, что, кроме множества турецких воинов (50 тыс. чел.), было убито трое пашей, двое взято в плен, уничтожено 16 наметов и захвачено более десяти пушек (Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 149, стр. 248).

² Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 74.

³ По некоторым данным, в этой операции принимало участие также несколько гусарских хоругвей (Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 150, стр. 249—250).

⁴ По преувеличенным данным, сообщаемым холмским воеводой Вейгером, убито было 160 тыс. турок (Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 150, стр. 250).

⁵ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 150, стр. 250.

⁶ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 76.

⁷ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 150, стр. 250. Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 76.

⁸ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 77.

сами постыдно бежали в страхе»¹. За каждую, доставленную ему казацкую голову, Осман II обещал награду в 50 злотых².

В то время как казаки вели тяжелую борьбу с неприятелем, шляхта и жолнеры предпочитали грабить и убивать мирное молдавское население, которое искало убежища от турок вблизи польского лагеря. Выгоняя из убогих лачуг молдаван, жолнеры, как говорит Собеский, бросали с высоких скал ни в чем не повинных людей, «не щадя ни пола, ни возраста». «Престарелые мужчины и женщины, — продолжает тот же очевидец, — гибли в речной пучине, сбрасываемые с Хотинского моста; бросали в воду и младенцев, оторванных от груди матерей, и детей, исторгнутых из отцовских объятий, а девиц на глазах родителей отдавали на поругание. Стоны этой беззащитной толпы, достигавшие самого неба, не смягчали жестоких душ палачей...»³. В ответ на бесчинства жолнеров Ходкевича в Молдавии стали появляться отряды народных мстителей, которые устраивали засады, нападали на разрозненные польские отряды и громили их. Против молдавских крестьян Ходкевич снарядил настоящую экспедицию. Начальство над ней было поручено польскому шляхтичу Копачовскому и молдавскому дворянину Бычку⁴.

Турки скоро окончательно убедились, что поляки избегают наступательных действий. Доказательством этого было позорное поведение Ходкевича в отношении казаков 9 сентября. Поэтому султан решил перейти к длительной осаде польского войска, лишив его всякой возможности получать подкрепления. Тем временем татарские орды, отправленные султаном на Украину, грабили и опустошали Подолию, Буковину, Брацлавщину, Волынь и дошли до Галичины. По словам Собеского, татарские мурзы стали пригонять под Хотин ясырь, захваченный в украинских городах и селах, «так что стоны пленников оглашали турецкий лагерь»⁵. Злодеяния татар на Украине и преступное бездействие польского командования вызывали возмущение в казацком лагере. «Ропот и недовольство, — говорит Собеский, — с каждым днем возрастали среди казаков; ежедневно являлись они с жалобами к Петру Конашевичу (Сагайдачному)». Скоро недовольство приняло открытый характер. Сагайдачный, исполненный чувства «верности к Речи Посполитой, уведомил, — пишет Окольский, — Ходкевича и комиссаров⁶ о подготовлявшемся в его войске возмущении, прося заблаговременно пресечь зло»⁷. К казакам были отправлены представители Ходкевича.

¹ Naima, Collectanea, т. I, стр. 160.

² Kronika Pawła Piaseckiego, стр. 299.

³ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 78.

⁴ Там же, стр. 57—58.

⁵ Там же, стр. 126. Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 148, стр. 240.

⁶ Сейм 1621 г. назначил девять комиссаров в качестве советников при коронном гетмане на время войны.

⁷ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 92.

Они умоляли их, заклиная именем королевича Владислава, продолжать сражаться и повторяли обычные для польских властей обещания: признать всех казаками, выплатить жалованье и т. д. ¹.

После 9 сентября на протяжении почти трех недель между противниками происходили сравнительно небольшие столкновения. Во время одного из них, ночью, казаки вновь ворвались в турецкий лагерь. Сам Гусейн паша ², застигнутый врасплох, едва сумел вырваться из рук схватившего его казака; во время бегства он потерял свою дорогую одежду, оружие, чалму и пояс. Гусейн паша целую ночь блуждал по лесу, нашел, наконец, узкую щель, закрытую ветвями, и там скрывался до утра ³.

Вскоре, однако, в турецкий лагерь прибыло двадцатитысячное войско Каракаш паши. Получив столь серьезное подкрепление, султан возобновил 28 сентября штурм польского лагеря. Это было последнее крупное наступление турок. В этот день выпал первый снег. Окрестности Хотина окутала снежная мгла. С 11 часов утра и до самого вечера польский лагерь обстреливался полевыми и осадными пушками. На казачьи и польские позиции непрерывным потоком двигались вражеские полчища. Потери турок были большие, но проникнуть в польский лагерь им не удалось. И на этот раз, как сообщалось в польском донесении, «особенно много (врагов) вывели из строя запорожские казаки» ⁴, которые, обойдя турок, неожиданно ударили им в тыл ⁵.

Несмотря на то, что атаки турок были отбиты, положение в польском лагере все время ухудшалось. Нехватало продовольствия, свинца для пуль и ядер. Негодной оказалась значительная часть пороха; отпускаемые на его закупку деньги польские интенданты клали себе в карман, а для армии приобретали за бесценок негодный мокрый порох ⁶. Среди воинов свирепствовала дизентерия. Ряды войска быстро редели, а о пополитом рушении, которое король собирал в Польше, не было ни слуху, ни духу ⁷.

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 92—93; Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 152, стр. 251—252.

² К этому времени Гусейн паша был смещен с должности и назначен вторым визирем; он начальствовал над турецкими войсками на левом берегу Днестра. Первым визирем был назначен Делавер паша, правитель Месопотамии (*М. Алакберал*, З історії боротьби українського народу проти турецько-татарської агресії на початку XVII ст. Науковий збірник Чернівецького державного університету, 300 років возз'єднання України з Росією, Львів, 1954, стр. 89).

³ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 99—100.

⁴ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 148, стр. 241.

⁵ Kronika Pawła Piaseckiego, стр. 297.

⁶ Там же, стр. 298.

⁷ Только 18 сентября король выехал из Варшавы во Львов, где стал собирать пополитое рушение. Но сюда к нему явилась лишь шляхта четырех воеводств (Kronika Pawła Piaseckiego, стр. 300, 302).

Все это заставляло польских военачальников стремиться к скорейшему заключению мира. 27 сентября умер гетман Карл Ходкевич. Начальствование над войском было передано польному гетману Станиславу Любомирскому. 29 сентября последний отправил в турецкий лагерь своих представителей с предложениями о заключении мира¹. Турки, понесшие в ходе военных действий огромные потери², также склонялись к миру. Тем не менее, военные действия длились еще почти две недели. Наконец, 9 октября, между воюющими сторонами был заключен мирный договор. Первым пунктом, на исполнении которого султан особенно настаивал, было обязательство Польши запретить впредь казакам совершать походы на турецкие владения и наказывать их за это. Польский король обязывался также платить крымскому хану «упоминки» и т. д. Султана договор обязывал сажать на молдавский трон лиц, дружелюбно относящихся к Польше³.

Первыми из-под Хотина ушли казаки. 14 октября через Днестр по мосту, уступленному турками (турки построили во время кампании два моста через Днестр), начало переправляться польское войско. Переправа проходила в страшной суматохе. Жолнеры и шляхта, оставшиеся теперь (после ухода казаков) один на один с турками и татарами, боялись нападения с их стороны. В беспорядке они бросились на мост, задерживая и сталкивая друг друга. В воду стали падать люди, лошади, возы, пушки и т. д. Воспользовавшись этим, татары захватывали воинов, оружие, имущество.

Почти одновременно с польским войском из-под Хотина ушли и турки⁴.

Победа в Хотинской войне, несомненно, была выиграна Польшей. Основная цель, которую преследовали турки в этой войне, — захват польских и украинских земель — не была достигнута. Польша была спасена от чужеземного нашествия. Ее престиж на международной арене сильно возрос⁵.

Возникает вопрос: благодаря кому досталась победа польской стороне? Многие шляхетские и буржуазные историки целиком и полностью приписывают ее польской шляхте, про-

¹ По словам Пясецкого, первыми начали переговоры турки, пославшие с этой целью от имени молдавского воеводы в польский лагерь некоего Вавели Кретенчика (*Kronika Pawła Piaseckiego*, стр. 296).

² По словам турецкого автора Ахмеда Расима, турки потеряли больше 60 000 чел. (*М. Алекберлі, 3 історії боротьби українського народу...*, стр. 92). О том же говорит Пясецкий (*Kronika Pawła Piaseckiego*, стр. 302).

³ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 123.

⁴ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 148, стр. 243.

⁵ За границей, в Германии, Сербии и т. д., вскоре появился целый ряд исторических произведений и даже поэм, посвященных Хотинской войне. Одна из самых талантливых поэм принадлежит перу сербского поэта XVII в. Гондулича «Османь, спьяване витезко» (Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 42).

явившей якобы под Хотином в боях с несметными полчищами турок невиданный героизм. Этот вымысел легко опровергается высказываниями самих польских очевидцев. Я. Собеский, например, писал: «Если трусость немногих может опозорить целый народ, то тени наших предков по справедливости должны стыдиться своих потомков, ибо во время этого похода немало было таких, которые покидали свои хоругви, бежали как днем, так и ночью, предпочитая скорее погибнуть в быстрых волнах реки (Днестра. — В. Г.), нежели со славою отражать грозящую отечеству опасность»¹. Польские военачальники, по словам Собеского, запретили даже восстанавливать необходимый войску мост через Днестр, чтобы таким образом «положить предел позорному бегству»². Пример стойкости и неустрашимости в польском лагере показали только те, к кому шляхта относилась с нескрываемым презрением, — прежде всего казаки, а затем обозная челядь и слуги. Хотинскую войну, кроме того, нельзя, как это делают многие авторы, сводить к сражениям, имевшим место непосредственно у Хотина. Под Хотином, несомненно, развернулись наиболее крупные и решающие бои, но сама война началась еще в Молдавии и на Черном море. На этом, первом, этапе войны с турками и татарами боролись, и притом один на один, только казаки.

Нельзя забывать также и о том участии, которое принимало в войне местное украинское и молдавское население. В окрестностях Каменца-Подольского и других местах крестьяне и мещане нападали на разрозненные татарские отряды, истребляя их. Пренебрегая опасностью, крестьяне издалека привозили в лагерь под Хотином съестные припасы, в которых так нуждались казаки и польские воины. Ночью через леса группами в 100 и 200 человек они пробивались к Жванцу или Каменцу, а оттуда к Хотину. Авксент Каменецкий писал: «мы радовались тому, что из Каменца приходили... крестьяне, приносящие (нам) хлеб и водку»³.

Не может быть сомнения в том, что честь победы в Хотинской войне принадлежит прежде всего украинским казакам. Своей исключительной смелостью, мужеством и отвагой казаки вписали незабываемую страницу в историю совместной борьбы славянских народов против турецкой и татарской агрессии.

Хотинская война имела важные последствия для Османской империи. Признаки упадка последней явно обозначились еще с начала XVII в. Они выражались в восстаниях народных масс как в самой Турции, так и в покоренных ею странах, в борьбе феодальных группировок, стремившихся овладеть султанским тронном, в мятежах янычар и т. д. Поражение под Хо-

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 84.

² Там же, стр. 85.

³ А. Анастаси, Отголоски битвы при Хотине..., стр. 234.

тином обострило социально-политические противоречия в Турецкой империи. Вскоре после возвращения Османа II из похода в столице начались волнения¹. Первыми выступили янычары и сипахи, которые обвиняли Османа и его окружение в проигрыше Хотинской кампании. К ним присоединились городские низы, выступавшие против непосильных налогов и притеснений, особенно увеличившихся в ходе войны. Янычары осадили султанский дворец. Осман II приказал применить против восставших оружие, но было поздно. 19 мая 1622 г. толпы восставших ворвались во дворец, убили великого визиря Делавера пашу, начальника дворцовой охраны и много другой придворной знати. Самого Османа II с веревкой на шее толпа водила по улицам Константинополя, а затем умертвила. Падением Османа II воспользовалась враждебная ему феодальная группировка. Она посадила на трон слабоумного Мустафу I². Волнения в Константинополе, продолжавшиеся до 24 мая, нашли отклик в разных частях страны, усилив борьбу за независимость турецких вассалов — Молдавии и Валахии, Крымского ханства и т. д. В 1623 г. возобновилась изнурительная война Турции с Персией. Все это еще больше подрывало силы Турецкой империи.

Своими походами запорожские и донские казаки содействовали дальнейшему ослаблению султанской Турции. В 1622 г. 500 человек донцов и 70 запорожцев на 30 лодках появились у Трапезунда. Как видно из современного документа, казаки «турского царя города Трапизона мало не взяли, а посады выжгли и высекли, и живота всякого, и корабли, и наряд (пушки. — В. Г.), и гостей (купцов) турского царя поимали»³.

21 июля 1624 г. запорожцы и донцы показались у Константинополя. По словам современника, казаки плыли «на 150 длинных, быстро несущихся на парусах и на веслах лодках, с 10 веслами на каждом боку, по два гребца на весло». В каждой лодке было по 50 воинов, вооруженных ружьями и саблями. Лодки имели одинаково устроенную корму, нос и переносные кормила, что позволяло менять курс, не поворачивая их. Казаки сожгли приморские укрепления в Буюкдере, Иенике и Сденгу. При получении вести о приближении казаков из константинопольской гавани навстречу им вышли около 500 галер и других кораблей. «Большая цепь, — рассказывает современник, — сохранявшаяся со времени взятия Константинополя... была отправлена к слесарям Босфора, чтоб заперли ею гавань». Десять тысяч вооруженных воинов охраняли берега Босфора. Несмотря на это, казаки высадились в гавани, сожгли

¹ Поводом к ним послужило намерение султана отправиться со всей своей гвардией (24 000 янычар и 6 000 сипахов, постоянно, как сказано выше, находившихся в столице) на поклонение в далекую Мекку.

² Kronika Pawła Piaseckiego, стр. 306—307.

³ Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 18, стр. 42.

маяк и другие сооружения. После этого они «вернулись к своим берегам с добычей и сознанием, что потревожили Оттоманское царство в самой его столице»¹.

Нападения запорожцев и донцов на прибрежные турецкие и татарские крепости, в ответ на хищнические набеги турецких и татарских феодалов, происходили почти ежегодно. В 1630 г. против «черкас и донских казаков, которые ходят по морю и корабли и каторги громят», турецкое правительство организовало крупную экспедицию: в море вышла эскадра из 15 галер, имевших на борту около 5 000 янычар. Недалеко от Константинополя, у православного монастыря Сизебола, эскадра наткнулась на 6 чаек. Запорожских и донских казаков было всего 300 человек. Они причалили к берегу и с боем стали пробивать себе дорогу к монастырю. Монахи открыли перед ними ворота. Янычары в течение целых 8 дней осаждали монастырь, в котором засела небольшая горсть казаков (около 150 чел.). Скоро, однако, в море появилось 80 казацких чаек. При виде их турки сняли осаду Сизебола и бросились к галерам. Однако казаки успели захватить две галеры. Остальные «каторги турецких янычар отошли от них с боем и пришли во Царьгород»². После этого султан категорически потребовал от польского правительства уничтожить Запорожскую Сечь («черкас из Запорог свесть»). В противном случае он угрожал войной³. Но польское правительство ответило, что оно не может ничего сделать с запорожцами и, кроме того, казаки пользуются сочувствием самого турецкого населения, которое оказывает им прямую помощь и поддержку: «Да казаки-то, — писало оно, — и моря не знали, пока ваши же турки Рейзы не показали себя и... потом с ними заодно вас воюют»⁴.

Крупным событием в истории борьбы казачества с турецко-татарской агрессией явилось взятие донцами и запорожцами Азова в 1637 г. Крепость Азов, запиравшая донцам выход из Дона в Азовское море, была одновременно форпостом, откуда турки вели наступление на русские земли. Азов был также известным невольничьим рынком. После захвата Азова (1471 г.) турки сильно укрепили его. Они окружили Азов тремя рядами каменных стен, образовавших правильный четырехугольник с 11-ю бастиянами по углам. Опираясь на Азов, турецкие феодалы в союзе с татарскими совершали частые набеги на русские земли. При этом они, как с горечью писали современники, «невинную кровь проливали, большой полон за море продавали», не внимая «голосу и плачу несчастных»⁵. Из Азова турки

¹ Hammer, Geschichte des Ottomanischen Reiches, т. V, стр. 43—45.

² Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 54, стр. 95.

³ Там же, док. 57, стр. 100.

⁴ Н. Костомаров, Собр. соч., кн. 4, т. 9, стр. 42—43.

⁵ Н. Смирнов, Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. II, М., 1946, стр. 49, 74, 77.

часто ходили на Дон. Жалуясь на это правительству, донцы отмечали, что турки приходят к ним «войною, отгоняют лошадей и коров и казаков емлют»¹.

В 1630 году, возобновив войну с Персией, турецкое правительство намеревалось, опираясь на Азов, сковать силы Русского государства, лишить его возможности оказать помощь Персии и Грузии². К этому времени гарнизон Азова был увеличен до 4 000 чел., а число пушек — до двухсот. Опираясь на Азов, турки вели наступление на Дон, пытаясь покончить с казачеством. Донцы писали в 1637 г. в Москву, что азовцы на них «умышляли, крымскому царю (хану) писали для рати, чтоб нас... з Дону перевести и Дон реку очистить»³. Учитывая возросшую опасность, донцы решили отбить у турок Азов. В январе 1637 г. по всему Дону были разосланы листы, призывавшие казаков сходиться в «низовые» городки. Сборы казаков шли успешно. К походу готовились также запорожцы, которых, по сохранившимся, вероятно преувеличенным, данным, было в это время на Дону 4 000 человек⁴. Донцы обратились за помощью к Москве. Русское правительство, незадолго перед тем заключившее перемирие с Турцией, не могло открыто помочь казакам. Тем не менее оно отправило на Дон 100 пудов пороха, 50 пудов селитры, 100 пудов свинца, 40 пудов серы, а также хлеб, сукна и деньги⁵.

21 апреля донцы и запорожцы внезапно появились под Азовом и приступили к его осаде. Осадой руководил наказной атаман Михаил Петров. Сделав подкопы (в этих работах особенно отличились запорожцы), казаки после 9-недельной осады взорвали часть крепостной стены. Через образовавшуюся брешь они проникли в город и перебили весь турецкий гарнизон. Азов перешел в руки казаков. Тотчас было освобождено около 2 000 русских пленников⁶. Наняв у местного населения лодки и снабдив бывших невольников продовольствием, казаки отправили их на родину. Казаки выпустили из Азова также 50 турецких воинов, которые дольше всех сопротивлялись в одной из крепостных башен. Взятие Азова казаками вызвало тревогу в турецких городах Причерноморья. Воспользовавшись замешательством и паникой, охватившими турок, оттуда стали в одиночку и группами бежать пленные⁷.

Жизнь в Азове скоро вошла в нормальное русло. Сюда стали приезжать не только русские, но также персидские, греческие и даже турецкие купцы⁸. На деньги, собранные между собой,

¹ Н. Смирнов, Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. II, стр. 44.

² Там же.

³ Там же, стр. 47, 59.

⁴ Там же, стр. 46.

⁵ Там же, стр. 45, 53, 56.

⁶ Там же, стр. 50.

⁷ Там же, стр. 51.

⁸ Там же, стр. 56.

казаки наняли мастеров и заделали пробоины в крепостных стенах¹. На башнях были расставлены пушки. Для охраны Азова со стороны степи высылались конные отряды, разъезжавшие верстах в 10—20 от города². В Азове было установлено казачье самоуправление.

Турецкое правительство и думать не хотело о потере Азова. Оно приказало крымскому хану немедленно отправиться в поход и вернуть город. Ханские посланцы предложили казакам сдать Азов без боя, но те ответили: «Не токмо что города... (а. — *В. Г.*) з городской стены и одного камня снять (не дадим. — *В. Г.*).., нешто будет наши головы так же волягца станут... около города, как теперя ваши бусурманские... воляютца, тогда нешто ваш город Азов будет»³. Одновременно турки обратились с протестом к русскому правительству. Но последнее ответило, что донские казаки взяли Азов без его позволения, по собственному почину, и что вообще они «вольные люди» и, к тому же, «воры», не желающие подчиняться властям. Султан сделал вид, что этот ответ удовлетворяет его и сообщил в Москву, что к Азову, против донцов, им уже выслано большое войско. Ссылаясь на то, что польский король разгромил запорожских казаков и «из Запорох их свел» (имеются в виду события, связанные с восстанием на Украине в 1637 г., о чем см. ниже), султан требовал от царя, чтобы то же самое было сделано и с донцами⁴.

Султан Мурад IV решил во что бы то ни стало вернуть себе Азов и с этой целью спешил закончить войну с Персией. В декабре 1638 г. турки взяли один из важнейших городов Персии — Багдад. 17 мая 1639 г. с Персией уже был заключен мир⁵. Во владение турок перешла вся Месопотамия с городами Багдадом и Басрой. Развязав себе руки, турецкое правительство стало спешно готовиться к походу на Азов. Но тут неожиданно (1 марта 1640 г.) умер Мурад IV. Последовавшая затем обычная борьба феодальных группировок за трон несколько отсрочила поход турок. Приготовления к походу, однако, продолжались.

Положение казаков в Азове было, между тем, нелегким. Нехватало пищи и боеприпасов. Казаки нуждались также в одежде и обуви. Уже осенью 1639 г. они сообщали в Москву, что им «есть и носить нечова. Всем скудны». Из-за голода многие казаки вынуждены были покинуть Азов. К началу 1641 г. в городе осталось всего около 1 000 человек. Столь небольшой гарнизон не мог надеяться отстоять крепость от турок. Донцы обратились за помощью к русскому правительству, прося послать к ним ратных людей и припасы. «И ныне, государь, — писали

¹ *Н. Смирнов*, Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. II, стр. 50.

² Там же, стр. 51.

³ Донские дела, т. I, стр. 769.

⁴ *Н. Смирнов*, Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. II, стр. 54.

⁵ Там же, стр. 60.

казаки, — нам держать вашей царской отчины, города Азова, не с кем. Все с наготы и з босоты и з голоду и с холоду разбрелися врозь. А бьем тебе челом... городом Азовом со всем градским строением». Желая побудить русское правительство поспешить с оказанием помощи, донцы писали, что персидский шах предложил им через своего посла отправить в Азов 20 тысяч воинов ¹.

Летом 1641 г. турецкое войско вместе с татарами морем и сушей двинулось на Азов. Узнав об этом, с Дона, Украины и Запорожья на помощь защитникам Азова прибыло 4 000 казаков. «А ныне де в Азове, — рассказывал в Посольском приказе донской атаман Лукьянов, — с прибыльными людьми, которые пришли к ним из верховых (донских. — В. Г.) городков атаманы и казаки, и которые пришли к ним же из Литвы и з Запорог черкасы... тысяч с пять или с шесть» ². Царское правительство, несмотря на все значение, которое имел Азов для страны, не прислало ни одного воина. Нежелание правительства помочь казаки объясняли той ненавистью, которую феодалы питали к ним, как к людям, самовольно бежавшим «из холопства невольного от бояр и от дворян государевых», и поэтому, заключали они, помещики вообще были бы «рады... все концу нашему» ³.

7 июня турецкая армия, насчитывавшая 240 тысяч человек ⁴, во главе с Гусейном пашой подступила к стенам Азова. В турецком войске были «городоимцы, приступные и подкопные мудрые вымышленники многих государств». Одних только осадных пушек турки привезли с собой 129. Турецкие корабли, числом более 200, остановились недалеко от устья Дона. Силы турок под Азовом в десятки раз превышали силы казаков.

Вырыв под Азовом траншеи и установив пушки, турки 14 суток непрерывно штурмовали крепость. Они забрасывали город каменными и разрывными ядрами. В каждом приступе участвовало более 10 тысяч человек. Наконец, было решено овладеть Азовом тем способом, при помощи которого был взят Багдад: насыпать вблизи города высокую земляную гору и с вершины ее обстреливать его из пушек. Но казаки помешали этому. Они сделали подкоп и взорвали гору.

На протяжении всей осады смелыми вылазками, подкопами и взрывом турецких укреплений казаки причиняли туркам огромный ущерб. Искусство, с которым казаки вели подземную войну, поражало врагов. Турецкий летописец Эвлия Челеби, бывший под Азовом, замечает, что казаки умели вести подрывные работы даже под рекой.

¹ Н. Смирнов, Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. II, стр. 62.

² Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, лок. 203, стр. 320—329.

³ Н. Смирнов, Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. II, стр. 70.

⁴ Численность турецкой армии преувеличена. — В. Г.

Утомленные осадой, турки перебрасывали на стрелах грамоты, предлагая защитникам Азова сдать город и обещая за это свободу и деньги. Но казаки отклонили эти предложения, отвечая туркам, что не сдадут Азова, разве царь Михаил Федорович его у них отнимет «да вас, собак, им пожалует»¹.

После 14-недельной осады турки предприняли еще один генеральный штурм Азова, но и на этот раз были отбиты. Они потеряли под Азовом, по их собственным словам, 70 тысяч человек². Убедившись в невозможности взять крепость в ближайшее время и опасаясь приближения зимы, турецкие военачальники решили снять осаду города. В ночь на 27 сентября турки и татары (их было около 100 тыс. чел.) ушли из-под Азова. Крепость осталась в руках казаков.

Казалось бы, теперь русское правительство непременно отправит подкрепления в Азов. 3 января в Москве для решения вопроса об Азове открылся Земский Собор. На Соборе многие правильно указывали, что возвращением Азова туркам правительство не обеспечит прекращения турецких и татарских набегов на русские земли; наоборот, это будет расценено в Стамбуле как признак слабости Русского государства. Вместе с тем на Соборе проявились острые противоречия между дворянством и боярством, с одной стороны, между классом феодалов в целом и купечеством — с другой. Хотя в конце концов Собор высказался за принятие Азова царем, правительство не решилось при таких условиях вступить в войну с Турцией.

Весной 1642 г., при получении первых же известий о подготовке турками нового похода на Азов, царское правительство велело казакам покинуть город, угрожая, что в противном случае они «наведут на себя государский гнев». Несколько человек донцов, прибывших из Азова в Москву, были задержаны царскими властями в качестве заложников³.

В таких условиях донцы весной 1642 г. покинули Азов. Они вывезли все пушки и оставшиеся запасы к себе на Дон, а крепость разрушили до самого основания⁴. Турки снова заняли Азов. Отказ царского правительства занять Азов более чем на полстолетие отодвинул решение важного вопроса о выходе России к Азовскому морю.

Борьба запорожских и донских казаков с турецко-татарскими захватчиками продолжалась в течение XVII и XVIII вв. Уже в октябре 1644 г. запорожцы (на 30 чайках) и донцы (неизвестно в каком количестве) вновь ударили на Азов. Они держали город немалое время в осаде, «а окола города шкоту (урон.— В. Г.) мною учинили, и городовые стены саженей з 12

¹ Н. Смирнов, Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. II, стр. 70.

² Там же, стр. 71, 75.

³ Донские дела, т. II, стр. 342—352.

⁴ Н. Смирнов, Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. II, стр. 84.

из снаряду выбили». Части запорожцев удалось даже ворваться в крепость («а иные черкасы были и в городе»)¹.

Не прекращались также нападения казаков на прибрежные турецкие города и крепости. Смелые морские походы запорожцев на Турцию и Крым производили огромное впечатление на европейские страны. Достаточно сказать, что за каких-нибудь сорок лет (с 60-х годов XVII до начала XVIII столетия) в Италии, Германии, Франции и Англии появилось свыше десяти сочинений, посвященных военному искусству запорожцев и донцов². Эти произведения, повествующие о сухопутных и морских походах казаков, с увлечением читались современниками.

Морские и сухопутные походы запорожских и донских казаков, приводившие в трепет турецких феодалов, содействовали дальнейшему ослаблению Оттоманской империи. Султан, по словам украинского летописца, сознавая свое бессилие, с гневом говорил: «Когда окрестные панства (государства) на мя встают, я на обидви уши сплю, а о Козаках мушу единым ухом слухати»³.

¹ Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 241, стр. 403.

² См. например: *Relazione della segnalata vittoria ottenuta da Cosacchi di Zaporovia*, Bologna, 1683. *Vielfache hoechsterfreuliche relation von der Cosacken preiswürdigen Sieg wieder die Tartaren und Türcken heldanmüthigst erhalten*, 1683 и т. д.

³ Летопись Григория Грабянки, К., 1854, стр. 20.

ГЛАВА VIII

ЗАПОРОЖСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ВОССТАНИЯХ 1625, 1630—1631 гг. ВЗЯТИЕ КОДАКА ЗАПОРОЖЦАМИ В 1635 г.

Вернемся, однако, к запорожским казакам. Перед своим уходом из-под Хотина казаки отправили к королю своих посланцев. Они выдвигали ряд требований, важнейшими из которых были: признание за всеми участвовавшими в войне, но не входившими в реестр казаками, права на казацкие вольности, право проживать не только в королевских, но и в частновладельческих имениях, а также право на освоение новых угодий. Кроме того, казаки требовали увеличить жалование, передать войску под приют для раненых и увечных г. Борышполь и запретить размещать жолнеров на территории Киевского воеводства¹.

Подавая свою просьбу, казаки надеялись, что правительство учтет их исключительные заслуги в борьбе с турками и понесенные жертвы и удовлетворит, если не все, то, по крайней мере, важнейшие их требования. Но память панов в таких случаях была очень коротка. Уже 18 (28) октября 1621 г., т. е. всего через две недели после окончания войны, польское правительство создало комиссию для «упорядочения» реестра.

Комиссарам поручалось: пересмотреть реестр и свести его до 3 тысяч чел.; немедленно вернуть всех «выписчиков» под власть панов и старост; объявить о невозможности увеличения жалованья реестру сверх установленных 40 тысяч злотых в год, а также передачи г. Борышполя, т. к. последний является собственностью Жолкевских. Реестровцы должны были содержать попрежнему залогом на Запорожье. Одновременно правительство предусматривало жестокие меры с целью разорвать связь центральных областей Украины с Запорожьем. За бегство к запорожским казакам и переправу к ним оружия, пороха и свинца устанавливалась смертная казнь². Комиссары должны

¹ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 152, стр. 251—252.

² Там же, док. 153, стр. 252—255.

были «без огласки снести с Сагайдачным и войсковою старшиной» и, обещая им королевскую милость и «особые от нас дары», добиться, чтобы те на время сохраняли в полной тайне постановления комиссии о казаках ¹.

Однако привести в исполнение эти решения комиссары не могли, так как в их руках не было того, что требуется в таких случаях — реальной силы. Сила была пока что у казаков. Значительная часть казаков, принимавших участие в войне, расположилась «на постой» в имениях шляхты Киевского воеводства. Казаки и слышать не хотели о возвращении к своим панам и продолжали сохранять военное устройство — сотни, полки. К ним стали примыкать панские подданные, также объявлявшие себя казаками. В ответ на многочисленные жалобы шляхты правительством неоднократно обращалось к казацким старшинам с требованием выйти из шляхетских имений и распустить свои отряды. Такой приказ, например, был направлен 5 января 1622 г. казацкому полковнику Русинскому ². Но правительственные приказы и распоряжения оставались на бумаге. Казаки не только не расходились, но увеличивались в числе. В это же время, 10 апреля 1622 г., «по многих знаменитых военных послугах и звитязствах... приложился к отцем своим» гетман Петр Конашевич Сагайдачный, тяжело раненый под Хотином ³.

Смерть Сагайдачного, крупного военного и политического деятеля, была встречена в польских правящих кругах с тревогой и сожалением. Известный волынский магнат князь Юрий Збаражский писал королю: «вчера получил известие — умер Сагайдачный, столь верный и преданный вашей королевской милости и Речи Посполитой гетман запорожский; легко понять, насколько легче было бы договориться с казаками при его власти (чит. жизни. — *В. Г.*). Бог знает, кого они выберут теперь себе за гетмана: весьма правдоподобно, что, по обыкновению своему, наиболее своевольного». Збаражский рекомендовал с большой осторожностью подойти к кандидатуре нового гетмана, назначив его обязательно из лиц, принадлежащих к реестру, и советовал обсудить этот вопрос со старшиной, остававшейся верной правительству.

Выборы нового гетмана ⁴ происходили в очень напряженной обстановке. Польским комиссарам не удалось провести в гетманы своего человека. Угрозы казаков заставили их покинуть раду. Гетманом реестра был избран Олифер Евстафьевич Голуб, который, хотя и принадлежал к имущему казачеству, сохранял, однако, связь с казацкими низами. «Победила, как видим, — писал король киевскому бискупу, — сильная чернь, не согла-

¹ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 153, стр. 255.

² Там же, док. 154, стр. 255—256.

³ М. Максимович, Собр. соч., т. I, стр. 376—377.

⁴ Казацкая рада собралась на р. Росаве.

шавшаяся ни с волей нашей, ни с намерениями Речипосполитой, основывавшимися на прежних постановлениях о казаках»¹.

Наличие большого казацкого войска, состоявшего в огромной своей части из бывших крепостных, создавало серьезную угрозу для господства панов в Восточной Украине. Население многих сел и местечек объявляло себя казаками, и паны никакими мерами не могли вернуть его «в послушество» из-за стоявшего тут же казацкого войска. На сейме 1623 г. магнаты Восточной Украины с недовольством и злобой говорили о создавшемся положении и требовали немедленной вооруженной расправы с казаками. Сенатор Ю. Збаражский заявил: «Не обездивать нужно эту беду (казаков. — *В. Г.*), а освободиться от нее»².

Сейм в ультимативной форме предложил казакам сократить свою численность до 5 тысяч человек; остальным же вернуться к своим панам. Одновременно было решено набрать и расквартировать в Восточной Украине новые части кварцяного войска (гусар, пехотинцев и так называемых «выбранцев», всего 3 500 чел.)³.

Однако провести в жизнь все эти решения сейм не имел возможности. У казны не было, по обыкновению, средств для набора кварцяного войска, а магнаты Восточной Украины не решались выступить против казаков с одними своими надворными частями. В одном из своих позднейших посланий королю кн. Ю. Збаражский отмечал, что сила казаков не только в их войске, но и в том, что их «явно и тайно поддерживает чуть ли не вся Киевская земля и Белая Русь»⁴.

Движение народных масс Украины против социального и национального гнета продолжало усиливаться. Показаченье охватывало все новые и новые районы. Численность казацкого войска непрерывно возрастала. В королевской инструкции сеймикам, изданной в конце 1625 г., перед созывом нового сейма, говорилось, что казаки на Украине, «по всем данным, забыв верность и подданство свое, учреждают себе удельную Речь Посполитую (республику. — *В. Г.*), покушаются на жизнь и имущества невинных людей (шляхты). Вся Украина подчинена ими, шляхтич в доме своем не волен, в местах и местечках его королевской милости все управление, вся власть у казаков, (они) присваивают себе власть, устанавливают законы... Не один шляхетский дом обесчещен, опозорен, окровавлен собственными подданными, именующими себя казаками»⁵.

¹ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 159, стр. 261, док. 167, стр. 267.

² Listy ks. J. Zbarazkiego, стр. 77—78.

³ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 175, стр. 282—283.

⁴ Там же, док. 179, стр. 287—288.

⁵ Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 32, стр. 63. Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 178, стр. 285.

В подтверждение того, что казаки создают себе на Украине «отдельное государство», инструкция указывала, что казаки сносятся «с Москвой через послов»¹ и «кобъявляют войну и мир по своему усмотрению»².

К лету 1625 г. правительство сумело собрать против казаков довольно значительные силы. 15 сентября во главе коронного войска на Украину из своей ставки, находившейся в г. Баре (Подолия), выступил с войском новый коронный гетман Станислав Конецпольский³. Конецпольскому было также подчинено посполитое рушение украинских воеводств (ок. 30 тыс. чел.)⁴. Таким образом, силы Конецпольского не уступали тем, которые были в свое время выставлены поляками под Хотин⁵. Вскоре к Конецпольскому явились со своими войсками восточнукраинские магнаты, многие из которых выступали в качестве королевских комиссаров, — кн. Константин Вишневецкий, кн. Юрий Заславский, С. Потоцкий, Адам Калиновский, Ф. Замоийский, Ян Данилович, Мартин Казановский, Тышкевич⁶. Комиссарам, «знатным особам тамошних краев», поручалось вместе с коронным гетманом «употребить любые средства, которые могли бы служить к усмирению своеволия»⁷. Князь Ю. Збаражский, лишенный возможности немедленно присоединиться к Конецпольскому, отправил к последнему кн. Четвертинского. «Сам прекрасно знаешь, ваша милость, — писал Збаражский Конецпольскому, — что тебе предстоит не словами и не трактатами..., а оружием чинить справедливость». Вместе с тем он просил Конецпольского взять под свое покровительство его имения, находившиеся в Восточной Украине⁸.

Около 20 октября польское войско переправилось на левый берег Южного Буга и через Паволочь двинулось к Белой Церкви. Район Белой Церкви, Канева, Корсуня, Черкассы и Чигирин был основным местом сосредоточения казачества. К моменту появления коронного войска на р. Роси силы казаков не были объединены. Этому мешали социальные противоречия в их среде.

¹ Имеется в виду реестровый полковник Иван Гиря, отправленный казаками в Москву в феврале 1625 г. (Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 24, стр. 50—51).

² Там же, док. 32, стр. 63.

³ Станислав Конецпольский незадолго до этого был выкуплен из турецкого плена.

⁴ Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 27, стр. 56 и док. 30, стр. 61.

⁵ По некоторым данным, всего под начальством Конецпольского было 50 тыс. чел. (см. донесение севских воевод в Москву от 6 июля 1625 г. Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 26, стр. 55).

⁶ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 130, 132, 134.

⁷ Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 32, стр. 63.

⁸ Государственная публичная библиотека УССР, рукописный отдел, фонд IV, д. 241, л. 605.

Последние особенно остро ощущались на Запорожье. Сторонников соглашения с панами возглавлял здесь реестровый полковник Михаил Дорошенко, в прошлом близко стоявший к Сагайдачному. Противников такого соглашения, т. е. основную часть казачества, представлял запорожец Марко Жмайло. В ходе борьбы верх брала то одна, то другая сторона, что выражалось, в частности, в смене гетманов. Сначала гетманом был избран Дорошенко, позднее, ко времени появления коронных войск, им стал Жмайло. Всего казаков на Запорожье после произошедшего тут соединения реестровцев с запорожцами насчитывалось около 6 тысяч человек¹. Запорожцы призвали к себе на помощь донских казаков. В случае поражения в предстоящей войне с панами они намеревались перейти в Россию².

11 октября коронное войско подошло к Каневу. В городе было всего около 3 тысяч казаков. Не желая подчиниться панам, они вышли из города и направились к Черкассам, куда стягивались казаки и из других мест. Из Черкасс они двинулись далее к югу, в направлении Запорожья. В устье р. Цыбульника, правого притока Днепра, в с. Таборище (нынешнее Табурище, Кировоградской области) казаки встретились с шедшими им на помощь запорожцами под предводительством Жмайла. Жмайло вез с собой из Запорожья артиллерию. У с. Таборище, в миле от местечка Крылова, казаки заложили лагерь³. Всего тут собралось около 20 тысяч повстанцев⁴.

Коронное войско спешно шло к Таборищу. На своем пути оно безжалостно убивало жителей и опустошало села и местечки. Путивльские воеводы доносили в Москву, что «в литовских городех козаков поляки многих побили и места их козацкие разорили»⁵. 24 октября Конецпольский подошел с войском к Крылову. Он отправил к казакам комиссаров с требованием подчиниться постановлению сейма о сокращении реестра до 5 тысяч и о возвращении всех остальных под власть панов. Вечером к Конецпольскому с ответом явилось 13 казацких старшин. Они объявили, что казаки не желают «выполнять ни одного пункта из предложенных условий»⁶. Взбешенный таким ответом, Конецпольский задержал старшин в польском лагере и хвастливо заявил: «Вы вскоре испытаете силу наших сабель

¹ Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 24, стр. 51.

² Севские воеводы со слов украинских беженцев сообщали в Москву в июле 1625 г.: «Да запороские же де, государь, черкасы... з Дону твоих государевых козаков к себе на помощь призвали... А только де запороских черкас мочи не возьмет битца с ляхами, и запороские де, государь, черкасы все хотят переехать на твое государево царев... имяя» (Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 26, стр. 55).

³ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 133. Остатки земляного вала в с. Табурище сохраняются и поныне.

⁴ Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 31, стр. 62.

⁵ Там же.

⁶ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 133.

на своих головах»¹. Задерживая старшин, Конецпольский стремился выиграть время и утром внезапно напасть на казачий лагерь.

На рассвете 25 октября Конецпольский бросил свои силы на казачий лагерь. Обширная степь, рассказывает современник, вся покрылась войсками². В середине двигалось коронное войско с Конецпольским и отряды посполитого рушения под начальством Збаражских. Правым крылом командовал киевский воевода Фома Замойский, левым — галицкий каштелян Мартин Казановский³. Приблизившись к казачьему лагерю, польское войско обрушилось на него всеми своими силами. Артиллерия открыла бешеный огонь по казакам. Но казаки не только выдержали напор врага, но нанесли ему ответный удар. Крупный урон причинила панам казачья конница, спрятанная в овраге. Развернувшись в лаву, она неожиданно атаковала правый фланг противника.

Жестокий бой кипел и на левом крыле вражеского войска. Заметив, что угол казачьего лагеря слабо укреплен, Казановский бросил туда свои части. Прорваться в лагерь, однако, ему не удалось. «Казаки, — говорит очевидец, — отражали каждый новый приступ учащенными залпами»⁴.

Сражение продолжалось целый день. Вечером, с наступлением темноты, Конецпольский отвел свое войско на прежние позиции. На протяжении всего следующего дня поляки готовились к новому штурму. Жолнеры плели турысы из хвороста, запасались порохом и пулями и т. д.

Ночью к казакам перебежал один польский жолнер, который сообщил им о готовящемся штурме⁵. Той же ночью казачье войско незаметно покинуло лагерь у Крылова, направившись на восток, к озеру Россоховатому. Переправившись в двух местах через это длинное и узкое озеро, оно остановилось у следующего — Курукова озера⁶. У первой переправы для прикрытия казаки оставили 1500, а у второй — 2000 человек конницы и пехоты. Расположив свои возы на берегу Курукова озера в виде полумесяца, они стали искать место для лагеря. Наиболее подходящим оказалось пространство между озером и остатками старого городища⁷. К этому месту прилегало болото,

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 133.

² Там же, стр. 134.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 135.

⁵ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 135. Место, занятое казаками, оказалось неудобным, и Жмайло решил отвести войско на более выгодные позиции — к Куруковому озеру.

⁶ Куруково озеро и расположенное вблизи его урочище Медвежьи Лозы находились у позднейшего посада Крюкова, на правом берегу Днепра, против Кременчуга (Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 136).

⁷ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 136.

покрытое густой травой; оно могло служить ловушкой для неприятеля.

Времени для устройства лагеря оставалось мало. Конецпольский в ту же ночь, с 30 на 31 октября, узнав об уходе казаков из-под Крылова, отправил за ними в погоню конницу под начальством Ст. Потоцкого. У первой же переправы (через Россоховатое) Потоцкий наткнулся на засаду. Казаки, подпустив близко панскую конницу, встретили ее ружейными залпами. Однако Потоцкому удалось оттеснить казаков и овладеть переправой. У второй переправы залегала в два ряда казачья пехота. Потоцкий не мог выбить ее из занятых позиций и стал дожидаться подхода главных сил. Когда же последние приблизились к переправе, он вместе с ними яростно бросился на казаков. Под напором вражеской конницы и пехоты казаки вынуждены были покинуть переправу и отступить.

Переправившись с войском через Россоховатое вброд, Конецпольский решил с ходу ударить на казаков и не дать им возможность укрепить свой лагерь. Под прикрытием артиллерии он лично повел войско в атаку на казаков. Но у самого лагеря пехота и конница врага попали в трясины. Казаки открыли по ним убийственный огонь¹. «От казацких самопалов, — писал Пясецкий, — легло немало конницы, а особенно иностранной пехоты»². Сами польские военачальники — Конецпольский, Замойский и Казановский — едва выбрались из болота. Многие из польского войска были убиты и ранены. Казаки отбили приступ с большими для врага потерями.

Через несколько дней, 1 ноября, выпал первый снег. Наступили холода. Приближение зимы и немалые потери в людях побудили Конецпольского и комиссаров вступить с казаками в переговоры. 1 ноября в казацкий лагерь были отправлены посланцы. Начались переговоры. Положение казаков в лагере у Курукова озера было также нелегким. Оно осложнилось раскольническими действиями реестровой старшины, стремившейся к миру и соглашению с панами.

5 ноября в казацком лагере произошел переворот: Жмайло был отрешен от булавы (дальнейшая судьба его неизвестна). Гетманом стал представитель казацких верхов Михаил Дорошенко³. На следующий день Дорошенко со всей старшиной приехал к Конецпольскому. Он принял все условия польской стороны. Подписанный здесь договор, известный в литературе под названием Куруковского, предусматривал следующее: реестр увеличивался до 6 тысяч человек. (Этот пункт был известной уступкой казачеству). Составление реестра должно было закончиться не позднее 18 декабря 1625 г., т. е. через шесть недель; списки при этом подлежали представлению в коронный скарб,

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 133.

² Kronika Pawła Piaseckiego, стр. 321.

³ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 139.

а копии их — старостам. Составление реестра, как гласил договор, необходимо было для того, чтобы польские власти получили «возможность поощрять более заслуженных к успешной службе Речипосполитой»¹. Во избежание осложнений отбор казаков для реестра следовало произвести не на месте, а лишь после того, как они разойдутся по домам. Жалованье реестру устанавливалось в размере 60 тысяч злотых в год, т. е. по 10 злотых на казака. Старшинам, чтобы они «усерднее исполняли свои обязанности на службе его кор. мил. и Речипосполитой», жалованье, по сравнению с казаками, было резко повышено². Старшины обязывались не потворствовать показаченью («не допускать сборищ и не созывать людей, выписанных из реестра») и немедленно подавлять «всякое своеволие и неповиновение»³. Реестровцы, проживавшие в частновладельческих имениях, должны были выехать оттуда в течение двенадцати недель. Оставаться там они могли лишь при условии повиновения владельцам и с согласия последних. Всем участникам восстания договор объявлял амнистию.

Остальные пункты договора относились к Запорожью. Реестровцы обязывались держать на Запорожье, «на Низу, за порогам», залог в 1000 или более человек, «смотря по обстоятельствам времени»⁴. Обязанность наблюдать за несением службы залогой возлагалась на старшего реестра. Старшина должна была также сжечь лодки на Запорожье и не допускать никакого сообщения по Днепру между волостями и Запорожьем⁵.

Куруковский договор хотя и не являлся результатом военной победы над казаками, однако, благодаря соглашательской политике старшины, он всем острием своим был направлен против народных масс. Паны, понимавшие значение Запорожской Сечи для освободительного движения украинского народа, стремились изолировать Запорожье от остальных украинских областей, чтобы затем разгромить низовое казачество.

Для того, чтобы обеспечить составление реестра в установленном договором размере, Конешпольский оставил в Приднепровье под начальством Казановского 15-тысячное войско. Оно должно было разместиться в Киеве, Василькове, Триполье, Ржищеве, Стайках и Фастове и стоять до тех пор, «покаместа козаки розберутца в 6000»⁶.

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 114.

² Договор устанавливал старшине следующее жалованье: старшему реестра — 500 злотых в год, войсковому судье — 100, обозному — 100, шести полковникам — по 50, шестидесяти сотникам — по 50.

³ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 143.

⁴ Остальные реестровцы, не занятые в залог, должны были выступать по первому приказу коронных гетманов «в помощь регулярному войску или туда, куда нужно будет». Там же, вып. II, стр. 145.

⁵ См. текст договора. Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 143—147 и Акты ЮЗР, ч. III, т. I, док. 78, стр. 285—291.

⁶ Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 31, стр. 62. Донесение путивльского воеводы.

Вскоре после Курукова старшины приступили к составлению реестра. Совместно с польскими комиссарами и жолнерами они разъезжали по городам и селам и производили «отбор» для реестра. В него попадали лишь «лутчие люди», т. е. те, кто обладал определенным имуществом, необходимым для исправного отбывания воинской службы ¹.

Составление реестра происходило в очень напряженной обстановке. Волнения в Восточной Украине не прекращались. Основная масса казаков, не имевшая никаких шансов быть зачисленной в реестр, возлагала свои надежды на помощь со стороны России. Посланец киевского митрополита Юова Борецкого, священник Филипп, направлявшийся в конце 1625 г. в Москву, говорил царским воеводам: «А которых де... людей от козачества отставляють, и те козаки все мыслят посылати бить челом тебе, государю... чтобы ты, государь, пожаловал их, велел им помочь учинить своими государевыми людьми на поляков. И они де, козаки, станут служить тебе, государю, и города литовские станут очищать в твое государево имя»... ².

Реестр был составлен в указанный договором срок и передан польским комиссарам в Киеве. Примерно в это время на Украине было учреждено шесть реестровых полков — Киевский, Переяславский, Белоцерковский, Корсунский, Каневский и Черкасский. Полки назывались по имени города или местечка, где находилось управление полком и проживала старшина во главе с полковником. Полк делился на сотни. Над сотней начальствовала сотенная старшина. Артиллерия реестра со всей прислугой и мастеровыми ³, а также войсковая музыка — трубачи, барабанщики и т. д. находились в Каневе ⁴.

Весной 1626 г. гетман Михаил Дорошенко с реестровыми казаками, взятыми из разных полков, двинулся на Запорожье. Он должен был в присутствии представителей коронного гетмана выполнить условия Куруковского договора относительно запорожцев. На Запорожье реестровцы смогли сжечь лишь часть лодок, главным образом тех, которыми казаки пользовались для рыболовства. Скоро, теснимые запорожцами, они отступили к Хортице. Оставив тут гарнизон в 1000 человек «людей отборных» под начальством полковника Ивана Кулаги, Дорошенко с остальными реестровцами ушел на волость ⁵.

Однако неудача Дорошенко на Запорожье не помешала ему в письме к турецкому каймакану (начальнику турецких войск в Крыму) хвастливо заявить, что реестровцы «тамошних (запо-

¹ Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. 1, док. 31, стр. 62. Донесение путивльских воевод.

² Там же.

³ Упоминаются: пушкари, возницы, кузнецы, столяры, шорники и т. д.

⁴ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 185, стр. 296 и док. 188, стр. 301.

⁵ Там же, док. 184, стр. 293—294. Письмо М. Дорошенко Ст. Конецпольскому (весна 1626 г.).

рожских) своевольников одних побили, других взяли в плен, и сожгли все лодки»¹.

После заключения Куруковского договора польские и украинские паны усилили угнетение народных масс. Владельцы, не считаясь ни с чем, увеличивали повинности зависимого от них населения. Многие казаки были превращены панамы в крепостных, а земли их и имущество отобраны в пользу шляхты. Паны продолжали кровавыми мерами насаждать католицизм и ополячивать украинское население. Социальное и национальное угнетение дополнялось бесчинствами польских жолнеров, расположенных в городах и местечках Восточной Украины. Львовский летописец писал, что жолнеры в это время на Украине «збродне и крывды незносны чинили, людей без даня причины забиваючи»². Притеснений, ограничений и произвола не избегали и реестровцы. Коронный гетман Конецпольский, например, использовал реестровых казаков для охраны своих имений от татар и т. д. В прошении, отправленном на сейм 1627 г., реестровцы жаловались «на большие утеснения» со стороны местных панов, которые забирают добро, избивают и мучают казаков. Реестровцы заявляли, что не могут найти ни у кого защиты от этих насилий. Старшина со своей стороны подчеркивала, что местная шляхта не разрешает ей торговать, заводить промыслы и иметь шинки³. Вместе с тем старшина заявляла, что войско может выполнять возложенные на него правительством обязанности, но лишь в том случае, если будет положен конец притеснениям реестровцев. Она указывала также на то, что для поддержания боеспособности войска необходимо разрешить вместо умерших казаков вписывать в реестр «годных и заслуженных выписчиков»⁴. Правда, тут же старшина замечала, что найти таких выписчиков будет нелегко, ибо они «уже так ограблены и разорены панамы, подданными которых состоят, что остались с одной только душой»⁵. Одновременно старшина просила правительство о выдаче войску пороха и свинца, об увеличении жалованья и др.⁶.

Ограбленные и преследуемые панамы крестьяне, мещане и казаки бежали на Запорожье и в Россию. В мае 1629 г. правительственный комиссар реестра Хмелецкий писал королю: «На Запорожье собралось казаков почти столько, сколько их было под Хотинном, или даже больше»⁷. К запорожцам присоединялись и реестровые казаки, недовольные предательской политикой старшины.

¹ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 186, стр. 298. Письмо от 6 мая 1626 г.

² Історія України в документах і матеріалах, т. III, док. 68, стр. 86.

³ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 188, стр. 302.

⁴ Там же, док. 187, стор. 299.

⁵ Там же, док. 190, стр. 304.

⁶ Там же, док. 185, стр. 295—296.

⁷ Українне sprawy, стр. 86.

В 1628 г., во время похода в Крым на помощь хану Шагин-Гирею, умер гетман реестровцев Михаил Дорошенко. На его место старшина выдвинула представителя богатого казачества Григория Черного. Кандидатура Черного оказалась вполне подходящей для правительства, и оно поспешило утвердить его¹. Черный, подобно своим предшественникам, ставленникам старшины и правительства, жестоко подавлял всякое проявление недовольства со стороны народных масс. В конце 1629 г. на территорию Восточной Украины, главным образом в Киевское воеводство, вновь были введены части кварцяного войска, только что вернувшиеся из шведского похода². Возвращение жолнеров означало не только возобновление произвола и бесчинств в отношении украинского населения. Кварцяное войско было в то же время той карательной силой, которая немедленно приходила на помощь панам при всякой попытке угнетенных к протесту.

Расквартирование кварцяного войска усилило недовольство народных масс. В Восточной Украине участились случаи нападений на отряды жолнеров. Последние были изгнаны из многих сел и городов. Борясь против шляхты и кварцяного войска, народные массы выступили одновременно и против реестровой старшины, стремившейся сохранить режим польско-шляхетского господства на Украине.

На помощь народным низам пришло запорожское казачество. Еще в 1629 году часть реестровых казаков, присоединившихся к запорожцам, объявила Черного низложенным и провозгласила гетманом Левка Ивановича³. Тогда Черный объявил об исключении из войска всех бежавших к запорожцам реестровцев, принял унию и поклялся вести смертельную борьбу с вольным казачеством⁴.

К моменту появления на Украине кварцяного войска Левко Иванович, человек малорешительный, был отстранен казаками от гетманства. На его место был избран энергичный и талантливый предводитель, пользовавшийся уважением и поддержкой казачества Тарас Федорович (Трясило). В марте 1630 г. казаки во главе с Тарасом Федоровичем выступили из Сечи на волесть. Войско их насчитывало около 10 тысяч человек пеших и конных и везло с собой пушки. Тарас Федорович обратился к народным массам Украины с универсалом. Он призывал их восстать против угнетателей и изгнать жолнеров. К запорожскому войску,

¹ Kronika Pawła Piaseckiego, стр. 346.

² Кварцяное войско было выведено с Украины в Прибалтику в 1626 г. в связи с возобновлением польско-шведской войны.

³ Ukrainne sprawy, стр. 184.

⁴ На сейме, после смерти Черного, Конецпольский так отозвался о нем: «Хотел, бедняга, так исполнять свою должность гетмана, чтобы сеймовые постановления были неукоснительно выполнены..., надеясь тем заслужить королевскую милость себе и всему (реестровому) войску».

направлявшемуся к Черкассам, стали присоединяться крестьяне, мещане и казаки из разных мест Восточной Украины. Севские воеводы доносили в Москву: «А в которых... городках запорожские козаки жили по дамом, и ныне... те все козаки ис тех городков идут в сход к гетману к Торасу и х козаком в город в Черкасы»¹.

В середине марта запорожцы подступили к Черкассам. Остановившись в нескольких верстах от города, они направили туда разведчиков. Последние окружили ночью дом Черного, захватили его в постели и доставили в казацкий лагерь. За совершенные преступления казацкий суд приговорил Черного к смертной казни.

Узнав об аресте Черного и о приближении запорожского войска, черкасская реестровая старшина бежала из города в Корсунь под защиту стоявших там жолнеров. Сюда стали стекаться из разных мест другие старшины-полковники и сотники с отрядами реестровых казаков. Скоро в Корсуне собралось около 3 тысяч реестровцев.

4 апреля запорожцы подошли к Корсуню. В городе вспыхнуло восстание. Мещане стали стрелять в жолнеров из окон и чердаков своих домов. Реестровые казаки покинули свою старшину и перешли на сторону повстанцев. Старшина и офицеры с частью жолнеров бежали в Бар, в главную квартиру коронного гетмана Конецпольского. Они донесли ему о событиях в Приднепровье и просили «защитить их как верных его королевской милости воинов от своевольников». Конецпольский, однако, не решался немедленно выступить против казаков. Он спешно созвал в Бар магнатов и шляхту украинских воеводств. В своем обращении к ним от 7 апреля 1630 г., извещая о восстании, коронный гетман писал: «Прошу вас, моих милостивых панов, к которым ближе всего этот пожар и которые уже раньше узнали, что такое хлопское своеволие, добровольно прибыть в войско его королевской милости, чтобы гасить этот огонь хлопской кровью»². Шляхта и жолнеры стали собираться в Бар к Конецпольскому. По дороге они грозили населению: «гды ся вернемо (из похода в Приднепровье. — В. Г.), вшитких вас в пясти мети будемо (истолчем в ступе)»³.

Между тем восстание быстро расширялось. После Корсуни казаки овладели Каневом, а затем Переяславом. Тревожные вести о том, что пламя восстания распространяется все дальше, одна за другой летели в Бар. Это заставило коронного гетмана спешить с выступлением в поход. Вперед был отправлен с отрядами шляхты известный своими бесчинствами и кровожадностью коронный стражник Самуил Лащ. Банда Лаща обогрела свои

¹ Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 63, стр. 110.

² Там же, док. 44, стр. 80.

³ Історія України в документах і матеріалах, т. III, док. 63, стр. 88.

руки кровью «людей невинных, — говорит львовский летописец, — былебы тилко Русин (лишь бы он только украинец) был»¹. Лащевцы вырезали население целых местечек, таких, например, как Лисянка, Дымер, не взирая на пол и возраст. К Лашу присоединилась кучка реестровцев, шедших за старшиной. Вслед за ним на Переяслав пошел Конецпольский. Выступлению в поход коронного войска старались придать вид крестового похода на казаков. В Бар на проводы коронного гетмана собралась вся окрестная шляхта. Во время торжественного богослужения доминиканцы обнесли вокруг костела и затем освятили меч Конецпольского, благославляя последнего «Русь (украинцев) ...выкоренити»².

По сведениям, имевшимся у русских воевод, войско Конецпольского насчитывало 12 тысяч человек³. Конецпольский шел в Приднепровье «з великим гневом на козаки и на вшитку Русь», с тем «интентом (намерением), аби, — как замечает львовский летописец, — впрод козаков, а затым в вшиткой (по всей) Украине Русь вистинали (истребить), аж до Москвы»⁴. Подойдя к Киеву с юга, Конецпольский стал переправляться через Днепр. Ночью, когда значительная часть войска была уже на левом берегу, на штаб Конецпольского наскочила сотня конной казацкой разведки. В штабе поднялся переполох, во время которого казаки схватили одного капитана «и самого пана гетмана мало не поймали»⁵. Конецпольский поспешно отошел к Киеву, чтобы дождаться тут отставшие отряды войска. Лишь через несколько дней коронное войско переправилось через Днепр и двинулось к Переяславу. Спустя несколько дней оно уже заняло позиции под городом.

Несмотря на то, что коронное войско превосходило казаков вооружением, имело более многочисленную конницу и сильную артиллерию, Конецпольский не решался наступать на Переяслав. Поджидая прибытия новых частей, он старался не допускать к казакам, в Переяслав, подкреплений. Однажды Лащ донес Конецпольскому, что к городу приближается отряд повстанцев в 200 или 500 человек. Взяв с собою «жолнера доброго» две тысячи, Конецпольский бросился догонять этот отряд. Повстанцы приняли неравный бой. Окруженные со всех сторон врагами, они заняли сарай (шопу), одиноко стоявший в поле, и «боронились так, же жадного живцем (жолнеры) не поймали»; полякам удалось захватить лишь одного сотника, но и то тяжело раненого. В это время из польского войска к казакам в Переяслав перебежало двое слуг. Они известили казаков о бое Конецпольского с отрядом повстанцев в поле. Тогда Тарас Федорович

¹ Історія України в документах і матеріалах, т. III, док. 68, стр. 86.

² Там же, стр. 89.

³ Воссоєдинєнє України с Росією, сбор. док., т. I, док. 63, стр. 109.

⁴ Історія України в документах і матеріалах, т. III, док. 68, стр. 86.

⁵ Там же.

ударил на лагерь коронного войска, оставшегося под начальством польного гетмана Николая Потоцкого. Началась лютая сеча. На помощь Потоцкому в лагерь вернулся Конецпольский, и сражение стало еще более ожесточенным. Около шести часов пополудни хлынул проливной дождь. Казаки, захватив три пушки, две гаковницы и другое оружие, отошли к Переяславу. Обе стороны понесли большой урон: каждая потеряла до двух тысяч человек. Казаками был убит ротмистр Ганибал, ближайший советник Конецпольского, «по которому сам пан гетман як по отцу плакал», и другие видные шляхтичи, иронически именуемые львовским летописцем панами Красновоиским, Красносельским и Красноставским ¹.

Около середины мая, ночью, небольшой отряд казаков незаметно проник в ту часть польского лагеря, где расположился штаб Конецпольского, охраняемый отборной шляхетской хоругвью — Золотой ротой. В Золотой роте (называлась так по золотому кругу на знамени) было сто пятьдесят шляхтичей, принадлежавших к «знатнейшим» родам. Застигнутая врасплох казаками, она после короткой схватки была полностью уничтожена. Героической борьбе казаков под Переяславом Тарас Шевченко посвятил свое знаменитое произведение «Тарасова ніч». События памятной ночи, завершившейся разгромом Золотой роты, так воспроизведены поэтом:

«Лягло сонце за горою,
Зірки засіяли,
А козаки, як та хмара,
Ляхів обступали.
Як став місяць серед неба,
Ревнула гармата;
Прокинулись ляшки-панки —
Нікуди втікати!
Прокинулись ляшки-панки,
Та й не повставали:
Зійшло сонце — ляшки-панки
Покотом лежали...
Заспівали козаченьки
Пісню тієї ночі, —
Тієї ночі кривавої,
Що славою стала
Тарасові, козачеству,
Ляхів що приспала».

В борьбе казаков с польскими панами под Переяславом принимал участие, надо думать, будущий вождь освободительной войны украинского народа Богдан Хмельницкий, которого современник, польский историк В. Коховский, называет «сподвижником Тараса» ².

Нападения казаков на польский лагерь продолжались и в последующие дни. Коронное войско быстро таяло. 18 мая Конец-

¹ Історія України в документах і матеріалах, т. III, док. 68, стр. 86—87.

² І. Крип'якевич, Богдан Хмельницький, К., 1954, стр. 72.

польский обратился к шляхте украинских воеводств с призывом спешить к нему на помощь, т. к. положение его становилось с каждым днем тяжелее¹. В тылу коронного войска действовали отдельные небольшие повстанческие отряды. В Киеве, например, они сожгли 50 больших лодок (байдаков), не считая малых, которыми паны могли воспользоваться для посылки Конецпольскому подкреплений. Между Борышполем и Буржанами повстанцы разгромили полуторатысячный отряд жолнеров, шедший к Переяславу на помощь Конецпольскому. Из всего отряда в живых осталось лишь 25 человек. Нападению и разгрому подверглись также другие польские отряды, например жолнеры, стоявшие в Копачеве, Дымере и Белгородце².

В первых числах июня произошло сражение, решившее участь кампании. Воодушевленные надеждой покончить с врагом, казаки стремительно двинулись на польский лагерь. Врагу был нанесен сильный удар. Кроме множества убитых, он потерял почти всю артиллерию. Пытаясь отрезать Конецпольскому путь к отступлению, казаки уничтожили паромы и другие средства переправы на Днепре³.

Положение польского войска было исключительно тяжелым. По словам Пясецкого, под Переяславом полегло жолнеров и шляхты намного больше, «чем за всю последнюю прусскую (польско-шведскую) войну». Одной знати погибло около 300 человек⁴. Всего же коронное войско потеряло около 10 тысяч человек⁵. Жолнеры роптали на коронного гетмана и угрожали бунтом за то, что «их так много погинуло и гине»⁶. Вскоре к Конецпольскому прибыло подкрепление. Но последний, убедившись в том, что с казаками ему не справиться, «хоть бы еще десять раз так великое было войско»⁷, решил пойти на мир.

Под Переяславом казаки нанесли крупное поражение коронному войску. Однако они не сумели закрепить своей победы. Этому помешала, как и во время прошлых восстаний, внутренняя борьба в казачьем лагере. Старшина и часть бывших реестровцев, боявшихся дальнейшего роста восстания, настаивали на заключении соглашения с панами. Тарас Федорович с 10 тысячами казаков, требовавших продолжения борьбы, ушел на Запорожье.

¹ Архив ЮЗР, ч. III, т. I, док. 84, стр. 309—310.

² Історія України в документах і матеріалах, т. III, док. 68, стр. 87—88.

³ По донесению путивльских воевод, «на последнем... бою черкасы у гетмана Конец Польского в обозе наряд взяли и многих поляков в обозе поббили и перевозки по Днепру отняли и паромы по перевозом пожгли» (Історія України в документах і матеріалах, т. III, док. 69, стр. 89).

⁴ Kronika Pawła Piaseckiego, стр. 346.

⁵ Історія України в документах і матеріалах, т. III, док. 68, стр. 88: «Так поведают, — замечает летописец, — же триста велце значных панов., (а) швиткого войска до десяти тысячей згинуло».

⁶ Там же.

⁷ Там же.

8 июня между казацкой старшиной и Конецпольским был заключен договор. Паны соглашались увеличить реестр до 8 тысяч человек. Реестровцы со своей стороны обязывались содержать на Запорожье гарнизон в 2 тысячи человек, сдать немедленно пушки, захваченные у коронного войска, и вернуть пленных, а также выступать по первому требованию короля на защиту Речи Посполитой¹. Гетманом реестра назначался некий Тимофей Орендаренко².

Народные массы Украины с возмущением и гневом встретили соглашение казацкой старшины с польскими панами. Они и слышать не хотели о реестре, в который зачислялись всегда лишь имущие элементы. Путивльские воеводы, отмечая внутренние противоречия в среде казачества, писали: «черкасы де лутчие люди хотят расписыватца, а мелкие де черкасы ж расписыватца не хотят»³. К тому же, Конецпольский нарушил условия договора. Вернувшись в Бар, он заявил, что Переяславский договор недействителен и что казаки должны выполнять условия, принятые у Курукова озера, согласно которым реестр определялся в 6 тысяч человек⁴. В начале 1631 года Конецпольский под тем предлогом, что жолнеры нуждаются в зимних квартирах, направил части кварцяного войска в Киев, Нежин, Быков, Березань, Носовку, Девицу и др. города⁵.

Вероломство панов усилило протест народных низов. Мещане Нежина и собравшиеся сюда жители окрестных сел отказались впустить в город два полка жолнеров (2 тыс. чел.). Жолнеры трижды пытались силой овладеть городом, но его защитники, руководимые полковником Иваном Балиловцем, отбили все приступы и заставили врага отойти от Нежина⁶. Восстание вспыхнуло также в Каневском и Черкасском староставах.

К восставшим, как сообщали путивльские воеводы, обратился «из Запорог гетман черкасской Тарас», призывая, чтобы они «против поляков стояли все, а на шесть тысяч не выписывались»⁷. Вслед за этим Тарас Федорович с запорожцами снова двинулся на помощь повстанцам. В начале июня 1631 г. севские воеводы сообщали в Москву, что «козаки... запороские и черкасы сошлись... и стали в Черкасах, да в Переясловле, да в Каневе... а гетман... у козаков Торас»⁸. Казаки стремились изгнать жолнеров и освободить Украину из-под ига шляхты.

¹ Жерела до історії України-Руси, т. VIII, док. 217, стр. 349; док. 218, стр. 349—350.

² Історія України в документах і матеріалах, т. III, док. 69, стр. 89.

³ Воссоединение Украины с Россней, сбор. док., т. I, док. 62, стр. 108.

⁴ В. Шутый, Канун освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг., Исторические записки АН СССР, т. 46, стр. 247.

⁵ Воссоединение Украины с Россней, сбор. док., т. I, док. 59, стр. 102; док. 69, стр. 120.

⁶ Там же, док. 57, стр. 100; док. 59, стр. 101—102.

⁷ Там же, док. 61, стр. 107.

⁸ Там же, док. 63, стр. 109.

В случае неудачи они намеревались вернуться на Запорожье и затем просить русское правительство принять их под свою власть¹.

На этот раз, однако, выступление казаков не имело такого успеха, как в минувшем году. Старшине разными обещаниями и угрозами удалось удержать часть реестровцев от участия в восстании. К Тарасу Федоровичу и запорожцам обратились нежинцы с просьбой притти «их оборонять от ляхов». Но он им ответил, что оказать помощь не может, «потому что де промеж их (т. е. казаков, реестровых и нереестровых. — В. Г.) стала рознь»². Ввиду сложившейся обстановки, запорожцы были вынуждены вернуться в Сечь. Вместе с ними ушел на Запорожье также полковник Дацко Белоцерковец с частью реестровцев.

Польское правительство, недовольное деятельностью реестрового гетмана Орендаренко, не сумевшего сломить «своеволие» казаков, летом 1631 г. назначило на его место Ивана Кулагу-Петражицкого. Кулага, участвовавший в качестве представителя старшины в заключении Переяславского договора, был одним из ревностных слуг панской Польши. Получив гетманскую булаву, Кулага стал наводить «порядок» в реестре и готовить силы для разгрома запорожского казачества.

В конце 1631 г. вблизи Киева реестровые казаки задержали русского и шведского послов, направлявшихся на Запорожье к Тарасу Федоровичу. В это время назревала новая война между Россией и Польшей. Стремясь вернуть свои исконные земли, захваченные Польшей в годы интервенции, Россия хотела обеспечить себе помощь со стороны запорожского казачества. Послу, везшему запорожцам царскую грамоту, правительство предписало проехать на Запорожье так, чтобы не попасться в руки реестровым казакам. Послам, однако, не повезло. Задержанные реестровцами, они были тотчас доставлены к гетману Кулаге. Последний посадил послов в тюрьму и отобрал у них все бумаги. Но распечатать их, по существующему обычаю, он мог только на раде. Поэтому в Каневе, являвшемся в то время местопребыванием реестрового гетмана, была наспех создана рада. На ней распечатали и огласили царскую грамоту. Узнав из грамоты, что русское правительство предлагает запорожцам выступить совместно с Россией против Польши, реестровые казаки единодушно выразили свое одобрение. Они заявили, что единственный способ избавиться от нестерпимых притеснений

¹ «А будет де, государь, — писали севские воеводы, — их сила не возьмет против ляхов стоять за веру и за то, чтоб им ис *козаков не выписыватца*, и козаки, де, государь, хотят, побрав поряд и всякие запасы, итить в Запороги, а из Запорог прийтить на Дон и з Дону посылати к Москве бити челом... чтоб ты, государь, пожаловал их велел им быти под своею государскою державою» (Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. 1, док. 63, стр. 110).

² Государственная Публичная библиотека УССР, Рукописный отдел, фонд Польские рукописи, д. 104, л. 315.

панов — это стать на сторону России. Как доносили путивльские воеводы со слов очевидца, — «мелкие де люди черкасы говорили все... (что) здесь де им черкасам и крестьянской вере от поляков утеснение» и настаивали «служить тебе государю»¹. Казаки потребовали от Кулаги немедленного освобождения послов. Старшина и «лучшие люди черкасы, которые пристали к полякам», стали уговаривать казаков отказать от своих требований². Под давлением старшин рада разошлась, не приняв определенного решения. Воспользовавшись этим, Кулага отправил послов и отобранные у них бумаги к Конецпольскому. По приказу последнего русский посол был убит, а шведский посажен в тюрьму³.

Боясь мести запорожцев, Кулага перешел к активным действиям против них и их союзников, казаков полковника Дацка Белоцерковца. Последние стояли у о-ва Хортицы, где раньше была реестровая залога. Весной 1632 г. Кулага с четырьмя тысячами реестровцев двинулся на Запорожье⁴. Народные низы стремились прийти на помощь запорожцам. Путивльские воеводы писали по этому поводу: «Выписные де черкасы, которые живут по городам, и те де все хотят итти в Запороги к гетману Тарасу и к черкасам на помочь»⁵.

О последующих событиях сохранились лишь самые отрывочные и неясные сведения. По некоторым данным, Кулаге удалось занять Хортицу и вытеснить из нее казаков Белоцерковца, сжечь часть лодок и даже захватить в плен Тараса Федоровича⁶.

На этом, видимо, и закончились успехи Кулаги. Для продолжения борьбы с запорожскими казаками, с Сечью, Кулага восстановил реестровую залогу у Хортицы, оставив там 1 500 казаков под начальством полковников Клишко и Коленко (он же Калинин)⁷. На сейме 1632 г. король похвалил Кулагу и старшину за их рвение в борьбе против запорожцев. Едва, впрочем, Кулага вернулся в Канев, как получил полное тревоги донесение Коленко. Последний сообщал, что запорожцы построили новые суда и собираются в морской поход на Турцию, а ему, Коленко, угрожают, «связав, взяти с собою на море»⁸.

В ответ на это Кулага собирался отправить Коленко и Клишко подкрепление — по сотне казаков от каждого полка. Однако выполнить свое намерение Кулага уже не смог. В апреле 1632 г. умер король Сигизмунд III. В Польше началась обычная в таких случаях борьба в среде господствующего класса

¹ Акты Московского государства, т. I, СПб, 1890, док. 328, стр. 346.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, док. 328, стр. 346; док. 333, стр. 360; док. 336, стр. 351.

⁵ Там же, док. 328, стр. 346.

⁶ Там же, док. 333, стр. 350; док. 336, стр. 351.

⁷ Там же, док. 336, стр. 351.

⁸ Там же.

вокруг кандидатуры нового короля. Русское правительство решило воспользоваться этим, чтобы вернуть отторгнутые Польшей земли. Летом того же года оно двинуло войска под Смоленск (под начальством воевод Шейна и Измайлова) и под Чернигов (под начальством Бутурлина). Выступление России вызвало переполох среди магнатов и шляхты, успевших присвоить значительную часть Смоленщины и Северщины и стремившихся овладеть новыми русскими землями. Они требовали от правительства скорее провести выборы короля и немедленно отправить войска против России.

27 сентября в Варшаве был созван элекционный сейм. На этот раз сейм завершил свою работу очень быстро. Новым польским королем был избран сын Сигизмунда III Владислав (Владислав IV). Одновременно сейм постановил собрать чрезвычайный налог (по два злотых с дыма)¹, увеличить кварцное войско и немедленно двинуть его во главе с Владиславом к Смоленску. Другое войско под начальством каменецкого каштеляна Александра Пясочинского, креатуре Станислава Конецпольского, и Иеремии Вишневецкого должно было идти на Путивль. Это войско предполагалось сформировать из магнатских надворных частей, реестровцев, а главным образом из «охочих» казаков.

И вот польское правительство, вчера еще с оружием в руках боровшееся за возвращение крестьян под власть панов, теперь настойчиво предлагает им стать казаками и участвовать в войне против России. Чтобы привлечь на службу возможно больше «охочих», оно спешно посылает реестровому войску денежное жалованье². Рылский воевода писал в мае 1633 г., что польские власти на Украине «охочих людей... накликают, *чтоб всякие охочие люди писались вновь в казаки*, а которые де старые казаки были оставлены (выписаны), и тем... велено быти по прежнему (казаками), и деньги и сукна тем новопробылым и... старым казакам велено ж давать»³.

Призывы польского правительства о вступлении в казаки не могли встретить сочувствия в среде широких народных масс Украины. 25 декабря 1632 г. в Черняховской Дубраве (вблизи Канева) для обсуждения предложения правительства была собрана казацкая рада. Кроме реестровцев, на раду явились выписчики — крестьяне и мещане, — а также православное духовенство с киевским митрополитом Исаией Копинским (заявившим митрополичью кафедру после смерти Иова Борецкого)⁴.

Предложение о походе против России было встречено присут-

¹ Акты Московского государства, т. I, док. 338, стр. 352.

² Воссоединение Украины с Россней, сбор. док., т. I, док. 74, стр. 128 и Акты Московского государства, т. I, док. 427, стр. 404—405.

³ Акты Московского государства, т. I, док. 336, стр. 351—352. Курсив наш. — В. Г.

⁴ Воссоединение Украины с Россней, сбор. док., т. I, примечание 90, стр. 494.

ствующими с негодованием. Сторонники польских панов — гетман Кулага-Петражицкий и другие старшины — были отстранены (вскоре после рады Кулага был убит в Каневе казаками) от своих должностей и заменены представителями рядового реестрового казачества, принимавшими участие в восстании 1630 года. «И черкасы де, — писали путивльские воеводы, — для того гетмана Кулагу и полковников отставили, а выбрали де иного гетмана Ондreja Деденка и полковников иных же из чорных людей, которые де прежд сево бились с поляки в прошлом во 138-м (1630. — В. Г.) году под Переяславлем». Деньги, присланные реестру, новый гетман Диденко распределил между реестровцами и выписчиками, «смотря по человеку»¹.

А. Диденко был гетманом очень недолго. Польские власти не могли допустить, чтобы реестровым войском руководили представители рядового казачества, которое наотрез отказывалось поднять оружие против России. Пользуясь поддержкой и услугами бывшей реестровой старшины, гетман Конецпольский сместил Диденко и избранную в Черняховской Дубраве старшину. В гетманы был проведен сторонник панов Дорошенко, а полковниками — Орендаренко (бывший в 1630—1631 гг. гетманом), Филоненко, Олифер и др. После этого реестровцы под угрозой лишения всех казачьих прав были собраны и в апреле 1633 г. вместе с войском Пясочипского и Вишневецкого двинуты к Путивлю. К реестровцам, в надежде на приобретение казачьих прав, присоединилось небольшое число охочих.

14 мая 1633 г., вскоре после того, как войско Владислава IV двинулось на Смоленск, Пясочинский и Вишневецкий осадили Путивль. Поляки, как писали путивльские воеводы, «шанцы и туры под город и под острог подкопали... и с тех шанцев по городу беспрестанно стреляли зажигальными ядрами и нарядными стрелами... и воду у путивльских людей отняли и приступали жестокими приступы с приметы многажды»². Гарнизон и население Путивля мужественно защищали город. Пясочинский и Вишневецкий не могли добиться успеха. Свои неудачи польское командование объясняло поведением «казацкой голи». «Лучше б мне было их (казаков. — В. Г.) не знать, — говорил Пясочинский, — чем такая мне от них помощь». Действительно, казаки не желали сражаться против русских. Они хорошо понимали, что в случае поражения России польские паны укрепят свое господство на Украине.

8 июня, через три недели после прихода под Путивль, среди казаков вспыхнули волнения. Казаки убили гетмана Дорошенко, «который всегда находил причины придираяться к человеку», и избрали гетманом Яцка Острянина. Яцко Острянин, в прошлом

¹ Воссоединение Украины с Россней. сб. док., т. I, док. 72, стр. 124—125.

² Акты Московского государства, т. I, док. 529, стр. 503.

боярин¹, служил при селитренных варницах шляхтича Обалковского в Диком Поле. Оттуда в конце 1629 года Острянин бежал на Запорожье, за что преследовался властями. В 1630 году он принимал участие в народном восстании под руководством Тараса Федоровича.

Казаки во главе с Острянином решили немедленно покинуть лагерь панов под Путивлем и вернуться на Украину. Узнав о намерении казаков, Пясочинский бросился к ним. Он застал их уже готовыми отправиться в путь. Пясочинский стал умолять казаков не уходить, или хотя бы оставить 2—3 тысячи человек под Путивлем, а остальных отправить под Смоленск. Но казаки, не слушая Пясочинского, снялись на его глазах с лагеря и ушли на Украину. На следующий день, 9 июня, оставшись без казаков, Пясочинский и Вишневецкий вынуждены были снять осаду Путивля и поспешно отправиться под Смоленск к Владиславу IV².

Уход казаков из-под Путивля отрицательно сказался на всем дальнейшем ходе кампании. Война затягивалась. Польское войско под Смоленском испытывало острую нужду в продовольствии и фураже. Король поручил Вишневецкому отправиться на Украину и набрать там новое войско, призвать на войну остальных реестровцев и охочих казаков, вторгнуться с ними в Комарицкую волость (позже Севский уезд), заготовить там припасы и прибыть потом под Смоленск³.

Во второй половине 1633 г. украинский магнат Адам Кисель, черниговский подкоморий, выполняя королевское поручение, тщетно пытался набрать войско из охочих казаков. Та же неудача постигла и Вишневецкого. Убедившись воочию в нежелании казаков участвовать в войне против России, Вишневецкий стал набирать войско из своих подданных: население его обширных владений должно было выставить одного «выбранца» от каждых трех дымов. Всего у Вишневецкого вместе с надворными частями оказалось 5 тысяч человек. Польским властям в свою очередь удалось произвести перемены в реестровом войске, заменить неугодную им старшину своими людьми. Яцко Острянин был заменен Ильяшем Караимовичем. Последний собрал две тысячи реестровцев и привел их в Батурин, где формировали войско Иеремя Вишневецкий и Лука Жолкевский. В Батурине собралось (вместе с 2 тыс. Жолкевского) 7 тысяч человек. Артиллерия Вишневецкого состояла из одной «верховой» и восьми полковых пушек⁴.

В феврале 1634 г. Вишневецкий и Жолкевский со всем набраным войском вторглись в Комарицкую волость и обложили Севск. Но повторилась прошлогодняя история. Насильственно

¹ Бояре — слой мелких служилых людей в Литве.

² *Wl. Tomkiewicz*. O składze społecznym i etnicznym kozaczyzny ukraińskiej, стр. 11—14. Акты Москов. гос., т. I, док. 529, стр. 503.

³ Там же, док. 635, стр. 585.

⁴ Акты Московского государства, т. I, док. 637, стр. 587 и док. 635, стр. 586.

приведенные на войну казаки и выбранцы не хотели воевать. В двадцатых числах апреля рыльский воевода сообщал в Москву, что «у Желковского и у Вишневецкого... с листовыми (реестровыми) черкасы учинилась рознь, а сказали листовые черкасы пану Желковскому и Вишневецкому, что им, листовым казаком, с Желковским и Вишневецким... не итти (не по пути)»¹.

Несмотря на старания Вишневецкого удержать казаков, они вернулись на Украину. После их ухода Вишневецкий осадил Курск и Бельск. Польские паны уничтожали все на своем пути, беспощадно расправлялись с русским населением. «Одних, — писал очевидец поляк, — брали в плен, других — рубили на куски»². Биограф Иереми Вишневецкого (XVII в.) писал, что последний «опустошая (русские) города огнем и железом... сжигая все вокруг, приобрел в России прозвище поджигателя»³.

Война между Польшей и Россией продолжалась до середины 1634 г. В июне месяце был заключен т. н. Поляновский мирный договор. Последний подтверждал условия Деулинского перемирия (1618 г.). В то же время польский король отказывался от всяких притязаний на русский престол.

После заключения мира с Россией польские паны обрушили новые репрессии на украинский народ. Сейм, созванный в феврале 1635 г. в Варшаве, вынес решение о размещении кварцаного войска в украинском Поднепровье. Было объявлено также, что число реестровых казаков не может превышать 7 тысяч. Король цинично заявил, что об увеличении реестра речь может идти лишь во время войны, т. е. тогда, когда казаки нужны Речи Посполитой. Для проверки реестра были назначены комиссары во главе с Л. Жолкевским и А. Киселем. В целях удержания реестра в повиновении устанавливалось, что всякий казак, проявивший непокорность гетману или старшине, или созывавший «чернецкую раду» (так называлась рада, созываемая казаками без разрешения старшины), подлежал не только исключению из реестра, но и смертной казни.

Во всей системе правительственных мероприятий, направленных против народных масс, особое место отводилось борьбе с Запорожской Сечью, которая играла все более видную роль в освободительном движении украинского народа. Сейм подтвердил все предыдущие постановления, запрещавшие, под угрозой самых суровых наказаний, бегство на Запорожье, провоз туда оружия, продовольствия и т. д. Больше всего, разумеется, магнаты и шляхта Восточной Украины настаивали на принятии

¹ Акты Московского государства, т. 1, док. 664, стр. 616.

² *Wl. Tomkiewicz*, *O składzie społecznym i etnicznym kozaczyzny ukrainnej*, стр. 14.

³ Там же, стр. 16.

действенных мер против усиливавшегося бегства крестьян на Запорожье ¹.

Идя навстречу их требованиям, сейм признал необходимым «построить крепость на Днепре, там, где гетманам нашим (коронным) покажется наиболее удобным, и поставить туда потребный гарнизон из пехоты и конницы, снабдив его амуницией». Для строительства крепости сейм распорядился немедленно отпустить из казны 100 тысяч злотых ². Проектируемая крепость должна была, по мысли панов, служить опорой их господства в Поднепровье и вместе с тем разорвать всякую связь Запорожья с вольстью. Решение о сооружении крепости свидетельствовало одновременно о том, что польские власти не могли уже полагаться на реестр и его залог на Запорожье.

Наблюдение за сооружением крепости взял на себя коронный гетман Ст. Конецпольский. Руководство строительными работами он поручил талантливому французскому инженеру Гильому Левассеру де Боплану, находившемуся у него на службе ³. Место для крепости было выбрано на правом, высоком, берегу Днепра у первого, Кодацкого порога, где река круто изгибается к юго-западу ⁴. Сюда для работ согнали множество избранцев из шляхетских имений, пленных татар и т. д. К постройке крепости приступили ранней весной 1635 г., а в июле того же года она была уже закончена.

Кодацкая крепость, расположенная на возвышенности, представляла собой четырехугольник с выступающими наружу бастиянами. В окружности крепость имела 900 сажен (около 1800 м). С трех сторон ее опоясывал глубокий ров. С западной стороны стены крепости круто возвышались над Днепром. Подступить к ней отсюда было почти невозможно. Через один из рвов (рвы были настолько глубоки и широки, что напоминали пропасти), против единственных ворот, был переброшен подъемный мост, по которому проходили и проезжали в крепость. Спуск к реке с северной стороны, еще более крутой и обрывистый, был к тому же усеян от подножья и почти до самой вершины большими каменными глыбами. Через сделанный тут ход,

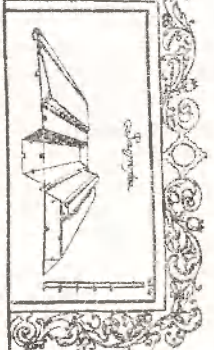
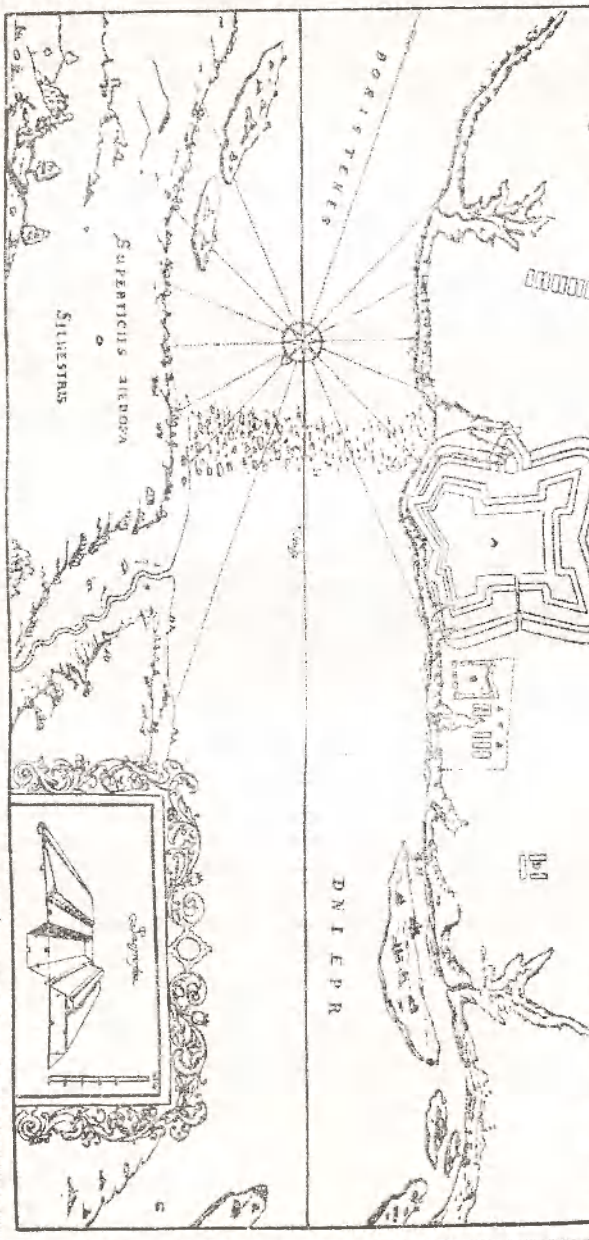
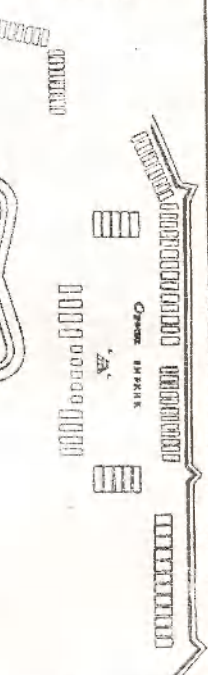
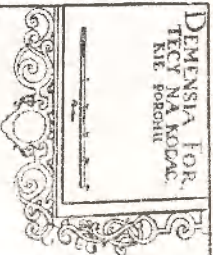
¹ Бегство украинских крестьян и мещан «в казаки» приобрело в 30-х гг. XVII в. большие размеры. Украинский казак Лаврин Лепляев рассказывал 13 сентября 1635 г. севским воеводам, что Конецпольский собирается идти с войском на казаков потому, что «де от них, от поляков, ис Польши выбегли все подданные их крестьяне и хлопцы, бегают в украинные города и ставятца в казаки» (Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. 1, док. 92, стр. 159).

² Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. 1, док. 83, стр. 144—145.

³ По мнению польского историка А. Чоловского, крепость Кодак была сооружена по планам и под руководством французского офицера, находившегося на польской службе, Жана Мариона, который был затем назначен комендантом крепости (*A. Czolowski. Kudak, przyczyunki do zalozenia i upadku twierdzy, Lwów, 1926, стр. 5*).

⁴ В с. Старом Кодаке, Днепропетровской области, на месте бывшей тут крепости Кодак до сих пор сохранились остатки рвов и укреплений.

DEMENSA FOR
TICY NA KOZAC
KIE POROHU

План крепости Козак (составлен Тевтаром в 1839 г.)

по извилистой тропинке, пролежавшей между камнями, спускались к Днепру за водой. Южная сторона крепости, обращенная к степи, не имела естественной защиты. Чтобы затруднить с этой стороны подход неприятеля (главным образом конницы), на большом расстоянии были разбросаны острые металлические шипы. В дно крепостного рва с той же целью были вбиты заостренные дубовые колья. Внутри крепости находились землянки (для гарнизона), с оконцами, затапнутыми пузырем, бревенчатый дом, крытый тесом, и погреба для пороха, припасов и т. д. Один из погребов служил темницей. Построенная крепость — Кодак — являлась сильным по тому времени укреплением. С бастионов ее в степь и на Днепр глядели грозные жерла пушек. Крепость могла вместить тысячу и более человек ¹.

Комендантом Кодака был назначен капитан Жан Марион, француз, а комиссаром — шляхтич Пшияловский. Оба они были приближенными Конецпольского. Гарнизон крепости состоял из двух драгунских сотен, иноземных наемников. Драгуны несли службу на крепостных валах, откуда открывалась панорама Днепра и степи на несколько десятков километров вокруг. Конные разъезды драгун патрулировали в окрестностях, стараясь не пропустить никого, кто пробирался бы на Запорожье или шел оттуда на волость ². Задержанных людей заставляли выполнять тяжелые крепостные работы в Кодаке. На ночь их заковывали в ручные и шейные кандалы и бросали в темницу ³.

О постройке польскими панами крепости Кодака в одной народной песне говорится:

«Не хотіли пани-ляхи
Попустити ї трохи,
Щоб їздили в Січ бурлаки
Тай через пороги, —
Спорудили над Кодаком
Город-кріпосницю
Щей прислали в Кодак військо,
Чужу-чужаницю.
Іде бурлак чи комишник
Порогом-водою,
Його лове чуже військо
Й оддає в неволю.
Зажурились запорожці,
Що нема їм волі
Ні на Дніпрі,
Ні на Росі,
Ні в чистому полі...» ⁴.

¹ *M. Dubiecki, Kudak twierdza kresowa i jej okolice, Warszawa, 1879, стр. 72—77.*

² Русские воеводы писали: «Которые де запороские козаки из Занорог и из городов хаживали... мима тово городка (Кодака. — В. Г.) и тех де козак... с тово городка заставные немцы побивали... (другими) деловали городовые всякие крепости и земляные осыпи» (*В. Штой, указ. соч., стр. 249*).

³ *M. Dubiecki, Kudak, стр. 82.*

⁴ Украинські народні думи та історичні пісні, К., 1955, стр. 85.

Запорожские казаки отдавали себе ясный отчет в том, чем грозило бы утверждение панов здесь, на ближайших поступках к Запорожью. В Сечи стали готовиться к нападению на Кодак. Руководство этой важной операцией взял на себя Иван Сулима (документы называют его гетманом). Сулима известен был запорожцам как опытный и отважный атаман¹. В отряде Сулимы было много беглых, совсем недавно прибывших на Запорожье из волости². О численности войска Сулимы точных данных не имеется. По одним сведениям, у него было 800, по другим— 3000 казаков³.

Темным вечером 3 августа 1635 г. казаки во главе с Сулимой подошли к крепости. Дождавшись полуночи, когда всякая жизнь в крепости замирала, несколько смельчаков подкралось к сонным часовым, не ждавшим нападения, и сняло их. Один из часовых, однако, успел подать сигнал тревоги. Проснувшиеся драгуны бросились к оружию. Но было поздно: по приставным лестницам казаки проникли уже в крепость⁴. Скоро гарнизон Кодака был почти полностью уничтожен. Уцелело всего 15 человек, находившихся в разъезде. Из темницы казаки освободили 20 узников⁵.

Известие о взятии Кодака запорожцами было с удовлетворением встречено не только на Украине, но и в России. В сентябре того же года путивльский воевода доносил в Москву, что «запорожские казаки, атаман Сулим поймал и выжег на Днепре городки (укрепления), которые были поставлены вновь (недавно) для (воспрепятствования) проходу в Запороги... литовских людей, и немец в тех городках побили, и наряд (пушки) поимали»⁶.

В польских правящих кругах весть о падении Кодацкой крепости вызвала сильную тревогу. Адам Кисель, оставшийся на Украине вместо коронного гетмана⁷, заметил впоследствии, что это событие могло служить сигналом к такому восстанию,

¹ Еще в 1621 г. Сулима участвовал в морском походе запорожцев на г. Ризу.

² «А которых де козаков выписывали поляки, и те де выписные вышли из литовских городов к тому же гетману Сулиму в собрание, и собралось де запорожских козаков... с Сулимом тысяч с полтретьяцеть» (Воссоединение Украины с Россией, т. I, док. 92, стр. 159).

³ Історія України в документах і матеріалах, т. III, док. 71 и док. 72, стр. 90—91.

⁴ По словам Лаврина Лепляева, в Кодаке было «4. 000 человек немец». (Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 92, стр. 159). Эти данные сильно преувеличены.

⁵ Історія України в документах і матеріалах, т. III, док. 71, стор. 90; док. 72, стр. 91—92.

⁶ Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 93, стр. 160.

⁷ Конецпольский с коронным войском находился с весны 1635 г. в Инфлянтах ввиду ожидавшейся войны со Швецией. До войны, однако, дело не дошло, и 12 сентября между Польшей и Швецией был заключен мирный договор.

которое «охватило бы, наверное, всю Украину»¹. Совместно с Жолкевским он выработал план возвращения Кодака, ибо, по его словам, «пока Речь Посполитая послала бы сюда свое войско, мы бы тут, на Украине, все погибли»².

Пуская в ход обещания и прямой подкуп, Кисель подговорил часть реестровой старшины, и она двинулась с реестровыми полками к Кодаку. Еще до выступления старшина отправила к Кодаку кучку предателей, которые под видом беглецов должны были проникнуть в Кодак и содействовать захвату крепости. Предатели подошли к Кодаку и стали умолять запорожцев впустить их в крепость, так как будто бы за ними идет погоня: «ляхи хотят бити». Они говорили: «приймїть нас до себе, жебихмося (чтобы) боронили(ся) в купї». Запорожцы, подозревая измену, сначала не поверили им, но затем, уступив их мольбам и клятвам, впустили в крепость³. Вскоре к Кодаку прибыла реестровая старшина с войском. Началась длительная осада. Запорожцы мужественно защищались, отбивая один приступ за другим. Реестровцы потеряли 1000 человек убитыми. Между тем наступила зима. В крепости нехватало не только продовольствия, пороха и свинца, но даже дров. Защитники жестоко страдали от голода и зимней стужи. В это тяжелое для них время усилили свою деятельность предатели. Они организовали заговор, схватили Сулиму и пятерых других предводителей и выдали их реестровой старшине. Заковав Сулиму и его товарищей в оковы, старшина, обещавшая ранее сохранить им жизнь, отправила всех в Варшаву на расправу панам⁴. Остальных запорожцев карали на месте: их увечили, отрезали носы и уши и сылали на работы в имение Конецпольского — в Гадяч⁵. Кодак попал в руки реестровцев, вероятно, в самом конце 1635 г.⁶

¹ Публичная библиотека УССР, Рукописный отдел, фонд Польские рукописи, д. 94, л. 128.

² Там же.

³ История Украины в документах і матеріалах, т. III, док. 71, стор. 90.

⁴ Там же, док. 71, стор. 90, док. 72, стор. 90—91.

⁵ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 173.

⁶ Основанием для этого предположения может служить то соображение, что сейм в Варшаве, во время которого туда доставили Сулиму и его товарищей, происходил в самом начале 1636 г. (см. История Украины в документах і матеріалах, т. III, док. 72, стр. 91). М. Грушевский изображает дело таким образом, будто Сулима был реестровым старшиной и совершил нападение на Кодак не из Запорожья и не с запорожскими казаками, а откуда-то из волости, при этом с реестровцами (см. М. Грушевський, Історія України-Руси, т. VIII, ч. I, изд. 2, К.—Л., 1922, стр. 222—223). Это — неправильное утверждение. Все данные свидетельствуют о том, что Кодак был взят запорожцами во главе с Сулимой. Так, например, король Владислав IV в декабре 1635 г. прямо указывал, что Кодак взят «нереестровцами» (Государственная Публичная библиотека УССР, Рукописный отдел, Польские рукописи, д. 94, л. 12). О том, что под Кодак Сулима пришел из Запорожья и с запорожцами, единогласно говорят два наиболее осведомленных современника — Боплан и Обухович (см. Мемуары, выпуск II, стр. 313. История Украины в документах і ма-

Польские власти жестоко расправились с Сулимой и его товарищами. Им отсекали головы, а затем четвертовали. Отрубленные части тела, насаженные на колья, были расставлены на дорогах и в людных местах «для устрашения народа»¹. Но неистовства и жестокость панов и их пособников приводили как раз к противоположным результатам.

теріалах, т. III, док. 72, стр. 90—91). Наконец, память о принадлежности Сулимы к сечевому «товариству» сохранилась в народной думе:

«Обізвався серед Січі
Курінний Сулима:
«Гей, давайте, хлопці, зварим
Вражим ляхам пива!»
Обізвався Павлюк — хорунжий:
«Допомогі дати!»

Щоб ту людську перепону (т. е. Кодак. — В. Г.)
Нашент зруйнувати!»

(Українські народні думи та історичні пісні, стр. 85).

¹ Історія України в документах і матеріалах, т. III, док. 72, стр. 91. Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 97, стр. 165—166.

ГЛАВА IX

ЗАПОРОЖСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ВОССТАНИИ 1637—1638 гг.

Предательство старшины вызвало возмущение не только крестьянства и мещанства, но и значительной части реестрового казачества. Магнаты и шляхта попрежнему продолжали захватывать крестьянские, казацкие и мещанские земли и превращать их владельцев в своих крепостных. Паны объявляли крестьянам и казакам, что те незаконно «живут на шляхетцких имениях и города и села поставили на их землях», и заставляли, «чтоб они жили под их (панскою) волею». Кроме всего прочего, сейм в начале 1636 г. вынес решение восстановить Кодак силами и за счет украинского населения Поднепровья.

К 30-м гг. XVII в. магнаты Восточной Украины еще более укрепили свое могущество. Их сила и влияние основывались на огромных земельных владениях, захваченных в Приднепровье и других местах. Однако аппетиты магнатов были беспредельны. Они стремились завладеть также землями реестрового казачества, считая, что для подавления протеста украинских народных масс, и для отражения набегов татар и турок вполне достаточно объединенных сил их огромных надворных отрядов¹, шляхты и кварцяного войска, расквартированного на Украине. Поэтому на сейме 1636 г. магнаты стали настойчиво требовать ликвидации реестра. Современник Пясецкий писал в этой связи: «разные польские паны, став в киевских землях — главном средоточии казачества — владельцами огромных имений, приобретенных то ли через покупку, то ли путем королевского пожалования, желая увеличить свои доходы, старались уговорить сенат и короля уничтожить остатки казацких прав, которые, как им казалось, препятствовали осуществлению их намерений»².

¹ Надворное войско И. Вишневецкого, напр., насчитывало обычно более 10 хоругвей, по 104 чел. каждая. Кроме того у Вишневецкого была своя артиллерия.

² Kronika Pawła Piaseckiego, стр. 417.

Но король и правительство отказались выполнить это требование, т. к., с одной стороны, не желали терять такое дешевое войско, как реестровое казачество, а с другой, не хотели допустить дальнейшего усиления магнатов. Тогда последние, вернувшись с сейма, стали действовать самочинно. Так, например, Ян Данилович, сын русского воеводы и родственник Жолкевских, получивший в управление Корсунское и Чигиринское староства, стал сам приводить к «послушеству» не только крестьян и мещан, но также реестровцев. Явившись в староства с отрядом жолнеров и шляхты в 700 человек, он принялся вводить там свои «порядки». Когда реестровцы попытались протестовать, Данилович издевательски ответил: «Какое мне дело до вас; у меня есть рыцари куда лучше вас!» Всех сопротивлявшихся Данилович жестоко карал.

Рост угнетения побуждал население, как и ранее, к бегству на Запорожье. Низы реестрового казачества со своей стороны стремились, как писал Л. Жолкевский в июле 1636 г., к объединению с запорожцами. В их среде все чаще раздавались голоса, требовавшие забрать артиллерию и уйти на Запорожье.

Недовольство в среде реестровцев явно тревожило правящие круги. А. Кисель, сеймовый комиссар по казацким делам, старался воздействовать на казаков через старшин и православное духовенство¹. По его словам, реестровцев легко можно было удержать в повиновении, если бы применить по отношению к ним следующие три основных принципа: «Старшину подкупать подарками; достойных и тех, которые имеют свои дома и на них оглядываются, — лаской... А необузданных бунтовщиков, гольтьбу... сдерживать страхом сабли, смерти»². Для устрашения казаков Кисель сфабриковал от имени короля универсал, который грозил им в случае неповиновения потерей всех прав. Однако ни угрозы Киселя, ни уговоры старшин реестра — Василия Томиленко (занимал в это время должность старшего реестра) и войскового писаря Онушкевича — не дали желанных результатов. Среди реестровцев начались волнения. Часть их вместе с Павлом Михновичем Бутом (Павлюком) ушла на Запорожье. Павлюк, принадлежавший к имущему слою реестрового казачества, участвовал вместе с Сулимой во взятии Кодака. Из всех сподвижников Сулимы, отправленных в Варшаву, один он избежал казни.

Для того, чтобы удержать в повиновении оставшуюся на волости часть реестра, Адам Кисель и польный гетман Николай Потоцкий назначили в начале мая 1637 г. казацкую раду на

¹ Киевский митрополит Петр Могила отправил к казакам, по просьбе Киселя, двух игуменов, «людей ловких и верных». Его посланцы должны были убедить казаков в том, что своим отказом от повиновения они не только потеряют вольности, но причинят большой вред также и православной церкви.

² Государственная Публичная библиотека УССР, Рукописный фонд. Польские рукописи, д. 94, лл. 81—84.

р. Росаве. На раде Кисель и Потоцкий провели «чистку» реестра. В списки вносили лишь тех, за кого поручалась старшина и подстаросты. Тут же реестровцам было роздано жалованье, которое они давно уже не получали. «Наконец-то, — писал с облегчением Кисель, — войско очищено и сведено в реестр».

Едва, однако, Кисель и Потоцкий уехали с рады, как им сообщили, что реестровцы хотят сбросить старшину и уйти вслед за Павлюком на Запорожье. Кисель и Потоцкий получили и другое тревожное известие: население продает волов и коней и покупает оружие — самопалы и т. д.¹

В это время, в конце мая 1637 г., Павлюк с отрядом запорожцев и реестровцев внезапно появился в Черкассах, захватил реестровую артиллерию² и вновь ушел на Запорожье. С Запорожья, где он был избран гетманом, Павлюк обратился к украинскому народу с универсалом. Он призывал всех итти на Запорожье, вступать в казацье войско, а панам и урядникам грозил жестокой расправой, если они добровольно не откажутся от власти над теми из подданных, которые объявят себя казаками. Одновременно Павлюк призывал население не допускать расквартирования жолнеров на Украине³.

Верхушка реестра упрекала Томиленко в потворстве Павлюку и лишила его должности старшего. Старшим был избран переяславский полковник Савва Кононович. Сообщая коронному гетману об уходе Павлюка и казаков на Запорожье, старшина просила двинуть в район Черкасс коронное войско и покарать семьи «бунтовщиков»⁴. Она настоятельно предлагала Конецпольскому обязать подстарост не пропускать на Запорожье хлеб, а также предупредить панов, чтобы они следили за своими подданными.

В ответ на это Конецпольский, опасавшийся, как бы оставшиеся реестровцы не последовали за Павлюком, приказал С. Кононовичу собрать реестр и прибыть с ним к Ю. Бугу, где находилась главная квартира коронного гетмана. Старшина, однако, не успела выполнить это распоряжение. В первых числах августа 1637 г. казацкое войско под предводительством Павлюка выступило из Запорожья на волости. Повстанцы намеревались разгромить верных правительству старшин и реестровцев и укрепиться в Восточной Украине прежде, чем туда вступит коронное войско. Оставшись сам в Крылове, Павлюк «с разрешения и по приказу войска» отправил на Заднепровье с двух или трехтысячным отрядом полковников Карпа Павловича Скидана и Семена Быховца. Они должны были арестовать реестровую старшину, находившуюся в это время в Переяславе и, объеди-

¹ Государственная Публичная библиотека УССР, Рукописный фонд, Польские рукописи, д. 94, л. 274.

² Там же, д. 94, л. 556.

³ Там же, д. 94, л. 290.

⁴ Там же, д. 94, л. 154.

нив вокруг себя местные повстанческие отряды, направиться с ними в Чигирин. Появление казацкого войска в Заднепровье содействовало новому подъему освободительной борьбы. Многие из повстанцев присоединились к отрядам Скидана и Быховца. Последние, достигнув Переяслава, схватили при поддержке местных казаков старшего реестра Кононовича и войскового писаря Онушкевича, а также «много другой лучшей старшины» и вернулись с ними в Чигирин. По решению казацкой рады, все схваченные были расстреляны как изменники¹. Тем не менее некоторым старшинам удалось бежать из Переяслава. Одним из них был Ильяш Караимович. Явившись в Бар, Караимович, по словам Симеона Окольского², с тревогой рассказывал Конецпольскому о восстании в Поднепровье, «о скопищах бунтовщиков, нападениях на жилища как шляхтичей, так и казаков, о великом смятении на Украине (по сю. — В. Г.) и по ту сторону Днепра... о том, что многие бежали из своих имений». В заключение Караимович заявил, что следует ожидать «еще худшего», ибо «восставшие намереваются соединиться с донскими казаками и татарами (и) признать власть московского царя»³.

Донесение Караимовича и полученные вслед за тем еще более тревожные известия вызвали смятение в главной квартире. Конецпольский тотчас же, 24 августа, обратился с универсалом ко всем старостам, подстаростам, державцам и другим урядникам. Он извещал о восстании на Украине, приказывал арестовать всех причастных «к бунту» и отправить в Бар. Чтобы устроить казаков, ушедших в повстанческое войско, Конецпольский повелевал «карать их жен и детей и дома их уничтожать, ибо, — заявлял он, — лучше, чтобы на тех местах крапива росла, нежели изменники его кор. мил. и Речи Посполитой размножались»⁴.

В Баре стали поспешно готовиться к походу на Заднепровье. Ильяшу Караимовичу было поручено отправиться в Белую Церковь и собрать тех реестровцев, которые не примкнули к восстанию. Конецпольский стягивал к Бару из окрестностей части коронного войска. Но жолнеры собирались неохотно. Смелые перед безоружным населением, они теперь, когда речь шла о борьбе с казаками, вспоминали Куруково и Медвежьи Лозы и то, «что война с этими мятежниками не так-то легка». Поэтому, по словам Окольского, жолнеры «взирали на новый поход не вполне благосклонным оком»⁵. Лишь приблизительно через три месяца, 7 ноября 1637 г., Конецпольский смог выступить

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 173—174.

² С. Окольский, доминиканский монах, служил войсковым капелланом у Конецпольского. Он является автором известного дневника кампании 1637—1638 гг.

³ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 174.

⁴ Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 108, стр. 179.

⁵ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 177.

из Бара. Коронное войско, насчитывавшее вместе с надворными частями магнатов и отрядами шляхты около 6 тысяч чел., двигалось на северо-восток четырьмя колоннами с тем, чтобы сойтись под Белой Церковью, расположенной близко к очагу восстания. Командование войском было поручено Николаю Потоцкому¹.

Пока в Баре шли приготовления, восстание быстро разрасталось. Особенно успешно оно развивалось на Левобережье, значительная часть которого принадлежала Вншневецкому. Папы в страхе бежали, пробираясь на запад проселочными дорогами. Они, как замечает патер Окольский, руководствовались при этом тем святым правилом, что «лучше лыковая жизнь, чем шелковая смерть»².

Крестьяне и мещане захватывали имения шляхты, объявляли власть панов свергнутой и вводили казацкие порядки. «На Заднепровье, — писал в ноябре Потоцкий, — *все до последнего показачились*. Княжеские города — Ромны и все другие — дают огромные толпы своевольников; и мой Нежин присоединился к ним»³. Несколько позднее Потоцкий снова писал: «Гульятство сильно укрепляется на Заднепровье; действительно, тут что ни хлоп, то — казак»⁴. Восстание распространилось и на другие местности, о чем, в частности, говорит Окольский⁵.

В то время как Скидан с казаками вернулся из Переяслава в Чигирин, Павлюк отправился на Запорожье за артиллерией. Руководство повстанческим войском на волости было поручено Скидану. В двадцатых числах октября до Чигирина дошли первые вести о приготовлениях Конецпольского в Баре. От имени повстанцев Скидан тотчас обратился к населению Украины с универсалом, в котором указывал на то, что, по полученным сведениям, жолнеры «собираются вскорости к нам на Украину». Универсал призывал население запастись оружием, продовольствием и лошадьми, чтобы встретить врага «мужественно, как этого требует необходимость». Скидан предлагал атаманам всех повстанческих отрядов явиться 29 октября на раду в м. Мошны (под Черкассами), чтобы решить тут, «как обратить все к доброй славе и пользе нашей»⁶.

Потоцкий спешил. По дороге к нему присоединился Караимович с группой старшин. Они, как говорит Окольский, сообщили Потоцкому, в каких местах сосредоточены повстанцы, «как было бы удобнее овладеть ими, как скоро могли бы они соединиться между собою, где находится их артиллерия, каковы

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 176.

² Там же, стр. 177.

³ Государственная Публичная библиотека УССР, Рукописный фонд, Польские рукописи, д. 94, стр. 460. Курсив наш. — В. Г.

⁴ Там же, д. 94, л. 465.

⁵ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 177.

⁶ Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 109, стр. 180.

были урожай в Приднепровье и т. д.». Своим поведением, заключает Окольский, «Караимович снискал большое расположение польного гетмана»¹. Чтобы отколоть реестровцев от восстания, Потоцкий обратился к ним с воззванием, в котором грозил неимоверными карами тем, кто откажется примкнуть к нему. «Знайте, — писал он, — что... острая сабля королевских войск уничтожит ваши маестности, ваших жен, детей, имущество и самую жизнь»².

В конце ноября войско Потоцкого подошло к Белой Церкви. Показавшееся население города ушло к Скидану. Навстречу Потоцкому вышла жалкая кучка реестровцев (200 чел.) во главе с полковником Клишей и «прочю старшиною», дабы засвидетельствовать ему свои холопы чувства. Потоцкий поблагодарил предателей «за такую верность»³.

Между верхушкой реестра и показавшимся населением борьба шла повсеместно. Корсунская старшина, например, писала Потоцкому под Белую Церковь: «Только бездельники... стремятся к своеволию, мы же, реестровые, помним свою присягу». Тут же она просила Потоцкого «ускорить наступление (на повстанцев. — В. Г.) для того, чтобы наши намерения не были разрушены»⁴.

Потоцкий сам поимал, что медлить с наступлением крайне опасно. Это значило дать возможность повстанцам, стоявшим в Чигирине, объединиться с теми, которые собирались на Заднепровье⁵. Потоцкий же стремился разгромить повстанцев по частям. «Это правило, — замечает близкий к гетманскому штабу Окольский, — особенно важно в борьбе с *козацкими восстаниями*, которые быстро разливаются и охватывают всю Украину и Заднепрянщину... На войне вообще, а в особенности в войне с ксазаками необходимы искусство и быстрота»⁶.

Однако двинуться немедленно на Чигирин против войска Скидана Потоцкий не мог. Жолнеры отказывались служить, требуя положенного им жалованья. Офицеры уговаривали их думать больше о бессмертной славе, чем о деньгах. Но жолнеры, не раз испытывавшие тяжесть войны с казаками, уверяли, что не нужно итти за Днепр и утверждали при этом, «что никакого неприятеля там нет» (?!)⁷. Наконец, к ним с «плачем и слезами» отправился сам Потоцкий. Склонить жолнеров к выступлению удалось только 10 декабря, после того как к Потоцкому прибыли

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 178—179.

² Там же, стр. 179.

³ Там же, стр. 181.

⁴ Там же, стр. 182.

⁵ По донесению севского воеводы, на Заднепровье собралось 8 тысяч казаков (Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 113, стр. 186).

⁶ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 182, 183. Курсив наш. — В. Г.

⁷ Там же, стр. 185.

подкрепления — Л. Жолкевский и другие паны со своими отрядами, а также коронная артиллерия ¹.

В то время как Потоцкий стягивал свои силы под Белую Церковь, Скидан с войском покинул Чигирин и направился на северо-запад, к м. Мошны (на р. Ольшанке, в 15 км от слияния ее с Днепром). Выбор этого пункта подсказывался двумя соображениями. Во-первых, Скидан ожидал подкреплений с Заднепровья и от запорожцев, которые должны были подняться на лодках по Днепру. Во-вторых, в Мошнах со Скиданом должны были соединиться каневские и стеблиевские реестровые и не-реестровые казаки, а также часть корсунцев ².

10 декабря войско Потоцкого двинулось из-под Белой Церкви к Богуславу и затем к Корсуню, выслав вперед конную разведку под начальством С. Лаца. Разведчики донесли, что оба города находятся в руках реестровцев, открывших им ворота ³. Продолжая свой путь, Потоцкий пошел к Сахновому мосту (южнее Корсуня), где рассчитывал переправить войско через р. Рось. Он спешил, стремясь наверстать время, потерянное на уговоры жолнеров под Белой Церковью. Разведчики, высланные Потоцким, захватили двух казаков, которые под пытками показали, что в Драбовке (на правом берегу Роси) стоит с полком повстанцев (1500 чел.) атаман Коростель, что Павлюк еще не выступил из Запорожья и поэтому у повстанцев не хватает пушек ⁴. 14 декабря польское войско стало переправляться через Сахнов мост на правый берег Роси. Свои силы Потоцкий разделил на две части. Одну, под начальством Лаца, он двинул прямо на Мошны, сам же во главе другой направился на север, в обход Мошен, к Кумейкам ⁵. Лац попытался было вступить в бой с казаками до подхода Потоцкого, но получил сильный удар. Узнав, к тому же, что Павлюк с артиллерией уже идет на соединение со Скиданом, он спешно отступил к Белоозеру, а затем соединился с главными силами.

15 декабря, во вторник, во главе с Павлюком в Мошны пришли запорожцы с 8 пушками ⁶. С приходом Павлюка казачье войско увеличилось до 10 тысяч человек ⁷. Вооружены, однако, казаки были очень плохо. «Не все имеют ружья, — записывал Окольский со слов очевидца, — иные вооружены рогатинами, косами, секирами». Большую нужду повстанцы испытывали и в продовольствии — несколько лет подряд в Поднепровье была засуха, причем выгорели не только хлеба, но и травы.

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 192.

² Там же, стр. 191, 193.

³ Там же, стр. 192.

⁴ Там же, стр. 193.

⁵ Там же, стр. 195—196.

⁶ Там же, стр. 196—197, 198.

⁷ Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 113, стр. 185—186. По другим сведениям, сообщаемым Окольским, повстанцев было 20 000. Эту цифру нужно считать преувеличенной (Мемуары, вып. II, стр. 198).

Тем не менее в казацком лагере царило воодушевление ¹. Основная масса повстанцев состояла из показавшихся крестьян и мещан. Реестровцев и запорожцев было не более 4 тысяч. Столько же, примерно, казаков оставалось на Запорожье на случай нападения татар. Остановившись в Мошнах, Павлюк и Скидан поджидали прихода повстанческих отрядов с Заднепровья. Казаки, собравшиеся там под руководством Острянина (более 8 тысяч), а также пришедший из-под Киева отряд атамана Кизимы медлили с переправой на правый берег. Русские воеводы, внимательно следившие за событиями, объясняли это тем, что Днепр «почел только становитца», и по тонкому льду нельзя было ни пройти, ни проехать ². Это объяснение, однако, верно лишь отчасти. Нужно иметь в виду, что в восстании 1637 г., как и во всяком другом выступлении крестьянства, сохранялись черты локальности: показавшиеся крестьяне предпочитали держаться поближе к своим родным местам.

На рассвете 16 декабря Павлюк и Скидан выступили со всем войском в направлении Кумеек, намереваясь первыми начать бой. Под Кумейками польское войско занимало удобные позиции. Польский лагерь, расположившийся на возвышенности, прикрывался с одной стороны топким болотом и рекой, а с трех других — возами, поставленными в десять рядов. За возами стояли пехотные полки и артиллерия, а за ними — конница ³. В целом войско Потоцкого насчитывало 15 тысяч человек ⁴.

Приблизившись к неприятельским позициям, казацкое войско с ходу двинулось на ту часть польского лагеря, которая была обращена к болоту. Появление казаков произвело сильное впечатление на панов. «Наступление крестьян, — писал Окольский, — представляло весьма внушительное зрелище: они шли табором, построеным в шесть рядов, с четырьмя орудиями во главе, двумя по бокам и двумя при конце, а в середине между возами шло войско..., правильно разделенное на полки и сотни». Повстанцев, замечает Окольский, «нельзя было упрекнуть в отсутствии сообразительности и искусства» ⁵. Казаки шли с развевающимися знаменами. У самого неприятельского лагеря путь им преградило болото. Казаки вынуждены были остановиться. К тому же сильный ветер, который дул со стороны Кумеек, подожженных самими жителями, нес казакам в глаза густой дым и горячий пепел ⁶. Павлюк дал приказ к отступлению. Свой отход казаки прикрывали стрельбой из пушек и самопалов.

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 198.

² Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 113, стр. 186.

³ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 198—200.

⁴ «А поляков де, — доносили русские воеводы, — было против казаков с похолками (слугами), и с немцы (наемной пехотой), и с казаками, которые казаки передались к полякам (реестровцами), с 15000» (Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 113, стр. 185).

⁵ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 199.

⁶ Там же.

Потоцкий решил не дать казакам возможности заложить лагерь и окопаться под Кумейками и тотчас же бросил на них свою конницу. Остановившись на ровном месте, казаки успели наскоро окружить себя возами в шесть рядов. Однако им нехватало времени укрепить свой лагерь, который оказался уязвимым во многих местах. Несмотря на это, казаки трижды отбили яростные штурмы польской конницы, поддержанной пехотой и артиллерией. «Хлопство проявляло такое ожесточение и упорство, — писал Потоцкий, — что как один отказывались от мира». Те, «у кого не было оружия, били жолнеров оглоблями и дышлами»¹. Только на четвертый раз отряду польского войска под начальством Петра Потоцкого, сына польного гетмана, удалось ворваться в казачий лагерь. Но казаки через некоторое время закрыли брешь и отряд П. Потоцкого очутился в окружении. Теперь казаки разделили свои силы на две части. Одна защищала свои позиции от главного польского войска, другая вела бой с П. Потоцким. Николай Потоцкий стремился выручить попавшего в окружение сына и бросал одни полки за другими на казачий лагерь. Окольский пишет, что поляки «подступали к нему со свежими полками до самого вечера»². Бой становился все более ожесточенным. Потоцкому подвезли пять новых пушек. Большой урон наносила казакам польская конница, ибо «у казаков, — по словам Пясецкого, — конницы было мало, да и та плохая»³.

Положение казаков было тяжелым. Жолнеры П. Потоцкого подожгли в казачьем лагере возы с сеном и соломой и взорвали порох. Но и после этого казаки продолжали отстаивать свои позиции. Нередко безоружные повстанцы голыми руками стаскивали вражеских всадников с коней. Потери казаков были очень значительны. Особенно остро ощущалась утрата пороха. Чтобы заготовить новые запасы его, Павлюк с небольшим отрядом ушел вечером на Чигирин, в окрестностях которого находились селитренные варницы. Вместе с Павлюком для набора подкреплений отправился и Скидан.

Начальство над казачьим лагерем принял талантливый и неустрашимый казачий предводитель Дмитрий Тимофеевич Гуня. Под его руководством бой с наступавшими врагами продолжался до поздней ночи. Во время боя П. Потоцкому с оставшимися у него жолнерами удалось вырваться из казачьего лагеря⁴. Только около трех часов ночи сражение стало затихать.

¹ Государственная Публичная библиотека УССР, Рукописный фонд, Польские рукописи, д. 94, л. 479.

² Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 203.

³ Kronika Pawła Piaseckiego, стр. 418.

⁴ Окольский писал в связи с этим: «Ни одна из хоругвей, проникших в табор, не вышла оттуда совершенно без потерь, как можно видеть из приложенного перечня» (Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 202).

На рассвете казаки стали отходить к Мошням. Некоторые военачальники советовали Н. Потоцкому их преследовать. Однако польный гетман не согласился, ссылаясь на то, что «уже слишком много пролито крови и эта потеря не вознаградилась бы даже окончательным истреблением хлопов»¹. К тому же в польском войске были на исходе пули: за один день битвы их израсходовали около 50 тысяч штук. Потоцкий распорядился раздать жолнерам свинец и приказать им делать пули. За этим занятием они и провели остаток ночи. Главное же, что удержало Потоцкого от преследования казаков, было тревожное настроение, царившее в его войске. Даже «старые войны сознались, — замечает Окольский, — что никогда не бывали в столь продолжительном и сильном огне и не видали такого множества трупов»².

На следующий день, 17 декабря, польское войско двинулось к Мошням. Когда передовой полк Лаща подошел к городу, казаков уже не было там, исключая нескольких «невиновных в восстании и... больных», которых жолнеры тотчас убили. Вслед за Лащем в Мошны вступил Потоцкий. Ночью казаки подожгли город, и Потоцкий повел свое войско дальше, к Черкассам. По пути к нему присоединилось несколько тысяч реестровцев во главе с корсунской и белоцерковской старшиной. Когда Потоцкий 19 декабря подошел к Черкассам, «город пылал огнем так, что опасно было останавливаться в нем»³. В этот же день Потоцкому сообщили, что полк Лаща окружил в м. Боровице⁴ Павлюка с двумя тысячами казаков⁵. У Павлюка в Боровице было три пушки и шесть гаковниц⁶. Где находился в это время Скидан с войском, нельзя сказать из-за отсутствия данных. Основываясь на позднейших известиях, можно предположить, что он ушел на Запорожье, чтобы там подготовиться к новому выступлению. Павлюк же со сравнительно небольшой частью казаков остался для прикрытия его отхода.

Получив известие от Лаща, Потоцкий тотчас отправил в помощь ему 500 драгун с двумя пушками и вслед за ними двинулся сам. Он шел «со всей поспешностью» и уже на второй день, 20 декабря, был под Боровицей. Польское войско окружило Боровицу окопами и отрезало казакам путь к воде. Повстанцы оказались в осаде. Положение их было очень тяжелым. Местечко горело, подожженное вражескими ракетами. Нехватало воды и пищи. Однако, несмотря на все это, казаки оказывали врагу решительное сопротивление; они отстреливались и под

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 203.

² Там же, стр. 204.

³ Там же, стр. 206.

⁴ М. Боровица расположено на Днепре в 40—50 км южнее Черкасс.

⁵ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 207.

⁶ Там же.

вражеским огнем возводили укрепления¹. Не надеясь сломить казаков силой оружия, Потоцкий той же ночью предложил им вступить в переговоры. Для ведения их в польский лагерь отправились Павлюк, Томиленко и трое других старшин. Потоцкий и комиссар по казачьим делам А. Кисель обещали казакам жизнь и свободу, если они прекратят сопротивление. Старшина, учитывая тяжелое положение осажденных², согласилась на капитуляцию. Но едва казаки вышли из города, как их окружили польские войска. Почти одновременно Павлюк и некоторые другие казачьи предводители, участвовавшие в переговорах, были, несмотря на данное им Киселем слово, схвачены, закованы в кандалы и под сильным конвоем отправлены в Варшаву. Этим гнусным поступком паны лишний раз показали свое вероломство.

24 декабря окруженным казакам были объявлены условия Потоцкого. Казаки обязаны были отныне «оставаться в спокойствии и порядке» и выступать в поход по первому приказу коронных гетманов, ликвидировать Запорожскую Сечь, изгнав оттуда «всю чернь» и т. д.³. Тут же Потоцкий назначил новую реестровую старшину. Старшим реестра был объявлен Ильяш Караимович, войсковым писарем — Богдан Хмельницкий, судьями — Богдан и Куша, есаулами — Федор Лютай и Левко Бубновский, полковниками — Я. Гугнивий (черкасский), А. Лагода (каневский), Г. Хомович (чигиринский), М. Нестеренко (корсунский), И. Караимович (перемышльский) и Яцына (белоцерковский)⁴. Новая реестровая старшина, за исключением одного Ильяша Караимовича, который, как гласил гетманский универсал, «не участвуя в бунтах, верно оставался при коронном войске»⁵, и других подобных ему, была назначена в значительной части своей из числа лиц, так или иначе участвовавших в восстании⁶. Такое решение Потоцкого может показаться странным. Однако оно, как и относительно «мягкие» условия капитуляции, было рассчитано на то, чтобы повлиять на других повстанцев и побудить их сложить оружие.

25 декабря Потоцкий разделил свое войско. Одну часть он отправил на Черкассы, другую — на Киев, третью — на Кременчуг «с приказом всюду подавлять восстание»⁷. В дальней-

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 207.

² По словам Пясецкого, казаки не имели «достаточного запаса продовольствия, чтобы выдержать более длительную осаду» (*Kronika Pawła Piaseckiego*, стр. 418).

³ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 210.

⁴ Там же, стр. 208.

⁵ Там же, стр. 210.

⁶ О том, например, что Богдан Хмельницкий принимал участие в восстании, говорит современник, польский историк В. Коховский (*І. Крип'якевич*, Богдан Хмельницкий, стр. 72).

⁷ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 212.

шем войско должно было оставаться в Приднепровье в виде гарнизонов. Сам Потоцкий с основными силами и артиллерией перешел по льду на левый берег Днепра и двинулся вверх по реке к Ирклиеву, в местности, где начинались его левобережные имения.

Восстание на Заднепровье в это время еще продолжалось. В районе Ирклиева действовал отряд атамана Кизимы в 2—3 тысячи человек. Лубны, центр владений Вишневецкого, были трижды взяты повстанцами. Среди руководителей повстанческих отрядов здесь выделялись атаманы Кропец, Куша, Дукренко, Скребец и Кизименко (сын Кизимы). Сам Кизима был предательски схвачен и отправлен к Потоцкому в Ирклиев.

В то время как Н. Потоцкий двинулся из Ирклиева к Переяславу, а затем к Нежину, его брат Станислав вместе с Казановским отправились на Лубны. На своем пути Н. Потоцкий предал смерти множество ни в чем не повинных людей, «а по его примеру, — говорит Окольский, — и сами паны наказывали своих непокорных подданных то смертью, то лишением имущества»¹. Много человеческой крови пролил Н. Потоцкий в Нежине — центре своего старства. Тут людей казнили десятками и сотнями. Вдоль всех дорог, которые вели в Нежин, виднелись виселицы и кольца с казненными людьми. «Я велю, — говорил Потоцкий, — расставить по дорогам их самых главных (из казенных. — В. Г.), — десяток будет примером для сотни, а сотня — для тысячи. Не для чего иного я сюда, в Нежин, и заехал, как только для того, чтобы вытянуть их из убежищ и собственными глазами увидеть в поле. Теперь удобная минута, чтобы лепить из них, как из воска, все, что угодно, дабы это зло не гнездилося больше в лоне Речи Посполитой»². Украинское население, спасаясь от кровавой расправы панов, сотнями и тысячами бежало в Россию³. Потоцкий требовал выдачи беглецов, но русские власти отвечали категорическим отказом⁴.

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 213.

² Государственная Публичная библиотека УССР, Рукописный фонд. Польские рукописи, д. 94, л. 502.

³ «В нынешнем, государь, во 146-м (1638. — В. Г.) году в розных месяцах и числах... поляки черкасов побили и ныне по городком побивают. И от того, государь, бою... черкасы от поляков прибежали в Путивль с женами, и з детьми, и з животы, а иные... одинокие», — доносили в Москву путивльские воеводы. (Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 114, стр. 189). В России переселенцы встречали сочувствие и покровительство. (Воссоединение Украины с Россией, док. № 116, стр. 194). Русские послы, вернувшись в 1638 г. из Польши, писали, что восстание на Украине произошло из-за того, что украинцы «в их (панов. — В. Г.) воле жить и дани им платить не похотели». За это поляки «побили з 10000 з женами и з детьми, да сожгли черкасских городков шесть, и села, и деревни пожгли, а будет де и достальные черкасы не похотят быть в их воле, и поляки де и достальных черкас побьют» (Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 115, стр. 191).

⁴ Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 114, стр. 190.

Насытившись казнями в Нежине и оставив там часть войска, Потоцкий отправился в Киев с тем, чтобы, по словам Окольского, «водворить порядок в этом центре возмущения»¹. Тут, перед стенами замка, на горе Киселевке, он прежде всего посадил на кол Кизиму и плененного к этому времени его сына и обезглавил Кушу². Из Киева Н. Потоцкий, считавший, что с «умиротворением» Восточной Украины покончено, отправился на Подолию. В Приднепровье остался с войском его брат Станислав.

Зверства и надругательства панов не смогли запугать народные массы Украины. Приговоренные к казни заявляли Потоцкому, что никакими муками он не заставит народ прекратить борьбу. «Если он, пан гетман, — говорили они, — будет отыскивать и предавать смерти виновных, то разом должен посадить на кол все Поднепровье и Заднепровье».

Охваченные чувством неугасимой мести к насильникам и порабитителям, крестьяне и мещане бежали на Запорожье. Туда же пробирались отдельные повстанческие отряды, преследуемые коронным войском и панскими частями. Так, например, полк С. Лаща догнал южнее Чигирина отряд атамана Ивана Злого, насчитывавший 700 человек. Повстанцы устроили засеку в лесу и разложили костры. Лащ, предвкушавший расправу над казаками, ждал лишь рассвета, чтобы броситься на них. Но казаки ночью вышли незаметно из засеки и ударили на поляков с тыла. Многие из полка Лаща были убиты. Казаки захватили около 300 лошадей, немало оружия и ушли на Запорожье³.

Уже в начале февраля 1638 г. польским властям стало известно, что под начальством Скидана на Запорожье собралось около 5 тысяч человек⁴. Это встревожило панов. Они поспешили составить новый реестр, для чего 15 февраля 1638 г. в Терехтемирове была созвана реестровая рада. Запись в реестр производилась в присутствии Адама Киселя и Ильяша Карамовича. Реестр проверяли особенно тщательно, причем на место погибших участников восстания (их было 1200 чел.) никого не вписывали; таким образом, реестр был фактически сокращен, примерно, до 5000 человек. Когда дело дошло до присяги, Кисель потребовал, чтобы казаки присягали в отдельности, а не всем войском, как это было раньше. Наконец, реестровцам было приказано готовиться к походу на Запорожье и к концу февраля собраться для этого в Крылове. В городах было решено оставить лишь по сотне реестровцев от каждого полка.

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 213.

² Там же, стр. 213. Н. Костомаров, Собр. соч., кн. IV, стр. 95.

³ Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 116, стр. 194.

⁴ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 213. По другим сведениям, на Запорожье в это время было около 6 тысяч казаков. (Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 115, стр. 192; док. 116, стр. 194).

В начале марта 1638 г. коронный гетман Конецпольский отправил в Крылов ротмистра Мелецкого с отрядом жолнеров в 500 человек. Там Мелецкого ожидал Ильяш Караимович с 4 тысячами реестровцев и Лащ со своим полком. По плану, разработанному в гетманском штабе в Баре, Мелецкий должен был подойти к самой Сечи и вымануть оттуда запорожцев обещанием вписать всех без исключения в реестр. Чтобы заставить казаков поверить этим обещаниям, Мелецкому было предложено там же, на месте, составить фиктивный реестр. В случае отказа казаков выйти из Запорожья Мелецкому предписывалось наступать на них и разгромить Сечь.

По прибытии на Запорожье Мелецкий отправил в Сечь посланцев — двух шляхтичей и реестрового сотника. Запорожцы задержали их, а Мелецкому ответили письмом, оставленным на берегу. Запорожцы писали, что ни о каких переговорах не может быть и речи и что они будут биться с панами до последнего¹. Казаки предлагали Мелецкому немедленно покинуть Запорожье. Но он решил попробовать, — по его собственным словам, — счастья в войне с ними². Результат схватки оказался для Мелецкого более чем плачевным: он был разбит и вместе с И. Караимовичем едва унес ноги³. Причину своей неудачи Мелецкий объяснял, помимо всего прочего, нежеланием реестровцев сражаться против запорожцев, а также тем, что часть их перешла на сторону сечевиков. Докладывая 11 марта коронному гетману о случившемся, Мелецкий с сокрушением писал: Легче волком пахать, чем казаками против их же народа воевать⁴.

Обеспокоенные столь неожиданным донесением Мелецкого, коронные гетманы приняли срочные меры. Они распорядились поставить в ближайших к Запорожью городах — Чигирине и Кременчуге — сильные гарнизоны. Ст. Потоцкому велено было продвинуть часть коронного войска ближе к низовьям Днепра⁵.

¹ По словам русских послов в Польше С. Протасьева и Г. Леонтьева, запорожцы писали Мелецкому, что «покаместа их, черкас, мочь будет, поаместа они за веру и за свои головы... будут против поляков стоять» (Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 115, стр. 192).

² Історія України в документах і матеріалах, т. III, док. 77, стр. 98.
³ Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. II, док. 115, стр. 192; док. 116, стр. 193; док. 118, стр. 199; док. 124, стр. 209. Історія України в документах і матеріалах, т. III, док. 77, стр. 98; Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 214.

⁴ Історія України в документах і матеріалах, т. III, док. 77, стр. 98. В. Е. Шутый, основываясь на документах, опубликованных в сборнике «Воссоединение Украины с Россией», т. I, считает, что весной 1638 г. на Запорожье было предпринято два похода: один во главе с Мелецким, а второй с Лащем и Караимовичем (См. В. Е. Шутый, указ. соч., стр. 261—262). Нам кажется, что в указанных документах речь идет лишь об одном походе Мелецкого, с которым были Лащ и Караимович.

⁵ Государственная Публичная библиотека УССР, Рукописный фонд, Польские рукописи, д. 94, л. 539.

Однако запорожцы опередили панов. В марте 1638 г. они вновь выступили на волость.

Еще в начале 1638 г. в Сечи повстанцами был избран новый гетман — Яцко Острянин. Одновременно запорожцы послали своих представителей к донским казакам с просьбой о помощи. 20 марта 1638 г. ¹. накануне выступления из Запорожья, Острянин обратился с универсалом к украинскому народу. Он извещал, что идет «з войском на Украину Малороссийскую для выдвигненья (освобождения. — В. Г.) вас, народа нашего православного, от ярма порабощения и мучительства тиранского ляховского и для отмщения починеных обид, разорений и мучительских ругательств... всему посольству рода Русского в Малой России, по обоим сторонам Днепра мешкающого». Универсалы Острянина рисуют потрясающую по своей обличительной силе картину издевательств панов над украинским народом. В них говорилось, что войско Запорожское, чутко прислушивающееся к страданиям народным, не в силах уже видеть «отцов и матерей своих всегда ругаемых и безчестимых, также братьев, сестер и жен тиранско забиваемых, роскрывавляемых и мордуемых, по ломках ледових в тряскучие морози понуряемых и обливаемых, в плуг аки волов (чого под слонцем неслихано) запрагаемых... бичуемых и погоняемых... аби добре тягли... на едно посмевиско и ругание» ². Острянин призывал народные массы присоединиться к запорожцам, как только те появятся на территории староств, а пока тайно готовить оружие, коней, продовольствие и все необходимое для войны. Вместе с тем он настоятельно советовал остерегаться, как опасной искры, как ядовитой змеи, реестровых казаков, имея в виду при этом главным образом реестровую старшину. «Однак тот прибор (приготовления. — В. Г.) свой, — гласили универсалы, — чините скритно и неведомо, и сіи листи наши между собою вичитуйте под присягою, тайно... А козаков реестрових отродков и отщепенцов наших, для власних користей и приват своих, о упадок отчизни недбаючих, яко ядовитой ехидни стережитесь и крійтєся». В качестве примера приводится предательство реестровцев, предупредивших панов накануне битвы под Кумейками, когда из-за «неосторожности брати нашей... листи тогдашнего Гетмана Запорозького... вскоре неналежне досталися рукам козаков реестрових, а от их ляхам». Вследствие этого паны «научилися совершенно як запобегти наступаючому злу своему» ³.

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 218.

² Летопись событий в Юго-Западной России в XVII в., сост. С. Величко, т. III, К., 1864, стр. 140.

³ Летопись событий в Юго-Западной России в XVII в., сост. С. Величко, т. III, К., 1864, стр. 142. Универсал Острянина носит на себе следы позднейшей редакции, принадлежащей, вероятно, С. Величко. Тем не менее он сохраняет значение ценного источника, т. к. правдиво отражает смысл современных ему событий.

Универсалы запорожцев распространялись не только в Поднепровье, но также на Подолии, Волыни и в Покутье. Их разносили и развозили лица, не вызывавшие особых подозрений властей — нищие-бандуристы, подростки и, по словам Окольского, даже монахини¹.

Призывы к восстанию находили горячий отклик в среде угнетенных масс. По свидетельству того же Окольского, украинский народ готовился подняться против Речи Посполитой: одни шли на Запорожье, другие отправляли запорожцам деньги и провиант, третьи изготавливали порох и т. д.²

Во второй половине марта 1638 г. повстанцы двинулись с Запорожья на Украину. Они разделились на три части. Первая под предводительством Острянина пошла левым берегом Днепра, заняла Кременчуг, а затем повернула на Хорол и Омельник. Запорожская флотилия во главе с Гуней поднялась по Днепру и овладела перевозами в Кременчуге, Максимовке, Бужине и Чигирин-Дубраве. Скидан с остальным войском пошел правым берегом Днепра и занял Чигирин. Повстанцы ставили перед собой довольно сложную задачу: истребить части коронного войска, стоявшие под начальством Ст. Потоцкого на Левобережье (сам Ст. Потоцкий находился сначала в Нежине, а затем в Лубнах). Чтобы отрезать Потоцкому путь к отступлению и вместе с тем лишить его связи с Правобережьем, повстанцы стремились захватить днепровские перевозы.

Несмотря на всю осторожность, с которой двигался Острянин, Ст. Потоцкий узнал об этом и поспешно направился навстречу казакам. Вслед за Потоцким шел Ильяш Караимович, наскоро собравший реестровое войско в Переяславе. Силы Острянина, по словам Окольского, в этот момент «были еще малы»³. В таких условиях Острянин решил занять ближайший пригодный для обороны пункт — Голтву и поджидать там подкреплений. К повстанцам должны были прийти на помощь донские казаки. Голтва была удобна для обороны, т. к. стояла на высоком месте у левого берега одноименной реки, при впадении последней в Псел, в полукружии, образованном двумя этими реками. Город, обнесенный частоколом, имел замок. От замка к правому берегу Псла, где были болота и леса, тянулся узкий длинный мост. Заняв Голтву, казаки постарались укрепить ее. Открытую сторону полукружия — от одного берега реки до другого — они загородили земляным валом, а находившийся перед валом курган превратили в редут. На нем были поставлены пушки.

В начале мая Ст. Потоцкий, переправившись через реки Хорол, Псел и Голтву, подошел к казацким пози-

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 219.

² Там же.

³ Там же, стр. 220. По некоторым данным, у Острянина было всего около 2 тысяч человек.

циям¹. Свой лагерь Потоцкий устроил под Голтвой, оградив его также валом, протянутым от берега одной реки до берега другой. 5 мая, когда работы по укреплению лагеря были закончены, Потоцкий перебросил на правый берег Псла два полка иноземной пехоты и несколько тысяч реестровцев под начальством И. Караимовича с тем, чтобы овладеть замком со стороны моста. Разгадав замысел неприятеля, Острянин переправил на правый берег отряд казаков, поручив ему зайти в тыл Караимовичу. Перейдя реку, реестровцы и иноземная пехота бросились на мост, пытаясь приблизиться к замковым воротам. Встреченные сильными ружейными залпами, они поспешно повернули назад, потеряв множество убитыми и ранеными. Ранен был и Караимович. Когда его отряд вернулся к переправе, чтобы уйти на левый берег, дороги оказались заваленными деревьями. Повстанцы, укрывшиеся за деревьями, открыли сильный огонь и заставили противника искать спасения в лесном болоте. После короткой схватки отряд Караимовича был полностью уничтожен. Из нескольких тысяч человек едва спасся десяток-другой. По свидетельству русского современника, «тех де немец и листровых казаков запорожские черкасы побили всех наголову, только ушло немец в ляцкой табур 18 человек»².

6 мая Потоцкий начал штурм казацких позиций. Однако попытка захватить часть вала у Голтвы не имела успеха. Казаки отбили приступ, причинив врагу большой урон. В это время в тыл польскому войску ударила казацкая пехота, заблаговременно высланная Острянином в обход вражеского лагеря. Конница Потоцкого пыталась преградить дорогу казацкой пехоте, но понесла большие потери и оказалась отброшенной³. Теснимое с двух сторон казаками, польское войско обратилось в паническое бегство и было разбито⁴.

11 мая с остатками своего войска Потоцкий стал спешно ретироваться к Лубнам той же дорогой, по которой пришел к Голтве. Лубны, находившиеся на скрещении нескольких путей,

¹ Войско Ст. Потоцкого двигалось к м. Голтве, вероятно, дорогой, шедшей от Лубен через Хорол, Белоцерковку и Решетилровку.

² Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 132, стр. 220.

³ Окольский считал, что во время этого боя Потоцкий потерял всю конницу. Он писал: «всего же больше жаль гибели конницы» (Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 224).

⁴ Окольский очень уклончиво говорит о потерях коронного войска, предпочитая заявлять о потерях казаков. «Казаков, — пишет он, — пало около 2 000, но и наших достаточно». (Мемуары, вып. II, стр. 224). Уликая Окольского в сокрытии истины, Величко говорит, что «под Голтвою от войска Остринового (которого всего на тот час ищислялося на 12 000) забито поляков розного гатунку, тоест товариства значного, пахолков и лизных (выбранцев. — В. Г.) полчварти тысячи (1500) з лишком, кроме козаков реестровых; бо по отходе войск полских от Голтви, знайшлося в шанцах полских, около Голтви починенних, и по инних розних местцах, ярах и долинах, непогребенних трупов полских на 3000, а погребенних, исчисляючи могилки, явилось на 500 злишкома» (Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 205).

могли быть удобным оборонным пунктом. В лубенском замке имелись большие запасы оружия и продовольствия. По дороге Потоцкий послал гонцов в Бар, прося коронного гетмана о помощи. Одновременно, надеясь задержать Острянина у Голтвы, Потоцкий пытался вступить с ним в переговоры. Однако тот, понимая, что враг стремится лишь выиграть время, отказался от переговоров и двинулся со всем войском к Лубнам. Острянин хотел разгромить Ст. Потоцкого до прибытия к последнему Николая Потоцкого и Иеремии Вишневецкого, войска которых шли с Правобережья и уже приближались к Днепру.

Острянин также ждал подхода подкреплений. На помощь к нему спешил полк запорожцев и донцов под начальством атамана Мурки¹. В районе Чигирина собирал свежие силы Скидан. На Правобережье действовали отряды атаманов Сокиряного, Солсмы и Бардаченко. Северо-западнее Лубен, в тылу у Ст. Потоцкого, поднимались крестьяне и казаки. Войско Острянина быстро росло за счет присоединявшихся повстанцев. «И из городов де, государь, — доносил путивльский воевода, — многия люди идут к запорожским черкасом всход»². Всего под начальством Острянина собралось около 12 тысяч человек³. У Ст. Потоцкого, в Лубнах, куда сбежалась шляхта со всего Заднепровья, было около 6 тысяч человек⁴.

Когда войско Острянина показалось под Лубнами, Ст. Потоцкий решил немедленно бросить на него свои силы, не дав казакам, утомленным длинными переходами, укрепить свои позиции. В поле у Лубен началось ожесточенное сражение. На казаков, едва успевших оградить себя возами, бросились панская конница и пехота. Реестровцы стреляли в повстанцев из заранее сооруженных гуляй-городов, которые они все ближе подкатывали к возам. Повстанцы несли большие потери. Врагу несколько раз удалось разорвать линию возов, и казаки лишь с большим трудом отбросили его назад. «Поле, — пишет Окольский, — уже обильно оросилось кровью, время перешло далеко за полдень, уже миновала вечерня, а битва все еще продолжается, оставаясь нерешенной»⁵. Под вечер казаки сильным ударом не только отбросили врага, но и обратили его в бегство. Преследуемые казаками, поляки покинули свой лагерь и бросились к ветхому мосту, ведущему в город. Мост обрушился, похоронив в реке немало жолнеров и реестровцев⁶.

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 226.

² Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 132, стр. 221.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 228.

⁶ «И черкасы де, — доносили путивльские воеводы, — ляхов сперли, гнали до Лубен и побили де ляхов многих. И ляхи де многие свой табур пробежали мимо к городовому мосту, что под Лубнами на реке на Суле, и мост де ляхи обломали, и в реке де многие ляхи потанули» (Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 132, стр. 221).

В результате сражения под Лубнами обе стороны понесли большие потери. Острянин той же ночью, с 16 на 17 мая, стал отходить на северо-восток и затем повернул на Миргород, надеясь пополнить здесь свои скудные запасы продовольствия и пороха. Ст. Потоцкий не мог преследовать казаков из-за множества раненых в польском войске. Преследовать Острянина отправилась лишь конница Потоцкого и несколько сот реестровцев под начальством ротмистра Гижицкого. Последний должен был обогнать казаков, овладеть мостом под Миргородом и задержать их там до подхода самого Потоцкого. Дело в том, что в Миргороде находились большие старостинские селитренные варницы и склады пороха. По пути, в нескольких милях от Лубен, Гижицкий наткнулся на отряд атаманов Мурки и Репки, направлявшийся на помощь Острянину. Кроме запорожцев и других повстанцев из южного Поднепровья, в этом отряде было 500 донцов. Казаки тотчас же устремились на врага, но ввиду его численного превосходства вынуждены были отступить и заложить лагерь в открытом поле. Гижицкий окружил казаков, однако прорвать их оборону не смог из-за устройства, как объясняет Окольский, «казацкого табора и их отборных стрелков»¹. Стояла знойная погода. У казаков не было воды и не хватало пищи. Слышались стоны раненых. Тяжело был ранен и сам атаман Репка. Между тем к Гижицкому подошли главные силы во главе с Ст. Потоцким. Но казаки не прекратили сопротивления. Бой длился целых два дня. В казацком лагере уже немного осталось защитников. Это принудило их вступить в переговоры с Потоцким. 19 мая, во время переговоров, польское войско неожиданно ворвалось в лагерь и вырезало всех, «отомстив таким образом, — как выражается Окольский, — за оскорбление его кор. мил. и свою обиду не только Путивльцу (Мурке), но и всем бунтовщикам»². Несмотря на столь печальный для отряда Мурки исход боя, он задержал все же продвижение противника на целых два дня и дал возможность Острянину вступить в Миргород и запастись там порохом и селитрой.

В Миргороде Острянин узнал, что на помощь Ст. Потоцкому идут два войска — одно под начальством Иеремии Вишневецкого и другое — во главе с польным гетманом Ник. Потоцким, недавно вернувшимся в Бар с Варшавского сейма. Оба войска разными дорогами направлялись к Киеву, чтобы переправиться там на Левобережье. Острянин вновь решил дать бой Ст. Потоцкому до подхода к нему подкреплений. Он покинул Миргород и, обойдя Лубны (где стоял Ст. Потоцкий) с юга, двинулся через Лукомль на Слеспород. На дорогу, которая вела из Пирятина в Лубны, Острянин направил полк атамана Сокирявого в 1500 человек. Сокирявый должен был ударить на Лубны с этой сто-

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 23.

² Там же, стр. 233.

роны в тот момент, когда на Ст. Потоцкого начнут наступать основные силы казаков. Этот план имел то преимущество, что исключал необходимость форсирования болотистой Сулы у самых Лубен, на виду у неприятеля. Кроме того, он давал казакам возможность вести наступление на Лубны одновременно с двух сторон: с юго-запада (Острянин) и северо-запада (Сокирявый) ¹.

В конце мая повстанческий отряд атамана Бардаченко, действовавший на Правобережье, направился к Киеву, чтобы помешать И. Вишневецкому и Н. Потоцкому переправиться через Днепр или хотя бы задержать их. Однако едва Бардаченко подошел 30 мая к городу, как оказалось, что Вишневецкий уже успел переправиться на левый берег. Тогда повстанцы решили задержать следовавшее за Вишневецким войско Н. Потоцкого. Вместе с киевскими мешанами казаки стали рубить и жечь лодки и паромы на Днепре. В этот момент на них напала конница С. Лаща, составлявшая передовой отряд Н. Потоцкого. Она не дала казакам закончить начатое и оттеснила их на остров Чарторый ².

Тем временем паны собрали крупные силы под Лубнами. И. Вишневецкий, прибывший в Лубны 29 мая, привел с собой, кроме собственного надворного войска и отрядов магнатов Острожских, Замойских и других, около 2 тысяч пехоты и 12 пушек ³. Все это произошло еще тогда, когда Острянин находился на пути к Слеспороду. Намереваясь отрезать все дороги к Лубнам, Острянин отделил от своего войска несколько крупных отрядов, оставив при себе сравнительно небольшую часть казаков ⁴. Этим не замедлили воспользоваться Ст. Потоцкий и И. Вишневецкий. Когда Острянин подошел к Слеспороду, они ударили на него всеми своими силами. Бой под Слеспородом длился целый день. Ночью Острянин вернулся к Лукомлю, а отсюда пошел вниз по Суле к Жовнину. После его ухода к Слеспороду подошел Сокирявый, отозванный, видимо, Острянином в связи с изменившейся обстановкой. Сокирявый, по словам Окольского, — «старый козак, знакомый с морем и известный предводитель бунтов», — был опытным воином. Тишина, царившая в Слеспороде, вызвала у него подозрение. Чтобы осмотреть расположенный впереди лагерь, Сокирявый поднялся на высокий дуб. Тут он был замечен реестровцами, схвачен и выдан Вишневецкому. «Поймка его, — пишет Окольский, — весьма обрадовала реестровых, которые так были довольны, как будто держали самого Острянина» ⁵. Преследуемые врагами, казаки

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 233.

² Государственная Публичная библиотека УССР, Рукописный фонд, Польские рукописи, д. 94, л. 599—601.

³ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 235—236.

⁴ Там же, стр. 238.

⁵ Там же.

Сокирявого скрылись в зарослях у болотистых берегов Слепорода, а затем тоже ушли к Жовнину¹.

Позиция, занятая Острянином под Жовнином, недалеко от впадения Сулы в Днепр, была малопригодной для обороны. К тому же конница Ст. Потоцкого преследовала казаков по пятам. 10 июня, дождавшись остальных частей, подтянувшихся к нему из-под Лукомля, Ст. Потоцкий начал штурм позиций Острянина. Ему удалось в нескольких местах прорвать казачий лагерь, захватить 8 пушек и много пороха. Считая дальнейшее сопротивление бесполезным, Острянин с небольшой частью казаков переправился через Сулу и затем ушел в Россию². По пути к нему присоединились другие казаки со своими семьями. В Белгород с Острянином пришло свыше 1000 казаков³.

После ухода Острянина казаки избрали гетманом Дмитрия Гуню. Гуня был мужественным казацким вождем, достойным представителем запорожских низов⁴. Под его руководством казаки восстановили лагерь и приготовились к продолжению борьбы. На следующий день битва возобновилась с удвоенной силой. Борьба, по словам Окольского, «приняла с обеих сторон такой кровавый характер, что хуже и быть не могло»⁵. Обе стороны потеряли большое число убитыми и ранеными. «Погибло... много товарищей, — пишет Окольский, — рыцарства каварцяного и панского»⁶.

В ночь с 14 на 15 июня от Чигирина к Жовнину с небольшим отрядом повстанцев и запасом провианта подошел Скидан. Когда он перешел на левый берег Днепра, на него напали посланные Ст. Потоцким реестровцы и четыре хоругви жолнеров. Началась перестрелка, во время которой Скидан был тяжело ранен. Казаки отправили раненого атамана обратно в Чигирин⁷, а сами после упорной борьбы пробились к Гуне⁸.

20 июня в Жовнине стало известно, что в Переяслав с большим войском, в значительной своей части конным, прибыл поль-

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 238.

² По словам ротмистра Хржонстовского, Острянин намеревался перейти в Россию еще из-под Слепорода, но казаки настояли на другом: они требовали отступить вниз по Суле до Днепра, а оттуда на Запорожье (Исторія України в документах і матеріалах, т. III, док. 78, стр. 99).

³ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 240. Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 145, стр. 248—252.

⁴ «Этот Гуня, — по словам Окольского, — пользовался у них немалою известностью, так как за год перед тем, под Кумейками, он с остатками войска и несколькими пушками ночью ушел в Боровицы и там соединился с Павлюком, оттуда отправился вместе со Скиданом на Запорожье, где казаки избрали его кошевым атаманом» (Мемуары, вып. II, стр. 244).

⁵ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 240.

⁶ Там же, стр. 241.

⁷ Реестровцы, каким-то образом узнавшие об этом, отправили вслед за Скиданом погоню, схватили его и 24 июня выдали Ст. Потоцкому (Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 246).

⁸ Там же, стр. 242.

ный гетман Николай Потоцкий ¹. По дороге Н. Потоцкий напал на отдельные разрозненные повстанческие отряды. Расстояние между Переяславом и Жовнном (150—180 км) Н. Потоцкий мог преодолеть за несколько дней. Гуня не считал возможным принять бой у Жовнина. В ту же ночь (с 20 на 21 июня) казаки навели мост через Сулу и отправились (с оставшимися 8 пушками) к устью р. Старца ². Для лагеря Гуня выбрал место на высоком берегу Днепра. Две стороны его омывались реками — Днепром и Старцем, третья опускалась в болото. Предположения Гуни оказались правильными. Н. Потоцкий так спешил, что обогнал даже Вишневецкого и Ст. Потоцкого. Едва казаки подошли 22 июня к Старцу, как конница Н. Потоцкого догнала их. Казакам пришлось закладывать и укреплять свой лагерь под сильным огнем неприятеля. Ночью к Старцу подошли со своими войсками Ст. Потоцкий и И. Вишневецкий.

Началась долгая осада казацкого лагеря. К польскому войску прибывали все новые и новые подкрепления: отряд брацлавского воеводы П. Потоцкого, краковского воеводы, старост хмельницкого и лянцкоронского, киевского бискупа и др. Приходили и отдельные шляхтичи с наспех собранными людьми: например, некий Олизар «привел 150 человек своих родственников», а ксендз Елец — 70 конных монастырских слуг и т. д. ³. Злорадствуя, Окольский писал: «мятежные крестьяне ежедневно наблюдали из окопа прибытие (к Н. Потоцкому. — Н. Г.) новых полков, между тем как сами они не получали никакого подкрепления» ⁴. Учитывая, что казацким лагерем трудно овладеть штурмом, паны решили взять осажденных измором. Чтобы деморализовать казаков и ускорить их капитуляцию, Н. Потоцкий разослал в разные места карательные экспедиции под начальством С. Лаца и др. Всюду, где проходили каратели, они оставляли за собой трупы замученных людей и сожженные села ⁵. Окольский цинично писал, что отряды Лаца «очищали дороги от мятежных скопищ, водворяя в полях порядок, как бы (в) благоустроенном городе» ⁶. Тщетно Гуня требовал от панов прекратить истребление мирного населения. «Уж пусть бы, — писал он Потоцкому, — (вы) вели войну с нами, с войском

¹ По словам Окольского, Н. Потоцкий «привел с собою значительное количество войска, панов и ротмистров».

² Местоположение р. Старца неизвестно. Старцем называется не река в обычном смысле слова, а одно из старых русел большой реки, соединяющееся с ней, как правило, лишь во время высокой воды. Таких «Старцев», или «Стариц», очень много не только на Днепре, но и на других больших реках, особенно на их левых, чаще всего низменных, берегах. Старец, о котором идет речь, находился, по нашему мнению, на Днепре в 15—20 км южнее устья Сулы, недалеко от с. Градижска.

³ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 246—247.

⁴ Там же, стр. 247.

⁵ Там же, стр. 248.

⁶ Там же, стр. 251

запорожским... лишь бы оставили в покое бедных невинных и угнетенных людей, которых голоса и безвинно пролитая кровь взывают к богу о мщении»¹.

Глумление панов над мирным населением не только не подорвало боевого духа осажденных, но укрепило его. Стремясь вырваться из окружения, казаки совершали смелые вылазки. 5 июля, например, во главе атакующих находился сам Гуня. Казаки вплотную подошли к польским валам. Пушечным ядром был убит казак, несший бунчук над казацким гетманом. Тогда Гуня подхватил бунчук и с ним ринулся вперед. Несмотря, однако, на весь героизм, проявленный казаками, прорваться сквозь польские укрепления им не удалось ни тогда, ни в последующие дни².

10 июля, после тщательной подготовки, Потоцкий сразу с нескольких сторон начал наступление на казаков. Неприятельское войско с утра и до позднего вечера штурмовало казацкий лагерь, однако без малейшего успеха. На следующий день Потоцкий отправил в казацкий лагерь для переговоров своих представителей. Им было поручено передать казакам копии постановлений недавно (март—апрель 1638 г.) состоявшегося сейма. Эти постановления, предусматривавшие сохранение реестра в прежнем количестве, должны были, по мнению панов, вызвать раскол в казацком войске и привести к заключению мира. Гуня учтиво принял панских посланцев. Усадив их рядом с собой на вязанку сена и угощая хлебом и вареной рыбой, он обещал прочесть и обсудить сеймовые постановления на раде. С тем послы удалились³. На раде повстанцы отвергли предъявленные панами условия. Они поднялись на борьбу не за привилегии нескольких тысяч реестровцев, а за освобождение всего народа от панского ярма. На обещанные Потоцким «вольности, права и милости, дарованные им королями» казаки, по словам Окольского, ответили отказом, ибо они «выше всего ставили крестьянские претензии»⁴.

Вскоре Потоцкому подвезли осадные пушки. Теперь паны решили предпринять генеральный приступ, рассчитывая через несколько дней покончить с казаками. Так как штурм предполагалось вести непрерывно днем и ночью, то между хоругвями устанавливалась очередность. Впереди польского лагеря построили из бревен высокий редут с земляным блокгаузом на вершине; отсюда был виден весь казацкий лагерь.

Пушки, поставленные на редуте, причиняли казакам большой урон. В ночь на 22 июля несколько смельчаков из казацкого войска под видом реестровцев проникли в траншею, окружавшую редут. От выбранца, стоявшего тут на карауле,

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 248.

² Там же, стр. 251.

³ Там же, стр. 250.

⁴ Там же, стр. 252.

они узнали пароль и вернулись к своим. Через полчаса к редуту подползло уже несколько десятков казаков. Зная пароль, они быстро уничтожили стражу и взобрались на редут. Казаки намеревались разрушить блокгауз и сбросить с него пушки. Но как только они достигли вершины, в польском лагере поднялась тревога. Чтобы не попасть в руки врага, казаки спрыгнули с редута и скрылись. Эта беспримерная по своей смелости вылазка казаков так напугала панов, что весь остаток ночи войско их оставалось под ружьем¹.

В ближайшее за тем время Потоцкий начал штурм казацких позиций. Панскую пехоту и конницу поддерживала своим огнем артиллерия. Путивльский воевода доносил своему правительству: «И изготовяся де, государь, гетман польной Потоцкой с польскими, и с литовскими людьми, и с немцы... приступал к ним, черкасом, к табуру всеми людьми большим жестоким приступом и штурмами»². Положение казаков было тяжелым. У них давно кончились продовольствие: «не утешительно (им) было, — замечает по этому поводу Окольский, — трудиться день и ночь, а вместо пищи иметь лишь воду да немного конины»³. У казаков кончались также запасы пороха. Несмотря на это, они отбивали один приступ за другим.

В последних числах июля стало известно, что на помощь казакам, к Старцу, идет с двухтысячным отрядом повстанцев и припасами полковник Филоненко. Вопрос о том, кому доставнутся припасы, одинаково волновал обе стороны. Поджидая своих, казаки втаскивали на верхние валы пушки, готовили оружие, давали лошадям остатки корма и т. д. Потоцкий, со своей стороны, отправил на правый берег Днепра отряд жолнеров с несколькими пушками под начальством С. Лаща.

Казаки Филоненко были разделены на два отряда. Первый шел берегом Днепра, второй плыл на лодках. 6 августа, когда Филоненко появился под Старцем, Лащ бросил на него свою конницу и одновременно стал обстреливать из пушек казацкие лодки. Филоненко принял бой. Уцелевшие лодки, лавируя в извилинах Днепра, успели подойти ближе к казацкому лагерю.

В это время Гуня, стремясь лишить Потоцкого возможности отправить Лащу подкрепление, атаковал польский лагерь. Натиск казаков был настолько сильным, что на защиту валов Потоцкий приказал отправить даже ту роту, которая охраняла пленных. При этом все пленники (70 человек), в том числе раненые Скидан и Мурка, были зверски убиты. Тут же, вероятно, погиб и Сокирявый. Бой кипел до двух часов ночи. Ценой огромных потерь казакам Филоненко удалось пробиться к Гуне. В лагерь пришло лишь несколько сот человек,

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 253.

² Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 143, стр. 245.

³ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 254.

доставленных же запасов продовольствия едва могло хватить на два дня ¹.

Тяжелое положение казаков, лишенных теперь надежды на скорую помощь, было использовано частью реестровых старшин, которые примкнули к восстанию и теперь находились в старичьем лагере. Они стали подговаривать казаков согласиться на предложенные Потоцким условия. Часть казаков еще надеялась на возможность сговориться с панами и поддалась агитации сторонников заключения соглашения. К Потоцкому отправилась депутация в составе трех старшин — Романа Пешты, Ивана Боярина и Василия Сакуна ². Казаки, не желавшие вступать в соглашение с панами, во главе с Гуней и Филоненко той же ночью покинули лагерь у Старца и ушли на Запорожье ³.

Н. Потоцкий не скупился на обещания. Потери, понесенные им под Старцем, были весьма чувствительны. Казаки, по словам Пясецкого, во время своих нападений «вывели из строя много живой силы: ворвавшись в ближайшие окопы, занятые немецкой пехотой... они истребили ее без остатка; гусар польских, которые по неразумному приказу гетмана стремились ворваться в их (казаков) обоз, и других конников они побили из самопалов больше... чем их погибло в Прусах» ⁴. Стремясь скорее заключить мир, Н. Потоцкий, как говорит Пясецкий, лично заверял казаков, «что на ближайшем сейме вернут им давние вольности» ⁵.

8 августа соглашение было заключено, и Потоцкий в сопровождении других военачальников отправился в казачий лагерь, чтобы осмотреть «все их (казаков. — В. Г.) военные хитрости, засады, тайники и ловушки». Паны были поражены искусством, с которым казаки укрепили свой лагерь. При этом многие из них находили, «что невозможно было взять их в этом укреплении иначе, как только продолжительною осадой; это мнение, — заключает Окольский, — разделял и пан гетман» ⁶.

После заключения соглашения казаки, полагаясь на слово Потоцкого, стали небольшими группами расходиться по домам. Но паны и на этот раз поступили предательски: «большая их (казаков. — В. Г.) часть, — говорит Пясецкий, — была перебита королевскими жолнерами» ⁷.

После капитуляции казаков у Старца на Украине началась полоса небывалого террора, жертвой которого становились сотни и тысячи ни в чем не повинных людей. Чтобы вытравить в народных массах «дух своевольтства», палачи прибегали к

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 259 и 263.

² Там же, стр. 265.

³ Там же, стр. 284—285. Позднее, в 1640 г., среди донских казаков упоминается «атаман Гунка Черкашенин». Это был, надо думать, Дмитрий Гуня (Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 188, стр. 311).

⁴ Kronika Pawła Piaseckiego, стр. 423.

⁵ Там же.

⁶ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 268.

⁷ Kronika Pawła Piaseckiego, стр. 423.

самым свирепым карам. Они сносили целые села и местечки, лишая население крова, убивали и увечили людей, не считаясь с полом и возрастом. «Польские и литовские люди, — записывал в 1638 г. белгородский воевода со слов украинских переселенцев, — их (казаков) крестьянскую веру нарушают и церкви божии разрушают, и их побивают и жен их и детей, збирая в хоромы, пожигают и пищальное зелье, насыпав им в пазуху, зажигают, и сосцы у жен их резали, и дворы их и всякое строение разоряли и пограбили»¹.

9 сентября 1638 г. Н. Потоцкий созвал в Киеве «общую раду» из реестровцев, на которой, однако, могли присутствовать, кроме старшины, всего несколько человек от каждого полка². Теперь, когда обескровленная Украина была, как думали паны, «утихомирена», Потоцкий продиктовал казакам свои условия. В их основу легла так называемая «Ординация войска Запорожского реестрового», принятая еще в промежуток между восстанием 1637 и 1638 гг. на варшавском сейме (в марте — апреле 1638 г.). Эта ординация была беспрецедентной по жестокости репрессий в отношении казачества. Она уничтожала «на вечные времена все льготы, доходы, право на самосуд и на выбор старшин», назначала вместо гетмана реестра комиссара, избранного сеймом по рекомендации коронных гетманов, причем обязательно из лиц шляхетского происхождения. Комиссару, резиденцией которого назначался Терехтемиров, ординация вручала военную и судебную власть над казаками. На комиссара она возлагала обязанность «заблаговременно предупредить» и подавлять всякое «своеволие казацкое». Реестр должен был состоять из шести полков (Переяславский, Каневский, Черкасский, Чигиринский, Белоцерковский и Корсунский) с общей численностью в 6 тысяч человек. Войсковые есаулы и полковники отныне также не выбирались казаками, а назначались польскими властями «из шляхтичей, опытных в военном деле и известных непоколебимую верностью»³. Для надзора за казаками и исполнения своих обязанностей полковники должны были безотлучно жить в своих полках. Реестровцы могли селиться лишь в Черкасском, Каневском и Корсунском староствах «и других пограничных городах», а не в пределах трех украинских воеводств, как это было раньше.

Остальные пункты ординации были направлены против Запорожской Сечи. Каждый реестровый полк обязан был по очереди отбывать службу на Запорожье в качестве залогов, следить за появлением «своевольных скопищ на островах и речках» и разгонять их. Населению и даже реестровцам под страхом

¹ Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии. Собраны и изданы Н. Второвым и К. Александровым-Дольником, 1851, кн. I, стр. 101.

² Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 271.

³ Там же, стр. 287.

смертной казни запрещалось появляться за порогами без специального разрешения — паспорта, полученного от комиссара ¹.

Через три месяца, 4 декабря 1638 г., в урочище Маслов Став состоялась «заключительная комиссия с козаками». В присутствии Н. Потоцкого и других панов было оглашено постановление, где говорилось, что казаки «покорно принимают заслуженное ярмо на свои шеи». Затем были объявлены фамилии комиссара реестра и полковников «из родовитой шляхты» и «вполне пригодных к этой службе в интересах Речи посполитой», а также войсковых есаулов. Комиссаром реестра был объявлен шляхтич П. Комаровский, а временным местом его пребывания — Корсунь. Полковниками назначались Я. Гижицкий (черкасский), Ст. Олдаковский (переславский), А. Сикержинский (каневский), К. Чиж (корсунский), Ст. Каневский (белоцерковский) и Я. Закржевский (чигиринский), войсковыми есаулами — И. Караимович и Л. Бубновский, «которые во все время восстания не только не присоединились к нему, но, напротив, и другим подавали добрый пример полным сохранением верности и подданства Е. К. М.». Полковых есаулов, сотников и атаманов казакам разрешалось избрать самим. (Среди избранных мы видим таких будущих деятелей освободительной войны 1648—1654 гг., как Богдан Хмельницкий и Федор Лютый) ². На этом комиссия закончила свою работу.

Не возлагая, однако, и теперь больших надежд на реестровое войско, польские гетманы спешили с восстановлением Кодака ³. При этом было решено еще более расширить и укрепить крепость, а гарнизон ее увеличить с 200 до 600 человек. К лету 1639 г. восстановление Кодака было закончено *: на высоких валах его установили пушки. Крепость усиленно охранялась. Перед заходом солнца крепостные ворота запирались, и никто уже не мог ни войти, ни выйти из крепости даже в случае крайней необходимости. Ночью крепостной вал обходил сторожевой дозор и дежурный офицер. Часовые никого не подпускали

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 286—288.

² Б. Хмельницкий был избран сотником Чигиринского, а Ф. Лютый — Переславского полка. (Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 279).

³ В мае 1639 г. русские люди, побывавшие на Украине, рассказывали путивльским воеводам: «А новой де городок Кудак, что на Днепре был, велено немцом зделать попрежнему... и зделав... стоять им, немцом... в том городе на заставе для того, чтобы де запорожские черкасы из Запорог для запасов в литовские города не проезжали, и из литовских городов... в Запороги не бегали, и запасу б в Запороги не провозили» (Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. I, док. 163, стр. 275).

⁴ Строительством новой крепости руководил инспектор коронных арсеналов, инженер Фридрих Гектант, который еще до этого соорудил укрепления во Львове и других городах. Новая крепость, по словам Чоловского, была почти в три раза больше прежней. Строилась она с учетом последних достижений так называемой голландской фортификационной техники (А. *Czołowski*, Kudak, стр. 11—13).

близко к крепости. На расстоянии 3 км от Кодака, возле Днепра, была построена высокая башня, с вершины которой открывался вид на 50—60 км вокруг. У подножья башни постоянно дежурил отряд пеших и конных жолнеров. Едва дозорный на башне замечал вдали какого-нибудь человека, как для поимки его немедленно отряжали нескольких всадников. Кроме того, конные жолнеры регулярно объезжали окрестные балки и речки ¹.

Губернатором Кодака коронный гетман назначил шляхтича Яна Жолтовского, а комендантом — своего племянника Адама Конецпольского, недавно вернувшегося из-за границы. Для губернатора крепости канцелярия коронного гетмана разработала подробную инструкцию. Губернатор должен был заботиться о постоянном усилении крепости: ежегодно возвышать вал на локоть на всем его протяжении, используя для этого задержанных и пленных; следить за тем, чтобы «за пороги не был пропущен ни один живой человек, кроме тех, которым придется ехать с мукой к своему полку (имеются в виду реестровцы) и то лишь со свидетельством от их полковников». В случае если кому-либо удалось бы пробраться мимо Кодака к порогам, то ли полем, то ли по Днепру, и скрыться от преследования, губернатор обязывался немедленно сообщить об этом реестровому полковнику, стоявшему с залогом на Запорожье. Наконец, офицеры должны были регулярно проводить с жолнерами военные занятия и рекомендовать наиболее отличившихся из них в качестве офицеров для кварцяного войска Речи Посполитой ².

Вскоре в сопровождении многочисленной и блестящей свиты в крепость для ее осмотра прибыл сам коронный гетман Ст. Конецпольский. Оставшись довольным ее внушительным видом, он высказал уверенность в том, что она неприступна. Окружение Конецпольского поспешило раболепно согласиться со словами всемогущего гетмана. Лишь присутствовавший при этом чигиринский сотник Богдан Хмельницкий, по словам современника, как бы вскользь заметил: «Manus facta — manus destruo!» (Рукою созданное, рукою же и разрушается).

Подавив восстание 1637—1638 гг., правители Речи Посполитой были убеждены, что теперь Украина навсегда умиротворена, а Запорожская Сечь — центр борьбы украинского казачества против социального и чужеземного гнета — изолирована и потеряла всякое значение. Но паны глубоко ошибались.

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 412—413.

² Історія України в документах і матеріалах, т. III, док. 82, стр. 107—108.

ГЛАВА X

ЗАПОРОЖСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ОСВОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЕ 1648—1654 гг.

Десятилетие, наступившее после подавления восстания 1637—1638 гг., польские паны называли временем «золотого покоя». В действительности же никакого покоя не только на Украине, но и в Польше не было и быть не могло. Ближайшие годы принесли украинским народным массам новые тяжкие страдания¹. Пользуясь своей «победой» над восставшими, паны продолжали расхищать земли крестьян и казаков, насильственно обращали последних в своих крепостных. Соперничая друг с другом, они, как говорит летописец, «поставляли уже везде там, кому где что доставалось, межевые столбы свои и присвоивали живущих на тех местах козаков, так равно, как и посполитых мужиков, налагая на них десятину и тяглы все, и тем вознамерились их совсем уничтожить»².

Не удовлетворяясь захватами на Правобережной и Левобережной Украине, магнаты все настойчивее требовали от правительства раздачи запорожских земель. Особенно упорно действовал в этом отношении И. Вишневецкий. Накануне освободительной войны правительство, уступая требованиям Вишневецкого, выдало ему грамоту на владение Запорожьем³. Однако впоследствии его Вишневецкому уже не пришлось.

Насилий со стороны феодалов не избежали и реестровцы. Польские комиссары и старшины заставляли их как своих слуг чистить лошадей, топить печи, подметать дворы. Отдельные паны, как, например, черкасский подстароста Я. Смяровский, бесчеловечно избивали казаков, выкалывали им глаза и т. д. Все более тяжкие формы принимали на Украине религиозные преследования, национальное угнетение.

¹ *І. Крип'якевич*, Богдан Хмельницький, К., 1954, стр. 13—60 и др.

² Летописное повествование о Малой России, ч. I, стр. 42.

³ *Wi. Tomkiewicz*, J. Wisniowiecki, стр. 88—89. При этом, вероятно, И. Вишневецкий ссылался на «заслуги» своих предков, в том числе Дм. Вишневецкого, столько сделавших для «освоения» запорожских земель.

Невыносимый феодально-крепостнический и национальный гнет стал угрожать украинскому народу уничтожением его как национальности. Освобождение от многовекового ига панской Польши становилось для украинского народа исторической необходимостью, коренным вопросом его существования.

Все без исключения восстания XVI и первой половины XVII в. потерпели поражение. Это объясняется тем, что они, как и другие крестьянские восстания эпохи феодализма, отличались стихийностью, локальностью, неорганизованностью, недостаточной осознанностью целей. Покончив с панами у себя, крестьяне держались ближе к своим местам, не желали отправляться на помощь повстанцам в другие районы, вследствие чего выступления их оставались разобщенными, разрозненными. У восставших не было общего плана действий и единого руководства. Руководство восстанием делили между собой отдельные предводители, что не могло не сказываться на общем их ходе.

Несмотря на все это, крестьянско-казацкие восстания XVI—XVII вв. имели большое прогрессивное значение. Они расшатывали, ослабляли феодально-крепостнический строй и способствовали дальнейшему развитию производительных сил. Все без исключения восстания XVI — первой половины XVII в. сопровождалось массовым показаченьем крестьянства и мещанства. Это явление в эпоху господства феодализма имело определенный социальный смысл: оно являлось выражением стремления угнетенных слоев народа утвердиться в положении свободных производителей. Это стремление, как сказано выше, даже в условиях едва только начавшегося разложения феодально-крепостнического строя было объективно борьбой не за возврат к давно минувшим патриархальным порядкам, а за установление новых, более передовых, по сравнению с феодальными, буржуазных отношений. Антифеодальные движения были одновременно и национально-освободительными. Это обусловило участие в них казацкой старшины. Последняя, призывая к движению, преследовала, однако, свои узкоклассовые интересы и ради них всегда готова была идти на компромисс с польскими панами, лишь бы сохранить феодальные порядки. Подобные стремления существовали и в среде богатого рядового казачества, что определялось конкретной исторической обстановкой — господством феодализма и слабостью буржуазных отношений, едва только зарождавшихся.

Борьба народных масс против панской Польши была одновременно борьбой за воссоединение Украины с Россией. Восстания являлись свидетельством несокрушимой воли народа к уничтожению социального и национального гнета и великой школой вооруженной борьбы.

Отдельные антифеодальные выступления имели место как

в Восточной, так и Западной Украине уже вскоре после подавления восстания 1637—1638 гг. С 1639 г. эти выступления с каждым годом становились все более мощными ¹. На Украине явно назревала новая война против чужеземных угнетателей. Она приближалась в момент, когда разлад и противоречия в среде господствующего класса Речи Посполитой все более усиливались.

В то время как другие, соседние государства делали все новые успехи на пути своей централизации, феодальная анархия в Польше приобретала угрожающие размеры. Все попытки польских королей и сторонников усиления королевской власти закончить с своеволием магнатов — главных виновников феодальной анархии — потерпели неудачу. Магнаты, особенно крупнейшие из них — восточноукраинские и литовские, вершили судьбы Речи Посполитой в ущерб национальным интересам страны.

В таких условиях правительство короля Владислава IV, возглавляемое канцлером Ю. Оссолинским, попыталось возобновить борьбу со всеильными магнатами ². Для этого решено было воспользоваться войной Турции против Венеции, вспыхнувшей весной 1645 г. Венеция, терпевшая поражения от турок, обратилась за помощью к европейским странам, в том числе к Польше. Польское правительство согласилось оказать Венеции помощь, но потребовало субсидию в размере 1 миллиона скуди ³.

Ведя переговоры с Венецией, правительство Речи Посполитой старалось разрешить ряд задач, на первый взгляд вполне самостоятельных, а на самом деле тесно связанных между собой. На деньги, полученные от Венеции, оно рассчитывало наwerbовать крупное кварцянское войско. При этом польское правительство не собиралось начать войну с Турцией. Помощь Венеции должна была заключаться в нападении на вассала Турции — Крымское ханство, причем главная роль в этой войне отводилась казакам. Этим правительство надеялось достичь одновременно нескольких целей: руками казаков добыть победу над опасным противником, а главное — подорвать силу сопротивления украинского народа польско-шляхетскому режиму, что неизбежно должно было произойти после выхода казаков с Украины в Крым. Наконец, казацкое войско могло быть, по мысли короля и его канцлера, использовано, наряду с кварцянским, в борьбе с магнатской олигархией.

Осуществление этого сложного плана началось посылкой на Украину доверенного короля — шляхтича Иеронима Радзеевского. Владислав IV, тайно от магнатов, надеялся увеличить

¹ В. Шутый, Канун освободительной войны, стр. 271.

² См. подробнее нашу работу «Про політичну діяльність Богдана Хмельницького напередодні і на початку визвольної війни» (Науковий збірник Чернівецького Державного Університету, Львів, 1954).

³ Серебряная монета, ценность которой в разных итальянских государствах колебалась от 1,5 до 2 руб. золотом.

при помощи старшины реестровое войско до нескольких десятков тысяч человек ¹. Прибыв на Украину под предлогом осмотра своих имений, Радзеёвский встретился с рядом влиятельных старшин, в первую очередь со своим давним знакомым — Иваном Барабашем, занимавшим в то время влиятельный пост войскового есаула. Радзеёвский предложил старшинам тайно встретиться с королем.

Старшины согласились. В апреле 1646 г. в Варшаву прибыли войсковые есаулы Иван Барабаш и Ильяш Караимович, полковой есаул Иван Нестеренко Бут и чигиринский сотник Богдан Хмельницкий ². О встрече и переговорах Владислава IV и канцлера Оссолинского с казацкими старшинами говорит целый ряд современных источников. Предметом этих тайных переговоров была организация военной экспедиции казаков на Крым. За это король обещал восстановить «давние» казацкие вольности, увеличить реестр, по одним данным, до 12, по другим — до 20 тысяч человек, а также не допускать размещения кварцанного войска в Южном Поднепровье (юго-восточнее Белой Церкви) ³. На право набора казаков Барабашу был вручен универсал за подписью Владислава IV и за его личной (не государственной) печатью.

После возвращения старшины на Украину король стал поспешно набирать войско. Королевские вербовщики нанимали солдат в Польше и за границей. Варшава стала наполняться жолнерами, а королевский дворец в Уяздове напоминал вооруженный лагерь. В Варшавском арсенале работа кипела днем и ночью. Изготовленные за короткое время 36 пушек, ядра и проч. были отправлены под Львов, к месту, которое предназначалось королем для сбора войска.

Военные приготовления короля и концентрация войск под Львовом не могли ускользнуть от взора магнатов. Через своих агентов последние стали распространять слухи, будто король стремится к уничтожению шляхетских «вольностей» и поэтому готовит государственный переворот. Сенат, заседавший в июле 1646 г. в Кракове, категорически потребовал от Владислава

¹ Австрийский посол в Польше Адерсбах доносил, что король намерен увеличить реестр до 20 000 чел., а кварцанное войско до 30 000 (Urkunden und Aktenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm, т. I, стр. 178, 190).

² Богдан Хмельницкий был уже ранее в составе посольства казаков к королю Владиславу (в 1639 г., после поражения восстания). Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 285.

³ Вопрос о размещении войск имел важное значение. Трудно сказать, кто именно из казацких старшин настаивал на ограничении района дислокации польских войск. Однако, исходя из последующего, можно предположить, что этот вопрос был поставлен Богданом Хмельницким. Именно Хмельницкий был тем политиком, который в ходе освободительной войны при переговорах с польской стороной всегда выдвигал в качестве неперемennого условия ограничение территории размещения польского войска.

прекращения военных приготовлений и угрожал поставить вопрос о его действиях на ближайшем сейме.

Действительно, сейм, собравшийся в Варшаве в ноябре 1646 г., проходил в очень напряженной обстановке. Магнаты обвиняли короля и канцлера Оссолинского в тайных замыслах и требовали предания суду автора проекта войны и увеличения армии. Свои требования магнаты, явившиеся в столицу в сопровождении многочисленных вооруженных отрядов зависимой от них шляхты, готовы были поддержать оружием. Сейм склонился на сторону магнатов. Надежды Владислава привлечь на сейме шляхту на свою сторону не оправдались, и он был вынужден, правда, притворно, отступить перед требованиями своих сильных противников. Теперь осуществление намеченных планов он целиком связывал с набором казацкого войска.

Между тем в среде старшин, с которыми король вел переговоры в Варшаве, произошел раскол. Узнав о поражении Владислава на сейме, Барабаш и Ильяш решительно отказались приступить к набору казацкого войска. Совершенно иную позицию занял Богдан Хмельницкий. Верный сын своего народа, Хмельницкий решил, что именно теперь наступил благоприятный момент для увеличения казацкого войска под видом выполнения известного проекта короля, разумеется, не в видах польских панов, а в интересах угнетенного украинского народа, в любую минуту готового взяться за оружие.

К выполнению своего плана Хмельницкий старался привлечь Барабаша и Ильяша¹, но безуспешно. Память о нежелании старшин помочь Хмельницкому в этом важном деле нашла отражение в произведениях народного творчества. В известной думе рассказывается, как во время пира один из старшин, угадывая намерения Хмельницкого воспользоваться королевским привилеем, говорит ему: «На что тебе, куманек, читать его (привилей. — В. Г.)... — Мы податей не платим, в войске польском не служим. Лучше нам, начальникам, брать деньгн без счету, а дорогие сукна без меры, *чем, потакая черни*, таскаться по лесам да буеракам да своим же телом комаров, как медведей, кормить»². Предательство Барабаша, перешедшего на сторону магнатской оппозиции, подтверждает украинский летописец Грабянка. «Сию епистолию, — пишет он, имея в виду королевский привилей, — Барабаш не яви никому о ней; ово яко ляхом (читай магнатам. — В. Г.) прихилен бяше, ово яко своей корысти токмо иский (ищущий), изволяше сам во благих жити, а о войску не радяще, ниже обид людской»³. Убедившись, что Барабаш не желает воспользоваться королевским разрешением

¹ Miron Costin Letopisetul tarii Moldovei dela Aron Voda încoace, Bucuresti, 1944, стр. 119.

² Н. Костомаров, Богдан Хмельницкий, т. I, стр. 56—57.

³ Летопись Григория Грабянки, стр. 39.

для набора казаков, Хмельницкий решил взять дело в собственные руки¹.

Обстановка на Украине продолжала оставаться очень напряженной. Именно в это время стали усиленно распространяться слухи о разрешении короля набирать казачье войско. Зная, что основанием для этих слухов является деятельность Хмельницкого и его сторонников, Барабаш и Ильяш донесли на него польским властям. При этом, естественно, они старательно замалчивали свои прежние сношения с королем и Хмельницким. Чигиринская старостинская администрация, возглавляемая магнатом Александром Конецпольским, решила подвергнуть Хмельницкого негласному преследованию. Этим поспешил воспользоваться чигиринский подстароста шляхтич Д. Чаплинский. При содействии своего патрона А. Конецпольского он совершил наезд и захватил хутор Б. Хмельницкого Суботов. Хмельницкий вынужден был скрываться.

Между тем, в начале мая 1647 г. в Польше открылся очередной сейм, обещающий быть очень бурным. Противники Владислава IV высказывали намерение «навсегда покончить с мыслью (короля) о войне»². В конце мая или в начале июня в сопровождении десяти казаков в Варшаве появился Хмельницкий³. Формально его приезд объяснялся желанием добиться правосудия в тяжбе с Чаплинским. В действительности же цель приезда была совсем иной. Со времени сейма 1646 г. произошли значительные изменения. Поэтому Хмельницкому необходимо было, прежде всего, удостовериться, не отказался ли Владислав IV от своих планов после поражения, нанесенного ему на сейме 1646 г. В случае, если бы король не изменил своих намерений, Хмельницкому нужно было, ввиду перехода Барабаша и Ильяша на сторону магнатской оппозиции, сосредоточить все связи с королем и его сторонниками в собственных руках, а также получить материальную поддержку, необходимую для набора казаков и их вооружения. Наконец, следовало установить, не внесет ли новый сейм изменений в отношения королевской группировки к ее противникам.

Поездка в Варшаву была использована Хмельницким и его товарищами также для изучения положения в стране, приобретения необходимых сведений о размещении польских войск, состоянии крепостей и т. д. Эти данные были чрезвычайно важны

¹ Сохранилось предание, согласно которому Хмельницкий искусно овладел королевским привилеем, хранившимся у Барабаша. Для нас вопрос о реальности этого события не имеет принципиального значения. Важен тот бесспорный факт, что Хмельницкий, ввиду решительного отказа Барабаша и Ильяша от участия в наборе казацкого войска, взял судьбу этого дела в собственные руки. Именно эта идея и получила отражение в колоритных рассказах украинских летописцев и в народных думах о так называемом «похищении» Хмельницким «королевского листа» (или «королевских листов») у Барабаша.

² *L. Kubala, Jerzy Ossoliński, t. I, Warszawa, 1924, стр. 246.*

³ Там же, стр. 259.

для успеха будущего выступления против панской Польши, о чем довольно обстоятельно говорит Грондский¹.

Хмельницкий был принят королем, вероятно, перед самым роспуском сейма. Русский дипломатический агент Кунаков писал, что Владислав пригласил к себе «Богдана Хмельницкого и черкас челобитчиков в покоевые хоромы»². Уже ход работы сейма показал Хмельницкому и сопровождавшим его казакам, что борьба короля с магнатами продолжается с прежней силой. При встрече с Владиславом IV Хмельницкий, надо полагать, сообщил о переходе Барабаша и Ильяша на сторону магнатов и заверил в своей готовности приступить к осуществлению ранее намеченных королем планов. Король, по словам Кунакова, жаловался Хмельницкому и его спутникам на то, что «санатари (магнаты. — В. Г.) его вдались в свою волю, панство его пустошат, а его мало слушают»³. Владислав IV и канцлер Оссолинский настаивали на наборе казаков и организации похода на Крым. На этом встреча Хмельницкого с королем кончилась.

Вслед за возвращением Хмельницкого на Украину, в начале августа 1647 г., король послал туда Оссолинского⁴. Современник Грондский утверждает, что поездка совершалась Оссолинским под видом осмотра пограничных крепостей, но что главной целью ее были сношения с казаками. Во время своего пребывания на Украине канцлер Оссолинский имел возможность убедиться в том, что Барабаш и Ильяш действительно перешли на сторону противников короля. В таких условиях единственным человеком, который мог бы, как казалось, содействовать королю в осуществлении его планов, оставался Хмельницкий.

При встрече с Хмельницким⁵, происходившей в присутствии казаков (вероятно тесной группы сторонников Хмельницкого), Оссолинский говорил о желании короля набрать казачье войско для похода на Крым. Хмельницкий ответил, что он и его сторонники сделают все от них зависящее для осуществления этого, но заметил, что суровый режим, введенный польскими властями на Украине, значительно затруднит и замедлит набор казаков. Оссолинский хотел передать Хмельницкому знаки гетманской власти, но тот отказался, заявляя, что еще не достоин такой чести, хотя и надеется заслужить ее в будущем.

¹ S. Grondski, *Historia belli cosacco-polonici*, стр. 47.

² Акты ЮЗР, т. III, стр. 279.

³ Там же.

⁴ S. Grondski, *Historia belli cosacco-polonici*, стр. 38—39, 50; Miron Costin *Letopisetul*, стр. 118—119.

⁵ Упоминание о встрече Оссолинского с Хмельницким сохранилось в разных источниках. Самым авторитетным в данном случае нужно считать сообщение Самуила Грондского, который заимствовал сведения у Станислава Любовницкого, доверенного лица Оссолинского, сопровождавшего польского канцлера во время этой поездки, а также у Ивана Выговского (S. Grondski, *Historia belli cosacco-polonici*, стр. 39—40).

Кунаков, подтверждая это известие, добавляет при этом, что король послал казакам деньги. Решив итти войной «на Турского салтана... (король. — В. Г.) пожаловал Богдана Хмельницкого гетманством Запорожским и послал ему свое жалованье, а впредь обещал ему король прислати на жалованье черкасом и чолновое дело 170 000 золотых польских»¹.

В конце октября 1647 г. до польских властей на Украине снова стали доходить слухи о деятельности Богдана Хмельницкого. А. Конецпольского, прибывшего из Крылова в Кодак, уведомили о том, что «Хмельницкий бунтует казаков». Офицер Радилинский, посланный Конецпольским для проверки этих слухов, подтвердил их достоверность.

В это время произошло так называемое совещание в роще² вблизи Чигирина. Это совещание было довольно многолюдным. Грондский, заимствовавший сведения у Ивана Выговского, рассказывает следующее. Сначала Хмельницкий напомнил присутствующим о невыносимом положении украинского народа, изнывающего под польским игом: «Проезжая по Руси, — сказал он, — я везде видел страшные утеснения, тиранства». Далее Хмельницкий рассказал о внутреннем положении Речи Посполитой, о намерении короля предпринять поход против Турции и о противодействии магнатов этим планам, а также о том, что король подстрекает казаков к нападению на Крым. В доказательство этих слов Хмельницкий показал присутствующим королевскую грамоту. В заключение Хмельницкий заявил, что наступил самый благоприятный момент для восстания против панской Польши и освобождения украинского народа от многовекового

¹ Акты ЮЗР, т. III, стр. 279. Встреча Оссолинского с Хмельницким и передача последнему денег послужили впоследствии основанием для обвинений короля и Оссолинского их противниками магнатами в том, что они помогли казакам подняться против Речи Посполитой. На чрезвычайном сейме в ноябре 1649 г., созванном в связи с утверждением Зборовского договора, магнатская оппозиция представила записку, обвинявшую Оссолинского. «Вся последняя междоусобная война, — говорится в ней, — есть плод правления Оссолинского. Овладев умом жадного к славе и власти короля, он затеял войну с Турцией и, когда представители Речи Посполитой не одобрили его замыслов (имеются в виду сеймы 1646 и 1647 гг.), вздумал начать ее с помощью казаков и уговорил короля раздать им приданое королевы; с этими-то деньгами казаки и поднялись». О присылке королем денег для организации похода писал впоследствии сам Хмельницкий венецианскому послу в Вене Сагреду. Таким образом, есть основание думать, что, помимо разрешения набирать казачье войско, вопреки ординации 1638 г., Хмельницкий заручился и материальной поддержкой со стороны короля. Известно, что около этого времени Хмельницкий отправил во Львов людей с деньгами, спрятанными в телегах с пшеном для закупки там ружей, сабель, свинца и т. д. (*M. Goliński, Zapiski mieszczanina Kazimierzskiego (1640—1665)*, стр. 85. Фотокопия рукописи хранится в Институте истории АН УССР).

² *S. Grondski*, указ. соч., стр. 50. Другой современник также утверждает, что казаки в это время «собираются на пасеках, проводят тайные сходки» (*J. Chrzaszcz, Pierwszy okres buntu Chmielnickiego w oświetleniu uczestnika wyprawy Zoltowodzkiej, Prace historyczne w 30-lecie działalności prof. St. Zakrzewskiego, Lwów, 1834*, стр. 252).

ига. Успеху борьбы, заметил он, будут содействовать, с одной стороны, разлад среди польских панов, с другой — готовность украинского народа взяться за оружие¹.

Доводы Хмельницкого и его сторонников в пользу немедленного выступления были встречены частью присутствующих с сомнением. Многие указывали на недостаток оружия, на польское войско, стоявшее в Восточной Украине, и т. д. Отвечая на это, Хмельницкий заявил: «Вы правы. Ясно, что против сильных неприятелей наших сами мы ничего не сделаем, тем более, что во всех крепостях сидят польские комиссары, пристально следящие за всеми нашими действиями; большая часть польских войск расположена в наших местах на зимних квартирах. Как только они заметят наши приготовления, тотчас же нас и подавят. Поэтому во избежание опасности нам нельзя обойтись без помощи извне»². Определяя ту внешнюю силу, которая могла бы обеспечить успех украинскому народу в его борьбе, Хмельницкий назвал Россию: «Не вижу, — сказал он, — другого выхода, кроме Москвы». «Я бы предложил, — продолжал Хмельницкий, — обратиться к Москве, так как она одной с нами веры и поэтому могла бы соединиться с нами». «Однако, — тут же заметил он, — Москва в предыдущие годы опустошена поляками, лишилась ряда городов, Смоленска и других, и еще не восстановила полностью свои силы; едва ли она сможет при таком положении вступить за нас»³.

Что касается татар, то, по словам Хмельницкого, существует способ найти у них помощь. Для этого можно воспользоваться королевским привилеем. План Хмельницкого сводился к следующему: отправить в Бахчисарай посольство с доказательством намерений польского короля совершить при помощи казаков нападение на Крым. Послы должны будут поставить хана перед альтернативой: или он окажет казакам помощь для борьбы с Польшей или, в противном случае, сам подвергнется нападению их и польского войска. Хан вынужден будет принять первое предложение. Доводы Хмельницкого убедили присутствующих, которые тут же избрали его своим предводителем и высказали единодушную решимость следовать за ним⁴.

Через некоторое время после «совещания в роще» Хмельницкий был арестован польскими властями в с. Бужине⁵ и отправлен в Крылов к А. Конецпольскому⁶. Последний не решился

¹ S. Grondski, Historia belli cosacco-polonici, стр. 48.

² Там же, стр. 48—49.

³ Там же, стр. 49.

⁴ Там же, стр. 50—51.

⁵ Нынешнее с. Бужин, Кировоградской области, расположено в 20 км севернее Чигирина.

⁶ Еще раньше, по словам анонимного автора, современника, Конецпольскому сообщали разные сведения о бунтах Хмельницкого, который непрерывно подбивает казаков (Исторія України в документах і матеріалах, т. III, док. 95, стр. 120).

убить его немедленно, считая, что удобнее будет сделать это вне тюрьмы, поэтому Хмельницкого выпустили «на поруки». Но уже 7 декабря чигиринский полковник Кречовский уведомил Хмельницкого, что его готовятся тайно «яти (схватить. — В. Г.)... и смерти предати». Почти в тот же день Хмельницкий с сыном Тимофеем в сопровождении отряда казаков («полтретьяста человек»), делая вид, что собирается в Терехтемиров¹, бежал на Запорожье².

Обстановка на Запорожье в конце 1647 г. была очень сложной. В районе острова Хортицы стоял залогою Черкасский (по другим данным Корсунский) полк и отряд польских драгун под начальством полковника Гурского³.

Следя за тем, чтобы никто не мог бежать с Украины в Сечь, Гурский выставил свои курени (сторожевые посты), как выражается современник, «до самой Войсковой Скарбницы»⁴.

После прибытия Хмельницкого и бывших с ним казаков подготовка к восстанию на Запорожье пошла полным ходом. Запорожцы заняли и укрепили Томаковку, ближайший к Хор-

¹ Акты Южной и Западной России, т. VIII, СПб, 1875, док. 33, стр. 349-А. Кисель писал путивльскому воеводе, что вместе с Хмельницким на Запорожье ушло 1000 или более казаков (Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. II, док. 5, стр. 14).

² С Запорожьем Хмельницкий давно поддерживал тесные связи. Во время ареста, например, Хмельницкого обвиняли в том, что он пытается переправить на Запорожье пушки (*L. Kubala, Szkice historyczne*, 111, стр. 23). Реестровый сотник Федор Лютай, близкий соратник Хмельницкого, бежал на Запорожье еще раньше и был тут избран кошевым атаманом. Хмельницкого, прибывшего на Запорожье, по одним данным, 11 декабря 1647 г. (Летопись С. Величка, т. I, стр. 29), по другим — 15 января 1648 г. (Акты Московского Государства, т. III, док. 357), на о. Томаковке поджидал с отрядом запорожцев Ф. Лютай.

³ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 414. Многие исследователи считают, что полковник Гурский с реестровцами и жолнерами стоял в самой Сечи. Этот неправильный взгляд является результатом неточности современных источников. Так, например, Самовиц говорит, что «Хмельницкий на Запорожжу заставати не мог, задля (из-за) залог, которая на тот час с полковниками лядскими посполу з жолнерами заставляла, поишош на Низ ку мору, на поля, к Лиману и там войско ко оному купилося». (Летопись Самовидца, стр. 6—7). Это высказывание Самовидца почти без всяких изменений перенес в свое сочинение позднейший летописец Гр. Грабянка. (См. Летопись Гр. Грабянки, К., 1854, с. 40). Оба они, как видим, остергаются утверждать, что залога находилась именно в Сечи, и поэтому предпочитают говорить о «Запорожье». Единственный документ, выразительно говорящий о том, что реестровцы находились «в Сечи», — это письмо подольского суля шляхтича Лукаша Мяковского от 16 февр. 1648 г. (*Z dziejów Ukrainy, pod red. Wł. Lipińskiego, Kłódz, 1912, док. 5, стр. 497*). Но и в этом случае слово «Сечь» не следует понимать буквально, а лишь в смысле «Запорожье». Вообще, надо полагать, выражение «Сечь» часто употреблялось не только применительно к собственно речевому укреплению, но и к Запорожью в целом, а также к залого реестровцев.

⁴ *J. Chrzaszcz, Pierwszy okres buntu Chmielnickiego*, стр. 6—7.

типе и, следовательно, к залогу Гурского остров¹. К донским казакам с просьбой о помощи против поляков были отправлены гонцы². Одновременно казаки приступили к осуществлению плана вовлечения крымских татар в войну против Польши. В 20-х числах января 1648 г. сечевые посланцы явились в Бахчисарай. Однако на этот раз переговоры не дали положительных результатов. В Бахчисарае, надо думать, скептически отнеслись к намерению казаков, придавленных ординацией 1638 г., изгнать из Запорожья залогу и начать войну с Польшей.

В конце января (по одним данным, в ночь под католическое рождество) запорожцы, возглавляемые Богданом Хмельницким, неожиданно напали на правительственную залогу у острова Хортицы. Большая часть реестровцев перешла на сторону запорожцев. Полковник Гурский с драгунами бежал в Крылов, потеряв более 30 человек убитыми³. О том, что нельзя отождествлять реестровую залогу и ее гарнизон на Запорожье с Сечью, как обычно делают исследователи, свидетельствует следующее место из Дневника Богуслава Маркевича, приближенного И. Вишневецкого, побывавшего в конце 1647 г. на Запорожье. «В расстоянии нескольких миль далее последнего порога, т. е. Вольного, есть остров на середине Днепра... здесь всегда находится козацкий гарнизон для предупреждения татарских набегов; остров этот называется Хортицею»⁴. 15 февраля 1648 г. Маркевич записал в свой дневник: «Дано знать Е. М. (И. Вишневецкому. — В. Г.), что какой-то Хмельницкий... прогнал из Запорожья Корсунский полк, составлявший там гарнизон»⁵. Эти высказывания дают основание заключить, что речь идет об одном и том же реестровом гарнизоне в районе о-ва Хортицы. Что Сечь находилась в руках запорожцев, а не реестровцев, подтверждает также и позднейшее известие — ответное письмо запорожцев И. Выговскому от 25 сентября 1657 г. В этом письме⁶

¹ «На Буцках, — доносил 21 марта 1648 г. Н. Потоцкий королю, — Хмельницкий строит и укрепляет для себя крепость, в которой он решил упорно защищаться». (Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., док. 6, стр. 16). Г. Боплан писал в той же связи: «Хмельницкий избрал его (о. Буцкий. — В. Г.) местом убежища, когда ему угрожал плен; здесь начали собираться казаки, готовясь к восстанию в мае 1648 года, и отсюда выступили в поход, кончившийся одержанною ими 26 мая победою у Корсуня» (Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 318).

² «А с весны де черкасы Запорожские, — рассказывал в Москве донской казак Т. Иванов, — как збиралися на Ляхов, присылали на Дон в войско для людей» (Донские дела, кн. 4, СПб. 1913, стр. 17, док. 5, стр. 497—498).

³ *Z dziejów Ukrainy*, док. 5, стр. 497—498; *J. Chrzęszcz, Pierwszy okres buntu Chmielnickiego*, стр. 7.

⁴ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 414.

⁵ Там же, стр. 415.

⁶ Летопись С. Величка, К., 1926, стр. 170. «Богдан Хмельницкий, — писала запорожская старшина, — не в Чигирине, але на Кошу нашем Сечевом, не от городского, но от нас, Низового войска Запорожского, начало своего принял гетманства, и при нашем суккурсу (содействии. — В. Г.)... первые получил щасливе над неприятелем виктории».

запорожцы напоминали Выговскому, незаконно захватившему гетманскую булаву, что сам Б. Хмельницкий принял гетманство не от городских (реестровых) казаков, а от них, сечевиков ¹.

Восстание на Запорожье было событием выдающегося исторического значения. Оно положило начало освободительной войне украинского народа против панской Польши. Из Сечи Богдан Хмельницкий обратился с универсалами к украинскому народу, призывая его восстать против чужеземных поработителей: «не подчиняйтесь больше, — читаем в одном универсале, — своим урядникам, как невольники, вы, чьи отцы не признавали никаких (панских. — В. Г.) законов и не подчинялись никаким королям... Никогда вы не одержите победу над поляками, если сейчас не скинете ярмо урядников и не добудете свободу, ту свободу, которую отцы наши купили своей кровью». «Против всех тех кривд, — говорилось далее, — нет другого способа, как только силой и страхом смерти сломить поляков». Универсал призывал народ итти на Запорожье — «в неприступные места Днепровского низа» и заканчивался словами: «Очень бы хорошо (было бы), если б на поляков ударили без всякого отлагательства, сразу и совместно, казаки и крестьяне» ².

Весть о событиях на Запорожье быстро разнеслась по Украине. Польские власти стали принимать срочные меры, прежде всего к тому, чтобы не допустить никого на Запорожье. Брацлавский воевода Кисель предлагал даже «не выпускать за Днепр известия о дальнейших мятежах козаков»³. Хотмыжанин П. Дранников, побывавший в это время на Украине, по возвращении на родину в апреле 1648 г. рассказывал: «во всей Украине заказ учинен и на поле Заворсклом никаких гуляющих людей с ганцами (лошадьми) и ватагами... не пускают же для того, чтоб... в Запороги к пану Хмельницкому и казаком никто не ходил и заповедь... у них о том велика под смертною казнью»⁴. Несмотря на все принятые меры, в Сечь группами и в одиночку пробирались крестьяне, казаки и мещане. Уже к концу февраля, как это видно из слов современника, в Сечи и ее окрестностях собралось около 5 тысяч человек ⁵.

Все это время на Запорожье шли усиленные приготовления. Казаки приступили к укреплению Сечи на случай внезапного появления врагов. Сечевые укрепления были возведены по

¹ Как видим, противопоставляя себя реестровцам, запорожцы подчеркивали, что у них существовала отдельная, независимая от реестра казачья организация.

² Історія України в документах і матеріалах, т. III, док. 96, стр. 122—123.

³ ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Московский стол, столб. 169.

⁴ Памятники, изданные временной комиссией для разбора древних актов, К., 1848, отд. III, док. 7, стр. 32.

⁵ Пленный воронежский пушкарь Е. Прибытков рассказывал 5 марта 1648 г. русским гонцам в Крыму: «они де (казаки) стоят на Днепре (и) в сборе их пять тысяч» (*Г. Карпов*, Начало исторической деятельности Богдана Хмельницкого, М., 1873, стр. 150).

существо заново, о чем можно судить по рассказу «кошевых посланцев» Е. Шашола и его товарищей, приехавших двадцать с лишним лет спустя (в 1672 г.) в Москву. «Город де Сеча, земляной вал, — говорили они, — стоит в устьях у Чертомлыка и Прогною над рекою Скарбною; в высоту тот вал 6 сажен; с поля — от Сумской стороны и от Базавлука на валу строены пали и бойницы; а с другой стороны — от устья Чертомлыка и от реки Скарбной — на валу сделаны коши деревянные и насыпаны землею. А в том городе башня, с поля мерою кругом 20 сажен, да в той башне построены бойницы, а перед тою башнею за рвом сделан земляной городок, кругом его мерою 100 сажен, а в ней окна для пушечной стрельбы. Да для ходу по воду сделано на Чертомлыке и на Скарбную восемь форток (пролазов), и над теми фортками бойницы; а шириною де те фортки только одному человеку пройти с водою. А мерою тот город Сеча, с поля от речки Прогною до речки Чертомлыка, сто ж сажен; а около того города обрезан ров в высоту 5 сажен; да с правой стороны речка Прогной, а с левой речка Чертомлык, и впали те речки в реку Скарбную, которая течет позади города подле самой ров. А мерою же весь Сеча город будет кругом около 900 сажен... А неприятельского прихода к городу Сечи можно ожидать в летнее время только с поля, от реки Базавлука с крымской стороны, а с трех сторон (из-за наличия рек. — В. Г.) промысла над ней никакого чинить нельзя. В зимнее время запорожцы на тех реках беспрестанно окальвают лед». В заключение казаки указали: «Строил тот город Сичу кошевой атаман Лутай с козаками тому 20 лет»¹.

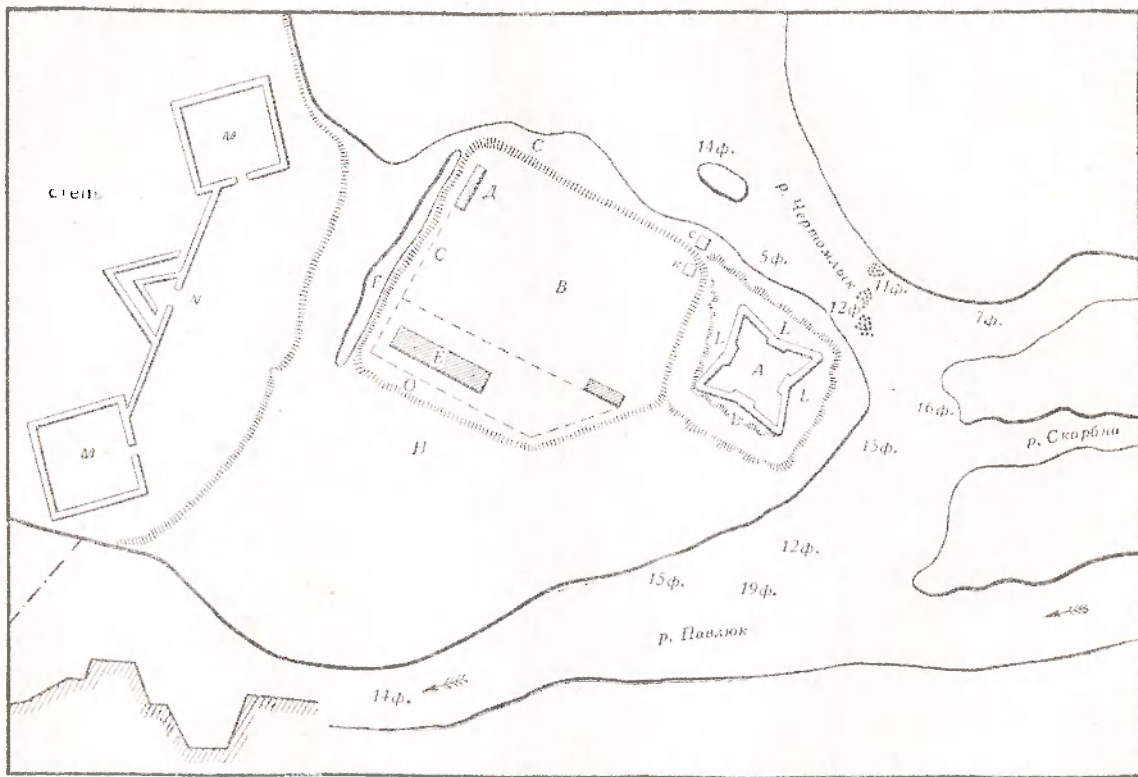
Кроме Сечи, были укреплены, как сказано, о. Томаковка и другие² пункты, прикрывавшие подступы к Сечи с севера. «Хмельницкий, — писал неизвестный мемуарист, — лучше укрепился, овладев всеми скарбвицами на лугах и низу»³. Вскоре возобновились переговоры с Крымом. На этот раз в Бахчисарае поехал сам Хмельницкий с сыном Тимофеем и двумя другими казацкими посланцами⁴. Е. Прибытков так рассказывал об этом 15 марта 1648 г.: «приехали де к царю (хану) с Днепра запорожских черкас четыре человека; прислали их черкасы... и просили у крымского царя людей итти на ляхи за свою черкасскую обиду». Хмельницкий предъявил татарам королевский универсал, призывавший казаков к походу на Крым. К этому времени хан имел возможность убедиться в том, что казаки на Запорожье

¹ Д. Эварницкий, История запорожских козаков, т. II, СПб, 1895, стр. 441—492; Акты ЮЗР, т. XI, стр. 12—15.

² 2 апреля 1648 г. Л. Мяковский доносил Ю. Оссолинскому: «Хмельницкий сильно укрепляется на неприступном острове Буцке палисадником и рвами; провианта имеет он в достатке, пороха тоже» (Памятники, изданные временной комиссией для разбора древних актов, т. I, изд. второе, К., 1848, док. 4, стр. 21).

³ J. Chrzaszcz, Pierwszy okres buntu Chmielnickiego, стр. 7.

⁴ Летопись С. Величка, стр. 64.

Старая ('Терномытская' Сечь.

представляли внушительную силу. Хмельницкий, как утверждает Величко, «мал не що дня (почти ежедневно. — В. Г.)... бывал у хана и о всем, о чем належало, разговаривал наедине». Переговоры длились не более одной недели. К сожалению, они очень слабо отражены в источниках. Хан Ислам-Гирей согласился оказать помощь казакам и велел готовиться к походу перекопскому мурзе Тугай-бею.

Дипломатический успех Хмельницкого, сравнительно легко добившегося согласия хана, принято объяснять двумя моментами: недовольством хана Польшей из-за невыплаты дани и желанием его пограбить польские земли ввиду голода в Крыму. В действительности мотивы, заставившие хана пойти на союз с казаками, были значительно сложнее. Ислам-Гирей сравнительно недавно (в 1644 г.) занял трон в результате упорной и кровавой борьбы. Сторонники его свергнутого брата Махмуд-Гирея бежали в Белгородскую орду и выжидали там удобного момента для реванша¹. Положение Ислам-Гирея было шатким. Крымское ханство, как это обстоятельно показал в своей книге А. А. Новосельский², было слабо централизованным. Хан, по существу, был лишь сюзереном многочисленных вассалов. Отдельные феодалы были почти независимы от него.

Поэтому, соглашаясь оказать помощь казакам, Ислам-Гирей, несомненно, рассчитывал этим союзом укрепить свое собственное положение. К тому же сам он не пошел на Польшу, а отправил мурзу Тугай-бея, одного из влиятельнейших руководителей враждебной ему феодальной группировки. Это имело то преимущество, что, в случае неудачи на войне или недовольства султана за самовольный поход, он, сидя в Крыму, мог свалить всю ответственность на непокорных ему вассалов. Наконец, успех в войне и союз с казаками мог дать Ислам-Гирею надежду на ослабление зависимости Крыма от дряхлеющей Оттоманской Порты.

Около середины февраля Хмельницкий, оставив сына заложником у хана, вернулся в Сечь. Получив известие об удачном завершении переговоров в Крыму, запорожцы стали еще энергичнее готовиться к выступлению. К моменту возвращения Хмельницкого кошевой атаман, по словам Величко, «зтягнул з лугов, веток и речок все войско Низовое Запорожское, конное и пешое, предложивши им, иж певная есть потреба того их к Сечи Запорожской прибытия и совокупления»³. Но причины сбора кошевой не объяснил казакам до самого возвращения Хмельницкого. Эта предосторожность оказалась, как говорит Величко, очень кстати, ибо поляки ни о чем «чрез своих до Сечи подосланих

¹ Л. Киваia, указ. соч., стр. 176, 179.

² А. Новосельский, Борьба Московского государства с татарами в XVII веке, М., 1948.

³ Летопись С. Величка, стр. 28.

прелагатаев (соглядатаев. — В. Г.) не могли истотне выведатися»¹.

На 19 апреля кошевая старшина решила созвать в Сечи раду. Казацкая пехота должна была собраться в крепости, конница же — «в полю и по лугах близко Сечи». Вечером 18 апреля из крепости дали условный сигнал — залп из трех самых крупных крепостных пушек, «подлуг давнего звычайу запорожского». Утром следующего дня этот сигнал повторили. С разных мест к Сечи стали стекаться казаки. «Егда же разсвинуло, — говорит Величко, — и слонце огнезрачнии и ясно блистателнии свои по всей поднебесной разлияло лучи», запорожцы были уже в сборе. Казаков собралось столько, что сечевая площадь не могла их всех вместить². Ввиду этого рада состоялась не в самой Сечи, а вблизи ее — «на майдане пространнейшем». Запорожцы единодушно высказались за войну против панской Польши («за обиды и тяжести козацкие и всея Малыя России, от Поляков творимые») и за немедленное выступление в поход. Гетманом казаки избрали Богдана Хмельницкого. В торжественной обстановке кошевой атаман передал новому гетману хоругвь, бунчук и войсковые литавры. Казаки, выстроившись в шеренги, дали троекратный залп из мушкетов. В сечевой крепости ударили из всех 50 пушек³.

С Хмельницким на Украину решено было отправить лишь часть казаков (по Величко ок. 8000); остальные оставались в Сечи и на Запорожье (у «своих промыслов и здобычей») с тем, однако, чтобы в случае надобности итти на волость по первому же зову⁴. Среди ближайших помощников Хмельницкого, с которыми ему предстояло итти на Украину, мы видим Максима Кривоноса⁵.

Во время подготовки к выступлению в Сечь прибыл посланец коронного гетмана Н. Потоцкого ротмистр Хмелецкий. По пути Хмелецкий увидел укрепления, недавно воздвигнутые запорожцами на о. Томаковке. Он имел возможность убедиться, что полякам предстоит тяжелая борьба. Через этого посланца Потоцкий предлагал Хмельницкому и казакам оставить Запорожье и разойтись. Хмельницкий ответил, что это будет не ранее, чем сам Потоцкий и все остальные польские паны покинут Украину⁶.

Получив такой ответ, Н. Потоцкий поспешно двинул кварцяное войско на юг и занял все дороги, которые вели с волости на Запорожье. Передовой кварцяный полк во главе с коронным

¹ Летопись С. Величка, стр. 28.

² Там же, стр. 30. Величко называет 10 тысяч человек, но это явное преувеличение.

³ Там же, стр. 29—30.

⁴ Там же.

⁵ J. Chrząszcz, Pierwszy okres buntu Chmielnickiego, стр. 266.

⁶ Jakuba Michałowskiego Księga Pamiętnicza, Kraków, 1864, док. 5, стр. 9; док. 6, стр. 10.

гетманом стал в Черкассах, полк польного гетмана М. Калиновского — в Корсуне и его окрестностях, остальные полки — «в маестностях пана хорунжего коронного (Ал. Конецпольского)», а также в Каневе, Богуславе и т. д.¹ Всего войско Потоцкого насчитывало около 15 тысяч человек. Н. Потоцкий рассчитывал в средних числах апреля, как только подойдут подкрепления, в том числе реестровцы, спуститься вниз по Днепру на Запорожье и быстро разгромить этот очаг восстания. Королю он сообщил, что у Хмельницкого пока всего 3000 казаков, «но не дай бог, — предостерегает он, — чтобы они вышли на Украину: эти три тысячи скоро превратятся в сто тысяч»².

Богдан Хмельницкий и сечевая старшина выработали определенный план действий на ближайшее время. Тугай-бей с татарами (ок. 500 чел.) был отправлен на северо-запад от Сечи, чтобы стеречь единственную дорогу, ведущую из Чигирина на Запорожье. Всех замеченных тут людей, невзирая на то, шли ли они с Запорожья на волость или с волости, следовало задерживать и немедленно доставлять в Сечь. Эта мера оказалась нелишней, ибо паны не замедлили направить на Запорожье своих агентов. Двое задержанных шпионов рассказали, что войско Потоцкого уже двинулось к Кодаку³.

Решив не дать врагу возможности углубиться в Запорожье, Хмельницкий 22 апреля во главе войска выступил из Сечи. Казаки (ок. 2000 чел.) направились на северо-запад по дороге, которая вела на Крылов и Чигирин⁴. По пути Хмельницкий получил сведения о движении польского войска. Авангард его состоял из двух частей: одна — под командованием сына коронного гетмана Стефана Потоцкого и комиссара Шемберга (около 6000 чел.) — шла на юг сушей по той же дороге, по которой шли на север запорожцы; другая — реестровцы (ок. 3000 чел.) и часть жолнеров во главе с Барабашем — спускалась по Днепру на лодках. Прежде всего нужно было отколоть от поляков реестровцев. С этой целью к Днепру были высланы дозоры, которые, как только лодки Барабаша появились у Каменного Затона (совр. с. Днепрокаменка, Днепропетровской обл.), предложили реестровцам покинуть панов и перейти на сторону восставших. Реестровцы, несмотря на запрет старшин, создали «чернецкую (черную) раду». Барабаш, Ильяш и другие старшины с оружием в руках кинулись на казаков, но были схвачены ими и казнены. Одновременно реестровцы уничтожили всех драгун, которые их сопровождали⁵. Затем они вынесли решение присоединиться к запорожцам и, выбрав себе за старшего Филона Джалалия, со всем провиантом и пушками (полевых пушек

¹ Jakuba Michałowskiego Księga Pamiętnicza, док. 5, стр. 9 и док. 6, стр. 10.

² Там же.

³ Летопись С. Величка, стр. 30.

⁴ Jakuba Michałowskiego Księga Pamiętnicza, док. 6, стр. 10.

⁵ Історія України в документах і матеріалах, т. III, док. 98, стр. 124.

у реестровцев было более 10) двинулись на помощь запорожцам к Желтым Водам¹.

Еще накануне, 4 мая, разведчики задержали около Желтых Вод двух жолнеров из передового отряда Ст. Потоцкого. Пленные рассказали, что Ст. Потоцкий со своим войском уже перешел Желтые Воды². Запорожцы быстро двинулись ему навстречу. Между тем Ст. Потоцкий, узнав о восстании реестровцев, вернулся на правый берег реки и заложил тут лагерь, окопав его глубокими рвами. Он надеялся удержать занятую позицию до подхода основных сил польского войска. На следующий день, 5 мая, подоспевшие казаки начали атаку польского лагеря. В то время как запорожская пехота, поддержанная пушечным огнем, штурмовала лагерь со стороны Желтых Вод, Хмельницкий с конницей и татарами переправился через реку «в иному месту» и ударил на врага с тыла³. Потеряв несколько тысяч убитыми, Стефан Потоцкий решил отступить. Но 6 мая остатки его войска были окружены и вскоре разгромлены. В этом сражении погиб сам Ст. Потоцкий. Шемберг, 50 шляхтичей и ок. 3000 жолнеров были взяты запорожцами в плен. Запорожцев погибло 150 человек. Казаки захватили 8 пушек с припасами, немало другого оружия, несколько десятков хоругвей, бунчуки, литавры и т. д.⁴

В это время Н. Потоцкий с главными силами медленно двигался на юг. По одним сведениям, в его войске было 5000 человек (3000 жолнеров и 2000 добровольцев из шляхты), не считая обозной челяди⁵, а по другим, — 26000 человек и больше 40 пушек⁶. 3 мая Потоцкий остановился южнее Чигирина, в 114 км от Желтых Вод. Все его попытки добыть языка ни к чему не привели. Тогда Потоцкий, решивший, вероятно, что войско его сына само справится с запорожцами, а ему полезнее будет «наводить порядок» на волости, отдал приказ к отступлению. 4 мая войско коронного гетмана вернулось под Чигирин. Тут разведчики, догнавшие Потоцкого, донесли ему о том, что в Княжьих Байраках они слышали гул большого сражения. Потоцкий мог догадаться, что это был бой войска его сына с казаками. Тем не менее он не направился к месту битвы, а с еще большей поспешностью ушел через Боровицу к Черкассам. 9 мая беглец из-под Желтых Вод принес Потоцкому весть о разгроме польского авангарда и гибели его сына. Из Черкасс войско Потоцкого двинулось к Корсуню, куда и прибыло 10 мая.

¹ По словам Величка, реестровцы восстали против старшины после того, как к Каменному Затону приехал сам Хмельницкий (Летопись С. Величка, стр. 35).

² Желтые Воды — болотистые истоки р. Желтой, левого притока р. Ингульца, в 45 км к юго-востоку от совр. г. Александрии.

³ Летопись С. Величка, стр. 37. Сравни *J. Chrzyszcz*, указ. соч., стр. 265.

⁴ Летопись С. Величка, стр. 37.

⁵ *Jakuba Michałowskiego Księga Pamiętnicza*, док. 11, стр. 20.

⁶ Летопись С. Величка, стр. 38, 41.

Потоцкий отдал город жолнерам на разграбление (in praedam), а потом сжег его до основания¹. Выбрав место для лагеря вблизи р. Роси, под самым Корсунем, Потоцкий занялся его укреплением².

После разгрома Стефана Потоцкого у Желтых Вод казацкое войско получило кратковременную передышку. Эта передышка была использована для подготовки войска к новым битвам. Свои пушки казаки поставили на двухколесные лафеты, что было в известной степени нововведением в артиллерийском деле (ранее пушки возили за войском на телегах). На лафетах пушки могли быстро передвигаться, что давало возможность легко менять огневые позиции³. Всего пушек у казаков было 26. Пушкарям был придан отряд из 300 человек конных и 500 человек пехоты⁴ (вероятно, под начальством Максима Кривоноса). К Желтым Водам на помощь запорожцам из Чигирина, Крылова и окрестностей прибыло около 2000 человек повстанцев.

9 или 10 мая казацкое войско двинулось к Корсуню. На заре 15 мая польские военачальники увидели в подзорную трубу приближавшуюся к их лагерю пехоту и конницу. По белым свиткам они сразу узнали запорожцев. Потоцкий привел в боевую готовность свое войско, но казаки (которых было всего лишь несколько сот человек) во главе с М. Кривоносом не спешили наступать на польский лагерь. Под вечер к ним подошла пехота и артиллерия⁵. Потоцкий и польный гетман Калиновский удивлялись бездействию казаков: их разъезды лишь издали присматривались к польскому лагерю, изучая укрепления, численность и расположение вражеских частей⁶.

Лагерь Потоцкого был раскинут на возвышенности, в удобной для обороны местности. С трех сторон его окружали глубокие окопы, с четвертой защищала р. Рось. Одна из сторон лагеря ограждалась также старинным валом⁷. Подступы к лагерю охранялись артиллерией и пехотой. Выбить врага из этой позиции было делом нелегким.

Хмельницкий и старшина решили попытаться заставить врага покинуть свой хорошо укрепленный лагерь под Корсунем. Вечером того же дня поляки «поймали» казака, добровольно согласившегося отдать свою жизнь во имя освобождения Украины

¹ Jakuba Michałowskiego Księga Pamiętnicza, док. 11, стр. 20—21. Сравни с Воссоединением Украины с Россией, сбор. док., т. II, док. 50, стр. 128—129 и *J. Chrzęszcz, Pierwszy okres buntu Chmielnickiego*, стр. 265.

² Там же, док. 11, стр. 21.

³ Величко пишет, что Б. Хмельницкий распорядился 15 «арматов водных, новым образом, на двох тилко колесах, и о едином коню приправуючи, для легшого и скорейшего з ними в военной потребе, обороту» (Летопись С. Величка, стр. 37. Курсив наш. — В. Г.).

⁴ Летопись С. Величка, стр. 37.

⁵ Історія України в документах і матеріалах, т. III, док. 100, стр. 126; Летопись С. Величка, стр. 38—39; Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 417—418.

⁶ Там же, стр. 126—127.

⁷ Jakuba Michałowskiego Księga Pamiętnicza, док. 11, стр. 21.

от польско-шляхетского ига. На допросе, перенеся страшные муки, казак рассказал, что у Хмельницкого было 47 тыс. войска и что за последний день к нему прибыло еще 15 тыс., наконец, что под Корсунем стоит сам хан с большой ордой¹.

Н. Потоцкий приказал обезглавить казака, по показания последнего возбудили в нем чувство страха и сомнения. Поздно вечером Потоцкий созвал военный совет. Мнения на совете разделились: польный гетман Мартин Калиновский предлагал остаться в лагере и дать казакам бой. Потоцкий, наоборот, утверждал, что остаться в лагере — это значит обречь всех на неминуемую гибель; только выход из лагеря может дать некоторую надежду на спасение войска². Большинство согласилось с мнением Потоцкого; решено было бросить в лагере тяжелые возы и отступить со всем войском через Богуслав и Белую Церковь на Паволочь³. Проводить войско вызвался казак С. Зарудный, служивший при Потоцком. Той же ночью Зарудный известил тайно запорожцев, какой дорогой он поведет поляков⁴. В обход польского войска Хмельницкий послал отряд казаков во главе с Кривоносом. В урочище Гороховая Дубрава, иначе Крутая Балка (в 10 км от Корсуня), казаки устроили засаду. В том месте, где дорога, по которой должны были пройти поляки, спустилась в болотистый овраг, они перекопали ее глубоким рвом; по бокам дороги устроили завалы из срубленных деревьев, а в кустарниках спрятали пушки⁵.

Утром 16 мая поляки покинули свой лагерь. В середине двигались возы, нагруженные имуществом, по бокам тесными рядами шли жолнеры, конные драгуны и шляхта. Все вокруг было тихо. Казалось, никто не преследовал войска. Вдруг, как только поляки после нескольких часов марша спустились по откосу в Гороховую Дубраву, внезапно из густого кустарника по ним ударили казацкие пушки. Одновременно казаки открыли огонь по врагу из мушкетов и самопалов. Жолнеры пытались повернуть назад или рассыпаться, но всюду они натыкались на окопы и завалы из деревьев. Пушки Потоцкого угодили в трясины и застряли в ней. «Наши, — писал польский современник, — попали в этот овраг, как в мешок; итти дальше было невозможно, так как дороги были перекопаны и перегорожены»⁶. В тылу поляков в это время появился Хмельницкий с казацкой конницей и татарами. Всадники мчались лавой с высоко поднятыми саблями. Из засады на врага ринулись казаки Кривоноса. Поляки оказались между двух огней. Потоцкий окончательно растерялся. Он приказал шляхте и драгунам спешиться. Этим воспользовалась

¹ Історія України в документах і матеріалах, т. III, док. 100, стр. 127.

² Там же.

³ Там же, стр. 124.

⁴ Там же, док. 99, стр. 124—125.

⁵ Jakuba Michałowskiego Księga Pamiętnicza, док. 10, стр. 18.

⁶ Історія України в документах і матеріалах, т. III, док. 100, стр. 127.

обозная челядь: она села на коней и умчалась с поля битвы. Ряды поляков расстроились. Мало кому из панов удалось спастись бегством. Паника, охватившая врага, завершилась полным его разгромом. Казаки захватили в плен обоих гетманов — Н. Потоцкого и М. Калиновского¹, 80 чел. «знаменитой и высоко-родной шляхты», 127 офицеров, 580 слуг, 63 трубача, 8520 человек рядовых жолнеров. Казакам достались громадные трофеи: 41 пушка со всеми припасами, 94 хоругви, шатры, возы с продовольствием, боеприпасами и вооружением, множество лошадей и т. д. Н. Потоцкий, М. Калиновский и значительная часть пленных панов были отправлены в Крым «в подарок» хану². Казаки потеряли 70 человек убитыми и 95 ранеными³. Оправдались слова польского шляхтича Чарнецкого, предсказывавшего (весной 1648 г.), что с казаками панской Польше предстоит война, которая будет не легче голландской⁴.

Честь первых побед над польскими войсками в освободительной войне принадлежит в значительной степени запорожскому казачеству. При Желтых Водах и под Корсунем, благодаря мужеству и отваге запорожцев, нашло себе могилу коронное войско, стоявшее в Восточной Украине. В письме, отправленном Хмельницким из-под Корсуня в Запорожскую Сечь, гетман через посланца извещал сечевиков о победах над врагом и благодарил за помощь, оказанную ему с первого момента пребывания на Запорожье. В знак благодарности посланец вез в Сечь 6 пушек, 4 хоругви, 2 бунчука и др. Одновременно Хмельницкий сообщал о сборе панами нового войска и просил запорожцев быть готовыми «к нам на помощь, на дело военное, кгда зашлемо ординанс наш»⁵.

Гром казацких пушек при Желтых Водах и под Корсунем всколыхнул весь украинский народ. Он стал сигналом к повсеместному восстанию крестьян и мещан против польско-шляхетского владычества. К движению примкнули казацкая старшина, часть мелкой украинской шляхты и православного духовенства, недовольные национальным и религиозным гнетом. Казацкая старшина и украинское шляхетство стремились укрепить свое экономическое положение за счет раздела земель польского панства. Вместе с тем они старались сдержать порыв народных масс, направленный на искоренение феодально-крепостнических

¹ Летопись С. Величка, стр. 38—40.

² Там же, стр. 40—41.

- Там же, стр. 40.

⁴ Jakuba Michałowskiego Księga Pamiętnicza, док. 6, стр. 10. Под «голландской войной» Чарнецкий имел в виду нидерландскую буржуазную революцию. Эта революция, сочетавшая в себе антифеодальную борьбу с национально-освободительной войной против абсолютистской Испании, в состав которой были насильственно включены Нидерланды, длилась ок. 43 лет—с 1566 по 1609 г.—и закончилась образованием Нидерландской республики.

⁵ Летопись С. Величка, стр. 43.

отношений, и ограничить движение задачами одного национального освобождения. Это привело к тому, что хотя основной движущей силой освободительной войны было крестьянство, руководство ею очутилось в руках старшины и украинского шляхетства.

Движение стало общенародным. Волна восстания разлилась по всей Украине, докатившись до самых отдаленных ее уголков — до Галиции¹ и Буковины². Большие размеры приобрело восстание на Левобережье, значительная часть которого принадлежала И. Вишневецкому. Узнав о разгроме передового польского войска под Желтыми Водами, И. Вишневецкий наскоро собрал в своей резиденции, Лубнах, 6000 человек и двинулся на помощь Н. Потоцкому. Однако, едва он дошел до Переяслава, как узнал о поражении последнего и его пленении. Остановиться под Переяславом, который, к тому же, был «духом Хмельницкого надхнений»³, Вишневецкий не решился и поэтому поспешно повернул назад к Лубнам. Но было поздно — Лубенщина пылала уже в огне восстания. Боясь потерять свое войско, Вишневецкий вынужден был бежать на Правобережье. Вместе с ним бежала в панике и шляхта. Крестьяне нападали на усадьбы и замки ненавистных польских и украинских феодалов, изгоняли и убивали панов. «Все, — писал Голинский, — скопляется около них (казаков. — В. Г.), покидая панов своих... Вишневецкого, Заславского и других»⁴.

Простояв несколько дней под Корсунем, Богдан Хмельницкий двинулся вдоль р. Роси к Белой Церкви. Население всюду радостно встречало казаков. В козацкое войско вливались все новые и новые отряды повстанцев. Стародубец Г. Климов, побывавший в это время на Украине, рассказывал в Москве: «А сколько де войска (у Хмельницкого), и того сказать не уметь потому, что дале идут, и в которой город придут, и тут де у них войско прибывает многое, изо всяких чинов руские (украинские. — В. Г.) люди»⁵.

В Белой Церкви Хмельницкий обратился к украинскому народу с универсалом. Извещая народ о победах над кварцянским войском, Хмельницкий вместе с тем уведомлял его, что «панове и княжата... многий свои на нас стягают и совокупают войска... аби со всеми силами своими пришедши во Украину нашу Малороссийскую, лавто нас огнем и мечом звоевати, мешканя наши разорити, в прах и пепел обернути, нас самих всех, едних

¹ См. Г. Герби́льський, Західноукраїнські землі в роки визвольної війни і возз'єднання України з Росією (1648—1654 рр.), 300 років Возз'єднання України з Росією (Науковий збірник Львівського державного університету, Л., 1954, стр. 62 и др.).

² См. К. Ципко, Історична дружба українських народних мас Буковини з великим російським народом (Науковий збірник Чернівецького державного університету, Львів, 1954, стр. 47 и др.).

³ Летопись С. Величка, стр. 45.

⁴ М. Golinski, Zapiski, стр. 55.

⁵ Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. II, док. 16, стр. 41.

выбити, других в немилосердную неволю забрати». Хмельницкий призывал всех итти в казацкое войско¹. Население дружно откликнулось на этот призыв: «Народ посполитый на Украине, — писал летописец Самовидец, — послышавши о знесеню (уничтожении. — В. Г.) войск коронных и гетманов, *зараз почали ся купити в полки, не только тие, которые козаками бывали, але кто и негди (никогда) козацтва не знал*»².

Блестящие победы казаков при Желтых Водах и под Корсунем внесли смятение в среду польских правящих кругов. Под влиянием восстания на Украине на борьбу со своими угнетателями поднималось польское крестьянство и мещанство³. Восстало население Белоруссии. Голинский писал, что в июле 1648 г. «хлопство в Белой Руси взбунтовалось против панов своих... собралось (крестьян) несколько тысяч»⁴. К тому же 10 мая умер король Владислав IV. Магнаты сразу подняли голову. Отсутствие большой боеспособной армии, угроза захвата власти магнатами, а главное — общее тревожное положение в стране заставили коронного канцлера Оссолинского предложить казакам заключить немедленно перемирие⁵.

Богдан Хмельницкий, стоявший в это время под Белой Церковью, принял предложение Оссолинского и согласился отправить на сейм, созыв которого был назначен на июль месяц, казацких послов. Спрашивается, на что рассчитывали Хмельницкий и его соратники, идя на перемирие с панской Польшей? Они хорошо понимали, что Украина одна, лишенная поддержки извне (помощь со стороны Крыма была ничтожной и ненадежной), не может рассчитывать на победу в войне. Передышка в ходе военных действий давала возможность поставить перед русским правительством тот главный вопрос, который диктовался всем ходом исторического развития Украины и который был намечен самим Хмельницким еще в период подготовки восстания: вопрос о воссоединении Украины с Россией. 8 июня 1648 г. Хмельницкий обратился с письмом к царю Алексею Михайловичу. Он извещал о победах казацкого войска над польским, о положении в Речи Посполитой и высказывал желание всего украинского народа отдаться под власть Русского государства. Перемирие было необходимо также для упорядочения, организации бурно росшего, по преимуществу за счет плохо вооруженных и необученных крестьянских отрядов, казацкого войска.

¹ Летопись С. Величка, стр. 46.

- Летопись Самовидца, стр. 12 (курсив наш. — В. Г.).

² 15 июня 1648 г. вспыхнуло восстание крестьян Краковской каштелянии. Между крестьянами и жолнерами имели место вооруженные схватки (М. Goliński, Zapiski, стр. 110).

³ Там же.

⁵ М. Голинский говорит, что магнаты И. Вишневецкий и др. решительно возражали против заключения перемирия с казаками: «Лучше, — говорили они, — чх войпой и саблей усмирять, нежели просьбами и договорами» (М. Goliński, Zapiski, стр. 142).

Идя на перемирие, Хмельницкий не брал, однако, на себя обязательства перед польским правительством бороться с народным движением на Украине. Во время переговоров о перемирии и позже освобождение Украины от власти магнатов и шляхты продолжалось, с той лишь разницей, что борьба в этот момент велась силами отдельных повстанческих отрядов. Наиболее ожесточенный характер она приобрела на Правобережье, где действовали повстанческие крестьянские отряды под начальством Максима Кривоноса («Хмельницкого ближнего советника и помощника»). Отряды Кривоноса освободили целый ряд городов, в том числе Лодыжин, Бершадь, Верховку, Александровку, Умань, Брацлав, Тульчин. 1 июня была освобождена Винница.

Магнат Иеремия Вишневецкий, бежавший от мести народа с Левобережья, вторгся с большими силами (около 8 тыс. человек) в Подолию. Его войско состояло преимущественно из шляхты, выгнанной повстанцами из своих имений. Вишневецкий, который двигался через Житомир, Котельню и Погребище на Брацлавщину, намеревался собственными силами задушить восстание в Подолии. Дорога, по которой шло его войско, была залита кровью замученных людей. Озверелая шляхта выкалывала крестьянам и мещанам глаза, обливала их кипятком и горячей смолой, отсекала руки и ноги, вешала, сажала на кол и т. д. Сособенной жестокостью Вишневецкий расправился с населением Немирова, оказавшим сопротивление его бандам. «Мучьте их так, — кричал он, присутствуя при казнях немировцев, — чтобы они чувствовали, что умирают». Но никакие зверства не могли сломить волю украинского народа, боровшегося за свое освобождение. Восстание охватывало все новые и новые районы.

Навстречу Вишневецкому двинулся Кривонос. Под Махновкой отряды Кривоноса нанесли поражение Вишневецкому и заставили его отступить к Староконстантинову. 25 июля они заняли сильную крепость Бар, являющуюся ключом к Восточной Подолии. В боях с Вишневецким Кривонос показал себя мужественным и неустрашимым предводителем крестьянских повстанческих отрядов, талантливым полководцем. В своих операциях он широко применял согласованные действия пехоты, конницы и артиллерии, а также современную ему технику подрывного дела. Известно, что Кривонос возил с собой какие-то приспособления для взрыва каменных скал. Большое внимание он уделял разведке. Разведчики Кривоноса, среди которых было немало женщин, действовали в глубоком вражеском тылу, достигая центральных районов Польши. Из-под Бара Кривонос направился к Каменцу-Подольскому, но был отозван Хмельником для соединения с главными силами.

Оставаясь в Чигирине, Хмельницкий использовал перемирие с панской Польшей в целях дальнейшего развития освободительного движения. «Хмельницкий, — писал Голинский, — забавлял их милостей панов комиссаров, представляя разные условия,

а между тем Кривонос... взял Бар и... пошел под Каменец-Подольский»¹. Одновременно продолжалась организация казачьего войска, заготавливались необходимые припасы и т. д. К донским казакам снова были отправлены посланцы звать их на помощь.

Магнаты Восточной Украины решили воспользоваться сеймом 1648 г., чтобы свергнуть канцлера Оссолинского и заставить правительство бросить все силы Речи Посполитой ради спасения их украинских латифундий. Отстранить Оссолинского им, правда, не удалось. Войско же коронное было собрано и под начальством трех предводителей — Д. Заславского, Н. Остроорога и А. Конецпольского — направлено против казаков. Кроме того, для усыпления бдительности казаков сейм назначил комиссию для ведения переговоров с ними. Переговоры должны были закончиться до элекционного сейма (на котором избирался король), назначенного на 6 октября. Потерпев поражение на сейме, восточнукраинские магнаты стремились спровоцировать войну с казаками и тем самым принудить польское правительство немедленно разорвать перемирие и возобновить войну. С этой целью они совершали опустошительные набеги на украинские села и города, убивая людей и сжигая их имущество.

В такой обстановке казачье войско выступило в начале июля из Чигирина и через Гончариху и Острополь направилось на Запад. Узнав об этом, Вишневецкий обратился к предводителям коронного войска, стоявшего в Западной Украине. Он призывал Заславского, Остроорога и Конецпольского «во имя спасения отчизны» присоединиться к нему, чтобы объединенными силами уничтожить казаков.

В начале сентября противники встретились под Пилявцами (село между Литином и Староконстантиновом, в Восточной Подолии). Шляхетские отряды Вишневецкого вместе с присоединившимся к ним коронным войском представляли собой внушительную силу более чем в 40 тысяч человек (не считая многочисленных вооруженных слуг). В коронном войске были гусарские и драгунские части, немецкая пехота, артиллерия и т. д. Магнаты и шляхта прибыли в лагерь под Пилявцы со всеми своими ценностями, которые им удалось захватить, спасаясь бегством из имений. Казалось, что они готовятся к пиршеству, а не к бою. Один из современников этих событий писал: «Шляхетские щиты, султаны, бунчуки, палаши и мечи блистали золотом; от множества серебра ломились шатры, ящики и столы». По словам того же очевидца, создавалось впечатление, будто шляхта пришла сюда на свадьбу или на какое-то другое торжество. Одних только кованых шляхетских возов, нагруженных разным добром, насчитывалось около 100 тысяч. В польском лагере отсутствовала всякая дисциплина: «каждый панок, —

¹ М. Golinski, Zapiski, стр. 142.

говорит очевидец, — хотел быть гетманком и становился не туда, куда ему приказывали, а куда ему самому нравилось»¹. Среди командиров не прекращались ссоры и препирательства. Князь И. Вишневецкий оспаривал булаву у трех назначенных сеймом начальников коронного войска — Д. Заславского, Н. Остророга и А. Конецпольского, которые рьяно отстаивали свое право руководить войском².

Казацко-крестьянское войско под предводительством Хмельницкого, примерно равное шляхетскому своей численностью, сильно уступало последнему по части вооружения. Однако оно было крепко своей моральной силой и твердой решимостью биться с врагом до конца. Оба войска разделяла река Пилявка, или Иква, перегороженная плотиной. Хмельницкий, подошедший к Пилявке несколько раньше поляков, расположил свой лагерь на высоком правом берегу на некотором расстоянии от плотины. Заняв позиции, казаки укрепили их шанцами и возами, поставленными в шесть рядов. На земляных валах расположили артиллерию. Кривonos со своими частями стоял в некотором отдалении от главного казацкого лагеря. Подошедшее польско-шляхетское войско расположилось на левом берегу реки.

8 сентября начались первые стычки. Изучив обстановку и определив численность противника, Хмельницкий решил сдать плотину, охраняемую небольшим казацким отрядом, с тем, чтобы заманить часть войск противника на правый берег и таким образом разделить его силы. К вечеру 11 сентября казацкий отряд, стоявший у плотины, покинул ее. Тотчас же через плотину переправилось несколько шляхетских полков, в том числе Сандомирский и Киевский. Их командиры поспешили донести гетманам, что правый берег «очищен от казаков». Польский плацдарм на правом берегу был отделен от главного казацкого лагеря небольшим пространством, изрезанным оврагами.

На рассвете 13 сентября казаки совместно с подошедшей накануне Белгородской ордой начали наступление на польский плацдарм. Не выдержав удара, поляки устремились к плотине. В это время по ней открыла свой губительный огонь казацкая артиллерия. Чтобы удержать плацдарм на правом берегу, польские военачальники пытались перебросить туда новые части. Однако у плотины последние наталкивались на отступавших в беспорядке жолнеров. Образовалась пробка: в страшной тесноте и суматохе одни хоругви напирали на другие. Изображая создавшееся тут положение, польский современник писал: «Когда большой отряд гусар подошел к плотине, то из-за

¹ М. Goliński, Zapiski, стр. 149.

² Намекая на сомнительные воинские доблести польских воевод, Хмельницкий иронически назвал Заславского, известного своей изнеженностью, «перыною», Остророга, славившегося латинской ученостью, «латыною», а молодого и неопытного Конецпольского «дытыною».

невозможной тесноты гусары... даже пик своих поднять не могли, пришлось им бестолку бороздить пиками землю, а знаменами заметать грязь, которой здесь было хоть отбавляй. В это время казаки взяли наши позиции за плотиной, уничтожив там всю пехоту вместе с пушками; не уцелела также ни одна из конных хоругвей, переправившихся на тот берег»¹.

В этот критический момент главный польский лагерь, располагавшийся на левом берегу реки, был внезапно атакован с тыла отрядами Кривоноса, незаметно переправившимися через Пиляву. Главные же силы казацкого войска, покончившие уже к этому времени с польским плацдармом на правом берегу, устремились на врага через реку. Во вражеском лагере началась паника. Чтобы спасти войско от окончательного разгрома, польские военачальники решили начать отступление к Староконстантинову. Но отступление остатков польского войска превратилось скоро в паническое бегство. Сам Конецпольский бежал переодетый в крестьянское платье, а гордый Вишневецкий — в простой телеге. Заславский потерял по дороге свою булаву — знак гетманской власти. «Вожди, — пишет с нескрываемой насмешкой М. Голинский, — увидев такое наступление... бесстыдно скрылись, так как были научены тому, что спасти родину не что иное означает, как только хорошо удирать»². Некоторые шляхтичи, «вверив свою жизнь только ногам», бежали так стремительно, что за трое суток очутились во Львове (около 300 километров от Пилявцев).

Казакам, овладевшим польским лагерем, достались огромные трофеи: около 100 пушек, много пороха, огнестрельного и холодного оружия, панцырей, а также коней и возов, доверху нагруженных разным добром — золотыми кубками и блюдами, серебряными ваннами, деньгами, дорогими мехами и одеждой, снедью и напитками.

Тот же Голинский, говоря о поражении шляхты под Пилявцами, замечает, что «в оружии и достатках» она потерпела «убытка больше, чем на семь миллионов, а позора на тысячу миллионов»³.

Битва под Пилявцами имела огромное значение. Она послужила новым мощным толчком для развития освободительного движения в западной части Украины. В результате разгрома польско-шляхетских войск под Пилявцами от польских панов были освобождены Подолия и Волынь. Преследуя бегущего врага, казацкое войско, поддерживаемое восставшим народом, подошло к Львову. 26 сентября оно приступило к осаде города. 16 октября, после трехнедельной осады Львова и получения контрибуции в 20 тыс. злотых, казацкое войско двинулось к сильной

¹ М. Golinski, Zapiski, стр. 149.

² Там же.

³ Там же.

польской крепости Замостье. С появлением казаков в Галиции волна народного движения поднялась еще выше. Вскоре восстание охватило все украинское Прикарпатье.

Между тем 6 октября 1648 года в Польше открылся сейм, который должен был избрать нового короля. Варшаву заполнили шумные толпы вооруженной шляхты, прибывшей на зов своих патронов — магнатов — и готовой силой оружия поддержать ту кандидатуру, на которую они укажут. За трон боролись две группировки. Польские магнаты Восточной Украины во главе с Иеремией Вишневецким стремились посадить на престол брата умершего короля — бискупа Карла, тесно связанного с магнатами и католической церковью. Шляхта Центральной Польши, поддерживавшая королевскую группировку, выдвинула кандидатуру другого брата Владислава IV — Яна Казимира. Стоя под Львовом, а затем под Замостью, Богдан Хмельницкий с большим искусством использовал противоречия между этими двумя группировками. Через своих уполномоченных он сносился с сеймом и с Яном Казимиром, давая понять, что казаки готовы заключить мир на весьма умеренных условиях. Расчет его оказался правильным. Магнатская группировка, стоявшая за немедленное продолжение войны и дорогостоящие военные приготовления, оказалась в меньшинстве. 7 ноября королем был избран Ян Казимир¹.

Руководители освободительной войны, конечно, понимали, что Яна Казимира и магнатов объединяют ненависть к украинскому народу и стремление к укреплению польско-шляхетского владычества на Украине. Но в то же время они знали, что Ян Казимир считает магнатов, особенно восточноукраинских, самыми опасными противниками королевской власти и поэтому будет всячески стремиться ослабить их могущество. Таким образом, поддерживая кандидатуру Яна Казимира, Хмельницкий углублял противоречия в лагере господствующего класса панской Польши в интересах освободительного движения украинского народа.

Спустя неделю после избрания нового короля Богдан Хмельницкий, получив через польского посла Олдаковского решение сейма о готовности заключить мир², снял осаду Замостья и отправился в Приднепровье. 23 декабря приветствуемое ликующим населением казацкое войско во главе с Богданом Хмель-

¹ См. подробнее об этом нашу работу «К вопросу о дипломатической борьбе Богдана Хмельницкого за воссоединение Украины с Россией» (Исторические записки АН СССР, т. 47, 1954 г.).

² Весть о заключении перемирия и о признании Яном Казимиром Хмельницкого гетманом вызвала новый взрыв возмущения у магнатов. По словам Кунакова, находившегося в это время в Варшаве, они «на короля приходили шумом... и говорили королю: им де... от Богдана Хмельницкого и от Кривоноса и от черкас разорение и шкоды (убытки) и крови разлились многие... а король де их (казаков) шанует (почитает), что приятелей своих, таких леберизантов (бунтовщиков)» (Акты ЮЗР, т. III, стр. 288).

нищим торжественно вступило в древнюю столицу Руси — Киев. Кампания 1648 года была закончена.

Из Киева Богдан Хмельницкий вновь обратился к русскому правительству. В январе 1649 года в Москву был направлен киевский полковник Силуан Мужилковский. В записке, переданной русскому правительству Мужиловским 4 февраля 1649 года, содержалась просьба оказать Украине военную и дипломатическую помощь в борьбе против шляхетской Польши, прислать донских казаков и русские войска. Однако Россия еще не была подготовлена к войне. Положение русского государства чрезвычайно усложнилось тем обстоятельством, что его выступление против Польши вывело бы из выжидательной позиции Швецию, значительно усилившуюся после Тридцатилетней войны (1618—1648 годы) и мечтавшую о безраздельном господстве на Балтике. Война же со Швецией грозила России тяжелыми последствиями. Сложным было и внутреннее положение России. Государственные финансы были расстроены. Рост социальных противоречий привел к народным восстаниям. Восстание городских низов Москвы 1 июня 1648 г. нашло отклик на юге и севере страны. Вполне понятно, что правительство русских крепостников со страхом следило за развивавшимся на Украине антифеодальным крестьянским движением. Его тревога росла по мере того, как в Москву стали поступать известия о крестьянских выступлениях в пограничных уездах самого Русского государства и о связи этих выступлений с антифеодальным движением на Украине. Русские пограничные воеводы и помещики жаловались правительству на то, что крестьяне, поджигая помещичьи усадьбы, уходят на Украину на помощь украинским повстанцам. «Людишка наши и крестьянишка, — писали, например, торопецкие и хотмыжанские дворяне, — бегают за рубеж в Литовскую (украинскую. — В. Г.) сторону, пожигая дворишка у нас... и самих нас бьют и вяжут и последних крестьянишек от нас подговаривают и сильно за рубеж свозят». Переходя на Украину, русские крестьяне и горожане нередко вступали в ряды украинского войска и отдавали свою жизнь за освобождение украинского народа от гнета феодалов.

Все это вместе взятое заставляло русское правительство отказать от решения такого вопроса, как немедленное принятие Украины под власть России. Тем не менее остальные просьбы гетмана русское правительство, заинтересованное в ослаблении Польши, выполнило почти все. Россия вступила с Украиной в официальные дипломатические отношения. Вскоре после приезда Мужиловского в Москву в Чигирин, к гетману, выехал русский дипломатический гонец Михайлов, а в апреле туда отправился новый посол Г. Унковский. Прибытие русского посольства на Украину свидетельствовало, помимо всего прочего, что Россия сочувственно относится к борьбе украинского народа против Польши. Это заставляло польское правительство

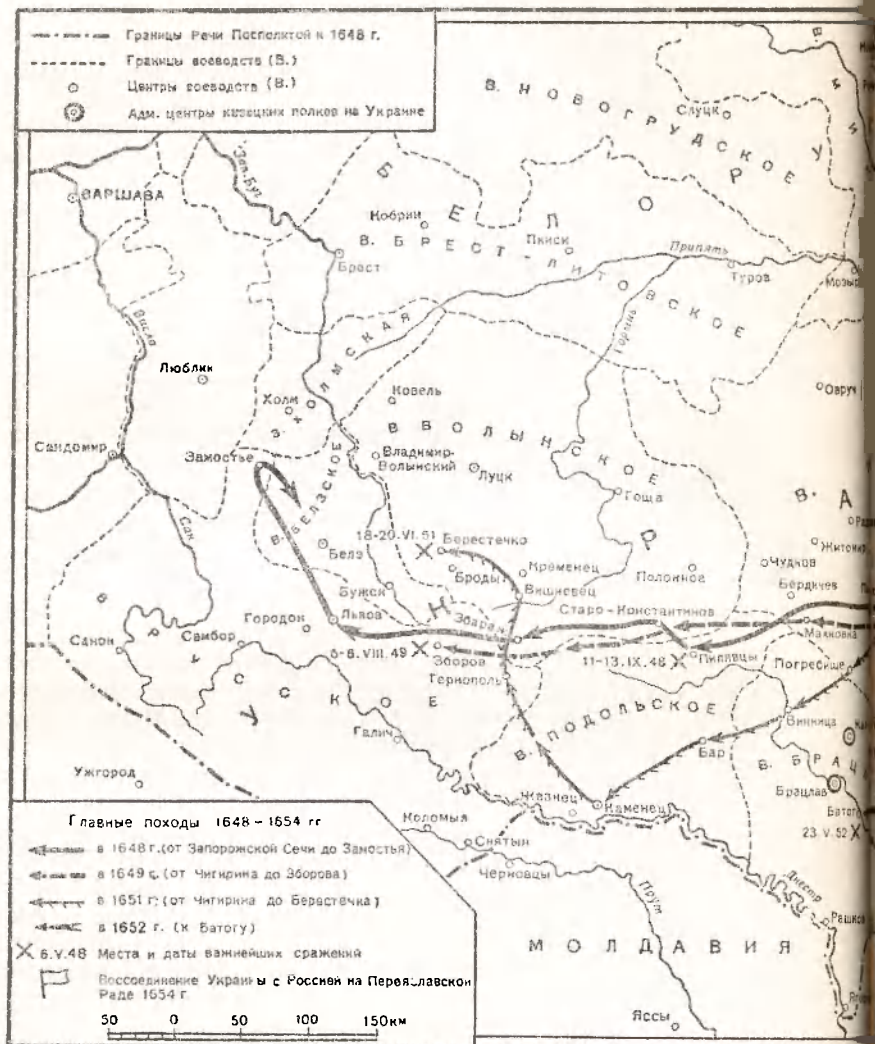
считаться с возможным выступлением России и держать наготове значительные военные силы, которые при отсутствии этой угрозы оно могло бы бросить против Украины.

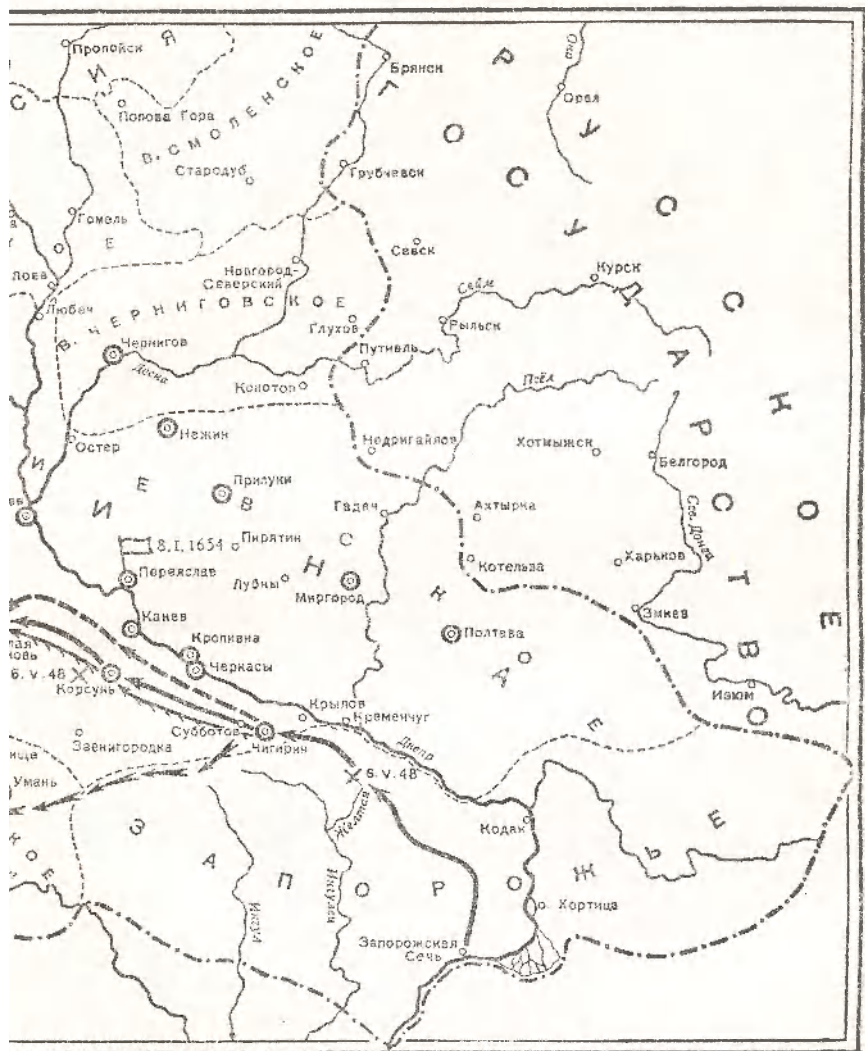
Россия оказала Украине также значительную экономическую и военную помощь. Правительство разрешило беспошлинно вывозить на Украину хлеб, соль и другие продукты, в которых здесь в связи с войной и неурожаем ощущалась большая нужда. Наконец, оно не препятствовало уходу на Украину донских казаков для участия в освободительной войне украинского народа. Известно, что уже осенью 1648 года, во время осады Львова, в украинском войске сражался целый полк донских казаков. Русский современник, побывавший в 1648 году на Украине, рассказывал, что «с черкасы де вместе бьются... и донские казаки»¹. Более того, украинское войско получало из России оружие и боеприпасы. Об этом знало даже польское правительство. Секретарь Яна Казимира, например, жаловался в июне 1651 года русскому послу В. Старого, что царь с самого начала войны «беспрестанно к нему, гетману, и ко всему войску запорожскому посылал с своим... государевым многим жалованьем и с пушечными и с хлебными запасы». Разносторонняя помощь, оказанная русским народом и Русским государством Украине, имела решающее значение для дальнейшего хода освободительной войны украинского народа: она способствовала более широкому размаху народного движения на Украине и его выдающимся успехам. О значении этой помощи сам Богдан Хмельницкий летом 1649 года в беседе с русским послом Г. Нероновым говорил так: «Государева милость ко мне и ко всему запорожскому войску большая: в хлебный недород нас с голоду не морил, велел нас в такое злое время прокормить, и многие православные души его царским жалованием от смерти освободились». Одновременно с военной помощью русское правительство предоставляло право убежища украинскому населению, которое спасалось от мести польских панов².

Польское правительство пыталось ослабить силы народно-освободительного движения на Украине путем мелких, ничтожных уступок реестровому казачеству, рассчитывая таким образом выиграть время и захватить инициативу в свои руки. С этой целью весной 1649 года к Хмельницкому были отправлены польские комиссары во главе с Адамом Киселем. 9 апреля комиссары прибыли в Переяслав. Переговоры показали, что паны поставили своей целью отколоть казаков от крестьян. Кисель сообщил Хмельницкому об обещании короля увеличить реестр с 6 тысяч человек, как это было установлено ординацией 1638 года, до

¹ Донских казаков и даже русских служилых людей можно было встретить в украинском войске и в последующие годы.

² О взаимоотношениях между Россией и Украиной в период освободительной войны см. подробнее нашу работу «Россия и освободительная война украинского народа», Госполитиздат УССР, К., 1954.

го народа 1648—1654 гг.

20 тысяч, но за это потребовал от казаков немедленно начать войну против Турции и Крымского ханства. Разгадав коварные планы врага, стремившегося вывести казацкое войско за пределы Украины, чтобы, воспользовавшись этим, задушить народно-освободительное движение, Богдан Хмельницкий решительно отверг предложение польского правительства. «Выбью, — сказал он, — из лядской неволи народ русский (украинский. — В. Г.)... Поможет мне в том вся чернь (то есть крестьянство) по Люблин, по Краков. Она от меня не отступится, и я от нее не отступлюсь, ибо то правая рука моя, чтобы вы, уничтожив хлопов, не ударили на казаков»¹. В этих словах Хмельницкого проявилось глубокое понимание роли широких народных масс в освободительной войне. Грозным предупреждением прозвучали заключительные слова Богдана Хмельницкого: «За границу войной не пойду... Достаточно (дела) на Украине... ставши над Вислою, скажу: сидите и молчите, ляхи! Дуков и князей (магнатов) туда загоню, а будут за Вислой хорохориться, найду их и там!»².

Миссия Киселя потерпела неудачу. Польскому правительству не удалось обмануть казаков и взять инициативу в свои руки. Считая, что основной причиной, мешавшей казацкой старшине пойти на соглашение, является настроение украинского народа, требовавшего, как доносил Кисель, продолжения борьбы со шляхетской Польшей, польское правительство решило предпринять еще одну попытку достичь соглашения. Оно сделало следующее предложение казацкой старшине: в то время как она предпримет все необходимые меры для роспуска повстанческих отрядов (под тем предлогом, что Польша тоже распустила войска), король подвинет ей в помощь кварцянское войско под Паволочь (Киевское воеводство) или куда потребуется. 17 марта с письмом такого содержания к Хмельницкому направился представитель короля шляхтич Смяровский. Одновременно Смяровскому было дано секретное поручение: в случае неудачи своей миссии организовать среди старшины заговор и убить Хмельницкого³. Смяровский прибыл в ставку гетмана 1(11) апреля, но был вскоре уличен в своих преступных замыслах и казнен.

В главную квартиру Хмельницкого стали приезжать в это время посланцы из разных стран. В феврале 1649 г. сюда прибыли семиградские послы. С далеких британских островов с приветственным посланием к Богдану Хмельницкому обратился вождь английской буржуазной революции Оливер Кромвель. Приветствуя гетмана, Кромвель называл его «императором всех казаков Запорожских», «грозою и истребителем аристократии Польши», «завоевателем крепостей», «истребителем католицизма» и. т. д.

¹ Jakuba Michałowskiego Księga Pamiętnicza, док. 103, стр. 375.

² Там же, стр. 376.

³ L. Kubala, J. Ossoliński, стр. 346—347; Архив Юго-Западной России, т. III, ч. IV, стр. 76—77.

В феврале к Хмельницкому прибыл турецкий посол Осман-ага. Турция, ведшая тяжелую войну в Венецией, предлагала Украине заключить договор о «вечном мире». Она обязывалась разрешить казакам свободное плавание в Черном море и Греческом архипелаге и предоставляла им право беспошлинной торговли в турецких владениях. Султан отказывался от права использовать захваченные в море казацкие суда для собственных целей, обещая возвращать имущество умерших в Турции казаков их родственникам; обе стороны могли выкупать невольников. Заключение договора с Турцией обеспечивало Украине важные торговые выгоды и, кроме того, позволяло ей пользоваться авторитетом Турции в сношениях с Польшей и Крымом.

16 марта в Чигирин прибыл русский дипломатический гонец Г. Унковский в сопровождении Мужиловского. Всюду на Украине население встречало русского посла с большими почестями. Такое отношение к представителю Русского государства было проявлением братских чувств украинских народных масс к русскому народу и выражением признательности за ту разностороннюю помощь, которую Россия оказывала украинскому народу в его освободительной борьбе.

Между тем в Варшаве были получены сведения о разоблачении Смяровского и его казни. Польское правительство немедленно издало виц (указ) о созыве посполитого рушенья. Еще раньше начали свои провокационные выступления польские магнаты Восточной Украины. Вишневецкий, например, обратился с воззванием к шляхте Русского воеводства (Западная Украина), призывая ее прибыть не позже 12 июня в город Вишню. Одновременно с этим вооруженные шляхетские банды, организуемые магнатами, нападали на малочисленные казацкие отряды, стоявшие вблизи пограничной линии казацкой территории. На подольско-волынском пограничье начались кровавые столкновения.

Стремясь взять инициативу в свои руки, Богдан Хмельницкий 31 мая выступил во главе казацкого войска из Чигирина и двинулся на запад. По дороге его догнал Ислам-Гирей с ордой. Еще до своего выступления в поход Богдан Хмельницкий обратился с универсалом к украинскому народу, призывая его к продолжению борьбы против панской Польши. «Все, — писал он, — кто в бога верит, чернь и казаки, собирайтесь в казацкие громады». Выступление казацкого войска вызвало на Украине новый подъем народно-освободительного движения. Пламя восстания, перекидываясь с одной местности на другую, охватило в скором времени всю Украину и проникло в Белоруссию. Белорусский народ вместе с украинским боролся против панского гнета, за воссоединение с Россией. В ответ на универсалы Хмельницкого повстанцы массами вливались в казацкие войска. Самовидец, изображая общенародный характер движения, отмечал, что *«усе, що живо, поднялося в козацтво»*.

В авангарде казацкого войска шел Брацлавский полк под начальством полковника Данилы Нечая. В середине июня у Межибожа казаки Нечая нанесли ряд сокрушительных ударов польско-шляхетским полкам воевод Фирлея и Лянцкоронского. Напуганные слухами о приближении украинского войска и теснимые казацким авангардом, Фирлей и Лянцкоронский с большой поспешностью отступили к ближайшей крепости — городу Збаражу. Еще до их прихода обороной города занялся Вишневецкий. Збараж был укреплен высокими валами, глубоким рвом и располагал значительной артиллерией. С приходом частей Фирлея и Лянцкоронского в крепости оказалось более 10 тысяч войска. За стенами Збаража скрылись крупнейшие восточнукраинские магнаты — Вишневецкий, Заславский, Корецкий. 29 июня Хмельницкий приступил к осаде Збаража. Казаки построили вал выше неприятельского и расположили на нем артиллерию. Сжимая постепенно кольцо, они подошли вплотную к крепости. Положение осажденных было катастрофическим. «Мы находимся в отчаянии, — писал польский шляхтич из осажденного Збаража, — неприятель нас так обложил, что даже птица к нам и от нас не пролетит»¹.

Тем временем, 24 июня, король выехал из Варшавы и 3 июля прибыл в Люблин. Здесь он получил известие об осаде Хмельницким Збаража. Назначив коронного канцлера Оссолинского генералиссимусом (главой посполитого рушенья), король 17 июля выехал в направлении Замостья. 28 июля Ян Казимир объявил о низложении Хмельницкого и провозгласил гетманом Забужского, изменника, перебежавшего к полякам еще под Пилявцами. За голову Хмельницкого назначалась награда в 10 тыс. злотых. В универсалах, обращенных к крестьянам, король призывал их отложиться от Хмельницкого, обещая прощение и «милости». Учтывая, что казацкое войско занято осадой Збаража, король приказал литовскому гетману Я. Радзивиллу вторгнуться на Украину с севера и занять Киев. Таким образом польское правительство надеялось обеспечить себе легкую победу над украинским народом.

Узнав о движении королевской армии, Богдан Хмельницкий незаметно снял войско из-под Збаража, оставив там лишь небольшой отряд для продолжения осады. Это было сделано столь искусно, что в Збараже даже не заметили ухода главных казацких сил. Через несколько дней казацкое войско заняло позицию под Зборовом (120 км от Збаража). Местечко Зборов расположено на реке Стрипе, там, где она выходит из узкого озера и разливается по низкой болотистой долине. Во время дождей эта местность становилась совершенно непроезжей. В толпой грязи вязли телеги, лошади и волы. Немногие тропы, по которым можно было пробираться среди этого моря грязи, были известны

¹ Jakuba Michałowskiego Księga Pamiętnicza, док. 141, стр. 428.

лишь окрестным жителям. Хмельницкий укрыл свое войско и татар в дубраве и глубоких оврагах на левом берегу р. Стрипы.

В тот же день у села Млиновцы, на правом берегу реки, состоялось королевское войско, ничего не знавшее о местонахождении казаков. Польские военачальники рассчитывали переправиться тут к Зборову и через Озерное идти на Тернополь. Однако переправа на левый берег оказалась делом нелегким. Река, бурно разлившаяся после проливных дождей, снесла все мосты. В связи с этим польское войско вынуждено было заняться восстановлением мостов и только 5-го августа смогло начать переправу. Польские части переправлялись через Стрипу в густом тумане. Скоро на левый берег перешла польская пехота, конница и часть армейских возов. Поляки и не подозревали о близости казаков.

Местные жители, всеми средствами помогавшие казакам, заранее провели часть казацкого и татарского войска через Стрипу в тыл неприятелю. Когда король с большей частью польского войска уже переправился на левый берег, зборовские мещане подали казакам условный знак: в городе зазвонили во все колокола. Польское командование не подозревало о приближении казаков. Вдруг вдали показалась казацкая и татарская конница. Двумя огромными лавинами она стремительно надвигалась на врага. Слуги польского обоза бросились в ужасе назад, к мостам, загромождая дорогу беспорядочной массой возов и коней. Королевское войско не выдержало натиска казаков и татар. Первой обратилась в бегство шляхта из посполитого рушенья. Стараясь остановить ее, король хватался за знамена, за узду коней, грозил, умолял: «Не покидайте меня, панове, не покидайте отчины, памяуйте славу предков ваших!» Но ничто не помогало. Часть шляхты в страхе пыталась укрыться в возах. «Королевского войска поляки, — писал Кунаков, — и короля видеv и его королевские слова слыша, на бой против козаков и против татар никто не поехал и хоронились в возы свои, а иные под возы, в попоны завиваяся. И король де, ходя пеш, тех панят и шляхту из возов и из-под возов порол на бой палашом»¹. В первую же ночь из лагеря бежала шляхта семи поветов. Положение польского войска было отчаянным. «Уже несколько столетий, — писал королевский секретарь В. Мясковский, — Польша не была в такой опасности, как 5 августа»². Король под благовидным предлогом (якобы для того, чтобы возглавить главные силы посполитого рушенья, находившиеся на пути к Збаражу) намеревался бежать из окруженного лагеря. Следующий день должен был решить участь польского войска. Ввиду этого Оссолинский решил во что бы то ни стало отделить от Хмельницкого его союзника — хана. «Единственное средство спасения, — говорил он, — отлучить татар от казаков».

¹ Акты ЮЗР, т. III, стр. 394.

² Jakuba Michałowskiego Księga Pamiętnicza, стр. 439.

6 августа битва возобновилась. С утра под прикрытием сильного артиллерийского огня казаки непрерывно штурмовали польский лагерь, нанося врагу громадные потери. Польско-шляхетское войско оказалось на грани катастрофы. Но в это время Хмельницкий получил весть об измене татар. К полудню хан за спиной казаков заключил соглашение с королем. Добившись принятия королем предъявленных им условий, хан в категорической форме потребовал от Хмельницкого заключить мир с Польшей. В противном случае он грозил перейти на сторону Яна Казимира и объединенными силами ударить на казаков. Ислам-Гирей боялся победы казаков над Речью Посполитой и, следовательно, усиления Украины. Кроме того, для него не были секретом сношения Хмельницкого с Россией. Перспектива же объединения Украины с Россией неизбежно создавала сильную угрозу самому существованию Крымского ханства.

Продолжать при таких обстоятельствах войну было немисливо. Хмельницкий оказался вынужденным пойти на переговоры, в результате которых 8 августа был подписан так называемый Зборовский договор. Согласно этому договору казацкий реестр определялся в 40 тысяч человек¹; все участники восстания подлежали амнистии; киевскому митрополиту предоставлялось место в сенате наравне с католическими епископами; все должности в воеводствах Киевском, Черниговском и Брацлавском король обязывался раздать лишь шляхте православного вероисповедывания и т. д.²

Однако самой важной частью договора был пункт о казацкой территории. Последняя обнимала в основном три воеводства — Черниговское, Киевское и Брацлавское, т. е. по существу всю Восточную Украину. Польское правительство теряло право контролировать эту территорию путем размещения тут своих войск. Тем самым реальная власть в этой части страны оставалась в руках казацкой старшины.

После утверждения Зборовского договора шляхта в одиночку и группами вновь потянулась на Украину. Богатые шляхтичи возвращались с отрядами телохранителей, нанятых в Польше и за границей. Обстановка, в которой очутилась шляхта на Украине, была чрезвычайно сложной. Крестьяне, поголовно объявившие себя казаками, и слышать не хотели о восстановлении прежних, крепостнических порядков. Они наотрез отказывались отбывать повинности, не пускали панов в их имения и т. д. Стремясь вернуть старые порядки, шляхта вступила на путь зверской расправы с крестьянами. Паны ставили виселицы в своих имениях, подвергали крестьян бесчеловечным истязаниям. Так поступал,

¹ Чтобы составить некоторое представление о том, каков был удельный вес 40 000 реестра, необходимо помнить, что по приблизительным подсчетам в середине XVII в. в Восточной Украине жило ок. 1 млн. человек.

² См. подробнее нашу работу «Між Замостям і Зборовом» (Доповіді наукової сесії Київського Державного педагогічного інституту, К., 1954).

в частности, и пан Корецкий, который дикими казнями стал вымещать на крестьянах свою злобу.

После заключения Зборовского договора Хмельницкий сам издал целый ряд универсалов, обязывавших крестьян под страхом суровых кар отбывать «послушенство» отдельным феодалам, монастырям и т. д. Нередко крестьянские выступления и отказ от выполнения повинностей подавлялись гетманскими властями с большой жестокостью.

Ответом на бесчинства панов и попытки восстановить крепостнические порядки были восстания крестьян. Поднялись крестьяне имений Корецкого. Корецкий вместе со своим отрядом наемных карателей вынужден был спасаться бегством в Польшу. Крестьянские выступления имели место и в других местах Украины. В конце 1649 — начале 1650 г. выступления крестьян охватили уже значительную часть Волыни и Брацлавщины, а затем перекинулись на Приднепровье и Побужье. В феврале—марте 1650 г. вспыхнули волнения на Запорожье, которое продолжало оставаться центром, притягивающим к себе всех недовольных феодално-крепостническим гнетом. Их число особенно резко увеличилось после заключения Зборовского договора. Повстанцы, недовольные крепостнической политикой старшины, стремившейся принудить крестьян к отбыванию повинностей, объявили Хмельницкого низложенным и провозгласили гетманом своего предводителя Худолея. Однако волнения на Запорожье были вскоре подавлены, а Худoley по приказу Хмельницкого казнен¹.

Несмотря, однако, на все это, Хмельницкий был достаточно дальновидным политиком, чтобы понимать, что восстановление крепостнических порядков в том виде, в каком они существовали до 1648 г., с неизбежностью приведет к обострению классовой борьбы и облегчит панской Польше реставрацию своей власти на Украине. Вот почему Хмельницкий, хотя и являлся защитником интересов класса украинских феодалов, нередко избегал предпринимать какие-либо реальные меры, чтобы обеспечить шляхте ее владельческие права, т. е. чтобы силой принудить крестьян отбывать феодальные повинности. С той же целью Хмельницкий, вопреки условиям Зборовского договора, самовольно увеличил казацкий реестр до 50 тысяч человек и, помимо того, составил дополнительный 20-тысячный реестр под начальством своего сына Тимофея. От власти шляхты освобождались и те «слуги» и «наймиты», которые поступали на службу к казаку, зачисленному в реестр, становились его «подпомощниками». Таким образом от власти шляхты было освобождено значительно большее число крестьян, чем это предусматривал Зборовский договор.

Одновременно был осуществлен ряд серьезных организационных мероприятий военного, административного и финансового характера. Казацкая территория была разделена на 16 полков.

¹ Памятники Киевской Комиссии, т. II, док. 3, стр. 569.

Центром полка был город или местечко. Во главе полка стоял полковник с подчиненной ему старшиной (судья, обозный, писарь и пр.). Полк делился на несколько сотен, во главе которых стояли сотники с соответствующей сотенной администрацией. В сотню входили казацкие «громады» (общины) со своими атаманами. Таким образом, полк представлял собой военную и в то же время административно-территориальную единицу. В городах продолжали действовать старые органы — ратуши и т. д., но они фактически подчинялись казацкой администрации. Местопребыванием гетмана и высшей войсковой администрации стал Чигирин. В Чигирине был создан монетный двор, что должно было способствовать улучшению денежного обращения на Украине¹. Упорядочено было также взимание налогов с населения.

Большое внимание уделялось усилению войска, организации разведки². Было налажено производство оружия и пороха и т. д.

Военно-административный аппарат, созданный на Украине в это время, хотя и являлся орудием классового господства украинской шляхты, сыграл, однако, немаловажную роль в ходе освободительной войны 1648—1654 гг. против панской Польши.

К середине 1650 г., после смерти канцлера Оссолинского, в Польше взяла верх магнатская группировка. Пост коронного канцлера был отдан представителю этой группировки бискупу А. Лещинскому. В декабре 1650 г., по указке магнатов, захвативших теперь все правление государством в свои руки, в Варшаве был созван сейм. Сейм немедленно согласился отпустить средства для набора огромного 54-тысячного войска и на созыв посполитого рушенья в пределах всей страны. Победа магнатской группировки привела к увеличению опасности для Украины со стороны панской Польши. В Польше началась усиленная подготовка к возобновлению войны³. В поисках поддержки польские послы оббивали пороги западноевропейских дворов. Войну против казаков решено было начать еще зимой. Потоцкий (вернувшийся из татарского плена) громогласно заявил, что с казаками нужно воевать до тех пор, пока вся земля не покраснеет от их крови.

¹ Кунаков, проезжавший в 1648 г. через Украину, писал впоследствии: «В Чигирине де учинил Богдан Хмельницкой мынзу и деньги делают; а на тех новых деньгах на одной стороне меч, а на другой стороне ево, Богданово, имя» (Воссоединение Украины с Россией, сбор. док., т. II, стр. 316).

² В 1651 г. в Варшаве арестовали трех казаков (двое были запорожцами). Старший из них выдавал себя за католического священника. С начала войны они, как утверждает Голинский, «давали знать Хмельницкому, какие предложения и намерения были у Речи Посполитой». Действительно, на основе донесений лазутчиков в гетманской канцелярии составлялись подробные отчеты заседаний не только сейма, но даже тайного королевского совета (*M. Gołiński. Zapiski*, стр. 398).

³ См. подробнее нашу работу «Между битвой под Зборовом и Земским собором 19 февраля 1651 г.» (Научные записки Киевского финансово-экономического института № 4, К., 1955 г.).

Маскируя свои военные приготовления, польское правительство в соответствии с решением декабрьского сейма 1650 г. направило к Хмельницкому своего представителя Мясковского. Последний должен был сообщить о скором приезде комиссаров для ведения «переговоров». Между тем 15(25) января 1651 г. в Польше уже был издан первый приказ (виц) о сборе посполитого рушения. В то же время польское правительство снабдило предателя Забужского универсалом для «набора охочих».

В ночь с 9 на 10 февраля 1651 г. авангард польско-шляхетского войска под начальством М. Калиновского и С. Лянцкоронского внезапно вторгся на казацкую территорию (Брацлавщину). Несмотря на мужественное сопротивление казаков, полякам удалось занять м. Красное. Во время жестокой сечи тут пал один из выдающихся героев освободительной войны брацлавский полковник Данила Нечай. Из Красного шляхетские войска стремительно пошли вдоль пограничной линии и заняли Царгород, Мурахву, Стену, Ямполь. 28 февраля Калиновский и Лянцкоронский были уже под Винницей.

Вероломное нападение польского войска вызвало новый подъем народно-освободительного движения на Украине. По этому поводу современник говорил в Москве: «... а положено де у них (казаков. — В. Г.) на том, либо им ляхов снести всех, или самим погибнуть».

В конце февраля войска Калиновского и Лянцкоронского приступили к осаде Винницы. Бои под Винницей длились до 11 марта. Казацкие отряды под начальством известного героя освободительной войны полковника Ивана Богуна дали врагам сокрушительный отпор. Разбитые под Винницей, Калиновский и Лянцкоронский через Бар и Каменец начали отступать на запад на соединение с главным коронным войском, которое все еще стояло под Люблином.

20 апреля в Люблин прибыл Ян Казимир. Здесь его встретил папский нунций Торрес. В торжественной обстановке, во время богослужения, Торрес передал польскому воинству благословение «святого отца» и отпущение всех грехов. Стремясь придать захватническому походу польских феодалов против Украины характер священной войны, папа объявлял польского короля «защитником святой веры». Из Люблина король и его войско двинулись к Сокалю. 12 мая к королевской армии присоединились отряды Калиновского и Лянцкоронского. 4 июня в польском лагере состоялся военный совет, на котором было решено двинуться вперед на рассвете следующего дня с тем, чтобы через двое суток быть под Берестечком. Едва, однако, польское войско заняло позиции под Берестечком, как сюда дошли тревожные слухи о событиях в Польше.

Борьба украинского народа против господства польской шляхты находила широкий отклик и сочувствие среди польского крестьянства и мещанства, страдавшего от гнета польских

феодалов. Уже 15 апреля 1651 г. один польский шляхтич писал из Варшавы своему знакомому: «Всего хуже, что это — крестьянская война... Тут уже поговаривают о свободе от панов и шляхты. Необходима, — предупреждал он, — крайняя осторожность, ибо отовсюду крестьяне готовы податься к... казакам»¹. В то время как королевское войско прибыло под Берестечко, в районе Кракова вспыхнуло крестьянское восстание, во главе которого стал Костка-Наперский. К восставшим крестьянам присоединились работники горных промыслов, а также угнетенное мещанство ближайших городов. Польские крестьяне громили шляхетские имения и избивали панов. Король был вынужден тотчас же отправить из войска 2 тыс. человек на подавление восстания, или, как говорилось в приказе, «для обеспечения безопасности Кракова и других городов и замков».

Вскоре к Берестечку подошло казацкое войско, которое вместе с татарами насчитывало около 200 тысяч человек. Польско-шляхетское войско насчитывало 150 тысяч человек, но оно было гораздо лучше вооружено и располагало многочисленной артиллерией. 18 июня под Берестечком начались первые стычки. На следующий день они перешли в жаркие бои. Перевес оказался на стороне казаков. 20 июня произошло решающее сражение. Польские военачальники бросили в бой все свои силы. Попытка прорвать правый фланг, где стояли казаки, потерпела неудачу. Тогда они бросили войска на татар, сосредоточив против них всю силу артиллерийского огня. Орда, привыкшая грабить, но не воевать, обратилась в бегство. Хмельницкий кинулся ее догонять, желая вернуть на поле сражения, но был задержан ханом. Он оказался в татарском плену.

Измена хана поставила в тяжелое положение казацкое войско. Поляки окружили казацкий лагерь, плотно обложив его с трех сторон. Четвертая сторона выходила к болоту. Начались тяжелые дни осады, продолжавшейся до 30 июня. Пользуясь тяжелым положением казаков, король требовал полной капитуляции. Казаки мужественно отбивались от наступавшего врага, проявляя изумительную отвагу и самоотверженность. Один небольшой казацкий отряд оказался окруженным на острове среди болот. Казаки в знак того, что они не думают о спасении, выбросили в воду все свое имущество, а затем дружно кинулись на противника. В неравной схватке все они погибли. Один из них добрался до лодки и косою отбивался от жолнеров до тех пор, пока не был убит ими.

Полковник Богун, принявший начальствование над казаками, решил вывести войско из окружения. Через болото казаки устроили переправу. Так как строительных материалов не было, в болото бросали телеги, седла, тулупы и другое имущество. 30 июня под влиянием ложных слухов, распространенных врагами, часть казаков поддалась панике. В это время поляки всей

¹ Теки Нарушевича, док. 145, стр. 124.

силой ударили на лагерь и ворвались в него. Козацкое войско пережило горечь поражения — лагерь с частью артиллерии был потерян. Много мужественных борцов погибло в неравном бою, часть утонула в болоте. Тем не менее значительной части войска вместе с Иваном Богуном удалось вырваться из окружения. Общее тяжелое положение украинской стороны еще более осложнилось вторжением литовского войска на Левобережную Украину. 25 июля литовское войско заняло Киев.

После взятия козацкого лагеря под Берестечком магнаты потребовали от короля немедленно двинуть войско вглубь Украины, но шляхта, напуганная грозными крестьянскими восстаниями в Польше, отказалась следовать дальше. Не дождавшись королевского распоряжения, шляхтичи сначала в одиночку, потом толпами и, наконец, целыми поветами (округами) и «землями» стали покидать лагерь и бежать за Стырь. По словам русского подьячего Богданова, побывавшего на Украине в середине июля, «посполитого де рушенья воинские люди и день в обозе не стояли, все разъехались и без королевского повеления по домам». Вслед за шляхтой, несмотря на уговоры и протесты магнатов Восточной Украины, в Польшу поспешил и сам король.

После ухода короля и посполитого рушенья магнаты Потоцкий, Калиновский и Вишневецкий со своими надворными отрядами и частью коронного войска двинулись вглубь Украины. При приближении врага крестьяне уничтожали все припасы и уходили в леса. Польский шляхтич писал 18 августа 1651 г. из Фастова: «Не осталось ни одного хлопа, все как из города, так и из сел пошли вместе с казаками, отправив наперед все свое добро и скот и не думая ни о каком мире». Козацкие отряды и местное население своим упорным сопротивлением изматывали силы врага. Последний стал испытывать голод. Войско Радзивилла, окруженное повстанческими отрядами, вынуждено было оставить Киев и пробиваться на соединение с силами коронных гетманов.

Богдан Хмельницкий, освободившись тем временем из татарского плена, немедленно приступил к организации отпора врагу. 7 мая под Белой Церковью были изданы универсалы, призывавшие всех вступать в козацкое войско. Украинский народ, воодушевленный стремлением биться до конца, горячо откликнулся на призывы Хмельницкого. «Як бы не убыло ничего под Берестечком, — писал Самовидец, — так их зараз многоплодная зродила против ляхов *козацкая матка*».

Войско магнатов встречало на своем пути все более упорное сопротивление. Жолнеров мучил голод. В тылу войска вспыхивали восстания. 10 августа умер один из столпов магнатской группировки — князь И. Вишневецкий. 6 сентября (н. ст.) Потоцкий и Радзивилл созвали военный совет, на котором обсуждался план дальнейших действий. Создавшееся тяжелое положение заставило их вступить с казаками в переговоры. Положение каза-

ков было тоже тяжелым. 18 сентября 1651 г. был подписан так называемый Белоцерковский договор. Согласно договору реестр с 40 тысяч человек сокращался до 20 тысяч. Отныне казаки имели право проживать на территории одного лишь Киевского воеводства. Польской шляхте разрешалось вернуться в свои имения, но до конца года — до составления реестра — она не должна была требовать от крестьян выполнения феодальных повинностей и т. д.

Как ни тяжелы были эти условия, они свидетельствовали о том, что планы магнатов, рассчитанные на полное покорение Украины, потерпели поражение. Мир, естественно, не мог удовлетворить ни одну из сторон.

Возвращение шляхты на Украину после заключения Белоцерковского мира и появление вслед за этим польских войск вызвало бурю возмущения среди широких народных масс. Крестьяне стали вновь нападать на шляхетские имения, изгонять и убивать ненавистных им польских и украинских феодалов. Имели место также отдельные выступления против Хмельницкого и казацкой старшины вообще.

С целью сохранить общий фронт борьбы против панской Польши Хмельницкий, как и после Зборова, старался смягчить классовые противоречия на Украине. Вопреки Белоцерковскому договору он самочинно увеличил численность казацкого реестра с 20 до 40 тысяч, а потом, когда сейм этот реестр не утвердил, вовсе отказался от его составления. Польские современники писали, что Хмельницкий, хотя и сдерживает порой крестьянские выступления, делает, однако, все возможное для того, чтобы сохранить силы для будущего. Нунций Торрес, например, заметил, что Хмельницкий, подчеркивая свою лояльность по отношению к Речи Посполитой, нередко подавляет восстания, но делает это вовсе не из симпатии к ней, а больше из опасения, что несвоевременное выступление может сорвать все его планы¹.

Серьезная угроза подстерегала Украину со стороны молдавских бояр. Воевода Лупул, тесть литовского гетмана Радзивилла, был давним союзником панской Польши. Он содействовал выкупу из плена магнатов Потоцкого и Калиновского, перехватывал казацких посланцев и т. д. Весной 1652 г. на Украине было спешно собрано большое казацкое войско, которое двинулось на Молдавию. Польный гетман, магнат М. Калиновский, решил преградить путь казакам. С 20-тысячным кварцянским войском, не считая всяких шляхетских отрядов, Калиновский занял позицию у Батога (возле Каменца-Подольского). 22 мая (1 июня) поляки увидели первые отряды казаков и татар. Под покровом ночной темноты часть польской конницы, не желая сражаться с казаками, решила самовольно покинуть лагерь. Среди кавале-

¹ Жерела до історії України-Руси, т. XVI, стр. 138.

ристов нашлись даже такие смельчаки, которые предлагали связать Калиновского и выдать его казакам. Узнав об этом, Калиновский приказал немецкой пехоте открыть огонь по кавалерии, «дабы залпами придать ей отваги». 23 мая, когда в польском лагере раздалась перестрелка (наемная немецкая пехота стреляла по польской коннице), казаки подожгли вражеский обоз. Пользуясь начавшейся паникой, они всеми силами ударили по врагу и, как говорит анонимный летописец, стали его «аки стебли пожигати»¹.

Польско-шляхетское войско было разгромлено наголову. Убит был и сам гетман Калиновский. Затем казацкое войско вступило в Молдавию. Лупул поспешил заключить договор с Хмельницким и объявить себя его союзником. Для закрепления договора Лупул должен был выдать свою дочь за сына Хмельницкого — Тимофея.

После заключения Белоцерковского договора в среде господствующего класса Польши произошло новое изменение в соотношении сил. Магнатская группировка потеряла двух своих руководителей — И. Вишневецкого и Н. Потоцкого (умер летом 1651 г.). Ослаблением магнатской группировки и недовольством шляхты политикой магнатов воспользовались сторонники короля. 14 марта 1653 г. в Бресте открылся очередной сейм. Он закрепил победу королевской группировки. На место А. Лещинского, ставленника магнатов, коронным гетманом был назначен сторонник усиления королевской власти подканцлер Корицинский. Для украинского народа победа королевской группировки означала отнюдь не ослабление, а, наоборот, увеличение угрозы со стороны Польши. Она должна была неминуемо привести к сплочению всех сил господствующего класса Речи Посполитой. Шляхта надеялась, что с казаками в скором времени будет покончено, а вместе с этим исчезнет и опасность крестьянских восстаний в Польше; кроме того, шляхта рассчитывала получить на Украине те земли, которыми раньше владели магнаты.

Готовясь к войне против украинского народа, польское правительство развило усиленную деятельность. Для набора жолнеров вновь были утверждены большие налоги.

К июлю 1653 г. правительство закончило военные приготовления. Во главе огромного 60-тысячного войска король Ян Казимир двинулся ко Львову, а отсюда 12(22) августа к Каменцу-Подольскому. На соединение с королем шло посполитое рушенье. В это время семиградский князь и валашский воевода свергли с престола союзника Хмельницкого Лупула. Лупул с остатками своего войска отступил к Сучаве (Северная Молдавия) и обратился за помощью к Хмельницкому. Чтобы обеспечить свой фланг в предстоящей войне, гетман послал на помощь своему союзнику

¹ Днепрпетровский Государственный областной музей, Общий фонд, арх. 682, л. 2.

часть украинского войска (несколько тысяч человек) во главе с сыном Тимофеем. Тимофей Хмельницкий прорвался к молдаванам в Сучаву. Вскоре, 11 августа, объединенные войска семиградского князя, валашского воеводы, нового молдавского господаря Георгицы и 8-тысячный польский отряд под начальством полковника Кондрацкого окружили и осадили Сучаву.

Король, подошедший в это время к Жванцу (вблизи Каменца Подольского), решил дожидаться здесь исхода сражения под Сучавой и прибытия оттуда польских отрядов и союзных войск.

В конце сентября к Жванцу подошло казацкое войско. Здесь стало известно о поражении казаков в Молдавии, о падении Сучавы и смерти Тимофея Хмельницкого. В ответ на обращение Хмельницкого, как говорит Величко, — из Запорожской Сечи под Жванец пришло вскоре несколько тысяч запорожцев¹. Хан, также прибывший к казакам «в помощь» под Жванец, был союзником ненадежным, изменчивым.

Положение Украины к этому времени стало чрезвычайно тяжелым. Уже шестой год украинский народ вел изнурительную борьбу против панской Польши. Эта борьба потребовала от него огромных жертв и напряжения всех сил. Осенью 1653 г. король поднял на борьбу с украинским народом все силы шляхетской Речи Посполитой.

В этот решающий для судеб украинского народно-освободительного движения момент в Москве был созван Земский собор (1 октября 1653 г.). На Соборе, который единодушно высказался за воссоединение двух братских народов, было торжественно объявлено о принятии Украины в состав России. Тотчас после Собора на Украину отправились послы. На них возлагалась почетная обязанность завершить великий акт воссоединения Украины с Россией присягой украинского народа.

Богдан Хмельницкий, стоявший в это время под Жванцем и ожидавший с минуты на минуту известия о решении Земского Собора, выработал остроумный план действий против королевского войска. Последний заключался в том, чтобы столкнуть между собой польское войско и татар. Этот план частично удался. Под разными предлогами Хмельницкий уговорил хана первым начать военные действия против поляков. Татары окружили королевское войско со всех сторон. Оно оказалось в исключительно тяжелом положении: в польском лагере начались голод и болезни. Жолнеры роптали и отказывались подчиняться начальникам. Неудача постигла и литовского гетмана Радзивилла, собравшего 30-тысячное войско для похода на Киев. Он вынужден был отказаться от своего намерения ввиду того, что Россия начала

¹ Впоследствии, 26 декабря 1654 г., Хмельницкий писал в Сечь: «Отпускаем к вам войско ваше Низовое Запорожское, которое вы прошлого лета на желание наше ку потребе военной неприятелей Поляков к нам пригнали, и за прислане оногo веле... дякуючи и впред о такую же не отмену приязнь пилю просим» (Летопись С. Величка, стр. 92).

сосредоточивать войска на литовской границе. Изнуренное непрерывными столкновениями и терпезшее жестокий голод польско-шляхетское войско под Жванцем слабело с каждым днем. Усилились случаи бегства. Голодные слуги бросились на обоз и стали захватывать добро своих панов. В результате столкновения несколько человек было убито, многие ранены. В довершение всего казаки отбили у поляков казну, предназначенную для уплаты жалованья наемному войску. Приближалась трагическая для королевского войска развязка. Но тут король узнал о решении Земского собора и сообщил об этом хану. Обстановка резко изменилась. Поляки и татары поспешили договориться между собой. 5 декабря 1653 г. они заключили мир. Согласно Жванецкому договору король обязывался уплатить хану 100 тыс. польских злотых и предоставлял татарам право брать на Украине ясырь. Весьма характерно, что хан заставил короля признать по отношению к казакам условия Зборовского договора. Но это была не более, чем слабая и безнадежная попытка удержать Украину от воссоединения с Россией. Хмельницкий и казаки в заключении договора участия не принимали.

После этого три войска разошлись из-под Жванца. Хмельницкий объявил казакам весть о принятии Украины под власть России и вместе с войском направился в Переяслав, куда должно было прибыть русское посольство во главе с наместником тверским В. В. Бутурлиным. По дороге Хмельницкий узнал, что татары захватили на Украине большой полон. На этот раз, однако, татарам не пришлось угнать ясырь. Во главе нескольких тысяч запорожцев Хмельницкий напал на татар у Межигорья. Разгромив их, казаки освободили всех пленников¹.

8(18) января 1654 г. в присутствии представителей всех полков состоялась знаменитая Переяславская рада. Рада единодушно высказалась за воссоединение Украины с Россией: «чтоб есми во веки вси едино были!» Вместе со всем украинским народом воссоединение Украины с Россией приветствовала Запорожская Сечь. Еще 26 декабря 1653 г. Богдан Хмельницкий отправил из Чигирина в Сечь своего посланца с письмом. Гетман просил запорожцев высказать свое мнение по вопросу о предстоящем воссоединении Украины с Россией. Воздавая должное запорожскому казачеству за тот вклад, который оно внесло в освободительную войну украинского народа, гетман писал: «Кдиж мы яко махину войны з Поляками зачинали не без воли и совета вашего, брати нашой, так и сеи не меншого дела, о протекции помененной московской, без вашего ж соизволения и порады чинити не хочем»².

¹ Летопись С. Величка, стр. 92.

² Письмо адресовано так: «Мосци пане атамане кошовый зо всим войском Низовым Запорожским, мне велце зичливые мосци панове и братя» (Летопись С. Величка, стр. 92—93).

3 января 1654 г. запорожцы прислали гетману свой ответ: «Замысл ваш, — писали сечевики, — що удатися и бути зо всим народом Малороссийским, по обох сторонах Днепра будучим, под протекцию великодержавнейшего и пресветлейшего монархи всероссийского, за слушний быти признаваем, и даемо нашу войсковую вам пораду, абысте того дела не оставляли и оное кончили, як ку найлутшой ползе отчизне нашой Малороссийской и всего войска Запорожского». При этом запорожцы советовали остерегаться, чтобы делу воссоединения двух братских народов не помешала чем-либо панская Польша: «аби поляки, проведавши, не учинили в том своими хитростями яковой перепони»¹.

Воссоединение Украины с Россией явилось выдающимся историческим событием в жизни украинского и русского народов. Воссоединившись с великим русским народом, украинский народ сохранил себя как нацию. Россия середины XVII века была одним из могущественных централизованных государств мира, которое могло обеспечить условия для нормального хозяйственного и культурного прогресса. Поэтому после воссоединения с Россией производительные силы Украины получили больший простор для своего развития.

Основным производительным классом украинского общества было угнетенное и закрепощенное крестьянство, боровшееся в ходе освободительной войны за полное уничтожение феодального строя. Русское правительство, правительство бояр и помещиков, не могло, разумеется, освободить украинское крестьянство от крепостничества. Тем не менее в крестьянском вопросе на Украине оно в первые десятилетия после освободительной войны проявляло известную гибкость. Казацкий реестр был увеличен до 60 тысяч человек. Но, не взирая даже на количественное ограничение реестра, в течение нескольких десятилетий реального разграничения между крестьянами и казаками по существу произведено не было. Царское правительство, хотя и выдавало отдельным старшинам жалованные грамоты на право владения землями и крестьянами, однако, на первых порах, учитывая напряженное положение на Украине, не предпринимало решительных мер для обеспечения этих прав. В результате всего этого положение украинского крестьянства было несколько облегчено, феодальная зависимость части крестьян ослабела. Улучшилось положение городского населения. С городов были сняты те оковы, которые стесняли их развитие, тормозили рост ремесла и торговли.

Изменилось положение и запорожского казачества. За запорожским войском были признаны те же права, что и за другими казачьими войсками в Русском государстве: право на сохранение традиционных форм самоуправления и право (хотя и неофици-

¹ Летопись С. Величка, стр. 93—94.

альное) приема беглых. Позднее правительство стало посылать на Запорожье жалование (в виде денег, оружия, пороха, хлеба) и т. д. Границы запорожских «вольностей» продвинулись значительно к северу: пограничными межами стали считаться реки Самара и Орель (левые притоки Днепра). После воссоединения Украины с Россией Запорожье, ставшее в хозяйственном отношении неотъемлемой частью всероссийского рынка, сделало, как увидим ниже, заметные шаги в своем экономическом развитии.

ГЛАВА XI

ЗАПОРОЖСКОЕ КАЗАЧЕСТВО ПОСЛЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОЙНЫ 1648—1654 гг.

Освободительная война 1648—1654 гг. нанесла сильный удар по феодально-крепостническому строю на Украине. Магнатское землевладение в восточной части страны на время исчезло. Значительная часть средней и мелкой шляхты была уничтожена или выброшена волной народного восстания за пределы Восточной Украины и потеряла свои земли. То же произошло с католическим духовенством и его владениями. Громадная часть крестьян и мещан считала себя казаками и отказывалась отправлять феодальные повинности.

Однако феодально-крепостнический строй отнюдь не был разрушен. Крестьян и мещан, населявших имения казацкой старшины и украинской шляхты, которая, как правило, занимала старшинские должности на Гетманщине, владельцы принуждали отбывать повинности и вносить сборы в их пользу. Та же картина наблюдалась в селах и местечках, принадлежавших православной церкви — монастырям и епископским кафедрам. Вместе с тем не может быть сомнения в том, что объем феодальных повинностей не только во время освободительной войны, но и долгое время после нее был значительно меньшим, чем в период господства панской Польши. Иначе не могло и быть, так как война внесла заметные изменения в социальную структуру украинского общества. Фактически перестала существовать, например, сословная замкнутость реестрового казачества. Во время войны в казацкое войско вступило множество крестьян и мещан, а официальные нормы реестра в 40 и затем 20 тысяч, установленные Зборовским и Белоцерковским договорами, никогда, по существу, не проводились в жизнь. Долгое время не составлялся реестр и в 60 тысяч, установленный после Переяславской рады царским правительством. Во время войны с Польшей, возобновившейся после Переяславской рады, в казацкое войско

вступали крестьяне и мещане независимо от существовавшей на бумаге шестидесятилетней квоты.

К середине XVII в. на Украине далеко еще не созрели условия, необходимые для уничтожения феодально-крепостнического строя. Казацкая старшина вместе с украинским шляхетством и высшим православным духовенством превратилась в результате освободительной войны в господствующий класс на Украине. Заняв место изгнанных польских панов, старшина стремилась восстановить феодально-крепостнические порядки в стране — захватить земельные владения и привлечь показавшееся население к отправлению феодальных повинностей, или, в отдельных случаях, закрепить за собой имения, которыми она раньше владела, со всеми вытекающими из права феодальной собственности привилегиями. Понятно, что, стремясь восстановить феодально-крепостнические отношения, старшина и украинское шляхетство должны были видеть в лице царского правительства своего естественного классового союзника и опору. Тотчас же по воссоединении Украины с Россией отдельные представители старшины, сначала только высшей, стали обращаться к царю с просьбами о пожаловании имений и крестьян. Царское правительство охотно шло навстречу украинским феодалам и щедро оделяло их грамотами на «вечное и потомственное владение» селами и городами.

Весной 1654 г. царь отдал Богдану Хмельницкому «на булаву» Чигиринское староство, а затем «в вечность ему и потомкам его» г. Гадяч. Одновременно были подтверждены права Богдана Хмельницкого на м. м. Медведевку и Жаботин с слободой Каменкой, а также на с. Борки со слоб. Новоселки (около Суботова)¹. Тогда же войсковой судья С. Богданович-Зарудный и переславский полковник Тетеря ходатайствовали о пожаловании им сел и местечек: Зарудный просил м. Старый Млиев «с подданными, в нем будучими, и со всеми землями, издавна до Млиева належачими», а Тетеря — м. Смелую. Иван Золотаренко, назначенный в 1654 г. наказным гетманом казацкого войска, направленного вместе с царскими ратными людьми под Смоленск, просил пожаловать ему «место Батуриин со всеми волостями, до того места належачими». Его брат, нежинский полковник Василий Золотаренко, претендовал на м. Новые Млины с окрестностями. В следующем году Иван Золотаренко предъявил «права» на м. Борзну, а брат его — на м. Мену. Царское правительство удовлетворило эти просьбы. Но аппетит, как говорится, приходит во время еды. В том же году Иван Золотаренко просил уже отдать ему г. Глухов. Тогда же стародубский полковник Тимофей Оникиенко, родственник Золотаренко, выпросил себе м. Сосяницу. В последующие годы старшина стремилась прибрать к рукам посредством царских грамот все новые и новые владения.

¹ Акты ЮЗР, т. X, док. 8, стр. 462—465, 499—541.

В 1656 г. киевский полковник Антон Жданович подал челобитье на м.м. Обоховку, Германовку, Любеч и с. Королевку.

Но едва-ли не наибольшую алчность в смысле захвата и официального закрепления за собой имений проявили войсковой писарь Иван Выговский и его многочисленные родственники. Они буквально засыпали царскую канцелярию своими челобитьями. В ответ на это царь пожаловал Ив. Выговскому г. Остер с селами, м. м. Козелец, Бобровицу, Триполье и Стайки, а также с. с. Лесовичи, Кошеватое и г. Ромны с селами. Брату его, Даниле Выговскому, кроме Остра, которым он должен был владеть вместе с Иваном, были даны м. м. Барышевка, Воронков, Басань, Белгородка и Рожево с селами. Второй брат Ив. Выговского, Константин, получил Козары и Кобыжчу. Отец Выговских, Евстафий, и шурин войскового писаря, Иван Боголевский, выхлопотали себе царские грамоты, подтверждавшие их права на имения, которыми они владели раньше, и т. д.

Как видим, казацкая старшина неудержимо стремилась занять место тех панов, которых с таким огромным напряжением, принеся бесчисленные кровавые жертвы, украинский народ изгнал во время освободительной войны.

На всякую попытку украинской шляхты и казацкой старшины восстановить феодально-крепостнические отношения народные массы отвечали бурным протестом. Вот почему известное время после воссоединения Украины с Россией, когда украинские феодалы еще не успели упрочить своих позиций, их официальные права на землю и крестьян часто оставались фиктивными. Более того, старшины должны были нередко скрывать от населения полученные ими жалованные царские грамоты. Очень характерным для иллюстрации этого положения является случай с Выговским и Тетерей. В 1657 г., во время одного из своих приездов в Москву, Тетеря подал переданную через него челобитную Ив. Выговского. Последний просил царя дать ему и его брату Константину имения в Белоруссии, ранее принадлежавшие их родственникам. Эта новая просьба вызвала в Посольском Приказе немалое удивление. Тетере дали понять, что Выговский уже достаточно щедро одарен правительством. На это Тетеря дал знаменательный ответ: «Хотя, — заявил он, — царское величество его, писаря, и отца его, и братью и пожаловал, только де они тем ничем не владеют, опасаясь от войска Запорожского». Тетерю стали успокаивать, говоря, что на Украину по царским делам вскоре отправится кн. Трубецкой, который объявит там о царских пожалованиях и обеспечит, таким образом, старшине право владения имениями. Это, однако, не только не успокоило, но даже испугало Тетерю: он стал просить, чтобы царский посланец ничего не говорил на Украине о пожалованиях, «потому что про то и гетман Богдан Хмельницкий не ведал; а только де в войске про то сведают, что он, писарь, с товарищи упросил себе у царского величества такие великие маестности, и их де

всех тотчас побьют». Настаивая на том, чтобы Выговским были даны, взамен украинских, имения «в литовских краях», Тетеря многозначительно заметил, что в «войске запорожском владеть им ничем нельзя»¹. Насколько велик был страх у украинских феодалов перед народными массами, показывают следующие слова Тетери. Покончив с челобитьями Выговских, Тетеря стал просить возобновить выданную ему ранее царскую грамоту на м. Смелую, так как он, «опасаясь разорения», закопал ее в землю, где она и попортилась, и тут же подчеркнул, что о новой грамоте на Украине никто не должен знать².

Господствующий класс украинских феодалов ставил перед собой совершенно определенную задачу: восстановить, не взирая на сопротивление народных масс, феодально-крепостнический строй во всей его полноте. Эту задачу разные слои украинских феодалов пытались разрешить по разному. Реакционная группа крепостников — Выговский, Тетеря, Лесницкий и др. — полагала, что быстро сломить сопротивление народных масс, измученных многолетней борьбой, и полностью восстановить феодально-крепостнические отношения возможно лишь при помощи панской Польши. Последняя, к тому же, потеряв основную часть Украины, делала вид, что готова идти на уступки. За возвращение Украины польские паны обещали обеспечить старшине не только право на безраздельную эксплуатацию крестьянства, но также и на управление краем. Эту надежду, скажем наперед, вынашивал Выговский, идя на так называемую Гадяцкую унию.

Вторая группа, более многочисленная и, к тому же, более реалистически оценивавшая политическую обстановку, предпочитала идти другой дорогой. Она понимала, что, став на путь отрыва Украины от России, т. е. измены решениям Переяславской рады 1654 г., неизбежно утратит всякое влияние в народе и будет выброшена за борт. Эта группа считала, что восстановление крепостнических отношений должно происходить исподволь, с учетом антифеодальных настроений масс, при неизбежных компромиссах и временных отступлениях, подсказываемых конкретной политической обстановкой, и, разумеется, с помощью крепостнического царского правительства. Выразителями таких настроений, нам думается, были прежде всего Богдан Хмельницкий, а также такие старшины, как Сомко, Золотаренко и многие другие.

Конечно, этими двумя группами не исчерпывались настроения, царившие в старшинской среде. Дальнейшие политические события показали, что немало было таких элементов, которые пробовали обеспечить свои классовые интересы разнообразными политическими комбинациями. Одни из них занимали неустойчивое положение, колеблясь между первой и второй группами,

¹ Акты ЮЗР, т. XI, Добавление, док. 2, стр. 717—720, 764—765.

² Там же.

другие старались опереться на поддержку Крыма и Турции и т. д. Однако первые две группировки следует все же считать основными.

Царское правительство не могло не считаться с весьма сложной обстановкой, создавшейся на Украине в результате освободительной войны. В своей политике в данном вопросе оно должно было исходить из особенностей социального и политического строя России середины XVII века и стоявших перед ней внешнеполитических задач.

В России феодально-крепостнические отношения отличались по сравнению с Польшей меньшей зрелостью. Достаточно указать на то, что лишь Соборное Уложение 1649 г. окончательно оформило крепостническую зависимость крестьянства. В России существовал многочисленный слой черносошного крестьянства, не знавший над собой власти отдельных вотчинников и помещиков и ограничивавшийся выполнением ряда натуральных и денежных повинностей в пользу феодального государства. Положение черносошного крестьянства в экономическом и правовом отношении было в целом лучше положения владельческих и церковных крестьян. К этому времени в России уже давно не было частновладельческих городов, население которых, как это было в Польше и Литве, находилось в зависимости от крупных привилегированных землевладельцев и эксплуатировалось ими вне всяких общих государственных норм. Наконец, на юго-восточных окраинах России продолжали существовать казацкие области, где крепостного права или не было вовсе или оно было очень слабо развито (Дон, Яик, Терек и др.).

После освободительной войны и Переяславской рады царское правительство считало невозможным стать, как этого желала часть украинской шляхты и казацкой старшины, на путь немедленного и полного восстановления феодально-крепостнических отношений на Украине, в крае, где значительная часть крестьянства не только считала себя свободной от панского ярма, но и продолжала держать в руках оружие. Осторожность в этом вопросе подсказывалась также другими важными соображениями, прежде всего обострением социальных противоречий в самой России, проявившихся вскоре в бурных восстаниях крестьянства и горожан. Были и мотивы внешнеполитического характера. Западная часть Украины продолжала оставаться в руках Польши. Русское войско вместе с украинскими казаками вело освободительную борьбу за воссоединение всей Украины с Россией. Следовательно, политика немедленного и полного восстановления крепостничества на Украине неминуемо ослабила бы стремление населения западных областей Украины к воссоединению с Россией и осложнила бы обстановку. Сдержанность русских правящих кругов в вопросе о восстановлении феодально-крепостнических отношений на Украине сочеталась с политикой оказания помощи крестьянам и мещанам, переходившим на

территорию России. Эта политика, а также существование в пределах России, на Слобожанщине, украинских казацких полков должны были усилить борьбу народных масс Западной Украины за воссоединение с Россией и укрепить связи их с теми частями страны, которые уже вошли в состав Русского государства. Этой особенностью политики правительства на Украине объясняется то обстоятельство, что в Москве щедро оделяли жалованными грамотами на земельные пожалованья казацких старшин, однако вовсе не собирались водворять их в пожалованные имения силой оружия.

Таким же осмотрительным и сдержанным было царское правительство и в вопросе о 60-тысячном реестре. Опасаясь восстанавить против себя показавшееся крестьянство, не желавшее возвращаться под власть феодалов, оно не настаивало на немедленном проведении в жизнь постановления о реестре. Так, летом 1654 г. царское правительство распорядилось отправить реестровому войску денежное жалованье на 60 тысяч казаков. Часть жалованья была послана 18-тысячному казацкому отряду в Белоруссию, а остальная (из расчета сорока двух тысяч казаков) была доставлена дворянином Протасьевым на Украину, к Богдану Хмельницкому. Прибыв к гетману, Протасьев потребовал список на 42 тысячи казаков, которым он и должен был раздать жалованье. Однако гетман и старшины категорически отказались исполнить это требование, заявляя, что реестра до сих пор нет, и составить его невозможно. «Прирадили де гетман и старшина так, — докладывал Протасьев по возвращении в Москву, — что такой росписи ныне учинить на 60 000 никаким обычаем не уметь, потому: ныне де, государь, они, козаки, собрались против твоего государства неприятеля большим сбором, кто был и не козак, и тот тож козак, *а все де они ставатца в равенстве козаками*; а которые де были у них наперед сего козаки лестровые, как писаны были под Сборажем (после Зборовского договора. — В. Г.), и те де люди многие побиты и померли, а после де того войску запорожскому лестра не делали и не переписывали»¹. Казаки пошли в войско, — продолжал Протасьев, — «без списков», и «ныне де их есть в сборе со 100 000 и больше». Сокращать при таких условиях реестр до 60 тысяч было, по мнению Протасьева, немисливо, ибо «в войске будет рознь и смута большая»².

Реестр так и не был составлен при Богдане Хмельницком. Более того, и после него в течение продолжительного времени положение с реестром оставалось без изменений. Стольник Кикин, например, прибывший из Москвы на Украину после смерти Богдана Хмельницкого для присутствия на раде, на вопрос о

¹ Акты ЮЗР, т. X, док. 15, стр. 683—688; Там же, т. XIV, док. 1, стр. 50. Курсив наш. — В. Г.

² Там же.

численности реестра и казаков получил от последних следующий интересный ответ: «А нас де казаков в войску запорожском и ныне есть с триста тысяч!»¹ Русское крепостническое правительство вынуждено было считаться с реальными обстоятельствами и молчаливо признавать, до поры до времени конечно, массовое показаченье украинского крестьянства и мещанства.

Богдан Хмельницкий, напомним, принадлежал к тем кругам старшины, которые отрицательно относились к политике немедленного и полного восстановления феодально-крепостнических отношений. Эту линию Хмельницкий и его сторонники проводили с достаточной энергией, ограничивая и подавляя не в меру развивавшиеся крепостнические аппетиты таких элементов, как Выговский и Тетеря, и поддерживая, таким образом, связь с крестьянством, основной и решающей силой освободительного движения на Украине.

Положение, однако, заметно изменилось в последующие годы. 26 июля 1657 г. умер Богдан Хмельницкий. Его сын Юрий, избранный старшинской радой гетманом еще при жизни отца, был вскоре (в августе 1657 г.) отрешен от должности. Гетманскую булаву захватил Иван Выговский, давно уже связанный с правящими кругами панской Польши и тайно вынашивавший преступные замыслы измены своему народу. С приходом к власти Выговского восторжествовала та группа старшины, которая стремилась любыми средствами, вплоть до насильственного разрыва братских уз, соединявших Украину с Россией, немедленно восстановить феодально-крепостническую кабалу.

Едва ли не первым шагом Выговского после вступления в должность гетмана было его обращение к правительству с просьбой о присылке на Украину царских уполномоченных, которые должны были немедленно приступить к составлению шестидесятитысячного реестра². Цель, которую преследовал Выговский, его посланец, миргородский полковник Лесницкий, определил достаточно отчетливо. В реестр, заявил он, впишут только «прямых де старых служилых козаков», т. е. богатую и зажиточную часть казачества, а «все гультяи и не прямые козаки», т. е. все остальные крестьяне и мещане, бедные, по преимуществу, будут объявлены вне реестра и, таким образом, обречены на закрепощение. Понимая, что эта мера вызовет в массе казачества негодование, Выговский просил царя вместе с уполномоченными прислать на Украину полки служилых людей, «чтоб войску (казацкому. — В. Г.) было страшно и бунтов бы никто всчинять не дерзал и не смел»³.

Откровенно крепостническая политика Выговского и окружавшей его старшины, сопровождавшаяся резким увеличением

¹ Акты ЮЗР, т. XI, Добавление, док. 3, VI, стр. 806.

² Там же, т. VIII, док. 16, стр. 108—109.

³ Там же.

разнообразных натуральных и денежных поборов с населения, вызвала протест со стороны широких народных масс. С наибольшей силой недовольство проявилось на Левобережье, особенно в Полтавском и Миргородском полках, и на Запорожье. Во главе недовольных стал полтавский полковник Мартын Пушкарь.

Запорожская Сечь продолжала оставаться очагом антифеодального протеста. Сюда попрежнему бежали, особенно во время перерывов в военных действиях, самые обездоленные элементы — крестьяне и мещане, разоренные панами и бедствиями военного времени, — все, кто искал спасения от крепостничества и надеялся заработать себе на пропитание в низовьях Днепра. Запорожские казаки бдительно следили за действиями старшины на Гетманщине и внимательно прислушивались к голосу народных масс, готовые подняться против новых угнетателей. Однако немедленное выступление запорожцев в помощь крестьянству Левобережья тормозилось сложностью обстановки на самом Запорожье. Тут, как и раньше, шла ожесточенная борьба между богачами и беднотой. Социальные противоречия в среде запорожского казачества нашли свое отчетливое отражение в письме кошевого атамана Якова Барабаша к Выговскому от 14 ноября 1657 г. Барабаш писал, что виновниками «бунтов» на Запорожье являются главным образом серомахи — те, «в которых нет ни самопала, ни борошна (муки) и одежи не спрашивай». Это были, по словам Барабаша, беглецы с Левобережья — «с повету Миргородского». Что же касается богатого казачества, то оно не имело намерения поддерживать бедноту: «а мы сверстные казаки зимочаки (владельцы зимовников. — В. Г.), — писал кошевой, — которые имеем жен и детей и маетности в городах, не помышляем на всякую своеволю»¹. Однако под влиянием развернувшегося движения запорожских низов богатое казачество, в том числе и Барабаш, присоединилось к восстанию.

Выговский, не без оснований опасавшийся запорожцев, стремился заместить влиятельные посты в Сечи своими ставленниками и отстранить запорожское казачество от всякого влияния на политическую жизнь Украины. Так, например, собирая в августе 1657 г. в Чигирине раду, чтобы официальным избранием в гетманы закрепить за собой власть, он не пригласил на нее представителей Запорожской Сечи. Подобным образом он поступил и 11 октября того же года, когда собрал раду в Корсуне. Кроме того, Выговский стремился всячески оклеветать народные массы Украины и запорожцев перед правительством, посеять в русских правящих кругах сомнение в верности украинского народа России и спровоцировать карательную экспедицию царских войск на Украину. 26 октября 1657 г. он убеждал царского воеводу кн. Ромодановского, намеревавшегося вывести свой отряд из

¹ Акты ЮЗР, т. IV, док. 41, стр. 59—60.

Переяслава в Белгород, оставить его на Украине. Выговский объяснял свою просьбу тем, что сам он пойдет на Запорожье умирять восстание («мятеж») и поэтому, если Ромодановский уйдет в Белгород, Украина останется беззащитной от нападений поляков и татар. Стремясь толкнуть царского воеводу на кровавую расправу с народом, Выговский через два дня, 28 октября, уверял его, что «своевольники», поднявшие «мятежи, шатости и бунты», подвергнут разгрому украинские города и передадутся хану. Более того, уже теперь, клеветал Выговский, «своевольники» изменяют России («Да и черкасы своевольники скудные, которые у себя пожитков не имеют, великому государю изменяют»), и едва Ромодановский покинет Украину, как все правобережные полки перейдут к врагам — одни к польскому королю, другие — к крымскому хану¹.

Одновременно Выговский пытался прервать всякую связь Запорожья с остальной Украиной. Он велел задерживать и арестовывать приезжающих запорожцев, не пропускать в низовья Днепра съестных припасов и вообще торговых людей и следить за тем, чтобы никто не мог выехать из Запорожья в Москву с жалобой на него. Он поставил сильные заставы (Нежинский и Прилуцкий полки) на главных путях, которые вели на Запорожье — под Кременчугом, Максимовкой, Переволочной, Кобеляками и т. д. Не надеясь на казаков, Выговский отправил на заставы польскую наемную хоругвь. Появляющихся на Гетманщине запорожцев хватали и бросали в тюрьмы.

Чтобы самому остаться в стороне или, другими словами, получить возможность направить ненависть народа, вызванную растущим феодально-крепостническим гнетом, в сторону русских властей, Русского государства, Выговский, как сказано выше, пробовал подавить недовольство народных масс при помощи царских войск. Однако правительство не считало возможным выступить в защиту откровенно крепостнической политики Выговского. Между тем народное движение на Украине расширялось. К весне 1658 г. восстание охватило все южное Левобережье. Центром его стала Полтава. Не получив поддержки от царя, Выговский заключил соглашение с крымским ханом. Последний направил Выговскому на помощь крупный татарский отряд под начальством перекопского мурзы Карач-бея. В первой половине мая 1658 г. Выговский с частью казаков Переяславского, Черкасского, Киевского и Уманского полков, с двумя полками немецкой наемной пехоты и с татарами двинулся на Полтаву. Незадолго до этого в Полтаву на соединение с повстанцами прибыли запорожцы с кошевым Барабашем.

Казаки Выговского сочувствовали повстанцам и не желали сражаться с ними. Сам Выговский в беседе с царским представителем Скуратовым признал, что если бы казаков не удер-

¹ Акты ЮЗР, т. IV, стр. 50.

живали силой, все они перешли бы на сторону восставших. Под влиянием недовольства казаков, которых Выговский насильно гнал под Полтаву, в экспедиции отказалась участвовать и часть старшины. Белоцерковский полковник, например, самовольно уехал из войска, а курсунский Оникиенко вовсе не явился со своим полком. Выговский жестоко расправился с ними. Оникиенко и несколько других старшин были по его приказу расстреляны.

17 мая 1658 г. Выговский подошел к Полтаве и остановился на Полуозере, в 10 км от города. На другой день начался бой с передовыми силами повстанцев. Бой окончился неудачно для повстанцев, и они должны были отступить к Полтаве. Решающее сражение произошло 1 июня. Оставив татар у Полуозера и немцев у Сокольего Байрака, Выговский с остальным войском двинулся под Полтаву и расположился между Жукками и Рыбцами. Полтавский полковник Пушкарь не решался выступить из города ввиду превосходящих сил врага. Но «чернь», по словам Скуратова, т. е. основная масса повстанцев, требовала наступательных действий. Тогда рано утром 1 июня Пушкарь вывел войско из города и ударил на врага. Войско Выговского было опрокинуто и выбито из своего лагеря. Однако через некоторое время противник оправился и вернул лагерь. В этот момент на поле битвы появились запорожцы с Барабашем. Соединенными усилиями повстанцы сломили сопротивление войска Выговского и снова заняли его лагерь. Выговский, по словам Величко, вскочил на коня и помчался к Полуозеру. Сняв оттуда орду Карач-бея и немецкую пехоту из Сокольего Байрака, он бросил их на повстанцев. На этот раз повстанцы, плохо вооруженные и утомленные боем, потерпели поражение. Пушкарь был убит. Запорожцы отступили от города и затем ушли в Сечь. Выговский занял Полтаву и беспощадно расправился с населением. Немало жителей было зверски убито, город зажжен и частично уничтожен. Три дня свирепствовал Выговский в Полтаве, мучая и умерщвляя повстанцев, их жен и детей. Отправляя своих союзников, он заплатил им за кровавую услугу людьми: татарам было разрешено уводить население Полтавского полка в неволю. Затем Выговский начал расправу с населением Левобережья, принимавшим участие в восстании. Его отряды грабили и убивали жителей. Спасаясь от карателей, крестьяне и мещане уходили на русские земли, оседая главным образом в Слободской Украине. Тщетно Выговский требовал от русских пограничных воевод не принимать беглецов. Русские власти предоставляли переселенцам убежище.

После подавления восстания Выговский поспешил перейти на сторону панской Польши, чтобы при ее помощи подавить всякую попытку украинского народа к сопротивлению. 6 сентября 1658 г. он заключил с польскими представителями в г. Гадяч договор, известный под названием Гадячской унии. По Гадяч-

скому договору Выговский отдавал Украину под власть панской Польши, при этом одним из главных пунктов унии было уменьшение реестра до 30 000, т. е. массовое обращение показавшегося населения в крепостных крестьян. Измена Выговского стала теперь явной.

Ответом на предательство Выговского было восстание народных масс на территории всей Восточной Украины. Ввиду того, что Польша, как выяснилось, не могла оказать ему серьезной поддержки, Выговский попытался снова призвать татар на Украину. Но этому помешали запорожцы. Во главе со своим новым кошевым Сирко они предприняли смелый поход в Крым и парализовали действия хана. Вслед за тем запорожцы двинулись на волости и возобновили военные действия против Выговского и его сторонников. Выступление запорожцев сыграло видную роль в развертывании народного движения. В этих условиях часть старшины выдвинула в гетманы Юрия Хмельницкого. Опираясь на поддержку народных масс, стремившихся закрепить связи Украины с Россией, Юрий Хмельницкий во главе большого казацкого войска выступил против Выговского. 11 сентября 1659 г. войска борющихся сторон встретились под Белой Церковью. Казаки, удерживаемые до сих пор в войске Выговского обещаниями и угрозами, стали теперь открыто переходить на сторону Юрия Хмельницкого. Оставшись с кучкой изменников, Выговский бежал в Польшу. Гетманом был снова провозглашен Юрий Хмельницкий.

В это время Ян Казимир, заключивший в Оливе мир со Швецией и тем развязавший себе руки в войне с Россией, двинул на Украину огромное войско. Незадолго до этого крымский хан вновь стал союзником Польши. Стремясь удержать низовых казаков от выступления против Польши, хан приказал Карачбею вторгнуться на Запорожье. Но татарам не удалось осуществить свой план. В Москве и на Украине отлично понимали военное значение Запорожья. Царское правительство приказало донским казакам установить связь с Сечью (к этому времени кошевым атаманом стал Иван Брюховецкий) и с Юрием Хмельницким и оказать запорожцам помощь. Ю. Хмельницкий, со своей стороны, направил на помощь запорожцам Черкасский и Каневский полки. Из Нежина полковник Василий Золотаренко послал в Сечь две пушки и бочку пороха¹. Получив помощь, запорожцы двинулись на Крым и турецкие владения. Весной 1660 г. один запорожский отряд под начальством Ив. Сирко напал на Очаков, сжег пригород и захватил много пленных. Другой отряд совершил нападение на Ислам-Керман и взял крепость.

Между тем военная и политическая обстановка на Украине складывалась очень неблагоприятно. В августе 1660 г. воевода

¹ Д. Эварницкий, История запорожских казаков, т. II, стр. 309—310.

Бор. Вас. Шереметев двинулся с войском из Киева на Вольнь. Южнее его шел с правобережными полками Юрий Хмельницкий. Польское войско, получившее помощь от татар, воспользовалось разделением сил противника и окружило Шереметева под Чудновым. Одновременно под Слободищами в окружение попало и войско Юрия Хмельницкого. Безвольный и ничтожный человек, являвшийся игрушкой в руках окружавших его старшин, Юрий Хмельницкий предал отечество. Он заключил с врагом соглашение о возвращении Украины под власть панской Польши. Измена Юрия Хмельницкого поставила Шереметева в безвыходное положение и принудила капитулировать¹.

Вслед за этим ханское войско направилось в Крым, разграбив и опустошив предварительно значительную часть Украины и захватив громадный полон. В это время из Запорожья на помощь русскому войску и Ю. Хмельницкому шел восьмитысячный отряд казаков с кошевым атаманом Суховеем. Запорожцы еще не знали о событиях на Украине. Встретив неожиданно орду, они ударили на нее, разбили и освободили невольников. Узнав об измене Юр. Хмельницкого, казаки повернули назад, на Запорожье. Другой отряд запорожцев во главе с Ив. Сирко напал на Крым, причинив значительный урон ханским владениям².

Предательство Ю. Хмельницкого вызвало огромное возмущение среди народных масс Украины, новую волну движения за укрепление связей с Россией. Классовая борьба крестьянства и казачества против феодалов еще более обострилась. Если на Правобережье оккупантам и изменникам удалось на время придушить народное движение, то на Левобережье восстания против крепостнической политики старшины не прекращались. В борьбе народных масс Украины против усиливавшегося феодального гнета Запорожье продолжало играть видную роль. Запорожское казачество последовательно боролось также за укрепление связей с Россией, выступая против разного рода политических авантюр отдельных старшинских группировок.

После измены Ю. Хмельницкого на раде в Козельце наказным гетманом был избран переяславский полковник Яким Сомко. Среди старшины, оставшейся верной России, началась борьба за гетманскую булаву. Кроме Сомко, появилось еще два претендента — нежинский полковник Василий Золотаренко и кошевой атаман Запорожской Сечи, ранее служивший при Богдане Хмельницком, а затем при Юрие Хмельницком, Иван Брюховецкий. Брюховецкий был выдвинут кучкой старшин, стремившейся любыми средствами захватить высшую власть на Украине. Вдохновляемая крепостническими интересами, эта кучка рассчитывала достигнуть своих целей путем грубого обмана широких народных масс.

¹ Отданный татарам в виде платы за помощь Шереметев провел в крымской неволе 20 лет.

² Д. Эварницкий, История запорожских казаков, т. II, стр. 310—311.

Беспринципный карьерист и честолюбец Брюховецкий при- творно объявил себя защитником интересов народа и с этих позиций обличал своих соперников Якима Сомко и Василия Золотаренко. Чтобы поднять свой авторитет, он добился невиданного ранее титула «кошевого гетмана». В 1662 году с частью запорожцев Брюховецкий появился на Левобережье и, расположившись в Гадяче, стал готовить почву для получения гетманской булавы. Называя Сомко и Золотаренко изменниками, Брюховецкий внушал массам мысль, что именно он является подлинным их защитником.

Царское правительство не спешило давать разрешение на созыв казацкой рады. Оно изучало политическую обстановку на Гетманщине и на Запорожье. Последняя действительно была очень сложной. Польское правительство отстранило Юрия Хмельницкого и объявило гетманом Павла Тетерю. Непризнаваемый населением Правобережья и удерживавшийся лишь благодаря поддержке польских оккупантов, Тетеря пытался воспользоваться политической ситуацией, создавшейся на Украине. С одной стороны, он искал себе союзников среди левобережной старшины, с другой — пытался расположить к себе Запорожье. В ответ на происки Тетери запорожцы послали ему весьма выразительное письмо. Обвиняя Тетерю в отступничестве, кошевой атаман Иван Иваненко-Величко от имени всего запорожского казачества рекомендовал ему немедленно перейти на сторону России, в противном случае «мы, — писали запорожцы, — покажем тебе иную нашу войсковую приязнь, такую именно, какою мы недавно отозвались в нашем письме до твоего необузданного шурина, Юрася Хмельницкого»¹.

Если на Левобережье царское правительство могло изучать обстановку и в известной мере влиять на ход событий через своих воевод, то на Запорожье правительственных гарнизонов не было. Поэтому весной 1663 г. туда был направлен отряд служилых людей в 500 чел. под начальством Гр. Косагова². Официально задача гарнизона заключалась в том, чтобы вместе с запорожцами и донскими казаками оберегать край от нападения крымских татар. Однако у правительства была еще и другая цель. Посылая Косагова на Запорожье, оно надеялось получать через него точную информацию о происходящих там событиях и воздействовать на запорожцев в нужном ему направлении³.

¹ Письмо запорожцев от 15 ноября 1662 г. (*Д. Зварницкий*, История запорожских козаков, т. II, стр. 321—322).

² Акты ЮЗР, т. V, стр. 135.

³ Я. Сомко со своей стороны советовал правительству направить на Запорожье 10 000 ратных людей. Таким способом, по его словам, сразу можно было бы достигнуть двух целей «хана крымского в Крыму удержать» и «Запорожье будет крепко». Акты ЮЗР, т. V, стр. 94. Подавая этот совет, Сомко хотел, по всей видимости, вызвать недовольство запорожцев и скомпрометировать их, а вместе с тем и своего соперника Брюховецкого в глазах правительства.

Лишь летом 1663 г. царское правительство разрешило приступить к выборам гетмана. На 17 июня того же года в Нежине была назначена рада. Сомко всячески стремился помешать приходу на раду запорожцев с Брюховецким. Пытаясь вызвать на Запорожье голод, он не пропускал в низовья Днепра обозов с продовольствием. Однако это ему не помогло. Народные массы Левобережья ненавидели старшину и ждали прихода запорожцев. К назначенному времени в Нежин прибыли представитель царского правительства кн. Великогагин со свитой и крупным отрядом войска (около 8 тыс. чел.), Брюховецкий с запорожцами, Сомко и Золотаренко с отрядами городских казаков. Громадное пространство было занято ратными людьми, казаками, мещанами и прибывшими из окрестностей поселянами. В отличие от обычных рад, где решающий голос принадлежал старшине и где, как правило, присутствовали лишь представители отдельных казачьих полков, нежинская рада стала называться черной, или чернецкой.

Огромное большинство этой так называемой Черной рады составляли запорожцы и казачество левобережных полков, т. е. те, кто выражал настроения широких слоев народа. Беззастенчиво пуская в ход разные посулы вплоть до обещания освободить крестьян от феодальной зависимости, Брюховецкий добился своего: рада провозгласила его гетманом. Выдавая себя за врага панов, Брюховецкий с наружным спокойствием наблюдал за тем, как в течение трех дней народ избивал старшину и «значных козаков». Более того, сам Брюховецкий сместил целый ряд старшин — сторонников Сомко и Золотаренко, конфисковал их имущество, а многих даже казнил. Были казнены Сомко и Золотаренко.

Однако скоро события показали, что в лице Брюховецкого к власти пришел беспринципный карьерист, притворявшийся другом народа лишь для того, чтобы захватить гетманскую булаву, необходимую ему для личной наживы и проведения жестокой крепостнической политики в интересах казачьих верхов и украинского шляхетства. Изгоняя сторонников Сомко и Золотаренко, Брюховецкий раздавал должности, земельные владения, деньги и всякие привилегии своим единомышленникам. Старшинские должности оказались занятыми такими же крепостниками, как и их предшественники.

Все это происходило в условиях продолжавшейся войны России с Польшей. Король Ян Казимир намеревался пройти огнем и мечом через все Левобережье, от Киева до Глухова и Новгород-Северска, соединиться там с литовскими войсками и затем двинуться на Москву. Зимой 1663—1664 г. большое польское войско во главе с королем вторглось на Левобережье. С польскими панами шел и их прислужник Павел Тетеря. Минуя крупные города, как, например, Киев и Нежин, где стояли сильные гарнизоны из русских войск и городских казаков, оккупанты

осаждали небольшие города и местечки. Грабя и убивая жителей и сжигая поселения, они дошли до Глухова. Украинский народ оказывал упорное сопротивление врагу. В январе 1664 г. под Глуховом русские войска и казацкие левобережные полки нанесли захватчикам сильный удар. В феврале последовал второй удар под Новгород-Северском. Планы Яна Казимира подчинить Левобережную Украину потерпели крах. Польское войско поспешило покинуть Левобережье. Еще в начале похода на помощь Яну Казимиру направились его союзники татары. Однако в это время на Крым напали запорожцы во главе с Сирко, и татары повернули назад¹.

Поражение польского войска на Левобережье вызвало новый подъем освободительного движения на Правобережной Украине. В течение 1664—1665 гг. восстание народных масс охватило всю восточную часть Правобережья. На помощь восставшим пришли запорожские казаки во главе с Иваном Сирко. Польские оккупанты на некоторое время были вытеснены с Правобережья. Гетман Тетеря отказался от булавы и бежал в Польшу (1665 г.).

Крымский хан решил воспользоваться созданным на Правобережье положением, чтобы подчинить себе Украину, и объявил гетманом казацкого сотника Опару. Впрочем, Опара не оправдал надежд хана и вскоре сошел с политической арены. Правобережная старшина провозгласила гетманом Петра Дорошенко (1665—1676 гг.)². Став гетманом, Дорошенко поставил перед собой неразрешимую по существу задачу объединения Украины путем использования противоречий между Россией, Польшей и Турцией. Он выступил как сторонник крымской ориентации, а затем (в 1666 г.) принял протекцию султанской Турции. Однако ненависть народа к турецким и татарским захватчикам, преследовавшим цели ограбления и закабаления Украины, и тяготение народных масс Правобережья к России привели к полному провалу планов Дорошенко и его сторонников. Стремления же Дорошенко достигнуть соглашения с Россией относительно принятия правобережных полков и признания его гетманом наталкивались на противодействие сначала со стороны левобережного гетмана Ивана Брюховецкого, видевшего в нем своего соперника, а позднее Демьяна Многогрешного и Ивана Самойловича.

К этому времени Брюховецкий стал на путь открытой крепостнической политики. В 1665 г. он отправился в Москву и подал царю пространную челобитную. Прежде всего Брюховецкий просил о посылке на Украину войска и размещении его в виде гарнизонов в важнейших пунктах: в Киеве (4 тыс. чел.), Чернигове, Переяславе, Нежине, Новгород-Северске, Остре,

¹ Акты ЮЗР, т. V, стр. 138.

² Чигиринский полковник Петр Дорошенко был внуком реестрового гетмана Михаила Дорошенко.

Полтаве, Кременчуге, Каневе, Гадяче (для охраны гетманской резиденции), а также в Кодяке (300 чел.)¹. Опасаясь, что для «обуздания» запорожского казачества 300 человек будет недостаточно, Брюховецкий тут же предлагал царю послать на Запорожье еще 1000 служилых людей. «А из Полтавы, — писал он, — изволил бы великий государь посылать в Запороги своих великого государя ратных людей до 1 000 человек»². Это войско, по мысли Брюховецкого, должно было подчиняться особому воеводе, обязанному постоянно жить на Запорожье. Содержание гарнизонов возлагалось на местное население. Лично для себя и для старшины Брюховецкий просил жалованных грамот на села и местечки. Так, за собой он хотел закрепить владение Шептаковской сотней (под Новгород-Северском) с селами, угодьями и живущими там крестьянами. Правительство удовлетворило челобитную Брюховецкого. Гетман получил звание боярина, полковники — дворянство. Всем им были выданы грамоты на земельные пожалования.

Брюховецкий и самостоятельно, помимо правительства, раздавал села и местечки казацким старшинам, украинским шляхтичам и монастырям, закрепляя эти «пожалования» гетманскими универсалами³. Некоторые из старшин, как, например, генеральный судья П. Забела, киевский полковник В. Дворецкий, нежинский М. Гвинтовка, лубенский Г. Гамалия, не удовлетворяясь уже полученными именными, спешили получить новые и непосредственно, через голову гетмана, обращались с просьбами к царю.

В это время, как бы в ответ на предложение Брюховецкого, царское правительство отправило свое войско на Гетманщину, разместив его тут в виде гарнизонов. Сборщики податей, назначенные русскими властями, произвели перепись населения и приступили к сбору налогов в царскую казну. Одновременно были предприняты меры к подчинению украинской церкви московскому патриарху и др. Всем этим царизм создавал прочные условия для проведения своей политики расширения и укрепления власти великорусских феодалов на Украине.

Закрепощение трудового населения на Левобережье сопровождалось увеличением разного рода повинностей и поборов — поволощины, откупов с мельниц и сукновален, аренд с шинков, мытных сборов и т. д. К этому прибавлялись тяготы, связанные с содержанием царских гарнизонов. От нужды и притеснений со стороны старшины и царских воевод крестьяне, казаки и мещане бежали попрежнему на Запорожье, где быстро росло

¹ Акты ЮЗР, т. VI, стр. 18.

² Там же, стр. 18—19.

³ Нежинскому Рождественскому монастырю, например, было отдано м. Салтыкова Девица, Петропавловскому монастырю — сс. Холоповка, Баннич и т. д. (См. *Н. Василенко*, Генеральное следствие о маестностях, ч. I, стр. 100, 372—373, ч. III, стр. 47—48).

недовольство против гетманских и царских властей. Гр. Косагов сообщал Брюховецкому: «А из заднепровских де городов (Левобережная Украина. — В. Г.) для великих бунтов и рушения из черкас и из иных будет на весне козаков много Днепром, и о том бы он, боярин и гетман, розмыслился»¹.

Одновременно росло недовольство также против царских войск, стоявших на Запорожье. Это привело к тому, что воевода Гр. Косагов вынужден был уйти оттуда². Возбуждая царское правительство против запорожцев, Брюховецкий писал: «боюсь, чтоб между ними не было какого-нибудь смятения, потому что в Запорогах живут козаки большею частью с западной стороны, которые перемогают желательных вашему государскому престолу»³. Брюховецкий в данном случае намекал на то, что запорожцы готовы перейти на сторону Дорошенко, и тут же добавлял, что отряд запорожских казаков в 200 человек появился в г. Баляках, на Полтавщине, «чтоб схватить меня»⁴.

О нараставшем возмущении масс против Брюховецкого писал 16 мая 1666 г. дьяк Евстрат Фролов, прибывший на Украину для изучения создавшегося тут положения: «А казаки де на месте говорят: пойдем де в Запороги, не одни де мы Переяславцы, и из иных местечек соберемся в Запорогах и пойдем на гетмана»⁵. Ему вторил Иона Леонтьев. По его словам, жители городов, «покинув дома, а иные жены и дети, уходили в Запороги» и вносили туда «смятение» и «шатость»⁶.

В июле 1666 г. на Левобережье началось восстание. Сигналом к восстанию послужило убийство казаками Переяславского полка, стоявшего в слоб. Богушевке, полковника Ермоленко. Восстание стало быстро распространяться на другие районы. Оно было тем опаснее для господствующего класса Украины и России, что в это же время вспыхнуло восстание казацкой гольтыбы на Дону под предводительством Василия Уса. Поэтому и Брюховецкий и царское правительство спешно послали на подавление восстания карательное войско. Совместными усилиями казацкой старшины и правительственных воевод восстание в Переяславском полку было подавлено. Многие повстанцы спасались от преследований бегством на Запорожье и на Дон.

Между тем внешнеполитическая обстановка изменилась. В январе 1667 г. истощенные войной Россия и Польша заключили в деревне Андрусово на 13½ лет перемирие. По договору Польша возвращала России Смоленскую и Северскую земли. Вместе с тем, стремясь развязать себе руки в борьбе со Швецией за Прибалтику, Россия вынуждена была пойти на тяжелые жертвы:

¹ ЦГАДА, Малороссийский приказ, док. 5872, л. 356.

- С. Соловьев, История России с древнейших времен, т. XI, изд. Общественная польза, стр. 159.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Акты ЮЗР, т. VI, стр. 102.

⁶ Там же, стр. 149.

Правобережная Украина, кроме Киева¹, отходила к Польше. Запорожье должно было находиться под властью обоих государств. Андрусовское перемирие вызвало сильное недовольство на Украине.

Крепостническая политика Брюховецкого и старшины, опиравшихся на правительственные гарнизоны, притеснения царских воевод и недовольство Андрусовским перемирием привели к восстанию народных масс Левобережья. Оно началось выступлением запорожцев, убивших в апреле 1667 г. ехавшего в Крым с грамотами к хану царского посланца стольника Лодыженского. На упреки Брюховецкого по этому поводу кошевой атаман Остап Васютенко в письме от 21 мая 1667 г. заявлял, что Лодыженский убит «толко оттого, что в городех великие обиды от них (царских воевод и казацких старшин. — В. Г.) люди терпят»². Вместе с тем запорожцы опасались и того, что царское правительство вступит также в длительные мирные отношения с союзником Польши — Крымом, что поставило бы Запорожье под двойной удар — со стороны польских панов и татарских феодалов.

Выступая против крепостнической политики казацкой старшины и поддерживавшего ее царского правительства, запорожские казаки отвергали вместе с тем неоднократные предложения Дорошенко о подчинении Украины Крыму и Турции. Они продолжали наносить татарам и туркам сильные удары. Осенью 1667 г., в то время как татарское войско направилось на помощь Дорошенко, возобновившему борьбу с Польшей, на Перекоп двинулось запорожское войско. Сильная перекопская крепость, являвшаяся ключом к полуострову, была взята. Разделившись на два отряда, запорожцы двинулись затем вглубь Крымского полуострова. Во главе одного отряда стоял кошевой атаман Иван Рог, избранный на место Васютенко, другим руководил выдающийся запорожский предводитель Иван Сирко. Отряд Рога взял г. Арбаутук, а Сирко напал на Кафу, а потом на улус Ширин-бея, одного из крупнейших феодалов Крыма. Неожиданное и стремительное нападение запорожцев вызвало панику в Крыму. Татарские феодалы искали спасения вгорах. Сам хан, собрав поспешно свой двор, бросил Крым на произвол судьбы: он бежал из Бахчисарая к морю, сел на судно и переправился на азиатский берег. Запорожцы, опасаясь, что калга Шерин-Гирей, ушедший с ордой к Дорошенко, может вернуться и запереть им выход из полуострова, не пошли к Бахчисарая, а повернули назад, в Сечь. Они освободили в Крыму большое количество невольников³.

¹ Киев оставался у России на два года, после чего должен был быть передан Польше. Однако ряд оговорок, сделанных в договоре, позволял закрепить Киев за Россией.

² Акты ЮЗР, т. VI, стр. 204.

³ Н. Костомаров, Собр. соч., т. XVI, СПб, 1905, стр. 94—95.

К началу 1668 г. восстание народных низов охватило почти все Левобережье. Отряды запорожцев двинулись на Полтавщину. Оказавшись лицом к лицу с восставшими массами и лишенный возможности расправиться с ними, Брюховецкий и окружавшая его старшина решили свалить всю ответственность за усилившееся угнетение народа на царское правительство и этим обратить народный гнев против царских воевод и стоявших в городах русских гарнизонов. 1 января 1668 г. Брюховецкий созвал в Гадяче старшинскую раду, на которой решено было изменить России. После этого Брюховецкий и старшина призвали народ избивать и изгонять из городов царские гарнизоны, на присылке которых они сами раньше настаивали перед правительством. Изменив России, Брюховецкий не остановился в своих авантюристических затеях. Он отправил на Дон грамоту с просьбой о помощи. Однако донская старшина отвергла призыв Брюховецкого и отослала его грамоту в Москву.

Одновременно Брюховецкий направил посольство в Турцию, прося султана принять казаков в подданство и оказать ему военную помощь. Турции, мечтавшей о захвате Украины и поддерживающей Дорошенко против Польши и России, было на руку выступление Брюховецкого. Султан охотно согласился принять его в подданство. Посланцам Брюховецкого было объявлено также, что султан приказал крымскому хану и начальникам турецких гарнизонов отправить гетману подкрепление. В мае к Брюховецкому прибыл крупный татарский отряд во главе с мурзой Чели-беем.

Дорошенко стремился воспользоваться событиями на Левобережье в своих целях. С отрядом войска он вышел из Чигирина и, переправившись через Днепр, двинулся в конце мая на Полтавщину. По дороге он послал Брюховецкому требование о немедленном отказе от гетманства. Но последний вовсе не желал расставаться с властью. Собрав войско, он двинулся навстречу Дорошенко. Когда противники встретились у Опошни, в войске Брюховецкого вспыхнуло восстание. Брюховецкий был растерзан казаками; Дорошенко провозгласил себя гетманом всей Украины.

Народное восстание на Левобережье было направлено против растущего феодально-крепостнического гнета. Попытки Брюховецкого и старшины перевести его в другое русло, направить недовольство народа исключительно против царских властей, оказались малоуспешными и окончились гибелью самого Брюховецкого. Восставшие массы громили эксплуататоров — разных откупщиков, арендаторов, а также воевод. Не убереглась и старшина, в особенности в южных полках, где движение было особенно сильным.

Борясь против Брюховецкого и покончив с ним, народные низы в то же время с негодованием относились к замыслам Дорошенко подчинить Украину Турции. Как только Дорошенко

вернулся на Правобережную Украину, левобережная старшина под влиянием настроений народных масс вступила в переговоры с русским правительством. Гетманом Левобережной Украины был избран генеральный есаул (до этого черниговский полковник) Демьян Многогрешный (1668—1672 гг.), признавший власть России. При Многогрешном положение народных масс Левобережной Украины не могло измениться к лучшему. Как и его предшественники, гетман Многогрешный раздавал земли, откупа и аренды старшине и духовенству, выпрашивал жалованные грамоты у царя и т. д. Закрепощение народа продолжалось. Однако еще более тяжким было положение народных масс на Правобережье, разоряемом польскими панами и союзниками Дорошенко татарами.

В эти годы (1667—1671 гг.) на Дону развернулось могучее крестьянско-казацкое восстание под руководством Степана Разина. Восставшие стремились установить связь с украинским крестьянством и казачеством, чтобы объединенными силами бороться против феодально-крепостнических порядков. Посланцы Разина появились на Слободской Украине, на Левобережье, на Правобережье и на Запорожье. Призывы Разина громить помещиков и воевод нашли горячий отклик среди народных масс Украины.

В сентябре 1670 г. в г. Острогжске, на Слободжанщине, вспыхнуло восстание¹. Казаки, горожане и стрельцы соединились с отрядом прибывших разинцев и под руководством острогжского полковника Ивана Дзиковского арестовали и казнили воеводу. Восстание быстро распространялось на другие районы.

В войске Разина было немало запорожцев. Вместе со своими братьями — русскими крестьянами и донскими казаками — они боролись за уничтожение феодально-крепостнического строя. Однако массового выступления в помощь Разину на Запорожье не произошло. Это объясняется сложной политической обстановкой на Украине. Восстание 1668 г. на Левобережье было подавлено. Польские паны подвергали опустошению Правобережную Украину. Огромный вред причиняли стране татарские орды. На Запорожье шла острая борьба между запорожской «чернью» и старшиной, поддерживаемой богатым казачеством. Богатые запорожские казаки, подобно донским «домовитым», боялись усиления антифеодального движения и всячески удерживали казачество от помощи Разину. Нельзя забывать также, что над Запорожьем висела постоянная угроза со стороны татар и турок. Татары, вместе с тем, имели среди сечевых старшин своих людей. Один из них — войсковой писарь Суховиенко объявил даже себя гетманом Украины. Ко всему этому нужно добавить, что многие запорожцы принимали участие в антифеодальных

¹ См. Катерина Стецюк, Вплив повстання Степана Разина на Україну, К., 1947.

выступлениях на Правобережье и Левобережье и поэтому не могли отправиться на помощь Разину.

Между тем не прекращалась борьба из-за власти и в среде левобережной старшины. В 1672 г. группа старшин составила заговор против Многогрешного. Последний был схвачен, отослан в Москву, обвинен в измене и сослан в Сибирь. Заговорщики выдвинули гетмана из своей среды — Ивана Самойловича.

В это время на Правобережье произошли события, последствия которых грозили серьезной опасностью для всей Украины. Летом 1672 г. большое турецкое войско во главе с султаном Магометом IV вторглось в Подолию, где к нему присоединился Дорошенко. Вместе с последним турки разбили польское войско, заняли Каменец-Подольский и двинулись в Западную Украину, к Львову. Нашествие турок вызвало растерянность и панику в польских правящих кругах. Польша поспешно заключила с Турцией позорный Бучачский мир (1672). Она обязывалась не только платить Турции дань, но и отдать ей значительную часть Правобережной Украины; при этом непосредственно к Турции отходила вся Подолия; вассалу султана Дорошенко отдавалась Брацлавщина и южная Киевщина; Польша удерживала за собой лишь небольшую часть Правобережья, Волынь и Галицию. Таким образом, большая часть Правобережья отдавалась султану и его ставленнику Дорошенко.

При сложившихся условиях Андрусовское перемирие фактически потеряло силу. Воспользовавшись этим, Россия начала войну против Дорошенко за освобождение Правобережья от турецко-татарского ига. В 1674 г. русское войско вместе с левобережными казацкими полками двинулось за Днепр. Население Правобережья видело в них своих избавителей от невыносимых притеснений турок и их ставленников. Дорошенко и поддерживавшая его старшина забирали крестьянские и казачьи земли, вводили непосильные налоги и разные поборы. Турки и татары опустошали край, сжигали города и села, вводили население в неволю. Естественно, что казачество, крестьянство и мещанство Правобережной Украины стремились перейти под власть России. В течение непродолжительного времени десять правобережных полков¹ воссоединились с Левобережной Украиной и тем самым вошли в состав России. Рада правобережной казацкой старшины в Переяславе признала гетманом Ивана Самойловича, который стал, таким образом, гетманом обеих сторон Днепра.

Воссоединение части Правобережья с Россией означало полное банкротство политики Дорошенко и его сторонников. В 1676 г. он капитулировал перед русской армией и казацкими

¹ Черкасский, Каневский, Белоцерковский, Корсунский, Брацлавский, Уманский, Могилевский (на Днестре), Кальницкий, Торговицкий и Павлоцкий.

полками и перешел в Россию. Турция, однако, не желала отказываться от своих захватнических планов. Вместо Дорошенко султан назначил гетманом Юрия Хмельницкого (1677—1681 гг.), дав ему титул «князя Малороссийской Украины». С его помощью турецкие политики пытались захватить Чигирин и Киев и превратить их в плацдарм для завоевания всей страны. С этой целью они предприняли два похода на Правобережье, известных под названием Чигиринских.

Летом 1677 г. стотысячное турецко-татарское войско осадило Чигирин. Русские войска под начальством воеводы Ромодановского и украинские казаки во главе с гетманом Самойловичем отбили все приступы и принудили врага снять осаду города и покинуть пределы Украины. В следующем году под Чигирином появилось уже двухсоттысячное турецко-татарское войско. Туркам удалось захватить город, но планы завоевания Украины потерпели крах. Мужественная борьба казачества, русских войск и населения принудила турецко-татарские орды и на сей раз покинуть Украину. Однако, уходя с Украины, турецкие военачальники оставили в м. Немирове Юрия Хмельницкого с отрядом турецких и татарских войск. Зимой 1678/1679 г. последний вторгся на Левобережье, но был немедленно изгнан. В январе 1686 г. в Бахчисарае между Россией и Турцией был подписан мирный договор. Турция отказывалась от посягательства на Киев с окрестностями и Левобережную Украину, но оставляла за собой южную Киевщину, Брацлавщину и Подолию, где гетманом продолжал считаться ее ставленник Юрий Хмельницкий. Впрочем, осенью того же года он был убит турками. Таким образом, Россия не допустила Турцию осуществить план захвата всей Украины. Однако угроза турецко-татарских нашествий не только на украинские, но и на русские земли осталась.

Опасность со стороны Турции угрожала не в меньшей степени и Польше. Последняя стремилась поэтому к соглашению с Россией. Одновременно Польша вступила в так называемую «Священную лигу», активными участниками которой были также Австрия и Венеция. Лига имела целью объединить силы этих государств для борьбы против Турции. В сентябре 1683 г. польское войско разгромило большую турецкую армию под Веной. Воспользовавшись этой победой, Польша восстановила свою власть в Правобережной Украине. Но Турция была еще сильна и опасна. В 1686 г. Польша и Россия подписали «Трактат о вечном мире». Он подтвердил права Русского государства на Левобережную Украину, Киев и Запорожье. Последнее с этого времени стало и формально подвластно лишь одной России. Правобережная Украина осталась за Польшей. Турция удерживала Подолию. Южная Киевщина и Брацлавщина, опустошенные польскими панами и турецко-татарскими ордами, оставались в качестве нейтральной зоны, заселение которой запрещалось.

Кроме того, по договору 1686 г. Россия и Польша обязывались помогать друг другу в случае войны с Крымом или Турцией. Бахчисарайский договор и «Трактат о вечном мире» укрепляли позиции России в борьбе против агрессии султанской Турции и панской Польши.

В этот период (60—80 гг. XVII в.) запорожское казачество совершало отважные походы на Крым и Турцию, ослабляя силу их агрессии. Запорожская Сечь представляла собой серьезную опору в борьбе украинского народа против турецких и татарских захватчиков. Этим объясняется стремление турецких и татарских феодалов уничтожить Сечь или подчинить ее своей власти. Такая попытка имела место в конце декабря 1678 г. Глубокой зимней ночью 15 тысяч янычар и татарская орда неожиданно появились у Сечи. Окружив крепость, неприятель ворвался в ворота и двинулся к площади. Но казаки не растерялись. Схватив оружие, они ринулись на врага. Всю ночь в темноте и тесноте шел ожесточенный бой. К утру янычары были почти полностью уничтожены, а татары поспешно ушли в Крым¹. В связи с этим нападением кошевой атаман Сирко послал хану очень интересное письмо². Упрекая хана в вероломстве, Сирко напоминал о тех отважных походах, которые совершили запорожские казаки на Крым и Турцию, и обещал отплатить татарам за набег той же монетой. Свое обещание запорожцы сдержали. Весной 1679 г. они перешли вброд Сиваш и вступили в Крым. Из татарского плена казаки освободили множество невольников и взяли также большую добычу.

В 1687 г. русское войско во главе с фаворитом царевны Софьи кн. В. В. Голицыным совершило поход в Крым. Плохо подготовленный поход, в котором принимали участие также украинские казачьи полки, возглавляемые Самойловичем, окончился неудачей. Воспользовавшись этим, кучка старшин, среди которой главную роль играл генеральный есаул Иван Мазепа, обвинила Самойловича в сношениях с крымцами и в измене. Самойлович был схвачен и затем сослан в Сибирь. При поддержке и покровительстве Голицына гетманом стал Мазепа (1687—1708)³.

¹ Н. Костомаров, Собр. соч., т. XV, СПб, 1905, стр. 315—316.

² См. Летописное повествование о Малой России, ч. II, 1847 г., стр. 167—170.

³ За поддержку Мазепа дал временщику В. В. Голицыну огромную по тому времени взятку в 10 000 рублей.

ГЛАВА XII

УЧАСТИЕ ЗАПОРОЖСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ВОССТАНИИ 1707—1708 гг. ПОД РУКОВОДСТВОМ К. БУЛАВИНА. УНИЧТОЖЕНИЕ СТАРОЙ, БАЗАВЛУЦКОЙ, ИЛИ ЧЕРТОМЛЫЦКОЙ, СЕЧИ

Конец XVII — первая четверть XVIII в. были для Русского государства периодом дальнейшего развития товарно-денежных отношений — расширения внутреннего рынка, роста городов, усиления экономических связей с другими, прежде всего с западноевропейскими странами. Помещики, все более втягиваемые в рыночные отношения, стремились увеличить доходность своих имений путем неуклонного усиления эксплуатации крестьян. В одном из своих челобитий царю Петру I, жалуясь на бесчисленные притеснения со стороны помещиков, крестьяне писали: «Твои бояре и князи... яко львы, челюстями своими... яко змии ехидныя, рассвирепевшия напрасно пожирают, яко же волци свирепии, бьют нас яко немилостивии Пилаты».

Правительство крепостников не внимало, естественно, этим жалобам. При Петре I помещикам было роздано огромное количество крестьянских земель и сотни тысяч крестьян. Кроме работы на светских и духовных владельцев, крестьяне принуждались к отбыванию многочисленных повинностей, в том числе и новой, рекрутской, в пользу государства. Тяжелым бременем ложились на крестьянство бесчисленные налоги и поборы. Наряду с этим усиливался национально-колониальный гнет.

Крестьянство оказывало помещикам упорное сопротивление, которое каждый раз жестоко подавлялось правительством. Спасаясь от угнетения, многие крестьяне попрежнему бежали в казачьи области, прежде всего на Дон¹. Однако к этому времени обстановка в казачьих областях резко изменилась. После подавления восстания под руководством Разина, царское правительство развернуло с новой силой свое наступление против

¹ В 1690 г. помещики юго-восточных уездов жаловались царю: «Бегают от нас люди и крестьяне с женами и с детьми на Дон и на Хопер и на Медведицу беспрестанно... (и) остальных людей и крестьян наших подговаривают» (С. Соловьев, История России, т. XIV, стр. 1218—1219).

трудового казачества. На границах казачьих земель, а кое-где и в самих казачьих областях строились крепости и ставились гарнизоны. Политика правительства будила недовольство у казаков. В 1686 г. на Запорожье вспыхнуло восстание против царского гарнизона, возглавляемого воеводой Косаговым. Солдаты гарнизона перешли на сторону запорожцев, а Косагов вынужден был бежать. Однако вскоре положение было восстановлено.

Наступление на казачество продолжали и сами феодалы. К концу XVII в. бояре Романовы, Нарышкины, Репнины, Салтыковы, Воронцовы, Одоевские, Долгорукие придвинули границы своих обширных владений вплотную к землям донского казачества. За ними тянулись дворяне, церковь, монастыри и казацкая старшина Слободской Украины. Над Доном нависла угроза вторжения помещиков. Опорными пунктами в борьбе крепостников с донским казачеством стали укрепления, построенные по распоряжению правительства у северных границ Дона — по Суре, Хопру, Битюгу и т. д.

В 1696 г. в результате успешных действий русской армии, донских и украинских казаков был взят Азов. Воспользовавшись тем, что теперь опасность для южных русских границ со стороны Турции уменьшилась, царское правительство с новой силой развернуло наступление на донцов. Теперь правительство получило возможность оказывать давление на Дон как бы с двух сторон — с севера и с юга. Оно стало все более самовластно вмешиваться в дела войска, стремясь закрыть доступ в него для беглых и окончательно подчинить своим интересам. В 1700 г. последовал указ, повелевавший донским казакам, живущим по Хопру и Медведице, переселиться на юг, ближе к Азову. В 1702 г. донцам было запрещено ловить рыбу в низовьях Дона, т. е. в самых обильных рыбой местах, а в 1703 г. был издан приказ «отписать» всю сушеную рыбу «на государя». Донских казаков в принудительном порядке обязывали выполнять всевозможные работы на Бердянских соляных промыслах¹. Казацкие земли быстро прибирались к рукам боярами и правительством.

На донские земли с вожделием взирала и старшина граничивших с Доном слободско-украинских полков. На Слободской Украине старшине принадлежали большие земельные владения с крестьянами. Но ей этого было мало. При поддержке правительства она стала захватывать донские земли. Изюмский полковник Шидловский, например, в 1702 г. вторгся в район Бахмутских соляных промыслов, пытаясь вытеснить оттуда донцов. Борьба донских казаков с изюмскими старшинами за эти промыслы продолжалась несколько лет. Шидловский предложил царскому правительству построить крепость на р. Бахмуте и поручить ему произвести розыск беглых на Дону.

¹ Булавинское восстание, сбор. док., М., 1935, стр. 19—21.

Идя навстречу помещикам, правительство направило в 1703 г. на Дон стольники М. Кологривова и М. Пушкина с предписанием добиться у войсковой старшины выдачи беглых «с женами и детьми и со всеми их животы». Беглых повелевалось наказывать на месте, а затем одну десятую часть их отправить «в Азов на торгу», а остальных вернуть к прежним помещикам¹. Стольники, впрочем, ничего не добились на Дону. Казаки и старшины укрывали беглых и под разными предлогами отказывались их выдавать.

Тогда в начале июля 1707 г. правительство отправило на Дон кн. Юрия Долгорукого с крупным воинским отрядом. Разделив свое войско на четыре части, Долгорукий приступил к розыску беглых. Розыск сопровождался страшными жестокостями. По словам современника, каратели из отряда Долгорукого «многие станицы огнем выжгли и многих старожилых казаков кнутом били, губы и носы резали и младенцев по деревьям вешали, также женску полу и девичья брали к себе для блудного помышления в постелю»². Таким образом, мести со стороны карателей не избежали не только новопришлые, но и старожилые казаки. Русским помещикам было возвращено с Дона около 3000 человек. Розыски беглых продолжались. Вторжение царских карательных отрядов, наряду с другими мерами, принятиями правительством, угрожало самому существованию донского казачества. Много донцов бежало в это время на Запорожье, Яик, Терек и т. д.

Феодально-крепостнический и национальный гнет усиливался и на Украине. На Левобережье гетман, старшина и православная церковь захватывали крестьянские и казацкие земли. В одних случаях земельные участки — «грунты», принадлежавшие крестьянам и казакам, переходили к старшинам и монастырям за долги, в других — крестьян и казаков просто сгоняли с земли, бросали в тюрьмы, а имущество отнимали. Старшина расхватывала также «войсковые маестности». Во время своего правления гетман Мазепа раздал старшине и духовенству свыше тысячи универсалов на имения. Царское правительство подтверждало такие захваты своими жалованными грамотами, узаконивая грабеж народа. Одновременно оно раздавало на Украине земли русским помещикам. А. Меншиков, например, получил большие имения на территории Стародубского полка. Лишавшиеся своих земель крестьяне и казаки превращались в феодально-зависимых людей. Стремясь восстановить крепостнические порядки в таком виде, как они существовали в период владычества панской Польши, Мазепа требовал от крестьян «обыклого послушества». В 1701 г. он издал универсал о двухдневной барщине. Хотя на Левобережье не существовало закона о крепостной

¹ Булавинское восстание, сбор. док., М., 1935, стр. 19—21.

² Там же, стр. 32.

зависимости крестьянства, в действительности крестьяне в редких случаях могли уходить от своих владельцев. В 1706 г. в универсале, обращенном к старшине Полтавского полка, Мазепа приказывал разыскивать крестьян, ушедших из старшинских имений, отбирать у них имущество, нещадно бить и даже вешать. Разысканные и задержанные беглецы подлежали возвращению панам. Значительная часть крестьян и казаков Левобережья была закрепощена. Крестьянам было категорически запрещено вступать в казаки¹.

Народные массы Гетманщины стонали под непосильным гнетом многочисленных и все увеличивавшихся налогов и сборов в пользу гетмана, старшины, царской казны, церкви. К этому добавлялись поборы на содержание наемного войска. Боясь народной мести, Мазепа окружил себя наемными конными (компанейскими) и пехотными (сердючками) полками. Но этого ему казалось мало. В 1687 г., «опасаясь, — как он сам выражался, — чтоб от беспорядочных козацких по Украине поступков не воспоследовало бы какого замешательства и бунту»,² Мазепа выпросил у кн. В. Голицына три тысячи пехотинцев и тысячу конных. Это войско охраняло гетманскую резиденцию — г. Батурин.

Тяжким притеснениям со стороны старшины и разорению подвергались также низшие слои мещанства.

Борясь со все усиливавшимся социальным угнетением, крестьянство и казачество восставало против старшины, гетманских и царских властей. Летом 1687 г. казаки Гадяцкого полка убили нескольких старшин, в том числе полкового обозного. В Прилуцком полку были брошены в горящую печь полковник Л. Горленко и полковой судья, измучившие казаков своими жестокими притеснениями. Восстание в Гадяцком и Прилуцком полках было подхвачено населением Миргородского, Лубенского, Переяславского, Черниговского и Стародубского полков. Мазепа подавил восстание со зверской жестокостью: повстанцев вешали, обезглавливали, четвертовали. Но выступления крестьян и казаков не прекращались. Они имели место в 1688, 1690—1691, а также в 1693—1696 гг. и т. д.

Еще тяжелее было положение народных масс Правобережной Украины. Польские паны, захватив Правобережье, восстанавливали там крепостнические порядки и жестокий национально-религиозный гнет. В ответ на это крестьяне и казаки бежали на так называемую нейтральную территорию — в Южную Киевщину и Брацлавщину. Поселившись тут, они образовали несколько козацких полков. Польское правительство, заинтере-

¹ Сам Мазепа превратился в богатейшего землевладельца Украины и одного из крупнейших феодалов России. На Левобережье ему принадлежали огромные имения, в которых работали на него десятки тысяч крестьян. 20 тысяч крестьян принадлежало Мазепе в соседних с Левобережьем великорусских уездах.

² Краткое описание о Козацком малороссийском народе, сост. П. Симонский, М., 1847, стр. 116—117.

сованное в охране южных границ от нападений со стороны татар и турок, первое время не препятствовало их существованию, и казацкие слободы, пополнявшиеся и левобережными беглецами, умножались. Среди казацких предводителей на Правобережье особую популярность приобрел фастовский полковник Семен Палий¹. Под предводительством Семена Палия, Самуся и других руководителей казачество и крестьянство Правобережья в 1702—1704 гг. развернуло борьбу против польских панов за освобождение от социального и национального гнета и воссоединение Правобережья с Россией².

Крестьяне, казаки и мещане Левобережья и Правобережья, изнывавшие под тяжестью усиливавшегося социального и национального гнета, попрежнему бежали на Запорожье. Запорожская Сечь продолжала оставаться плацдармом в борьбе народных масс против феодально-крепостнического и национального гнета. Число беглецов, искавших в этот период спасения на Запорожье, быстро росло. В начале 1692 г. вместе с другими казаками в Сечь бежал войсковой канцелярист Петр Иваненко (Петрик). Петрик был сыном нищего и часто, как пренебрежительно говорил о нем Мазепа, «валяясь между нищими на улице», выпрашивал «объедки под окнами»³. Прибыв в Сечь, Петрик стал призывать запорожцев к немедленному выступлению против гетманских властей и панов. «Помогут нам, — заявлял он, — братия наши голоколенки з бедными людьми, которых сердюки, арандари, да тие дуки (богачи. — В. Г.), що им цари вольности понадавивалы, мало их живых не идять». Достаточно им услышать, продолжал Петрик, что запорожцы двинулись из Сечи, как «сами воны... чортив панив подавать»⁴.

О себе Петрик говорил: «Я стою за посольный народ, за самых бедных и простых людей. Богдан Хмельницкий избавил народ из неволи лядской, а я хочу избавить его от новой неволи москалей (т. е. русских помещиков. — В. Г.) и своих панов»⁵.

Через своих тайных агентов, в частности от переволоченского «дозорцы», гетман Мазепа скоро узнал об агитации Петрика в Сечи и потребовал от сечевой старшины немедленной его выдачи. Но старшина, боясь мести казаков, явно сочувствовавших Петрику, наотрез отказалась исполнить требование гетмана.

¹ Выходец из Левобережья, из Борзны, С. Палий долгое время жил на Запорожье, где приобрел большой военный опыт и стал известен как отважный предводитель (см. подробнее В. Дядиченко, Семен Палий, Укривдав при ЦК КП(б)У, К., 1942).

² Мазепа, замышлявший измену России и находившийся в сношениях с польскими панями, в 1704 г., когда С. Палий прибыл на Левобережье, арестовал его и обвинил в замыслах против России. С. Палий был сослан царским правительством в Сибирь, откуда вернулся лишь после измены Мазепы, незадолго до Полтавской битвы.

³ Н. Костомаров, Собрание сочинений, кн. 6, СПб, 1905, стр. 441.

⁴ Там же, стр. 432.

⁵ Там же, стр. 445.

В Сечи, — заявила она, — «с покон-века так ведется, что всем приход вольный», а если выдать Петрика, то уже «к нам в Сечу никто ходить не станет»¹.

По примеру Богдана Хмельницкого, Петрик рассчитывал заручиться на первых порах помощью крымских татар. С этой целью он в сопровождении нескольких казаков отправился весной 1692 г. к хану. В начале июля с отрядом татар под начальством калги-салтана Петрик вернулся в Сечь. На войсковой раде было решено отпустить с Петриком на Гетманщину всех «охочих» казаков. Войско повстанцев, начавшее вскоре собираться вблизи Сечи, избрало Петрика своим гетманом. Затем были избраны полковники (Василий Бузский, Кондрат и Сысой) и другая старшина. Программа повстанцев отражена в многочисленных универсалах Петрика, распространявшихся на Гетманщине. Смысл их таков: Мазепа и старшина при поддержке царя поделились «между собою нашей братиею, позаписывали ее себе... в неволю и только что в плуг не запрягают». Универсалы призывали угнетенный народ избавиться «от тиранства Москвы (т. е. царских властей. — В. Г.) и немилостивых ваших панов» и всюду установить казацкое самоуправление².

Призывы повстанцев встретили горячее сочувствие среди населения Левобережья. Против панов, гетманских и царских властей восстали жители орельских слобод и местечек — Царичанки и Китайгорода. Восстание стало быстро распространяться по всему правому берегу Ворсклы. Войско Петрика и татары приступили в это время к осаде Новобородицкой крепости. После неудачного ночного приступа войско повстанцев двинулось далее, к Маячкам.

Мазепа спешно собрал и выслал навстречу Петрику четыре городских полка — Прилуцкий, Миргородский, Лубенский и Нежинский, а сам с пятью наемными («охочими») полками стал под Гадячем, дожидаясь прибытия туда царских войск под начальством кн. Барятинского и воеводы Шереметева. В своих универсалах Мазепа призывал народ к покорности, устрашая «ослушных» всевозможными карами. Серьезные военные приготовления Мазепы свидетельствуют о значительном размахе восстания.

Вскоре войско Мазепы встретилось с повстанцами под м. Маячки. В самый решительный момент боя татары покинули казаков и ушли в Крым. В таких условиях повстанцы были вынуждены отступить перед численно превосходящими силами врага. Мазепа жестоко расправился с населением южного Левобережья.

¹ Н. Костомаров, Собрание сочинений, кн. 6, стр. 445.

² Н. Костомаров, Собрание сочинений, кн. 6, стр. 435, 439. В универсалах говорилось: «устройте у себя такой порядок, какой сами захотите, и станете пользоваться такою вольностью, какую пользовались предки ваши при Богдане Хмельницком».

Одновременно, учитывая опасность, которая угрожала панам со стороны Запорожья, он предложил русскому правительству немедленно построить крепость у Каменного Затона, вблизи самой Сечи.

Но восстание не было окончательно подавлено. Заручившись поддержкой нового хана, Петрик с частью запорожцев, несмотря на все препятствия, чинимые старшиной, вновь отправился на Гетманщину. Войско повстанцев, насчитывавшее всего несколько сот человек, вместе с татарами дошло до Полтавы. Но и на этот раз Мазепе удалось отеснить повстанцев на Запорожье. Там в это время взяло верх богатое казачество, стремившееся к соглашению с гетманскими властями. Петрик, который после возвращения на Запорожье готовил новое выступление, был вскоре, в 1695 г., умерщвлен наемным убийцей, подосланным Мазепой.

Восстание под руководством Петрика, несмотря на кратковременность, еще раз вскрыло всю глубину социальных противоречий на Украине, стремление масс освободиться от власти феодалов. «В малороссийском посполитом народе, — доносил Мазепа в Москву, — много таких, что смятения желают; нищим и убогим хочется за счет богатых добывать себе состояние; однокровные с запорожцами по природе, они всегда смотрят на запорожские поступки как на образец для себя... и какое бы зло от запорожцев ни вцалось, они готовы... к ним пристать»¹.

В 1702 г. Мазепа жаловался правительству на бегство «в Запорожье многих людей из малороссийских городов»². В том же году он доносил правительству: «Оные запорожцы недобрым духом дышат и с недобрим намерением... великими купами собираются»³. Мазепа и старшина панически боялись объединения сил запорожцев и закрепощаемого крестьянства. Несколько позднее Мазепа писал, что «чуть не вся Украина тем же запорожским духом дышет, понеже... народ посполитый... и всякий под властью пребывающий желает оной над собою не имети»⁴.

Мазепа и старшина делали все возможное, чтобы побудить царское правительство уничтожить Запорожскую Сечь. Гнусной клеветой на запорожских «бунтовщиков», которые якобы стремятся перейти под власть Крымского ханства, они хотели спровоцировать царское правительство на репресии в отношении Сечи. «О злом намерении проклятых запорожцев, — писал Мазепа Головину, — мало не чрез всякого гонца моего и чуть не чрез всякую почту, как великому государю, так и вашей вельможности, я писал, а никакого ответа не имею»⁵. Мазепа замечал,

¹ Н. Костомаров, Собрание сочинений, кн. 6, стр. 450.

² Д. Эварницкий, История запорожских козаков, т. III, СПб, 1897, стр. 323, 328.

³ Там же, стр. 320.

⁴ С. Соловьев, История России с древнейших времен, т. XV, стр. 1394.

⁵ Там же.

что запорожцы недовольны тем, что «многие села (на Гетманщине.—В. Г.) розданы разным особам в подданство»¹. Через посланца Юска, продолжал он, запорожцы угрожали ему, что если не прекратится угнетение на Украине, то «меж народом имеет быти смятение»².

Стремясь, как некогда польские паны, разорвать всякую связь Запорожья с населением Гетманщины и «укротить своеволие» запорожцев, Мазепа еще в 1687 г., тотчас по вступлении в гетманскую должность, предложил правительству построить на Днепре, у северных границ Запорожья, крепость и содержать в ней крупный гарнизон. И действительно, в следующем, 1688, году такая крепость была сооружена при впадении р. Самары в Днепр и названа Богородицкой³. Однако вскоре стало ясно, что цель, преследуемая правительством и Мазепой, не была достигнута. Осенью 1703 г. правительство, еще более обеспокоенное положением на Запорожье, отправило туда солдат и строителей. У Каменного Затона, на расстоянии всего нескольких пушечных выстрелов от Сечи, они построили каменную крепость. В крепости под видом охраны границ от татар был поставлен небольшой гарнизон. Гарнизон должен был наблюдать за запорожцами. Мазепа, однако, был недоволен малочисленностью гарнизона. Он требовал от правительства «в Каменный Затон... сейчас же прислать два или три полка доброй пехоты», уверяя при этом, что запорожцы готовятся объединиться с крымским ханом⁴. Сам Мазепа отправил в качестве постоянной стражи за парогі отряд компанейцев и сердюков⁵. Однако крепость так и осталась без сильного гарнизона. Правительство, занятое войной, лишено было возможности послать туда крупные силы.

Еще в 1700 г. началась война России со Швецией за выход в Балтику. Всей своей тяжестью она легла на народные массы, что ухудшило и без того их бедственное положение. Несмотря на это, феодалы с утроенной силой продолжали наступление на крестьянство, городские низы, казачество и покоренные народы. На Дону с новоприбывшими и старыми казаками расправлялся Ю. Долгорукий. На Запорожье каменнозатонский воевода задерживал беглецов и всячески притеснял запорожцев. Недовольство в казачьих областях росло с каждым днем. Особенно накаленной была атмосфера на Дону.

В ночь на 9 октября 1707 г. две сотни донцов во главе с казаком Трехизбянского городка Кондратием Афанасьевичем Булавиным неожиданно напали на отряд Долгорукого (вблизи станицы

¹ А. Лазаревский, Малороссийские посполитые крестьяне, К., 1908, стр. 23.

² Там же.

³ Летопись С. Величка, т. III, К., 1855, стр. 61. Краткое описание о Козацком малороссийском народе, сост. П. Симоновский, М., 1847, стр. 117.

⁴ С. Соловьев, История России с древнейших времен, т. XV, стр. 1394.

⁵ Д. Эварницкий, История запорожских казаков, т. III, стр. 335.

Урюпинской, на р. Хопре) и «до смерти побили» всех карателей (ок. 1000 чел.). Сопровождавшие Долгорукого донские и компанейские старшины сами едва спаслись «в одних рубашках». Ю. Долгорукий был убит.

Разгром Долгорукого знаменовал собой начало крупного восстания на Дону. К булавицам сразу примкнули казаки целого ряда «верховых» городков — Федосеевского, Алексовского, Усть-Бузулуцкого, Меловобродского, Ново-Боровского и др. Войсковой атаман Л. Максимов и другие старшины были встревожены быстрым ростом восстания. Осенью 1707 г. они спешно собрали в Черкасске войско из «знатных» казаков и калмыков и вместе с пришедшим к ним на помощь воинским отрядом из Азова направились против повстанцев к Закотному городку. Вокруг Закотного, по дорогам, Максимов расставил сильные караулы. Недалеко от городка, на р. Айдаре, между черкасскими казаками и булавицами произошел бой. В этом бою булавицы были разбиты¹. Через бахмутские леса Булавин повел повстанцев к Миусу. Оставив зимовать тут свое войско, Булавин в сопровождении небольшого отряда казаков ушел на Запорожье — в Кодак².

Из Кодака Булавин с 12 донцами отправился в Сечь. Среди запорожской серомы в это время наблюдалось заметное оживление, вызванное вестями с Дона. По требованию запорожцев, сечевая старшина должна была согласиться на созыв рады. На раде донцы предложили Запорожскому войску выступить совместно с ними против бояр и помещиков, за уничтожение крепостных порядков. Серома с готовностью откликнулась на этот призыв. При этом она, по словам очевидцев, требовала «итти наперед на Орельские городки (Гетманщину. — В. Г.) и побрать пушки, и побить панов и арендарей за их неправду, что Украину завладели, а их, казаков, изобижают»³.

Кошевой атаман Тимофей Финенко пытался удержать казаков просьбами и угрозами. Но казаки отобрали у него булаву и избрали кошевым атаманом К. Гордиенко. После этого Гордиенко, полковники, куренные атаманы и «старики» удалились на «сходку». Вернувшись оттуда в раду, они ответили донцам, «що нынешнюю зимую в поход поднятца не возможно» потому, будто, что Днепр и его притоки не замерзли, а также из опасения, чтобы в Москве не задержали отправленных недавно туда за жалованием сечевых посланцев. Дабы сгладить впечатление от отказа, старшины объявили, что весной, когда посланцы

¹ Тем немногим повстанцам (ок. 200 чел.), которые попали в руки Максиму, тут же, на месте, «носы резали... иных вешали за ноги... иных перестреляли» (Булавинское восстание, док. № 11, стр. 35). Городки, оказавшие поддержку булавицам, были сожжены дотла. (Там же, док. № 17, стр. 142).

² По некоторым данным, К. Булавин приезжал на Запорожье еще до восстания.

³ Булавинское восстание, док. № 170, стр. 368.

вернутся из столицы, они «охотного войска, хто похочет (присоединиться к донцам. — В. Г.) задерживать не будут». Вполне понятно, что Гордиенко, который также принадлежал к имущему казачеству, и старшина вовсе не собирались выполнять свои обещания.

Большая часть участников рады осталась недовольна решением старшины. Немало запорожцев тут же примкнуло к Булавину. Более того, как только К. Булавин с донцами и частью запорожцев вернулся в Кодак, к нему присоединилось еще много казаков и крестьян. Это внушало сечевой старшине серьезную тревогу. Тайно от казаков она отправила через нарочного кодацкому полковнику письмо, в котором предписывала, чтоб он «все гультайство, которое почал к себе прибирать... Булавин, разогнал... (а) ему, бунтовщику, приказал, чтоб он в Кодаке смирно жил... и ничего враждебного и вредительного не починал»¹.

Вскоре, в 20-х числах января 1708 г., в Сечи была получена грамота гетмана Мазепы². Мазепа предлагал всему запорожскому «товариству», старшинам и казакам, «дабы они, являя свою... службу... выдали из фортецы кодацкой донского бунтовщика Кондратия Булавина с ево единомышленниками» и в кандалах прислали под охраной в Батурин. При этом Мазепа уверял запорожцев, что «та их верность не будет забвена, но прещедро... призрением наградится»³. Грамота Мазепы, заслушанная, по обыкновению, на раде, была встречена казаками с негодованием. Они, читаем в официальном сообщении, Мазепу нелепными для него словами «бранили и лист ево... изадрали»⁴.

Из Кодака Булавин обратился с воззванием к русскому и украинскому крестьянству и казачеству, призывая восстать против своих угнетателей, прогнать бояр и царских воевод. Булавин предлагал крестьянам *«везде устроиться по казацкому обычаю в десятки, выбрав атаманов и есаулов»*⁵, а к нему выслать по 20 человек из каждого села и станицы. Остальным он советовал оставаться пока на месте и быть наготове. Свыше 200 посланцев Булавина распространяли его воззвания на Украине, Дону, Слобожанщине и в южных, соседних с Доном уездах Русского государства.

Ранней весной 1708 г. в степях за р. Миусом, между Запорожьем и Донской областью, под предводительством атаманов Драного, Голого, Хохлача и Некрасова собралось уже несколько тысяч (по одним данным 9000) повстанцев. Это были в большинстве своем запорожцы и донцы, а также украинские крестьяне

¹ Булавинское восстание, сбор. док., док. № 169, стр. 366.

² Власти на Гетманщине правильно считали, что Булавин и его сторонники «свое дело починают для льготы маломощных людей».

³ Булавинское восстание, сбор. док., док. № 167, стр. 364.

⁴ Там же, док. № 169, стр. 366.

⁵ Там же, док. № 168, стр. 365. Курсив наш. — В. Г.

и казаки¹. Во главе повстанцев Булавин отправился на Дон. С помощью прибывших к нему донцов он укрепился в Пристанском и других городках на Хопре. Сюда к Булавину стали стекаться крестьяне из русских уездов. «А таких де беглецов, — рассказывали царские вестуны, — (что) идут с Руси в Хоперские городки многое число»². По сведениям, полученным правительством, булавинцы намеревались напасть на Тор, Маяки и Изюм и, захватив там артиллерию, «итить на Русь бить бояр»³.

Под влиянием восстания на Дону стали подниматься крестьяне смежных областей России. В Тамбовском, Воронежском, Борисоглебском, Козловском и других уездах восставшие крестьяне громили помещичьи, монастырские и дворцовые имения, избивали помещиков и царских слуг и вводили казацкое самоуправление. Восстание охватило значительную часть Слободской Украины — уезды Валуйский, Харьковский и др. Крупные выступления крестьян и «работных людей» происходили в Поволжье и Приуралье. Широкой волной разлилось восстание в верховьях Дона. В короткое время пламя восстания охватило 43 уезда России. Помещики и царские чиновники в страхе бежали в Москву и др. города.

Правительство русских крепостников приняло срочные меры для подавления восстания. Была объявлена мобилизация служилых людей по всему государству. С фронта был отозван В. Долгорукий (брат убитого). Во главе семитысячного войска он двинулся на Дон. Долгорукому было приказано все те города и села, «которые пристают к воровству... жечь без остатку, а людей рубить, а завотчиков на колесы и на колья... ибо сия сарынь кроме жесточи не может унята быть»⁴. На Кубань, чтобы поднять ногайцев против восставших, и к калмыкам были отправлены с подарками правительственные посланцы. Приготовления против повстанцев шли и на самом Дону. Черкасская старшина произвела мобилизацию казаков низовых станиц. К ним присоединился со своим конным отрядом азовский полковник Н. Васильев, а также калмыцкие феодалы. В начале апреля донской войсковой атаман Л. Максимов с собранным войском и пушками двинулся против повстанцев.

9 апреля 1708 г. в бою у Красной Дубравы, на р. Лисоватке (ок. Паншина), булавинцы разбили Максимова. Часть казаков перешла на сторону повстанцев. Сам Максимов с остатками войска бежал в Черкасск, а Васильев — в Азов. Булавинцы

¹ В грамоте Малороссийского приказа от 5 марта говорится, что к Булавину «прибралось... своевольно запорожцев и иных всяких людей несколько сот человек. И ныне непрестанно из разных мест... к нему идут» (Булавинское восстание, сбор. док., док. № 172, стр. 370).

² Булавинское восстание, сбор. док., док. № 36, стр. 187.

³ Там же, док. № 168, стр. 365.

⁴ Там же, док. № 40, стр. 193.

захватили 4 пушки и много другого оружия, а также войсковую казну (8 тыс. руб.)¹. Затем они двинулись на Черкасск.

Победа булавиинцев содействовала дальнейшему расширению восстания. 1 мая поднялось восстание в Черкасске. Войсковой атаман Л. Максимов и четыре его помощника были схвачены, переданы булавиинцам и вскоре казнены. Войсковым атаманом был избран Булавин². К этому времени борьба в среде донского казачества усилилась. Булавин арестовал около 20 старшин, конфисковал церковную казну и раздал деньги повстанцам. На кругу «голутьба» требовала казнить всех «черкасских природных», т. е. богатых казаков, видя в них предателей. Действительно, боевые донские казаки завязали тайные сношения с Долгоруким и распространяли всевозможные слухи, стараясь внести раскол в ряды повстанцев. Частично это им удалось. Предложение Булавина немедленно двинуться на Азов, чтобы покончить с этой крепостью в тылу войска, не встретило дружной поддержки у круга. Казаки стали говорить, что нужно дожидаться помощи из верховых городков, а многие даже отпросились на сенокос. Поход на Азов был отложен.

Между тем царские войска уже приближались к Дону. 28 апреля воевода С. Бахметев нанес поражение булавиинскому атаману Луке Хохлачу на р. Курлаке. Изюмский полковник Ф. Шидловский с слободскими полками и калмыками шел на Маяки, где рассчитывал объединиться с Бахметевым. В. Долгорукий, которому было поручено командование всеми карательными войсками, уже готовился выступить из Воронежа.

Восстание в это время было еще в полном разгаре. Повстанческие отряды с атаманами Некрасовым и Павловым двигались вверх по Волге, стремясь прорваться на помощь восставшим башкирам. Однако, пока они шли к Среднему Поволжью и осаждали Саратов, калмыцкий князь Аюка, подкупленный правительством, напал с 20-тысячным войском на восставших башкир. Тогда Некрасов и Павлов повернули на юг, осадили Астрахань и около 7 июня овладели ею. В городе было установлено казацкое самоуправление. На Левобережной Украине восстание охватило значительную часть Лубенского, Полтавского, Гадяцкого, Миргородского, Прилуцкого и др. полков. В Приднепровье действовали отряды повстанческих атаманов Молодца и Перебийноса.

Против царских войск, двигавшихся с севера, Булавин послал отряд атамана С. Драного. Отряды атаманов Л. Хохлача (ок. 1000 чел. пехоты, в том числе запорожцы) и К. Казанкина (конница), а также часть запорожцев (на 12 стругах шли к низовьям Дона) были посланы против Азова. 6 июля в полдень булавиинцы подступили к городу. Оказалось, однако, что силы и средства повстанцев далеко недостаточны для взятия города.

¹ Булавинское восстание, сбор. док., док. № 43, стр. 199.

² Там же, док. № 57, стр. 231, док. № 60, стр. 233.

С крепостных стен на них посыпались пушечные ядра. Гарнизон Азова сделал вылазку и оттеснил булавиинцев от города, много казаков утонуло в реке; остальные поспешно отступили к Черкасску¹. Поражением повстанцев под Азовом воспользовались их противники из среды донской старшины и богатого казачества.

Еще в середине мая, при получении первых известий о приближении царских войск к Дону, атаман С. Драный отправил в Сечь за помощью трех казаков. Через них Драный сообщал запорожцам, что донцы готовятся встретить «идущих к ним для разорения казачьих городков московских полков» и ждут себе в помощь запорожцев для того, чтобы отстоять права населения той территории, где «обретается казачей присуд» («чтоб их казаки реки были попрежнему, и им быть казаками как было искони казатство и между ими казаками единомышленное братство»²).

Казачья рада, собравшаяся 13 мая в Сечи в связи с прибытием посланцев С. Драного, происходила в очень напряженной обстановке. Серома настаивала на немедленном выступлении. Очевидец передавал, что запорожская «голубьба своевольцы просили у старшин полковника и клейнотов, чтоб им с ними итить к... Булавину». Требование серомой клейнотов имело определенный смысл: по обычаю запорожского войска, там, где находились клейноды, должна была быть и войсковая артиллерия. Кошевой Гордиенко и старшина пытались всячески отговаривать казаков от их намерения. К старшине присоединились сечевые священники, которые вынесли «из церкви в раду святое евангелие и крест, и от такова злова намерения их запорожцев уговаривали и отвращали». Но ни старшине, ни духовенству сломить серомах не удалось. Некоторые современники уверяют даже, что «меж казаками на раде была битва великая»³. Ночью, читаем в другом документе, «хотели сеченцы из Сечи (тайно от старшин. — В. Г.) взять пушек половину», но им помешали⁴.

На следующий же день серома на лошадях, пешком и на лодках⁵ отправилась вместе с посланцами Драного⁶ из Сечи в Кодак, намереваясь, как писал Шидловский, «разорять полковников и

¹ Булавиинское восстание, сбор. док., док. № 112, стр. 297.

² Там же, док. № 186, стр. 387.

³ Там же, док. № 182, стр. 382. Другой современник говорит, что в Сечи «скинули судью с судейства и кричали в радах казаки голубьба, чтоб итить им под самарские города, под Новобогородицкой и Новосержевской» (т. е. против царских гарнизонов). Там же, док. № 184, стр. 385.

⁴ Там же, док. № 181, стр. 382.

⁵ Кошевой Гордиенко писал киевскому воеводе, что из Сечи к Булавину ушли не «зажилые» казаки, а «прихожие з городов», т. е. беглые и «непромышленные» — серомахи (там же, док. № 188, стр. 390).

⁶ К ним присоединилось 22 чел. солдат, бежавших из армейских полков, стоявших в Каменном Затоне (там же, док. № 187, стр. 389).

рандарей и богатые дома»¹. Долгорукий, который был уже вблизи Валуек, предложил Шидловскому любимыми средствами «запорожцов не допустить к булавицам к соединению». Тем не менее одному отряду запорожцев (ок. 1500 чел.) удалось прорваться к Драному. Другие отряды запорожцев действовали в районе рек Конской и Суры. Коменданты правительственных крепостей на Запорожье в своих донесениях в очень мрачных красках изображали создавшееся здесь положение².

В начале июня Шидловский со всеми слободскими полками пришел под Торский городок, где к нему присоединились полки армейской кавалерии полковника Т. Кропотова. Отряд Драного³ укрепился в урочище Кривая Лука. Вечером 2 июля, когда полки Шидловского приблизились к урочищу, повстанцы ударили по ним «с конницею и с пехотою и с пушками». Закипел ожесточенный бой, длившийся до двух часов ночи. Во время боя атаман Драный был убит. Повстанцы отступили к Черкасску. Шидловский бросился их преследовать, предавая огню донские станицы.

Когда сын Драного и другие казаки привезли в Черкасск весть о гибели их атамана и о наступлении царских войск, кучка богатых казаков во главе с атаманом Ильей Зерщиковым, давно подготовлявшая заговор, тотчас же воспользовалась этим. 7 июля заговорщики подступили к дому, в котором находился Булавин, пытаясь взять его живым. Произошла перестрелка, во время которой Булавин погиб⁴. После этого заговорщики арестовали соратников Булавина, находившихся в Черкасске.

26 июля армия Долгорукого, уничтожая на своем пути отдельные повстанческие отряды, подошла к Черкасску. По приказу Долгорукого в городе было казнено 200 повстанцев, а голова, руки и ноги Булавина насажены на колья. Виселицы с телами казненных сотнями спускали для устрашения казаков по Дону. Десятки казачьих городков были сравнены с землей. Донские земли по Айдару в награду за «усмирение» восстания были розданы старшине и помещикам Острогужского полка, а по северному Хопру — присоединены к Воронежской губернии.

Спасаясь от палачей, часть повстанцев во главе с атаманом Некрасовым ушла на Кубань, во владения татарской орды⁵. Другая часть донцов, а также и запорожцы, находившиеся на Дону, с ранеными и больными искали спасения на Запорожье. В августе 1708 г. переволоченский житель передавал

¹ Булавинское восстание, сбор. док., док. № 183, стр. 383—384.

² Там же, док. № 187, стр. 389.

³ «А было их под тем местечком 5000 и полторы тысячи запорожцев».

⁴ По одним данным, К. Булавин, не желая попасть в руки врагов, покончил жизнь самоубийством, по другим — он был убит заговорщиками во время перестрелки.

⁵ Очерки по истории СССР (XVIII в.), М., 1954, стр. 267.

новобородицкому коменданту, что в урочище Кленники, на р. Волчьей (правый приток Самары), появились «черкасы и русские люди, конница и пехота, тысячи с полторы, у которых было 20 знамен». Запорожцы рассказывали, что «были де они у Булавина и у Дранова и идут в Запорожскую Сечь и везут с собою на возах много раненых». «Да с ними ж де, — добавили они, — идут бахмуцкие бурлаки, которые ходили с... Драным». Зная, с какой враждой относилась к ним запорожская старшина, повстанцы сказали в заключение, что хотя они и идут на Запорожье, но «в Сече их едва ли примут»¹.

Восстание 1707—1708 гг., несмотря на свое поражение, нанесло чувствительный удар по крепостническому строю. В этом восстании со всей силой проявил себя поистине братский союз запорожского и донского трудового казачества, объединенного ненавистью к феодально-крепостническому режиму.

В сентябре 1708 г. шведские войска во главе с Карлом XII, которые раньше намеревались из Белоруссии идти прямо на Москву, внезапно изменили направление и вторглись на территорию северного Левобережья. Сюда шведов звали иезуитский выученик Мазепа и его немногочисленные подручные из среды казацкой старшины. Эти предатели стремились при помощи шведских баронов и их союзников, польских магнатов, вернуть украинское крестьянство, мешанство и казачество в то ярмо, которое они владели до освободительной войны 1648—1654 гг. Предварительно Мазепа заключил тайный договор с Карлом XII, обязуясь оказать ему военную помощь, предоставить в его распоряжение важнейшие города-крепости, а также снабдить шведскую армию провиантом и фуражом. Захватом Левобережья шведы стремились обеспечить себе также связь с Крымом и Турцией, которые обещали выслать им в помощь значительные воинские силы.

Когда шведские завоеватели приблизились к р. Десне, Мазепа (в с. Макошино) с кучкой старшин, сердюков и компанейцев перешел на их сторону. Измена Мазепы вызвала всеобщее негодование. Украинский народ, с презрением отрекшийся от изменника, поднялся на героическую борьбу против оккупантов и их прихвостней. Крестьяне уходили в леса, создавали партизанские отряды, наносившие врагу большой урон. Борьба приобрела общенародный характер². Вскоре шведы были вынуждены покинуть Гадяч и Зеньков. Жители Недригайлова заявили, что «скорее смерть примут, чем неприятеля пустят». При попытке взять Веприк, который защищало население и небольшой русский гарнизон, шведы потеряли 1200 человек убитыми и ранеными и т. д. Между тем 28 сентября 1708 г. русские

¹ Булавинское восстание, сбор. док., док. № 191, стр. 395.

² См. подробнее В. Шитов, Народна війна на Україні проти шведських загарбників у 1708—1709 рр., К., 1951.

войска разбили у д. Лесной, на р. Соже, войско шведского генерала Левенгаупта, двигавшееся из Прибалтики на помощь Карлу XII.

Шведы и мазепинцы попали в трудное положение. При создавшихся условиях они решили любой ценой обеспечить себе помощь со стороны Запорожья, ибо, помимо всего прочего, этим они могли сохранить связь с Крымом. В лице кошевого атамана Гордиенко Мазепа имел на Запорожье своего человека. С его помощью он рассчитывал запугать запорожских казаков, сыграть на том, что значительная часть их принимала участие в недавнем восстании 1707—1708 гг. 12 марта 1709 г. в Сечь с универсалом Мазепы прибыл его посланец. В универсале было написано, что гетман сам слышал, как царь Петр I говорил: «надобно искоренить этих воров и злодеев запорожцев». Меншиков будто готовился по приказу Петра двинуться с большим войском на Запорожье, но этому воспрепятствовал приход шведов на Украину. Таким образом, Мазепа старался изобразить шведов в виде спасителей. Вместе с тем Мазепа уверял запорожцев, что Карл XII желает сохранить за ними все их вольности и т. д.

Через две недели, 26 марта 1709 г., кошевой Гордиенко в сопровождении 50 человек своих сторонников приехал к Мазепе в Диканьку, а на следующий день в Будищах он был принят Карлом XII. Гордиенко и старшины принесли присягу шведскому королю¹. С ними было всего несколько сот казаков. Старшины получили от Карла XII большие денежные суммы — десятки тысяч злотых².

В это время агенты Гордиенко в Сечи старались уверить запорожцев в подлинности всего того, о чем писал в своем универсале Мазепа. Но казаки не поддавались на провокацию. Они больше склонялись верить письму Петра I, которое было получено в Сечи и оглашено на раде еще в конце 1708 г. В нем говорилось, что когда «преж сего наш, великого государя, гнев на вас являлся, и то все чинилось по писмам и ложным доношениям изменника Мазепы, которой к нам... писал на вас почасту, будто вы к нам... неверность свою являете, хотя вас теми своими лживыми клеветы привесть в нашу... немилость». Царь убедился теперь, говорилось далее, что «Мазепа то чинил по изменничью своему умыслу» и что он, Петр I, надеется на верность запорожцев³.

После того как Гордиенко уехал к Мазепе, в Сечи вспыхнуло восстание. Запорожцы объявили Гордиенко отрешенным

¹ Сохранилось письмо Гордиенко из Сечи к польскому королю Ст. Лещинскому, ставленнику Карла XII, в котором он приглашал его «на сполную (общую) помощь и ратованье милой отчизны» (!). Д. *Эварницкий*, История запорожских казаков, т. III, СПб, 1897, стр. 404.

² Н. *Костомаров*, Собрание сочинений, кн. 6, стр. 673.

³ Письма и бумаги императора Петра Великого, т. 8, вып. I, М—Л, 1948, док. 2845, стр. 309.

от должности. Когда Гордиенко со старшиной возвращались из Будищ в Сечь, по дороге их встретили запорожские посланцы. Они вручили предателям письмо, в котором, между прочим, говорилось: «Как ты делал, так и отвечай; ты без нас вымышлял, а мы... выберем себе вместо тебя другого кошевого». Действительно, на место Гордиенко кошевым был избран Петр Сорочинский. Запорожцам, приставшим к Гордиенко, было приказано вернуться в Сечь.

Однако вскоре оказалось, что новый кошевой Сорочинский и его первый помощник наказной атаман М. Симоненко сами являются тайными агентами Мазепы¹. При их содействии в Сечи снова взяли верх сторонники Гордиенко. Русское правительство не могло допустить того, чтобы такая важная в стратегическом отношении крепость, как Сечь, осталась в руках агентов Мазепы. 26 апреля Меншиков отправил на Запорожье полковника П. Яковлева с двумя армейскими полками.

28 апреля 1709 г. Яковлев прибыл к Ст. Кодаку, а 7 мая к Сечи. К запорожцам (их было всего несколько сот человек) он отправил посланца с письмом, обещая им безопасность и требуя, чтобы они принесли повинную и избрали себе других старшин. Но старшина перехватила посланца Яковлева и утопила его, не допустив, таким образом, к казакам². Через несколько дней к Яковлеву с полком компанейцев и драгунами подошел полковник Игнат Галаган.

14 марта царские войска вступили в Сечь. Оказалось, однако, что в крепости осталось всего около 300 казаков. Большинство запорожцев незаметно ушло на лодках через протоки³, захватив с собой кое-какое имущество. Солдаты захватили в Сечи 36 пушек, 4 мортиры, 12 гаковниц и другое оружие, а также 13 знамен, войсковые литавры и т. д. Сечевые укрепления были разрушены. Многие из оставшихся казаков были казнены. Чертомлыцкая (иначе Базавлуцкая, или Старая) Сечь перестала существовать. Затем Яковлев и Галаган спустились по Днепру и стали хватать и казнить даже тех казаков, которые находились на промыслах и не принимали никакого участия в событиях. Запорожские земли были приписаны к Миргородскому полку, и «зостало Запорожье пусто».

Запорожцы не желали покинуть свою родину и стали располагаться на р. Каменке. Однако вскоре (в 1711 г.) по приказу правительства они были изгнаны и отсюда. После этого запорожцы переселились в Алешки (к югу от впадения Ингула в Днепр), на территорию, принадлежавшую тогда Крымскому ханству.

¹ Своих агентов в Сечи Мазепа недвусмысленно называл своими «желательными». *Соловьев, История России с древнейших времен*, т. XV, стр. 1395.

² Булавинское восстание, сбор. док., док. № 194, стр. 398.

³ См. показания запорожского казака Ивана Швеца (ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 364, л. 72).

На новом месте, на чужбине, запорожские казаки очутились в исключительно тяжелом положении. Лишенные права возвести оборонительные укрепления, иметь пушки и т. д., они оказались беззащитными перед произволом крымских феодалов. Поэтому называть Алешки, где располагался Кош, Сечью можно только условно. Грабежи, убийства и увод запорожцев в плен стали теперь обычным явлением. Вместе с тем, по приказу хана, запорожцев принуждали к тяжелым земляным работам на Перекопе и в других местах. В пользу ханской казны с них взимали разорительные поборы и т. д. Болезненно переживали запорожцы разрыв их исконных экономических связей с Украиной и Россией. Мытный трактат 1713 г., заключенный между Россией и Турцией, провел пограничную черту между реками Орелью и Самарой. Это лишало запорожцев возможности сбывать в Россию предметы своего хозяйства — скот и продукты скотоводства и рыболовства, а также вывозить отсюда хлеб, ткани, оружие, металлические изделия и другие необходимые товары. Резко сократился приток беглых, которые были основным источником пополнения запорожского казачества.

Запорожское казачество, давний оплот украинского народа в борьбе против турецко-татарской агрессии, очутилось из-за измены старшин в ложном и противоестественном положении. Оно было обречено на неминуемое вымирание. Печальная память о пребывании в Алешках нашла свой отголосок в старинной думе:

«Заступила чорна хмара
Ту білу ю хмару:
Опанував запорожем
Поганий татарин...
Ой, Олешки, будем довго ми вас знати, —
І той лихий день і ту лиху годину
Будем довго, як тяжку личину, споминати».

Правда, запорожцы пытались оказывать татарам сопротивление. По словам Мышецкого, их войско «хотя... под властью Крымскою и состояло... Татарам великое нападение чинили... и где могли... Татар побивали досмерти». В среде казачества нарастал протест против старшинской группировки, возглавляемой Гордиенко (последнему вновь удалось занять должность кошевого атамана), которая опиралась на татарских феодалов и стремилась любой ценой воспрепятствовать возвращению казаков на родину. Недовольство массы запорожцев привело к тому, что в 1714 г. кошевым был избран сторонник возвращения казачества в Россию И. Малашевич. От имени запорожского «товариства» Малашевич обратился к русскому правительству с просьбой разрешить войску вернуться на свои прежние земли. Когда правительство, избегавшее в то время осложнения отношений с Турцией, отказалось от положитель-

Часть острова Чертомлык, на котором находилась Старая (Чертомлыцкая) Сечь.

ного решения этого вопроса, запорожцы стали возвращаться на родину самовольно — группами и в одиночку. В 1714 г. 350 таких запорожцев было поселено правительством у Глухова и Конотопа.

Вслед за этим борьба в Алешках между сторонниками возвращения на родину и их противниками вспыхнула с новой силой и привела в мае 1728 г. к бурному восстанию. Появившись внезапно у Алешек, казаки свергли Гордиенко, к этому времени вновь захватившего при поддержке своих сторонников атаманскую булаву. Повстанцы разгромили шинки, лавки, дома старшины, поддерживавшей Гордиенко. Майское восстание 1728 г. со всей убедительностью показало, что запорожские казаки решительно стояли за немедленное возвращение на родину. Забрав войсковые клейноды, казаки двинулись вскоре вверх по Днепру. Вопрос о разрешении запорожцам вернуться на родину был положительно решен правительством в начале 30-х гг. В марте 1734 г. запорожцы основали на р. Подпольной (прибл. в 5—7 км от прежней Чертомлыцкой, или Старой, Сечи) так называемую Новую Сечь.

Запорожскому войску были отданы во владения земли, которые оно занимало ранее, и назначено годовое жалованье в размере 20 000 рублей. На постройку сечевой крепости правительство отпустило дополнительные средства. С этого времени в истории запорожского казачества наступил новый период.

ГЛАВА XIII

ЗАПОРОЖЬЕ В ПЕРИОД НОВОЙ СЕЧИ

История Новой Сечи обнимает период в сорок с небольшим лет (1734—1775 гг.). Этот период в жизни Запорожья, как и всей страны, ознаменовался дальнейшим развитием производительных сил — хозяйства, культуры и т. д. В описываемое время Запорожье делилось в административно-территориальном отношении на паланки (округа). В 30—40-х гг. таких паланок насчитывалось не более пяти. Позднее, по мере роста населения и усложнения функций управления, число паланок увеличилось до восьми. На правом берегу Днепра находились Кодацкая, Бугогардовская и Ингульская паланки, на левом — Протовчанская, Орельская, Самарская, Калмиусская и, наконец, у самого устья Днепра — Прогноинская.

Центром паланки была слобода, где находилась местная администрация и располагался небольшой гарнизон. Центр паланки, таким образом, являлся одновременно опорным, оборонительным пунктом. Во главе паланки стоял полковник, которому подчинялась местная администрация (писарь, подписарий, атаманы слобод и т. д.). Паланковая старшина сосредоточивала в своих руках не только административную, судебную и финансовую, но также военную власть. Она ведала сбором налогов, судом, мобилизацией казаков, организовывала оборону паланок от набегов татар и др. Одной из важнейших функций паланковой старшины было сохранение «порядка» в округе и борьба с «сумнительными» элементами. Наряду с казаками в паланках проживали посполитые (крестьяне). Поэтому, кроме выборных слободских (сельских) казачьих атаманов паланковой администрации подчинялись также выборные атаманы крестьянских (посполитых) «громад» (обществ).

Формально вся высшая и низшая запорожская администрация — атаман, писарь, судья, есаул, довбыш — продолжала избираться казаками на радах, которым она и должна была давать

отчет в своих действиях. Высшая войсковая, или кошевая, старшина избиралась раз в год на войсковой, или сечевой, раде, созывавшейся обычно 1 января. В действительности же выборы были чистой фикцией. Пользуясь своим экономическим положением, богатое казачество проводило на радах угодные ему кандидатуры. Эти лица часто занимали свои должности бессменно много лет. И. Малашевич, например, 9 раз избирался кошевым атаманом. П. Калнишевский занимал должность кошевого в течение 10 лет (1765—1775 г.). Много лет подряд удерживали за собой свои должности войсковой судья П. Головатый, полковники А. Колпак, И. Порохня и др. Богатые казаки, чтобы подчеркнуть свое положение и выделить себя из массы казачества, именовались знатыми, или старыми¹. Они участвовали вместе со старшинами, занимавшими должности и «абшитованными» (отставными), в войсковых сходках и вершили делами войска в своих корыстных интересах.

Административным и военным центром Запорожья продолжала оставаться Сечь. Она состояла из крепости и предместья. Внутри крепости, вокруг площади, на которой собиралась рада, кроме войсковой канцелярии, пушкарни, складов, мастерских, старшинских домов, школы² и церкви, находилось тридцать восемь куреней — продолговатых бревенчатых зданий. Курени играли важную роль в жизни Сечи. Каждый прибывший на Запорожье человек, желая вступить в казаки, должен был явиться предварительно в один из куреней (по собственному выбору) — к куренному атаману. Атаман опрашивал его и заносил в войсковой компут — список. С этого момента новопривывший считался запорожским казаком соответствующего куреня. Вступление в казаки сопровождалось, как правило, переменной фамилии³. Затем новопринятому казаку предоставлялся выбор: остаться жить в курене или же найти себе занятие вне Сечи, в запорожских паланках. В первом случае он был обязан выполнять гарнизонную службу: нести караулы, развозить приказы старшины, заготавливать дрова и сено, починять сечевую крепость, пасти войсковые табуны и стада и исполнять многочисленные другие поручения. В куренях жили и те казаки, которые призывались войсковой администрацией для отбывания «очереди» из паланок. Куренные атаманы имели большую власть над казаками. Они ведали куренными списками и

¹ Центральный Государственный Исторический Архив УССР, далее ЦГИА УССР, ф. Коша Запорожской Сечи (далее ф. КЗС), д. 8, л. 55—56.

² Школа в Сечи была, насколько нам известно, не единственной на Запорожье. Школы встречаем и в слободах. Сечевая школа, например, готовила канцеляристов для войсковых учреждений.

³ В обычае перемены фамилии буржуазные авторы усматривали какой-то особый, ритуальный смысл, наподобие отречения от прежнего имени при вступлении в монахи. В действительности же в этом выражалось естественное стремление беглых крепостных обезопасить себя от возможных преследований со стороны их бывших владельцев и властей.

имуществом, призывом казаков на службу. Кроме того в их руках находился куренной суд.

В 60-х годах XVIII в. население Запорожья насчитывало, по приблизительным подсчетам, 100 тысяч человек. Запорожское войско пополнялось, как и в прежние времена, почти исключительно за счет тех, кто искал на Запорожье спасения от усилившегося во второй половине XVIII в. на Украине и в России закрепощения. «Все их войско, — писал современник, — совершенно собирается... из зашедших к ним (на Запорожье. — В. Г.) мужиков»¹.

Во второй половине XVIII в. в связи с усилением феодально-крепостнического и национального гнета бегство на Запорожье приобрело размеры, внушавшие серьезную тревогу крепостникам и их правительству. В 1770 г., например, из Миргородского полка бежали на Запорожье крестьяне старшины И. Зарудного². В следующем году на Запорожье бежало несколько сот крестьян известного украинского магната С. В. Кочубея³. Весной 1771 г. из-за невыносимых утеснений своего владельца, помещика М. Милорадовича, восстали крестьяне одной его слободки. Они захватили помещичью усадьбу, забрали панских волов, лошадей и другое имущество, а затем сожгли свои хаты, вооружились косами и вилами и ушли на Запорожье⁴. На Запорожье искали убежища не только беглые с Левобережной и Правобережной Украины, но также из Слобожанщины и даже Велико-россии. В 1767 г. крестьяне одного из сел пограничного с Запорожьем Борисоглебского полка обратились к Кошу с коллективным письмом, в котором просили принять их в состав запорожского «подданства». Крестьяне писали: «просим принять нас под ведомство войска Запорожского по жизнь нашу житьствовать, а мы всяческие повинности и тягости по определению войска Запорожского отбывать долженствуем»⁵. В 1769 г. из слободки Ивановки, принадлежавшей графу И. С. Гендрикову, в Сечь бежало 78 крестьян⁶. В 40—70-х годах XVIII в. к Запорожскому Кошу с просьбой о розыске крепостных обращалось множество русских дворян — помещики Норец, Стрешнев, Федуев, Уткин и т. д.⁷. Наконец, на Запорожье бежало немало солдат, причем нередко с оружием и лошадьми. В 1735 г., например, сюда прибыло 5 солдат Ревельского драгунского полка, двое из них в полном вооружении и на лошадях⁸. В 1757 г.

¹ Краткие выписки о малороссийском народе и запорожцах Г. Ф. Миллера. Чтения в обществе истории и древностей, 1847, № 5, стр. 73—74.

² ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 272, л. 4.

³ Там же, д. 60, лл. 144—145.

⁴ Там же, д. 304, л. 67.

⁵ Там же, д. 206, л. 17.

⁶ Там же, д. 272, лл. 46, 51.

⁷ Там же, д. 4, лл. 3, 6; д. 40, л. 15; д. 18, л. 100.

⁸ Там же, д. 4, л. 2.

на Запорожье бежали солдаты из Борисоглебского, С.-Петербургского и других полков¹.

Постоянный отлив крепостных крестьян из центральных губерний на Запорожье и в другие казачьи области больно задевал интересы украинских и русских помещиков. Последние не раз обращались к сечевым властям с требованием розыска и выдачи беглых. Однако подобные «прошения», как правило, оставались безрезультатными. Запорожская старшина делала все от нее зависящее, чтобы не выдавать беглых. Это последнее следует объяснить, конечно, не сочувствием ее беглым крепостным, а чисто меркантильными соображениями: беглые, лишенные крова и часто всякого имущества, являлись дешевой, почти даровой рабочей силой для старшины и богатого казачества. Последние, таким образом, были кровно заинтересованы в постоянном притоке беглых. Не случайно в 1775 г. правительство упрекало запорожскую старшину в том, что она принимала в войско «без разбора... людей всякого сброда, всякого языка и всякой веры»². Нельзя также забывать и того, что беглые были главным источником пополнения Запорожского казачьего войска с самого начала его существования.

Административная и военная власть на Запорожье принадлежала, как сказано, по существу не казацкой раде, а войско-вой старшине. Ей подчинялись есаулы, добывши, шафари (сборщики налогов и пошлин), а также паланковая старшина — полковники, писаря и др. В ее руках находился суд и тюрьма. Чтобы оберегать собственность богачей от любых посягательств, старшина установила жестокие законы. Вопреки правительственным распоряжениям, запрещавшим местным властям в обычное время приговаривать уголовных правонарушителей к высшей мере наказания — к смертной казни, на Запорожье в период Новой Сечи последняя довольно часто применялась. По свидетельству современника, в Сечи не только за разбой, но и за кражу «вешали... и у столба убивали... и на кол живых сажали». Это подтверждается и другими данными. Очевидец, капитан Мижув, доносил в январе 1761 г. Киевской губернской канцелярии, что «генваря 24 дня в Сече Запорожской при собрании старшин и войска повешено запорожских казаков шесть человек... за кражу лошадей»³. Тюрьмы (если можно назвать так сырые ямы) находились как в Сечи, так и в каждой паланке. Даже за мелкую кражу обвиняемого приковывали к столбу, стоявшему на сечевой площади, и держали его в таком

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, л. 73, л. 11; л. 18, л. 27 и др.

² Летописное повествование о Малой России, ч. IV, стр. 32.

³ Сборник материалов для истории запорожских козаков, изд. Д.И. Эварницкий, СПб, 1888, док. 78, стр. 171. Известный астроном Эйлер, бывший в Сечи в 1770 г., просил разрешения посмотреть, «каким образом казенные вешаются», в чем, впрочем, ему было отказано (Киевская Старина, кн. 10, 1891 г., стр. 118).

положении до тех пор, пока он не соглашался вознаградить потерпевшего.

Запорожская старшина, в отличие от старшины Левобережной Украины, не превратилась в строго замкнутое сословие. Это, однако, не помешало ей присвоить себе целый ряд привилегий, которые резко выделяли ее из общей массы казачества. Возьмем, например, вопрос о землевладении. Земля на Запорожье принадлежала номинально не отдельным лицам, а всему войску. Однако воспользоваться правом на землю могли лишь те казаки, которые обладали известным имуществом и были, следовательно, в состоянии обзавестись собственным хозяйством. При этом лучшие земли, пастбища, места для рыбной и звериной ловли, для постройки мельниц и др. присваивали себе старшины. Так же самовластно старшина распоряжалась запорожскими лесами.

Злоупотребляя своей властью, старшина стремилась не отчитываться перед войсковой радой. Она бесконтрольно обращала в свою собственность большую часть поступлений с так называемых войсковых зимовников, с поборов, взимаемых с казаков и посполитых¹, с товаров, привозимых для продажи или провозимых через Запорожье, с речных перевозов², с промыслов, с прошений, подаваемых казаками и посполитыми в войсковые учреждения. Старшина установила обычай, по которому все мастеровые и торговцы, «собравшись каждого роду своим собранием, как-то: шинкари особо и мастеровые особо ж», должны были два раза в год (на рождество и пасху) давать ей «ралець» (подарок)³.

Львиную долю отбирала себе старшина также из жалованья, которое ежегодно отпускалось правительством войску. В 1763 г., например, старшина следующим образом распределила полученные из казны деньги: кошевой атаман получил 70, войсковой судья 60, войсковой писарь 50, есаул 40 и т. д. рублей. На долю же каждого куреня пришлось всего по 140 рублей⁴. Но старшина не довольствовалась одними деньгами. Она забирала себе и большую часть «хлебного жалованья». В результате этого при раздаче хлеба неизменно оказывалось, что в куренях его нехватало «и на полгода... на саламаху, а хлеба печи (и) на один

¹ Летописное повествование о Малой России, ч. IV, стр. 79—80.

² Представитель правительства, знакомившийся в 1770 г. с положением дел на Запорожье, писал в этой связи, что с налогов, которые взимаются тут с казаков на содержание куреней, «старшины знатным образом свои карманы полнят» (журн. Заря, СПб, 1871, октябрь — ноябрь, стр. 302).

³ По этому поводу тот же представитель правительства замечает: «во всей их земле нет ни единого моста или хотя бы на малейшем протоке гати, с которых бы не собиралось на полковника той паланки... с порожной телеги по копейке». Побо́ры взимались также за пользование войсковыми лодками и паромами, за конвоирование в пути и т. д. (там же, стр. 101).

⁴ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 124, л. 17.

месяц», иными словами: этого хлеба на каждого казака «и по горсти не стает (достается. — В. Г.)»¹.

В отдельных случаях войсковая старшина под разными предлогами пользовалась даже принудительным трудом казаков и посполитых. Так, в 1768—1774 гг., во время русско-турецкой войны, в ответ на распоряжение Коша из паланок в зимовники войсковой старшины неоднократно отправляли косцов (казаков и посполитых) для заготовки сена. Косцов при этом обязывали являться на работу со своим собственным инвентарем — косами, граблями, вилами, а также с волами и запасом харчей. В 1772 г. в зимовник кошевого атамана на р. Протовче было направлено 40 косцов, в другой его зимовник на р. Каменке — 30, войсковому судье в два зимовника — 50 и т. д.² Известны случаи, когда по приказу кошевого атамана паланковая старшина наряжала казаков и посполитых для постройки старшинам мельниц и возведения плотин³.

Основной формой ведения хозяйства на Запорожье в период Новой Сечи оставался зимовник (хутор). «Запорожские казаки, — писал в 1766 г. старшина В. Чернявский, — имеют некоторые селения, называемые зимовники, или хутора, при коих содержат рогатый скот, лошадей и овец; имеют пасеки для расплождения пчел и всякую экономию по свойству и качеству земли: заводят сады и огороды, запасаются сеном для прокормления скота и засевают поля разным хлебом, упражняются ловлею... зверей, а в реках рыб»⁴. В указанное время Чернявский насчитывал на Запорожье до четырех тысяч зимовников⁵. В действительности же зимовников было значительно больше. Чернявский имел в виду только вполне благоустроенные зимовники, т. е. такие, которые принадлежали старшине или зажиточному казачеству. Но, кроме подобных зимовников, на Запорожье было множество мелких и мельчайших хуторов, принадлежавших бедным казакам и имевших совсем убогое хозяйство. В таких зимовниках, которые назывались «кугами», не было даже изб. Жильем служила землянка, а в загоне для скота было не более одной-двух пар волов или лошадей.

Старшины и богатые казаки владели крупными зимовниками. Последние представляли собой довольно сложное хозяйство. В них, наряду с животноводством (скотоводством и коневодством), существовало земледелие, а также подсобные хозяйственные отрасли: пчеловодство, рыболовство, обработка зерна (мельницы и крупорушки) и т. д.

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 115, л. 101.

² Там же, д. 318, л. 2.

³ Привилегированное положение кошевой старшины подчеркивалось также тем, что для ее услуг содержалось за войсковой счет несколько «войсковых служителей».

⁴ С. *Мышецкий*, История о козаках запорожских, прилож., стр. 81—82.

⁵ Там же.

В зимовниках кошевого атамана П. Калнишевского, например, в 1775 г. было описано 639 лошадей, 9 буйволов, 1076 голов крупного рогатого скота разного возраста, 14045 овец и коз, 106 свиней, 5 ослов. В зимовниках войскового писаря И. Глобы — 336 лошадей, 889 голов крупного рогатого скота, 12463 овец и коз, 86 свиней. В зимовнике полковника Гараджи — 43 лошади, 167 голов крупного рогатого скота, 2700 овец и коз¹. Общая стоимость описанного имущества Калнишевского была официально определена в 38718, Глобы — в 31267 и Гараджи в 5830 рублей². Нужно добавить, что при этом не было учтено другое имущество, например крупные водяные мельницы Калнишевского и Глобы, а также наличные денежные капиталы. Между тем они были немалыми³.

В зимовниках Калнишевского, Глобы и Головатого имелись значительные посевы ржи, пшеницы, ячменя, овса и проса. На основании упомянутых выше описей (принимая копну ржи, пшеницы, овса и ячменя за 6 пудов зерна, копну проса — за 10 пудов, а четверть за 6—7 пудов), можно заключить, что в зимовниках Калнишевского было: 1120 пудов ржи, 1055 пудов пшеницы, 1010 пудов ячменя, 476 пудов овса и 1350 пудов проса, а всего 5011 пудов зерна; у войскового судьи Головатого: 1360 пудов ржи, 876 пудов пшеницы, 570 пудов ячменя, 441 пуд овса и 560 пудов проса, а всего 3807 пудов зерна; у писаря Глобы: 573 пуда ржи, 804 пуда пшеницы, 570 пудов ячменя, 588 пудов овса и 994 пуда проса, а всего 3529 пудов зерна⁴.

Зимовники богатого казачества трудно, а порой и вовсе невозможно отличить от зимовников старшины. В отдельных случаях зимовники богатых казаков были значительно больше старшинских. Вот пример. 31 января 1772 г., т. е. во время русско-турецкой войны, казак Онуфрий Лата в письме к кошевому атаману Калнишевскому сообщал, что в его зимовнике, кроме другого имущества, сгорело «хлеба четвертей до полторы тысячи»⁵. Если примем условно четверть за 6 пудов, то у Латы огонь уничтожил около 9 тысяч пудов зерна. В 1769 году во время татарского набега был сожжен зимовник казака Шкуринского куреня Ивана Шморгуна. Пожар погубил, кроме строевний, необмолоченного разного хлеба «коп до пятисот» и двести

¹ Тут же надо отметить, что опись не отражает полностью размеров имущества старшин. Из документа от 1769 г. мы, например, знаем, что только в одном зимовнике П. Калнишевского на р. Кильчене было 1050 лошадей и т. д. (ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 250, лл. 26 и 38).

² Днепропетровский государственный областной архив (ДГОА), ф. Канцелярии новороссийского губернатора, св. 112, № 3130.

³ В 1775 г. власти конфисковали у Калнишевского 47403 рубля 95 копеек серебряной и медной монетой, не считая ценных бумаг; у Глобы 21548 руб. 32 коп. наличными и векселей на сумму 5618 руб. 32 коп. и т. д. (Там же).

⁴ ДГОА, ф. Канцелярии новороссийского губернатора, св. 112, № 3130, л. 68.

⁵ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 278, л. 33.

копен сена, не считая другого имущества. У него же татары угнали 20 лошадей, 40 голов крупного рогатого скота и 700 овец. Убытки Шморгуна составили, по весьма приблизительным подсчетам запорожских властей, 1840 рублей¹. У казака Джерелиевского куреня Степана Каплуна в зимовнике сгорело до 400 копен хлеба и до 200 копен сена²; у казака Шкуринского куреня Семена Майгуры — 300 копен хлеба и 500 копен сена³; у казака Переяславского куреня Ивана Голого — более 300 копен необмолоченного хлеба; помимо того, татары угнали из его зимовника 20 лошадей и 14 голов крупного рогатого скота⁴. У казака Титаревского куреня Андрея Придатка в сгоревшем зимовнике погибло около 200 копен необмолоченного хлеба и 45 копен сена⁵. У других пострадавших казаков (Орельской паланки) в каждом зимовнике было сожжено хлеба в количестве от 100 до 300 копен⁶. Иными словами, сбор хлеба в богатом и зажиточном казацком зимовничанском хозяйстве колебался в пределах от 600 (при 100 копнах, считая копну за 6 пудов) до 3000 пудов.

Так как зимовник долгое время оставался преимущественно хозяйством скотоводческим, то показателем его размера может быть, естественно, количество рогатого скота и лошадей. Из зимовника казака А. Придатка в том же 1769 г. татарами было угнано 50 голов крупного рогатого скота, 70 лошадей, 300 овец; из зимовника казака Ирклиевского куреня А. Губы — 50 голов крупного рогатого скота, 10 лошадей, 800 овец; из зимовника казака Батурина куреня Г. Легкого — 150 голов крупного рогатого скота, 230 лошадей и 800 овец, из зимовника казака Каневского куреня Ф. Горюхи — 2 лошади и 2000 овец; из зимовника казака Поповичевского куреня Ф. Рудя — 4 лошади и 5010 овец и т. д.⁷

Немалый интерес для ознакомления с хозяйством богатого запорожца представляют данные о зимовнике казака Конеловского куреня Самойла Носа, описанного запорожскими властями в апреле 1773 г. В зимовнике Носа было 143 лошади, 140 голов крупного рогатого скота и 900 овец. Но этим действительное количество скота, находившегося во владении Носа, далеко не исчерпывалось. Узнав о предстоящем прибитии сечевой старшины для описи зимовника (дело было во время войны), Нос скрыл большую часть своего скота, угнав его в поле. «А настояще узнать о Самойловом имуществе, — докладывали Кошу старшины, — не можно, потому что на две или на три части

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 250, л. 58.

² Там же.

³ Там же, л. 59.

⁴ Там же, л. 57.

⁵ Там же.

⁶ Там же, лл. 48—59.

⁷ Там же.

лошади, овцы и товар рогатый разбитые и по степу находится в осторожности; ибо Самойловы молодики (работники. — В. Г.) объявили, что давно уже из Сечи приезде панов надеялись до их зимовника»¹.

Зимовники богатого казачества перемежались с зимовниками зажиточных, средних и бедных казаков. В среднем зимовнике, основанном на личном труде хозяев, обычно были одна или две пары рабочих волов, лошадей и несколько голов крупного и мелкого рогатого скота.

Украинские буржуазные историки изображали зимовник в виде замкнутого, натурального хозяйства: все, что производилось в нем, потреблялось якобы на месте — хозяином зимовника и другими его обитателями. При этом такие авторы, как Д. Эварницкий, исходили из того, что запорожский казак по природе своей «отнюдь... не торгаш... заниматься торговлей считал низким делом для себя, оттого слово «крамарь», т. е.... торгаш, у него было даже бранным словом, обидным для «лыцарской» чести»². Большую часть продукции, получаемой от своего хозяйства, казак, по Эварницкому, из присущего ему чувства «товарищества» отправлял «в Сичу на потребу сичевых козачков» и лишь сравнительно небольшую долю оставлял себе (и то главным образом для угощения путников). Всех проезжих людей хозяин зимовника «просил, — говорит Эварницкий, — садиться... по лавкам и предлагал им разные угощения — напитки и кушанья... Погуляв весело и довольно несколько дней, гости... благодарили ласкового хозяина за угощение... хлопцы подавали им накормленных... лошадей и сечевики (казаки. — В. Г.), вскочив на коней, уносились от зимовника»³.

Эта идиллическая картина, нарисованная Д. Эварницким, не имеет ничего общего с действительностью. Она основана на общих идеалистических воззрениях автора и должна была убедить читателя в том, что среди запорожского казачества господствовал «дух равенства и братства».

В действительности дело обстояло совсем иначе.

Во второй половине XVIII в. центральные области страны предъявляли все больший спрос на продукты запорожского сельского хозяйства. В связи с этим в период Новой Сечи значительная часть продукции зимовников шла на рынок. Зимовничане в большом количестве сбывали лошадей, скот, шерсть, кожи, масло, хлеб, рыбу, соль и др. В 1763 г., например, кошевой атаман П. Калнишевский продал чигиринскому купцу Василию Новицкому табун лошадей в 100 голов по 9 рублей за голову *, а в 1765 г. тому же Новицкому — табун лошадей и

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 341, лл. 13—14—15.

² Д. Эварницкий, История запорожских казаков, т. I, стр. 295.

³ Там же, стр. 301.

⁴ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 184, л. 53.

стадо скота на сумму 1500 рублей¹. Лошади и скот заводов Калнишевского сбывались и на более отдаленные рынки. В 1769 г. Калнишевский заключил договор с двумя орловскими купцами, Дмитрием и Евдокимом Немытовыми, на продажу табуна лошадей в 250 голов. Если цену хорошей лошади (руководствуясь индексом цен на Запорожье в то время) принять в 15 рублей, то эта сделка принесла Калнишевскому 3750 рублей. В 1774 г. Калнишевский продал очаковским купцам 2000 овец², а в следующем году — другую партию в 14000 овец (по 2 рубля за голову)³. Вырученные Калнишевским в результате этих торговых операций денежные суммы были весьма внушительны. Примеров торговли старшины лошадьми и скотом можно привести множество.

Не менее показательна торговля скотом и продуктами скотоводства богатых казаков. 30 июля 1757 г. казак Щербиновского куреня Кравец взял в Коше разрешение на прогон в крепость св. Елизаветы для продажи табуна лошадей из своего зимовника⁴. В 1761 г. разрешение перегнать «для продажи в Малую Россию» четырнадцать лошадей получил казак Роговского куреня Шуенко и его работники — Дмитрий и Роман⁵. В 1761 г. атаман Корсунского куреня И. Швидкий продал перекопским купцам Ала Кай Аге и Джумане 500 овец⁶. В том же году казак Шкуринского куреня Губа получил разрешение на проезд вместе со своим работником «в сегобочные любые казачьи полки в Малую Россию для продажи тринадцати лошадей»⁷. В 1764 г. казак куреня Пластуновского Литвин продал вололажскому жителю Порохне «собственного своего завода быков трехлетних пять да яловицу одну»⁸. В январе 1767 г. казаки куреня Крыловского Д. Куйчин и М. Высочин продали в г. Жиговце хотинскому купцу Дуваду 58 своих лошадей⁹ и т. д. и т. п.

Породистые запорожские лошади и скот славились далеко за пределами края. Сохранилось письмо уманского губернатора от 1762 г. на имя Запорожского Коша с приглашением прислать на уманские ярмарки казаков со всяким скотом, «а найпаче с добрыми лошадьми и маститыми лошатами»¹⁰. Запорожскими лошадьми ремонтировалась, в частности, даже прусская кавалерия¹¹. Для закупки лошадей, скота и других продуктов

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 184, л. 2.

² Там же, д. 346, л. 14. §

³ А. Скальковский, История Новой Сечи, ч. III, Одесса, 1885, стр. 177.

⁴ ЦГИА, УССР, ф. КЗС, д. 18, л. 159.

⁵ Там же, д. 103, л. 18, оборот.

⁶ Там же, д. 97, л. 107.

⁷ Там же, д. 113, л. 4.

⁸ Там же, д. 125, л. 23.

⁹ Там же, д. 187, л. 112.

¹⁰ Там же, д. 80, л. 85.

¹¹ Там же, д. 324, л. 20. Письмо прусского ротмистра фон Линдера, полученное Кошем 17 августа 1773 г.

зимовничанского хозяйства на Запорожье приезжали купцы из разных мест. В письме Коша от 31 августа 1761 г. на имя Коллегии иностранных дел говорится, что для разных закупок на Запорожье «всегда... бывают заграничные з Крымской области народы»¹. К этому же году относятся данные о пребывании на Запорожье крымских купцов, ездивших «понад Днепром для покупки скота»². В августе 1774 г. ингульский полковник сообщил в Кош о пребывании в его паланке 7 кинбурнских торговцев «для покупу разных товаров — коней, волов, овец, смушков, масла»³.

За пределы Запорожья зимовничане сбывали также продукты скотоводства — кожу, в том числе подошвенную, юфть, смушки, шерсть, сало баранье и свиное, сыр, масло, ветчину, вяленое мясо и др. Часто между производителем и потребителем становился скупщик, что, в свою очередь, свидетельствовало о значительном развитии товарного производства. Такими скупщиками бывали богатые запорожские казаки, а также украинские и великорусские купцы. Запорожские власти оказывали торговцам всякое содействие в скупке местных товаров и в вывозе их за пределы края.

В начальный период существования Новой Сечи Запорожье само еще нуждалось в привозном хлебе и закупало его на Украине. Кошевой атаман Г. Федоров писал в октябре 1755 г. гетману К. Разумовскому, что из «Малой России хлебных... припасов в Сечь Запорожскую (бывает. — В. Г.) в привозе в один год... четвертей десять тысяч». Без этого хлеба «в пропитании войска Запорожского... может последовать немалая нужда», — заключал он⁴. Однако сравнительно скоро, в связи с развитием земледелия на Запорожье, положение существенно изменилось. Тут стали в довольно значительных размерах возделывать пшеницу, рожь, ячмень, овес, гречиху, а также табак, арбузы, дыни, разные овощи. Известное распространение получило садоводство и пчеловодство. Из сельскохозяйственных орудий документы упоминают — плуги «с железы», бороны, серпы, косы, заступы и др. В зимовнике полковника Пишмича, например, в 1775 г. было описано 4 плуга, 10 серпов, 12 кос, 2 заступа и т. д.

Запорожье стало удовлетворять теперь не только свои собственные потребности в хлебе, но и вывозить его наряду с другими сельскохозяйственными продуктами за пределы края. Так, в 1772 г. казак Я. Лошака продал торговцу М. Соломону «собственной своей муки аржаной 122 четверти, каждая по 6 рублей 20 копеек, пшеничной и пшена 38, каждую по 6 рублей 60 копеек, всего 160 четвертей (т. е. 1120 пудов. — В. Г.)... да

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, л. 101, л. 12.

² Там же, д. 137, л. 5—6.

³ Там же, д. 323, л. 69 и л. 345, л. 184.

⁴ Там же, д. 27, л. 47—48.

четыре бочки вина»; «а за все оное я, — писал Лошака, — с него... 10414 рубля 40 копеек получил сполна»¹. Богатые зимовничане, или, как называют их документы, «промышленники», поставляли продовольствие русским войскам. В 1773 г., во время русско-турецкой войны, из зимовников в действующую армию шло «вино, сало и прочая провизия»².

Хлеб из запорожских зимовников вывозился в Крым³. Насколько необходимыми являлись для крымских и других татар экономические связи с Запорожьем, свидетельствует письмо правителя Едисанской орды от 1770 г. на имя Запорожского Коша, в котором, между прочим, читаем: «просим оказать дружбу: в нынешних обстоятельствах в съестном и хлебном припасе имеем недостаток и самое желание состоит, чтоб по дружбе как скорее с съестным на сю сторону купцов отпустить Вы изволили»⁴. В 1755 г. запорожские казаки В. Романовский и Н. Синенко продали в Крыму 5 возов масла⁵. В 1756 г. перекопский торговец К. Магмет закупил у казака Шкуринского куреня И. Черного «тютюну в борг (табаку в долг. — В. Г.) за цену чотыреста сорок рублей монетою российской рублевою»⁶.

Вывоз хлеба и других продуктов из Запорожья в Крым имел место даже во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Особенно значительных размеров торговля хлебом достигла после того, как некоторые орды (едисанцы, едикульцы и ногайцы) в результате успехов русского оружия отложились от Крымского ханства⁷. В апреле 1773 г. казак куреня Тимошевского Н. Письменный отправил в Крым для продажи «ржаной муки и гречаной пять четвертей, да пшона чотырнадцать четвертей с половиной»⁸. 10 апреля 1773 г. казак Крыловского куреня Н. Белый сообщил в Кош, что перекопские купцы «армяне Семен и Мартин купили было в него, Белого, муки пшеничной тридцать пять четвертей, всякую 6 рублей с полтиной, а затем еще приторговали семьдесят семь четвертей по 5 рублей без 25 копеек»⁹. В мае 1773 г. казак Тимошевского куреня Михайло Балараба отправил в Крым своего служителя казака Данилу Штанко с «семью воловыми повозками з пятьюдесятью четвертями собственного хлеба»¹⁰.

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 328, л. 29.

² Там же, д. 324, л. 110.

³ Упомянутый выше представитель русского правительства писал в 1770 г., что запорожские казаки «поставляют хлеб пшеничный... в Крым и Очаков и имеют продукт с турками и татарами» (журн. Заря, СПб, 1871, октябрь—ноябрь, стр. 301).

⁴ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 251, л. 47.

⁵ Там же, д. 19, л. 74.

⁶ Там же, д. 30, л. 56.

⁷ Там же, д. 281, л. 5.

⁸ Там же, д. 328, л. 18.

⁹ Там же, л. 9.

¹⁰ Там же, л. 15.

Кроме хлеба, богатые зимовничане вывозили в Крым водку, табак, кожи и др. В сентябре 1772 г. казак Тимошевецкого куреня Петр Булдименко ездил в Крым для продажи «горячего пяти бочек вина и восьми тысяч папушного табаку»¹. В 1773 г. в Перекопе властями был описан товар, принадлежавший трем запорожским казакам; тут было: 4 бочки водки, 86 выделанных кож и десятки пудов табака².

После всего сказанного возникает, естественно, вопрос: чьим трудом обслуживались зимовники старшины и богатого казачества? Основной рабочей силой в крупных зимовниках были наемные работники — наймиты, или молодики. Молодиком работник назывался независимо от возраста: им мог быть как молодой, так и старый человек. В огромном большинстве случаев наймитами, или молодиками, были запорожские казаки³. В крупном зимовнике работники исчислялись десятками. Ассессор Чугуев, долгое время живший на Запорожье, писал в 1766 г., что тут насчитывается «до четырех тысяч зимовников, полагая в каждой от пятидесяти и до пятидесяти человек обитателей»⁴. Эти обитатели, как объясняет Чугуев, в большинстве своем — выходцы с Украины. Проработав все лето в зимовниках, они затем «возвращаются в дома (свои) с работными денгами или запасом»⁵. Сообщение Чугуева подтверждается и документальными данными. Как видно из описи зимовника кошевого П. Калнишевского, в его зимовнике на р. Каменке в 1775 г. было 30 человек работников⁶.

5 сентября 1765 г. П. И. Калнишевский, находившийся в это время по делам в Петербурге, направил письмо своему племяннику, козацкому полковнику Иосифу Калнишевскому. Последнему было поручено наблюдать в отсутствие хозяина за его зимовниками. Рачительный хозяин, П. И. Калнишевский заботился в далекой столице о том, чтобы племянник не забыл возобновить с молодиками на следующий год договор о найме. Он приказывал племяннику строго смотреть за хозяйством, а главное — «когда молодики будут, которые отслуживают; не отпускать, нанимать надругие года»⁷. На обороте письма П. И. Калнишевского другою рукою, вероятно его племянника И. Калнишевского, сделаны хозяйственные подсчеты. Среди них отчетливо выделяются слова: «нанять 44» и рядом

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 328, л. 2.

² Там же, л. 19.

³ О молодиках см. подробнее нашу работу «К вопросу о социально-экономических отношениях на Запорожье во второй половине XVIII в.» Исторические записки АН УССР, т. 44, М., 1953.

⁴ Источники для истории запорожских козаков, изд. Д. Эварницкий, т. II, Владимир, 1903, стр. 1855—1856.

⁵ Там же, стр. 1856.

⁶ ДГОА, ф. Канцелярии новороссийского губернатора, св. 105, № 3130, л. 49.

⁷ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 175, л. 142.

Моголски племянкъ моголски

Моите квалитетно добротелствено
Алатъ даражъ, и даражото ези мого
нико вло то казашко смота
рточъ икожа мого дити, дараж
Коттигъ и даражото неодождо
Калишевски даражъ даражъ, итакъ
Трето даражъ
Ворно даражъ даражъ
Калишевски

сентябра 5^о
1760 годъ в м

Письмо кошевого атамана П. Калишевского.

цифры «44 × 7 = 308» и т. д. Так как в документах 7 руб. встречается в качестве годовой заработной платы молодика, то ясно, что в данном случае подсчитывались расходы по найму 44 молодиков.

В зимовнике войскового писаря И. Глобы мы видим в 1769 г. 13¹, а в 1775 г. 18 работников², у войскового судьи П. Головатого 22 работника³ и т. д.

Наймиты обслуживали хозяйства не только старшин, но и богатых казаков. Из ведомости по Самарской паланке от 1775 г., например, можно видеть, что в 597 зимовниках тут было занято 1043 наймита. Другими словами, на один зимовник приходилось в среднем по два работника. По Лычковской паланке работников было еще больше: тут в 49 зимовниках отмечено 219 наймитов; здесь в среднем на зимовник приходилось по 4—5 работников⁴.

Количество наймитов в зимовниках колебалось, конечно, в зависимости от сезона, но, бесспорно, существовало и ядро более или менее постоянных работников. Это видно из того, что многие наймиты получали «годовую заплату» и что они жили у хозяев вместе со своими семьями.

Крупный запорожский зимовник, принадлежавший старшине или нечиновному казаку, имел определенную организацию. Во главе его стоял или сам хозяин или «за господаря» — управляющий. Последний, как и прочие работники, был наемным лицом. Казак Джерелиевского куреня Зуб на допросе в 1798 г. показал, что, «записавшись в то запорожское войско в курень Джерелиевский... находился по найму того же куреня казака Николая Паливоды в смотрении его имениа 10 лет». Более выразительным является следующий документ. В 1771 г. возникла переписка между Кошем и Глинским ротным правлением Елисаветградского пикинерного полка. Из переписки явствует, что зимовником старшины Сидора Белого в 1771 г. управлял казак Незамаевского куреня Дорош («Найдующийся в оном зимовнику его, г-на Белого, за господаря козак того Незамаевского куреня Дорош»). Примеры подобного рода далеко не единичны.

Под началом управляющего состояло несколько работников, иногда женатых, живших на хозяйском дворе в отдельной хате, или хатах. В 1775 г. запорожский казак Онуфрий Лата ходатайствовал перед Кошем о разрешении основать «футор» и возвести из войскового леса строения. При этом Лата подчеркивал,

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 250, л. 38.

² Днепропетровский Областной Государственный Музей, ф. Азовской губернской канцелярии, № 206, л. 20, об.

³ ДГОА, ф. Канцелярии новороссийского губернатора, св. 105, № 3130, л. 52.

⁴ Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии, Екатеринослав, 1904, стр. 117—134.

что ему нужно «тамо (в зимовнике. — В. Г.) служителей женатых при себе держать, для коих и хат несколько построить»¹.

О широком распространении найма в запорожском зимовничанском хозяйстве в период Новой Сечи говорят многие современные источники. Малороссийский губернатор П. А. Румянцев 9 июля 1764 г. писал, что, насколько ему известно, на Запорожье после мобилизации войска «в зимовниках остаются по большей части одни работники»². Кошевой П. И. Калнишевский в своем письме от 2 сентября 1770 г. замечает, что заработка на Запорожье можно легко найти «когда не жатвою, то молотьбою по тамошним жителям, а паче по казачьим зимовникам»³.

Запорожский зимовник, таким образом, отнюдь не стоял в стороне от общего процесса развития товарно-денежных отношений, протекавшего в стране. Изучение экономической истории Запорожья в период Новой Сечи не оставляет сомнений в том, что крупный запорожский зимовник приобретал все более отчетливые черты буржуазного хозяйства.

Значительное развитие в период Новой Сечи получило земледелие и скотоводство также в запорожских слободах. Слобод в указанное время было на Запорожье несколько десятков (преимущественно в северных паланках — Орельской, Самарской и Протовчанской). В слободах жили, как правило, семейные казаки и крестьяне (посполитые). Посполитых можно разделить на несколько категорий — «тяглых одиноких», «семянистых и можных», «пеших», «подсуседков» и «крайне неимущих». Тяглые и можные имели свои хозяйства в слободах, а часто также хутора, мельницы, шинки и проч. Пешие владели лишь дворами и хатами. У подсуседков чаще всего не было собственных хозяйств, они жили обычно во дворах тяглых посполитых и казаков. «Крайне неимущие», или «нищетные», составляли группу посполитых, не имевших никакого имущества⁴.

Все посполитые платили в пользу Запорожского войска определенный налог. Размер налога определялся Кошем в целом на слободу, и распределением его занималась сама громада. При этом тяглые, т. е. более зажиточные, неизменно стремились переложить всю тяжесть на бедных посполитых. Это не раз приводило к волнениям в слободах⁵.

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 171, л. 12.

² Я. Новицкий, Материалы для истории запорожских казаков, Екатеринослав, 1919, стр. 64. Курсив наш. — В. Г.

³ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 201, л. 63.

⁴ Там же, д. 236, л. 153. ДГОМ, ф. Запорожского Коша, арх. № 316, л. 1—3.

⁵ Там же, д. 348, л. 1. Отправляя в феврале 1774 г. довыбша (сборщика податей) из Сечи в слободы, кошевая старшина приказывала ему наблюдать за тем, чтобы налоги «справедливо» раскладывались на громадских сборах «смотря по имуществам: скоту, хуторам, мельницам, по промыслу и другим состояниям», и чтобы «бедных пеших неимущественных к излишней дачи (денег) промежду собою не привлекали и лишнего не накладывали».

Приведем для примера ведомость, позволяющую судить о количестве посполитых и о размере взимаемых с них денежных сборов по Протовчанской паланке (одной из наиболее заселенных) от 1773 г.

«Росписание всему запорожскому подданству учиненное по переписи 1773 году... з ведомства Протовчанского до скарбу войскового 1774 года февраля 12 дня... Полагая на двор тяглого по 80 копеек, на пешую хату по 30 копеек, на каждую подсудучную семью по полтине, на козака что без найму и в найму живут в обывателей по семидесяти копеек»¹.

№№ п/п	Название слобод	Тяглых		Пеших		Подсуседков, живючих с хо- зяями и осо- бо в хуторах и по селах		Итого				
		хаты	с них денег	хаты	с них денег	хаты	с них денег	руб.	коп.			
			руб.		коп.		руб.			коп.		
1	Могилев	49	39	20	80	24	—	32	16	—	79	20
2	Цеглинка	27	21	60	64	19	20	8	4	—	44	80
3	Продановка	42	33	60	61	18	30	6	3	—	54	90
4	Половетщина	28	22	40	6	1	80	—	—	—	24	20
5	Шульговка	30	24	—	31	9	30	2	1	—	34	30
6	Васильково	9	7	20	15	4	50	—	—	—	11	70
7	Кирилловка	37	29	60	65	19	50	25	12	50	61	60
8	Петровка	51	40	80	62	18	60	20	10	—	69	40

Кроме уплаты денежных сборов, посполитые отбывали в пользу войска разные повинности: чинили дороги и гребли, предоставляли квартиры и содержание кошевой старшине, когда она проезжала через слободы, а также отдельным казачьим командам, привлекались для починки куреней, заготовки для войска сена² и т. д. Переход из посполитых в казаки не был формально ничем ограничен. Желая распространить на себя казачьи права, богатые посполитые нередко вступали в казаки, и наоборот, разорившись и потеряв способность отбывать службу за собственный счет, казаки переводились в посполитые³.

Не только богатые казаки, но также и богатые посполитые применяли в своих хозяйствах труд наймитов. В слоб. Петровке, например, в 1773 г. у казаков И. Супереки, С. Злого, И. Рудя и др. было по одному наймиту, у казаков С. Богини, М. Мороза и Л. Дзвоза — по два, у казака О. Черного — три, у Фартуш-

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 348, л. 2.

² Источники для истории запорожских казаков, т. II, стр. 1856.

³ Один из паланковых полковников сообщал Кошу, что из казаков слоб. Козирцины он перевел в посполитые 7 человек потому, «что крайне они бедние нищетние и в таковой козачей должности (состоять) не могут» (Днепропетровский Областной Государственный Музей, ф. Запорожского Коша, арх. № 316, л. 3).

ного—четыре, а у С. Яловенко—пять наймитов ¹. Но зажиточные посполитые имели обычно не более одного-двух наймитов.

О степени внедрения наемного труда в хозяйство запорожского слободского казачества и посполитых можно судить на основе данных, содержащихся в ведомости Протовчанской паланки от 2 марта 1773 г. Эти данные можно представить в виде следующей таблицы ²:

№№ п/п	Название слобод	Число казаков, имеющих наемных работников	Число наемных работников у казаков	Число посполитых, имеющих наемных работников	Число наемных работников у посполитых
1	Могилев	11	13	—	—
2	Цеглинка	23	31	2	2
3	Продановка	17	19	2	2
4	Половетчина	7	7	—	—
5	Шульговка	21	23	3	4
6	Васильково	—	—	—	—
7	Кириловка	18	24	2	2
8	Петровка	22	36	6	6
<i>Итого</i>		119	153	15	16

Наконец, на Запорожье в указанный период находим и феодально-зависимых крестьян. Правда, число их было невелико. Феодально-зависимыми крестьянами можно считать в известной мере уже подсосудков; подсосудки работали определенное время года на хозяев, во дворах которых они жили. По отношению к тяглым и пешим посполитым подсосудки составляли сравнительно небольшую часть. Об этом можно судить на основании нижеследующей таблицы, составленной по данным за 1773 г., относящимся к той же Протовчанской паланке.

№№ п/п	Название слободы	Тяглые посполитые	Подсосудки	Подсосудки по отношению к тяглым посполитым в %
1	Могилев	49	32	66
2	Цеглинка	27	8	30
3	Продановка	42	6	14
4	Шульговка	30	1	3
5	Васильково	9	—	—
6	Кириловка	37	12	32
7	Петровка	51	10	20
<i>Итого</i>		245	69	165

¹ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 348, л. 3.

² Там же, л. 3—6.

Как видим, по отношению к тяглым посполитым подсосудки составляли около 28 процентов¹. Так как обычно у тяглого посполитого было не более одного подсосудка, то, следовательно, подсосудков имела только часть посполитых (в Протовчанской паланке приблизительно одна четвертая). Таким образом, наряду с трудом наймитов зажиточные посполитые эксплуатировали также труд подсосудков.

Еще ближе к положению феодально-зависимых крестьян находились подданные войскового Самарского и Нефорощанского монастырей. Монастырь имел право держать на отведенной ему войском земле не более 50 крестьянских дворов. Эти крестьяне были обязаны нести в пользу монастыря обычные феодальные повинности.

Однако ни подсосудки, ни монастырские крестьяне не были крепостными². Подсосудки могли переходить в посполитые или в казаки. Правом подобного перехода пользовались также монастырские крестьяне.

На Запорожье, как и в других казачьих областях, отношения феодальной зависимости, несмотря на все давление крепостнической системы империи и на стремление старшины пользоваться даровым трудом казаков и посполитых, не могли достигнуть такого развития, как в центральных районах страны. Запорожье принадлежало к тем окраинным областям России, относительно которых В. И. Ленин говорил, что в них «крепостное право либо вовсе не было известно, либо было всего слабее»³. Это, несомненно, способствовало хозяйственному росту Запорожья и более быстрому развитию здесь новых, капиталистических отношений.

Социально-экономическое развитие Запорожья в период Новой Сечи может быть должным образом понято лишь при условии рассмотрения других отраслей хозяйства — рыболовства, чумацкого промысла, ремесла и т. д.

Рыболовство наряду со скотоводством и земледелием занимало важное место в экономике Запорожья. На речках и морских рыбных промыслах трудилась значительная часть запорожских казаков. Рыба в разном виде, по преимуществу сушеная, продавалась как на местных, запорожских рынках, так и за пределами края. Еще гетман И. Скоропадский в своем докладе, поданном Петру I в 1709 г., отметил, что «весь малороссийский народ оттоль (из Запорожья. — В. Г.) рыбами и солью питался»⁴. О размерах вывоза рыбы во времена Новой Сечи,

¹ В гр. 5 подсчеты произведены без десятых и сотых долей.

² На Дону к этому времени процесс закрепощения старшиной беглых крестьян и других элементов привел к более осязательным результатам (см. А. Проштын, Усиление крепостного гнета на Дону в XVIII в., Вопросы истории, № 6, 1955 г.)

³ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 552.

⁴ Летописное повествование о Малой России, ч. III, стр. 8.

в частности на Левобережье, можно судить на основании письма кошевого атамана Г. Федорова от октября 1755 г. гетману К. Разумовскому. Федоров писал, что на Левобережную Украину ежегодно вывозится разной рыбы и соли «возов четвертных тысячу пятьсот»¹. Рыба, а также икра, рыбий жир, клей и др. в значительном количестве вывозились в центральные области страны, на Правобережье и т. д.

Наряду с мелким, трудовым рыболовством на Запорожье существовало рыболовство крупное, предпринимательское. Основными орудиями на запорожских рыбных промыслах были в это время невод, косяк, мережа и самолов. Невод представлял собой громадную сеть длиной ок. 200 саж. (400 м). Вместе с веревками, привязанными к обоим концам невода, длина его достигала приблизительно 600—800 м. Невод являлся главным орудием труда всякого крупного рыболовного промысла, в то время как косяки, мережи и самоловы играли лишь вспомогательную роль. Кроме невода и других орудий лова, обязательной принадлежностью промысла были большие лодки — дубы, или баркасы, и маленькие — подъездки.

Стоимость рыболовного инвентаря была настолько высокой, что приобретать его могло лишь лицо, обладавшее значительным денежным капиталом. Один невод, например, стоил не менее 40—100 рублей². Если учесть, что на промысле, кроме невода, применялись косяки, мережи и самоловы, и если условно принять их цену за 100 рублей, то стоимость всех сетей будет равняться приблизительно 200 рублям. Дуб, или баркас, стоил 15—20 рублей³. Так как на промысле было обычно по 4—5 дубов, то их общая цена может быть обозначена в 100 рублей. Еще труднее точно определить стоимость другого рыболовного инвентаря: котлов, кадок, бочек, корзин, ножей, веревок и проч. Учитывая относительно крупные размеры улова (несколько тысяч пудов рыбы в течение сезона), можно предположить, что этот инвентарь стоил не менее 100 рублей. Значительную часть денежных средств нужно было затрачивать также на приобретение соли. Запасы соли на промысле, расходовавшиеся в течение сезона, равнялись приблизительно 300—500 пудам. Так как пуд соли стоил 20—50 коп.⁴, то стоимость запаса соли на промысле должна была равняться приблизительно 100 рублям. К этому нужно добавить известную сумму на строительство навеса, жилых и складочных помещений, на столы для обработки рыбы и т. д. Одним словом, все необходимое для промысла во второй половине XVIII ст. стоило по самым скромным подсчетам не менее 500 рублей.

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 27, л. 48.

² Там же, д. 48, л. 47.

³ Там же.

⁴ Зуев, О бывших промыслах запорожских казаков, Месяцеслов, СПб, 1786, стр. 3—16.

Для работы на промысле их владельцы нанимали на известный срок, на сезон, группу рабочих — тафу. Только для обслуживания невода необходимо было 12—15 человек забродчиков, или лямчиков. Помимо них, на промысле были люди, занятые обработкой выловленной рыбы: одни сортировали рыбу по размеру, другие потрошили ее, третьи распластывали туши, четвертые производили засолку, пятые развешивали на веревках для сушки и т. д. Часть работников была занята добыванием и приготовлением рыбьей икры, вязиги, вываркой жира, клея и т. д. Таким образом, прежде чем превратиться в готовый продукт, рыба проходила целый ряд последовательно протекавших производственных процессов. Рыболовный промысел, другими словами, представлял собой разновидность мануфактуры, пусть даже несложной, так как в основе его лежал принцип технического разделения труда, требовавший от работника специальных навыков, известной профессиональной сноровки.

Важную роль в хозяйственной жизни Запорожья, как и всей страны, в XVIII в. играл извоз — чумацкий промысел. Чумацкие обозы, груженные хлебом, солью, рыбой, маслом, табаком, шерстью, кожами и другими товарами, отправлялись на отдаленные рынки, откуда на Запорожье доставлялись предметы ремесла и мануфактурного производства. Во второй половине XVIII в. мы встречаем запорожских чумаков, ходивших также за границу — в Крым, Молдавию, Валахию, Правобережную Украину, Центральную Польшу и т. д. О значении чумацкого промысла можно судить, в частности, на основе уже упоминавшегося ранее письма кошевого Г. Федорова к Разумовскому от 1755 г. Федоров писал, что ежегодно на Левобережную Украину из Запорожья только с солью и рыбой выходит около 1500 «четвертных», или 5000 «пароволовых», возов¹.

Запорожскую чумацкую валку, как и рыбные промыслы, буржуазные историки оценивали неправильно. Д. Эварницкий, например, запорожский рыболовный промысел и чумацкий обоз представлял в виде «чисто товарищеской ассоциации». При этом будто бы запорожцы-чумаки, такие же «лыцари» как и другие казаки, «платили всю прибыль от своих промыслов в войсковой скарб»². Конечно, чумацкая валка внешне была организованной группой, во главе которой стоял выборный ватажок — атаман. Однако ни о каком «товариществе», ни о каком социальном равенстве лиц, входящих в валку, точно также, как и об отдаче всего дохода в пользу войска, не может быть и речи.

Наряду с чумаками-тружениками, обладателями одной-двух пар волов (упряжек), в валке участвовали богачи, владевшие

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 27, л. 48.

² Д. Эварницкий, История запорожских казаков, т. I, стр. 496.

десятками упряжек. Часто все упряжки в обозе принадлежали одному казаку. В таком случае хозяин валки содержал в качестве чумаков наймитов. Летом 1756 г., например, казак Каневского куреня Т. Голуб отправил в Крым за солью семь собственных возов с 24-мя волами под присмотром пятерых работников (молодигов)¹. Казак Каневского куреня В. Романовский ездил в Крым «для продажи разных товаров» на пяти возах с семьей работниками². В чумацком обозе казака Уманского куреня К. Чумака было занято шестеро наймитов. В конце 1760 г. они ездили в Крым «за товаром», заболели там бубонной чумой и умерли все до одного³. О широком применении наемного труда в чумацком промысле свидетельствуют многочисленные документы.

Свое дальнейшее развитие получили на Запорожье ремесло и торговля. Бойким торговым и ремесленным центром Запорожья было, прежде всего, предместье Сечи, насчитывавшее, по словам Чугуева, «до пятисот куренных казачьих торговых и мастеровых домов»⁴. Население предместья состояло, с одной стороны, из запорожцев-ремесленников и купцов, с другой — из разного торгового люда, не принадлежавшего к войску. «При Сечи, — пишет Мышецкий, — имелись майстеровые, как то кузнецы, слесари, шевцы или сапожники, кравцы или портные и прочие. Все художники (ремесленники. — В. Г.) работу свою производили и дома свои имели в предместье». Тут же были мастерские по починке и изготовлению оружия и др.⁵. Кроме мастерских хозяев-одиночек, были мастерские, в которых одновременно работало по десять и больше человек. Н. Корж, рассказывая об одном из запорожских богачей — казаке Деревянковского куреня Л. Глобе, утверждает, что он имел в Новом Кодаке «до 15 человек портных»⁶.

К предприятиям ремесленного типа можно отнести также водяные мельницы. В 1774 г. на Запорожье по обоим берегам Днепра «лодейных»⁷ мельниц было 41. Три из них принадлежали упомянутому казаку Глобе. Кроме мельниц, Глоба имел также один «фалюшник» (сукновальня)⁸. Можно предположить, что сукно, которое тут вырабатывалось, поступало затем в портняжную мастерскую Глобы, а оттуда в виде готовой одежды — на рынок.

На запорожских базарах — в предместьи Сечи и в паланках — шла оживленная торговля как местными, так и привоз-

¹ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 30, л. 102.

² Исторично-географічний збірник, т. II, 1928, УАН, К., стр. 123.

³ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 86, л. 140.

⁴ Источники для истории запорожских казаков, т. II, стр. 1854.

⁵ Летописное повествование о Малой России, ч. IV, стр. 79, 82.

⁶ Устное повествование бывшего запорожца Н. Л. Коржа, стр. 57.

⁷ Лодейными назывались мельницы, установленные на лодках или пармах.

⁸ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 98, л. 105.

ными товарами. Достаточно сказать, что в предместьи Сечи десятками исчислялись «торговые будки», лавки и шинки. Существовали целые торговые ряды, например, «крамный», «хлебный»¹ и т. д. Обороты отдельных лавок были довольно значительны. Мышецкий, например, говорит, что торгующие на сечевом базаре «мясники, шинкари, крамары (торговцы красным товаром. — В. Г.)... великие барыши по дорогой продаже своей получали»². Из лавки новокодацких купцов Алексея и Григория Баранчиковых в 1771 г. было похищено 500 рублей серебром³. Великорусскому купцу М. Макарову, торговавшему «при Сечи в крамном ряду», разные крымские купцы задолжали в 1757 г. 4122 турецких левов⁴. В 1760 г. казак куреня Джерелиевского П. Купка ходил в Калмнус с двумя возами, груженными «разными лавочными сукнами, везомыми для продажи». Свой товар Купка оценивал в 233 рубля⁵.

Представление о том, чем именно торговали на сечевых базарах, дают нам документы внутренних запорожских таможен. Из *металлов и металлических изделий* мы видим тут: железное листовое белое, сталь, медь простую и «дошатаю», свинец, олово прутовое, ртуть, чугуны в котлах, заступы железные, косы сенокосные, подмости железные, гвозди железные (простые и с медной головкой), крючки, железные формы для литья пуль, проволоку железную, медную и свинцовую, ножи, ножницы, иглы, сапожные шила, наперстки и проч.; из *тканей, тесьмы, ниток и пр.*: сукно сермяжное «простое» и «суздальское», сукно «лавочное разноцветное», хрящ (толстый, грубый холст), пестрядь московскую простую, пестрядь двойную, крашенину гладкую и разноцветную, камлот разноцветный, камлот зеленый, штоф голубой, китайку голубую, креп черный, полотно московское, парчу ординарную, рядно, тесьму нитяную простую, шнурок нитяный и шелковый простой и разноцветный, нитки разноцветные и нитки, «кои употребляются на сети рыболовецкия» и др.; из *суконных, шерстяных и бумажных изделий*: кафтаны простые белого и черного сермяжного сукна, епанчи шерстяные валеные, шаровары, сорочки мужские, пояса простые и шелковые разноцветные, чулки шерстяные, рукавицы, платки набоечные и бумажные и пр.; из *ювелирных изделий*: золото в цевках (катушках), сетки золотые, перстни, серьги, пуговицы золоченые и серебряные и пр.; из *кож и кожевенных изделий*: юфть черную и разноцветную, сапоги, опойки черные «малой руки», ремни для подпруг и т. д.; из *оружия и снаряжения*: ружья «казацкие» и «павловские», кремни для ружей, порох ружейный, дробь свинцовую, мушкетную гальку, сабли,

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 97, л. 106.

² Летописное повествование о Малой России, ч. IV, стр. 82.

³ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 301, л. 1.

⁴ Там же, д. 97, л. 106.

⁵ Там же, д. 87, л. 152—153.

ладунки (сумки для пороха) простые казацкие, шлейки, оброти и вожжи из пеньки и т. д.; *из предметов домашнего обихода*: сковороды железные, ухваты, ложки, чарки хрустальные и простые, бумагу писчую и «картузную», гребни роговые, щетки «малой руки», зеркала простые «ручные», трубки курительные деревянные, чубуки простые, мешки, веревки и арканы; *из продовольственных и прочих товаров*: хлеб и хлебные изделия, сахар простой и «кенарейский», перец, инбирь, табак, водку, вино и т. д.; *из красок, лекарств и др.*: блейвайс белый, камень синий и красный, сера горючая, нашатырь, скипидар, купорос, камфора, квасцы, деготь, ладан и т. д. и т. п. ¹.

Громадное большинство перечисленных товаров доставлялось на Запорожье из центральных промышленных районов страны. В марте 1764 г. через Кременчугскую таможенную казак Кушевского куреня Леонтий Павлов «с товарищи» провез в Сечь 6 пудов дощатой меди, 8 пудов свинца, 6 павловских ружей, 700 кос сенокосных, 10000 аршин полотна узкого русского, 2000 аршин пестряди московской, 400 аршин сукна сермяжного суздальского и т. д. ². В 1769 г. через Переволоченскую таможенную казак Батуринского куреня Иван Таран провез в Сечь 83 листа железа, 75000 гвоздей, 84 крючка, 85 ружей казацких, 68 конских шлей, 500 аршин сермяжного сукна, 89000 аршин грубого холста, 3070 аршин пестряди московской, 3450 аршин крашенины гладкой и разноцветной, 220 кафтанов, 850 сорочек, 6 катушек золота, 2 пуда сахара, 150 роговых гребней и т. д. ³. Кошевой атаман Гр. Федоров писал в 1765 г. гетману К. Разумовскому, что из внутренних губерний страны на Запорожье ежегодно доставляется в среднем: 4000 воловьих и 20000 овечьих выделанных шкур, 100 пудов шерсти, 300000 аршин простого сукна, 400 пудов пороха, 500 пудов свинца и 5000 ружей ⁴.

В привозной торговле известное место занимали восточные страны. Турецкие, греческие и др. корабли входили в устье Днепра и в версте от Сечи подвергались 20-дневному карантину. Кошевой атаман В. Григорьев писал в 1747 г. киевскому губернатору, что «судов в Сечь приходит (в год. — В. Г.) не равно, иногда 5, иногда 8, а иногда и 10». В 1746 г., например, прибыло 7 греческих судов и 1 турецкое ⁵. Восточные купцы доставляли в Сечь шелковые ткани, дорогое оружие, вина, рис, оливки, виноград, изюм, фиги, финики, рожки, миндаль, лимоны, орехи и проч. ⁶.

Богатые казаки и посполитые содержали постоянные дворы и питейные заведения: шинки (корчмы), ледовни и лехи (подвалы).

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 126, л. 11 и д. 241, лл. 22, 30.

² Там же, д. 126, л. 11.

³ Там же, д. 241, лл. 22, 30.

⁴ Там же, д. 27, лл. 47—48.

⁵ А. Скальковский, История Новой Сечи, Одесса, 1885, стр. 216—217.

⁶ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 122, л. 2.

В Самарской паланке в 1768 г., например, таких заведений было в общей сложности 97 (41 владели неженатые, 52 женатые казаки, а 4 посполитые)¹. Некоторые казаки, например Алексей Теплый, Иван Чубик и Павел Чумак, имели по шинку и ледовне, а Иско Неижмаченко — два шинка и ледовню². За право владения питейными заведениями хозяева их платили в войсковой скарб от «шинковой будки» 2 р. 50 коп., а от ледовни и леха — по 5 руб.³.

Старшины и богатые казаки занимались также ростовщицеством. В векселе путивльского купца Ильи Макарова от 6 августа 1768 г. значится, что он взял в долг у казака куреня Щербиновского Степана Гуслистого 53 рубля⁴. В том же году вексель на 166 рублей дан казаку Каневского куреня Хоме Слепому жителем м. Зенькова, Гадяцкого полка, Степаном Калатурой⁵. вексель на 287 рублей — казаку Величковского куреня Кондрату Чубу белевским купцом Семеном Мясниковым⁶, на 1116 рублей 60 копеек казаку Каневского куреня Олексе Горбу упомянутым выше Ст. Калатурой и т. д. Калатура обязывался вернуть Горбу деньги 8 декабря 1678 г., а в случае неуплаты в срок «вдвое заплатить»⁷. Взимаемый процент, как видим, был очень высок.

Торговля и ростовщицество являлись дополнительным источником дохода для богатого казачества.

Стремясь, вопреки фактам, убедить читателя, что ни о каких социальных противоречиях на Запорожье и речи быть не может, Д. Эварницкий писал: «Запорожские казаки были добрыми друзьями, верными товарищами, истинными братьями в отношениях друг к другу»⁸. Но что могло быть общего между запорожскими богачами и запорожской серомой?

Запорожские старшины и богатые казаки, естественно, всем своим стилем жизни, всем бытом резко отличались от остальной массы казачества. Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с хозяйством старшин и богатых казаков. Возьмем в качестве примера зимовник П. Калнишевского (как и у многих других богачей, у него их было несколько), находившийся в балке Водяной на р. Каменке (в 50 верстах от Сечи). В нем было: 3 хаты, из коих первая — «господская», рубленая, крытая гонтом (тесом), о двух покоях, четырьмя большими окнами и стеклянной верандой («сенцами»), несколькими «присенками», кладовыми и т. д.; вторая — для 30 работников, крытая камышом,

¹ ЦГИА УССР, ф. КЭС д. 231, лл. 6—7.

² Там же.

³ Там же, л. 1.

⁴ Там же, д. 213, л. 2.

⁵ Там же, л. 4.

⁶ Там же, л. 11.

⁷ Там же, л. 5.

⁸ Д. Эварницкий, История запорожских козаков, т. I, СПб, 1892, стр. 278.

с пятью окнами; и третья — также под камышевой кровлей; мастерская, в которой «портные всегда платье строят», а также три больших амбара, обмазанных глиной, «возовня» — бревенчатый сарай длиной в 25 шагов (в нем было 14 воловьих и 32 конских воза), сарай для птицы, 2 конюшни, из которых в одной было 43 станка, 2 погреба, кузница «со всеми к ней инструментами», ветряная мельница и проч.¹ О количестве скота и хлеба у Калнишевского было сказано выше.

Наши представления о хозяйстве богатого запорожца дополняют данные о зимовнике полковника Гараджи, находившемся в Барвенковой Стенке. В нем в 1775 г. было описано властями: 1 большой хозяйский дом, две хаты для работников, поварня, кухня (плетеная), мельница «о двух колах» с сукно-вальней, 3 амбара, 4 загороди и сарай для скота, конюшня, сеновал, шинок (о двух покоях с сенцами), которым заведывал приказчик Гараджи, солодовня, пивоварня, ледник. Весь зимовник был огорожен прочным частоколом («стоячею пластиною»). Из сельскохозяйственных орудий в зимовнике значится: 3 плуга «с лемехами и череслами (ножами)», косы, топоры и проч. В зимовнике было 39 лошадей, 167 голов крупного рогатого скота и 2700 овец. Тут же, за усадьбой, тянулись посевы пшеницы (1 загон), ржи (2 загона), по одному загону ячменя, овса, гречихи и «разных овощей», а также бахча (два загона арбузов и дынь). Количество собранного зерна исчислено таким образом: 68 копен пшеницы, 95 копен ржи, 55 копен ячменя, 21,5 копны проса, 38 копен овса. Недалеко от зимовника, на р. Донце, стояла вторая мельница «о трех колах» (в ней было 802 четверика, т. е. ок. 900 пуд., муки и зерна)².

С внутренней обстановкой старшинских домов, с предметами, которыми старшины и богатые казаки пользовались в своем обиходе, мы знакомимся по описи имущества, находившегося в доме кошевого П. Калнишевского, разгромленном в декабре 1768 г. во время восстания в Сечи. В комнатах этого дома с большими окнами, изразцовой печью и т. д. видим: длинный стол, 30 деревянных и 12 мягких кожаных стульев, шафу (буфет), в которой было «разного скла и фарфоровых вещей» на 100 рублей, 4 лихтаря (канделябра), кровать «с пологамы», оловянную умывальницу, медную лохань, ванну, одну кипарисовую и четыре деревянных скрыни (большие сундуки), подсвечники с серебряными и мраморными украшениями. Вдоль стен, обтянутых шпалерами (обоями), стояли лавы (скамьи), покрытые килымами (коврами). На стенах висели портреты «государственной персоны», картины в рамах, финифтяные кресты, образа «под скалками перловыми», стенные часы и

¹ ДГОА, ф. Канцелярии новороссийского губернатора, св. 105, № 3130, л. 49—50.

² Днепропетровский Государственный Областной Музей, ф. Азовской губернской канцелярии, арх. № 206, л. 10—12.

оружие: флинта «з двома рульками российской работы», флинта французская «з демештовым зализком», четыре сабли, «с которых одна была оправлена дорогами каменьями, другая ж... сабля також под дорогою оправою», 20 пар pistols, «з которых было пар две в цену 100 руб.», 3 пары pistols «российской зделки» и т. д.

Среди вещей кошевого мы видим далее: шубу, крытую красным бархатом, шубу волчью, шубу лисью, шапки «з добрым сирым крымским смушком», два кафтана, свиту голубого сукна, два кафтана «бугасовых», трое шаровар «блакитного тонкого сукна», два пояса, «вызолоченных, с которых един на чорному шовку з кистями, другий на зеленому ремню», пояс «шалевоу вишневоу» и «полушалевоу красной», часы «карманные томпаковые вызолоченные з тремя печатками, з которых една была с добрым камнем в золото оправлена, друга тоже з добрым камнем», нож «под перлами складной венецкий», 12 пар новых кожаных и 11 пар сафьяновых сапог, 35 рушников, ножницы силезской работы, шесть «бритв англиских», 2 серебряные ладунки, самовар, 12 медных мисок «с крышками и без крышек», 100 медных и 12 серебряных чарок, серебряный поднос, несколько дюжин столовых ложек и ножей, сахарница «со всеми до ней принадлежностями», множество деревянной посуды, «лекарственную аптечку», «трубку зрительную», три «итальянских» платка, две плети с ручками в дорогой оправе и т. д. и т. п.

Из другого имущества Калнишевского, хранившегося в кладовых его дома, можно назвать. 200 локтей хряща, 400 локтей «полотна тонкого доброго московского», рушников «добрых разного манеру сколько их было — не можно знать», 300 локтей простого серого сукна, «газу золотого» (тонкая златотканная материя) на 30 рублей, а также 20 пудов риса, 10 пудов маслин, 10 пудов «закусок греческих разного манеру», 10 пудов «ризинков и пантефиру (восточные лакомства)», 4 пуда фиников, 15 пудов рожков, 16 пудов орехов-фундуков, 20000 волошских орехов, 12 пудов оливкового масла, 15 кварт рыбьего жиру, 20 свиных туш, балыков на 10 руб., две бочки водки и пр. Все это имущество Калнишевский оценил в 7456 руб.¹

Было бы ошибочно думать, что богатством отличались только дома запорожских старшин. Для сравнения посмотрим, что значится в описи имущества казака Иркиевского куреня Гаврилы Погорелого. В доме Погорелого в Сечи, разгромленном восставшими казаками в том же 1768 г., было: лисий тулуп, крытый голубым сукном с позументами, волчий тулуп, крытый сукном пепельного цвета, два атласных голубых кафтана и один черный, две киреи (суконный плащ с капюшоном) — одна

¹ ЦГА УССР, ф. КЗС, д. 234, лл. 29—32, об. В доме кошевого было также 130 кос, 30 казанков, 5 чанов «с накрышками», 5 топоров (2 из них московских) и 300 рублей наличными.

из адамаска, а другая из кармазина, ружье, два пистолета, сабля в серебряной оправе, шашка, серебряная ладунка, а также наличные деньги — 2500 рублей крупной монетой, 75 червонцев московских, 12 рублей 88 копеек медной монетой¹.

Нередки были случаи, когда казаки, в особенности имущие, пробыв некоторое время на Запорожье, возвращались затем с деньгами и свидетельствами Коша, избавлявшими их от несения всяких повинностей, к себе домой, на Левобережье.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что ни о каком аскетизме, свойственном будто бы, по утверждению буржуазных историков, имущему запорожскому казачеству, не может быть и речи. Если можно говорить об аскетизме, причем вынужденном, то лишь по отношению к запорожской казачьей сероме, подвергавшейся жестокой эксплуатации со стороны богачей и обреченной на безотрадное существование.

Возьмем для примера казаков, живших в Сечи, в куренях. Они составляли сечевой гарнизон и являлись, по существу, единственной постоянной боевой частью Запорожского войска. В массе своей это — серомахи, лишенные всяких средств к существованию и жившие тут по необходимости, а также только что прибывшие на Запорожье и вступившие в казаки беглые. Жизнь этой серомы в куренях буржуазные историки всегда стремились изобразить в возможно более радужных тонах и тем самым, естественно, сгладить всякий контраст между нею и имущим казачеством. Д. Эварницкий, например, писал: «Войдя в курень, козаки находили кушанья уже налитыми в «ваганки», или небольшие деревянные корыта, и расставленными в ряд по краям сырна (стола. — В. Г.), а около ваганков разные напитки — горилку, мед, пиво, брагу, наливку — в больших деревянных коновках». При этом чарки запорожцев, по замечанию Эварницкого, были такими, «що і собака не перескоче»². Д. Эварницкий уподоблял запорожский курень, как видим, комфортабельному пансиону, предназначенному для праздної дворянской молодежи.

Суровая действительность выглядела совсем по-другому. На содержание куреней старшина старалась отпускать возможно меньше средств. Курени представляли собой низкие, темные и холодные бревенчатые продолговатые здания, крытые камышом и обмазанные глиной, своего рода казармы. Внутренняя обстановка их была крайне убогой. Посредине стоял длинный некрашенный стол с узкими скамьями по сторонам; вдоль стен тянулся дощатый, ничем не покрытый помост, на котором спало вповалку до «полчварта ста» и более человек³. В куренях

¹ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 234, л. 2. Полный список имущества Погорелого не возможно составить из-за дефектности документа.

² Д. Эварницкий, История запорожских козаков, т. I, стр. 291, 292.

³ Записки Одесского общества истории и древностей, т. VI, стр. 646.

казакам подавали пищу всего один раз в день, при этом крайне скудную. Повседневной пищей, по свидетельству очевидца С. Мышецкого, была саламаха. Она варилась «из муки ржаной с водою густо... на квасу или рыбной ухе». Казаки, которые хотели иметь к столу рыбу или мясо, должны были, по словам того же современника, покупать их «на собственные деньги», а все остальные — «довольствовались только саламахою». «Печеного обыкновенного хлеба, — продолжает Мышецкий, — никогда в куренях не бывает». Пища подавалась на стол куренным «кухарем» или его двумя малолетними помощниками в больших деревянных мисках — ваганках. К этому Мышецкий добавляет, что казаки «имели ж к тому ложки, а тарелок никогда и, — заключает он, — не для чего»¹.

УВ (

Страшная нужда, которую серомахи терпели в куренях, принуждала их искать себе заработок в паланках — в зимовниках, слободах, на рыбных и других промыслах богатого казачества. Но и там их жизнь была далеко легкой.

Распространенной формой эксплуатации казачьей серомы был, как показано выше, наем. Уровень годовой заработной платы наймита, или молодика, колебался на Запорожье в пределах от 2 рублей 50 коп. до 4 рублей. За 2 руб. 50 коп., например, служил в зимовнике казака Ирклевского куреня Микиты Свата казак Куцевского куреня Кондрат Таран². Казак Алексей Штим, наймит казака Леушковского куреня Я. Щербины, «за наем два года выслужил у Щербины пять рублей»³. Казак Незамаевского куреня Трохим Короп на допросе в 1763 г. показал, что «нзявсь на год ценою за три рубля... в зимовнику куреня Незамаевского козака Михайла Тесли»⁴. В том же году казак Крыловского куреня Ф. Литвин показал, что он к казаку Леушковского куреня «Гаркуше в зимовник, состоящий над Базавлуком в Великом Куте... нзялся на год за три рубля»⁵ и т. д. Впрочем, известны случаи, когда наймиты получали в год по пять и даже семь рублей. Но такие случаи были сравнительно редки⁶.

Если разделить среднюю годовую заработную плату наемного работника (3 руб. 50 коп.) на 365 дней, то выходит, что она равнялась приблизительно одной копейке в день. Чтобы получить более конкретное представление о том, каково было экономи-

¹ Летописное повествование о Малой России, ч. IV, стр. 81.

² ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 109, л. 108.

³ Там же, д. 48, л. 50.

⁴ Там же, д. 148, л. 7.

⁵ Там же, л. 17.

⁶ Казак Щербиновского куреня Олекса Судорога на допросе в 1769 г. показал, что он служил у казака того же куреня Семена Невлия, «сядющего зимовником в балки Петровой за пять рублей в год» (ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 243, л. 48).

ческое положение наймита в период Новой Сечи, приведем индекс цен того времени ¹:

№№ п/п	Наименование товаров	Цена	№№ п/п	Наименование товаров	Цена
1	Лошадь (хорошая)	15—20 руб.	12	Рубаха простая .	40 коп.
2	» (средняя)	7—10 руб.	13	Шаровары синего сукна	3 руб.
3	Вол	5—8 руб.	14	Шаровары простые	1 руб.
4	Корова	5—8 руб.	15	Пояс казацкий .	25 коп.
5	Пшеница (четв.) .	2 руб. 50 коп. 4 руб. 50 коп.	16	Шапка казацкая .	1 руб. 50 коп.
6	Жир (1 «осьмуха»)	10 коп.	17	» обыкнов. .	80 коп.
7	Рыба мелкая (сотня)	80 коп.	18	Сапоги простые .	50 коп.—1 руб.
8	Сало (1 фунт) . .	12 коп.	19	Ружье (обыкн.) .	3 руб. 50 коп.— 5 руб.
9	Мед хмельной (1 око)	7 коп.	20	Порох руж. (1 ф.)	25 коп.
10	Свита синего сукна	5 руб.	21	Нож	30—90 коп.
11	Свита простая . .	3 руб.	22	Удила	30 коп.

Другими словами, чтобы приобрести среднего качества лошадь, наемный работник должен был служить у хозяина не менее двух-трех лет и примерно столько же, чтобы купить корову, а за четверть пшеницы он должен был работать от одного до полутора лет и т. д. В совсем ином положении, надо сказать, находились управляющие зимовниками старшин и богатых казаков. Управляющий зимовником П. Калнишевского, например, получал 25 рублей жалованья в год.

Кроме платы «с найму» на Запорожье существовала форма оплаты работников, которая называлась «без найму».

Это означало, что наймит работает на хозяина за предоставленные ему кров, пищу и одежду. В последнем случае степень эксплуатации наймита хозяином была особенно высокой: он работал, как говорится, «за кусок хлеба».

В документах обычно оговаривается, работал ли казак у хозяина «по найму» или «без найму». Казак Грицко Моргун, например, на допросе в мае 1775 г. рассказал, что, прибыв на Запорожье, он первоначально «служил в него (казака Решмедило. — В. Г.) в Беленькой (урочище. — В. Г.) год, да в Суре год в Чухрая Батурина, в Шила три года, да без найму в тех же батуриновцев (т. е. казаков Батурина куреня. — В. Г.) жил годов з семь» ². Казак Алексей Штим в зимовнике казака Андрея Гудименко «жил без найму годов с четыре. От Гудименка отойшовши пребывал в умёршего (ныне) козака леушковского Якова Щербины без найму годов з три, а за наем два года выслужил у Щербины пять рублей» и т. д. ³. Казак

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 208, лл. 1, 5; д. 328, лл. 9 и др.; д. 234, лл. 4—9; д. 216, лл. 37, 73, 74.

² ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 48, л. 60.

³ Там же, л. 50.

Петро Таран, придя в свое время с Левобережья на Запорожье, «в казаков куреня Иркилевского Дмитра Шамрая годов два и Никиты Шевця одну весну без найму жил» и т. д.¹

Упомянутая выше ведомость о казаках Протовчанской паланки, составленная в феврале 1774 г., дает возможность установить количественное соотношение работников «с найму» и работников «без найму». В с. Петровке из 42 работников, служивших у казаков и посполитых, «по найму» работало 39 человек, а «без найму» — 3 человека. Иными словами, работники «без найму» составляли 7% общего числа работников в с. Петровке. В с. Кириловке все значившиеся 26 работников служили «по найму». В с. Шульговке из 27 работников 5 человек, т. е. почти 20% общего числа их, работали «без найму», остальные 80% — «по найму». В с. Половетщине все 7 работников служили «по найму». В с. Продановке 19 работников служили «по найму», 2 — «без найму». В с. Цеглинке из 33 работников 3, т. е. 9 проц., служили «без найму». В с. Могилеве из 13 работников один работал «без найму»².

Работа «без найму» была одной из наиболее тяжелых форм экономической зависимости, одним из самых жестоких способов эксплуатации труда казачьей серомы. В таких случаях работодатель отказывался признать какие бы то ни было условия найма работника, возводя личный произвол в отношении к нему в основной принцип.

Служить «без найму» означало то же, что и «безденежно», т. е. без денежной заработной платы. «Безденежно», например, работал у хозяина казак Тенетка³. Казак Петр Мовчан, повествуя на допросе 26 июля 1770 года о своей скитальческой жизни серомах, привел ряд интересных подробностей. Прибыв в 1757 г. на Запорожье из Слобожанщины и пожив некоторое время в курене, в Сечи, он отправился затем в поисках заработка на зимовники. Как встретили неимущего, бездомного работника запорожские богачи-зимовничане, Мовчан рассказывал следующее: работал он «в зимовниках при казаках безденежно за самую только харчъ»⁴. Первоначально Мовчан работал в зимовнике казака Полтавского куреня Павла Плохого, а затем перешел к казаку Никите Ковалю, от него к Грицку Синиченко и т. д. Переходя с места на место, он пришел в зимовник казака Никиты Безверхого «на косовицю (и) там был недель з четыре (работал. — В. Г.) за косу и сорочку»⁵. Фигура запорожца Петра Мовчана интересна и в том отношении, что перед нами не только паупер в полном смысле этого слова, но и типичный запорожский поденщик, вынужденный для своего пропитания становиться на

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 228, л. 98.

² Там же, д. 348, л. 2—6.

³ Там же, д. 73, л. 17.

⁴ Там же, д. 23, л. 58.

⁵ Там же.

любую, даже краткосрочную, работу, наниматься на любых условиях.

«Без найму», «безденежно» работали в первую очередь, надо думать, еще не успевшие вступить в казаки беглые, несовершеннолетние, старики, калеки и т. д. Вот что рассказывал о своей жизни в зимовнике, принадлежавшем двум запорожцам, Козьма Яременко. Яременко еще в малолетстве поступил к хозяевам «за хлопця». Они, бывало, уйдут из дому, а Козьму «запрут... и есть ничего не оставят, только паляницы на полке, да высоко, достать не может»¹.

В богатом зимовнике пропасть отделяла хозяев от работников. Последним и пищу варили отдельно и подавали ее в особой посуде. В описи имущества старшины М. Ногая, например, значится несколько «лоточков деревянных, из коих работники едят»².

Теперь рассмотрим положение работников на рыболовных промыслах. Самой распространенной формой эксплуатации лямчиков была работа «с найму» и «с половины». В первом случае наймит по окончании сезона получал известную сумму денег, заранее определенную договором. Казак Влас (фамилия неизвестна) нанялся в 1767 г. к казаку Платнировского куреня Савке Савирскому «до невода в службу... по договору за цену пять рублей денег в год»³. Казак Касьян Чабаненко нанялся «в сапет (рыболовный завод) за пятнадцать рублей на срок от Великого поста до Филиппового (рождественского)» к казаку Павлу Пашко⁴. На следующий год Чабаненко «нанялся в куренного минского Олексия Зайця да титаревского Остапа, а прозвания не знает, на весну за шесть рублей, и тамо выбувши, нанялся ж в курсунского куренного Максима Остудного от Петра до Покровы в сапет за пять рублей». Еще на следующий год Чабаненко «нанялся з весны до Петра за шесть рублей» к казаку Иркиевского куреня Грицку Ломаке и т. д.⁵. Казак Леушковского куреня Алексей Штим на допросе 9 января 1775 г. рассказывал, что он два года работал на рыбном промысле казака того же куреня Максима Тягуни и заработал там 20 рублей («При Леушковском Максиме Тягуне рыбалчил два 1771 и 1772 годы и заробив двадцять рублей») ⁶.

Заработная плата, имея в виду денежное ее выражение, наймита на рыболовном промысле была выше, чем в зимовниках. Это объясняется, отчасти, сезонным характером работы на промыслах, а главное тем, что лямчик не получал от хозяина одежды и обуви, а возможно и харчей.

¹ Киевская Старина, 1885, декабрь, стр. 723.

² ДГОА, ф. Канцелярии новороссийского губернатора, св. 105, № 3130, л. 72.

³ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 210, л. 19.

⁴ Там же, д. 74, л. 31.

⁵ Там же.

⁶ Там же, д. 48, л. 50.

Большинство наймитов на рыболовных промыслах работало не «с найму», а «с половины». Казак Деревянковского куреня Василь Бовтюх на допросе в пушкарне 26 апреля 1758 г. показал, что, придя на Запорожье и записавшись в курень, «тогда ж зараз в своего куренного Федора Щербиненка с половины в ловли рыбы стал»¹. 3 октября 1760 г. о том же говорил казак Конеловского куреня Александр Сивокобыльский: придя на Запорожье, он «служил в разных запорожских козаков (а чему уж будет больше 20 год) и на Низу в невода с половины ходил»². Федор Щербина, казак Величковского куреня, на допросе 24 октября 1760 г. говорил, что по приходе на Запорожье он вскорости «ходил на ляды с половины»³. «С половины» работал на рыболовном промысле, принадлежавшем казакам Конеловского куреня Максиму Ноге и Ивану Великому, запорожец Лагода, о чем он рассказывал на допросе в 1772 г.⁴ и т. д.

Оплата «с половины» означала, что одну половину улова брал себе хозяин промысла, а другую он делил между своими работниками. При этом напомним, что на промысле было занято не менее 5—15 работников, или забродчиков, и т. д. В 1762 г., например, на промысле казака Дядьковского куреня Федора Бовдира было занято 5, у казака Васюринского куреня Ивана Бризкая — 7, у казака Брюховецкого куреня Ивана Неvejчика — 12 человек работников и т. д.⁵

Хозяевам, конечно, выгоднее было нанимать работников не за деньги, а «с половины», т. к. при этом они всегда оставались в выигрыше. В случае неудачного лова соответственно сокращалась и та его часть, которая приходилась на долю работников. Вместе с тем хозяин руководился еще и другим соображением: работа «с половины» была видом сдельной оплаты. К тому же работники не имели средств для перевозки полученной «с половины» рыбы на отдаленные рынки. Поэтому они волевым образом должны были соглашаться уступить ее хозяину за цену, которую тот устанавливал по своему усмотрению⁶. В результате работники по окончании своего тяжелого труда на промыслах получали жалкие гроши.

Не менее жестокой была эксплуатация наймитов в чумацком промысле, в ремесленном производстве и т. д. Однако богатые казаки не удовлетворялись эксплуатацией серомы только

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 23, л. 14.

² Там же, л. 32.

³ Там же, л. 55.

⁴ Там же, д. 109, л. 80; д. 43, л. 7.

⁵ Там же, д. 139, л. 270—271.

⁶ Изредка встречались случаи, когда работники с целью продажи своей доли улова по рыночной цене сами возили ее на продажу, нанимая, вероятно, чумаков. Казак Шкуринского куреня Артем Яковлев на допросе 4 февраля 1761 г. рассказал, что он в низовьях Днепра «добувався с половины и, продавши рыбу, приехал до (казака) Яцка Остеренка» (ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 109, л. 16—17).

в своих хозяйствах. В период Новой Сечи стало обычным явление, когда богачи, призванные к отбыванию «очередной» службы, отправляли вместо себя наймитов. Бывший запорожец Анисим Лалим в своем прошении (1799 г.) о зачислении в черноморцы рассказал: «...находился он в бывшем войске запорожском с малых лет в курене Шкуринском, а когда пришел в совершенство лет, то по отряду (наряду) был в Крымском походе за козака куреня Шкуринского Григория Хижу»¹.

Отправляя на службу вместо себя наймитов, хозяева снабжали их плохим оружием, негодными лошадьми, ветхой одеждой и скудным запасом продовольствия и фуража. 5 сентября 1774 г. атаман Вышестеблиевского куреня Илья Гардовый доносил в Кош о том, что хозяева выслали вместо себя в поход своих наймитов «только по одноконно и без харчей»².

Особенно настойчиво стремились богачи уклониться от несения службы в военное время. Стараясь, как и в мирное время, всячески сократить свои расходы по содержанию наймитов, они выставляли в складчину на службу лишь одного-двух наемников. В ордере Коша на имя полковников Кодацкой, Самарской, Орельской и Протовчанской паланок от 22 марта 1774 г. читаем: «Известно в Коше, что ведомства Вашего женатые казаки, убегая от службы, таковой порознь (в отдельности. — В. Г.) отбывать не хотят, но сообщаются (собираются. — В. Г.) в одно по два, по три, по четыре и по больше... посылая (одного) наймита»³. В рапорте войскового есаула С. Гелеха от 18 марта 1774 г. прямо говорилось, что подобная «складчина» практикуется теми из казаков, которые «могущественнее», т. е. побогаче. Эти казаки, как отмечается в том же рапорте, «могли б и всяк от себя выслать безнужно (без всякого труда. — В. Г.) одного» наемника⁴.

Часто бывало и так, что богатые казаки, пуская в ход крупные взятки, не только сами не являлись на службу, но не выслали даже и наемников. В ордере Коша от 20 апреля 1774 г. сообщается, что войсковой есаул Гелех, «побравши лакомые искупы (взятки. — В. Г.)» от некоторых новокодацких казаков, из 85 человек, подлежащих мобилизации для отправки в поход, привлек к службе лишь 22⁵.

Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. посылка запорожскими богачами в войско наемников вместо себя приобрела такие размеры, что кошевое начальство вынуждено было издать специальное запрещение. В ордере от 11 марта 1774 г. кошевой Калнишевский, ссылаясь на существующую практику, писал: «конные и пешие козаки многие не сами хозяева, но най-

¹ Краснодарский государственный краевой архив (КГКА), ф. 250, св. 12, д. 43, лл. 94—95.

² ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 343, л. 66.

³ Там же, д. 345, л. 23.

⁴ Там же, л. 21.

⁵ Там же, л. 45.

миты в походе были, так потому строжайше предлагаем... козачьим атаманам крепчайше притвердить, чтоб они, когда повелено будет в поход выступать, самих хозяев, а не наймитов, конных и пеших, высылали, опасаясь им и Вам жесточайшего штрафа»¹. Ордер Коша, конечно, ничего не изменил: он был бессилён внести какие-либо перемены в установившуюся практику поставки наемников².

Право поставки наемников в войско взамен личной службы возникло на основе социального неравенства в среде запорожского казачества. Богатые казаки, пользуясь этим «правом», переставали, по существу, отправлять основную повинность, которую они обязаны были нести как члены «товариства». Они перекладывали ее на плечи неимущих казаков, пользуясь при этом их экономической несостоятельностью.

Вот как выглядело в действительности пресловутое равенство в среде запорожского «товариства», о котором столько писали в свое время украинские буржуазные историки. Гонимый голодом и нуждой казак-серомаха, формально равный в правах с остальным казачеством, вынужден был, тем не менее, наниматься к богатому казаку на самых тяжелых условиях и на любую работу. Современники в ярких образах запечатлели безысходную нужду казачьей серомы. Секунд-майор Никифоров, наблюдавший серому, присутствовавшую на войсковой раде в 1749 г., писал, что это— люди «по здешнему называемые сыро-

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 345. л. 18.

² Поставка наемников взамен личной службы не была, впрочем, явлением, присущим одному Запорожью: она была порождена социальным раслоением в среде казачества. Эту связь подчеркнул еще А. С. Пушкин в своих возражениях Броневскому, критиковавшему его «Историю Пугачева» и считавшему, что изучение социально-экономического быта Яицкого казачьего войска излишне при объяснении причин крестьянского восстания под руководством Пугачева. «Полное понятие о внутреннем управлении яицких казаков, об образе жизни их и проч., — писал А. С. Пушкин, — необходимо для совершенного объяснения пугачевского бунта». В то же время А. С. Пушкин указал на широкое применение наемного труда в казачьем быту как в хозяйстве, так и в военном деле. Описывая организацию лова рыбы казаками на Яике, А. С. Пушкин отмечает: «Каждый казак (речь идет, безусловно, о зажиточных казаках. — В. Г.) имеет при сем лове у себя работника». В другом месте, при освещении того же вопроса о найме, А. С. Пушкин цитирует следующее интересное место из «Исторического и статистического обозрения уральских казаков»: «Обыкновение служить по найму, с одной стороны, повидимому, несправедливое, потому что богатый всегда от службы избавлен, а бедный всегда несет ее...» (А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. 6, М., 1950, стр. 192—193). Кроме Яицкого войска, практика поставки наемников вместо себя существовала в Бугском казачьем войске, образованном в 1769 году. В записке от 1801 г., поднесенной Александру I генералом И. И. Михельсоном, последний предлагал вернуть бывших бугских казаков в прежнее состояние под следующим условием: «чтобы служба отправлялась по очереди и лично, без всяких наймов и заменов». В конце XVIII в. и позднее, в первом—третьем десятилетиях XIX в., поставка казаков по найму существовала в Черноморском, а также в Кавказском линейном казачьем войске и т. д.

махи, не имущие у себя не точию лошадей или какого скота, но ниже (даже) одежды для прикрытия тела», вследствие чего, объясняет он, вынуждены жить «через всю зиму... в куренях до весеннего времени»¹. Другой современник, запорожец Недоступа, так изобразил бедность серомы: «Купить, було, сорочку, надіне тай носити, поки подере, іноді й пузом світить, звісно — голота. Як не було, — продолжает он, — ні жінки, ні дітей, ні худоби, то то й голота»². Таков облик подлинного представителя запорожской серомы.

В уста запорожского серомахи народ вложил следующие полные глубокого смысла слова:

«Струни мої золоті, заграйте мні зтиха,
Нехай козак-нетяжище позабуде лихо»

или

«Козакові — як тому бідному сіромасі:
Ненька стара, жінки нема, а сестра малая.
Чому ж в тебе, козаченьку, сорочки немає?»

О серомахе, скитающемся в поисках работы, поется в казацкой песне:

«В мене ймення не одно, а єсть їх до ката

.....
А якого роду я, то всяк про те знає,

Хто по світу ходить-блукать та долі шукає»

Громадное большинство из тех, кто, спасаясь от крепостничества, бежал из центральных губерний на Запорожье, попадало тут в условия, которые порой были даже тяжелее экономического положения крепостного во внутренних губерниях. Единственное преимущество казака-серомахи заключалось в том, что он мог свободно, насколько можно говорить о свободе для бездомного бедняка, переходить от одного хозяина к другому: от зимовничанина к рыбопромышленнику, от последнего к чумаку и т. д., т. е. в возможности менять одного эксплуататора на другого. Вместе с тем нельзя забывать, что, как ни тяжела была участь бедняка на Запорожье, у него всегда оставалась надежда превратиться, при благоприятных обстоятельствах, в мелкого или хотя бы мельчайшего собственника.

В период Новой Сечи запорожское казачество участвовало в двух войнах России против Турции. В 1736 г. запорожцы, в составе русской армии сражались под Перекопом, Козловом (Евпатория), Бахчисараем и Кинбурном. При взятии этих крепостей запорожская пехота, конница и флотилия проявили изумительную отвагу и героизм. «За сии выше описанные походы, — говорит Ригельман, — что в оных Запорожцы отменную усердность и отважную храбрость как сухопутно, так и на воде своею лодочною флотилиею оказали, пожаловано им

¹ Источники для истории запорожских козаков, т. II, стр. 1779.

² Там же, стр. 151—152.

(правительством. — В. Г.) как денежное, так и хлебное жалование»¹. В знак награды за службу правительство отправило в Сечь «знамя большое с российским гербом и четыре малых, писанных золотом .., бунчук, обвитый парчою золотою, булаву и пернач, все серебряные, вызолоченные и дорогими камнями украшенные»².

Своими подвигами прославило себя запорожское казачество и во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. 15 июня 1769 г. П. А. Румянцев писал кошевому атаману: «учиненные вами над неприятелем поиски возвышают общественно славу всего Запорожского войска... Они суть истинным доказательством... неутомимых трудов и ревностнейшей верности... Запорожского войска»³.

Так как службу в войске отбывало главным образом малоимущее казачество, в первую очередь серома, то ей, а не запорожским эксплуататорам, по праву принадлежит громкая боевая слава, которую стяжало в течение веков запорожское казачество. Многие русские офицеры считали для себя честью хотя бы номинально принадлежать к «сечевому товариству». В 1773 г., во время русско-турецкой войны, Кош, например, выдал следующий аттестат на имя М. И. Кутузова: «По его (подполковника М. И. Кутузова. — В. Г.) желанию, войска Запорожского Низового в курень Крыловский принят и для всегдашнего его при сем войске исчисления в компуты войсковые вписан, а для верности в том и сей аттестат ему № 127... при подписи нашей и войсковой печати выдать повелели... Из Коша 1773 г., генваря 30 дня»⁴. Подобные аттестаты (их в делах Коша Запорожской Сечи сохранилось несколько десятков) были выданы Кошем в разное время и другим лицам.

¹ Летописное повествование о Малой России, ч. IV, стр. 3.

² Там же, стр. 2.

³ А. Скальковский, История новой Сечи, ч. III, стр. 21.

⁴ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 232, л. 18.

ГЛАВА XIV

КЛАССОВАЯ БОРЬБА НА ЗАПОРОЖЬЕ. РАЗРУШЕНИЕ НОВОЙ СЕЧИ

Процесс социальной дифференциации в период Новой Сечи зашел, как мы видели, довольно далеко. Эксплуатация и угнетение серомы, малоимущего казачества и посполитых старшиной и богачами будили в них чувство неугасимой ненависти ко всем угнетателям, будь то запорожские богачи или украинские, русские, польские и татарские феодалы. Эта ненависть проявлялась то в виде волнений казаков и посполитых в запорожских паланках, то в виде непрекращающейся вооруженной борьбы, получившей название гайдамацкого движения.

Одной из наиболее известных форм классового протеста угнетенных были волнения казаков и посполитых. Современник, князь С. Мышецкий, с чувством раздражения писал, что казаки «свои храбрости забыли, или паче храбрость оную в бунтовское и разбойническое свирепство обратили... и у себя самих непрестанные делали смущения междуусобием». Старшина и богатое казачество испытывали постоянный страх перед беднотой. «Кошевой и войсковая их старшина, — пишет Мышецкий, — в великом всегда страхе у них тогда (речь идет о XVIII в.—В. Г.) были... найпаче в собранной на майдане Раде, где... совет о чем делали, держал каждый Запорожец в руках палку и часто до убийства междуусобного доходило»¹.

Крупное выступление казацкой серомы произошло 1 января 1749 г. В этот день около 3 тысяч казаков собралось на раду для выбора кошевой старшины. Обстановка на раде была весьма напряженной. Серома, беспощадно эксплуатируемая богачами и притесняемая сечевыми властями, решила выбрать на старшинские должности своих представителей. Как только старшины поставили вопрос о переизбрании их на следующий год,

¹ Летописное повествование о Малой России, ч. IV, стр. 71.

серома кинулась на них и выгнала из Сечи. Увидев это, богатые казаки поспешили покинуть Сечь и разъехаться по своим зимовникам¹. Сечь оказалась в руках серомы. Повстанцы избрали войсковым судьей бывшего старшину И. Водолагу, а есаулом — типичного серомаху, «не имущаго, — по словам секунд-майора Никифорова, — на себе даже одежды». Фамилия его, к сожалению, осталась неизвестной². Затем восставшие решили изгнать из предместья Сечи «их же запорожских козаков, всеми потребностями (там) торгующих», т. е. владельцев лавок, шинков, ремесленных мастерских и т. д.³. Но богачи, узнав о намерениях серомы, вооружились, выставили караулы вокруг Сечи и заложили ворота колокольни, которые служили одновременно выходом из крепости. Серомахи несколько раз пытались выйти из Сечи, но безуспешно. В то же время оставшиеся в крепости куренные атаманы стали уговаривать серомах прекратить борьбу, указывая на то, что их действия вызовут недовольство и гнев со стороны царского правительства. Среди серомы отсутствовало единодушие. Воспользовавшись этим, старшина быстро подавила восстание.

Обычно волнения, вспыхивавшие в разных частях Запорожья, подавлялись местной (паланковой) администрацией. Однако последняя нередко оказывалась бессильной справиться с недовольством казаков и посполитых. В таких случаях она прибегала к помощи войсковых запорожских властей. В марте 1754 года, например, волнения охватили Калмиусскую паланку. Поводом к ним послужило прибытие в паланку команды, присланной из Сечи для розыска гайдамаков * и вообще «непокойных» элементов. Такие разъездные карательные команды кошевое начальство постоянно направляло во все части запорожской территории ввиду непрекращающихся нападений бедноты на запорожских богачей.

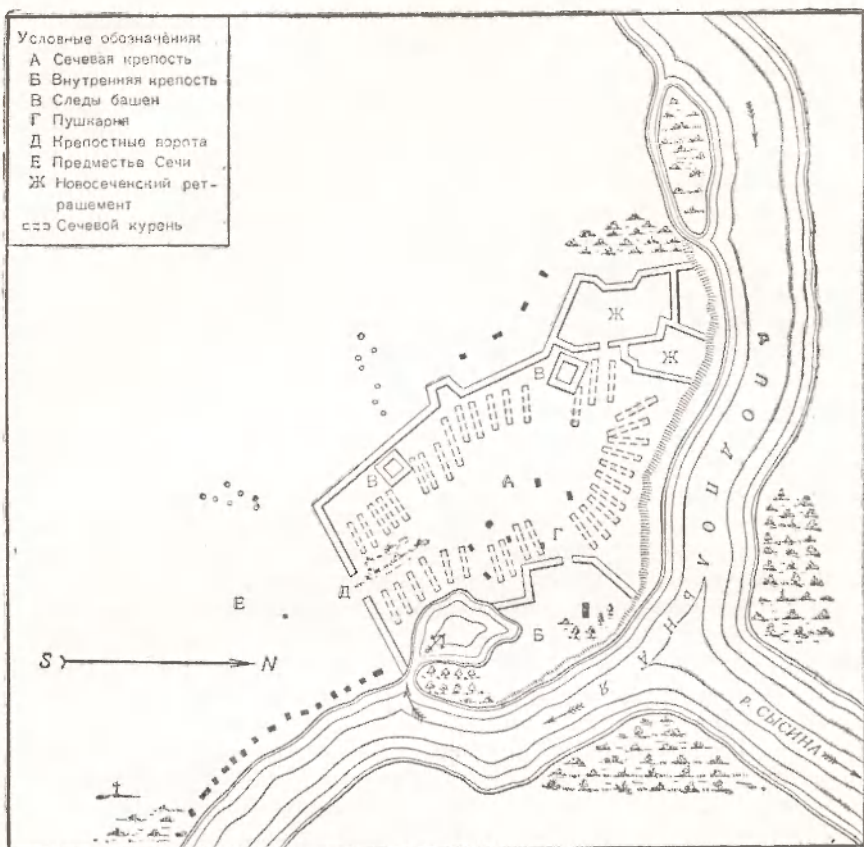
На этот раз прибывшая в Калмиус команда была отдана под начало местному паланковому полковнику Андрею Иванову. Когда команда приступила «к розыску» и арестам гайдамаков, калмиусские казаки бросились на паланковую старшину, пытаясь избить ее. Казакам удалось силой освободить арестованных. 29 марта 1754 года полковник А. Иванов так рапортовал об этом в Кош: местные казаки, «нашедши в паланку к нам, кидаючись бить, оглашая криком и похвалками нас бить при

¹ Секунд-майор Никифоров, бывший в это время в Сечи, писал: «прочие же постоянные и зажиточные (казаки), приезжавшие в Сечь смотреть сих обрядов (выборы), разъехались в зимовники» (Источники для истории запорожских козаков, т. II, стр. 1782).

² Там же.

³ Там же, стр. 1783.

⁴ Гайдамаками на Украине в XVIII в. называли участников нападений на помещичьи, старшинские и другие имения. Гайдамаки — это народные мстители, борющиеся против социального и национального гнета.

Новая Сечь (схема).

смене и штрафовать не допускают и освобоняют (арестованных. — В. Г.) самовольством»¹.

Выступление казаков вызвало смятение в среде калмиусской старшины. Не имея возможности справиться с казаками собственными силами, она обратилась к Кошу с просьбой о высылке помощи. В том же рапорте А. Иванов писал: «через это мы, нижайшие, в крайней обиде и сумнительстве находимось, дабы через такую их продерзость и заподлинно того нам убийство не учинилось и впредь таковой самовольной упрямоти расширять не могли»².

Разумеется, под местным казачеством, о котором говорит Иванов, отнюдь не следует понимать всю массу паланкового населения. Богачи, люто ненавидевшие гайдамаков, наоборот, сочувствовали и помогали карателям. На помощь гайдамакам приходила лишь бедная, жестоко эксплуатируемая часть казачества. Бедное казачество видело в гайдамаках мстителей за свои обиды и притеснения. Это и понятно, ибо гайдамаки выходили из толщи угнетенных слоев запорожского населения.

Документы сечевого архива сохранили отрывочные сведения и о другом выступлении казачьих низов, имевшем место десять лет спустя, осенью 1764 г., в Великом Луге. Из ордера Коша от 13 октября 1764 г. явствует, что около этого времени в Великом Луге происходили частые нападения казаков на хозяйства местных богачей. «В Великом Луге, — читаем в ордере Коша, — добывающиеся на рыбной ловле и живущие зимовниками казаки... учиня бунты, козаку куреня Поповичевского и протчим немалые грабительством имущества и обиды причинили»³. Очевидно, столкновение в Великом Луге произошло между работниками зимовников и рыболовных промыслов, с одной стороны, и владельцами этих же промыслов и зимовников, — с другой.

Кош, придававший серьезное значение этому выступлению, отправил на его подавление команду во главе с войсковым есаулом Макаром Ногаем и атаманами двух куреней — Кореновского и Ивановского⁴. Карателям велено было арестовать участников волнений и учинить им строжайший допрос «по всей форме» с тем, чтобы отыскать зачинщиков. В этом смысле ордер предписывал выяснить, «кто именно... бунт чинил», а также «кто меж ними богу противный и неугодного дела зачинатель... и сами ль они собою или с чьего либо подговору или наущению таковые бунты, грабительства и побои... вчали чинить»⁵. Выступления казацких низов против своих угнетателей имели место в этом году и в других частях Запорожья. Нападая на хозяйства богачей, запорожские серомахи отнимали

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 20, л. 25.

² Там же.

³ Там же, д. 148, л. 57—58.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

у них имущество: скот, лошадей, хлеб, оружие, домашние вещи, деньги и т. д.¹

Острый классовый антагонизм на Запорожье проявился с большой яркостью в событиях 1761 года в Кодаке. Если в вышеприведенных случаях против запорожских богачей выступала одна казачья беднота, то в данном случае перед нами показательный пример совместного выступления казачества и посполитых. На сей раз поводом к выступлению низов послужило одно из многочисленных злоупотреблений со стороны местной администрации. В сентябре 1761 г. в с. Каменском, Кодацкой паланки, прибыл паланковый писарь Лукьян Порожний. К Порожнему с просьбой разобрать их тяжбу явились двое посполитых — Иван Майор и Онисько Ткач (он же Чуб). Не раздумывая долго, Порожний взял под стражу жену одного из них — Олену Ткач, не имевшую никакого отношения к тяжбе. Просьбы Ткача освободить ни в чем не повинную жену ни к чему не привели. Воспользовавшись беззащитностью женщины, писарь Порожний совершил над ней насилие. Утром следующего дня Ткач с тремя односельчанами (двумя посполитыми и одним казаком) снова явился к писарю. Порожний не только не пожелал говорить с ними, но даже выбрал их. Он арестовал также служителя Ткача и «бил немилосердно, дабы он сказал, что с оного Ткача женою блудствовал»². Затем Порожний стал избивать Олену Ткач: ее «два сторожа держали, а он (писарь)... бил малахаем (плетью)... и ногами топтал почти досмерти»³. На вопли несчастной жертвы собралась толпа казаков и посполитых. Оттеснив стражу, поставленную писарем, она ворвалась в дом. Освободив Олену Ткач из рук истязателя, казаки и посполитые набросились на писаря и «в хате довольно быючи раскривавили и выволокли вон и там много били»⁴. Затем Порожного посадили под арест, предварительно отобрав у него знаки власти — пернач, саблю и каламарь. Казаки и посполитые уничтожили все документы, находившиеся при писаре, в том числе и ордер Коша «о искоренении в конец гайдамачества»⁵. Покончив с этим, они выпустили из тюрьмы всех арестованных.

Захватив паланковое правление, повстанцы отрешили от должности старшинских «угодников» — громадского атамана посполитых Скока и дьячка Петра Силовла. Гнева восставших не избежал и местный священник Василий Кодацкий. Он был избит и спасся только благодаря тому, что укрылся в церкви. Из протокола, составленного впоследствии властями, видно, что священник Василий не один прятался в церкви, а «с прот-

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 174, л. 3.

² Там же, д. 117, л. 2.

³ Там же, л. 32.

⁴ Там же, л. 19.

⁵ Там же, д. 117, л. 19.

чими»¹. Кто такие эти «прочие», нетрудно догадаться. Это были, бесспорно, местные богачи из среды казаков и посполитых.

Арестованного писаря восставшие содержали под строгим караулом. Сам он говорил позже, что ему «не вольно было ни ходить, ни до кого... ни говорить, ни посылать, ни писать»². Очевидно, жители предполагали наказать насильника по заслугам. Порожний слышал, что они собирались «в смерть его вбивши, в Днепр вкинуть»³. Атаману Скоку, как он сам говорил, «бунтовщики... неоднократно с немалыми похвалками и кованьем за шию ланцюгом (цепью) стращали»⁴.

Такое положение в с. Каменском сохранялось в течение двух суток. 10 сентября в село прибыла из Кодака команда под начальством есаула Ивана Кирпаня. Кирпань немедленно приступил к розыску «зачинщиков бунта» и к арестам. Было схвачено несколько человек: посполитые Грицко Камяниченко, Василий Брегуй, казаки Иван Рахмадило, Голуб, Савка и др. Голуб и Савка принадлежали к тем, кто был освобожден жителями из-под ареста. Арестованных казаков и посполитых забили в кандалы и посадили на телеги, чтобы под охраной отправить в Кодак.

Однако покончить с волнением есаулу Кирпаню не удалось. Арест «зачинщиков» вызвал среди населения новый взрыв возмущения. Вооружившись кольями, топорами и палками, посполитые и казаки неожиданно напали на команду Кирпаня и, разогнав ее, освободили арестованных. Документ довольно ярко и точно описывает это событие. «Будущую з есаулом (Кирпанем. — В. Г.) команду кодацких козаков, — читаем в донесении кодацкого полковника Петра Иванова от 12 сентября на имя Коша, — так начали бить, что ни одного (казака из команды. — В. Г.) тамо не осталось»⁵. Сам есаул Кирпань, «схопившись, лашадью в село Романковое с будущими при нем козаками бежал»⁶.

Гнев участников волнений был так силен, что они даже телеги, на которых собирались везти арестованных, «в прах дручьями побили, и лошадей тех, якие в возу были, поприбывали и иных лошадей (принадлежащих карателям. — В. Г.) поперебивали»⁷. При этом были изломаны и изорваны брошенные командой седла, ружья, списы (копья) и прочее⁸. Что же касается самих карателей, то последние, побросав ружья и лошадей, разбежались в разные стороны. Их, по словам очевидца,

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 117, л. 11.

² Там же, л. 15.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 19.

⁶ Там же, л. 11.

⁷ Там же, л. 9.

⁸ Там же, лл. 21—22.

преследовали и «дручьями иных до полусмерти поубивали», других же, как, например, казака Грицка Белуцкого, «в смерть убили»¹. Подводя итоги потерям карательной команды, автор упомянутого рапорта заключает, что «так многие (каратели. — В. Г.) поприбывате, что и... писать об них крайне с трудно-стью»².

Насколько жгучей была ненависть казаков и посполитых к запорожским властям и карателям, видно из слов самого писаря Порожного, освобожденного 10 сентября из-под ареста есаулом Кирпанем. Во время преследования и избияния карательной команды Порожный скрывался на чердаке «уездного двора в соломе под шкурой». Из своего убежища он следил за тем, что происходило в слободе Каменской. По его словам, участники волнений, т. е. каменские посполитые и казаки, единодушно решили истребить старшину и разъездную команду: «А как закричали вдруг единогласно те казаки с обывателями: «берить де и кодацких козаков всех, також писаря и есаула Кирпаня повбиваймо всех!»»³. В рапорте полковника А. Иванова от 10 сентября находим такой вариант. Каменские казаки и посполитые, по словам А. Иванова, кричали: «панов и кодацких козаков поубиваймо»⁴.

Заключительный этап волнений в Каменском представляется так. Выбравшийся под покровом ночной темноты из своего убежища писарь Порожный бежал в Кодак с вестью о разгроме карательной команды. Паланковое начальство немедленно подняло тревогу: «для сбора всенародного в звон на гвалт бито»⁵. Объяснить этот переполох можно только страхом перед каменскими казаками и посполитыми, угрожавшими прийти в Кодак избивать панов. Такое предположение тем более вероятно, что одновременно с событиями в Каменском волнения происходили в соседнем селе той же паланки — Романкове. В рапорте А. Иванова от 12 сентября сохранилась скупая, но выразительная фраза. Иванов писал: «когда с есаулом (Кирпанем. — В. Г.) будущую команду в Каменском разбито, то того ж числа и часа (т. е. 10 сентября. — В. Г.) в Романковом другой побой воспоследовал»⁶.

Таким образом, в начале осени 1761 г. волнения посполитых и казаков охватили значительную часть Кодацкой паланки (Каменское и Романково принадлежали к числу ее крупнейших населенных пунктов).

К сожалению, архивные документы не содержат данных о том, как развивались последующие события в с. Каменском и

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 117, лл. 21—22.

² Там же, л. 11.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 22.

⁵ Там же, л. 11.

⁶ Там же.

Романковым. Известно лишь одно: запорожские власти безжалостно подавили волнения посполитых и казаков, совместно выступавших против своих угнетателей.

Более известной и характерной формой классовой борьбы угнетенных слоев казачества было гайдамацкое движение. Раскрыть социальную природу гайдамацкого движения и определить его роль в истории классовой борьбы народных масс Украины в эпоху феодализма — задача чрезвычайно важная. Остановимся, прежде всего, на характерных чертах организации гайдамацких отрядов.

Организаторами гайдамацких отрядов были, как правило, запорожские казаки. Казак Джерелиевского куреня Петр Варакута на допросе в апреле 1758 г. показывал, что в начале 1757 г. он вступил в гайдамацкий отряд, организованный и руководимый казаком Пашковского куреня Максимом Бурилом. Отряд Бурила начал собираться в Балацковой балке, откуда направился в урочище Гард, где пополнился, вероятно, за счет работников местных рыболовных промыслов. После двухнедельного пребывания в Гарде гайдамаки, по словам Варакуты, «пошли до острова Мигийского, в котором было их собрание до сту (ста. — В. Г.) человек»¹.

О численности запорожских гайдамацких отрядов имеются самые разнообразные данные. Иногда отряды достигали внушительных размеров, доходя до 150, 200 и более человек. О гайдамацком отряде в «двести человек и более» сообщается, например, в письме Слободской полковой канцелярии на имя Коша от 15 декабря 1760 г.²

Гайдамацкие отряды не обладали большой устойчивостью и не действовали в одном и том же составе сколько-нибудь продолжительное время. Предприняв одно или несколько нападений, гайдамаки расходились, чтобы через некоторое время, при благоприятных обстоятельствах, опять собраться и создать новый отряд. Несмотря, однако, на эту текучесть состава отрядов, гайдамацкое движение представляло собой своего рода партизанскую войну, которая не прекращалась во все время существования Новой Сечи и, более того, пережила ее.

На Запорожье гайдамаки имели своеобразные опорные пункты — станы (базы, или лагеря). Тут собирались гайдамаки, становились отряды, заготовлялось продовольствие и оружие. Сюда стекались разбитые гайдамацкие отряды, спасавшиеся от преследований властей. Наконец, такие пункты служили гайдамакам местами зимовки. Чаще всего гайдамацкие станы располагались в малодоступных оврагах, на днепровских островах, в плавнях и просто в степи, покрытой исполинской травой. Наиболее известные гайдамацкие станы

¹ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 43, л. 63.

² Там же, д. 266, л. 10.

располагались на Мигийском острове, в Балацкой, Вербовой, Романковой балках, в урочище Корабельном и проч.

Гайдамацкие станы часто напоминали собой укрепленные пункты. Из инструкции Коша полковнику Д. Стягайло от 27 марта 1757 года видно, что наиболее серьезно укрепленным гайдамацким лагерем на Запорожье, имевшим даже пушки, считался лагерь на Мигийском острове. Указанная инструкция являлась настоящей диспозицией, предусматривающей уничтожение этой гайдамацкой «цитадели». Кош, ввиду неприступности Мигийского острова, приказывал Стягайло действовать с большой осторожностью, выслав предварительно разведку для «проведывания, сколько в том собрании воров есть и с какой стороны пушки имеющи(е)сь поставлены»¹. Лишь после «обстоятельного о том уведомлении» Стягайло следовало незаметно подступить к острову и «без разглашения, с какой пристойнейше стороны, вооружась, не дав им (гайдамакам. — В. Г.) приготовиться, напад и все что придется отбить и самих же воров стрелять и другие же меры в страх им употреблять»².

Гайдамаки зорко охраняли свои лагеря, выставляя сторожевые посты. Из рапорта полковника Мандро от 13 ноября того же года мы узнаем, что когда его команда приблизилась к Мигийскому острову, то «не допуская его... выехало из острова четыре человека... и сказали ему, дабы он в остров не въезжал и их не пересматривал»³. Мандро так и не решился напасть на остров.

Выше уже было сказано, что в гайдамацких лагерях производилась заготовка провианта. Казак Варакута на допросе рассказывал о пригоне в лагерь, стоявший на Мигийском острове, 150 баранов, отбитых у татар⁴. О том же говорят и другие источники. 9 июля 1759 года бугогардовский есаул сообщил в Кош, что, производя с командой розыск гайдамаков, он натолкнулся на гайдамацкое «кочовище», где паслось стадо овец⁵. Такие стада давали гайдамакам возможность обеспечивать продовольствием свои станы.

Если у запорожских богачей и у татарских феодалов гайдамаки добывали продовольствие силой оружия, то у местного трудового населения они приобретали его путем обмена или покупки. Тот же Варакута на допросе рассказал, что гайдамаки обменивали часть своих овец «тамошним неподалеку мужикам за борошно (муку)»⁶.

Объектом нападений запорожских гайдамаков были, с одной стороны, местные эксплуататоры — старшина и богатое каза-

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 58, л. 7.

² Там же.

³ Там же, д. 43, л. 11.

⁴ Там же, л. 63.

⁵ Там же, д. 76, л. 12—13.

⁶ Там же, д. 43, л. 63.

чество, с другой — помещики Правобережья, Левобережья, Слободской Украины, татарские и турецкие феодалы.

В 1754 году полковник Бугогардовской паланки рапортовал в Кош о том, что он уже «неоднократно писал... о многих чинимых в Гарду козаками... разным людям обидах»¹. В самом конце декабря того же года новокодацкому старшине была подана жалоба казаком Пашковского куреня Иваном Гаражой, владельцем богатого зимовника, находившегося вблизи Нового Кодака. Гаража сообщал, что в ночь на 30 декабря «набегшими козаками куренными конеловскими (принадлежавшими к Конеловскому куреню. — В. Г.) ночной добы Федор Байдак и Хведор Донец с товарищи разбойнически забрато гвалтом (наильно. — В. Г.) мое ними имущество» (14 лошадей, 2 ружья и разный домашний скarb). При этом сам Гаража был избит гайдамаками до полусмерти².

Запорожский Кош, охранявший интересы эксплуататорских верхов казачества, вел жестокую борьбу с гайдамацким движением. Опираясь на местную паланковую администрацию, Кош в своих обращениях «ко всем козакам, жиющим по низу Днепра», неизменно требовал: «всеми мерами искоренять воров (гайдамаков. — В. Г.)... и которые противиться будут, — в смерть уювать»³.

Местная администрация оказывалась часто бессильной бороться с гайдамаками. Поэтому обычной мерой Коша была посылка против гайдамаков специальных «разъездных» (карательных) команд. Так, в начале 1758 г. из Коша в Бугогардовскую паланку прибыла команда в составе 200 казаков, «которая, — как указывалось в инструкции, — всегда при реке Бугу и Великом Ингуле будет находиться и в искоренение гайдамаков употребляться»⁴.

Необходимость высылки специальных карательных команд из Коша часто подсказывалась, как видим из приказа Коша от 24 апреля 1759 г., тем обстоятельством, что стоявшие при паланках команды составлялись из местного трудового казачества, сочувствовавшего гайдамакам и не желавшего бороться с ними. Кош писал полковнику Самарской паланки: «ежели те козаки (местной команды. — В. Г.) в означенной поимке воров (гайдамаков. — В. Г.) старательства употребить поленятся... в таком случае... от Коша партии (команды) особливые туда в Самар пошлют»⁵.

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 20, л. 103.

² Там же, д. 174, л. 3.

³ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 76, л. 9. Не требует объяснений то обстоятельство, что запорожские власти в своей классовой ненависти к гайдамакам называли их «ворами», а гайдамацкие отряды — «воровскими». В официальных документах обычны выражения: «в воровской гайдамацкой партии» и проч. Курсив наш. — В. Г.

⁴ Там же, д. 58, л. 22.

⁵ Там же, д. 76, л. 31.

Временами гайдамацкое движение на Запорожье приобрело такой размах, что запорожские власти были вынуждены прибегать даже к помощи администрации соседних областей. Из приказа Коша от 22 апреля 1758 года на имя полковника Д. Стыгайло видим, что для борьбы с гайдамаками «в степные места», кроме запорожских команд, была отправлена команда в 40 человек из Новосербии под начальством армейского капитана, а также из «Слободского полку доброконных вооруженных полтораста человек»¹.

Для понимания природы гайдамацкого движения необходимо прежде всего выяснить социальный состав гайдамацких отрядов. Питательной средой, социальной базой гайдамацкого движения на Запорожье были эксплуатируемые низы, в первую очередь серома: работники зимовников, рыболовных промыслов, чумаки-наймиты, наймиты, отправлявшие военную службу вместо своих хозяев, и проч. К ним присоединялись беглые крестьяне, солдаты — весь тот неимущий люд, который еще не попал в казацкие реестры. Среди гайдамаков встречались также и мелкие хозяева.

Самым ценным источником, проливающим яркий свет на социальную принадлежность гайдамаков и воспроизводящим основные моменты их биографий, являются многочисленные протоколы их допросов, составлявшиеся в «пушкарне» (тюрьме), нередко «под пристрастием» (с применением пыток). Приведем некоторые из них. Арестованный в 1754 г. гайдамак, казак Поповичевского куреня Марко Гаркуша, показал: до вступления в гайдамацкий отряд (атаманом которого был казак Корсунского куреня Филипп Радко) он «через несколько лет при козаках служил», т. е. был наемным работником². В том же году был задержан и допрошен гайдамак, казак Щербиновского куреня Иван Махно. Уроженец м. Басани, Переяславского полка, Махно после прихода на Запорожье и приписки в казаки «пошел до козаков служить и находился в услужении, а после того с половины с товарищи рыбу ловил 7 лет»³. Гайдамак, казак Мышастовского куреня Артем Тупица, в 1757 г. показал, что в течение ряда лет работал по найму на рыболовном промысле казака Калниболотского куреня Данила Белого, где он «рыбу резал». Весной 1757 г., сговорившись с другими работниками Белого, казаком Калниболотского куреня Яцком Коваленко и казаком Платнировского куреня Петром (фамилия неизвестна), также работавшими у Белого по найму в течение 3-х лет, ушел с ними в гайдамаки. В данном случае перед нами интересный факт вступления в гайдамацкий отряд целой группы работников рыболовного промысла⁴.

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 58, л. 23.

² Там же, д. 20, л. 79.

³ Там же, л. 74.

⁴ Там же, д. 43, л. 8.

Задержанный в мае 1759 г. гайдамак, казак Иркиевского куреня Игнат Литвин, показал: уроженец м. Березани, Черниговского полка, он лет 15 тому назад пришел на Запорожье и, записавшись в курень, «нанялся в своего куренного Остапа Лейкуна в Великом Лузи и жил в одного, служачи годов з три. От одного пошедши, служив по разных козаках и чумакував годов з 12, а прошлого 1758 году зимовался в речке Кильченки у козака иркиевского Марка Литвина, зарабатючи...» и т. д. Сойдясь с другими казаками, Литвин пошел в гайдамаки¹. Гайдамак Семен Тенетка на допросе в 1759 г. рассказал о себе следующее: уроженец Правобережья (м. Куреневки), он еще у себя на родине ряд лет «служил по разным хозяевах». Придя в 1749 г. на Запорожье, Тенетка «найдовался в Полтаренного Стовба (фамилия хозяина. — В. Г.), в коего жил год, а от того пошедши, в море на рыбной ловле з куренным шербиновским Яцком Товмачем лето (работал. — В. Г.); от его же пошедши пришел в Новоселицу до жителя тамошнего Грицка Кутового и был у него через всю зиму безденежно». От Кутового Тенетка пошел «до тамошнего священника отца Луки и нанялся в его было на год и, побывши недель с пять, не схотел служить». От священника Тенетка решил пойти в Сечь, но по дороге нанялся в работники к каменскому жителю Менату² и т. д.

Стремясь подавить сопротивление эксплуатируемых низов, запорожские власти принимали жестокие меры по отношению к гайдамакам. Обычно гайдамаков карали приковыванием цепью к столбу за шею, истязанием киями, отсечением уха, руки и т. д. Схваченный летом 1754 г. гайдамак, казак Василий Табанец, на допросе показал, что два года тому назад, в 1752 году, он «сидел в столба и от бою целое лето нездуж был и нигде не бывал»³. Нередко подобные бесчеловечные наказания приводили истязуемых к смерти. Из рапорта войскового есаула (фамилия неразборчива) от 9 июля 1759 г. Кошу узнаем, что указанный есаул, захватив в плен трех гайдамаков из отряда в 40 человек, «жестоким штрафом наказав до смерти, дал другим образец в страх»⁴.

В борьбе с гайдамацким движением запорожские власти опирались на своих естественных союзников — на состоятельные слои запорожского казачества. Преуспевание казака, его «доброе состояние» было в глазах запорожского начальства убедительным и вполне достаточным залогом непричастности его к гайдамацкому движению. Когда, например, в январе 1755 г. запорожская администрация производила розыск гайдамака по имени Михайло, то атаман Ивановского куреня Пилип Гончар в своем ответе писал, что «хотя под тем именем (Михайла.—В. Г.)

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 73, л. 17.

² Там же, л. 19.

³ Там же, д. 20, л. 73.

⁴ Там же, д. 76, лл. 12, 23.

не один (казак. — В. Г.) в курене Ивановском имеется, толко то *доброто состояння казаки*»¹.

Богатые казаки постоянно помогали властям разыскивать гайдамаков и не останавливались даже перед выдачей раненых. Казак Конон Мальяр на допросе показал: когда он со своим товарищем Таранцом вернулись ранеными «з гайдамачества» в зимовник казака Глухого, у которого оба они были наемными работниками, хозяин, «повязавши (их. — В. Г.)... в Сечь до куреня привел»². В Сечи гайдамаки были тотчас же заключены в войсковую тюрьму — в пушкарню.

Не менее характерен и другой случай. На допросе в 1768 г. запорожец Федор Мамай рассказал: он участвовал вместе со своим товарищем Гаврилой Мандулой, ранее работавшим с ним в зимовнике казака Крыловского куреня Ивана Швеца, в гайдамацком отряде, действовавшем на Правобережной Украине во время Колиевщины. В одной из вооруженных схваток с отрядом правительственных войск пуля раздробила Мамаю руку. Обессилев от потери крови, он «до ночи, отошедши, в траве (лежал. — В. Г.) и в ночь... воротился паки к тому зимовнику, в котором с товарищем своим сино косил (т. е. в зимовник Швеца. — В. Г.), в Ингул»³. Однако надежда гайдамака найти помощь в столь трудную для него минуту у своего бывшего хозяина не оправдала себя: Мамай «за прибытием взят хозяином того зимовника Швецом и представлен в войсковую канцелярию»⁴.

Безграничной ненависти запорожских богачей к гайдамакам противостояли горячее сочувствие и поддержка гайдамаков со стороны угнетенных, эксплуатируемых низов. Рапорт в Кош от 1754 года (имя автора рапорта не указано в документе) знакомит нас с таким случаем. В этом году отряд запорожских гайдамаков захватил у татарских феодалов в уроч. Анджабу табун лошадей в 120 голов. Когда татары попытались вернуть табун, на помощь гайдамакам пришли «рыбалки», т. е. работники запорожских рыболовных промыслов. Они «к казакам подъехав в помощь, учиня сражение, на другую сторону (табун. — В. Г.) пригнали»⁵.

Трудовое население Запорожья укрывало гайдамаков от преследования, предупреждало их о приближении карательных команд, давало проводников, снабжало пищей, оружием и т. д. Широкая поддержка гайдамацкого движения угнетенными слоями казачества и посполитых побуждала Кош издавать специальные приказы, устанавливавшие жесточайшие наказания для «передержателей» гайдамаков. В ордере всем паланковым прав-

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 20, л. 19. Курсив наш. — В. Г.

² Там же, д. 43, л. 1.

³ Там же, д. 228, л. 96.

⁴ Там же.

⁵ Там же, д. 19, л. 13.

лениям от 24 апреля 1759 г. Кош требовал «разведывать, не проживают ли где воры (гайдамаки) по тамошних зимовниках или обывательских футорах». Для лиц, уличенных в укрывательстве гайдамаков, ордер предусматривал такие же наказания, как и для самих гайдамаков: «ежели кто предержатель допряма сыщется, с оным також (как) и с пойманными ворами поступать не милуя»¹. Подробнее вопрос о поддержке гайдамаков запорожским населением будет рассмотрен ниже.

Борьба Коша с гайдамаками встретила полное одобрение и поощрение со стороны православной церкви. В сентябре 1761 г. епископ переяславский писал кошевому атаману: «Ревностное Вашего высокоблагородия о искоренении безчеловечных гайдамак прилагаемое попечение и нам между прочим известно... (и) мы оному надивиться не можем». Письмо, содержащее еще целый ряд подобных комплиментов, заканчивалось следующим благочестивым напутствием: «держайте точию неослабно в деле сем божием и напредь»².

Весной 1768 г. на Правобережье, куда вступили русские войска для борьбы с организованной магнатами Барской конфедерацией, вспыхнуло крупное крестьянское восстание — Колиевщина³. Правобережное крестьянство боролось за уничтожение невыносимого феодально-крепостнического и национального гнета и за воссоединение Правобережной Украины с Россией. В этой своей борьбе оно всегда ощущало братскую помощь запорожского казачества. Среди запорожцев беглые с Правобережья составляли немалую часть.

Польские паны с нескрываемой ненавистью относились к запорожским казакам. Обычным стало явление, когда паны, захватив запорожцев, приехавших по делам или на побывку к родственникам на Правобережье, вешали их или сажали на кол. В архиве запорожского Коша сохранилось несколько именных списков казаков (с краткими примечаниями против каждой фамилии), в разное время замученных польскими властями или отдельными помещиками. Из одного такого списка под названием «Ведомость сколько от прошедшего 1733 года даже по настоящий 1748 год козаков войска Запорожского низового ляхи повешали и что в них поодбирали и как оных козаков звали и прозывали, и каких они были куреней, с какими оными товарами ходили, а другие за какими нуждами и где оных повешано» следует, что за указанные 15 лет паны убили 200 человек запорожцев. При этом некоторых, как, например, казака Ивана Бойко, «перве на страстку (пытку. — В. Г.) тягли, а потом на кол посадили». Другим замученным казакам паны, «надругаясь, розняв зубы, повкладывали (в рот) пашпорты»⁴. В борьбе правобережного

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 76, лл. 31, 32.

² Там же, д. 104, л. 48.

³ Колиями называли участников восстания.

⁴ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 5, лл. 3—8.

крестьянства против польских панов запорожской сероме принадлежит выдающаяся роль.

Весной 1768 г. у Матронинского монастыря (вблизи Чигирин) появился отряд запорожских гайдамаков во главе с Максимом Зализняком. Максим Зализняк был подлинным представителем запорожской серомы. 2 июля 1768 г. на запрос Коша о личности Зализняка атаман Тимошевого куреня Василий Корж сообщил следующее: «Щислясь (числясь. — В. Г.) при курене Тимошевском, родиною Польской области села Ивкivec, Максим Железняк с приходу своего (на Запорожье. — В. Г.) годов с пять находилсЯ на заработках и во услужении, а в 1762 г., как отсель отлучилсЯ, проживал аргатуя в... (слово неразборчиво), отколь в разных здешних местах разным промыслом бадался; по бытности же в 1762 г. пушкарем, как з Сечи отлучился, находилсЯ на низу между козаками, потом в турецком городе Очакове находилсЯ в шинковом промысле»¹. Таким образом, Зализняк был типичным серомахой — наемным работником.

На призыв Зализняка к нему в урочище Холодный Яр стали стекаться крестьяне и казаки с Левобережья и Правобережья. К Зализняку присоединялись также все новые и новые отряды запорожских гайдамаков. Они спешили на помощь своим братьям, страдавшим под владычеством польских панов. Приведем интересный документ — показание гайдамака Осипа Куцого, казака Дядьковского куреня. Выходец с Левобережья, он в течение 18 лет работал наймитом на запорожских рыболовных промыслах. В 1768 г. Куцый ушел от хозяина в гайдамаки. «Сего (1768. — В. Г.) году, в Петров пост, — рассказывал Куцый, — когда послышал он, что в Польше в Матронинском монастыре собираются запорожские козаки... то он, Куцый, согласясь с козаком Трофимом, а прозванием не знает, (и) Иваном Сукуром, пошли без ведома кошевого атамана и войсковой старшины в Польшу... и как пришли в объявленный монастырь и явились в названного козаками полковником Максима Железняка, у него таковых же козаков собралось до пяти сот человек»².

Другой участник Колевщины, казак Динского куреня Демьян Андреев, 50 лет отроду, допрошенный 4 ноября 1768 г., так рассказывал о своем вступлении в отряд М. Зализняка. Уроженец с. Хорошего, Лубенского полка, он в 20-летнем возрасте прибыл на Запорожье. Поступив тут в казаки, Андреев находилсЯ «во услужении у разных козаков года с три, а потом... на рыболовных станах». Услышав, «что собираются запорожские козаки для защищения от поляков народа», Андреев

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 227, л. 34. Аргатовать — наниматься на работу (на рыбные и соляные промыслы и проч.) вне пределов Запорожья. Выражение «находиться в шинковом промысле» означает в данном случае наниматься на работу к шинкарю. — В. Г.

² Государственная Публичная библиотека УССР, Рукописный отдел, док. 5873.

сговорился с другими пятью работниками-казаками идти к Зализняку. Захватив с собою ружья, копыя и лошадей, они отправились в Матронинский монастырь, вблизи которого, в лесу (в Холодном Яру), был стан Зализняка. Андреев со своими товарищами находился в лесу в течение двух недель. Во все это время под знамена Зализняка «ежедневно еще собиралось запорожских и польских (украинских. — В. Г.) козаков немалое число»¹.

Группами и в одиночку, тайно и явно запорожские серомахи собирались в скрытых местах, чтобы отсюда двинуться на Правобережье. В самом начале мая 1768 г. корчмарь, казак Корсунского куреня Кондрат Келеберда, донес бугогардовскому полковнику Мойсею Головко о том, что с ингульских рыболовных промыслов пошло в гайдамаки 30 человек казаков-работников. Любопытно, что когда Келеберда, по его собственным словам, спросил их, куда они направляются, хотя это и без того было ясно, то «они ему напротив того ответствовали: «що тобі за діло нас спрашувать? Куди нам бог дасть, туди й поїдемо»².

Запорожские власти старались всеми средствами приостановить поток серомы, устремившийся на Правобережную Украину. Одной из мер, к которой прибегло кошевое начальство, было обращение к эксплуататорскому слою Запорожья — к казакам и посполитым, хозяйства которых имели работниками. Кош призывал хозяев бдительно следить за своими работниками с тем, чтобы помешать им уходить в гайдамаки («чтоб они от себе своих служителей, равно и жительствоющих кои намереватимуть к збунтовавшимся в польской области... на тое зло у Польшу входить, не пускали»³.

Однако все меры, принятые Кошем, были тщетны. В Кош один за другим поступали рапорты и донесения о новых и новых отрядах запорожских гайдамаков, спешивших на Правобережную Украину. Прогноинский полковник Федор Великий в рапорте на имя Коша от 3 июля 1768 г. писал: «по той стороне от Прогноев рыбалки (работники рыболовных промыслов. — В. Г.), оставя своих хозяинов, идут на ту сторону Бугу-реки, на Кислякову и Гордееву балки, где збираются немалые чаты (отряды гайдамаков. — В. Г.)»⁴. 1 июня 1768 г. полковник Головко рапортовал Кошу, что через территорию Бугогардовской паланки непрерывно проходят в Польшу гайдамацкие отряды «для некоторых бунтов»⁵.

Во второй половине мая крестьяне и казаки, руководимые М. Зализняком, захватили Жаботин, а потом Смелу, Черкассы,

¹ Государственная Публичная библиотека УССР, Рукописный отдел, док. 5876.

² ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 227, л. 3.

³ Там же, л. 123.

⁴ Там же, л. 89.

⁵ Там же, л. 225.

Корсунь, Богуслав, Канев, Мошны, Лисянку. Повстанцы брали приступом панские замки, сжигали усадьбы, истребляли польскую и украинскую шляхту, ненавистное католическое духовенство, делили между собой захваченное имущество. Силы повстанцев быстро росли. Вскоре восстанием была охвачена почти вся Киевщина и Брацлавщина. Всюду, где повстанцы захватывали власть, они устанавливали казацкие порядки. Крупные крестьянские выступления имели место в Подолии, на Воляни, в Галиции, в Белзском воеводстве. Ошеломленной польской шляхте крестьянское восстание под руководством Максима Зализняка представлялось повторением знаменитой освободительной войны под руководством Богдана Хмельницкого.

Повстанцы обратились с воззванием к польскому крестьянству, призывая его к совместной борьбе против крепостников. Воззвание, написанное на польском языке, гласило: «Жители Короны (Польской), пребывающие во владениях шляхетских, королевских и духовных! Ваш час настал! Пришло время освободиться из неволи, скинуть панское ярмо — то бремя, которое вы до сих пор влечете. Узрел бог с высоты небес вашу тяжкую долю, услышал рыдания и вопли ваши и послал вам защитников, которые отомстят за зло, причиненное вам панам. Итак, спешите на помощь к тем, кто хочет учинить вас свободными и наделить вольностями. Пришло время отомстить за все муки, терзания, издевательства, за неслыханные обидательства, которые вы до сих пор от своих панов терпели. Посылаем к вам предводителей, которым вы должны верить и за которыми должны следовать с оружием, какое у кого есть. Оставляйте дома ваши, жен и любимых детей. Не будете жалеть об этом, ибо вскоре вновь с ними свидетесь. Даст нам бог победу и будете сами себе панам вольными, когда истребите змежное отродье, панов ваших, которые до сих пор сосут кровь вашу. Обращались мы к вам и прежде, но вы нам не верили; теперь же, когда братья ваши на Украине и Подолии начали счастливо освобождаться из неволи и ярма панского, вы поверите нам! С именем бога спешите к нам на помощь!»¹

Охваченная паникой, шляхта бежала вглубь Польши, а также в Россию. Множество шляхтичей нашло убежище за стенами г. Умани, принадлежавшей магнату Потоцкому. Умань была одной из самых сильных крепостей на Правобережье. Для ее защиты паны сосредоточили крупный отряд надворных казаков, которым командовал сотник Иван Гонта. Выходец из крестьян села Росошок (Уманщина), Гонта не желал бороться против своего народа. Когда отряд М. Зализняка (около 1000 чел.) показался под Уманью, надворные казаки во главе с Гонтой перешли на их сторону. 9—10 июня (20—21 н. ст.) 1768 г.

¹ ЦГИА УССР, ф. Колеивщина, д. 12. Перевод наш. — В. Г.

отряды повстанцев под руководством Зализняка и Гонты овладели Уманью.

После взятия Умани восстание правобережного крестьянства развернулось с еще большей силой. Предводителями отдельных крестьянских отрядов, действовавших на Правобережье и снискавших себе большую известность, были запорожцы Семен Неживый, Никита Швачка, Саражин и др.

Широкий размах крестьянского восстания на Правобережье сильно тревожил правительство русских крепостников, которое опасалось, как бы восстание не перекинулось на территорию империи. Тревога правительства усиливалась по мере получения им все новых сведений об участии в Колиевщине не только запорожских казаков и украинских крестьян, но также русских крестьян, горожан и даже солдат¹.

Запорожская старшина безуспешно старалась убедить правительство в полной непричастности запорожского казачества к Колиевщине. Полковник Головкин, например, писал в 1768 г., что на Правобережье к «колиям» идут только «бродяги, называя себя запорожскими казаками»², а действительных запорожцев среди них нет вовсе. Однако царские чиновники имели неоспоримые доказательства о противном. 15 августа 1768 г. киевский генерал-губернатор Федор Воейков в своем письме на имя Коша с укоризной писал: «Из допросов самих тех запорожцев, кои вчера только из Польши сюда присланы, явствует, что человек до двухсот из самой Сечи 29 прошлого июня, разделяясь на разные части, в Польшу... отправлялись»³.

Все современники единогласно свидетельствуют, что на Правобережье, на помощь «колиям», шла прежде всего серома. Такой именно взгляд на гайдамаков, как на представителей самой обездоленной части запорожского населения, выразил, в частности, ингульский полковник Тарас Черный. 2 июля 1768 г. он писал, что уходящие на Правобережье казаки — люди, в «которых и оружины немае, а не то (что) лошади»⁴.

В своем ордере от 1 июля 1768 г., разосланном во все паланки, Кош приказывал собрать на месте команды из казаков и произвести «объезд» — розыск гайдамаков в местах их сосредоточения — «скрывающихся». При этом в ордере гайдамаки характеризуются как люди, «кои не хотят в козаков рабо-

¹ ЦГИА УССР, ф. Киевской губернской канцелярии, д. 4884, л. 133—134. См. Указ Киевской губернской канцелярии от 7 октября 1768 г. об отправке в Сибирь за участие в Колиевщине крестьянина Максима Позняка, он же Собачкин, крепостного Ивана Петровского, брянского посадского человека Ивана Тимошина, солдата Ивана Сурмина, рекрута Ильи Чистякова, барабанщика Григория Данилова, отставного вахмистра Михаила Петровича и др.

² ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 227, л. 25.

³ Там же, д. 228, л. 189.

⁴ Там же, д. 227, л. 75.

мать»¹. Другими словами, под гайдамаками официальный документ разумеет запорожскую серому, естественным делом для которой считалась работа в хозяйстве богатого казачества в качестве наймитов².

Переход запорожской серомы на Правобережье увеличивал силы крестьянского движения, давая ему, в частности, отважные и опытные в военном деле кадры. С другой стороны, Колиевщина оказала большое влияние на развитие классово-борьбы на самом Запорожье. Участились случаи, когда серома, соединяясь в гайдамацкие отряды, нападала на зимовники запорожских богачей, отнимала скот, лошадей, оружие и т. д. Приведем несколько примеров. В ордере Коша за № 2402 от 30 июня 1768 г. о задержании отряда гайдамаков говорится, что последние, «сообщась с подобными себе, покушаются и тут на многие злодеяния и грабительства»³. Ингульский полковник Тарас Черный в рапорте от 2 июля 1768 г. сообщал Кошу, что запорожцы числом свыше 30 человек «у козаков лошади, седла, ружья, волю чумацкие насильно берут и уже до половины поконились»⁴. Этот отряд гайдамаков ввнушал местному начальству столь сильный страх, что оно не надеялось справиться с ним собственными силами. «Нам в малолюдстве, — писал Т. Черный, — их не разогнать»⁵.

Выступления серомы имели место всюду: на рыболовных промыслах, соляных озерах и проч. Показателен в этой связи следующий факт. В июне 1768 г., как видно из рапорта прогноинского полковника Федора Великого от 24 июня, владелец рыболовного промысла, казак Пластуновского куреня Семен Таран, с четырьмя своими работниками повез с промысла к Гордеевой пристани на продажу рыбу. Когда он вернулся с вырученными деньгами на промысел, работники «начали в него требовать тем деньгам дуван чинить», т. е. потребовали разделить выручку поровну. Хозяин, читаем далее, — «не хотел было чинить (де-леж. — В. Г.), но с принуждения их (работников) учинил»⁶. Из этого же рапорта Ф. Великого узнаем, что волнения казаков охватили всю Прогноинскую паланку. По его словам, «от таких их (казаков. — В. Г.) злоумышленных поступков и непостоянств и здесь самовольников крайне спинить и прекратить за малолюдством (из-за малочисленности состоящей при полковнике команды. — В. Г.) не можно»⁷.

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 227, л. 24. Курсив наш. — В. Г.

² Подробнее о социальном составе гайдамацких отрядов см. нашу работу «Гайдамацкое движение на Запорожье во время Колиевщины и восстания под руководством Е. Пугачева» (Исторические Записки АН СССР, т. 55, М. 1956 г.).

³ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 227, л. 11—12.

⁴ Там же, л. 71.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 73.

⁷ Там же.

Запорожские власти, как и царское правительство, боялись возможности слияния Колиевщины с гайдамацким движением на Запорожье. Опасения подобного рода питались, в частности, слухами о том, что Максим Зализняк имеет намерение итти на Сечь. 4 июля 1768 г. бугогардовский полковник Моисей Головко, прибывший в Сечь, так рассказывал старшинам о своей встрече с Зализняком. 27 июня 1768 г. на левой стороне Буга он был остановлен отрядом всадников в 7 человек. Сообщив, на вопрос старшего отряда, свое имя, Головко, в свою очередь, спросил, с кем он говорит. Старший отряда ответил: «Я де Железняк». Потом он спросил Головко: «давно ли был в Сечи и скоро (ли) поедешь (туда)?» Когда Головко заметил, что из Орели он намерен вернуться прямо в Сечь, назвавшийся Железняком сказал: «егда пойдешь, поклонись пану кошовому (и передай. — В. Г.), что мы будем по той стороне Буга до Сечи в гостях»¹. Головко пытался усюветить гайдамаков: «когда б де, — сказал он им, — вы приехали до Сечи, та б более не издили», но получил от гайдамака, назвавшего себя Зализняком, следующий характерный ответ: «Придем де мы (в Сечь. — В. Г.), так что вы и прочие тамошние (старшина, надо полагать. — В. Г.) и в Сечи и нигде не удержитесь!»².

Конечно, Головко разговаривал не со славным предводителем «колиев» (Зализняк, по существующим данным, в период восстания 1768 г. не появлялся на Запорожье). Тем не менее слова мнимого Зализняка являются прекрасным свидетельством настроений, которые господствовали у запорожских гайдамаков. Учитывая общую тревожную обстановку на Запорожье, Кош сразу же после доклада Головко счел необходимым снести по этому вопросу с киевским генерал-губернатором. В рапорте, отправленном в Киев на другой день, 5 июля, вместе с копией рапорта Головко, Кош подчеркивал, что из посланной копии «усматривается, яко прописанный Железняк с его немалою шайкою имеет намерение точно, так как и в польские и другие места нападад, напасть и на места по сию сторону Буга и войска запорожского»³. Далее сообщалось, что для предотвращения грозящей опасности «от Коша на первый сего случай предприняты все удобовозможнейшие меры к недопущению их (гайдамаков. — В. Г.) сюда»⁴. Эти меры заключались в посылке из Сечи в разные места Запорожья усиленных карательных команд. Однако, сомневаясь в эффективности предпринятых мер, Кош просил у генерал-губернатора содействия в виде присылки войска.

После того как польские магнаты при поддержке царского правительства подавили крестьянское движение на

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 227, л. 38.

² Там же.

³ Там же, л. 39.

⁴ Там же.

Правобережье, многие отряды гайдамаков перешли на Запорожье. Бугогардовский полковник Головки, например, в своем рапорте от 28 августа 1768 года сообщал Кошу о пребывании на территории подведомственной ему паланки, в урочище Густой Байрак, «гайдамацких шаек более двухсот (человек. — В. Г.) под предводительством принципалов... старого запорожского вора... Саражина, да платнировского куренного Алексея Дейнеки и неякогось минского Савки»¹. Старшина, начальствовавший над одним из карательных отрядов, докладывал в Кош 28 сентября 1768 г. о том, что «многие воровские сборища на низу реки Буг даже до Великого лимана в разных речках скрывалища свои имеют». При этом он счел необходимым пояснить, что указанные «сборища» состоят из «здесьних подчиненных... оттоль (из Польши. — В. Г.) з недоброучинства к нам в здешние войсковые области убегающих»².

К осени 1768 г. на Запорожье наблюдается резкое обострение классовый борьбы. Участились случаи нападения на паланковую администрацию, на тюрьмы с целью освобождения заключенных. Прогноинский полковник Федор Великий 21 августа 1768 г. доносил в Кош о нападении казаков на его паланку. Казаки, по словам Великого, «гвалтом набежали на паланку з ножами и дручьем», разбили двери тюрьмы и выпустили заключенных, в числе которых был известный гайдамак, казак Леушковского куреня, Никита Головатый. Той же ночью, окружив паланковое правление, казаки несколько раз подвергали его обстрелу. Они «разов до пяти ночным временем, пришед против паланки и оседав в очерете в камыше. — В. Г.), ружья зарядивши пулями, повз паланку пальбу через всю ночь провождают». Сам Великий «в силу спасся» от гайдамаков³.

Характеризуя положение, создавшееся в подведомственной ему паланке, полковник Великий писал, что нападения гайдамаков вызвали панику среди состоятельных казаков — владельцев зимовников⁴. — и подчеркивал, что собственными силами он не может подавить движение. Казаки «ослушными себе показали и показывают, — писал он 1 сентября 1768 г., — от яких их злоумышленных и самовольных здесь поступков и продерзостей крайне спинить (сдержать. — В. Г.) не могу»⁵. В заключение он заявлял, что боится за свою жизнь, а также подчиненных ему старшин: «и еще опасным себе в тому нахожу, чтоб в случае не последовало мне и старшине моей от них смертного убийства»⁶.

¹ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 227, л. 207.

² Там же, д. 228 л. 41.

³ Там же, д. 227, л. 219.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 220.

⁶ Там же.

В Кош с разных мест стали поступать донесения о нападениях гайдамаков на казачьи зимовники. 21 сентября 1768 г. бугогардовский полковник Головкин сообщил о неоднократных нападениях гайдамацкого отряда в 26 человек под предводительством некоего Макара на местные зимовники ¹.

Борьбу с гайдамацким движением Кош, как и всегда, вел с помощью карательных команд. Начальствование над ними поручалось наиболее известным и опытным старшинам. Осенью 1768 г. руководство подобной экспедицией было возложено на войсковых старшин — Макара Ногаю и Алексея Черного. Инструкция, составленная для них, гласила: «по определенным вам местам, чиня частые разъезды, стоять до воследования от Коша резолюций, а без того команды вашей не распускать» ². Другая карательная экспедиция под начальством войскового старшины Андрея Порохни действовала в это же время в районе, граничившем с Крымом ³.

Между карательными командами и гайдамаками происходили кровопролитные столкновения. В конце сентября 1768 г. один из начальников карательного отряда донес в Кош о сражении, происшедшем между его отрядом и гайдамаками. Как сообщалось в донесении, соединенные карательные команды, двигаясь к устью реки Елацкой, встретились с гайдамацким отрядом численностью в 17 человек. «Когда, — говорилось далее, — мы стали к ним (гайдамакам. — В. Г.) приближаться и словесно стали их, дабы они добровольно склонялись (сдавались. — В. Г.) увещавать, то они на наше прошение увещательством не смотрят (и), устремясь на нас бесчеловечным свирепством, начали по нас с ружей и пистолетов бить». Завязалась жаркий бой. Силы карательных команд намного превосходили малочисленный гайдамацкий отряд. Несмотря на это, гайдамаки сопротивлялись с необыкновенным упорством. Они, по словам начальника команды, оказали «бесчеловечное и весьма опасное сопротивление». Лишь после того, как гайдамаки сочли «себя в том сопротивляться больше не могущими», они отступили на другой берег реки, переправившись через нее вплавь. Карателям удалось захватить в плен трех гайдамаков, причем один из них, Лодонка, был «ранен кулею в грудь» ⁴.

Подобные ожесточенные схватки между гайдамаками и карателями лучше всего характеризуют остроту классовую борьбу на Запорожье, ненависть эксплуатируемых низов к своим угнетателям.

Немалый интерес представляет вопрос о том, из кого же

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 228, л. 6.

² Там же, л. 49.

³ Там же, л. 82. Ордер Коша самарскому полковнику Дмитру от 19 ноября 1768 г.

⁴ Там же, л. 82.

состояли карательные команды. В такие команды, как правило, призывались, по нарядам паланкового начальства, казаки-хозяева. Богатые и зажиточные казаки, однако, вовсе не обнаруживали желания подставлять свои головы под гайдамацкие пули и сабли. Они предпочитали высылать в команды вместо себя своих наймитов. Своекорыстные хозяева старались при этом снабдить наймитов плохими лошадьми, негодными оружием, одеждой и обувью и т. д. Из таких наймитов состояла, например, команда известного нам войскового старшины Андрея Порохни ¹.

Понятно, что для сечевых властей наймиты были крайне ненадежной опорой в борьбе с гайдамаками. Вот почему Кош не раз строго осуждал практику посылки хозяевами на службу вместо себя своих наймитов и настаивал на том, чтобы в команды являлись сами хозяева. Еще задолго до Колиевщины, 24 апреля 1759 года, Кош в своем приказе самарскому полковнику Андрею Семенову предусмотрительно повелевал мобилизовать в карательные команды одних лишь зажиточных казаков, или, как сказано в документе, «всех хозяев» его паланки ².

Тем большую остроту вопрос о социальном составе карательных команд приобрел, естественно, в период Колиевщины. В ордере от 19 ноября 1768 г. Кош категорически предписывал всем паланковым старшинам заменить в карательных командах наймитов их хозяевами. Полковники должны были, согласно приказу, довести до сведения «всех козаков по зимовникам... строжайшее приказание, чтоб они на перемену неисправных их наймитов сами во всем воинском приборе и на добрых лошадях явились» ³. Все эти грозные приказы, впрочем, оставались только на бумаге.

Казачья беднота, служившая в карательных командах, видела в гайдамаках своих защитников и братьев. Поэтому частым было явление, когда казаки карательных команд, не желая сражаться с гайдамаками, разбегались или переходили на их сторону. Войсковые старшины Опанас Ногай и Алексей Черный 24 сентября 1768 г. рапортовали в Кош, что подведомственная им карательная команда стоит перед перспективой распада, так как казаков «удержать... будет невозможно» ⁴. Опасения, высказанные старшинами, оказались вполне основательными. Вскоре, 5 октября 1768 г., они уже докладывали о том, что казаки их команд, «взбунтовавшиеся, все без остатка, оставя нас ни при чем, разъехались» ⁵.

Чтобы заставить серому, зачисленную в карательные команды, бороться с гайдамаками, Кош применял суровые

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, л. 228, л. 82.

² Там же, л. 76, л. 31.

³ Там же, л. 228, л. 82.

⁴ Там же, л. 24.

⁵ Там же, л. 48.

меры. В ордере от 13 сентября 1768 г., в ответ на донесение вышеупомянутых старшин, Кош писал следующее: разыскать всех казаков, покинувших свою команду, арестовать и «за самовольство и послушание жестоко наказать, дабы и другие, смотря на то, такой дерзости не посмели»¹.

Однако никакими мерами старшине не удавалось искоренить сочувствие трудового казачества к гайдамакам. Казаки отказывались являться в карательные («разъездные») команды, проявляя массовое неповиновение. Об этом Кошу доносили из разных мест. Бугогардовский полковник Головки, например, в рапорте от 21 сентября 1768 г. сообщал, что казаки подведомственной ему паланки, получив наряд о явке в команду, «пренебрегши приказ наш, отказались (в) намереваемой нами собраться объездки»². Двумя неделями позже, 5 октября 1768 г., самарский полковник Дмитрий Кулик сообщал Кошу, что проживающие на территории Самарской паланки казаки «отговариваются (отказываются) отправиться по повелению куренных атаманов в сечевую объездку»³. То же происходило в Бугогардовской паланке. Когда полковник в конце ноября приказал казакам явиться в команду для борьбы с появившимся отрядом гайдамаков (числом более 100 чел.), казаки не повиновались приказу — «явились ослушными»⁴.

Весьма показательным для отношения казачьей бедноты к службе в карательных отрядах является следующее. Войсковой старшина Андрей Лукьянов в своем ответе от 26 сентября 1768 г. на запрос Коша, «с каких именно куреней и сколько козаков не дослано» в разъездные команды, ответил: «только з шести куреней козаки были, да и то по малой части». Из приложенного к донесению реестра под заголовком «Сколько не дослано с каких куреней козаков» видно, что из 33 куреней не явилось в команды 649 казаков⁵. Столь большое количество нарушивших приказ о явке на службу говорит само за себя.

Учитывая угрожающее положение, создавшееся в период Колиевщины (и после ее поражения) для состоятельного казачества, высшая и войсковая администрация стремилась добиться безусловного повиновения сечевого гарнизона. С этой целью она потребовала от сечевиков своеобразной присяги, обязывающей каждого проживающего в курене казака бороться с гайдамаками, где и когда бы последние не появились. Текст такой присяги был подписан в Сечи в июне 1768 г. крестами (из-за неграмотности) казаками всех куреней⁶.

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 228, л. 49.

² Там же, л. 6.

³ Там же, д. 227, л. 253.

⁴ Там же, д. 228, л. 11.

⁵ Там же, л. 15.

⁶ Там же, д. 227, л. 75. Рапорт полковника Т. Черного от 2 июня 1768 г.

Но именно там, в Сечи, суждено было развернуться событиям, которые по своей силе и размаху были одним из самых значительных эпизодов классовой борьбы на Запорожье, связанным с Колиевщиной. Это было восстание в Сечи в декабре 1768 г.

Дворянские и буржуазные историки, вынужденные так или иначе касаться этого восстания, не сумели дать ему правильную оценку. В. Греков, например, опубликовавший статью и ряд документов об этом восстании, изобразил события, происходившие в декабре 1768 г., как некую катастрофу, которая угрожала, по его словам, самим основам существования и благосостояния Сечи. «Бунт 1768 г., — писал он, — ладен був захитати самі основи, а з ними й добробут Запорізької Січі»¹. Относясь враждебно к трудовым слоям запорожского казачества, В. Греков представлял самую угнетенную часть последнего — серому — в виде косной, консервативной массы, слепо цепляющейся за остатки старины — за куренное устройство и куренные традиции². Искажая подлинный облик запорожской серомы и отказываясь объяснить причины восстания 1768 г. существовавшими в среде казачества непримиримыми классовыми противоречиями, В. Греков искал корни восстания в сфере национальных отношений. В. Греков не только не признавал прогрессивного значения борьбы угнетенных и эксплуатируемых казачьих низов против эксплуататорской верхушки, но, как мы видим, считал такую борьбу вредной и опасной, колеблющей «благосостояние Запорожской Сечи». «Благосостояние» Сечи он, разумеется, молчаливо отождествлял с благосостоянием запорожских богачей.

Восстание в Сечи вспыхнуло 26 декабря 1768 г.³. В этот день в Сечи, по словам малороссийского генерал-губернатора П. А. Румянцева, произошли «дерзости необыкновенные»: казаки выступили против «старшины с наглостью возмущения»⁴. Они захватили пушкарню и освободили находившихся там в заключении гайдамаков. «Из тюрьмы, — писал Румянцев, — выпущены все преступники, заключенные в оной по суждениям. Имена старшины разграблены и самые квартиры их поразломаны». Кошевой атаман Калнишевский в рапорте от 30 декабря 1768 г. на имя генерала А. С. Исакова писал, что разгрому со стороны повстанцев подверглись не только старшинские, но «и козацьи дома»⁵, т. е. дома богатого сечевого казачества.

Эта общая картина восстания несколько подробнее дорисовывается другими данными. Офицер Новосеченского ретран-

¹ В. Греков, Бунт сіроми на Запоріжжі 1768 р., Записки історично-філологічного відділу УАН, кн. XI, 1927 р., К., стр. 210.

² Там же, стр. 219.

³ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 233, л. 2.

⁴ Там же.

⁵ Записки історично-філологічного відділу УАН, кн. XI, стр. 226.

шемента капитан К. Маркович, очевидец событий, в рапорте от 2 января 1769 г. генералу Исакову так описывал восстание в Сечи. В ночь на 26 декабря 1768 г. казаки-сечевики, захватив «силою рукою» войсковые литавры, «начали тревогу бить и всю чернь войск запорожских забрали (собрали. — В. Г.) и з великим криком и стрелбою збоптовались»¹. Затем восставшие бросились к домам старшины и богатого казачества и разгромили их. При этом некоторых богачей «вовся и прибили»².

Ненависть повстанцев к запорожской старшине и «достойным» казакам была столь жгучей, что они, врываясь в старшинские дома, «невзирая на святые образа и мощи, били и кололи и со всем их имуществом старшин разорили»³. По словам Калнишевского, у него казаки «скверными их ногами (иконы с мощами. — В. Г.) так топтали... что... с тех святых мощей ни одной части сыскать не могли»⁴. Сам Калнишевский, застигнутый в своем доме, едва спасся «через верх потолонный». Переодевшись в монашескую рясу, он бежал в Новосеченский ретраншемент под защиту армейского гарнизона⁵. Подобным же образом из Сечи бежали судья, писарь, есаул и другие старшины. По словам Калнишевского, они, пробираясь в Новосеченский ретраншемент, «до полуночи, а некоторые и до утра, скрывались на берегу Днепра в лугах и плавнях»⁶.

Характеризуя впоследствии цели восставших, Калнишевский заявлял, что «сиромахи начали бунт для того, чтоб кошевого и старшину войсковую нынешнюю и прежде бывшую и достойных козаков всех побить досмерти»⁷.

Начавшись в ночь на 26 декабря, «бунт... происходил, — по словам коменданта Новосеченского ретраншемента сек.-майора Миккульшина, — на другой день даже до полудни»⁸. Повстанцы, таким образом, сравнительно недолго владели Сечью. Из Новосеченского ретраншемента Калнишевский со старшиной вызвал к себе атаманов «с надежными казаками»⁹. Одновременно с этим в Сечь с секретным поручением был направлен капитан Константин Маркович. Маркович должен был разведать сложившуюся там обстановку, чтобы помочь кошевому атаману и новосеченскому коменданту задушить восстание.

¹ Записки іст.-філ. відділу УАН, кн. XI, стр. 226.

² Там же.

³ Там же, стр. 224.

⁴ Киевская Старина, 1893 г., стр. 139—140.

⁵ А. Скальковский, История Новой Сечи, стр. 364.

⁶ Записки іст.-філ. відділу УАН, кн. XI, стр. 226.

⁷ Там же, стр. 224—226. Курсив наш. — В. Г.

⁸ Там же (Новосеченский ретраншемент, в котором стоял армейский гарнизон, находился в 3 км от Сечи. — В. Г.).

⁹ Там же.

Прибыв в Сечь, Маркович принял прежде всего меры к тому, чтобы внести раскол в ряды повстанцев. Лично и через своих агентов он обратился к сереме, уговаривая ее прекратить борьбу. Широко пользуясь демагогическими обещаниями, Маркович говорил: «вы себе выберите кошевым како хотите, вам в том запретить никто не будет»¹. Слова Марковича имели известный успех. В среде повстанцев, лишенных твердого руководства и организации, начались разногласия. Часть из них согласилась сложить оружие. Кошевым атаманом был избран Филипп Федоров. Вся комедия выборов Федорова была учинена по указке самого Калнишевского и преследовала единственную цель: подготовить почву для окончательного подавления восстания в Сечи и возвращения Калнишевского. Федоров, занимавший пост кошевого до Калнишевского, в 1764 г., был для последнего и всей старшины своим человеком. В роли новоизбранного кошевого атамана Федоров оказался их представителем в лагере восставших.

Как только Федоров был избран, он приказал повстанцам «разойтись по куреням». Вероятно, некоторые казаки подчинились этому, т. к. Маркович в цитированном выше рапорте Исакову с чувством удовлетворения сообщал, что «все бунтовщики спокойны»². Впрочем, тут же Маркович поспешил оговориться, отметив, что часть восставших не поддалась на его уговоры и не подчинилась Федорову³. Количество их Маркович определил в 300 человек. Однако он явно преуменьшал число казаков, отказавшихся повиноваться. Сообщая в Новосеченский ретраншемент о том, что наступил благоприятный момент для подавления восстания, Маркович предлагал немедленно двинуть против восставших отряд казаков из тех, «которые в согласии бунтовщиков не были», придав им пушку с армейской прислужгой⁴. Таким образом, сам Маркович, вопреки своим реляциям о «спокойствии» в Сечи, считал, что подавить восстание без применения артиллерии невозможно.

Вслед за этим, 27 декабря, комендант Микульшин и Калнишевский послали против восставших отряд казаков, снабдив его армейской пушкой. Вытесненные из предместья Сечи, восставшие отступили в сечевую крепость, закрыли ворота и «начали чинить отпор»⁵. Однако карателям, наступавшим на Сечь «пешо и конно», удалось ворваться в крепость. Капитан Маркович, принявший вслед за этим командование карательных отрядом, приказал канонирам открыть по восставшим стрельбу из пушки («палить по всем улыцам и по сторонам»

¹ Записки іст.-філ. відділу УАН, кн. XI, стр. 225.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 224.

Сечи)¹. Под губительным орудийным огнем повстанцы вынуждены были покинуть крепость и отступить, перейдя через реку Подпольную, в плавни.

Восстание запорожской серомы было подавлено. Как рапортовал Микульшин генералу Исакову 4 января 1769 г., из числа восставших «побито досмерти немалое число»².

После подавления восстания в Сечь немедленно вернулись Калнишевский и старшина. Они приступили к розыску и арестам участников восстания. Повстанцев, не успевших скрыться, хватили и бросали в тюрьму. Их судьба была отдана в руки тех, против кого они восстали. Была создана специальная следственная комиссия, в состав которой вошли запорожские старшины Василий Пишмич, Яков Качалов, Андрей Вербицкий, Алексей Верминка и новосеченский комендант секунд-майор Лаврентий Микульшин. Характерно, что комиссия не решилась обосноваться в Сечи: она проводила свои заседания в Новосеченской крепости.

Следственная комиссия спешила расправиться с захваченными повстанцами, т. к., по словам Микульшина, казаки намеревались силой освободить из тюрьмы своих арестованных товарищей. Серомахи, как писал Микульшин, «имеют пофалки... оных бунтовщиков из тюрьмы наглостью выпустить»³. Они имели также намерение покончить с кошевым. Один из арестованных сознался, что хотел «кошевого публично из пистолета застрелить»⁴.

Чтобы предотвратить возможность новых выступлений, Микульшин, идя навстречу «секретной» просьбе П. Калнишевского, в донесении от 4 января 1769 г. предложил генералу Исакову постоянно держать на Запсрощье гарнизон из регулярных войск в составе не менее двух полков. Таково, по его словам, было и желание Калнишевского⁵.

Еще более тревожным в это время было положение вне Сечи, в запорожских паланках, куда после подавления восстания стал перемещаться центр борьбы. Кодацкий полковник Иосиф Калнишевский в рапорте от 10 февраля 1769 г. доносил Кошу о массовых случаях захвата серомой зимовников богатых казаков, о поджогах и т. д. Серомахи, по словам И. Калнишевского, «отчиняют загороды и загоняют (угоняют) скоты... насильно, что смотрят в хате, — берут»⁶. Определяя размер опасности, И. Калнишевский отметил, что таких «пеших и безоружных» серомах в его паланке «много силно». Они не только забирали имущество богачей, но и избивали их «безпощады». В заключение И. Калнишевский сообщил, что се-

¹ Записки іст.-філ. відділу УАН, кн. XI, стр. 225.

² Там же, стр. 224.

³ Там же, стр. 232.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 224.

⁶ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 52, л. 36.

ромахам «нельзя и малейшего слова... сказать, (ибо), гуртом собравшись, на ответ идут»¹.

Почти в таких же выражениях изображал положение на Запорожье в рапорте кременчугскому обер-коменданту Черткову 30 марта 1769 г. и секунд-майор Л. Микульшин. «Уведомился я, — сообщал он, — что войска запорожского низового козаки сиромахи... ходют по своим волностям, слободам и зимовникам, лошадей у козаков отнимают и прочее имущество грабют и зарытой в землю хлеб отрывают»².

Восстание в Сечи в декабре 1768 г. ничем, по существу, не отличалось от других стихийный выступлений эксплуатируемого населения Запорожья против своих угнетателей — старшины и богатого казачества. Его стихийность, неорганизованность, локальный характер и неосознанность целей привели к быстрому поражению. Вместе с тем заслуживает внимания то обстоятельство, что основной силой восстания в Сечи в 1768 г. была запорожская серома, т. е. та неимущая масса запорожского населения, которая добывала средства к жизни прежде всего продажей своей рабочей силы. Она подвергалась самой чудовищной, ничем не ограниченной эксплуатации всюду, где прилагала свой труд: в зимовниках, на рыбных и соляных промыслах, на военной службе и т. д. Беззащитная перед алчностью своих эксплуататоров и угнетателей — богатого казачества и старшины — серома могла противопоставить им лишь стихийный протест, приводивший в трепет врагов, но каждый раз кончавшийся поражением.

Мысль о том, что главной силой восстания была именно серома, высказал в своем обращении к запорожским казакам и малороссийский генерал-губернатор П. А. Румянцев. Они, т. е. повстанцы, писал он, «не из первой вашей бра-тии»³.

Серома, давшая украинскому крестьянству опытных в военном деле, неустрашимых и талантливых предводителей, воплощала в себе лучшие качества казачества. Она была носителем славных боевых традиций Запорожской Сечи, являвшейся в течение веков центром антифеодальной борьбы украинского крестьянства.

Восстание в Сечи в декабре 1768 года привело в замешательство не только старшину и «достойных» казаков, но и высшую военную и гражданскую администрацию Украины. Малороссийский генерал-губернатор П. А. Румянцев под впечатлением полученных известий о восстании приказал двинуть на подавление «в Сечи Запорожской бунту от бурлак и казаков» два пехотных (Ряжский и Елецкий) и два кавалерийских

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 52, л. 36.

² Записки іст.-філ. відділу УАН, кн. XI, стр. 234.

³ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 233, л. 2.

(Ямбургский и Псковский) полка ¹. Применить их, однако, не пришлось из-за быстрого поражения восстания.

Стремясь водворить должный «порядок» на Запорожье, 4 января 1769 г., т. е. через неделю после подавления восстания, Румянцев обратился со специальным воззванием ко «всем вообще казакам Сечи Запорожской». Воззвание было послано через генерала артиллерии Кологривова. Ему вменялось в обязанность «словесно подтвердить» запорожским казакам содержание воззвания.

Малороссийский генерал-губернатор пытался склонить серому к примирению с существующими порядками. «Есть еще однако ж всем вам время, — писал он, — обзрев свое заблуждение и раскаясь об оном... сущее повинование и покорство своим властям» оказать ². В противном случае он угрожал сероме суровыми карами. «Но ежели вы хотя мало моему предложению супротивни будете, — писал Румянцев, — то ведайте, что я подвигну меры жестокой крайности» ³.

Запорожская серома, однако, плохо поддавалась увещаниям и заверениям начальства. Менее чем через год после этого, в декабре 1769 года, в Сечи вновь начались волнения.

Русско-турецкая война 1768—1774 гг., во время которой в составе русской армии храбро сражались запорожцы, потребовала больших жертв от трудового казачества. Посланные в войско наймиты или обязанные снаряжаться на войну на собственный счет малосостоятельные казаки терпели огромные лишения. Татары, вторгаясь в пределы Запорожья, еще больше увеличивали бедствия населения: они захватывали имущество, жгли поселения и уводили в плен людей. Ко всему этому добавлялись произвол, обирание, обкрадывание казаков со стороны старшины.

Одним из проявлений классового протеста запорожской серомы во время войны 1768—1774 гг. были волнения в Корсунском курене. 7 декабря 1769 г. в Корсунском курене происходили выборы в так называемую депутацию, посылаемую в Петербург за жалованием для войска. Такие «депутации» к царскому двору отправлялись ежегодно. Положение «депутатов» было далеко не одинаково. Если для представителей старшины поездка к царскому двору являлась почетной и выгодной обязанностью, то совсем иначе она выглядела для бедноты. Включенная в «депутацию» группа казаков должна была в продолжении долгого пути отправлять нелегкую обязанность прислуги у старшины. Вот почему казаки тяготились такой «честью».

Выборы «депутации» происходили на куренной сходке, которой руководили куренной атаман Петр Остроух, старшина,

¹ Записки іст.-філ. відділу УАН, кн. XI, стр. 230.

² ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 233, л. 2.

³ Там же.

депутат Комиссии по составлению Уложения 1767 г. Мойсей Скапа и другие «достойные» казаки. Во время выборов один из казаков, Микита Дорошенко, назвал Скапу и присутствующее «знатное товариство» изменниками. Скапа ударил Дорошенко. На помощь Дорошенко подбежали казаки Сидор Усатый, Антон Калмиусский, Петро Трушенко, Иван Дригожила и Трофим Лабза¹. По словам официальной реляции Коша гр. П. И. Панину от 7 декабря 1769 г., они «необузданною яростью на депутата Скапу бросились... немилосердно сего депутата Скапу били, так что тот атаман Остроух, (и) депутат Скапа с протчим знатным товариством... принуждены (были) курень свой бросить и бежать с неотрешимою жалобою на тех сопряженных злобою возмутителей»². Избивая Скапу, казаки приговаривали: «Ще ти чванишся, що поцепив на грудях цяцьку (сие же они называли портрет государственный)», т. е. депутатский значок.

Выступление казаков в Корсунском курене было оценено кошевой старшиной как «немалоопасное и законам противное» событие. В курень на усмирение «сопряженных злобою возмутителей» была направлена кошевая команда. Казаки Корсунского куреня организовали отпор. Они «взять себя командою не допускали, возлагая надежду на многое их собрание»³.

Спротивление продолжалось, впрочем, недолго. Стихийное выступление корсунцев, не заручившихся поддержкой других куреней, было быстро сломлено. Старшина арестовала и посадила в тюрьму шестерых активных участников выступления: Дорошенко, Усатого, Калмиусского, Трушенко, Дригожилу и Лабзу.

Вновь, по примеру 1768 г., была создана следственная комиссия. В нее вошли старшины Алексей Верминка, Семен Маевский и новосеченский комендант Микульшин. Комиссия не замедлила расправиться с заключенными. Признав их виновными в «нарушении порядка» и в «измене», она определила отправить всех в вечную ссылку.

Старшина поспешила договориться с кучкой казаков, принадлежавших к числу так называемых «честных того ж куреня товарищей»⁴. чтобы исключить осужденных из состава войска и тем устроить других и предупредить в будущем попытки «к общественному и здешнему безпокойству»⁵. «Честные товарищи», т. е. богачи, охотно признали, что осужденные—«недобронравные и спокойствия не жадающие» казаки, и постановили «вовся их исключить и из войска вывезть»⁶.

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 233, л. 4.

² Там же, л. 8.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 13.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Жестокая расправа, произведенная над 6 активными участниками выступления, не погасила духа протеста казаков Корсунского куреня. Весной следующего, 1770, года корсунцы направили своих представителей к войсковому судье Николаю Тимофееву, который временно замещал находившегося в походе кошевого Калнишевского. От имени всего куреня они потребовали освобождения осужденных товарищей, угрожая в противном случае отказом выступить в поход на войну. «Корсунского куреня товариство, — сообщал в связи с этим кошевому войсковой судья, — Омелко Шпак (и) Безпальый Родион именем от всего куреня сегодня приходили ко мне и требовали освобождения содержащихся в городку (Новосеченском ретраншементе. — В. Г.) их куренных известных шестерых человек, сказывая при том, что естли ж те отпущены не будут, то они всем куренем не пойдут в поход ни конниками, ни пехотою»¹. Корсунские казаки, добавлял судья, угрожали разойтись из куреня.

Волнения в Корсунском курене отнюдь не единственное проявление классового протеста на Запорожье в указанное время. Выступления казаков имели место и в других куренях, направлявшихся на турецкий фронт. Глухой отзвук этого мы находим в упомянутом письме войскового судьи. Речь шла о том, целесообразно ли сосредоточивать пехоту, которая, как известно, состояла в своем большинстве из казацкой серомы, в одном месте или нет. «Мне кажется, — писал судья, — естли бы их разделить на три части для того, что (бы) между ими поменьше было шумств и беспорядков»².

В середине 1770 г. наблюдалось массовое уклонение серомы от воинской службы. Объединяясь в отряды, она совершала нападения на хозяйства богатых казаков и старшины. С целью поимки казаков, самовольно покинувших строй, и истребления гайдамаков кошевой атаман в июле 1770 г. отдал приказ о сформировании под начальством старшин специальных разъездных команд. Калнишевский категорически приказывал: «Оставшихся же от походу запорожских козаков и других своевольников от шумств и грабительств ускромлять и для того отправить по селам, шляхам и зимовникам достаточные при старшине разведные команды и так их ускромнить, что (бы) зло искоренить, чтоб о сем злу впредь и слуху не заходило»³.

Выше уже шла речь о тяжелом положении казацкой бедноты в период войны. Оно усугублялось тем, что деньги, выдававшиеся казакам вместо пищевого рациона, ни в какой мере не могли удовлетворить даже самые скромные потребности.

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 233, л. 9.

² Там же.

³ Там же, д. 304, л. 129.

Однако и эти ничтожные деньги безнадежно застревали во вместительных старшинских карманах. В январе 1771 г. казаки отряда войскового старшины Андрея Порохни упрекали старшин в обкрадывании их. «Вы де, — говорили они старшинам, — все наше жалованье заташловали (прикарманили)»¹.

Не только серома, но и другие слои казачества, исключая, конечно, богачей, терпели на войне крайнюю нужду. Они были не в состоянии обеспечить себя хлебом, а лошадей фуражом. 27 января 1771 г. группа старшин доносила Кошу о том, что в их командах «могущественных господарей (хозяев)», имеющих деньги на хлеб и на сено, можно встретить гораздо реже, «нежели немогущественных»². Последние, по словам тех же старшин, «по немогуществу своему за что купить сена, на подножному корму лошадей держали»³. Следствием этого был, естественно, массовый падеж лошадей.

Необычайно тяжелое положение запорожской серомы на войне приводило к частым волнениям. Такими были, например, волнения в команде упомянутого выше старшины Андрея Порохни. 23 января 1771 г. казаки этой команды, самовольно покинув свои посты, явились к своему командиру и потребовали выдачи провианта и фуража. Порохня наотрез отказал им, притворно заявив, что провианта и фуража «и себе нет»⁴. Чаша терпения казаков переполнилась. Они бросились на Порохню с угрозами: «возьмемо, — кричали они, — тебе по прошлогоднему ланцюгом за шию та убьем досмерти»⁵. При этом казаки «всякими непристойными словами ругали» не только Порохню, но и всех старшин вместе с кошевым атаманом, угрожая вовсе оставить службу и разойтись. Порохня не скрывал от начальства, что, как он сам выражался, «сей противной... команды моей козаков поступок привел меня в крайнее смущение и отчаяние жизни»⁶. Если, заявлял он, события будут развиваться так и дальше, то, «отдавши(сь) в волю божию, принужден буду оставить порученность и до Сечи ехать или за невозможностью куда очи глядят, туда и бегать от противных и небогобоязненных людей»⁷.

Во время русско-турецкой войны, в 1773 г., началось крупнейшее в истории нашей Родины крестьянское восстание под руководством Емельяна Пугачева. Охватив огромную территорию, это восстание нашло горячий отклик и на Украине. Руководитель его Пугачев жил некоторое время на Украине и был хорошо знаком с тяжелым положением трудовых масс

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 386, л. 10.

² Там же, л. 14.

³ Там же, д. 385, л. 14.

⁴ Там же, д. 10 и друг.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

украинского крестьянства и казачества, изнывавших под тяжестью феодально-крепостнического гнета. Однажды, в беседе со своим ближайшим соратником Чикой-Зарубиным, Пугачев сказал: «был де я у черкасов, на Дону и по России во многих городах... везде народ разорен»¹. Пугачев хорошо знал также об антифеодальной борьбе угнетенных масс украинского народа, о славных подвигах «колиев» и запорожских гайдамаков. Во время Колиевщины Пугачев проходил казачью службу у самых границ Запорожья — сначала в Бахмуте, а затем в Голый Каменке, Елисаветградской провинции.

Восстание 1773—1775 гг., как и предыдущие антифеодальные крестьянские восстания в России и на Украине в XVI—XVIII вв., ознаменовалось массовым показанием населения. И на этот раз повозаченье являлось той обычной формой борьбы, посредством которой угнетенные массы стремились освободиться от крепостничества. Возглавив восстание, Пугачев обратился с манифестом к крепостному крестьянству, ко всем угнетенным и обездоленным. Призывая к свержению ненавистного крепостнического ига, Пугачев жаловал всех «вольностию и свободою и вечно козаками»². Украинское крестьянство и казачество живо откликнулись на призывы Пугачева. На Украине усилилась классовая борьба, участились случаи разгрома помещичьих имений.

Крепостническое правительство опасалось возможности объединения сил русского и украинского крестьянства. Между тем украинские крестьяне и казаки, в том числе и запорожские, собирались в отряды и присоединялись к пугачевцам, чтобы общими усилиями свергнуть крепостнический гнет. На Нижней Волге, близ Камышина, к Пугачеву присоединилось человек до 600 «малороссийских козаков конных»³. Крестьяне с. Гор Иван Тарасов и Степан Кухтин рассказывали уральскому казенному крестьянину Лаврентию Иванову, что у Пугачева «много козаков донских и запорожских»⁴. Запорожский казак Дмитрий Попович, проводивший агитацию среди крестьян и казаков уже после поражения восстания, рассказывал, что в войсках Пугачева находился Максим Зализняк (вождь Колиевщины)⁵. Хотя мы и не имеем данных, подтверждающих участие Максима Зализняка в восстании 1773—1775 гг., однако весьма показательным то обстоятельство, что народные массы

¹ Пугачев показал впоследствии на допросе, что крестным отцом его сына, Тимофея, был «живущий в их (Зимовейской. — В. Г.) станице в работниках малороссиянец Алексей» (Восстание Емельяна Пугачева, Сбор. док., Л.-д, 1935, док. 26, стр. 93; Пугачевщина, Сборник документов и материалов, т. II, М.—Л., 1931, стр. 131).

² Восстание Емельяна Пугачева, сбор. док., док. 20, стр. 45. Курсив наш. — В. Г.

³ ЦГАДА СССР, ф. 6, д. 512, л. 111.

⁴ Там же, д. 507, ч. III, л. 479. Курсив наш. — В. Г.

⁵ Там же, д. 2453, л. 4.

Украины не допускали и мысли, что запорожские гайдамаки могли стоять в стороне от движения русских крестьян под руководством Пугачева.

В числе самых близких соратников Пугачева мы также видим запорожцев. Максим Шигаев, например, рассказывал, что когда атаманы сговорились выдать Пугачева царским властям, к нему приехали два казака — «яицкий Кумаков, да запорожский Василий». Предатели опасались этих казаков, «а особливо запорожского, который самозванцу был предан»¹.

Многие казаки понимали, какое значение имело бы объединение сил русского и украинского крестьянства и казачества. Любопытны в этом отношении показания запорожского казака Дударенко, хранившиеся в делах старого Саратовского магистрата. После подавления Колиевщины Дударенко вернулся на Запорожье. Отсюда, спасаясь от преследований, он вместе с 27 своими товарищами, также как и он участвовавшими в восстании, перебрался на Дон. Скитаясь по разным местам, Дударенко, наконец, пробрался в Иргиз, где жил в раскольничьем скиту. В 1772 г. в этот скит, к старцу Питириму, приехали донские казаки. Они рассказали о новых порядках, введенных властями на Дону и Запорожье, и о притеснении казачества старшинами и правительственными чиновниками. Один из казаков, по имени Заброда, сказал: «Я подлинно ведаю..., что какое гонение на запорожских казаков (после Колиевщины. — В. Г.) воздвигнуто господами, таковое же на всех казаков будет». «Уже малороссийские люди, — продолжал Заброда, — не стерпя того гонения, всею землею к нам итти желают»². Услыхав это, старец Питирим, сочувственно относившийся к борьбе народных масс, сказал: «Помогаи им бже, они люди добрые и с московскими господами, чаю, то же учинят, что и с польскими было». Дударенко, со своей стороны, рассказывал, как расправилось правительство с участниками восстания 1768 г. «Немало де брата нашего запорожца, — сказал он, — за то российское начальство на кобылу клало». На это Заброда заметил: «Всех российских людей да и казаков донских, також и яицких, буде одною мыслью бунт учинят, на кобылу не положишь»³. Впоследствии запорожец Дударенко был ревностным приверженцем Пугачева и обвинялся властями «в подговоре» к восстанию жителей Покровской слободы⁴.

Пугачев придавал большое значение Запорожской Сечи, так как видел в ней один из важнейших центров антифеодальной борьбы. Осенью 1774 г., после того как царские войска нанесли поражение повстанческой армии у Черного Яра,

¹ Пугачевщина, сбор. док., т. II, стр. 105.

² Д. Мордовцев, Гайдаматчина, 1870, стр. 477—478. Курсив наш.—В. Г.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 475.

Пугачев говорил своим казакам: «Я де думаю идти вниз по Волге и, собрав на ватагах хлеба, пробраться морем к запорожским козакам»¹. Однако осуществить этот замысел Пугачеву, как известно, не пришлось.

После поражения войска Пугачева под Черным Яром отдельные повстанческие отряды еще продолжали действовать. Многие из них, отступая перед царскими войсками, искали спасения на Запорожье. Так, например, в сентябре 1774 г. небольшой отряд повстанцев на четырех повозках следовал через слободу Криничную, Изюмской провинции. Это были пугачевцы, «говорившие на великороссийском наречии, в зипунах и шапках русских крестьянских»². Из Криничной отряд прошел к «линии» (Украинская линия). 25 сентября он появился у крепости Петровской, а потом ушел на Запорожье³. О бегстве участников восстания 1773—1775 гг. на Запорожье говорит и епископ Феодосий. «Весной 1774 г., — пишет он, — в соседстве к проживающим здесь (в слоб. Славянке. — В. Г.) запорожцам присоединились несколько бурлаков из пораженной пугачевщины»⁴. Он же отмечает, что еще раньше, в январе 1774 г., на Запорожье появились полковники Пугачева — Емельянов и Стодола. Оба они побывали в доме у священника К. Тарловского⁵.

Восстание под руководством Пугачева оживило классовую борьбу запорожской серомы. В первых числах 1774 г. вспыхнуло восстание в команде запорожских казаков, находившейся на турецком фронте, на Дунае. 11 марта этого года писарь Первой запорожской команды Г. Чернявский сообщал в Кош, что в начале января в ней произошли «большие бунты, которым неприлично быть»⁶. Запорожцы, предводительствуемые казак Динского куреня Грицком Фиялкой⁷, арестовали своих старшин и, привязав их к пушке, стали производить «разсмотр» их злоупотреблений. При этом, как писал Чернявский, казаки «господина полковника Гука в шию таскали»⁸. Чем кончилось это восстание, неизвестно. Около того же времени в Сечи имело место покушение на войскового судью Н. Тимофеева⁹.

¹ Пугачевщина, сбор. док. т. II, стр. 155.

² Харьковский ГОА, ф. 399, д. 904а, л. 139.

³ Там же, л. 130.

⁴ Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии, вып. I, Екатеринослав, 1880, стр. 527.

⁵ Там же, стр. 401.

⁶ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 262.

⁷ Г. Фиялка был одним из активных участников восстания казаков запорожской команды, которое имело место 5 декабря 1771 года под Браиловом. Восстание было подавлено лишь с помощью регулярных частей. Фиялка вместе с другими казаками был арестован и некоторое время находился в заключении (ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 262).

⁸ Там же.

⁹ Там же, д. 266, лл. 48—52.

Восстание русских крестьян и казаков возродило надежды запорожских низов избавиться от власти своих угнетателей. Весьма характерен в этом отношении следующий эпизод. Еще в 1772 г., вслед за восстанием на Яике, запорожский молодец по имени Никон (фамилия неизвестна) в разговоре с другим работником, глубоким стариком, Борисом Швецом, сказал, что скоро «*панів вибивать будуть*» и что для этого необходимо обзавестись оружием¹. 21 ноября 1773 г. Борис Швец, зайдя в Кодак к перевозчику вместе с двумя наймитами-казаками Пластуновского куреня, сказал присутствующим: «*будет де еще в Сечи недобре: стариков* (т. е. знатных, старых казаков. — В. Г.) *и панов выбивать мєм*»².

Разговор казаков был подслушан атаманом Щербиновского куреня Лукьяном Козинцем, который в это время находился в доме перевозчика. Козинец поспешно отправился в Сечь и доложил обо всем кошевому атаману. По распоряжению последнего, Швец и его два товарища были схвачены и под крепким караулом посажены в «яму» при войсковой пушкарне. Немилосердно истязаемый «батожем», Швец три раза подвергался «пристрастному» допросу, «от которых трех пристрастных допросов, — читаем в официальном сообщении, — он, Швец, дней через чотири и умре в яме»³. Во время допросов он держался мужественно, не проронив ни одного слова.

В 1773 г. на Запорожье вновь оживилось гайдамацкое движение. Гайдамаки нападали на отряды правительственных войск, особенно на те, которые отзывались с турецкого фронта для подавления восстания под руководством Пугачева, и уничтожали их. Современник, генерал А. Ригельман, отмечает в этой связи, что запорожцы «форпосты, команды и заставы, для проходу за границы и в возвратном своем пути разбивали и до смерти многих побили»⁴. Отряды запорожцев оказывали помощь укрепленному украинскому крестьянству. Так, в 1774 г. отряд запорожских казаков «при воинском оружии» появился в с. Лозоватой (на Левобережье), имении украинского помещика Г. Бутовича. Запорожцы помогли крестьянам Бутовича бежать и сами проводили их до Запорожья⁵. Оживление антифеодальной борьбы запорожского казачества в этот период отмечалось и в правительственном манифесте от 3 августа 1775 г. Тут, в частности, говорилось о том, что запорожцы начали «и в самое новейшее время гораздо далеко простирать свою дерзость»⁶. Манифест обвинял казаков также в том, что они, «несмотря на частые им от правительств

¹ А. Скальковский, История Новой Сечи, стр. 168—169. Курсив наш. В. Г.

² ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 364, л. 72. Курсив наш. — В. Г.

³ А. Скальковский, История Новой Сечи, стр. 169.

⁴ Летописное повествование о Малой России, стр. 30.

⁵ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 343, л. 33.

⁶ Летописное повествование о Малой России, стр. 32.

Наших запрещения, не одних уже прямо в козаки вступающих беглецов, но и людей женатых и семейных» скрывают¹. Даже такой реакционный автор, как А. Скальковский, под давлением документальных данных вынужден был признать, что в 1774 г. на Запорожье «подобное 1768 году возмущение опять готовилось»². О положении на Запорожье во время и после крестьянского восстания под руководством Пугачева епископ Феодосий говорит: «В 1774—1775 гг. во многих местах появлялись тайные враги общего спокойствия». Называя их «мятежниками из пораженной партии Пугачева», Феодосий отмечает, что они «своими происками волновали и беспокоили народ». Особенно сильное возбуждение наблюдалось в Старой Самаре, где появился некий «мятежный» полковник Василий Злой, он же Журба. «Самара, — пишет Феодосий, — была оцеплена и окружена карантином: никому не было свободного ни входа в город, ни выхода; в городе, — заключает он, — начались допросы и розыски, от которых народ не скоро мог успокоиться и придти в себя»³.

Наконец, глухой отголосок борьбы запорожских низов в этот период находим в ордере генералу Черткову от 20 апреля 1776 г., в котором обращается внимание властей на «бывшее злодейское возмущение селений», входивших ранее (до середины 1775 г.) в состав Запорожья⁴.

После подавления восстания 1773—1775 гг. царское правительство вступило на путь кровавой расправы с народными массами. Было арестовано около 20 тысяч человек. Тысячи крестьян и казаков были казнены без суда, другие сосланы на вечную каторгу. Чтобы устроить народ, правительство крепостников распорядилось соорудить во всех причастных к восстанию селах и деревнях «глаголи» и «колеса». Тела казненных подолгу оставались на перекрестках дорог на виселицах, поставленных на возвышенных местах. Виселицы с казненными плыли также вниз по Каме и Волге. У значительной части населения тех районов, которые были охвачены восстанием, в том числе у башкир и калмыков, правительство конфисковало все имущество, а самих вместе с семьями отдало в крепостную неволю русским и другим помещикам⁵.

В стране наступила полоса черной реакции. Проведением губернской реформы (1775 г.) правительство значительно увеличило административно-полицейский аппарат на местах, еще

¹ Летописное повествование о Малой России, стр. 33.

² А. Скальковский, История Новой Сечи, ч. I, стр. 169.

³ Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии, стр. 302—303. Курсив наш. — В. Г.

⁴ Днепропетровский Государственный областной музей, ф. Канцелярии Азовского губернаторства, арх. № 220, л. 202.

⁵ М. Жижка, Емельян Пугачев, изд. 2-ое, М., 1950, стр. 196—199.

туже затянуло крепостническую петлю на шее трудового народа. Усиливался национально-колониальный гнет. Уже до этого, с 60-х гг. XVIII ст., царское правительство провело ряд мероприятий, целью которых было расширение власти русских крепостников на Украине. В 1764 г. была упразднена должность гетмана. Место его занял назначенный правительством малороссийский генерал-губернатор. Были приняты меры к ликвидации местного военного, административного и судебного аппарата на Украине. Устанавливались специальные ограничения, касавшиеся украинской национальной культуры. Земли украинского крестьянства и мещанства щедро раздавались русским помещикам. Угнетение народных масс еще более усилилось после подавления восстания 1773—1775 гг.

Жестоким репрессиям царское правительство подвергло русское и украинское казачество. Казачьи земли, в течение столетий притягивавшие к себе массы беглых крестьян, были очагом протеста против феодально-крепостнического строя. Многовековой военной опыт казачества с успехом применялся крестьянами в их борьбе с феодалами. Казачество дало русскому и украинскому крестьянству также опытные и отважные в военном отношении кадры. При этом самой активной силой антифеодальных выступлений казачества была и оставалась гольтьба, серома.

В результате мер, принятых правительством сразу после подавления восстания, Янцкое казачье войско, на территории которого началось восстание 1773—1775 гг., было резко ограничено в своих правах и окончательно подчинено Военной коллегии. Чтобы стереть саму память о событиях, начавшихся на Яике, правительство переименовало реку Яик в Урал, а яицкое казачество — в уральское. Волжские казаки были переселены на Кавказ. На Дону учреждалось «гражданское правительство», полностью упразднившее казачье самоуправление. Станица Зимовейская (родина Пугачева) была переименована в Потемкинскую и перенесена на противоположный берег Дона.

С этого времени царское правительство стало проводить последовательную политику превращения казачества в замкнутое военное сословие, в опору своих колонизаторских целей на окраинах страны и в орудие борьбы с растущим революционным движением внутри ее. При этом правительство стремилось резко увеличить в среде казачества удельный вес богатых и зажиточных элементов за счет средних и бедноты и закрыть доступ в него для беглых крестьян. Старшина и часть богатых казаков стали получать от правительства офицерские чины и вместе с ними дворянские привилегии.

Особенно жестоко царское правительство расправилось с Запорожской Сечью, в которой крепостники не без основания усматривали крайне опасный для себя очаг борьбы против

крепостнического и национального гнета. Правда, в течение веков Запорожская Сечь играла важную роль в борьбе против агрессии со стороны Крыма и Турции. Однако с заключением Кючук-Кайнарджийского мира в 1774 г. и выходом России к Черному морю была устранена угроза со стороны Крымского ханства. Запорожская Сечь утрачивала свое прежнее значение пограничного форпоста по отношению к Крыму. Все это вместе взятое позволяло правительству поставить вопрос о ликвидации запорожского казачества и уничтожении Сечи. К такому шагу правительство побуждали, конечно, и другие обстоятельства. Важнейшее из них — неудержимое стремление русских и украинских крепостников, царских сановников, генералов и проч. овладеть плодородными запорожскими землями и превратить запорожцев в своих крепостных.

Еще в мае 1775 г., т. е. вскоре после казни Е. Пугачева и подавления крестьянского восстания, так называемый Совет при высочайшем дворе постановил: «истребить кошевых казаков, как гнездо их своевольства». Теперь в распоряжении правительства имелась большая боеспособная армия, вернувшаяся с турецкого фронта. В то время как часть этой армии беспощадно расправлялась с повстанцами на Волге, Яике и т. д., другая — под начальством генерала П. Текелия — вступила в пределы Запорожья, заняла все паланки и 4 июня 1775 г. окружила Сечь. Текелию было приказано покончить с Запорожской Сечью.

Весть о предстоящем разрушении Сечи и упразднении Запорожского войска была встречена казацкой серомой с негодованием. Она готовилась дать отпор царским войскам. По словам современника, запорожского богача Н. Коржа, сторонниками решительного сопротивления были именно «все серомы, бурлаки и не женаты, а притом и оседлостей никаких не имели, потому и бунтовались»¹.

Иную позицию заняли запорожские богачи. Последние надеялись на то, что покорность воле правительства и содействие его войскам будут оценены в Петербурге должным образом. Они, говорит Корж, «имея у себя... достаточные обозведения по зимовникам..., не согласны были на мнение бунтовщиков отважных»². При этом старшины и богатые казаки рассуждали так: «хотя мы войско Текелиево... и истребим безнужно, но ты полки, кои вступили уже в наши владения и заняли все паланки и слободы, услышавши наше сопротивление, разорят все наши тамошние пожитки». Поэтому они предлагали сдать Сечь без всяких условий.

Память о расхождении в среде казачества в вопросе о сдаче Сечи сохранилась и в народных песнях. В одной из

¹ Устное повествование бывшего запорожца Н. Коржа, стр. 46.

² Там же.

них рассказывается, что казаки Васюринского куреня обратились к кошевому с просьбой позволить им занять свои места на валах и башнях и защитить Сечь от царских войск.

«Благослови ти, наш батьку, нам на башти стати, Щоб не впустил москаликів да Січ руйнувати. Москаль¹ стане з тесаками, а ми з кулаками; Нехай слава не загине поміж козаками».

Но кошевой не соглашается и отвечает:

«Не дозволю, милі браття, вам на башти стати: Однакове християнство — грішно вигубляти».

5 июня войска генерала Текелия заняли Сечь. Запорожское казачество как войско перестало существовать². 3 августа 1775 года Екатерина II издала манифест, который официально объявлял об упразднении запорожского казачества. «Сечь Запорожская, — гласил манифест, — вконец уже разрушена с истреблением на будущее время и самого названия Запорожских козаков... за оскорбление Нашего Императорского Величества чрез поступки и дерзновение, оказанные от сих Козаков в неповиновении Нашим Высочайшими повелениям». Это неповиновение, как пояснял манифест, выразилось в том, что казаки постоянно чинили «насилъства противу собственных сограждан (читай помещиков. — В. Г.), подданных наших», и также в том, что они укрывали у себя и принимали в войско «без разбора... людей всякого сброда, всякого языка и всякой веры» — «беглецов»³.

Земли бывшей Запорожской Сечи вошли в состав Новороссийской и Азовской губерний, объединенных в Екатеринославское наместничество. Эти земли, обильно политые потом и кровью запорожского трудового казачества, дворянское правительство стало щедрой рукой раздавать русским и украинским помещикам. Основная масса запорожцев была обречена на неминуемое закрепощение. Стремясь избежать этого, часть запорожцев покинула пределы империи и поселилась на Дунае, создав тут т. н. Задунайскую Сечь⁴.

¹ Речь идет о царских войсках.

² После разрушения Сечи серомахи явились к Текелию с просьбой выдать им билеты на право выхода из Сечи. Когда Текелий спросил серомах, куда они намереваются идти, те ответили: «В Тилигул, добродію, на заробітки... бо в нас проклята мати ма—ні сорочки, ні штанів, як бачиш, гола сірома». Устное повествование бывшего запорожца Н. Коржа, стр. 51.

³ Летописное повествование о Малой России, ч. IV, стр. 31—33. Тут же говорится, что на Запорожье укрывается 50 000 крестьян.

⁴ См. нашу работу «О социальных отношениях в Задунайской Сечи» (Исторические записки АН СССР, т. 30, М., 1949).

Хотя Запорожская Сечь и перестала существовать¹, она оставила неизгладимый след в памяти народа. Это объясняется прежде всего тем, что даже в самые мрачные времена крепостничества Запорожье продолжало оставаться областью, не знавшей ни крепостного права, ни тех тяжелых форм феодальной эксплуатации, которые развились и упрочились в центральных районах страны. Запорожье в течение более чем двух веков привлекало к себе угнетенные элементы феодального общества, в первую очередь крепостных крестьян, перспективой освобождения от цепей крепостничества и превращения в свободных производителей. Запорожские казаки вели героическую борьбу против социального и национального гнета. Все это определило то почетное место, которое по праву заняло запорожское казачество в истории украинского народа.

¹ С ликвидацией Запорожского войска, надо сказать, правительство утратило ценную и вместе с тем почти даровую военную силу. Между тем уже к концу 80-х гг. XVIII в. отношения с Турцией вновь обострились. Назревала война. В целях увеличения вооруженных сил империи в 1787 г., т. е. через 12 лет после разрушения Сечи, по распоряжению правительства из бывших запорожцев было образовано новое казачье войско. В основу организации этого войска, названного Черноморским, были положены начала, соответствовавшие политике царизма, с одной стороны, и интересам имущих слоев бывшего запорожского казачества, с другой (см. нашу работу «Черноморское казачество», изд-во АН УССР, К., 1956, стр. 414).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Адашев Данила, окольничий — 82.
Адерсбах, австрийский посол — 253.
Ала Кай Ага, перекопский купец — 351.
Алекберли М., советский историк — 184, 185.
Александр, великий князь литовский (1492—1506 гг.) — 45.
Александр I, русский царь (1801—1825 гг.) — 378.
Александров-Дольник, историк — 247.
Алексей, украинский казак, работник — 415.
Алексей Михайлович, русский царь (1645—1676 гг.) — 272.
Альбрехт Ян, сын польского короля Казимира IV — 45.
Анасян А., советский историк — 177, 186.
Андреев Демьян, запорожский казак Динского куреня, работник, гайдамак — 395.
Андруша, украинский казак — 66.
Антонович В., украинский буржуазный историк — 15, 16, 17, 18, 21.
Апанович Е. М., советский историк — 20, 21.
Арковский, предводитель отряда надворных казаков — 90.
Асколи, итальянец — 171.
Афанасьев, русский писатель — 84.
Аюк, калмыцкий князь — 332.
Бадецкий Карл, польский буржуазный историк — 31.
Бадовский Ян, польский шляхтич — 90.
Байбуза Тихон, казацкий старшина — 149.
Байда, герой украинской народной думы — 20, 71, 72, 84, 85, 86, 87.
Байдак Федор, запорожский казак — 390.
Балабан, шляхтич — 164.
Балабан Г., львовский епископ — 148.
Балараба Михайло, запорожский казак Тимошевского куреня — 353.
Балдак Борисович, герой русской народной сказки — 84.
Балиловец Иван, казацкий полковник — 209.
Бантыш-Каменский Д. Н., украинский дворянский историк — 10, 11.
Барабаш Иван, реестровый старшина — 253, 254, 255, 256, 266, 305, 306, 307.
Барановский А., волынский шляхтич — 97.
Баранчиков Алексей, новокодацкий купец — 364.
Баранчиков Григорий, новокодацкий купец — 364.
Бардаченко, казацкий атаман — 239, 241.
Барятинский, князь — 326.
Баторий Сигизмунд, семиградский князь — 135.
Баторий Стефан, польский король (1576—1586 гг.) — 91, 92, 93, 94, 95, 96.
Бахметев С., русский воевода — 332.
Бегер Янчи, венгерский дворянин на службе у литовского правительства — 92.
Безверхий Никита, запорожский казак, владелец зимовника — 373.
Безпалый Родион, запорожский казак Корсунского куреня — 413.

- Белецкий, шляхтич — 141.
- Белинский В. Г., русский революционер-демократ — 9, 10.
- Белгородко Федор, реестровый полковник — 179.
- Белоцерковец Дацко, казачий полковник — 210, 211.
- Белуцкий Грицко, запорожский казак — 387.
- Белый Данила, запорожский казак Калниболотского куреня, рыбопромышленник — 391.
- Белый Н., запорожский казак Крыловского куреня — 353.
- Белый Сидор, запорожский старшина — 356.
- Бельский Иоахим, польский шляхетский историк (XVI в.) — 106, 134, 139, 143, 144, 145.
- Бельский Мартин, польский шляхетский историк (1494—1575 гг.) — 3, 42, 45, 66, 67, 69, 77, 86, 88, 90, 92, 166.
- Бетлен Габор, семиградский князь — 162, 163.
- Блез де Виженер, французский путешественник XVI в. — 36.
- Бовдир Федор, запорожский казак Дядьковского куреня, рыбопромышленник — 375.
- Бовтух Василь, запорожский казак Деревянковского куреня, работник — 375.
- Богдан, казачий старшина — 232.
- Богданов, русский подьячий — 291.
- Богданович-Зарудный С., казачий старшина — 299.
- Богиня С., запорожский казак слободы Петровки — 358.
- Боголевский Иван, украинский шляхтич — 300.
- Богун Иван, казачий полковник — 289, 290, 291.
- Богущий, шляхтич — 71.
- Бойко Иван, запорожский казак — 394.
- Бойко И. Д., советский историк — 21.
- Болотников Иван, предводитель крестьянского восстания 1606—1607 гг. в России — 8, 152, 153, 155.
- Бона, польская королева (ум. 1557 г.) — 71.
- Бонецкий А., польский историк (XIX в.) — 71.
- Боплан Ги, французский инженер, автор записок об Украине — 46, 53, 54, 55, 88, 89, 110, 119, 120, 167, 168, 216, 220, 260.
- Борецкий Иов, киевский митрополит — 173, 174, 202, 212.
- Борискович Исаакий, луцкий епископ — 173.
- Бородавка-Неродич Яцко, казачий гетман — 162, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179.
- Боярин Иван, казачий старшина — 246.
- Брегуй Василий, запорожский полконтый — 386.
- Бризкай Иван, запорожский казак Васюринского куреня, рыбопромышленник — 375.
- Броневский, русский дворянский историк (XIX в.) — 378.
- Брюховецкий Иван, гетман — 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316.
- Бубновский Левко, казачий есаул — 232.
- Бузский Василий, казачий полковник — 326.
- Булавин К., предводитель восстания на Дону в 1707—1708 гг. — 8, 321, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335.
- Булдименко Петр, запорожский казак Тимошевского куреня — 354.
- Бурило Максим, запорожский казак Пашковского куреня, предводитель гайдамацкого отряда — 388.
- Бут Иван Нестеренко, казачий атаман — 253.
- Бут Павел Михнович (Павлюк), казачий атаман — 223.
- Бутович Г., левобережный помещик — 418.
- Бутурлин В. В., русский воевода — 212, 295.
- Быховец Семен, казачий полковник — 224, 225.
- Бычек, молдавский дворянин — 183.
- Вавели Кретенчик, молдавский дворянин — 185.
- Ваповский Бернард (1450—1535 гг.), польский шляхетский историк — 70.
- Варакута Петр, запорожский казак Джерелиевского куреня, гайдамак — 388.
- Васечко, крестьянин — 47.
- Василенко Н., украинский историк — 313.
- Василий, запорожский казак, участник восстания 1773—1775 гг. — 416.
- Василий Кодацкий, священник — 385.

- Васильев Н., азовский полковник — 331.
- Васютенко Остап, кошевой атаман — 315.
- Вейгер, холмский воевода — 182.
- Великий Иван, запорожский казак Конеловского куреня, рыбопромышленник — 375.
- Великий Федор, запорожский старшина, прогноинский полковник — 396, 399, 401.
- Великогагин, русский князь — 311.
- Величко-Иваненко Иван, кошевой атаман — 310.
- Величко С., украинский летописец — 236, 238, 259, 260, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 294, 307.
- Вербицкий Федор, запорожский старшина — 409.
- Верещинский И., киевский бискуп — 106, 107.
- Верзилов А., русский буржуазный историк — 32.
- Верминка Алексей, запорожский старшина — 409, 412.
- Вернадский Ю., американский буржуазный историк — 21.
- Вийтенко, герой украинской народной думы — 122.
- Витовт, великий князь литовский (1392—1430 гг.) — 28.
- Вишневецкие, княжеский род — 11, 34, 64, 70, 90, 96, 152.
- Вишневецкий, литовский князь — 139.
- Вишневецкий А., литовский князь — 154.
- Вишневецкий Александр, черкасский староста — 96, 101, 102, 103, 104, 105, 106.
- Вишневецкий Дмитрий, литовский князь — 4, 6, 20, 49, 71, 72, 73, 74, 76, 77, 78, 79, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 162, 250.
- Вишневецкий Иван, князь — 71.
- Вишневецкий Иеремия, князь — 212, 213, 214, 215, 222, 233, 239, 240, 241, 243, 250, 260, 271, 273, 274, 275, 276, 277, 281, 282, 291, 293.
- Вишневецкий К., князь — 150, 197.
- Вишневецкий М. А., князь — 64, 65, 71, 83, 90, 92, 93, 94.
- Вишневецкий Михаил, князь — 157.
- Вишневецкий Михаил-Корибут, польский король (1669—1673 гг.) — 86.
- Владислав III, польский король (1434—1444 гг.) — 169.
- Владислав IV, польский король (ум. 1648 г.) — 154, 158, 159, 178, 181, 184, 212, 220, 252, 253, 254, 255, 256, 272, 277.
- Влас, запорожский казак, работник — 374.
- Влодек, литовский феодал — 70.
- Водолага И., запорожский старшина — 382.
- Воейков Федор, киевский генерал-губернатор — 398.
- Ворона, черкасский ремесленник — 31.
- Вороницкий П., князь — 136.
- Воронцов И. М., русский посол — 81.
- Воронцовы, русский боярский род — 322.
- Воротский Юрий, польский шляхтич — 175.
- Второв Н., русский историк (XIX в.) — 247.
- Выговские, украинские шляхтичи — 301.
- Выговский Данила, украинский шляхтич — 300.
- Выговский Евстафий, украинский шляхтич — 300.
- Выговский Иван, украинский шляхтич, гетман (1657—1659 гг.) — 256, 257, 260, 300, 301, 304, 305, 306, 307, 308.
- Выговский Константин, украинский шляхтич — 300.
- Высочин М., запорожский казак Крыловского куреня — 351.
- Габсбурги, австрийская династия — 35, 162.
- Габсбурги, испанская династия — 163.
- Гавронский-Равита Фридрих, польский буржуазный историк XX в. — 15.
- Галаган Игнат, казацкий полковник — 337.
- Галил паша, турецкий военачальник — 178.
- Гамалия Г., лубенский казацкий полковник — 313.
- Гамберини, итальянский путешественник XVI в. — 109.
- Ганжа Андыбер, герой украинской народной думы — 111, 122.
- Ганибал, польский ротмистр — 207.
- Гараджа, запорожский полковник — 348, 367.
- Гаража Иван, запорожский казак Пашковского куреня, владелец зимовника — 390.
- Гаражей Иван, реестровый полковник — 180.
- Гаргаш С., польский буржуазный историк — 26, 29.

- Гардовый Илья, атаман Вышестеблевского куреня — 376.
- Гаркуша, запорожский казак Леушковского куреня, владелец зимовника — 370.
- Гаркуша Марко, запорожский казак Поповичевского куреня, работник, гайдамак — 391.
- Гвагинн Александр, польский шляхетский историк XVII в. — 3.
- Гвинтовка М., нежинский полковник — 313.
- Гектант Фридрих, польский военный инженер — 248.
- Гелех Степан, запорожский войсковой есаул — 376, 377.
- Гендриков И. С., граф, помещик — 344.
- Генкель Яков, австрийский посол — 128.
- Георгица, молдавский господарь — 294.
- Гераклид, грек, претендент на молдавский престол — 83.
- Герберштейн С., немецкий посол — 28.
- Гербильский Г., советский историк — 271.
- Гербурты, литовский княжеский род — 70.
- Герцен А. И., русский революционер-демократ — 9, 10.
- Гижицкий, польский ротмистр, впоследствии полковник — 240, 248.
- Гирей, династия крымских ханов — 37.
- Гиря Иван, реестровый полковник — 197.
- Глоба И. Я., запорожский войсковой писарь — 348, 356.
- Глоба Л., запорожский казак Дервянковского куреня — 363.
- Глубоцкий, шляхтич — 97.
- Глухий, запорожский казак, владелец зимовника — 393.
- Гоголь Н. В., писатель (1809—1852 гг.) — 46.
- Годунов Борис, русский царь (1598—1605 гг.) — 152.
- Голинский Мартин, польский хронист (XVII в.) — 257, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 278.
- Голицын В. В., русский князь — 320, 324.
- Головатый Никита, запорожский казак, предводитель гайдамацкого отряда — 401.
- Головатый П., запорожский войсковой судья — 342, 348, 356.
- Головин, русский князь — 327.
- Головко Мойсей, буггардовский полковник — 396, 398, 400, 401, 402, 404.
- Голуб, запорожский казак слоб. Каменской — 386.
- Голуб Олифер, реестровый гетман — 195.
- Голуб Т., запорожский казак Каневского куреня — 363.
- Голый, казацкий атаман — 330.
- Гольий Иван, запорожский казак Переяславского куреня — 349.
- Гондулич, сербский поэт XVII в. — 185.
- Гонта Иван, казацкий сотник, предводитель крестьянского восстания на Правобережье в 1768 г. — 397, 398.
- Гончар Пилип, атаман Ивановского куреня — 392.
- Горб Алексей, запорожский казак Каневского куреня, ростовщик — 366.
- Горденко Яцко, реестровый полковник — 180.
- Гордиенко К., кошевой атаман — 329, 330, 333, 336, 337, 339, 340.
- Горленко Л., казацкий полковник — 324.
- Горюха Ф., запорожский казак Каневского куреня — 349.
- Грабский В., польский буржуазный историк — 26.
- Грабянка Григорий, украинский летописец (ум. 1734 г.) — 4, 5, 6, 7, 87, 90, 254, 259.
- Грациани, молдавский господарь — 163.
- Греков Б., советский историк — 25.
- Греков В., историк — 406.
- Григорьев Г., кошевой атаман — 365.
- Грондский Самуил, польский историк (XVII в.) — 44, 46, 47, 256, 257.
- Грушевский М. С., украинский буржуазный историк — 17, 18, 45, 71, 72, 85, 144, 220.
- Губа, запорожский казак Шкуринского куреня — 351.
- Губа А., запорожский казак Ирклиевского куреня — 349.
- Гугнивый Я., казацкий полковник — 232.
- Гудименко Андрей, запорожский казак, владелец зимовника — 372.
- Гук, полковник запорожской команды — 417.
- Гулевич А., шляхтич — 136.
- Гульский Станислав, барский староста — 101, 103.

- Гуня Дмитрий Тимофеевич, казачий гетман — 230, 237, 242, 243, 244, 245, 246, 251.
- Гурский, реестровый полковник — 259, 260.
- Гусейн паша, силестрийский паша — 177, 180, 184, 191.
- Гуслистый К. Г., советский историк — 19, 20, 21.
- Гуслистый Степан, запорожский казак Щербиновского куреня — 366.
- Данилович, русский воевода — 160.
- Данилович Я., корсунский староста — 153, 158, 197.
- Данилович Ян, шляхтич — 223.
- Даниловичи, шляхетский род — 150.
- Дашкевич Евстафий, черкасский староста — 11, 59, 60, 61, 62, 65, 69.
- Дашкевичи, литовские феодалы — 90.
- Дворецкий В., киевский казачий полковник — 313.
- Девлет-Гирей, крымский хан — 73, 79.
- Дейнека Алексей, запорожский казак, участник Колеивщины — 401.
- Делавер паша, турецкий военачальник — 184, 187.
- Демьян (брат Северина Наливайко), острожский священник — 131.
- Джалалий Филон, казачий старшина — 266.
- Джумане, перекопский купец — 351.
- Дзвоз Л., запорожский казак слоб. Петровки — 358.
- Дзиковский Иван, казачий полковник — 317.
- Диденко Андрей, казачий гетман — 213.
- Дмитр, украинский крестьянин — 47.
- Дмитрий, запорожский казак, работорник — 351.
- Дмитрий, русский царевич — 152.
- Дмитро, самарский полковник — 402.
- Добролюбов Н. А., русский революционер-демократ — 9, 10.
- Довгополенко Гаврило, герой украинской народной думы — 122.
- Довкгирд Р., литовский посол — 73.
- Довнар-Запольский М. В., русский буржуазный историк — 25.
- Долгорукие, русский княжеский род — 322.
- Долгорукий В., князь — 331, 332, 334.
- Долгорукий Юрий, князь — 323, 328, 329.
- Донец Хведор, запорожский казак — 390.
- Дорокол Данила, реестровый полковник — 179.
- Дорош, запорожский казак Незамевского куреня — 356.
- Дорошенко Микита, запорожский казак Корсунского куреня — 412.
- Дорошенко Михаил, реестровый полковник — 179, 198, 200, 202, 204, 213.
- Дорошенко Петр, правобережный гетман — 302, 312, 314, 315, 316, 317, 318, 319.
- Драгоши, молдавский господарский род — 83.
- Дракохрвст Е., советский историк — 29, 32.
- Дранников П., хотмыжанский житель — 261.
- Дранный С., казачий атаман, участник восстания 1707—1708 гг. на Дону — 330, 332, 333, 334, 335.
- Дригожила Иван, запорожский казак Корсунского куреня — 412.
- Дубецкий М., польский буржуазный историк (XIX в.) — 218.
- Дувад, хотинский купец — 351.
- Дударенко, запорожский казак, участник Колеивщины — 416.
- Дукренко, казачий атаман — 233.
- Душбекенич, украинский казак — 81.
- Дымышко, житомирский староста — 143.
- Дядиченко В. А., советский историк — 325.
- Екатерина II, русская императрица (1762—1796 гг.) — 55, 422.
- Елец, ксендз — 243.
- Емельянов, казачий атаман, участник восстания 1773—1775 гг. — 417.
- Ермоленко, казачий полковник — 314.
- Ескович Михаил, казачий атаман — 77.
- Жданович Антон, киевский полковник — 300.
- Жмайло Марко, казачий атаман — 198, 200.
- Жолкевские, польский шляхетский род — 194, 223.
- Жолкевский Лука, польский шляхтич — 164, 214, 215, 220, 223, 228.
- Жолкевский Станислав, коронный гетман — 107, 108, 131, 132, 133, 134, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 149, 150, 155, 156,

- 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 170, 172, 173.
- Жолкевский Ян, польский шляхтич — 164.
- Жолтовский Ян, польский шляхтич — 249.
- Забела, генеральный судья — 313.
- Заброда, запорожский казак — 416.
- Забужский, реестровый старшина — 282, 289.
- Задорский, польский шляхтич — 71.
- Заец Алексей, запорожский казак Минского куреня, рыбопромышленник — 374.
- Закревский Н., буржуазный историк (XIX в.) — 30.
- Закржевский Я., чигиринский полковник — 248.
- Залеский, польский шляхтич — 71.
- Зализняк (Железняк) Максим, запорожский казак Тимошевого куреня, работник, предводитель крестьянского восстания на Правобережье в 1768 г. — 8, 395, 396, 397, 398, 400, 415.
- Замойские, литовский княжеский род — 241.
- Замойский Станислав, польский феодал — 70.
- Замойский Т., киевский воевода — 160.
- Замойский Ф., князь — 199, 200.
- Замойский Ян, канцлер — 103, 106, 108, 131, 133, 134, 136, 137, 139, 143, 150.
- Зарудный И., левобережный казачий старшина — 344.
- Зарудный С., украинский казак — 269.
- Заславские, литовский княжеский род — 70.
- Заславский, князь — 143.
- Заславский Д., князь — 176.
- Заславский Д., князь — 271, 274, 275, 276, 282.
- Заславский Юрий, князь — 197.
- Збаражские, литовский княжеский род — 70, 199.
- Збаражский, князь — 150.
- Збаражский Юрий, князь — 158, 195, 196, 197.
- Збаражский Януш, князь — 93, 94.
- Зборовские, литовский княжеский род — 91.
- Зборовский А., шляхтич — 154.
- Зборовский Самуил, шляхтич — 68, 90, 94, 95.
- Збылитовский П., польский писатель XVI в. — 43.
- Зебжидовский Ян, польский феодал — 134.
- Зердииков Илья, донской казачий атаман — 334.
- Злой Василий, казачий полковник, участник восстания 1773—1775 гг. — 419.
- Злой Иван, казачий атаман — 234.
- Злой С., запорожский казак слоб. Петровки — 358.
- Золотаренко, герой украинской народной думы — 122.
- Золотаренко Василий, казачий старшина — 299, 308, 309, 310, 311.
- Золотаренко Иван, казачий старшина — 299, 301.
- Зотов, русский посол — 170.
- Зуб, запорожский казак Джерелиевского куреня — 356.
- Зуев В. Ф. (1754—1794), академик — 361.
- Зыскарь Иван, реестровый полковник — 179.
- Иван Грозный, русский царь (1547—1584 гг.) — 77, 81, 152.
- Иваненко Петр (Петрик), — 325, 326.
- Иванов Андрей, запорожский старшина, калмиусский полковник — 382, 384, 387.
- Иванов Лаврентий, уральский казенный крестьянин — 415.
- Иванов Петр, запорожский старшина, кодацкий полковник — 386.
- Иванов Т., донской казак — 260.
- Ивановский, украинский казак — 97.
- Ивоня, претендент на молдавский трон — 71.
- Измаилов, русский воевода — 212.
- Иловайский Д., русский буржуазный историк (XIX в.) — 25.
- Ильяш Караимович, реестровый старшина — 214, 225, 226, 227, 232, 234, 235, 237, 238, 248, 253, 254, 255, 256, 266.
- Иовий П., ноцерский епископ — 58.
- Иорга Николай, румынский буржуазный историк (XX в.) — 31.
- Исаков А. С., русский генерал — 406, 407, 408, 409.
- Искандер паша, турецкий военачальник — 158, 163, 164.
- Ислам Гирей, крымский хан — 61, 62.
- Ислам Гирей, крымский хан — 264, 281, 286.
- Казанкин К., донской казачий атаман — 332.
- Казановский Мартин, польский шляхтич — 197, 199, 200, 201, 233.

- Казимир Ягеллон, великий князь литовский (1440—1492 гг.) — 25, 44.
- Калатура Степан, житель м. Зенькова — 366.
- Калиновский Адам, польский магнат — 197.
- Калиновский Ал., польский магнат — 163, 166.
- Калиновский В., каменецкий и брацлавский староста — 156, 160.
- Калиновский М., коронный гетман — 266, 268, 269, 270, 289, 291, 292, 293.
- Калмиусский Антон, запорожский казак Корсунского куреня — 412.
- Калишевский Иосиф, кодацкий полковник — 354, 409.
- Калишевский Петр Иванович, кошевой атаман — 342, 348, 350, 351, 354, 357, 366, 367, 368, 372, 376, 406, 407, 408, 409, 413.
- Каманин И., буржуазный историк — 17, 71, 78.
- Кампензе А., итальянец, путешественник — 30.
- Камянченко Грицко, запорожский посполитый — 386.
- Каневский Ст., белоцерковский полковник — 248.
- Кантемир Мурза, татарский феодал — 163.
- Каплун Степан, запорожский казак Джерелиевского куреня — 349.
- Каракаш паша, турецкий военачальник — 184.
- Каразин Н., русский дворянский историк — 61.
- Карач-бей, перекопский мурза — 306, 307, 308.
- Карелин И., археолог — 68, 76, 77.
- Карл, польский королевич, брат Владислава IV — 277.
- Карл XII, шведский король — 335, 336.
- Карнаух Семен, казацкий старшина — 128.
- Карп, украинский казак — 66.
- Карпов Г., русский буржуазный историк — 261.
- Касименко А. К., советский историк — 21.
- Качалов Яков, запорожский старшина — 409.
- Келеберда Кондрат, запорожский казак Корсунского куреня, владелец шинка — 396.
- Кизима, казацкий атаман — 229, 233, 234.
- Кизищенко, казацкий атаман — 233.
- Кикин, стольник — 303.
- Кирпань Иван, запорожский старшина, есаул — 386, 387.
- Кисель Адам, украинский магнат — 214, 215, 219, 220, 223, 224, 232, 234, 259, 261, 279, 280.
- Кишка Самоило, герой украинской народной думы — 123.
- Кишка Самуил, старший реестрового войска — 150.
- Климент VII, папа римский (1523—1534 гг.) — 30.
- Климов Г., стародубец — 271.
- Клиша, реестровый полковник — 227.
- Клишко, реестровый полковник — 211.
- Клобуков Андрей, русский дипломат — 83.
- Кмитич Крыштоф, шляхтич, чернобыльский державец — 89.
- Коваленко Яцко, запорожский казак Калниболотского куреня, работник, гайдамак — 391.
- Коваль Никита, запорожский казак, владелец зимовника — 373.
- Козинец Лукьян, атаман Щербиновского куреня — 418.
- Козловский, шляхтич — 71.
- Коленко (Калинник), реестровый полковник — 211.
- Кологривов, генерал артиллерии — 411.
- Кологривов М., стольник — 323.
- Колпак А., запорожский паланковый полковник — 342.
- Комаровский, шляхтич — 248.
- Кондрат, казацкий полковник — 326.
- Кондратович Д., украинский буржуазный историк — 57.
- Кондрацкий, польский полковник — 294.
- Концепольские, польский шляхетский род — 96.
- Концепольский Адам, польский магнат — 249.
- Концепольский Александр, польский магнат — 255, 257, 258, 266, 274, 275, 276.
- Концепольский Станислав, польский магнат, коронный гетман — 87, 160, 164, 197, 199, 200, 201, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 211, 212, 213, 216, 218, 219, 220, 224, 225, 236, 249.
- Кононович Савва, старший реестрового войска — 224, 225.
- Константин, валахский господарь — 157.
- Контарини, венецианский посол — 30.

- Копачовский, польский шляхтич — 183.
- Копинский Исайя, епископ — 173, 212.
- Копыцкий, польский шляхтич — 71.
- Копыцкий, польский шляхтич — 90.
- Корецкие, польский шляхетский род — 70.
- Корецкий, польский шляхтич — 133, 134, 163.
- Корецкий, польский шляхтич — 282, 287.
- Корецкий Самуил, польский шляхтич — 157, 164.
- Корж Василий, атаман Тимошевского куреня — 395.
- Корж Никита Леонтьевич, запорожский казак — 363, 421.
- Короп Трохим, запорожский казак Незамаевского куреня, работник — 370.
- Коростель, казацкий атаман — 228.
- Корыцинский, коронный гетман — 293.
- Косагов Григорий, воевода, впоследствии генерал — 310, 314, 322.
- Косинский Крыштоф, казацкий атаман, предводитель восстания 1591—1593 гг. — 7, 100, 101, 103, 104, 105, 106.
- Костка-Наперский, предводитель восстания польских крестьян в 1651 г. — 290.
- Костомаров Н. И., буржуазный историк (1817—1885 гг.) — 12, 13, 14, 15, 16, 17, 21, 55, 71, 72, 85, 141, 188, 234, 254, 315, 320, 325, 326, 327, 336.
- Коховский Веспасиан, польский шляхетский писатель (XVII в.) — 3, 207, 232.
- Кочубей С. В., украинский помещик — 344.
- Кравец, запорожский казак Щербиновского куреня — 351.
- Кремпский, казацкий полковник — 139, 144.
- Кречовский, чигиринский полковник — 259.
- Кривonos Максим, казацкий полковник, предводитель крестьянских отрядов во время освободительной войны 1648—1654 гг. — 265, 268, 269, 273, 274, 275, 276, 277.
- Крипякевич И. П., советский историк — 21, 31, 54, 207, 232, 250.
- Кромвель Оливер, вождь английской буржуазной революции — 280.
- Кропец, казацкий атаман — 233.
- Кропотов Г., армейский полковник — 334.
- Кубалья Людвиг, польский буржуазный историк — 255, 259, 264, 280.
- Кулага-Петражицкий Иван, реестровый полковник — 202, 210, 211, 213.
- Кулевич, герой болгарской народной песни — 85.
- Кулик Дмитрий, самарский полковник — 404.
- Кулиш П. А., украинский буржуазный писатель и историк (1819—1897) — 14, 15, 17, 73, 87, 91, 131, 134, 135, 136.
- Кумаков, яицкий казак, участник восстания 1773—1775 гг. — 416.
- Кунаков, русский посол — 256, 257, 277, 283, 288.
- Купка П., запорожский казак Джерелиевского куреня — 364.
- Купчин Д., запорожский казак Крыловского куреня — 351.
- Курош Богдан, реестровый полковник — 179.
- Курцевич, епископ владимирский — 175.
- Кутовой Грицко, житель слоб. Новоселицкой — 392.
- Кутузов М. И., подполковник, впоследствии фельдмаршал — 380.
- Кухтин Степан, русский крестьянин — 415.
- Куцый Осип, запорожский казак Дядьковского куреня, работник, гайдамак — 395.
- Куша, казацкий атаман — 232, 233, 234.
- Лабза Трофим, запорожский казак Корсунского куреня — 412.
- Лагода, запорожский казак, работник — 375.
- Лагода А., реестровый есаул — 232.
- Лазаревский А., историк — 328.
- Лалим Анисим, запорожский казак Шкуринского куреня, работник — 376.
- Лата Онуфрий, запорожский казак — 348, 356.
- Лаурес Викентий, папский нунций в Польше — 151.
- Лац Самуил, польский шляхтич — 205, 206, 228, 231, 234, 235, 241, 243, 245.
- Лебедев В. И., советский историк — 19.
- Левенгаупт, шведский генерал — 336.

- Левко Иванович, казацкий атаман — 204.
- Легкий Г., запорожский казак Батуриноского куреня — 349.
- Лейкун Остап, запорожский казак Иркиевского куреня, рыбопромышленник — 392.
- Ленин В. И. — 14, 360.
- Леонтьев Г., русский посол — 235.
- Леонтьев Иона — 314.
- Лепляев Лаврин, украинский казак — 216, 219.
- Лесницкий, украинский шляхтич, казацкий старшина — 301, 304.
- Лесун, украинский казак — 66.
- Лещинский А., польский канцлер — 288, 293.
- Лещинский Р., белзский воевода — 176.
- Лещинский Ст., польский король — 336.
- Лжедмитрий I, польский ставленник на русский трон — 152, 154.
- Лжедмитрий II, польский ставленник на русский трон — 154.
- Либишовский, польский шляхтич — 71.
- Линдер, прусский ротмистр — 351.
- Литвин, запорожский казак Пластуновского куреня — 351.
- Литвин Игнат, запорожский казак Иркиевского куреня, работник, гайдамак — 392.
- Литвин Марко, запорожский казак Иркиевского куреня, владелец зимовника — 392.
- Литвин Михаил, литовский шляхтич, писатель — 25, 28, 30, 35, 36, 57, 69.
- Литвин Ф., запорожский казак Крыловского куреня — 370.
- Лобода, казацкий старшина — 129, 130, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 142, 143, 144, 146.
- Лодонка, запорожский казак, гайдамак — 402.
- Лодыженский, русский посол — 315.
- Лозинский Владислав, польский буржуазный историк (XX в.) — 31.
- Ломака Грицко, запорожский казак Иркиевского куреня, рыбопромышленник — 374.
- Лошака Я., запорожский казак — 352, 353.
- Лубенецкий А., польский шляхтич — 70.
- Лука, священник слоб. Новоселы — 392.
- Лукьянов, донской атаман — 191.
- Лукьянов Андрей, запорожский старшина — 405.
- Лупул, молдавский господарь — 292, 293.
- Луцкевич Василий, реестровый полковник — 179.
- Любавский М. К., русский буржуазный историк — 17, 27, 61, 81.
- Любовицкий Ст., польский шляхтич — 256.
- Любомирский И., польский шляхтич — 88.
- Любомирский Станислав, польский гетман — 185.
- Лютай (Лутай) Федор, реестровый есаул, впоследствии кошевой атаман — 232, 259, 262.
- Ляцкоронские, род литовских феодалов — 90.
- Ляцкоронский Предслав, литовский магнат — 4, 6, 45, 55.
- Ляцкоронский С., магнат — 282, 289.
- Лясский, литовский магнат — 83.
- Лясота Эрих, австрийский посол — 48, 53, 57, 68, 76, 111, 118, 127, 128, 130, 131.
- Магмед-Гирей, крымский хан — 82.
- Магмет К., перекопский купец — 353.
- Магомет IV, турецкий султан (1648—1691 гг.) — 318.
- Маевский Алексей, запорожский старшина — 412.
- Мазепа Иван, гетман (1687—1709 гг.) — 320, 322, 324, 325, 326, 327, 328, 330, 335, 336, 337.
- Майгура Семен, запорожский казак Шкуриноского куреня — 349.
- Майор Иван, запорожский посполитый — 385.
- Макар, запорожский казак, предводитель гайдамацкого отряда — 402.
- Макаров Илья, полтавский купец — 366.
- Макаров М., русский купец — 364.
- Максимилиан, баварский герцог — 163, 166.
- Максимов Л., донской войсковой атаман — 329, 331, 332.
- Максимович М., украинский буржуазный историк — 195.
- Малашевич И., кошевой атаман — 339, 342.
- Малашкин, папский нунций в Польше — 151.
- Малженский, польский жолнер — 62.
- Малово Д., русский посол — 79.
- Маляр Конон, запорожский казак, гайдамак — 333.

- Мамай Федор, запорожский казак, работник, гайдамак — 393.
 Мандрика, украинский казак — 81.
 Мандро, запорожский старшина, полковник — 389.
 Мандула Гаврило, запорожский казак, работник, гайдамак — 393.
 Маршон Жан, француз, польский офицер — 217, 218.
 Марк, казакский сотник, участник восстания 1594—1596 гг. — 136.
 Маркевич Богуслав, шляхтич — 260.
 Маркевич Н. А., украинский дворянский историк — 10, 11.
 Марко, герой болгарской народной песни — 85.
 Марко Кралевич, герой сербской народной песни — 85.
 Маркович Константин, капитан — 407, 408.
 Маркс Карл — 14, 23, 42, 43, 45, 48, 69, 119.
 Мартин, перекопский купец, армянин — 353.
 Масса Исаак, голландский купец — 152.
 Махмуд-Гирей, крымский хан — 264.
 Махно Иван, запорожский казак Щербинковского куреня, работник, гайдамак — 391.
 Мелецкий, польский ротмистр — 235.
 Мелешко, волынский шляхтич — 24.
 Менат, житель слоб. Каменской на Запорожье — 392.
 Менгли-Гирей, крымский хан — 37.
 Менгли-Гирей, крымский хан — 168.
 Меншиков А., князь — 323, 336, 337.
 Метла, запорожский казак — 149.
 Мижув, армейский капитан — 345.
 Микошинский Богдан, кошевой атаман — 100, 107, 128, 130.
 Миккульшин Лаврентий, комендант Новосеченского ретраншемета — 407, 408, 409, 410.
 Миллер Г. Ф. (1705—1789 гг.), русский дворянский историк — 8, 55.
 Милорадович М., украинский помещик — 344.
 Минин Кузьма, организатор русского народного ополчения 1612—1613 гг. — 155.
 Миско, казак — 77.
 Мисько, донской казак — 94.
 Михаил Федорович, русский царь — 192.
 Михаил Храбрый, валахский воевода — 132, 133, 150.
 Михайло, запорожский казак, гайдамак — 392.
 Михайлов, русский посол — 278.
 Михельсон И. И., генерал — 378.
 Млинский, казакский атаман — 74, 81.
 Млодецкий, польский шляхтич — 137.
 Многогрешный Демьян, левобережный гетман (1668—1672 гг.) — 317, 318.
 Мовчан Петр, запорожский казак, работник — 373.
 Могила Иеремя, молдавский господарь — 133, 135, 150.
 Могила Петр, киевский митрополит — 133, 223.
 Моджевский Ф. (1503—1572 гг.), польский публицист — 41.
 Молодец, казакский атаман — 332.
 Моргун Грицко, запорожский казак, работник — 372.
 Мордовцев Д., буржуазный писатель и историк — 416.
 Мороз М., запорожский казак слоб. Петровки — 358.
 Мстислав Владимирович, князь — 4.
 Мужилковский Силуан, украинский посол — 278, 281.
 Мурад III, турецкий султан (1543—1595 гг.) — 171.
 Мурад IV, турецкий султан (1623—1640 гг.) — 190.
 Мурка, казакский атаман — 239, 240, 245.
 Муромец Илейка, казакский атаман, участник крестьянского восстания 1606—1607 гг. в России — 153.
 Мустафа I, турецкий султан (1617—1623 гг.) — 187.
 Муха, предводитель крестьянского восстания на Украине в 1490 г. — 41, 42.
 Мышецкий С., князь, автор сочинения о запорожцах (вторая пол. XVII в.) — 118, 161, 170, 339, 347, 363, 364, 370, 381.
 Мясковский В., королевский секретарь — 283, 289.
 Мясковский Лукаш, польский шляхтич — 259, 262.
 Мясников Семен, белевский купец — 366.
 Надинский П., советский историк — 171.
 Наима, турецкий летописец (XVII в.) — 120, 171, 177.
 Наливайко Северин, предводитель казацко-крестьянского восстания на Украине в 1594—1596 гг. — 5, 7,

- 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 142, 143, 144, 145, 146, 149, 251.
- Нарышкины, русский дворянский род — 322.
- Насух паша, визирь — 170.
- Невжчик Иван, запорожский казак Брюховецкого куреня, рыбопромышленник — 375.
- Невлий Семен, запорожский казак Щербиновского куреня, владелец зимовника — 370.
- Недоступа, запорожский казак — 379.
- Неживый Семен, запорожский казак, участник Коллевицны — 398.
- Нейжмаченко Иско, запорожский казак — 366.
- Некрасов, казацкий атаман — 330, 332, 334.
- Немирич Иосиф, земский судья — 96.
- Немирович Ян Петрович (Пенько Ян), черкасский и каневский староста — 62.
- Немытов Дмитрий, орловский купец — 351.
- Немытов Евдоким, орловский купец — 351.
- Неронов Г., русский посол — 279.
- Несецкий, польский историк (XVIII в.) — 86.
- Нестеренко-Бут Иван, полковой есаул — 253.
- Нестеренко М., казацкий полковник — 232.
- Неточаев В. И., советский историк — 21, 22.
- Нечай Данила, казацкий полковник — 282, 289.
- Никифоров Василий, русский посланец — 128, 130.
- Никифоров, секунд-майор — 378, 382.
- Николайчик Ф., буржуазный историк (XIX в.) — 96.
- Никон, запорожский казак, работник — 418.
- Новицкий Василий, чигиринский купец — 350.
- Новицкий Я., украинский буржуазный историк — 357.
- Новосельский А. А., советский историк — 47, 264.
- Нога Максим, запорожский казак Конеловского куреня, рыбопромышленник — 375.
- Ногай М., запорожский войсковой есаул — 374, 384, 402.
- Ногай Опанас, запорожский войсковой старшина — 404.
- Норец, помещик — 344.
- Нос Самойло, запорожский казак Конеловского куреня, владелец зимовника — 349.
- Обалковский, польский шляхтич — 214.
- Обалковский Бартош, польский шляхтич — 173.
- Оборницкий, ксендз — 174, 175.
- Обухович Филипп Казимир, польский шляхтич — 220.
- Ованес Каменецкий, армянский хронист — 177.
- Огинский Богдан, литовский князь — 140, 141.
- Одинец Петр, украинский посланец — 174.
- Одоевские, русский княжеский род — 322.
- Окольский Симеон, католический священник, автор записок о восстании 1637—1638 гг. — 119, 120, 122, 125, 183, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 234, 237, 238, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246.
- Олдаковский, польский посол — 277.
- Олдаковский Ст., переяславский полковник — 248.
- Олизар, польский шляхтич — 243.
- Олифер, реестровый полковник — 213.
- Ольферов Р., русский гонец — 82.
- Оникиенко Тимофей, казацкий полковник — 299, 307.
- Онушкевич, войсковой писарь — 223, 225.
- Опара, казацкий сотник — 312.
- Орендаренко Тимофей, старший реестрового войска — 209, 210, 213.
- Оришовский Ян, шляхтич — 90, 92, 99.
- Осман, турецкий султан (1288—1326 гг.) — 37.
- Осман II, турецкий султан — 174, 175, 177, 180, 182, 183, 187.
- Осман-ага, турецкий посол — 281.
- Осовский, казак — 97.
- Оссолинский Юрий, польский канцлер — 252, 253, 254, 256, 257, 262, 272, 274, 282, 283, 288.
- Остап, запорожский казак Титаревского куреня, рыбопромышленник — 374.
- Остеренко Яцко, запорожский казак, рыбопромышленник — 375.
- Острожская Гальшка, княжна — 71.
- Острожский, князь — 6.
- Острожский Константин, князь, киевский воевода — 90, 91, 93, 97, 101, 102, 103, 104, 106, 132, 134, 135, 156, 166.

- Острожский Януш, князь, белоцерковский староста — 100, 103, 153, 155, 156, 158.
- Остророг Н., польский магнат — 274, 275.
- Остроух Петр, атаман Корсунского куреня — 411, 412.
- Острудный Максим, запорожский казак Корсунского куреня, рыбопромышленник — 374.
- Острианин Яцко, казачий гетман — 213, 214, 229, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242.
- Павел V, римский папа — 175.
- Павлов, казачий атаман, участник восстания 1707—1708 гг. — 332.
- Павлов Леонтий, запорожский казак Кущевского куреня — 365.
- Павлюк, казачий атаман — 221, 224, 226, 228, 229, 230, 231, 232, 242.
- Падалка Л., буржуазный историк — 57, 68, 76.
- Паливода Николай, запорожский казак Джерелиевского куреня — 356.
- Палий Семен, фастовский полковник — 325.
- Панин П. И., граф, генерал — 412.
- Папроцкий Бартыш, польский шляхетский геральдик (XVI в.) — 58, 95, 166.
- Пагока, казак — 97.
- Пашко Павло, запорожский казак, рыбопромышленник — 374.
- Пенько Ян, черкасский староста — 62.
- Первольф И., буржуазный историк — 166.
- Перебийнос, казачий атаман — 332.
- Перегат, украинский казак — 97.
- Петр, запорожский казак Платнировского куреня, работник, гайдамак — 391.
- Петр I, русский царь (1682—1725 гг.) — 321, 336, 360.
- Петрик (Иваненко). — См. выше.
- Петров Михаил, наказной атаман — 189.
- Петрович Михаил, отставной вахмистр, участник Колиевщины — 398.
- Петровский Максим, крепостной, участник Колиевщины — 398.
- Петровский Н. Н., советский историк — 19.
- Пешта Роман, реестровый старшина — 246.
- Пилецкий, шляхтич — 70.
- Пиотровский Я., польский буржуазный историк — 94.
- Письменный Н., запорожский казак Тимошевского куреня — 353.
- Питирим, раскольничий старец — 416.
- Пишмич, запорожский старшина, полковник — 352.
- Пишмич Василий, запорожский старшина — 409.
- Плохий Павло, запорожский казак Полтавского куреня, владелец зимовника — 373.
- Погорелый Гаврило, запорожский казак Иркалевского куреня — 368, 369.
- Подвысоцкий, казачий старшина — 100, 140, 143.
- Подгорский Адам, реестровый полковник — 179.
- Пожарский Д. М., князь (1578—1641 гг.), предводитель русского ополчения 1612—1613 гг. — 155.
- Позняков (он же Собачкин) Максим, русский крестьянин, участник Колиевщины — 398.
- Покровский М. Н., советский историк — 18, 19.
- Полоз, украинский казак — 97.
- Полозович Сенько, киевский наместник — 81, 89.
- Полоус, казачий старшина — 128, 148, 149.
- Полтаренный Стовб, запорожский казак, владелец зимовника — 392.
- Полубинский, польский шляхтич — 143.
- Попович Дмитрий, запорожский казак, участник Колиевщины и восстания 1773—1775 гг. — 415.
- Порожний Лукьян, козацкий паланковый писарь — 385, 386, 387.
- Порохня, володажский житель — 351.
- Порохня Андрей, запорожский войсковой старшина — 402, 404, 414.
- Порохня И., запорожский паланковый полковник — 342.
- Потей, владимирский епископ — 148.
- Потоцкие, польский шляхетский, впоследствии графский род — 96.
- Потоцкий, магнат — 70.
- Потоцкий, магнат — 397.
- Потоцкий Андрей, магнат — 134.
- Потоцкий Николай, коронный гетман — 207, 223, 224, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 239, 240, 241, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 259, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 288, 291, 292, 293.
- Потоцкий Петр, магнат — 230, 243.
- Потоцкий Станислав, воевода краковский и коронный гетман —

- 197, 200, 233, 234, 235, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 266, 267, 268.
- Потоцкий Стефан, магнат — 134, 140. Потоцкий Я., магнат, брацлавский воевода — 150.
- Претвич Бернард, литовский шляхтич, ротмистр — 65.
- Претвич Яков, теребовльский староста — 99, 101, 103, 133.
- Претвичи, литовский шляхетский род — 49, 70.
- Прибытков Е., русский пушкарь — 261, 262.
- Придатко Андрей, запорожский казак Титаревского куреня — 349.
- Пронский Андрей, литовский князь — 66, 70.
- Пронштейн А. П., советский историк — 360.
- Протасьев С., русский посол — 235, 303.
- Прохаска А., польский буржуазный историк (XX в.) — 158.
- Прыс, крестьянин — 47.
- Пугачев Емельян, донской казак Зимовейской станицы, предводитель восстания 1773—1775 гг. — 8, 378, 399, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 421.
- Пугачев Тимофей — сын Е. Пугачева — 415.
- Пушкарь Мартин, полтавский полковник — 305, 307.
- Пушкин А. С., великий русский поэт (1799—1837 гг.) — 378.
- Пушкин М., стольник — 323.
- Пушиловский, шляхтич — 218.
- Пясецкий Павел, польский шляхетский историк (XVII в.) — 3, 4, 70, 144, 171, 172, 175, 176, 181, 185, 200, 208, 222, 230, 232, 246.
- Пясецкий Ян, польский шляхтич — 83, 84, 86.
- Пясочинский Александр, шляхтич — 212, 213, 214.
- Рагоза Михаил, киевский митрополит — 148.
- Радзеевский Иероним, польский шляхтич — 252, 263.
- Радзивилл, литовский князь — 131, 136.
- Радзивилл Януш, литовский гетман — 282, 291, 292, 294.
- Радзивиллы, литовский княжеский род — 34.
- Радинский, польский офицер — 257.
- Радищев А. Н., русский писатель, революционер (1749—1802 гг.) — 9.
- Радко Филипп, запорожский казак Корсунского куреня, гайдамак — 391.
- Радул, претендент на молдавский престол — 163.
- Разин Степан, донской казак, предводитель крестьянского восстания в России в 1667—1671 гг. — 8, 45, 317, 318, 321.
- Разумовский К. Г., украинский гетман — 352, 361, 362, 365.
- Расим Ахмед, турецкий историк — 185.
- Ратомский, литовский феодал — 94.
- Рахмадило Иван, запорожский казак слоб. Каменской — 386.
- Репка, казачий атаман — 240.
- Репнины, русский княжеский род — 322.
- Решмедило, запорожский казак, владелец зимовника — 372.
- Ржевский, русский дьяк — 74, 76, 79.
- Ригельман Александр (1720—1789 гг.), русский генерал, дворянский историк — 8, 49, 117, 119, 379, 418.
- Рог Иван, кошевой атаман — 315.
- Рогачевский Андрей, украинский казак — 97.
- Рожков Н. А., советский историк (1868—1927 гг.) — 18.
- Розван, претендент на молдавский трон — 135.
- Роман, запорожский казак, работник — 351.
- Романовский В., запорожский казак Каневского куреня, торговец — 353, 363.
- Романовы, русский боярский, впоследствии царский род — 322.
- Ромодановский, русский воевода — 305, 306, 319.
- Ртищев Н., русский боярин — 77.
- Руггиери Фульвиус, папский нунций в Польше — 25, 28, 33.
- Рудольф П, австрийский император (1576—1612 гг.) — 127, 130.
- Рудь И., запорожский казак слоб. Петровки — 358.
- Рудь Ф., запорожский казак Поповичевского куреня — 349.
- Ружинские, литовский княжеский род — 70, 90.
- Ружинский Евстафий, князь — 4.
- Ружинский Кирик, князь — 107, 138, 139, 150.
- Ружинский Р., князь, черкасский подстароста — 149.

- Руликовский В. И., польский шляхетский историк — 86 87.
- Румянцев П. А., малороссийский генерал-губернатор — 357, 380, 405, 410, 411.
- Русинский, казацкий полковник — 195.
- Рылеев К. Ф., русский поэт, декабрист (1795—1826 гг.) — 9, 146.
- Савирский Савко, запорожский казак Платнировского куреня, рыбопромышленник — 374.
- Савко, запорожский казак слоб. Каменской — 386.
- Сагайдачный Петр Конашевич, гетман реестрового войска — 153, 159, 160, 161, 162, 173, 174, 175, 179, 183, 195, 198.
- Сагиб-Гирей, крымский хан — 55.
- Сагред, венецианский посол — 257.
- Сакун Василий, казацкий старшина — 246.
- Салтыковы, русский боярский род — 322.
- Самовидец, украинский казацкий летописец XVII в. — 259, 272, 281, 291.
- Самойлович Иван, левобережный гетман (1672—1687 гг.) — 312, 318, 319, 320.
- Самусь (Самойло Иванович), казацкий полковник — 325.
- Сапега А., литовский князь — 154.
- Сапега Л., литовский канцлер — 176.
- Сапеги, литовский княжеский род — 34.
- Саражин, запорожский казак, участник Колиевицны — 398, 401.
- Свят Микита, запорожский казак Ирклиевского куреня — 370.
- Сверчковский, шляхтич — 71.
- Сеадат-Гирей, крымский хан — 61, 62.
- Секула, герой сербской народной песни — 85.
- Селим II, турецкий султан (1566—1574 гг.) — 127.
- Семакович Сидор, реестровый полковник — 179.
- Семен, перекопский купец, армянин — 353.
- Семенов Андрей, запорожский старшина, самарский полковник — 404.
- Семрок Цецора, реестровый полковник — 180.
- Сенютина М., шляхтянка — 47.
- Сенявские, литовский княжеский род — 70.
- Сенявский И., литовский магнат — 150.
- Сенявский Н., киевский воевода — 73.
- Сивокобыльский Александр, запорожский казак Конеловского куреня, работник — 375.
- Сигизмунд I Старый, польский король (1506—1529 гг.) — 5, 47, 59, 60, 66, 89.
- Сигизмунд II Август, король польский и великий князь литовский (1529—1572 гг.) — 66, 70, 73, 74, 77, 78, 79, 81, 83, 86, 89, 91.
- Сигизмунд III Ваза, польский король (1587—1632 гг.) — 96, 154, 155, 176, 211, 212.
- Сикержинский, каневский полковник — 248.
- Силовол Петр, дьячек церкви слоб. Каменской — 385.
- Симоненко М., наказной атаман — 337.
- Симоновский П. И., украинский шляхетский историк (род. ок. 1710 г.) — 4, 5, 7, 90, 324, 328.
- Синько Н., запорожский казак — 353.
- Синиченко Грицко, запорожский казак, владелец зимовника — 373.
- Сирко Иван, кошевой атаман (ум. 1680 г.) — 308, 309, 312, 315, 320.
- Скалзуб, реестровый есаул — 149.
- Скальковский А. А., дворянский историк (1808—1898 гг.) — 11, 14, 16, 21, 46, 125, 351, 361, 380, 407, 418, 419.
- Скапа Мойсей, запорожский старшина, депутат Комиссии 1767 г. по составлению Уложения — 412.
- Скидан Карп, казацкий полковник — 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 234, 237, 239, 242, 245.
- Скок, атаман слободы Каменской — 385, 386.
- Скоропадский Иван, стародубский полковник, с 1708 по 1722 гг. гетман Левобережной Украины — 360.
- Скребец, казацкий атаман, участник восстания 1637—1638 гг. на Украине — 233.
- Скуратов, русский посол — 306, 307.
- Слабченко М. Е., историк — 19.
- Слепой Хома, запорожский казак Каневского куреня, ростовщик — 366.
- Слуцкие, княжеский род — 34.

- Смирнов И. И., советский историк — 44, 152.
- Смирнов П. А., советский историк — 21, 188, 189, 190, 191, 192.
- Смотрицкий Мелетий, полоцкий архиепископ — 173.
- Смяровский, польский шляхтич — 280, 281.
- Смяровский Я., черкасский подстароста — 250.
- Собеский Яков, польский шляхетский историк (XVII в.) — 120, 177, 178, 179, 181, 182, 183, 186.
- Сокирявый, казачий атаман, участник восстания 1637—1638 гг. на Украине — 239, 240, 241, 242, 245.
- Соколовский, шляхтич — 71.
- Соловьев С. М., русский буржуазный историк — 12, 15, 82, 161, 314, 321, 327, 328, 337.
- Солома, казачий атаман, участник восстания 1637—1638 гг. на Украине — 239.
- Соломон М., торговец — 352.
- Сомко Яким, перемышльский полковник, наказной гетман Левобережной Украины (1660—1663 гг.) — 301, 309, 310, 311.
- Сорочинский Петр, кошевой атаман в 1701—1702, 1706—1707 и 1709 гг. — 337.
- Софья, русская царевна — 320.
- Старовольский С., польский публицист (1588—1636 гг.) — 26.
- Старого В., русский посол — 279.
- Стецько, казачий атаман, участник восстания 1594—1596 гг. на Украине — 137.
- Стецюк Е. И., советский историк — 317.
- Стодола, казачий старшина, участник восстания 1773—1775 гг. — 417.
- Стороженко А. В., буржуазный историк (XХ в.) — 93, 95, 106.
- Стрешнев, русский помещик — 344.
- Струси, литовский шляхетский род — 49, 70.
- Струсь, литовский магнат — 163, 164.
- Струсь М., литовский магнат — 150.
- Струсь Юрий, брацлавский староста — 140, 141, 142.
- Струсь Яков, брацлавский староста — 101.
- Стуженский, шляхтич — 71.
- Стягайло Д., запорожский старшина, полковник — 389, 391.
- Судорога Олекса, запорожский казак Щербиновского куреня, работник — 370.
- Сукур Иван, запорожский казак, гайдамак — 395.
- Сулейман, турецкий султан, персонаж болгарской народной песни — 85.
- Сулейман II Великолепный, турецкий султан (1520—1566 гг.) — 37, 72.
- Сулима Иван, казачий атаман — 219, 220, 221, 223.
- Суперека И., запорожский казак слоб. Петровки — 358.
- Сурмин Иван, русский солдат, участник Колеивщины — 398.
- Суховой (Суховиенко) Петро, кошевой атаман — 309, 317.
- Сушинский, шляхтич — 71.
- Сушев Н., русский голец — 62.
- Сысой, казачий полковник, участник восстания 1692 г. на Украине — 326.
- Табанец Василий, запорожский казак, гайдамак — 392.
- Таран Иван, запорожский казак Батуринского куреня — 365.
- Таран Кондрат, запорожский казак Кушевского куреня — 370.
- Таран Петро, запорожский казак, работник — 373.
- Таран Семен, запорожский казак Пластуновского куреня, рыбопромышленник — 399.
- Таранец, запорожский казак, гайдамак — 393.
- Тарас Федорович (Трясило), казачий атаман, один из предводителей восстания 1630—1631 гг. на Украине — 7, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 214, 251.
- Тарасов Иван, русский крестьянин с. Гор — 415.
- Тарло Ян, лубельский воевода — 92, 134.
- Тарловский Кирилл, запорожский священник — 417.
- Татаринцев, казачий атаман, участник восстания 1594—1596 гг. на Украине — 136.
- Твардовский Самуил, польский шляхетский хронист XVII в. — 3.
- Текелий П., русский генерал — 421, 422, 423.
- Телятевский, князь — 152.
- Темберский Станислав, польский поэт XVII в. — 86.
- Тенетка Семен, запорожский казак, работник, гайдамак — 373, 392.

- Теплый Алексей, запорожский казак — 366.
- Герлецкий К., луцкий епископ — 148.
- Тесля Михайло, запорожский казак Незамаевского куреня, владелец зямовника — 370.
- Тетеря П., переяславский полковник, позднее правобережный гетман — 299, 300, 301, 304, 310, 311, 312.
- Тимофеев Николай, запорожский старшина, войсковой судья — 413, 417.
- Тимоша Федорович, реестровый полковник — 179.
- Тимошин, житель г. Брянска, участник Колиевщины — 398.
- Тимша, молдавский господарь — 83.
- Тимша, молдавский господарь — 157.
- Ткач Олена, жена запорожского посланца — 385.
- Ткач (он же Чуб) Ониско, запорожский посполитый — 385.
- Товмач Яцко, запорожский казак Щербиновского куреня, рыбопромышленник — 392.
- Томиленко Василий, реестровый старшина — 223, 224, 232.
- Томкевич Владислав, польский историк — 21, 71, 215, 222, 250.
- Томша, молдавский господарь — 177.
- Торрес, папский нунций в Польше — 289, 292.
- Третьяк И., польский буржуазный историк — 164.
- Трофим, запорожский казак, участник Колиевщины — 395.
- Трубешкой, князь — 300.
- Трущенко Петро, запорожский казак Корсунского куреня — 412.
- Тугай-бей, перекопский мурза — 264, 266.
- Тупица Артем, запорожский казак Мышастовского куреня, работник, гайдамак — 391.
- Тышкевич, украинский магнат — 197.
- Тышкевич В., черкасский староста — 59, 62.
- Тышкевич С., магнат — 154, 163.
- Тышков Афоня, украинский переселенец в России — 81.
- Тышков Юшко, украинский переселенец в России — 81.
- Тягуня Максим, запорожский казак Леушковского куреня, рыбопромышленник — 374.
- Тяпкин, русский посол — 170.
- Угрюмов Василий, стрелецкий пятидесятник — 114.
- Унковский Г., русский гонец — 278, 281.
- Ус Василий, предводитель крестьянского восстания на Дону в 1666 г. — 314.
- Усатый Сидор, запорожский казак Корсунского куреня — 412.
- Уткин, русский помещик — 344.
- Фартушный, запорожский казак слоб. Петровки — 358.
- Федоров Григорий, кошевой атаман — 352, 361, 362, 365.
- Федоров Филипп, кошевой атаман — 408.
- Федуев, русский помещик — 344.
- Фемистокл, видный политический деятель древней Греции, победитель персов при Саламине в 480 г. (до н. э.) — 119.
- Феодосий, епископ — 419.
- Феофан, константинопольский патриарх — 173.
- Фердинанд II, австрийский император (1619—1637 гг.) — 163, 175, 176.
- Филипп, священник — 202.
- Филоненко, казачий полковник, участник восстания 1637—1638 гг. — 213, 245, 246.
- Финенко Тимофей, кошевой атаман — 329.
- Фирлей, польский шляхтич, воевода — 282.
- Фнялка Грицко, запорожский казак Динского куреня — 417.
- Фролов Евстрат, русский дьяк — 314.
- Харевичова Лючия, польский историк — 31.
- Хижа Григорий, запорожский казак — 376.
- Хлопицкий Станислав, шляхтич, посланец австрийского правительства — 127, 128.
- Хмелецкий, польский шляхтич — 203, 265.
- Хмельницкий Богдан, гетман Украины (1648—1657 гг.) — 55, 71, 207, 232, 248, 249, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 275, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 286, 287, 288, 289, 291, 292, 293, 294, 299, 300, 303, 304, 309, 325, 326, 397.
- Хмельницкий Тимофей, сын Богда-

- на Хмельницкого — 259, 262, 287.
- Хмельницкий Юрий — украинский гетман — 304, 308, 309, 310, 319.
- Ходкевич Иероним, литовский магнат — 97, 134.
- Ходкевич Карл, литовский подканцлер — 139, 150, 173, 176, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 185.
- Хомович Г., казацкий полковник — 232.
- Хохлач Л., казацкий атаман, участник восстания 1707—1708 гг. на Дону — 330, 332.
- Хржонтовский, польский ротмистр — 242.
- Хржонщ И., польский буржуазный историк XIX в., издатель рукописи о битвах при Ж. Водах и под Корсунем — 257, 259, 260, 262, 265, 268.
- Худолей, предводитель восстания на Запорожье в 1650 г. — 287.
- Цинцират Луций Квинций, видный римский политический деятель, консул в 458 г. и диктатор в 439 г. (до н. э.) — 119.
- Цыпко К. Г., советский историк — 271.
- Чабаненко Касьян, запорожский казак, работник — 374.
- Чаев Н. С., советский историк — 19.
- Чаплинский Д., шляхтич, чигиринский подстароста — 255.
- Чаповицкий Я., реестровый старшина — 96.
- Чарнецкий Ст., польский шляхтич — 270.
- Чарторьские, княжеский род — 34, 71.
- Челеби Эвлия, турецкий летописец — 191.
- Чели-бей, татарский мурза — 316.
- Чернинский Лукьян, казацкий атаман — 97.
- Черный Алексей, запорожский войсковой старшина — 402, 404.
- Черный Григорий, старший реестрового войска — 204, 205.
- Черный И., запорожский казак Шкуринского куреня — 353.
- Черный О., запорожский казак слоб. Петровки — 358.
- Черный Тарас, запорожский старшина, игульский полковник — 398, 399, 405.
- Чернышевский Н. Г., русский революционер-демократ — 9, 10.
- Чернявский В., запорожский старшина — 347.
- Чернявский Г., писарь Первой запорожской команды — 417.
- Чертков, кременчугский обер-комендант — 410, 419.
- Чиж К., корсунский полковник — 248.
- Чижевский, шляхтич — 71.
- Чика-Зарубин, казацкий атаман, участник восстания 1773—1775 гг. — 415.
- Чистяков Илья, русский рекрут, участник Колеивщины — 398.
- Чоловский А., польский историк (XX в.) — 216, 248.
- Чуб Кондрат, запорожский казак Величковского куреня, ростовщик — 366.
- Чубик Иван, запорожский казак — 366.
- Чугуев, ассессор — 354, 363.
- Чумак К., запорожский казак Уманского куреня — 363.
- Чумак Павел, запорожский казак — 366.
- Чухрай, запорожский казак Батуринского куреня, владелец зимовника — 372.
- Шагин-Гирей, крымский хан — 204.
- Шамрай Дмитрий, запорожский казак Ирклиевского куреня, владелец зимовника — 373.
- Шаула Матвей, казацкий атаман, участник восстания 1594—1596 гг. на Украине — 135, 137, 138, 139, 140, 144.
- Шафран А., запорожский старшина — 115.
- Шах Яков, казацкий атаман — 90.
- Шашол Е., запорожский казак, член депутации, направленной в 1672 г. из Сечи в Москву — 262.
- Швачка Никита, запорожский казак, участник Колеивщины — 398.
- Швец Борис, запорожский казак, работник — 418.
- Швец Иван, запорожский казак — 337.
- Швец Иван, запорожский казак Крыловского куреня, владелец зимовника — 393.
- Швец Никита, запорожский казак Ирклиевского куреня, владелец зимовника — 373.
- Швидкий И., атаман Корсунского куреня — 351.
- Шевченко Т. Г., великий украин-

- ский поэт-революционер (1814—1861 гг.) — 10, 207.
- Шенн, русский воевода — 212.
- Шемберг, комиссар реестрового войска — 266, 267.
- Шереметев Б. В., русский воевода — 309, 326.
- Шерик-Гирей, крымский феодал — 315.
- Шигаев Максим, казачий атаман, участник восстания 1773—1775 гг. — 416.
- Шидловский Ф., изюмский полковник — 322, 332, 333, 334.
- Шило, запорожский казак Батуринского куреня, владелец зимовника — 372.
- Шморгун Иван, запорожский казак Шкуринского куреня — 348, 349.
- Шостак, казачий атаман, участник восстания 1594—1596 гг. на Украине — 137, 144.
- Шпак Омелько, запорожский казак Корсунского куреня — 413.
- Штанко Данило, запорожский казак, работник — 353.
- Штекль, австрийский историк — 21.
- Штим Алексей, запорожский казак, работник — 370, 372, 374.
- Шуенко, запорожский казак Роговского куреня — 351.
- Шуйский Василий, русский царь (1606—1610 гг.) — 152, 154, 155.
- Шуйский Дмитрий, русский князь — 155.
- Шутой В. Е., советский историк — 21, 209, 218, 235, 252, 335.
- Щепотев О., русский боярин — 77.
- Щербина Федор, запорожский казак Деревянковского куреня, рыбопромышленник — 375.
- Щербина Я., запорожский казак Леушковского куреня, владелец зимовника — 370, 372.
- Щербиненко Федор, запорожский казак Деревянковского куреня, рыбопромышленник — 375.
- Щур, украинский казак — 61.
- Эварницкий Д. И., украинский историк (1855—1940 гг.) — 16, 57, 71, 72, 73, 76, 112, 114, 117, 125, 162, 262, 308, 309, 310, 328, 336, 345, 350, 354, 362, 366, 369.
- Эйлер Иоганн-Альбрехт (1734—1800), известный русский математик и астроном — 345.
- Эмин, крымский царевич — 66.
- Энгельс Ф. — 14, 23, 42, 43, 48.
- Юлий Цезарь, древнеримский политический деятель — 157.
- Юско, запорожский посланец — 328.
- Язловецкие, литовский княжеский род — 49, 70, 90.
- Язловецкий Николой, снятинский староста — 98.
- Язловецкий Юрий, русский воевода — 89, 90, 92, 101.
- Яковлев А., буржуазный историк — 62.
- Яковлев Андрей, запорожский казак Шкуринского куреня, работник — 375.
- Яковлев П., армейский полковник — 337.
- Яловенко С., запорожский казак слоб. Петровки — 359.
- Ян, торговецкий бискуп — 42.
- Ян Казимир, польский король (1648—1668 гг.) — 277, 279, 286, 289, 293, 303, 311, 312.
- Янку, воевода, герой сербской народной песни — 85.
- Яношек, словацкий опришек — 87.
- Янчинский, польский шляхтич — 145.
- Яременко Козьма, запорожский казак, работник — 374.
- Янко, украинский казак — 66.
- Яцына, казачий полковник — 232.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Австрийская империя — 35.
 Австрия — 87, 128, 162, 163, 319.
 Азербайджан — 37.
 Азов, город вблизи устья Дона — 37, 188, 189, 190, 191, 192, 322, 323, 329, 331, 332, 333.
 Азовская губерния — 422.
 Азовское море — 170, 171, 188, 192.
 Адрианополь, город во Фракии — 178.
 Айдар, левый приток Дона — 329, 334.
 Алатырь, город на юге Чувашской АССР — 38.
 Александрия, город в Кировоградской области — 267.
 Александровка, город — 273.
 Алексковский городок — 329.
 Алеппо, город и провинция в северной части Сирии — 37.
 Алешки, урочище (вблизи современного Херсона) — 337, 339, 340.
 Анатолия, северное побережье Малой Азии — 37, 168.
 Англия — 23, 162, 193.
 Анджабу, урочище в Северном Крыму — 393.
 Андрусово, село вблизи Смоленска — 314.
 Арабат, песчаная коса, отделяющая Сиваш от Азовского моря — 37.
 Аравия — 37, 127.
 Арбаутук, город в Крыму — 315.
 Аргачин, остров на Днепре — 55.
 Аслан-Кермен, татарская крепость (вблизи Каховки) — 170.
 Астрахань, город в устье Волги — 332.
 Багдад, город, ныне столица Ирака — 190, 191.
 Базавлук, остров на Днепре (Запорожье) — 53, 55, 109, 128, 262.
 Базавлук, правый приток Днепра — 53, 370.
 Бакотский округ на Подоллии — 41.
 Балацковская балка, урочище на Запорожье — 388, 389.
 Балики, город на Полтавщине — 314.
 Балканы — 37, 151.
 Балтийское море — 93, 172.
 Балтика — 82, 278, 328.
 Банничи, село — 313.
 Бар, город на Подоллии — 39, 133, 197, 205, 206, 209, 225, 226, 235, 239, 240, 273, 274, 289.
 Барвенковская Стенка, урочище и слобода на Запорожье — 367.
 Барки, село на Волыни — 97.
 Барское староство на Подоллии — 61, 133.
 Барышевка, местечко — 300.
 Басань, местечко в Переяславском полку — 300, 391.
 Басра, город на реке Шат-эль-Араб (Ирак) — 190.
 Батог, местечко возле Каменца-Подольского — 292.
 Батурин, город на Черниговщине — 214, 299, 324, 330.
 Бахмут, город (ныне Артёмовск) — 415.
 Бахмут, река — 322.
 Бахмутские соляные копи — 322.
 Белая Русь — 196.
 Белая Церковь, город на р. Рось — 57, 97, 100, 137, 138, 139, 140, 158, 159, 160, 174, 197, 225, 226, 227, 228, 253, 269, 271, 272, 291, 308.
 Белгород (Аккерман, современный Белгород-Днестровский) — 45, 66, 73, 128, 170, 174, 175, 177.
 Белгород, город — 242, 306.
 Белгородец, местечко — 208.
 Белгородка, местечко — 300.

- Беленькое, урочище на Запорожье — 372.
- Белз, город в Западной Украине — 38.
- Белзское воеводство — 397.
- Белое (Эгейское) море — 37.
- Белозерка, левый приток Днепра — 53.
- Белосозеро — 228.
- Белоруссия — 89, 134, 135, 138, 147, 148, 272, 281, 300, 303, 335.
- Белоцерковка, местечко — 238.
- Белонерковский полк — 247, 318.
- Белонерковское староство — 100.
- Бельск, город — 215.
- Бердянские соляные промыслы — 322.
- Березань, местечко Черниговского полка — 209, 392.
- Берестечко, город на реке Стырь — 32, 289, 290, 291.
- Бершадь, город на Подолии — 273.
- Битюг, левый приток Дона — 322.
- Бобровица, местечко на Правобережной Украине — 300.
- Бобруйск, город — 134.
- Богатырская Забора, порог на Днепре — 52.
- Богородицкая крепость — 328.
- Богуслав, местечко на реке Рось — 228, 266, 269, 397.
- Богушевка, слобода — 314.
- Борзна, местечко на Черниговщине — 299, 325.
- Борисоглебский полк — 344.
- Борисоглебский уезд — 331.
- Борки, село около Суботова — 29, 299.
- Боровица, местечко северо-западнее Чигирин — 231, 242, 267.
- Борышполь, местечко на Киевщине — 99, 144, 194, 208.
- Босфор, пролив — 37, 187.
- Браги, село — 176.
- Брайлов, город на Дунае — 417.
- Брацлав, город — 46, 57, 67, 133, 136, 273.
- Брацлавский полк — 318.
- Брацлавское воеводство — 33, 101, 103, 145, 286.
- Брацлавщина — 43, 49, 108, 127, 132, 134, 155, 158, 183, 273, 287, 289, 318, 319, 324, 397.
- Брест, город — 148, 293.
- Брянск, город — 94.
- Буг Южный, река — 42, 96, 390, 396, 400, 401.
- Бугогардовская паланка на Запорожье — 341, 390, 396, 404.
- Будилровский порог на Днепре — 52.
- Будище, село на Полтавщине — 336, 337.
- Бужин, село в окрестностях Чигирин — 237, 258.
- Буковина — 183, 271.
- Бургун, урочище в низовьях Днепра — 149.
- Бухарест, столица Валахии (ныне Румынии) — 132.
- Буцкий (он же Томаковка, Городище, или Днепровский), остров на Днепре — 67, 259, 260, 262.
- Буюкдер, предместье Константинополя — 187.
- Быхов, местечко — 209.
- Быховская волость — 97.
- Валахия — 132, 133, 157, 187, 362.
- Валуйки, город в Курской области — 334.
- Валуйский уезд — 331.
- Варна, город и крепость на берегу Черного моря — 169.
- Варшава, город, столица Польши — 139, 144, 157, 172, 175, 179, 181, 184, 215, 220, 223, 232, 253, 254, 255, 277, 281, 282, 288, 290.
- Васильков, город на Киевщине — 140, 201.
- Васильково, слобода на Запорожье — 358, 359.
- Ватикан — 25, 35, 92, 147, 148, 151, 152, 162, 163.
- Велиж, местечко (ныне входит в состав Смоленской области) — 93.
- Великие Луки, город — 93.
- Великий Ингул, река на Запорожье — 390.
- Великий Кут, урочище на Запорожье, на реке Базавлук — 370.
- Великий Лиман, устье Буга — 401.
- Великий Луг, местность на Запорожье, на левом берегу Днепра, вблизи устья Конки — 384, 392.
- Великий, остров на Днепре — 52.
- Великое княжество Литовское — 32.
- Вербовая балка, урочище на Запорожье — 389.
- Верховка, местечко на Брацлавщине — 273.
- Вена, город — 132, 257, 319.
- Венгрия — 31, 32, 103, 162.
- Венеция, город — 127, 172, 252, 281, 319.
- Веприк, местечко на Полтавщине — 335.
- Византийская империя — 37.
- Вильно, город — 30, 71.
- Винница, город — 46, 133, 273, 289.
- Висла, река — 280.

- Вишня, местечко в Западной Украине — 281.
- Владимир на Клязьме, город — 354.
- Водяная Балка на реке Каменке, на Запорожье — 366.
- Войсковая Скарбница, район на Запорожье — 110, 167, 259.
- Волга (Верхняя, Нижняя), река — 152, 332, 415, 419, 421.
- Володарка, селение на Украине — 99.
- Волчьи Воды, правый приток Самары — 170.
- Волчьа, приток реки Самары — 335.
- Вольнское воеводство — 101, 102, 103, 145.
- Волынь (Восточная, Западная) — 23, 41, 93, 97, 103, 134, 166, 183, 237, 276, 287, 308, 318, 397.
- Вольпинский (Внук), порог на Днепре — 52, 53.
- Вольный, порог на Днепре — 52, 260.
- Вонячин, село, имение князя Вишневецкого — 71.
- Воронеж, город — 332.
- Воронежская губерния — 247, 334.
- Воронежский уезд — 331.
- Воронков, местечко — 300.
- Воронова Забора, порог на Днепре — 52.
- Ворскла, левый приток Днепра — 326.
- Гадяцкий полк — 324, 332.
- Гадяч, город на Левобережной Украине — 220, 299, 307, 310, 313, 316, 326, 335.
- Газлеви (Козлов, Евпатория), город в Крыму — 37, 40, 168, 379.
- Галата, предместье Константинополя — 86, 177.
- Галиция (Галичина) — 103, 183, 271, 277, 318, 397.
- Галицкая земля — 23, 29, 41, 58.
- Галицкое староство — 29.
- Галич, город на Днестре (ныне входит в состав Станиславской области) — 39, 42.
- Гард, урочище и местность в южной части Запорожья — 388, 390.
- Гданск, город и морской порт на берегу Балтийского моря — 25, 32.
- Германия — 185, 193.
- Германовка, местечко на Украине — 300.
- Гетманщина — 298, 305, 306, 310, 313, 324, 326, 327, 328, 330.
- Глубочица, приток Днепра — 30.
- Глухов, город на Левобережной Украине — 299, 311, 312, 340.
- Голая Каменка, местечко (в XVIII в. входило в Елисаветградскую провинцию) — 415.
- Голтва, местечко на Левобережной Украине — 237, 238, 239.
- Голтва, река — 237.
- Гончариха, местечко на Правобережной Украине — 274.
- Гончары, ремесленная слобода в Киеве — 30.
- Гордеева балка, урочище на правом берегу реки Южный Буг — 396.
- Гордеева пристань, на Запорожье, на Днепре — 399.
- Городище (он же Буцкий). См. выше.
- Гороховая Дубрава (Крутая Балка), урочище в 10 км от г. Корсуня — 269.
- Горошин, урочище на Украине — 144.
- Горы, село — 415.
- Градижск, село — 243.
- Грезская волость — 63.
- Греческий архипелаг, острова — 37, 281.
- Грузия — 189.
- Густой Байрак, урочище на Запорожье на территории Бугогардовской паланки — 401.
- Дамаск, столица Сирии — 37.
- Девница, местечко на Украине — 209.
- Демчин, железнодорожная станция на Украине — 104.
- Десна, левый приток Днепра, река — 335.
- Деулино, село под Москвой — 159.
- Диарбекр, провинция Оттоманской империи — 37.
- Диканька, село на Полтавщине — 336.
- Дикое Поле (Южноукраинские степи в XV—XVI вв.) — 136, 153, 214.
- Днепр, река — 5, 13, 30, 44, 45, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 57, 58, 60, 62, 64, 65, 66, 67, 68, 74, 76, 77, 78, 81, 82, 87, 89, 91, 93, 94, 100, 105, 106, 107, 109, 110, 135, 139, 140, 148, 149, 156, 159, 162, 167, 169, 170, 198, 199, 201, 206, 208, 216, 217, 225, 227, 228, 229, 231, 233, 235, 236, 237, 239, 241, 242, 243, 245, 248, 249, 260, 261, 262, 266, 296, 305, 306, 311, 314, 316, 318, 328, 329, 330, 337, 340, 341, 352, 365, 375, 386, 390.
- Днепровая гора у города Канева — 50.
- Днепровский (он же Буцкий), остров. См. выше.

- Днепрогэс — 52, 162.
 Днепрокаменка, селов Днепропетров-
 ской области — 266.
 Днепропетровск, город — 52.
 Днепропетровская область — 68, 109,
 216.
 Днестр, река — 42, 44, 53, 134,
 135, 149, 158, 174, 176, 178, 179,
 184, 185, 186.
 Добромил, город в Перемышльском
 округе — 29.
 Дон, область — 8, 44, 45, 92, 114,
 115, 152, 153, 189, 191, 192, 198,
 210, 260, 314, 316, 317, 321, 322,
 323, 328, 329, 330, 331, 332, 333,
 334, 360, 415, 416, 420, 421.
 Дон, река — 37, 188, 189, 191, 321,
 322, 334, 420.
 Драбовка, село — 228.
 Дробные Криницы, урочище в юго-
 восточной части Запорожья — 66.
 Дрогобыч, город — 31, 32.
 Дунай, река — 130, 178, 417, 422.
 Дурная, скала на Днестре у Днепро-
 петровска — 162.
 Дымер, местечко на Киевщине —
 206, 208.
- Европа (Восточная, Западная, Цент-
 ральная) — 11, 14, 19, 23, 32,
 37, 43, 47, 48, 125.
 Египет — 37.
 Екатеринослав, ныне Днепропе-
 тровск, город — 356.
 Екатеринославское наместничество—
 422.
 Елацкая, река — 402.
 Елец, город — 153.
 Еникале, крепость в Крыму — 37.
- Жаботин, местечко на Правобереж-
 ной Украине в 50 км от Черкасс—
 299, 396.
 Жванец, местечко вблизи Каменца-
 Подольского — 186, 294, 295.
 Желтые Воды, левый приток реки
 Ингулец — 53, 267, 268, 270, 271,
 272.
 Жиговцы, город на Правобережье—
 351.
 Житний торг в Киеве — 30.
 Житомир, город — 156, 273.
 Жовнин, город на Левобережной Ук-
 раине — 241, 242, 243.
 Жомойтская волость в Великом кня-
 жестве Литовском — 63.
 Жуки, село под Полтавой — 307.
- Заднепровье — 224, 225, 226, 227, 228,
 229, 233, 234, 239.
- Задунайская Сечь — 422.
 Закарпатье — 23.
 Закотный городок на Дону — 329.
 Замостье, город и крепость в Запад-
 ной Украине — 277, 282.
 Запорожье — 12, 16, 18, 19, 45, 53,
 55, 56, 57, 58, 62, 63, 64, 71, 74, 76,
 78, 81, 87, 89, 90, 91, 92, 94,
 98, 100, 104, 105, 106, 107, 108,
 109, 111, 114, 116, 118, 122, 124,
 125, 126, 127, 128, 131, 133, 139,
 144, 145, 148, 149, 153, 156, 159,
 160, 162, 169, 170, 171, 191, 194,
 198, 201, 202, 203, 208, 209, 210,
 211, 213, 215, 216, 218, 219, 220,
 223, 224, 226, 229, 234, 235, 236,
 237, 242, 246, 247, 249, 250, 259,
 260, 261, 262, 265, 266, 270, 287,
 297, 305, 306, 308, 309, 310, 311,
 313, 314, 315, 317, 319, 322, 323,
 325, 327, 328, 329, 330, 334, 335,
 336, 337, 341, 342, 344, 345, 346,
 347, 351, 352, 353, 354, 357, 359,
 360, 361, 362, 363, 365, 366, 369,
 372, 373, 375, 379, 382, 384, 385,
 388, 389, 391, 392, 393, 395, 396,
 399, 400, 401, 402, 406, 409, 410,
 411, 413, 415, 416, 417, 418, 419,
 422, 423.
- Запорожье, город — 52.
 Зарубский монастырь у местечка Те-
 рехтемирова — 93.
 Збараж, местечко на Волыни — 39,
 282, 283.
 Зборов, местечко в Западной Украи-
 не на реке Стрипе — 282, 283,
 292.
 Звонецкий порог на Днестре — 52.
 Зеньков, местечко в Гадяцком пол-
 ку — 335, 366.
 Зимовейская, впоследствии Потем-
 кинская, станица на Дону — 415,
 420.
 Золотая Орда — 36.
- Ивановка, слобода на Левобережной
 Украине — 344.
 Ивкивец, село на Правобережной Ук-
 раине — 395.
 Иемен, государство в Азии, на юге
 Аравийского полуострова — 37.
 Иеник, предместье Константинопо-
 ля — 187.
 Иерусалим, город и область — 37.
 Измаил, город, порт на Дунае — 170,
 178.
 Изюм, город на Слобожанщине, ныне
 входит в Харьковскую область—
 331.
 Иква, правый приток Стыри — 275.

- Ингул, река и местность на Запорожье — 393.
- Ингулец, правый приток реки Днепра — 53.
- Ингульская паланка на Запорожье — 341.
- Инфлянты (Лифляндия) — 219.
- Иргиз, левый приток Волги — 416.
- Ирклиев, местечко на Полтавщине — 233.
- Ислам-Кермен (Аслан-городок), татарская крепость на Днепре — 54, 74, 79, 308.
- Испания — 162, 270.
- Италия — 193.
- Кавказ — 420.
- Калмиус, река — 170.
- Калмиус, слобода на Запорожье — 364.
- Калмиусская паланка на Запорожье — 341, 382.
- Калуш, местечко в Польше — 29.
- Кама, правый приток Волги — 419.
- Камарин, село, имение Вишневецкого — 71.
- Каменец-Подольский, город — 30, 34, 131, 177, 186, 273, 274, 289, 293, 318.
- Каменка, приток Базавлука — 337, 347.
- Каменка, слобода на Запорожье — 299, 354, 366.
- Каменный Затон, урочище на Днепре, на Запорожье — 266, 267, 327, 328, 333.
- Каменское, слобода на Запорожье (в Кодацкой паланке) — 385, 386, 387.
- Камышин, город на Нижней Волге — 415.
- Канев, город на Правобережной Украине, на Днепре — 46, 49, 50, 51, 52, 57, 58, 59, 60, 62, 64, 65, 67, 81, 134, 137, 139, 158, 197, 198, 202, 205, 209, 210, 211, 212, 213, 266, 313, 397.
- Каневский полк — 247, 318.
- Каневское староство — 59, 60, 61, 62, 63, 64, 71, 72, 73, 209, 247.
- Каннерский проток на Запорожье, у Хортицы — 77.
- Капр, провинция Османской империи — 37.
- Капуловка, село в Днепропетровской области — 109.
- Кара-Кермен (Очаков) — 168.
- Карачев, город — 94.
- Кафа (Феодосия), город в Крыму — 37, 38, 40, 171, 315.
- Кашира, город — 82.
- Керченский пролив — 170.
- Киев, город — 5, 24, 30, 32, 46, 57, 66, 90, 107, 108, 127, 135, 138, 140, 141, 143, 156, 173, 174, 201, 202, 206, 208, 209, 210, 229, 232, 234, 240, 241, 247, 278, 282, 291, 294, 309, 311, 312, 315, 319, 400.
- Киевская земля — 196.
- Киевская Русь — 4.
- Киевский замок — 101.
- Киевское воеводство — 32, 98, 102, 103, 145, 158, 194, 204, 286, 292.
- Киевщина — 41, 43, 45, 49, 93, 108, 127, 318, 319, 397.
- Килия, город и порт на Дунае — 170.
- Кильчена, река на Запорожье — 348.
- Кильченка, река на Запорожье — 392.
- Кинбурн, крепость в устье Днепра — 379.
- Кипр, остров в северо-восточной части Средиземного моря — 127.
- Кировоградская область — 198, 258.
- Кириловка, слобода на Запорожье — 358, 359, 373.
- Киселевка, гора в Киеве — 30, 234.
- Кисляковская балка, урочище на правом берегу Буга — 396.
- Китайгород, местечко на Киевщине, на реке Сороке — 326.
- Кичкасская переправа на Днепре — 76.
- Кленники, урочище на реке Волчьей, на Запорожье — 335.
- Князьи Байраки, урочище у Желтых Вод — 267.
- Кобеляки, местечко на Полтавщине, на реке Ворскле — 305.
- Кобызжа, местечко на Черниговщине — 300.
- Кокак, крепость — 170, 194, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 248, 249, 257, 266, 313, 329, 330, 333.
- Кокак, слобода, центр Кодацкой паланки на Запорожье — 385, 386, 387, 418.
- Кодацкая паланка — 341, 376, 387.
- Кодацкий порог на Днепре — 52, 53, 216.
- Кодня, местечко на Уманщине — 97.
- Кодыма, правый приток Ю. Буга — 96.
- Кожемяки, ремесленная слобода в Киеве — 30.
- Козары, местечко на Украине — 300.
- Козелец, город на Черниговщине — 300, 309.
- Козельск, город в России, на р. Жиздре — 38.

- Козирщина, слобода на Запорожье — 358.
- Козлов (Газлеви, Евпатория). См. выше.
- Козловский уезд — 331.
- Комарицкая волость — 214.
- Концеполю Новый, город и крепость на Подолии, на рр. Буге и Кодыме — 96.
- Конотоп, город на Левобережной Украине — 340.
- Конская, приток Днепра — 53, 334.
- Конские Воды, правый приток реки Конская — 77.
- Константинов, местечко на Украине — 103, 136.
- Константинополь, город — 37, 86, 167, 170, 171, 177, 178, 187, 188.
- Копачев, местечко на Украине — 208.
- Корабельное, урочище на Запорожье — 389.
- Королевка, село на Украине — 300.
- Коростятин, село на Украине — 136.
- Корсунский полк — 247, 318.
- Корсунское староство — 223, 247.
- Корсунь, местечко на Правобережье — 153, 197, 205, 228, 248, 260, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 305, 397.
- Котельня, местечко на Украине — 273.
- Кошеватое, село на Украине — 300.
- Краков, город — 134, 140, 153, 280, 290.
- Красная Дубрава, урочище на реке Лисоватке, на Дону — 331.
- Красное, местечко на Брацлавщине — 289.
- Кременец, город в Западной Украине — 136.
- Кременецкий повет — 71.
- Кременчуг, город на Полтавщине — 52, 98, 199, 232, 235, 306, 312.
- Кривая Лука, урочище на Дону — 334.
- Криничная, слобода в Изюмской провинции — 417.
- Крылов, местечко в Кировоградской области — 198, 199, 200, 224, 234, 235, 257, 258, 260, 256, 268.
- Крым (Крымская область) — 36, 37, 38, 40, 62, 65, 73, 74, 78, 79, 81, 82, 91, 165, 167, 169, 171, 193, 202, 204, 252, 253, 256, 258, 261, 262, 264, 270, 272, 281, 302, 308, 309, 310, 312, 315, 320, 326, 335, 336, 352, 353, 354, 362, 363, 421.
- Крымское ханство — 21, 36, 37, 165, 187, 252, 280, 286, 327, 337.
- Крюков, посад на правом берегу Днепра, против города Кременчуга — 199.
- Кубань — 331.
- Кулев, город в Болгарии — 85.
- Кумейки, местечко на Украине, в Поднепровье — 228, 229, 230, 236, 242.
- Кумнин, село, именне Вишневецкого — 71.
- Курдистан, провинция Оттоманской империи — 37.
- Куреневка, предместье Киева — 392.
- Курлака, река — 332.
- Курск, город — 215.
- Куруково озеро, около м. Крылова — 199, 200, 202, 209, 225.
- Кизыкермен, крепость у острова Тагвани — 169.
- Левобережная Украина (Левобережье) — 95, 96, 226, 237, 240, 250, 271, 273, 291, 305, 306, 307, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 323, 324, 325, 326, 332, 335, 344, 346, 360, 361, 369, 373, 390, 395.
- Лесная, деревня вблизи г. Пропойска, в Белоруссии — 336.
- Лесовичи, село на Украине — 300.
- Летичев, местечко на Подолии — 32.
- Ливны, город вблизи Курска — 159.
- Ливония — 82, 90.
- Лисоватка, река на Дону — 331.
- Лисянка, местечко на Правобережной Украине — 397.
- Литва — 5, 12, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 34, 35, 36, 38, 39, 45, 47, 50, 51, 62, 64, 66, 68, 71, 72, 73, 77, 81, 82, 83, 88, 151, 191, 214, 302.
- Литин, местечко в окрестностях Винницы — 274.
- Литний, порог на Днестре — 52.
- Ладыжин, местечко на Правобережной Украине — 273.
- Лозоватое, слобода на Левобережной Украине — 418.
- Лопатиха, левый приток Днепра — 531.
- Лопушно, село в Кременецком повете — 71.
- Лоханский порог на Днестре — 52.
- Лубенский полк — 324, 332.
- Лубенщина — 271.
- Лубны, город на Левобережной Украине — 141, 143, 233, 237, 238, 239, 240, 241, 271.
- Лукомль, местечко на Левобережной Украине — 240, 241, 242.

- Луцк, город на Волинии — 30, 32, 134.
- Луцкий повет — 101.
- Лыбедь, урочище под Киевом — 107.
- Лычковская паланка на Запорожье — 356.
- Львов, город — 30, 31, 32, 34, 92, 148, 164, 166, 176, 184, 248, 253, 257, 276, 277, 279, 293, 318.
- Любеч, местечко на Левобережной Украине — 300.
- Люблин, город — 38, 280, 282, 289.
- Макошин, село на реке Десне — 335.
- Максимовка, местечко на Правобережной Украине — 237, 306.
- Малая Азия — 37, 170.
- Марганец, город в Днепропетровской области, вблизи Никополя — 68.
- Маслов Став, урочище на Правобережной Украине — 248.
- Матронинский монастырь, вблизи Чигирина, на Правобережье — 395, 396.
- Махловка, местечко на Правобережной Украине — 273.
- Мацесвичи, село на Правобережной Украине — 136.
- Маяки, город на Дону — 331, 332.
- Маячки, местечко на Украине — 326.
- Медведевка, местечко на Кисвщине — 299.
- Медведица, левый приток Дона — 318.
- Медвежьи Лозы, урочище против Кременчуга — 199, 225.
- Медина, город — 37.
- Межибож, местечко на Правобережной Украине — 282.
- Межигорье, селение под Киевом — 295.
- Мекка, город — 37, 187.
- Меловобродский городок на Дону — 329.
- Мена, местечко на Украине — 299.
- Месопотамия (Междуречье рек Тигра и Евфрата) — 184, 190.
- Мечи, река на Левобережной Украине — 82.
- Мигийский остров на Днепре, на Запорожье — 388, 389.
- Минск, город — 135.
- Миргород, местечко на Левобережной Украине — 240.
- Миргородский повет — 305.
- Миргородский полк — 305, 324, 332, 337, 344.
- Миус, река на Дону — 170, 329, 330.
- Млиновцы, местечко в окрестностях Замостья — 283.
- Могилев, слобода на Запорожье — 358, 359, 373.
- Могилев на Днепре, город — 135.
- Могилев на Днестре, город — 164, 179.
- Могилевский полк — 318.
- Молдавия — 31, 41, 83, 89, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 150, 163, 172, 175, 176, 177, 178, 183, 186, 187, 292, 293, 294, 362.
- Монастырский остров на Днепре (против Днепропетровска) — 82, 83.
- Москва — 30, 45, 61, 65, 74, 77, 81, 82, 92, 105, 140, 151, 152, 154, 155, 158, 159, 173, 174, 189, 190, 192, 197, 198, 202, 205, 206, 209, 210, 215, 219, 233, 258, 260, 262, 271, 278, 289, 294, 300, 303, 306, 308, 311, 312, 315, 318, 327, 329, 331, 335.
- Московка (Сухая и Мокрая), левые притоки Днепра — 53, 76.
- Московское государство — 91.
- Мошны, местечко на Правобережной Украине — 226, 228, 229, 231, 397.
- Мурахва, местечко на Подолли — 289.
- Недригайлов, местечко на реке Суле — 335.
- Нежин, город на Левобережной Украине — 209, 226, 233, 234, 237, 308, 311, 312.
- Нежинский Рождественский монастырь — 313.
- Немиров, местечко на Правобережной Украине — 273, 319.
- Ненасытец, порог на Днепре — 52, 53.
- Нефорощанский монастырь на Запорожье — 360.
- Нидерланды (Нидерландская республика) — 23, 162, 172, 272.
- Нижний Новгород — 38.
- Низ (Запорожье, в более узком смысле устье Днепра и Буга) — 375.
- Новая Сербия, провинция, граничившая с Запорожьем — 391.
- Новгород, город — 154.
- Новгород-Северский, город — 38, 311, 312.
- Новобогородицкая крепость на Запорожье — 326, 333.
- Ново-Боровский городок на Дону — 329.
- Новороссийская губерния — 422.

- Новоселица, слобода на Запорожье — 392.
- Новоселки, слобода вблизи Суботова — 299.
- Новосергиевская крепость, у северных границ Запорожья — 333.
- Новосеченский ретраншемент, правительственная крепость на Запорожье вблизи Новой Сечи — 406, 407, 408, 409, 413.
- Новые Млины, местечко на Левобережной Украине — 299.
- Новый Кодак, слобода на Запорожье, на территории Кодацкой паланки — 363, 390.
- Носовка, местечко на Левобережной Украине — 209.
- Обоховка, местечко на Украине — 300.
- Овруч, город на Правобережной Украине — 31.
- Озерное, местечко в Западной Украине — 283.
- Ока, река — 38.
- Окниц, селение на Украине, имение Вишневецкого — 71.
- Олива, предместье Гданьска — 308.
- Ольшанка, правый приток Днепра — 228.
- Омельник, местечко на Левобережной Украине — 237.
- Орел, город — 94.
- Орель, левый приток Днепра — 52, 55, 66, 297, 339.
- Орельская паланка на Запорожье — 341, 349, 357, 376, 400.
- Орельские городки на Левобережной Украине — 329.
- Остер, город на Левобережной Украине — 300, 312.
- Острог, город на Правобережной Украине — 131, 155.
- Острогжск, город в России — 317.
- Острогжский полк — 337.
- Острополь, местечко на Правобережной Украине — 104, 136, 274.
- Острый Камень, урочище у Белой Церкви — 139, 140.
- Оттоманская империя (Оттоманская Порта) — 127, 165, 172, 186, 188, 193, 264.
- Оцаков, город и крепость — 65, 74, 128, 168, 170, 171, 308, 353, 395.
- Паволоцкий полк, на Правобережной Украине — 318.
- Паволочь, местечко на Правобережной Украине — 158, 160, 197, 269, 280.
- Паншин, городок на Дону — 331.
- Переволочная, перевоз, селение вблизи впадения Ворсклы в Днепр — 306.
- Передняя Азия — 37.
- Перекоп, город и крепость в Крыму — 37, 81, 82, 162, 170, 315, 339, 354, 379.
- Перемышль, город в Прикарпатье — 30, 34.
- Перемышльское староство — 29.
- Переяслав, местечко на Левобережной Украине при слиянии рек Альты и Трубежа — 46, 93, 100, 140, 141, 205, 206, 207, 208, 209, 213, 224, 225, 226, 233, 237, 242, 243, 271, 279, 295, 306, 312, 318.
- Переяславский полк, на Левобережной Украине — 247, 324.
- Персия — 37, 40, 127, 171, 187, 189, 190.
- Петербург, город — 354, 411, 421.
- Петриковичи, местечко в Белоруссии — 134.
- Петровая балка, урочище на Запорожье — 370.
- Петровка, слобода на Запорожье — 358, 359, 373.
- Петровская крепость, у северных границ Запорожья — 417.
- Петропавловский монастырь — 313.
- Пиков, местечко на Правобережной Украине — 136, 138.
- Пилявка, река на Правобережной Украине, на Подолли — 275, 276.
- Пилявцы, село над рекой Иквой, возле Староконстантинова — 274, 276, 282.
- Пинск, город в Белоруссии — 39.
- Пирятин, местечко на Левобережной Украине, на реке Удай — 240.
- Поволжье — 331.
- Погрбище, местечко на Правобережной Украине, вблизи Бердичева, на р. Рось — 273.
- Подгорье — 29.
- Поднепровье (Северное, Южное) — 5, 23, 134, 135, 155, 158, 215, 216, 222, 225, 228, 233, 234, 237, 240, 253.
- Подоллия (Западная, Восточная) — 23, 41, 43, 45, 49, 71, 92, 124, 131, 132, 136, 158, 164, 166, 183, 234, 236, 273, 274, 276, 318, 319, 397.
- Полпольная, приток Днепра на Запорожье — 109, 340, 409.
- Покутье — 237.
- Покровская слобода (против Саратова) — 416.

- Полесье — 134, 149.
 Половечина, слобода на Запорожье — 358, 359, 373.
 Полоцк, город в Белоруссии — 93.
 Полтава, город на р. Ворскле — 306, 307, 313, 327.
 Полтавский полк — 305, 307, 324, 332.
 Полтавщина — 314, 316.
 Полуозеро, селение вблизи Полтавы — 307.
 Польша (Речь Посполитая) — 5, 6, 7, 9, 10, 12, 15, 19, 20, 21, 23, 24, 25, 26, 28, 29, 32, 34, 35, 36, 38, 41, 44, 47, 68, 88, 89, 91, 93, 105, 148, 151, 154, 155, 157, 158, 159, 160, 162, 163, 164, 165, 166, 169, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 179, 183, 184, 185, 201, 209, 210, 211, 212, 215, 216, 219, 233, 235, 237, 249, 250, 251, 252, 253, 255, 256, 257, 258, 260, 261, 264, 265, 270, 272, 273, 274, 277, 278, 279, 280, 281, 283, 286, 287, 288, 289, 291, 292, 293, 294, 296, 298, 301, 302, 304, 307, 308, 309, 311, 312, 314, 315, 316, 318, 319, 320, 323, 362, 394, 395, 396, 397, 398, 401.
 Почеп, местечко на Левобережной Украине — 94.
 Правобережная Украина (Правобережье) — 96, 237, 239, 241, 250, 271, 273, 309, 312, 315, 317, 318, 319, 324, 325, 344, 362, 390, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 401.
 Прибалтика — 35, 204, 314, 336.
 Прилуки, местечко на Левобережной Украине, на реке Удай — 136.
 Прилуцкий полк — 324, 332.
 Пристанский городок на Дону, на реке Хопре — 331.
 Приуралье — 331.
 Причерноморье — 189.
 Прогнон, слобода на Запорожье на территории Прогноинской паланки — 396.
 Прогнон, заливы в устье Днепра, на Запорожье — 262.
 Прогноинская паланка на Запорожье — 341.
 Пропойск, город в Белоруссии — 135, 137.
 Протовча, река на Запорожье — 347.
 Протовчанская паланка на Запорожье — 341, 357, 358, 359, 360, 373, 376.
 Пруссия — 42.
 Прусы, польская провинция — 246.
 Прут, левый приток Дуная — 163.
 Псел, левый приток Днепра — 44, 74, 237, 238.
 Псков, город — 94, 95.
 Путивль, город — 38, 94, 95, 159, 212, 213, 214, 233.
 Пятка, местечко на Волыни (недалеко от Житомира) — 104, 108, 131, 132.
 Радогощ (Погар), местечко на Левобережной Украине — 94.
 Ракитное, селение на Правобережной Украине — 99.
 Ревун, приток Днепра — 68.
 Речище, приток Днепра — 68.
 Решетиловка, местечко на Левобережной Украине, на реке Голтве — 238.
 Ржищев, местечко на Киевщине — 174, 201.
 Риза, город в Турции, на берегу Черного моря — 219.
 Рогатин, местечко в Западной Украине, на реке Гнилая Липа — 42.
 Рогачик, левый приток Днепра — 53.
 Рожево, селение на Украине — 300.
 Романковья балка, урочище на Запорожье — 389.
 Романково, слобода на Запорожье — 387, 388.
 Ромны, местечко на Левобережной Украине, на реках Ромна и Сула — 226, 300.
 Росава, река — 195, 223, 224.
 Росошки, село на Уманщине — 397.
 Россия (Русское государство) — 4, 7, 8, 12, 14, 15, 21, 22, 23, 25, 31, 38, 43, 44, 47, 62, 81, 82, 83, 92, 93, 94, 95, 105, 114, 140, 141, 145, 147, 151, 152, 153, 154, 155, 158, 159, 173, 174, 189, 192, 202, 203, 210, 212, 213, 214, 215, 219, 233, 242, 258, 272, 278, 279, 281, 286, 294, 295, 296, 297, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 308, 309, 311, 312, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 324, 325, 328, 330, 331, 339, 344, 360, 379, 394, 397, 415, 421.
 Россоховатое, озеро у местечка Крылова — 199, 200.
 Рось, правый приток Днепра — 44, 49, 159, 197, 228, 268, 271.
 Румелия (турецкая провинция) — 37.
 Румская земля (турецкая провинция) — 37.

- Русское воеводство, в Западной Украине — 281.
- Русское местечко, предместье г. Бара — 133.
- Русь (см. Украина) — 17, 45, 278, 331.
- Рыбцы, местечко на Украине — 307.
- Рыльск, город — 94.
- Рязань, город — 38, 82, 152.
- Салтыкова Девица, селение в окрестностях Нежина — 313.
- Самара, левый приток Днепра — 66, 170, 297, 328, 339.
- Самара, слобода на Запорожье — 390.
- Самарская паланка на Запорожье — 341, 356, 357, 360, 365, 376, 390, 404.
- Самарский Пустынно-Николаевский запорожский войсковой монастырь — 360.
- Самборский повет в Западной Украине — 158.
- Самсониевский рынок в Киеве — 30.
- Санок, город в Западной Украине — 32.
- Саноцкое староство, в Русском воеводстве — 29, 32.
- Саратов, город — 332.
- Сахловый мост под Корсунем — 228.
- Святой Елизаветы крепость, у северных границ Запорожья — 351.
- Сденгу, предместье Константинополя — 187.
- Северская земля (Северщина) — 61, 212, 314.
- Севск, город в России — 214.
- Севский уезд (Комарицкая волость), в России — 214.
- Сербия — 185.
- Серпухов, город — 38.
- Сечь (Базавлуцкая, Чертомлыцкая, или Старая, 1594—1709 гг.) — 109, 110, 111, 112, 114, 115, 116, 117, 118, 125, 126, 127, 128, 130, 132, 148, 149, 166, 177, 188, 201, 204, 210, 211, 215, 219, 221, 232, 235, 236, 247, 259, 260, 261, 262, 264, 265, 266, 270, 294, 295, 305, 307, 308, 309, 315, 320, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 333, 335, 336, 337, 340.
- Сечь Задунайская — 422.
- Сечь (Новая, март 1734 — июль 1775 гг.) — 340, 341, 342, 344, 345, 347, 350, 352, 357, 360, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 372, 373, 376, 379, 380, 381, 382, 392, 393, 395, 398, 400, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 416, 418, 420, 421, 422, 423.
- Сечь (Томаковская) (до 1593 г.) — 3, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 20, 64, 67, 68, 69, 71, 72, 77, 87, 88, 89, 95, 100, 104, 105, 106, 107, 108, 109.
- Сибинград, город в Сербии — 85.
- Сибирь — 318, 320, 325, 398.
- Сиваш (Гнилое озеро), система мелких заливов в западной части Азовского моря — 320.
- Сизебол, православный монастырь под Константинополем — 188.
- Силезия — 35.
- Синие Воды, река в Степной Украине — 136.
- Синноп, город и порт в Турции — 170.
- Синюха, левый приток Буга — 44.
- Скарбная, приток Днепра на Запорожье — 109, 262.
- Славянка, слобода у северных границ Запорожья — 417.
- Слепород, урочище и селение на реке Суле — 144, 240, 241, 242.
- Слободище, местечко на Украине — 309.
- Слободская Украина (Слобожанщина) — 303, 307, 317, 322, 330, 331, 344, 375, 390.
- Слуцк, город в Белоруссии — 134.
- Смела, местечко на Правобережной Украине — 299, 301, 396.
- Смоленск, город — 154, 155, 158, 212, 214, 258, 299.
- Смоленская земля (Смоленщина) — 159, 212, 314.
- Соб, левый приток Буга — 44.
- Сож, левый приток Днепра — 336.
- Сокаль, город в Западной Украине — 42, 289.
- Соколий Байрак, урочище вблизи Полтавы — 307.
- Солоница, река и урочище под Лубнами — 96, 122, 141, 143, 144.
- Сороки, город и крепость на правом берегу Днестра — 176.
- Сосница, город на Левобережной Украине — 299.
- Сошники, село на Украине — 142.
- Средиземное море — 127.
- Среднее Поволжье — 332.
- Средняя Азия — 4.
- Средняя скала на Днепре (у Днепропетровска) — 162.
- Стайки, селение вблизи Киева — 201, 300.
- Стамбул (см. Константинополь) — 37, 72, 73, 83, 85, 86, 164, 172, 192.

- Старая Самара, слобода на Запорожье — 419.
- Старец, старое русло Днепра вблизи впадения в него Сулы — 243, 245, 246.
- Стародуб, город на Левобережной Украине — 154.
- Стародубский полк — 323, 324.
- Старокопчанский, город на Подолі — 273, 274, 276.
- Старый Кодак, местечко на Запорожье — 216, 337.
- Старый Млнв, местечко на Украине — 299.
- Стена, местечко на Брацлавщине — 289.
- Стрельца забора на Днепре — 52.
- Стрельчий порог на Днепре — 52.
- Стрипа, река в Западной Украине — 282, 283.
- Стырь, правый приток Припяти — 291.
- Суботов, селение под Чигирином — 255, 299.
- Сула, левый приток Днепра — 44, 96, 141, 239, 241, 242, 243.
- Сура, правый приток Днепра — 322, 334, 372.
- Сурский порог на Днепре — 52.
- Сухая Дубрава, урочище на Украине — 174.
- Сухая Ольшанка, урочище под Белой Церковью — 159.
- Сухостав, город в Западной Украине — 29.
- Сучава, город в северной Молдавии — 83, 293, 294.
- Табор, город, основан густами в Южной Чехии — 126.
- Таборище (Табурнище), село у местечка Крылова — 198.
- Таванский перевоз на Днепре — 82.
- Тавань, остров на Днепре — 53, 55, 68, 74, 100, 169, 170.
- Таволжанский порог на Днепре — 52.
- Таволжанское урочище на Днепре — 94.
- Тамбовский уезд — 331.
- Таража, селение в Западной Украине, имение Вишневецкого — 71.
- Тарноград, город в Западной Украине — 29.
- Тарнополь (Тернополь), город в Западной Украине — 166, 283.
- Теребовль, город на Подолі, на реке Гнезна — 133.
- Терек (казачья область) — 323.
- Терехтемиров, местечко на Днепре — 93, 162, 234, 247, 259.
- Тилгул, лиман Южного Буга — 422.
- Томаковка (он же Буцкий), остров на Днепре — 53, 55, 67, 68, 77, 95, 109, 259, 262, 265.
- Томаковка, правый приток Днепра — 53, 68.
- Тор, селение на Дону — 331.
- Торговицкий полк — 318.
- Тороки, местечко в Западной Украине — 31.
- Торский городок на Дону — 334.
- Трансильвания (Семиградье) — 162, 163.
- Трапезунд, город и крепость в Турции, на берегу Черного моря — 170, 171, 178, 187.
- Трехизбянский городок на Дону — 328.
- Трилесы, селение под Киевом — 158.
- Триполье, селение на Киевщине, в устье реки Стугны — 100, 101, 137, 139, 201, 300.
- Трубеж, левый приток Днепра — 44.
- Тула, город — 38, 82.
- Тульчин, местечко на Подолі — 273.
- Тунис, область, входившая в состав Османской империи, в Северной Африке — 127.
- Турция (Турецкая империя). См. Османская империя — 21, 36, 37, 40, 72, 73, 87, 127, 130, 133, 157, 163, 166, 167, 172, 186, 187, 192, 193, 211, 252, 257, 280, 281, 302, 312, 315, 316, 318, 319, 320, 322, 335, 339, 379, 421, 423.
- Тушинский лагерь под Москвой — 154.
- Тягинский перевоз на Днепре — 65.
- Тясмин, правый приток Днепра — 44, 49, 66.
- Углич, город на Волге — 152.
- Удой (Удай), правый приток Сулы — 96.
- Узень, река в Приднепровье — 160.
- Украина (Восточная, Западная, Северная) — 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 14, 15, 17, 20, 21, 22, 33, 38, 39, 41, 42, 43, 45, 46, 49, 69, 72, 87, 88, 90, 92, 93, 97, 98, 99, 100, 102, 103, 105, 106, 122, 127, 128, 131, 132, 134, 135, 137, 140, 142, 145, 146, 147, 148, 151, 152, 153, 155, 156, 157, 159, 161, 162, 165, 166, 172, 173, 174, 183, 190, 191, 194, 196, 197, 202, 203, 204, 205, 206, 209, 212, 214, 215, 219, 220, 222, 224, 225, 226, 227, 233, 234, 236, 237, 246, 247, 248, 250, 252,

- 253, 255, 256, 257, 258, 259, 261, 265, 266, 268, 270, 271, 272, 273, 274, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 286, 287, 288, 289, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 308, 309, 310, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 323, 324, 327, 328, 329, 330, 336, 339, 344, 351, 352, 354, 362, 388, 396, 410, 414, 415, 416, 420, 423.
- Уманский полк на Правобережной Украине — 318.
- Уманщина — 97, 397.
- Умань, местечко на Правобережной Украине — 273, 397, 398.
- Усть-Бузулуцкий городок на Дону — 329.
- Уход, река на Левобережной Украине — 96.
- Уяздов, замок под Варшавой, резиденция польских королей — 253.
- Фастов, город на Правобережной Украине — 101, 201, 291.
- Федосеевский городок на Дону — 329.
- Франция — 23, 162, 193.
- Харьковский уезд — 331.
- Хмельник, местечко в окрестностях Винницы, на реке Буг — 131.
- Холодный Яр, урочище возле Чигирина — 305, 396.
- Холопково, село на Украине — 313.
- Хопер, левый приток Дона — 321, 322, 329, 331, 334.
- Хоперские городки — 331.
- Хорол, река на Левобережной Украине — 237, 238.
- Хорошее, село в бывшем Лубенском полку — 395.
- Хортица (Большая и Малая), острова на Днестре — 53, 67, 68, 71, 72, 76, 77, 78, 95, 148, 161, 162, 202, 211, 259, 260, 262.
- Хортицкий замок на острове Малая Хортица, на Днестре — 79, 81.
- Хотин, город и крепость на Днестре — 83, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 183, 184, 185, 186, 187, 194, 195, 197, 203.
- Царгород, местечко на Брацлавщине — 289.
- Царичанка, местечко на Левобережной Украине — 326.
- Царьгород, Царьград (Константинополь, Стамбул), город — 84, 85.
- Цеглинка, слобода на Запорожье — 358, 359, 373.
- Цепора, село над Прутом, в окрестностях города Яссы, — 163, 172, 173.
- Цыбульник, правый приток Днестра — 198.
- Чарнава, местечко на Правобережной Украине — 136.
- Чарторый, остров на Днестре, у Киева — 241.
- Черемисское местечко, предместье города Бара — 133.
- Черкасск, город на Дону — 329, 331, 332, 333, 334.
- Черкасский полк (Правобережная Украина) — 247, 318.
- Черкасское староство — 61, 62, 63, 64, 71, 72, 73, 74, 209, 223, 247.
- Черкассы, город на Правобережной Украине — 31, 45, 50, 51, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 64, 65, 66, 67, 71, 74, 79, 81, 83, 93, 94, 105, 106, 122, 134, 137, 149, 156, 158, 197, 198, 205, 209, 224, 231, 232, 266, 267, 396.
- Чернигов, город на Левобережной Украине — 94, 212, 312.
- Чернигово-Северский край — 152, 153, 159.
- Черниговский полк на Левобережной Украине — 324.
- Черниговское воеводство — 286.
- Черниговщина — 152.
- Черное море — 37, 38, 53, 54, 128, 167, 168, 169, 170, 186, 281, 421.
- Черный Яр, на Волге, ниже Царицына — 416, 417.
- Черняховская Дубрава, урочище вблизи Канева — 212, 213.
- Чертомлык (Базавлук), правый приток Днестра, на Запорожье — 53, 109, 128, 262.
- Чехия — 126, 162, 163.
- Чигирин-Дубрава, урочище и перевоз на Днестре — 237.
- Чигирин, местечко на Правобережной Украине — 57, 197, 225, 226, 227, 228, 230, 234, 235, 237, 239, 242, 257, 258, 260, 266, 267, 268, 273, 274, 278, 281, 288, 295, 305, 316, 319.
- Чигиринский полк (Правобережная Украина) — 247.
- Чигиринское староство на Правобережной Украине — 299.
- Чорная (Черная) Криница, урочище в Южном Поднепровье — 66.
- Чуднов, местечко на Правобережной Украине, на реке Тетерева — 309.
- Шаравка, местечко на Правобережной Украине — 32.

Швеция — 35, 162, 219, 278, 308, 314, 328.
Шептаковская сотня на Украине — 306.
Шульговка, слобода на Запорожье — 358, 359, 373.
Южная Киевщина — 324.
Южный Буг, река — 44, 197, 224.
Явор (Яворов), местечко на Правобережной Украине, на реке Шкло — 31.
Яик, казачья область — 8, 44, 323.
Яик, река, впоследствии Урал — 378, 418, 420, 421.
Ям Запольский, город — 95.
Ямпсль, город на Днестре, вблизи Могилева — 289.
Ярослав, город в Прикарпатье, на реке Сан — 31.
Яруга, местечко в Западной Подолии — 158.
Яссы, город, столица Молдавии — 132, 135, 163, 177.

ГОРОДСКАЯ
Детская Библиотека № 3

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3—22

Глава I

ПОЛОЖЕНИЕ УКРАИНСКОГО НАРОДА В XV — ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ XVI в. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА 23—63

Украинские земли под властью Литвы и Польши. Вовлечение феодального поместья и крестьянского хозяйства в товарно-денежные отношения. Усиление эксплуатации и закрепощения крестьянства. Украинский город, ремесло и торговля в конце XV — первой половине XVI в. Положение украинского мещанства. Феодальная анархия в Литве и Польше. Агрессия Крымского ханства и султанской Турции. Усиление борьбы крестьянства и мещанства против феодально-крепостнического и чужеземного гнета. Восстание 1490 г. под руководством Мухи.

Бегство крестьян как форма борьбы против социального и национального гнета. Колонизация беглыми южных украинских степей. Возникновение казачества. Первые известия о казаках в Подолии и на Киевщине. Значение хозяйственного освоения земель казаками. Социальное расслоение в среде казачества. Казачье самоуправление.

Борьба феодалов с казачеством. Захват казачьих земель феодалами. Колонизация казачеством южного Поднепровья в начале XVI в. Казаки в Каневском и Черкасском старостах. Освоение казаками земель за днепровскими порогами. Земледелие, скотоводство и промыслы во вновь освоенных землях.

Наступление правительственных властей и феодалов на казаков Каневского и Черкасского староств. Рост недовольства в среде казачества. Восстание 1536 г. в Каневе и Черкассах и его значение для дальнейшей колонизации Запорожья.

Глава II

ОБРАЗОВАНИЕ ЗАПОРОЖСКОЙ СЕЧИ 64—99

Вторжение феодалов на Запорожье в начале XVI в. Набеги татар и турок. Ответные действия запорожцев. Строительство казаками укреплений — «городцов» на Низу. Образование Запорожской Сечи на Томаковке. Попытки правительственных властей и феодалов

захватить Запорожье. Князь Дм. Вишневецкий и сооружение крепости на Малой Хортице Вишневецкий и запорожцы. Дума о Байде.

Люблинская Уния 1569 г. и усиление наступления панов против украинского народа. Роль Запорожья в этот период. Правительственный проект от 1524 г. об учреждении реестрового казачьего войска. Сбразование реестра в 1572 г. Казачьи отряды у магнатов. Стефан Баторий и его попытки уничтожить Сечь. Реформа реестра в 1578 г. Война против России и попытки на вербовать войско из запорожцев. Окончание войны и усиление гнета на Украине. Рост борьбы народных масс против социального и национального гнета. Постановление правительства от 1590 г. о низовых казаках.

Глава III

ВОССТАНИЕ 1591—1593 гг. ПОД РУКОВОДСТВОМ КРЫШТОФА КОСИНСКОГО. РАЗРУШЕНИЕ ТОМАКОВСКОЙ СЕЧИ . 100—108

Начало восстания и захват казаками Белой Церкви. Рост восстания. Заключение перемирия с панами. Новый подъем восстания летом 1592 г. и осада Киева повстанцами. Массовое показанье сельского и городского населения.

Разногласия на варшавском сейме 1592 г. по вопросу о казачестве. Мобилизация войска киевским воеводой. Бой под Пяткой. Договор от 10 февраля 1593 г. Сношения Косинского с Россией.

Новое выступление запорожцев летом 1593 г. Осада Черкас казаками и рост восстания. Злодейское убийство Косинского панам. Договор от августа 1593 г. Поход повстанцев на Киев. Нападение татар на Томаковскую Сечь и ее разрушение. Отступление казаков из-под Киева. Значение восстания 1591—1593 гг.

Глава IV

СЕЧЬ НА БАЗАВЛУКЕ. ОРГАНИЗАЦИЯ И БЫТ КАЗАЧЕСТВА. ВОЕННОЕ ДЕЛО 109—126

Основание запорожцами Сечи на Базавлуке (Чертомлыке). Сечевые укрепления. Социальное расслоение в среде запорожского казачества. Вооружение и быт запорожцев. Вступление в казаки. Связи запорожцев с донцами.

Отбывание военной службы богатым и бедным казачеством. Старшина. Войсковая рада. Старшинская сходка. Суд. Классовая борьба на Запорожье. Основные черты общественно-политической организации запорожского казачества.

Военное дело на Запорожье. Современники о военном искусстве запорожцев. О культуре на Запорожье в XVI в.

Глава V

ЗАПОРОЖСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ВОССТАНИИ 1594—1596 гг. 127—146

Усиление социального и национального гнета на Украине после подавления восстания 1591—1593 гг. Бегство населения на Запорожье. Прибытие в Сечь посланца австрийского императора Э. Лясоты. Социальные противоречия в среде казачества.

Восстание на Брацлавщине под руководством С. Наливайко. Посланцы Наливайко в Сечи. Выступление запорожцев на помощь повстанцам. Тактика старшины. Поход польских магнатов в Молдавию. Рост восстания. Казачье войско в Белоруссии. Военные действия в Южном Поднепровье.

Возвращение панского войска из Молдавии. Бой у Мацеёричей и отступление казаков к Белой Церкви. Объединение повстанческих войск у Белой Церкви. Массовое показаченье крестьянства и мешанства. Бои под Белой Церковью. Отступление казаков к Триполью и Переяславу.

Казачий лагерь под Лубнами. Намерение повстанцев перейти в Россию. Бой под Лубнами. Потери панов и повстанцев. Измена Лободы и его казнь. Действия запорожцев в тылу панского войска. Предательство старшины и выдача панам Наливайко. Расправа панов с казаками. Сейм в Варшаве и принятые им меры против украинского населения, казачества. Казнь Наливайко. Значение восстания.

Глава VI

ЗАПОРОЖСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ПЕРИОД ИНТЕРВЕНЦИИ ПОЛЬСКИХ И ЛИТОВСКИХ ПАНОВ В РОССИИ 147—164

Брестская Уния 1596 г. Выступление запорожцев под предводительством Полоуса. Вмешательство панов в дела Придунайских княжеств и попытки увеличить реестр.

Подготовка панам и Ватиканом интервенции в России в начале XVII в. Ход военных действий. Восстание 1606—1607 г. под руководством Болотникова. Массовое показаченье населения в России и на Украине. Поражение интервенции.

Рост классовой борьбы на Украине. Поход запорожцев на Брацлавщину. Меры сейма 1613 г. против казаков. Переговоры панов с реестровой старшиной. Польские гарнизоны в Приднепровье.

Поход панов в 1615 г. в Молдавию и новый рост показаченья населения в Восточной Украине. Сеймовые постановления против казаков. Подготовка польского правительства к войне против России. Деулинское перемирие и возобновление наступления панов на украинский народ. Переговоры панов с реестровой старшиной. Меры правительства против Запорожской Сечи.

Рост недовольства народных масс. Гетман Бородавка. Битва под Цецорой. Разгром польского коронного войска.

Глава VII

БОРЬБА ЗАПОРОЖСКОГО КАЗАЧЕСТВА С ТУРЕЦКИМИ И ТАТАРСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В XVI—XVII вв. ХОТИНСКАЯ ВОЙНА 1621 г. 165—193

Набеги турок и татар и опустошение украинских земель. Сухопутные и морские походы запорожцев на Крым и Турцию. Взятие Варны запорожцами в 1604 г. Запорожцы у Константинополя. Современники о мужестве и военном искусстве запорожцев.

Подготовка султанской Турцией войны против Польши. Захватнические устремления турецких феодалов. Планы польского правительства об увеличении реестрового войска. Классовая борьба на Украине. Сагайдачный и Бородавка. Рада в Сухой Дубраве.

Поход турецкой армии. Первые сражения казаков с турками. Польский лагерь у Хотина. Казнь Бородавки. Турецкая армия у

Хотина. Бой под Хотинном. Казаки, обозная челядь и шляхта. Военные действия запорожцев. Поражение турок и заключение мира. Роль украинского казачества в Хотинской войне.

Ослабление Османской империи. Совместные походы запорожцев и донцов па турецкие владения. Сочувствие местного населения казакам. Взятие Азова донцами и запорожцами в 1637 г. «Азовское сиденье». Иностранцы о значении сухопутных и морских походов запорожцев и донцов.

Глава VIII

ЗАПОРОЖСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ВОССТАНИЯХ 1625, 1630—1631 гг. ВЗЯТИЕ КОДАКА ЗАПОРОЖЦАМИ в 1635 г. 194—221

Меры польского правительства по борьбе с показавшимся населением после Хотинской войны. Поход панского войска на Украину. Казачий лагерь у Таборища и Курукова озера. Куруковский договор в ноябре 1625 г. Поход реестрового войска на запорожцев. Усиление бегства населения на Запорожье.

Расквартирование кварцяного войска в Восточной Украине. Выступление запорожцев под предводительством Тараса Федоровича. Показаченье населения. Поход польского войска на Украину. Бой под Переяславом. «Тарасова ніч». Потери панского войска. Противоречия в среде казачества. Уход запорожцев из-под Переяслава. Переяславский договор. Новое выступление запорожцев. Поход реестрового войска на Запорожье.

Смоленская война 1632—1634 гг. Попытки польского правительства на вербовать казачье войско на Украине. Вторжение польского войска в Россию. Уход казаков из-под Путивля и Севска. Поляновский мир 1634 г.

Усиление гнета на Украине после заключения Поляновского мира. Меры правительства против запорожцев. Постройка Кодацкой крепости. Взятие Кодака запорожцами.

Глава IX

ЗАПОРОЖСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ВОССТАНИИ 1637—1638 гг. 222—249

Рост социального и национального гнета на Украине. Стремление магнатов к уничтожению реестрового войска. Уход части реестровцев во главе с Павлюком на Запорожье. Рада на Росаве и «чистка» реестра.

Выступление запорожцев на Украину в августе 1637 г. Поход отрядов К. Скидана и С. Быховца на Заднепровье. Рост освободительного движения. Поход панского войска к Белой Церкви. Массовое показаченье населения. Универсалы Скидана. Предательство реестровой старшины.

Лагерь повстанцев у м. Мошны. Прибытие запорожцев. Бой под Кумейками. Отступление казаков. Бой под Боровницей. Подавление восстания. Бегство населения на Запорожье.

Поход панского войска под начальством Мелецкого на Запорожье и его поражение. Выступление запорожцев на Украину в марте 1638 г. Универсалы Я. Остриянина. Бой под Голтвой. Бой под Лубнами. Потери сторон. Движение казаков к Миргороду. Бой у Слєпорода. Отступление части казаков с Остриянином к Жовнину и их переход в Россию.

Казачий лагерь у Жовнина. Дмитрий Гуня. Переправа казаков через Сулу. Бой у Старца. Героизм казаков. Разногласия в казачьем

лагере. Старичий договор. Предательство панов. «Киевская рада». Правительственные постановления о реестре. «Комиссия» у Маслового Става. Восстановление Коцацкой крепости летом 1639 г.

Глава X

ЗАПОРОЖСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЕ 1648—1654 гг. 250—297

«Золотой покой» на Украине. Усиление социального и национального гнета. Новый подъем классовой борьбы. Противоречия в среде господствующих кругов Польши. Стремление правительства увеличить реестр. Противодействие магнатов правительству. Позиция реестровой старшины. Богдан Хмельницкий. Подготовка выступления против панской Польши. «Совещание в роже».

Бегство Богдана Хмельницкого и его сторонников на Запорожье. Подготовка восстания. Строительство укреплений. Разгром запорожцами правительственного гарнизона. Восстание на Запорожье — начало освободительной войны украинского народа. Сосредоточение повстанцев на Запорожье. Переговоры с Крымом.

Рада в Сечи. Избрание Хмельницкого гетманом. Поход запорожского войска во главе с Хмельницким на Украину. Переход реестровых казаков на сторону запорожцев. Разгром польского авангарда у Желтых Вод. Поражение польского войска под Корсунем. Значение первых побед для дальнейшего развития освободительной войны.

Общенародное движение на Украине. Массовое показаченье украинского населения. Стремление польского правительства заключить мир. Летнее перемирие 1648 г. Письмо Хмельницкого от 8 июня царю. Освободительное движение на Правобережье. Максим Кривонос. Сейм 1648 г. Провокации магнатов. Бой под Пилявцами и разгром панского войска. Поход казаков в Западную Украину. Осада Львова. Элекционный сейм. Перемирие под Замостьем осенью 1648 г.

Вступление казацкого войска в Киев. Посольство С. Мужилковского в Москву. Экономическая, военная и дипломатическая помощь России Украине. Попытки польского правительства внести раскол в освободительное движение украинского народа. Переяславские переговоры 1649 г. Миссия Смярвского.

Подготовка польского правительства к возобновлению войны. Выступление казацкого войска. Показаченье населения. Осада Збаража. Битва под Зборовом и поражение панского войска. Зборовский договор 1649 г.

Недовольство масс Зборовским договором. Восстания крестьян и казаков. Выступление запорожцев против крепостнической политики старшины. Меры по укреплению военно-административного аппарата.

Подготовка магнатами нового наступления на Украину. Вторжение панского войска на Брацлавщину в январе 1651 г. Поход польского войска к Берестечку. Восстание польского крестьянства в 1651 г. Битва под Берестечком в июне 1651 г. Измена татар. Поражение казацкого войска. Выход казаков из окружения. Поход панского войска в Приднепровье. Новый подъем освободительного движения. Белоцерковский трактат 1651 г.

Усиление классовой борьбы на Украине. Угроза Украине со стороны молдавских бояр. Поход казацкого войска в Молдавию. Битва под Батогом в мае 1652 г. и разгром коронного войска. Победа королевских группировки в Польше. Планы польского правительства о покорении Украины. События под Жванцем.

Земский Собор 1 октября 1653 г. в Москве и принятие Украины под власть России. Возвращение казацкого войска в Приднепровье. Письмо Хмельницкого запорожцам и их ответ. Переяславская рада. Воссоединение Украины с Россией.

Глава XI

ЗАПОРОЖСКОЕ КАЗАЧЕСТВО ПОСЛЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ 1648—1654 гг. 298—320

Положение украинского крестьянства, казачества и мещанства после воссоединения Украины с Россией. Стремление казацкой старшины и украинской шляхты к восстановлению и укреплению крепостнических порядков. Позиция царского правительства в крестьянском вопросе на Украине.

Наступление казацкой старшины и украинского шляхетства против крестьянства и казачества. Гетманство И. Выговского. Запорожская Сечь и антифеодалная борьба народных масс. Меры Выговского против запорожцев. Восстание 1658 г. на Левобережье. Помощь запорожцев повстанцам. Бои под Полтавой летом 1658 г. Измена Выговского. Дальнейший ход восстания. Провозглашение гетманом Ю. Хмельницкого.

Вторжение польского войска на Украину. Нападение татар на Запорожье. Измена Ю. Хмельницкого. Царский гарнизон на Запорожье. Черная рада в Нежине в 1663 г. Гетманство И. Брюховецкого. Выступление запорожцев на помощь населению Правобережья. Усиление крепостнического и национального гнета на Украине. Бегство на Запорожье. Выступление сечевиков против царского гарнизона на Запорожье.

Восстание 1668 г. на Левобережье. Нападение запорожцев на Крым. И. Сирко. Поход П. Дорошенко на Левобережье. Гетманство Д. Многогрешного. Восстание 1667—1671 гг. на Дону под руководством Ст. Разина и запорожцы. Вторжение турецкого войска в Подолью. Гетманство И. Самойловича. Чигиринские походы. Походы запорожцев на Крым и Турцию.

Глава XII

УЧАСТИЕ ЗАПОРОЖСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ВОССТАНИИ 1707—1708 гг. ПОД РУКОВОДСТВОМ К. БУЛАВИНА. УНИЧТОЖЕНИЕ СТАРОЙ, БАЗАВЛУЦКОЙ, ИЛИ ЧЕРТОМЛЫЦКОЙ, СЕЧИ 321—340

Усиление феодально-крепостнического и национального гнета в конце XVII и первой четверти XVIII в. Наступление царского правительства и помещиков на казачество. Экспедиция кн. Ю. Долгорукого на Дон. Злодеяния карателей на Дону.

Гетманство Мазепы и усиление закрепощения украинского крестьянства и казачества. Рост угнетения на Правобережье. Бегство населения на Запорожье. Восстание в 1692 и 1693 гг. на Запорожье под руководством Петрика. Разгром восстания. Попытки Мазепы уничтожить Запорожскую Сечь. Строительство правительством крепостей на Запорожье. Действия Мазепы против запорожцев.

Восстание на Дону в октябре 1707 г. во главе с К. Булавиным. Разгром войска кн. Ю. Долгорукого. Уход части донцов с Булавиным на Запорожье. Рада в Сечи. Присоединение запорожской серомы

к восставшим донцам. Универсалы К. Булавина. Поход восставших донцов и запорожцев из Запорожья на Дон. Рост восстания. Карательная экспедиция царских войск против повстанцев. Прибытие новых отрядов запорожцев на помощь повстанцам. Поражение восстания. Уход повстанцев на Запорожье.

Вторжение шведских войск на Левобережье осенью 1708 г. Измена Мазепы. Борьба украинского народа против захватчиков. Кошевой атаман Гордиенко и Мазепа. Измена Гордиенко. Восстание в Сечи и низложение Гордиенко. Переход запорожской старшины на сторону Мазепы. Взятие и разрушение Старой Сечи царскими войсками. Репрессии против запорожцев.

Запорожцы на территории Крымского ханства. Угнетение запорожцев татарскими феодалами. Возвращение запорожцев в Россию. Основание Новой Сечи на р. Подпольной в 1734 г.

Глава XIII

ЗАПОРОЖЬЕ В ПЕРИОД НОВОЙ СЕЧИ 341—380

Административно-территориальное деление Запорожья. Паланковая старшина. Войсковая рада. Сечь. Сечевые курени. Прием в курень. Куренные атаманы. Бегство на Запорожье. Войсковая администрация. Суд. Старшина.

Запорожский зимовник. Связь зимовничанского хозяйства с рынком. Вывоз сельскохозяйственных и др. продуктов за пределы Запорожья. Наемный труд в зимовничанском хозяйстве. Земледелие и скотоводство в запорожских слободах. Песполитые, подсуседки и монастырские крестьяне на Запорожье.

Рыболовство на Запорожье. Организация рыбного промысла. Чумачество. Организация чумацкой валки. Наем в рыболовстве и чумацком деле. Ремесло. Наем в ремесле. Торговля. Экономические связи Запорожья с центральными областями страны. Ростовщичество.

Быт старшины, богатого и бедного казачества. Положение казаков в сечевом гарнизоне. Наймиты в зимовниках. Положение военных наймитов. Современники о запорожской сероме. Участие запорожского войска в русско-турецкой войне 1763—1774 гг.

Глава XIV

КЛАССОВАЯ БОРЬБА НА ЗАПОРОЖЬЕ. РАЗРУШЕНИЕ НОВОЙ СЕЧИ 381—423

Выступление казацкой серомы в январе 1749 г. Волнения в Калмиусской паланке в марте 1754 г. и в Великом Луге в октябре 1764 г. Волнения 1761 г. в Кодацкой паланке.

Гайдамацкое движение на Запорожье в период Новой Сечи. Организация гайдамацких отрядов. Гайдамацкие станы. Нападения гайдамаков на запорожских богачей. Борьба запорожских властей с гайдамацкими отрядами. Отношение к гайдамакам разных слоев запорожского населения.

Участие запорожских казаков в Колиевщине. Максим Зализняк. Воззвание колиев к польскому крестьянству. Взятие Умани и рост восстания. Поражение Колиевщины и уход повстанцев на Запорожье.

Усиление классовой борьбы на Запорожье осенью 1768 г. Борьба сечевых властей с гайдамаками. Социальный состав карательных команд. Восстание в Сечи в декабре 1768 г. Роль казацкой серомы

в восстании. Поражение восстания. Репрессии властей по отношению к участникам восстания.

Волнения в Корсунском курене в декабре 1769 г. Положение серомы во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Уклонение казацкой серомы от воинской службы. Выступление казаков команды А. Порохни в январе 1771 г.

Крестьянское восстание 1773—1775 гг. под руководством Е. Пугачева в России и показаченье народных масс. Влияние восстания 1773—1775 гг. на народные массы Украины. Участие запорожских казаков в повстанческом войске. Обострение классовой борьбы в среде запорожского казачества. Выступление Первой запорожской команды на фронте в январе 1774 г. Нападения запорожских гайдамаков на царские войска, следовавшие в Россию для борьбы против повстанцев. Подавление восстания 1773—1775 гг. царским правительством и расправа с народными низами. Политика царизма по отношению к казачеству. Разрушение Новой Сечи царскими войсками. Место запорожского казачества в истории украинского народа.

<i>Именной указатель</i>	424—441
<i>Географический указатель</i>	442—454
Содержание	455—462

ГОРОДСКАЯ
Детская Библиотека № 3

10785

Редактор *Л. Некрасова*

Оформление художника *Н. Брякуна*

Технический редактор *О. Левченко*

Корректор *Т. Кондель*

Сдано на производство 7/IX 1956 г. Подписано к печати 26/II 1957 г. Формат 60×92¹/₁₆.
Физ.-печ. лист. 29 + 2 вкл. (3/4 сеч. л.). Усл.-печ. лист. 29,75. Учетно-изд. лист.
35,2 + 2 вкл. Тираж 10 000. БФ 02080. Зак. 726. Цена в переплете 10 руб. 10 коп.

Государственное издательство политической литературы УССР, Киев, Владимирская, 42.

Книжно-журнальная фабрика Главиздата Министерства культуры УССР,
Киев, ул. Воровского, 24.